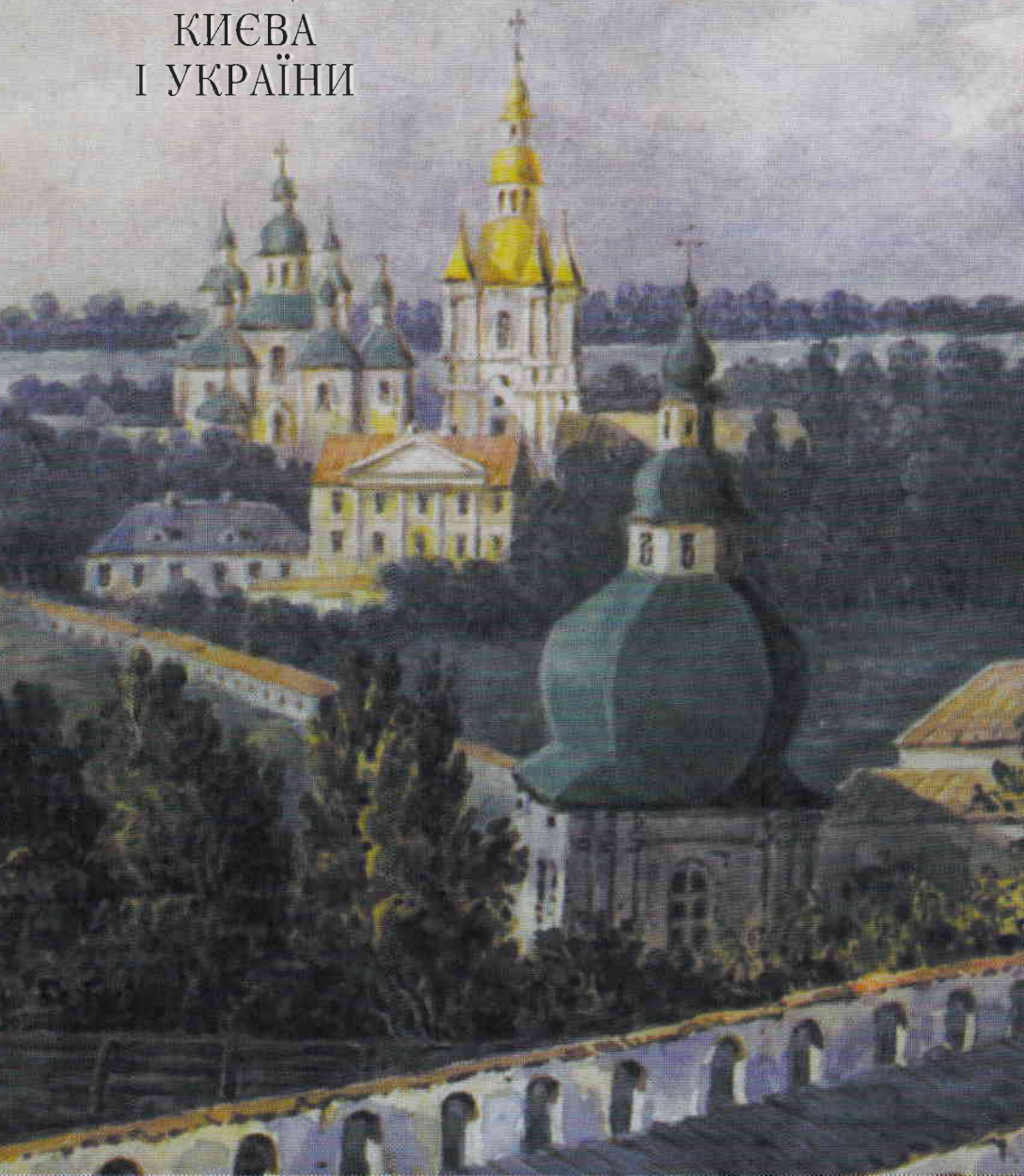

М. О. Максимович

**ВИБРАНІ
ТВОРИ**
З ІСТОРІЇ
КИЇВСЬКОЇ
РУСИ,
КИЄВА
І УКРАЇНИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М. А. МАКСИМОВИЧА.

ТОМЪ I.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М. А. МАКСИМОВИЧА.

ТОМЪ II.

ОТДѢЛЫ: ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ, АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

М. А. МАКСИМОВИЧА.

ТОМЪ III.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ.

КІЕВЪ.

въ на большой Падкирской ул., въ собственномъ домѣ.

1877.

КІЕВЪ.

Типографія арца. Е. П. Кривого, Большая Владимирская домъ № 22.

1880.

СБОРНИКЪ

УКРАИНСКИХЪ ПѢСЕНЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

МИХАЙЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕ

НАЧАТКИ

РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

СОЧИНЕНІЕ

МИХАЙЛА МАКСИМОВИЧА.

ИСТОРІЯ

ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ

СЛОВЕСНОСТИ.

сочиненіе

МИХАИЛА МАКСИМОВИЧА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи.
1839.

УКРАИНСКІЯ

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

ИЗДАНЫЯ

МИХАИЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА I. Украинскія Дули.

КНИГА II. Пѣсни Козацкія былевья.

КНИГА III. Пѣсни Козацкія бистовья.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.
1834.

М. О. МАКСИМОВИЧ

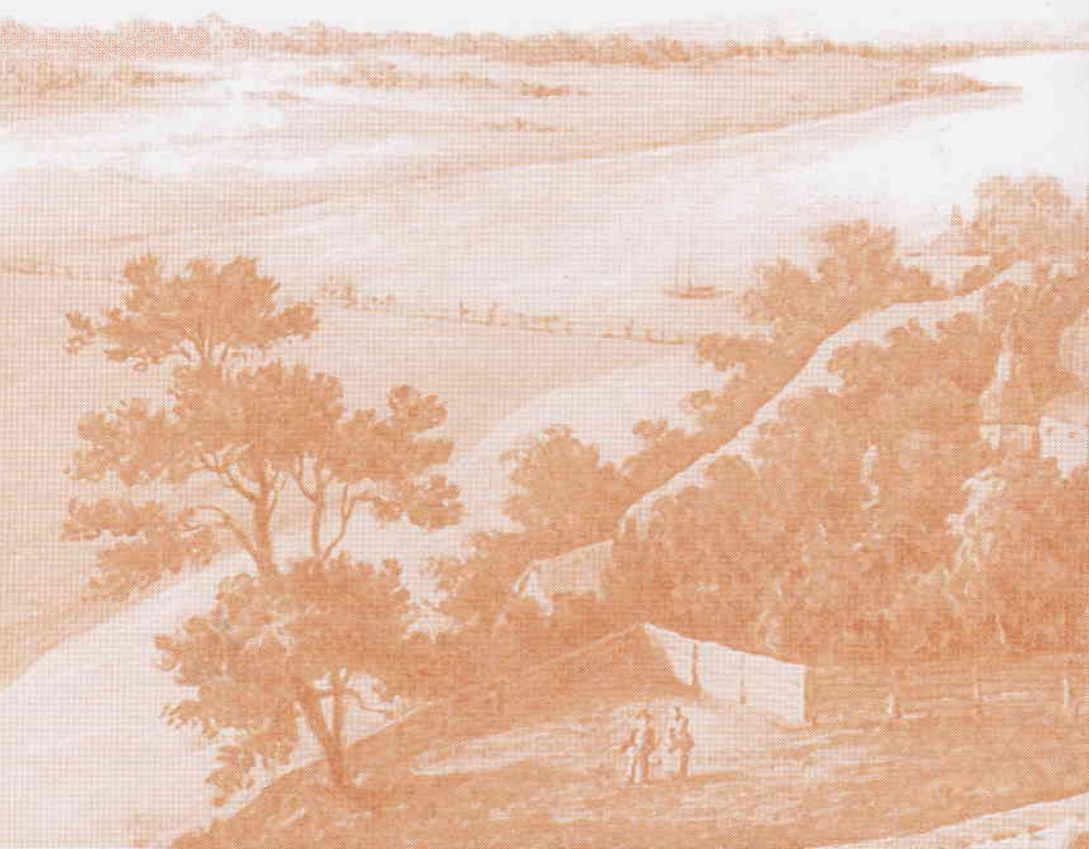
**ВИБРАНІ
ТВОРИ**
з історії
Київської
Русі,
Києва
і України

Наступило, кажется, время,
когда познают истинную
цену народности.

М. А. Максимович

М. О. Максимович

ВИБРАНІ ТВОРИ З ІСТОРІЇ КИЇВСЬКОЇ РУСИ, КИЄВА і УКРАЇНИ

Київ
«Вища школа»
2004

УДК 94(477)(08)

ББК 63.3(4Укр)г Максимович М. О.
М17

Укладання, коротка біографія та коментарі професора *П. Г. Маркова*

Рецензент — кандидат історичних і доктор філософських наук, професор *Ю. С. Вилков*
(Національна академія служби безпеки України)

Редактор *Н. В. Леонова*

В книгу вошли произведения выдающегося ученого М. А. Максимовича, которые отражают его многогранные научные интересы в области отечественной истории, филологии, народного творчества и этнографии.

Для историков, филологов, широкого круга читателей.

Максимович М. О.

М17 Вибрані твори з історії Київської Русі, Києва і України / Уклад., коротка біограф. та комент. П. Г. Маркова. — К.: Вища шк., 2004. — 503 с.: іл. — Рос.

ISBN 966-642-142-9

До книги увійшли твори видатного вченого М. О. Максимовича, що відображають його багатогранні наукові інтереси в галузі вітчизняної історії, філології, народної творчості та етнографії.

Для істориків, філологів, широкого кола читачів.

УДК 94(477)(08)

ББК 63.3(4Укр)г Максимович М. О.

ISBN 966-642-142-9

© Уклад., коротка біограф. та комент., П. Г. Марков, 2004

МАКСИМОВИЧ
Михайло
Олександрович

М. А. Максимович был в полном смысле слова патриархом нашей науки в нашем университете, в нашем краю.

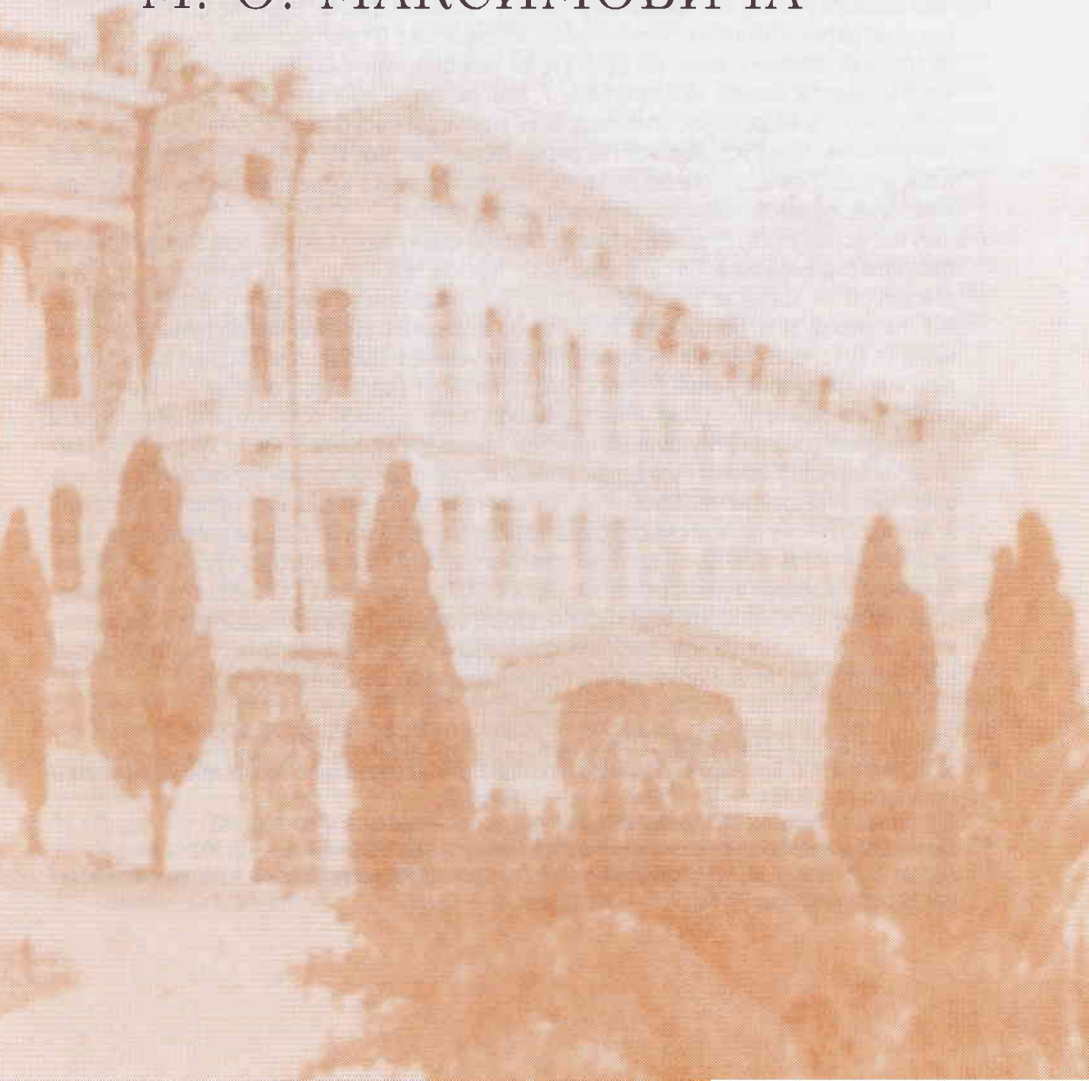
А. М. Лобода

Історичний
нарис

Величність ПОДВИГУ

КОРОТКА
БІОГРАФІЯ
М. О. МАКСИМОВИЧА

Величие подвига Краткая биография М. А. Максимовича (Исторический очерк)

В ком добра нет,
в том правды мало.

М. А. Максимович

В истории народов всегда особо почитают деятелей культуры первой величины. Они как маяки, ориентируясь на свет которых, интеллектуальные силы наций поднимают паруса своей культуры. К числу таких гигантов-маяков украинской нации по праву принадлежит первый ректор Киевского университета, ученый-энциклопедист Михаил Александрович Максимович.

Научный диапазон ученого был чрезвычайно широк — ботаника, физика, зоология, филология, история, этнография, археология, славяноведение, журналистика. Он знал несколько языков, в том числе польский, церковнославянский, французский, немецкий, латинский. В студенческие годы увлекался медициной, химией, математикой. М. А. Максимович — один из первых ученых Украины демократического направления, основоположник украинской этнографии, источниковедения, историографии как науки, исторической географии, фольклористики. Он был исследователем городов и сел, фундатором археологического музея, издателем первых в Киеве гражданских историко-литературных журналов, талантливым переводчиком и поэтом.

Ученому посчастливилось при жизни услышать высокую оценку своей деятельности большинства выдающихся современников: Т. Г. Шевченко, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, В. Ф. Одоевского и многих других. С восхищением вспоминали о нем А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов. И. Я. Франко называл его выдающимся деятелем украинской науки¹, а Н. Г. Чернышевский — «замечательным ученым и мыслителем»². О нем высоко отзывались прогрессивные ученые России и Запада. Так, М. П. Драгоманов, отмечая заслуги ученого перед украинской наукой, писал: «Некогда Пушкин сказал о Ломоносове, что он сам был первым русским университетом. Неутомимый труженик на кафедре в Киеве и потом на хуторе, М. А. Максимович был для Киевской Руси целым ученым историко-философским учреждением и вместе с тем живым народным человеком»³. А. Н. Пыпин считал его наивысшим авторитетом в науке⁴, А. М. Лобода — «в полном смысле слова патриархом нашей науки в нашем университете, в нашем краю»⁵. Из высказываний деятелей советского времени вспоминаются замечательные слова ученых Московского университета, писавших в 1927 г. в адрес АН СССР: «Московский университет неизменно чтит память Максимовича, своего воспитанника и преподавателя, естествознателя и филолога, ученого и общественника, философа и поэта. Разносторонность интересов, знаний и работ ставят М. А. Максимовича в ряд универсальных мыслителей Европы».

¹ Франко І. Я. До М. П. Драгоманова // Вибр. твори: У 20 т. — К., 1956. — Т. 20. — С. 270.

² Чернышевский Н. Г. Биографический словарь преподавателей и профессоров Московского университета // Полн. собр. соч.: В 16 т. — М., 1949. — Т. 2. — С. 667, 677.

³ Драгоманов М. Некролог М. Максимовича // Вестн. Европы. — 1974. — № 6. — С. 453.

⁴ Пыпин А. Малорусско-галицкие отношения // Зб. історична. — К., 1893. — Т. 1. — С. 402.

⁵ Лобода А. М. Заслуги М. А. Максимовича в області языка і словесности // Читання в Историческом обществе Нестора-летописца. — К., 1905. — Кн. 18, вып. 4. — С. 117.

Величие М. А. Максимовича как прогрессивного мыслителя и ученого состоит еще и в том, что его дарование раскрылось в неблагоприятных общественно-политических условиях, требовавших огромных интеллектуальных, физических и нравственных сил. Соединение всех этих качеств в одной личности, которая проявляла их с должной социальной активностью, — уже само по себе было чудом. Н. И. Петров, известный ученый из Костромы, посвятивший свое творчество Украине, справедливо писал: «Это маститый ученый в лучшем смысле слова, притом действовавший в такое время, когда при всей специальности его работ они далеко не имели благоприятных условий»¹.

Наследие М. А. Максимовича в равной степени принадлежит не только украинской и русской, но и мировой духовной культуре. С энергией, достойной восхищения, он до последнего дыхания служил своему народу. По убеждению ученого, науки следует распространять на родном языке, он завещал «переплавить их в горниле разума и отлить в такие формы, которые отвечали бы потребностям и духу народа»². Не случайно все его труды проникнуты горячей верой в гений народа, в его счастливое будущее.

В сентябре 2004 года исполняется 200 лет со дня рождения М. А. Максимовича. Этой дате и посвящается данное собрание его исторических трудов.

* * *

Михаил Александрович Максимович родился 3 (15) сентября 1804 г. на хуторе Тимковщина около Золотоноши Полтавской губернии, в доме своей бабки Анны Савишны Тимковской.

Он был одним из выдающихся наследников двух поистине могучих родов: Максимовичей и Тимковских. Тобольский митрополит Иван Максимович издал в Рижской типографии Л. Бланкенштейна в нескольких экземплярах книгу «Сборник сведений о роде Максимовичей», на титульном листе которой начертано: «Составил И. Максимович исключительно для своей семьи, друзей и добрых знакомых, не предназначая такого для продажи». Сведения о роде Максимовичей прослеживаются в исторических источниках до начала XVII в. О нем можно прочитать в книге Милорадовича «Родословная рода Максимовичей-Васильковских», в многочисленных воспоминаниях самого М. А. Максимовича. Легендарный пращур этого рода казак Максим Печерский, прозванный Васильковским (1625—1698), отправил в большую жизнь семерых сыновей, занимавших в казацком войске ответственные посты: от казначая до полковника и генерального есаула. Большинство из них принимали активное участие в событиях конца XVII — начала XVIII в. Один из сыновей Максима Печерского — Иван Максимович — был дедом М. А. Максимовича.

В 1803 г. сын Ивана Максимовича — Александр в возрасте 19 лет получил должность коллежского регистратора. В том же году он женился на Гликерии Федоровне Тимковской (матери М. А. Максимовича), жившей на хуторе Згарь, и поселился в маленьком отцовском имении на хуторе Староселье недалеко от Переяслава³. С 1815 г. служил на Шосткинском пороховом заводе, выполняя, наряду с физическими, механическими и гидравлическими работами обязанности архитектора⁴. Выйдя в отставку чиновником девятого класса, в 1835 г. он с семьей поселился в опустевшем доме своего отца. Занимался народной медициной, собирал лечебные травы и составлял лекарства по народным рецептам. Впоследствии его любовь к природе и коллекционированию передалась сыну, ставшему выдающимся ботаником и естествоиспытателем.

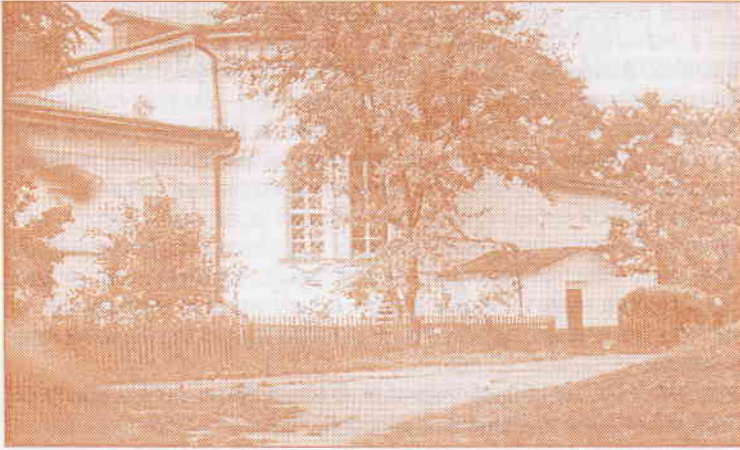
Не менее знаменита и родословная Тимковских (предков матери М. А. Максимовича). Основателем этого рода был казак бубновской сотни Тимофей Антонович Тимко — выходец из Заднепровской Украины. Многие представители рода Тимковских участвовали в крупных исторических сражениях с турками. Один из многочисленных внуков Тимофея Антоновича — Федор Назарович (дед

1 Петров Н. И. Очерки истории украинской литературы. — М., 1884. — С. 180.

2 Максимович М. А. Речь об участии Московского университета в просвещении России. — М., 1830. — С. 120.

3 Максимович М. А. Бубновская сотня // Собр. соч.: В. 3 т. — К., 1876. — Т. 1. — С. 815.

4 Там же. — С. 815—816.

**Благо-
вещенский
монастырь,
в котором
прошли
первые
ученические
годы
М. А. Макси-
мовича**

- М. А. Максимовича) — родился в 1739 г. в Переяславе, где закончил гимназию. Последующие годы он прожил в Переяславской сотне. Дослужившись до полкового есаула, в 1770 г. он женился и на деньги жены купил уже упомянутый хутор Згарь, который с тех пор стал называться Тимковщиной. Через несколько лет Федор Назарович получил дворянское звание коллежского асессора и должность заведующего делами князя А. А. Безбородко.
- После смерти Ф. Н. Тимко в 1890 г. старшим в семье стал его брат Иван. Он отправил на учебу в Москву пятерых сыновей Федора Назаровича, выдал замуж дочерей. А исполнив свой долг перед родственниками, навсегда простился с Тимковщиной и удалился послушником в Киево-Печерскую лавру. Все сыновья Ф. Н. Тимко получили хорошее образование. Большинство из них занимали ответственные посты при крупных сановниках.
- Мать М. А. Максимовича — Гликерия Федоровна Тимковская, получившая скромное образование в Благовещенском монастыре в Золотоноше, была впечатлительной и умной женщиной, проявлявшей большой интерес к литературе, да и семейная литературная среда побуждала к этому.
- Первые три года жизни Михаил Максимович провел на хуторе Староселье под Переяславом, затем около года семья жила в селе Прохоровка у деда Ивана Ивановича Максимовича, который запечатлелся в памяти мальчика суровым пуританином¹. До пятилетнего возраста будущий ученый прожил в Тимковщине и был любимцем всего семейства. «Лучшая сторона моего бытия от рождения и до старости — Тимковщина», — писал позднее М. А. Максимович².
- В 1810 г. Михаила отвезли в Золотоношское монастырское училище (в свое время в нем учились пять братьев Тимковских), в котором он успешно изучил традиционные предметы — «Псалтырь», «Грамотку», «Часослов».
- В 1812 г. М. Максимович стал гимназистом Новгород-Северской гимназии, основателем которой был его дядя И. Ф. Тимковский, а директором — дядин тесть статский советник И. И. Халанин³. Красота этих мест очаровала юного Максимовича. Годы учебы в гимназии оставили неизгладимый след в его памяти. «В гимназии, — писал он, — семь лет прошли для меня как семь месяцев. Живописное положение Новгород-Северского над Десной, с его древним Спасским монастырем на каменистой горе, давали душе эпические настроения»⁴. Он много читал, особое его внимание

¹ *Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 1, д. 577, л. 2.*

² *Там же, л. 4.*

³ *Там же, л. 2.*

⁴ *Там же.*

**И. Ф. Тимковский —
директор
Новгород-Северской
гимназии**

привлекало творчество Г. Р. Державина, труды М. В. Ломоносова, В. А. Жуковского и ботаника. «Я так пристрастился к ней тогда, — писал впоследствии М. А. Максимович, — что для собирания Новгород-Северской флоры то и дело, бывало, бродил или в Троицком монастырском саду, или в Цупринском рву, или в гаю Полковником»¹.

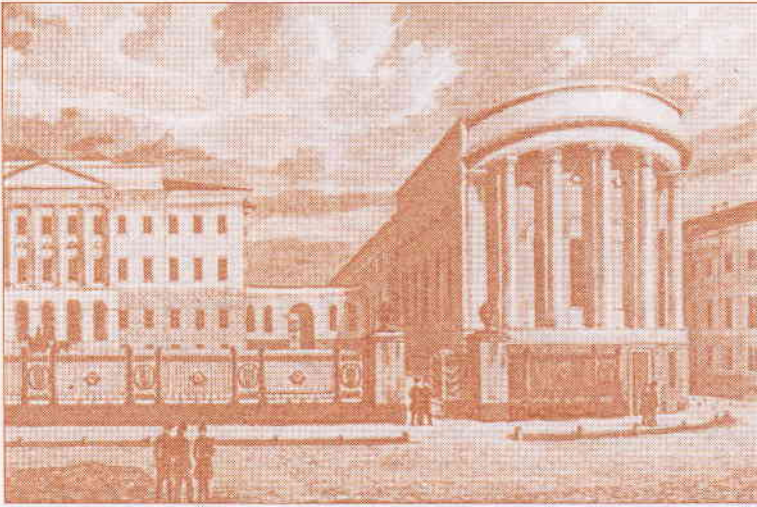
**Здание
Новгород-
Северской
гимназии**

В 1819 г., получив аттестат об окончании гимназии, М. А. Максимович при попечительстве дяди Егора Тимковского был определен студентом славянского отделения Московского университета. Здесь начался этап напряженной учебы и уникальной научной деятельности Михаила Максимовича.

Через два года учебы в университете М. А. Максимович перевелся на естественное отделение. Интерес к естествознанию еще больше усилился после поездки в Горенский сад А. К. Разумовского и особенно после прослушивания лекций по физике профессора М. Г. Павлова. «Его лекции о природе в духе натуральной философии, строго логические и округленные, питали новой жизнью молодые умы»², — вспоминал М. А. Максимович. Материалистичность и диалектичность мировоззрения

¹ Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 1, д. 577, л. 3.

² Там же, ф. 1, д. 49601, 577.

**Здание
Московского
университета.
С акварели
Г. И. Баранов-
ского. 1848**

этого видного ученого, отмеченные в свое время А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским, безусловно, сыграли большую роль в формировании взглядов молодого М. А. Максимовича. Глубокое влияние на него оказал также профессор ботаники Г. Ф. Гофман, которому позднее он посвятил статью «Жизнь московского профессора ботаники Гофмана».

В 1821 г. в возрасте 17 лет М. Максимович опубликовал свою первую научную статью «К чему служат листья на растениях». В 1823 г. он оканчивает естественное отделение. В то время студенты-выпускники обычно писали «рассуждения» и подавали их профессорам своего отделения. М. Максимович передал профессору Ф. Б. Фишеру работу по ботанике «в два пальца толщиной», профессору Г. Ф. Гофману — монографию о видах и родах растений, профессору М. Г. Павлову — сочинение «О системе растительного царства». Последний поздравил молодого автора с успехом и посоветовал передать исследование профессору И. А. Двигубскому для публикации в «Новом магазине естественной истории, физики, химии и сведений экономических».

Теперь можно было бы заняться преподавательской и научной работой по избранной специальности. Однако движимый страстью к познанию, молодой ученый поступает в 1823 г. на медицинское отделение, где слушает лекции Лодера, Мухина и других преподавателей. «Я посещал, — писал М. А. Максимович, — еще лекции профессора И. И. Давыдова, который был тогда оракулом на отделении славянском...»¹. А еще юный Максимович мечтал о докторской диссертации по медицине, но не стал рисковать: не хотел перенапрягаться, «трудить голову вопреки склонности»². Так постепенно раскрывалось поистине удивительное разностороннее дарование молодого ученого, которое в последующие годы проявилось во всей редчайшей энциклопедичности.

Летом 1824 и 1825 гг. М. А. Максимович путешествовал по Московской губернии, куда руководство университета отправило его для изучения флоры и составления гербария. Результатом этого путешествия стали опубликованные в «Новом магазине» «Путевые записки о Московской губернии». Собранные в эти годы растения и минералы молодой ученый в 1826 г. представил на обозрение³. В 1833 г. Я. Зембницкий в книге «Сокращенное руководство к систематическому определению ископаемых растений и пр.» дал высокую оценку этим путевым запис-

¹ Киев. старина. — 1904. — Т. 86. — С. 329.

² Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 1, д. 577, л. 6.

³ РГИА, СПб., ф. 733, т. 69, д. 624, л. 5.

кам. «Сии отрывки, — писал он, — написанные пером искусного литератора, занимательны в разных отношениях: минералогическом, ботаническом, медицинском, статистическом и эстетическом»¹.

В последующие два года М. А. Максимович подготовил две крупные работы: «Главные основания зоологии, или наука о животных» и «Афоризмы, или основные положения о животных». В то время ученому исполнилось лишь двадцать лет. Журнал «Сын Отечества» отмечал, что «Главные основания зоологии» принадлежат к числу редких явлений в нашей научной литературе». В этом же журнале был помещен положительный отзыв В. Ф. Одоевского, писавшего, что «в его маленькой книжке читатели найдут более полезных сведений, нежели во многих многотомных изданиях по сей части»².

С ноября 1825 г. М. А. Максимович в течение четырех лет преподавал ботанику и садоводство в земледельческой школе; одновременно, с февраля 1826 г. читал курс естественной истории в университетском пансионе; преподавал ботанику в Московской коммерческой практической академии³. Его лекции отличались новизной философских идей и выводов, стройностью изложения, образностью и ясностью мыслей. Зычный, сочный голос, сокрушительные аргументы, сопровождаемые глубоким критическим анализом, остротами и выразительной жестикуляцией, вызывали всеобщий интерес. Авторитет М. А. Максимовича среди студентов был чрезвычайно высок. «Студенты у меня были, — в свою очередь писал он, — один лучше другого»⁴.

В феврале 1826 г. М. А. Максимович был назначен помощником заведующего университетским ботаническим садом, а в марте, после смерти Г. Ф. Гофмана, — заведующим садом и гербарием. Из тесного «кандидатского университетского номера» он переехал на постоянное жительство в ботанический сад, ставший его любимым детищем. «Сладким отдыхом после студенчества» называл Михаил Максимович работу в этом ботаническом саду. «Чуть ли не райским садом показался он мне в 1823 г., — писал он в автобиографической статье «Перекасти-поле», — когда я после четырехлетнего студенчества стал кандидатом физико-математических наук и был приглашен профессором ботаники Г. Ф. Гофманом провести в саду летнюю вакацию»⁵. В эти годы ученый много времени проводит за опытами в лаборатории, перед микроскопом, пополняет сад и гербарий новыми экспонатами, руководит планировкой и насаждениями, делает научные выводы, на основе которых пишет работы, составившие большой вклад в развитие отечественного естествознания. Он получает коллекции растений из разных городов и краев России — с Кавказа, из Харькова, Воронежа, Петербурга, Иркутска, с берегов Амура. . . Наиболее плодотворным было его сотрудничество с ботаником-энтузиастом Н. Турчаниновым, собиравшим флору на востоке страны. М. А. Максимович вводит в научный оборот новые термины, многие из которых до сих пор используются в ботанике (например, венчик, лепестки, пестик, тычинки).

20-е годы XIX в. ознаменовались восстанием декабристов, решительно выступивших против крепостничества, и кровавой расправой над ними, преследованиями и ссылкой прогрессивной интеллигенции. Именно в это время ярко вспыхнула еще одна грань дарования М. А. Максимовича — его увлечение филологией.

В подобных исторических условиях резко возрастает роль прогрессивной литературы, искусства и науки, которые становятся мощным катализатором событий, генератором передовых исторических, философских, социологических и морально-этических идей. Эту особую роль литературы и искусства в России в первой половине XIX в. подметил еще Д. И. Писарев, который писал: «...В изящной словесности, да и критике на художественные произведения сосредоточилась вся

1 *Зембницкий Я.* Сочинения. — СПб., 1833. — Т. 2. — С. 164.

2 *Сын Отечества.* — 1834. — № 31. — С. 227—230.

3 *ГБР*, отд. рукоп., ф. 850, д. 362, л. 6.

4 *Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского*, ф. 1, д. 577, л. 10.

5 *ГБР ОР*, ф. 231, пог. 111, картон 8, д. 7, л. 1.

В. К. Кюхельбекер.
Гравюра
И. Матюшина

сумма наших идей об обществе, о человеческой личности, о междучеловеческих, семейных, общественных отношениях; у нас нет существующей нравственной философии, нет социальной науки, стало быть, все это надо искать в художественных произведениях»¹.

Но что же представляло собой мировоззрение М. А. Максимовича? В нем отразился огромный диапазон интересов и творческой энергии, органичная взаимосвязь гуманитарных и естественных наук. Воззрения ученого в гуманитарной сфере — своеобразный симбиоз идей просветительства и романтизма. Его взгляды на типологическую сущность русского и украинского романтизма были созвучны с критическим реализмом и тяготели к идеям А. С. Пушкина, Т. Г. Шевченко, И. П. Котляревского. В них проявились различия с будущими славянофилами, которые уже тогда высмеивали «поэзию мысли». У славянофилов романтизм (в т. ч. в истории) был меланхолическим, обращался в прошлое и одухотворялся ретроспективными социальными и этическими идеалами. Философские воззрения М. А. Максимовича основывались на стихийном материализме и детерминизме. Он раньше многих своих современников осознал ограниченность натурфилософии и переключился на ее критику.

На такой мировоззренческой основе М. А. Максимович и включился в активную духовную жизнь. В 20-е годы он сотрудничал с кружком «Московское литературное товарищество», в который входили С. Е. Раич, В. К. Кюхельбекер (члены «Союза благоденствия»). В эти же годы ученый сблизился с участниками еще одного кружка — «Любомудры», — выделившегося в 1823 г. из кружка С. Е. Раича (с В. Ф. Одоевским, Д. В. Веневитиновым, А. И. Кошелевым, Н. М. Рожалиным и др.). Некоторые из «любомудров» откровенно сочувствовали вольнолюбивым идеям декабристов (результатом их содружества стал выпуск в 1824—1825 гг. под началом В. Ф. Одоевского и В. К. Кюхельбекера альманаха «Мнемозина»). Правда, с декабристами М. А. Максимовича познакомил еще раньше его дядя В. Ф. Тимковский, которого П. И. Пестель считал членом Кавказского общества. Более того, М. А. Максимович вместе с М. Г. Павловым и И. И. Давыдовым преподавал в благородном пансионе (при Московском университете). Эти учебные заведения считались «рассадниками вольнодумства»; здесь получили образование более 80 декабристов, много выдающихся ученых и литераторов. Лекции М. А. Максимовича слушали, а позднее с почтением

¹ Писарев, Писемский, Тургенев и Гончаров // Сочинения: В 4 т. — 1955. — Т. 1. — С. 192.

Н. П. Огарев.
Портрет
работы
неизвестного
художника.
1830

А. И. Герцен.
Портрет
работы
А. Я. Витберга.
1836

о них отзывались А. И. Герцен, Н. П. Огарев, М. Ю. Лермонтов. Взгляды М. А. Максимовича и декабристов во многом совпадали также в оценке целого ряда событий из истории Украины (в частности, Освободительной войны 1648—1654 гг., движения гайдамаков, истории казачества и др.), народного творчества, вопросов эстетики, этнографии...

М. А. Максимович был близко знаком с большинством прогрессивных культурных деятелей того времени. Значительным событием в московский период его жизни следует считать знакомство и творческое содружество с А. С. Пушкиным и его единомышленниками. В 1828 г. он одним из первых выступил в защиту поэмы «Полтава», за что поэт горячо его поблагодарил. В свою очередь, М. А. Максимович познакомил А. С. Пушкина с новыми историческими документами и подарил ему несколько книг по истории, в т. ч. «Историю руссов», а позднее и свои произведения — «Книгу Наума», «Размышления о природе», «Украинские народные песни», «Об участии Московского университета в просвещении России» с довольно обыденной надписью: «А. С. П. от М-ча». Ученый активно сотрудничал в «Литературной газете», а А. С. Пушкин — в «Деннице» М. А. Максимовича. Не случайно поэт считал М. А. Максимовича одним из своих единомышленников, с живым интересом перечитывал его сочинения, обращался к нему за консультацией. Например, при написании стихотворения «Анчар» А. С. Пушкин получил разъяснения ученого о «древе яда»¹. Нередко М. А. Максимович четко определял идейную направленность стихотворений поэта. В частности, это относилось к интерпретации «Полтавы», «Бориса Годунова» и «Послания к вельможе», которое В. Г. Белинский охарактеризовал как «изображение целой эпохи»².

М. А. Максимович был весьма желанным знакомым и в семействе Пушкиных³. По его оценке, А. С. Пушкин завершил «роскошное цветение русской поэзии»⁴. Позднее в одном из своих стихотворений М. А. Максимович с грустью писал:

О рок! Сколь ты коварен!
Отнял ты Пушкина у нас,
Языков пламенный угас, —
А жив еще Булгарин...⁵

¹ ИРЛИ, СПб., ф. 123, оп. 3, д. 116, л. 1—5; РГАЛИ, ф. 314, оп. 71, д. 14.

² Говоря А. С. Пушкину, что в этом стихотворении изображен князь Юсупов, М. А. Максимович заметил: «Но ведь вы его изобразили пустым человеком». Поэт ответил: «Ничего, не догадается». (Пушкин. Исследования и материалы. — Л., 1969. — Т. 6. — С. 158).

³ ГБЛ, ф. 231, пог. 3: Литературное наследство, картон № 8, д. 7, л. 5.

⁴ ИРЛИ, 12.234 ХХб.1, л. 2.

⁵ Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 1, ед. хр. 577/1471, л. 22.

А. С. Пушкин.
Акварель
художника
П. Соколова.
1830

- Из многих встреч с гениальным поэтом М. А. Максимович шутивно вспоминал одну, особую. В мае 1832 г. он ездил на Кавказ, где собирал произрастающие там растения и вместе с композитором А. А. Алябьевым работал над переложением на ноты украинских песен. По возвращении в Москву его лекции посетил министр народного просвещения С. С. Уваров, который затем нанес визит к нему на квартиру. Здесь около камина он с изумлением увидел А. С. Пушкина. В присутствии поэта министр стал восхищаться даром речи М. А. Максимовича. А. С. Пушкин не замедлил с ответом: «Да. Мы Максимовича давно считаем нашим литератором, он подарил нам малороссийские песни»¹.
- Творческая атмосфера пушкинского окружения и большой научный авторитет М. А. Максимовича способствовали постоянному расширению круга его связей. Широкая эрудиция, простота, обаяние и редкое остроумие ученого как магнит притягивали к нему людей, различных по возрасту и убеждениям. Большой след в жизни и деятельности М. А. Максимовича оставили дружеские отношения с Н. В. Гоголем, для которого он был не только другом, но и неизменным консультантом и интерпретатором многих фактов по истории и филологии².
- Привязанность к литературе и поэзии М. А. Максимович сохранил до конца жизни; он даже составил альбом стихов своих любимых поэтов. Позднее ученый старательно собирал сведения для биографий многих своих знакомых и почитателей. Его стихотворения и сказки периодически печатались в журналах. В последний раз его стихи прозвучали на могиле Т. Г. Шевченко.
- В 1826 г. М. А. Максимович взял отпуск и уехал на родину. В Москву он вернулся с «богатою жатвою» — рукописью украинских народных песен. В 1827 г. он закончил магистерскую диссертацию

¹ *Институт рукописей НБУ им. В.И. Вернадского, ф. 1, д. 577, л. 12.*

² Первая их встреча состоялась в Петербурге в 1829 г. Писатель мечтал о совместной работе с М. А. Максимовичем в Киевском университете (*Сборник отделения русского языка и словесности.* — СПб., 1878. — Т. 18, № 3. — С. 25). В Киеве они встретились в 1835 г. Их письма проникнуты взаимным уважением и немеркнущим юмором. «Душа», «земляче», «друг» — так Н. В. Гоголь часто обращался к ученому. «Прощай, душа», — нередко заканчивал он свои письма. Последующие встречи двух выдающихся деятелей состоялись в Москве в 1849—1850 гг. В июне 1850 г. они совершили совместную поездку из Москвы до Глухова; в августе 1850 г. М. А. Максимович встретился с Н. В. Гоголем на его родине (*Максимович М. А. Родина Гоголя // Сб. статей по рус. истории.* — 1872. — № 39; *Москвитянин.* — 1854. — № 1. — С. 6—7).

Н. В. Гоголь.
Рисунок
художника
К. Мазера.
1840

цию — «Рассуждение о системе растительного царства», сдал экзамены и успешно защитился. В диссертации нашли отражение передовые идеи, которые он вынашивал много лет, а также материалистические взгляды М. В. Ломоносова. Выдающийся наследник выдающегося ученого выступил с резкой критикой ошибочных взглядов и идей, господствовавших в европейской ботанике. Творческий диапазон М. А. Максимовича, вызывающий неизменное удивление современников, с годами возрастал. С 1823 по 1834 г. им было написано более 100 научных работ.

В 1828 г. вышла в свет фундаментальная работа М. А. Максимовича «Оснoвание ботаники», которую ученые считали лучшей «ботанической книгой того времени». «...Новое сочинение Ваше., по моему мнению, — писал ему Ф. Б. Фишер, — заслуживает истинной похвалы и отличается в Вашу пользу между другими современными сочинениями»¹. В 1831 г. была опубликована вторая часть этого труда («Систематика растений»), закрепившая за ним славу одного из выдающихся ученых-естествоиспытателей России.

Приблизительно в то же время готовилась к печати «Сокращенная система животного царства». К сожалению, она так и не была опубликована, однако рукописью долгое время руководствовались ученые, ссылаясь на нее как на капитальный научный труд. Работы ученого читали в Варшаве, Праге, Берлине и других городах. Об этом, в частности, писал ему из Берлина В. И. Вернадский².

Московское общество испытателей природы избрало М. А. Максимовича своим действительным членом. В 1829 г. он был утвержден в звании адъюнкта.

В конце 20-х — начале 30-х годов произошел качественный взлет в философских воззрениях ученого: закончилось его увлечение Океновой и Шеллингoвой натурфилософией. Изменились и взгляды на сущность и назначение философии. Философия, писал он, есть наука о системе знаний, проникающая во все другие науки. Она призвана «вскрывать внутреннее значение и единство предметов и явлений» (без философов «нет полного знания»). Велика заслуга М. А. Мак-

¹ *Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского*, ф. 1, д. 577, л. 9.

² *Там же*, ф. 3, д. 52, л. 1. А. И. Герцен, например, писал о «Систематике растений»: «Это изящнейшее творение по сей части мира, философия направления и высокое понятие о науке и научно-естественном» (*Герцен А. И. Сочинения: В 30 т. — М., 1961. — Т. 7. — С. 18*).

симовича и в развитии материалистических учений России XVIII—XIX вв. В 1827 г. в статье «О разделении естествознания на ветви» он писал, что природа должна рассматриваться как нечто целостное и гармоническое, а все предметы, населяющие природу, есть материя, от которой зависит форма этих тел. В то же время он одним из немногих указывал на нецелесообразность отождествления понятий *материя* и *вещество* (особенно в физике и химии), «ибо в нашем языке материя имеет более общее значение, да и прилагательное слово *материальный* по значению отлично от слова *вещественный*»¹. Материалистические воззрения М. А. Максимовича отчетливо проявляются в признании атомизма, который позднее (в 40-х годах XIX в.) был назван всеохватывающей системой природы.

Особенностью диалектических взглядов М. А. Максимовича было то, что, вслед за Гумбольдтом, он пытался преодолеть механистическую концепцию движения и в связи с этим — воззрения Шеллинга, Канта и Конта. В природе, писал он, нет ничего неподвижного, в ней все пребывает в вечном движении; покоя в ней нет, — покой только есть относительный, — движение составляет жизнь природы»². Ученый пришел к выводу, что природа характеризуется многообразием в единстве: «Многообразие должно быть подчинено единству, единство же существует многообразием»³. М. А. Максимович решительно критиковал идеи о непознаваемости мира, т. е. агностицизм, идеологами которого были Юм и Кант. «Человек не существует, если не видит себя вне себя...»⁴. Процесс познания есть активное воздействие на природу. Как известно, в гносеологии домарковского материализма знание понималось как результат индивидуального опыта. М. А. Максимович в этом отношении занимал особую позицию. Знания, добытые опытом, писал он, это богатство науки, умозаключение же составляет ее душу. Таким образом, опытные данные сами по себе есть ничто иное, как исходный материал. Нельзя пренебрегать опытом, но и одно чувственное «не может служить источником новых истин», «умозаключение есть продолженный опыт в уме; оно основывается на чувственном опыте»⁵. Однако, будучи стихийным материалистом, ученый не смог до конца преодолеть идеализм. Не стал он и убежденным атеистом: эволюция его мировоззрения не привела к отрицанию «всевышнего духа»⁶. В этом его дуализм.

Позднее М. А. Максимович часто вспоминал встречи и полемику со своими слушателями и, должно быть, радовался их успехам. Это прослеживается в эпистолярном наследии. Так, по мнению П. А. Гурьянова, свои первые работы А. И. Герцен писал непосредственно под влиянием М. А. Максимовича. Интересна также полемика ученого с Н. В. Станкевичем, основателем кружка, членами которого были В. Г. Белинский, К. С. Аксаков, М. А. Бакунин и др.

С добродушной усмешкой вспоминал М. А. Максимович пылкие высказывания своих питомцев. Запомнилось и нередко повторяемое ими стихотворение Н. П. Огарева:

Я не люблю попов, ни наших, ни чужих.
Не в них нуждаются народы.
Попы ли церкви, иль попы свободы —
Все подлецы. Всех к черту! Что в них?
Наместо этих иноков бесплодных
Давайте просто нам людей свободных!

¹ Максимович М. А. Рецензия на «Руководство к физике, составленное Николаем Щегловым...» // Моск. телеграф. — 1830. — Ч. 32. — С. 340.

² Максимович М. А. О разделении естествознания на ветви или особые науки // Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических. — 1827. — Ч. 1, № 1, — С. 9.

³ Там же. — С. 15.

⁴ Киев. старина. — 1892. — Т. 35. — С. 96.

⁵ Максимович М. А. Основания ботаники. — М., 1828. — С. 9—10.

⁶ Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 1, д. 553/1488, л. 23.

А. А. Дельвиг.
Рисунок
В. П. Лангера.
1830

В беседе с Н. В. Станкевичем ученый заметил, что Гегелю свойственна искусственность и оторванность от жизни: «В гегелевской философии вы не найдете себе счастья»¹. Станкевич, оспаривая утверждение учителя и не желая расставаться с мнением о своем кумире, с грустью говорил: «Так я не хочу и жить на свете, если не найду в нем себе счастья»². Однако позднее этот пламенный поборник свободы вынужден был согласиться со своим мудрым наставником.

Ученый-новатор, М. А. Максимович постоянно устремлял свои замыслы и дела в неизведанные или малоизведанные сферы науки. Именно этим качеством отличались все великие умы, будь то Леонардо да Винчи, Авиценна или Ломоносов. В 30-е годы XIX ст. ученый удивил современников еще одним начинанием: выдвинул и обосновал весьма обширную для того времени программу просветительской деятельности русской интеллигенции, изложенную в выступлениях «Об участии Московского университета в просвещении России» (1830), «Об участии и значении Киева в общей жизни России» (1837) и в «Речи о русском просвещении». Он написал ряд статей, критических разборов произведений, делал переводы, издал сказки, букварь и т. д.

Значительным событием в духовной жизни того времени стал выход в свет в 1827 г. сборника «Малороссийских песен», отзывы и рецензии на который были опубликованы во многих журналах. Автора приветствовали А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Н. И. Гнедич, А. А. Дельвиг и многие другие, его поздравляли при встречах, в письмах, журнальных заметках. А. А. Дельвиг, в 1828 г. проезжая через Москву, специально отыскал М. А. Максимовича и, наряду с похвалой, высказал ряд глубоких мыслей о значении русской и украинской народной поэзии. Вот что писал об этом М. А. Максимович: «Мое знакомство с А. А. Дельвигом составляет источник весьма отрадных воспоминаний для меня лично; я познакомился с ним впервые в Москве, зимой 1827—1828 гг., на литературном вечере по случаю приезда его... Он подошел ко мне как к издателю «Малороссийских песен», и мы с час пробеседовали о народных русских песнях, которых он в ту пору, без сомнения, был одним из первых знатоков»³.

И можно только удивляться: через семь лет после выхода первого сборника, по утверждению самого М. А. Максимовича, им было собрано две с половиной тысячи песен и отрывков⁴. Н. В. Гоголь,

¹ Гурьянов П. А. А. И. Герцен — студент физико-математического факультета // Тр. Ин-та истории естествознания. — М., 1963. — Т. 5.

² ГБР ОР, ф. 231, картон № 19, д. 117, л. 116.

³ ГБР ОР, СПб., арх. В. П. Раевского, ф. 171, л. 2.

⁴ Максимович М. А. Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 452.

В. А. Жуковский.
Портрет
художника
О. Эстеррейха.
1820

обращаясь к автору с просьбой поскорее издать второй выпуск, писал: «Как бы я желал быть с Вами и пересмотреть их вместе, при трепетной свече, между стенами, увитыми книгами и книжной пылью ... Моя радость, жизнь моя, песни! Как я Вас люблю! Что все чертовые летописи, в которых я теперь роюсь пред этими звонкими, живыми песнями»¹.

Однако М. А. Максимович не торопился. Ему свойственна была манера научного, тщательно продуманного подхода к работам, он всегда очень болезненно относился к обработке своих трудов, стремясь довести их до совершенства. Второй сборник «Украинских народных песен» вышел лишь в 1834 г. Получив его, Н. В. Гоголь тот час же поехал к А. С. Пушкину и В. А. Жуковскому: «Я еще никому не успел показать его, но понесу к Жуковскому и похваляюсь Пушкину и мнение их сообщу тебе поскорее»². Он считал этот день для себя и других писателей большим праздником. Сам же М. А. Максимович писал, что словесности он послужил «прежде всего песнями своей родины»³.

Как и в других филологических исследованиях, в сборниках песен присутствовали элементы истории, исторические, филологические, этнографические экскурсы. В 1834 г. в Москве вышли «Голоса украинских песен» — первое собрание музыкальных записей украинских народных песен, собранных М. А. Максимовичем, а также первая аранжировка их для одного голоса и фортепиано. В 1849 г. увидел свет третий «Сборник украинских песен».

Издание этих сборников стало прорывом в познании народной души, подъеме национального самосознания украинского народа. М. А. Максимович открыл врата в храм народного творчества. Но последствия оказались гораздо значительнее, чем предполагал сам автор: они породили волну творческого подъема в России и за ее пределами. После выхода в свет его первого сборника подобные издания стали появляться в Европе: в Чехии — Чляковского (1927), в Германии — В. Гримма (1829), Н. В. Вольфа (1830), Эрлаха (1834—1837); в Польше — Войницкого (1836), в Сербии — Милютиновича (1837); во Франции — В. Вильмарка (1839).

На сборниках песен М. А. Максимовича была воспитана целая плеяда известных в будущем деятелей науки и культуры. Среди них — Н. И. Костомаров, О. М. Бодянский, П. А. Кулиш, Я. Ф. Головацкий. Для молодых ученых того времени имя М. А. Максимовича стало своего рода символом национального самосознания. «...Вот перед тобою Максимович, довольно одного слова, одного имени», — писал А. Г. Щегоцкий И. И. Срезневскому⁴. В 1834 г. под впечатлением сбор-

¹ Сочинения и письма Н. В. Гоголя. — Изд. П. А. Кулиша. — Т. 2. — С. 188.

² Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 1, д. 553/1471, л. 19.

³ Там же.

⁴ Шамрай А. Харьковская школа романтиков. — Х., 1939. — Т. 1. — С. 242.

Д. В. Давыдов.
Портрет
художника
Дж. Доу

ников М. А. Максимовича Н. В. Гоголь написал статью «О малороссийских песнях», в которой отмечал: «До того времени (т. е. до сборников М. А. Максимовича. — П. М.) одна только очаровательная музыка их изредка заносилась в высший круг, слова же оставались без внимания и почти ни в ком не возбуждали любопытства»¹.

Позднее М. А. Максимович с удовлетворением вспоминал о воплощении обширной программы просвещения простого народа. В условиях политической реакции это предприятие было и весьма рискованным, и общественно необходимым. В 1833 г. увидела свет его знаменитая книга под названием «Книга Наума». Газета «Молва» назвала ее «рассветом утешительной будущности для народного просвещения» в приходских и деревенских школах. Приветствуя это издание, В. Ф. Одоевский писал, что он «без ума от восхищения», а Д. В. Давыдов дал книге такую оценку: «Книга Наума» заслужила от меня большое уважение; она не маяк, осветивший горные пределы, но смиренная лучина, вспыхнувшая в курной избе поселянина»².

Многие, приобретшие ее, побывали в ботаническом саду М. А. Максимовича «для бесед о движении земли вокруг солнца и сотворении мира». В. Ф. Одоевский, прочитав «Книгу Наума», составил программу издания книг для крестьянства (по химии, физике, географии, ботанике, астрономии, народной медицине). Делясь своими впечатлениями и планами с М. А. Максимовичем, он изъявил желание взять на себя расходы по изданию и реализации тиража этих книг (заметим, что с подобной просьбой он обратился и к другим писателям и ученым).

Естественным продолжением «Книги Наума» стало изданное в 1833 г. «Размышление о природе». Отдельные части этой книги печатались в «Московском вестнике», «Северных цветах», «Литературной газете», «Библиотеке для чтения». Полное ее издание было осуществлено в Киеве в 1847 г. «Книгу Наума» и «Размышление о природе» М. А. Максимович считал лучшими своими произведениями. «Признаться, я и сам из всего, мною изданного, — писал он, — люблю только «Наума» да «Размышление о природе», легко мне доставшиеся»³. Да и как было не восхищаться? Ведь ничего подобного для самого молодого поколения читателей в России еще не издавалось. Язык пламенный, живой, поэтический, одухотворенный множеством афоризмов, по-

¹ Журн. М-ва нар. просвещения. — 1834. — № 3. — С. 16.

² Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 1, д. 556, л. 1.

³ ИРЛИ, СПб., 27347/СУСУ 1.6.7, л. 2.

словниц, остроумных рассуждений. «Планеты и солнце отразились в растениях, цветы можно назвать разговором земли с небом»¹. В 1847 г. по ходатайству М. П. Погодина Министерство народного просвещения закупило 10 тыс. экземпляров «Книги Наума», а позднее и право на ее переиздание. В доме знаменитой московской меценатки А. П. Елагиной М. А. Максимовича с почтением называли «нашим дорогим Наумом».

Логическим продолжением программы М. А. Максимовича была его обширная журналистская деятельность сначала в Москве, а затем в Киеве. В 1830 г. при содействии многих известных литераторов вышел первый номер альманаха «Денница». В журнале была напечатана первая часть «Бориса Годунова» А. С. Пушкина, А. А. Дельвиг отдал туда свои стихи, мотивируя это тем, что М. А. Максимовичу отказать трудно, И. В. Киреевский, ранее выступавший под псевдонимом, под «Обзором русской словесности за 1829 год» впервые подписался своим именем. А. С. Пушкин назвал альманах М. А. Максимовича «красноречивым и полным мыслей». С. Теплова написала стихи, в которых представители царской власти усмотрели сочувствие К. Ф. Рылееву. Цензор С. Н. Глинка был посажен на гауптвахту, а альманах оказался под угрозой закрытия, но при содействии П. А. Вяземского, сумевшего отвести грозу от «Денницы», продолжал выходить в свет.

М. А. Максимовича засыпали поздравлениями. А. А. Дельвиг писал: «Северные цветы» приветствуют появившуюся «Денницу», а «садовник» их желает обнять самого Люцифера». «Садовник» (Дельвиг) действительно приехал к Люциферу (Максимовичу), обнял его и просил согласия на участие в «Литературной газете», которая начала выходить в свет в 1830 г., однако внезапная смерть А. А. Дельвига приостановила ее издание. Идейной наследницей «Литературной газеты» суждено было стать «Деннице». Об этом в январе 1831 г. в одном из своих писем сообщал Н. М. Языков: «Литературная газета» кончается, а взамен ее... предпринимают, хотя бы с 1832 г., издавать общими силами журнал «Денница», который выйдет в половине февраля и будет несравненно лучше прошлогоднего. Обзорение русской словесности на 1830 г. пишет сам Максимович»².

Второй номер «Денницы», вышедший в свет в 1831 г., был не менее удачен, чем первый. В 1834 г. читатели увидели третий выпуск всем полюбившегося альманаха. В этой, теперь уже последней книге, печатались в основном те же авторы: В. Ф. Одоевский, И. В. Киреевский, Н. М. Языков, С. П. Шевырев, Ф. И. Тютчев, С. Т. Аксаков, С. Теплова, А. Ф. Вельтман и др. М. А. Максимович пробует свое дарование в новом жанре — публикует две сказки, снискавшие похвальные отзывы литературных журналов.

И все-таки конец 30-х — начало 40-х годов XIX ст. были для М. А. Максимовича периодом душевного надлома, тяжелой депрессии, вызванной тремя причинами: тоской по родине, ухудшением здоровья и ослаблением, если не утратой, веры в возможность реализации своих идеалов. Ученого потянуло в Украину. Вспомнились слова матери: «...Счастье свое найдешь не в столице, а на своей родине»³. Ее «любовь ко мне была гением-хранителем»⁴. Огромное напряжение не могло не отразиться на здоровье: левый глаз почти не видел (сказалась многолетняя работа с микроскопом).

В августе 1833 г., после ухода на пенсию ректора Московского университета И. А. Двигубского, М. А. Максимович был избран, а в октябре утвержден ординарным профессором. Вскоре 29-летний ученый возглавил кафедру ботаники. Но «счастье, даже самое большое счастье, когда его долго ждешь, — стареет», гласит народная мудрость. Ученый, уже утомленный не столько трудной научной деятельностью, сколько интригами и консерватизмом, встретил это известие без душевного подъема. «Я стал наконец тем, к чему стремился, едучи в Москву, за 14 лет... И будь это годами четырьмя раньше, я почел бы себя счастливым. А теперь... грустно и даже совестно, что Павлов и не-

¹ Максимович М. А. Размышление о природе. — М., 1833. — С. 56.

² Литературное наследство. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. — М., 1952. — Т. 52. — С. 107.

³ Альбом М. А. Максимовича // Киев. старина. — 1882. — Т. 1. — С. 159.

⁴ Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 1, д. 577/1471, л. 24.

которые другие товарищи мои более меня радовались моему профессорству»¹. С М. Г. Павловым у М. А. Максимовича сложились самые теплые отношения. По средам после окончания совета университета он обычно приглашал М. А. Максимовича и Н. И. Надеждина к себе домой для беседы и обмена мнениями по различным вопросам естествознания, литературы и искусства. «В его кабинете вместе с кофе являлась и корректура «Молвы» и пробелы ее столбцов наполнялись сытным вдохновением нашим в меру пробелов»².

М. А. Максимович мечтал о профессорстве не как карьерист, жаждавший почестей, званий, орденов, а как горячий патриот своей Родины, выдающийся ученый, посвятивший, подобно М. В. Ломоносову свою жизнь для «пользы Отечества». Обозревая пытливым взором «просторы научной нивы России», он понимал, как трудно ученым преодолевать завалы коррупции и бюрократизма, которые он называл «китайской стеною» в науке. Говоря языком социологов, жизнь и деятельность М. А. Максимовича были репрезентативными, то есть типичными для всех выдающихся прогрессивных мыслителей старой России. И потому его хлопоты о переводе в Крым (в Никитский ботанический сад) или в Одессу (на должность директора ботанического сада) были отнюдь не случайны. Граф М. С. Воронцов, к которому обращался М. Р. (видимо, М. Розенберг, один из университетских товарищей М. А. Максимовича. — П. М.) пообещал помочь, однако ничего не смог сделать. Так же безуспешно о переезде М. А. Максимовича в Крым хлопотал П. А. Вяземский, который, словно предугадывая события, писал: «Не разыграется ли у Вас снова тоска? Впрочем, мой совет — совет предков: от добра добра не ищут»³. Всемерную поддержку обещал и В. А. Жуковский. Стремясь на юг, ученый мучительно колебался (как мы узнаем позднее, такая житейская нерешительность сопутствовала ему в течение всей жизни).

Наконец представилась возможность переехать. В 1834 г. предполагалось открыть Киевский университет. Теперь М. А. Максимович решил вернуться в Украину окончательно. «Учреждение нового университета в Киеве, — писал он, — повлекло меня неодолимою силою туда, где колыбель Русской земли, где родина моего рода»⁴. Началась пора утомительных хлопот и переписки. Он был согласен работать даже рядовым преподавателем, читать курс физики, если не будет места на кафедре зоологии и ботаники⁵. В эту кампанию включились многие из его именитых знакомых, в том числе А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский и П. А. Вяземский⁶. «Вот, любезнейший Михаил Александрович, — записка ко мне от Жуковского, — писал П. А. Вяземский, — которая докажет Вам, что я не забыл поручения Вашего. Я сам вчера говорил с министром об Вас и мне также кажется, что теперь он ближе к согласию, нежели прежде»⁷. Посредниками и ходатаями перед министром народного просвещения С. С. Уваровым были А. С. Пушкин и особенно Н. В. Гоголь, мечтавший не только о совместной работе, но и о заведении кафедрой в Киевском университете. Он просил подыскать для него дом и даже обещал женить М. А. Максимовича на «хорошенькой, если не прехорошенькой девушке».

Наконец в мае 1834 г. ученый получил назначение: он был утвержден деканом первого философского отделения и заведующим кафедрой русской словесности.

* * *

.. М. А. Максимович сидел за столом почетных гостей около кафедры. Лицо было строгим, но сердце и рассудок охватило волнение. Он сознавал чрезвычайную важность происходящего. Вспомнил напутственные сло-

¹ Автобиография М. А. Максимовича // Киев. старина. — 1904. — Т. 86. — С. 367.

² Письма М. А. Максимовича к О. М. Бодянскому // Чтения в обществе истории и древностей Российских. — СПб., 1887. — Кн. 1. — С. 148.

³ Письма П. А. Вяземского к М. А. Максимовичу. — М., 1879. — С. 7—9.

⁴ Максимович М. А. Бубновская сотня // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 816.

⁵ РГИА, СПб., ф. 733, т. 69, д. 166, л. 34.

⁶ Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 3, д. 5290—5291; 5293.

⁷ Письма П. А. Вяземского к М. А. Максимовичу. — С. 10.

С. С. Уваров.
С картины
художника
Т. Дица

ва московских друзей, но более всего Н. И. Надеждина, о назначении нового университета. Зал был полон публики из четырех губерний Украины — представителей дворянства, местных властей, учебных заведений. Среди них — знаменитый митрополит и выдающийся ученый Евгений Болховитинов, чопорный граф Протасов, высокочтимый ректор духовной академии Иннокентий Борисов и герой 1812 г. фельдмаршал Сакен... Выступал профессор Якубович, пересыпавший свою речь латинскими фразами.

...Прошли годы, и, сидя соловьем в клетке в своем хуторке на Михайловой Горе, он часто вспоминал события тех далеких бурных лет. И тот тихий вечер, когда состоялась его последняя встреча с Иннокентием...

Накануне он получил от него записку: «Завтра день моего ангела. Свободны ли вы? Если свободны, то я просил бы Вас разделить со мной братскую трапезу. У меня никого не будет, кроме Вас, и Вы будете как дома». Но Михаилу Максимовичу идти не хотелось, томило предчувствие. Был теплый вечер, и в городе в обычном ритме кипела жизнь. Он шел, элегантно выбрасывая трость, подаренную Н. И. Надеждиным. Тихий плеск волн о берег Днепра напоминал вздохи огромного существа, обремененного тяжким трудом. «Очень тяжело и мне. Я приехал сюда, чтобы Киевский университет превратить в новый памятник обновленной жизни Киева». Вспомнил и эпизод во время закладки нового здания университета, и начертанные на камне, заложенном в фундамент, слова: «В свете твоём узрим свет», и свою речь, и восторг министра С. С. Уварова, склонившего перед ним голову и крепким рукопожатием поблагодарившего его. А чьи это слова: «Да будет ли он новым алтарем народной благодарности и благодарным его попечением?».

Незаметно вошел в открытые двери кельи Иннокентия, где он бывал много раз. Это была большая комната, считавшаяся рабочим кабинетом митрополита: всюду книги, рукописи, газеты, археологические экспонаты... Первое, что заметил М. А. Максимович — лежавший на столе редкий эстамп Спасителя, колированный Леонардо да Винчи. В окно, прикрытое тяжелыми шторами, проникали лучи заходящего солнца.

— Дорогой Михаил Александрович, наши судьбы схожи: я уезжаю в Вологду, вы — в свою скромную усадьбу на Михайлову Гору. Несомненно то, что нас, по существу, воцарившиеся ныне власти высылают, отрывают от просвещения народа. Не грустите да крепитесь, в Россию еще придет большое будущее, час благословения и на нее еще снизойдет.

Иннокентий взял в руки эстамп Спасителя и благословил М. А. Максимовича.

— Да хранит Вас Господь на долгие лета. Это Вам на память.

Но это будет много лет спустя...

**Е. А. Болховитинов —
митрополит
Киевский
и Галицкий**

* * *

Покидать Москву было нелегко. Здесь он нашел много друзей и единомышленников. Здесь были сосредоточены крупные научные центры.

30-летний ученый весьма энергично приступил к исполнению своих обязанностей. Ему нужно было все создавать заново — от учебного процесса до научного и издательского дела. Молодой ректор организовал множество мероприятий, которые на долгие годы определили структуру университета и утвердили его традиции. В планы М. А. Максимовича входило разрешить прием в специальные школы представителей всех сословий, включая детей крепостных крестьян, обучение и содержание которых должно было осуществляться за счет государства; ликвидировать телесные наказания; давать обучающимся глубокие знания по математике, языкам, физике, черчению, прикладной механике, технологии и т. д. Учеников из низшего сословия, проявивших наибольшие по какой-либо части дарования, он предполагал определять для получения высшего технического или же общего образования в другие существующие заведения.

И многое было сделано. М. А. Максимович ввел в учебные программы преподавание древнерусской литературы и фольклора. По его инициативе было организовано обучение «казеннокоштных студентов», которых готовили для учительского поприща по русской словесности, древним языкам и математике; разработаны «подробные предположения» об учреждении и преобразовании училищ в трех губерниях и открытии двух гимназий и пяти четырехклассных училищ, преобразовании двенадцати уездных училищ в Черниговской губернии и т. д.¹

При университете были открыты Ботанический сад (ныне им. акад. А. В. Фомина), 6 кабинетов, в том числе зоологический, насчитывающий 12 399 предметов, медалей и монет, в котором хранилось 3636 древних и 9406 новых экспонатов, библиотека на 34 тыс. томов, на базе нищей типографии штаба Второй армии создана университетская типография. М. А. Максимович вел интенсивную пе-

¹ *Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 2, д. 3215, 2137; ф. 3, д. 5363, 5638 и др.*

**М. А. Максимович —
первый ректор
Киевского
университета
Св. Владимира**

реписку с директорами гимназий по совершенствованию их деятельности¹. Позднее при его участии была подготовлена «Инструкция для педагогических занятий казеннокоштных студентов филологического факультета», «Инструкция для преподавания русского языка в приходских училищах»², «Проект положения для механической школы при Киевской гимназии», под его руководством проверялось «казенное имущество университета», давались заключения относительно приобретаемых университетом книг, гербариев и многое другое³.

Но не всем замыслам ректора суждено было осуществиться. В октябре 1837 г. министр народного просвещения С. С. Уваров скажет следующее: «Университет Св. Владимира — мое создание, но я первый наложу на него руку, если он окажется несоответственным назначению своему и благу видам правительства. А назначение университета — распространять русское образование и русскую народность в опоячанном крае Западной России»⁴. Иными словами, проводить известную политику — «самодержавие, православие и народность». А после ареста членов Кирилло-Мефодиевского общества генерал-губернатор Юго-Западных губерний Д. Г. Бибииков высказался еще более откровенно: «...Если я пять миллионов умел поставить на свою ногу, то и вас поставлю: или лопну, или вы все перелопаетесь!»⁵.

Каким же был творческий диапазон и ритм жизни М. А. Максимовича? Каким он был как ученый и как личность? В молодые годы это был очень привлекательный, чуть выше среднего роста, человек. Проницательный взгляд, темные вразлет брови на темном скуластом лице, нос с горбинкой вызывали чувство симпатии. Но не только внешностью привлекал он людей. По воспоминаниям современников, он обладал феноменальной памятью, неиссякаемым запасом знаний, казалось, из безграничного числа научных и духовных сфер. В студенческих и публичных аудиториях он был замечательным оратором. Его не просто почитали как великолепного рассказчика, его любили, а недруги с тайной завистью наблюдали за ним.

Писал быстро и много. Труды рассылал во многие журналы, часто не получая ответов, и узнавал об их публикации спустя годы. Так, статья о полках и сотнях была напечатана в «Вестнике географического общества» в 1856 г. (№ 4), а узнал он об этом перед самой смертью — в марте 1873 г. Продолжение этого исследования, отправленное историку К. А. Неволину, исчезло бесследно. Сегод-

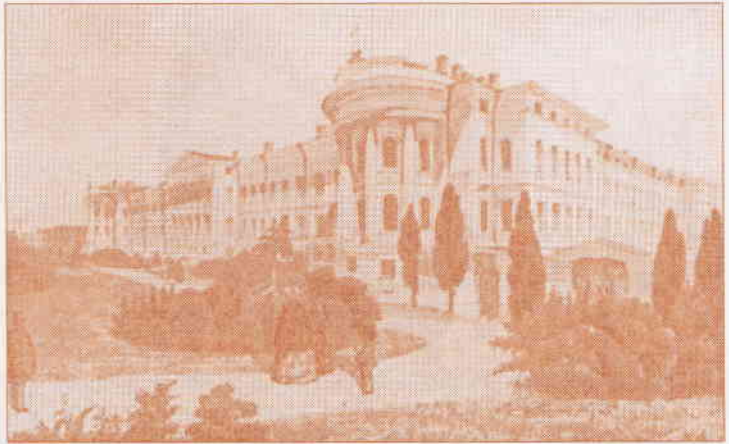
¹ *Краткие сведения о состоянии университета Св. Владимира // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1834. — Ч. III, № 1 — 10. — С. 352.*

² *Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 2, д. 3302, 3320, 3389.*

³ *Там же, д. 3219, 3266, 3281—3290.*

⁴ *Максимович М. А. Письма о Киеве и воспоминание о Тавриде. — СПб., 1871. — С. 85—86.*

⁵ *Киев. старина. — 1884. — Т. 8. — С. 505.*

Вид
на Киевский
университет
из Ботанического
сада. Акварель
М. М. Сажина.
1846

ня архивы ученого в Украине (Киеве) и во многих городах России хранят многочисленные материалы самого М. А. Максимовича о нем.

В указанный период деятельности М. А. Максимович имел титул действительного статского советника, который с учетом четвертого класса табели о рангах приравнялся к званию генерал-майора. Что же не устраивало ученого в той общественной среде? Воспитанный на передовых демократических традициях и одухотворенный высокими идеалами служения народу, М. А. Максимович, столкнувшись с «новой китайской стеной», вскоре разочаровался в возможности реализации своих намерений. Российское общество «прокаженное и зараженное». В письмах к друзьям он жаловался на консерватизм, бездушие и формализм. В Киеве он мог «перевести душу» с немногими людьми¹.

Все прошло. Здесь скучный быт;
Все дела, а мысль не вспыхнет,
Здесь восторг не закипит,
Голос сердца здесь затихнет², —

писал он в одном из стихотворений.

Сочувствуя М. А. Максимовичу, Н. В. Гоголь замечал, что «тамошние профессора — большие бестии», от которых «так пахнет семинарией, что уж слишком». Хорошо зная крепостнические порядки, великий писатель просил ученого не засорять душу грустными мотивами и смотреть на мир глазами поэта. Приют тоскующей душе М. А. Максимович нашел в монастырских кельях Киевского митрополита Евгения Болховитинова и ректора духовной академии Иннокентия Борисова. В библиотеках этих двух религиозных сановников ученый обнаружил огромное количество материалов. «Я имел счастье, — писал он позднее, — пользоваться беседами многознающего Евгения и видел на себе его внимание к распространению знания»³. От И. Борисова он получил

¹ Одним из них был профессор В. Ф. Цих, выступавший против политического утилитаризма с идеями, в определенном отношении импонировавшими М. А. Максимовичу. Размышляя о будущем культурного развития Киева, В. Ф. Цих писал: «Бедные хижинки, что ютятся одна около другой в отдельных местах города, превратятся в большие, красивые сооружения; на широких пустырях, которые отделяют одну часть города от другой, ... возникнут строения или красивые места для развлечения и гуляний» (*Владимирский-Буданов М. В.* История имп. Университета Св. Владимира. — К., 1884. — Т. 1. — С. 90).

² *Максимович М. А.* Письма о Киеве и воспоминание о Тавриде. — С. 41.

³ *Максимович М. А.* Письма к П. Г. Лебединцеву // Киев. епарх. ведомости. — 1867. — № 5. — С. 201.

А. И. Тургенев.
Портрет художника
П. Ф. Соколова.
1816

старинный список «Летописи Самовидца». И. Борисов часто приглашал ученого на прогулки, обследования исторических мест Киева, для консультаций по различным научным вопросам и т. д. Невольно возникает вопрос: что общего было у М. А. Максимовича с И. Борисовым и Е. А. Болховитиновым? Оба этих церковных сановника принадлежали к числу крупных историков, им были не чужды идеи либерализма и просвещения. Они критиковали крепостнические порядки и бюрократизм государственного аппарата России и весьма откровенно высказывали мысли о гражданском просвещении народа. И. Борисов, например, часто давал советы о способах преодоления рогаток цензуры и своеобразии обращения с местными властями и горе-меценатами наук. «Тут, право, нельзя не сетовать на цензуру вообще, — писал он М. А. Максимовичу в феврале 1840 г., — а эти меценаты наук!... Весь этот либерализм испаряется в словах без действия благого»¹.

Временами ученого тянуло в родные края. В июне 1835 г. ему все-таки удалось несколько дней провести в «благословенной Згари». Большим праздником для него были встречи со старыми знакомыми и друзьями, гостившими проездом в Киеве, — А. И. Тургеневым, Н. В. Гоголем, Н. В. Станкевичем, П. В. Киреевским, Д. М. Княжевичем и многими другими. Но наибольший след в его памяти, как следует из автобиографических заметок, оставили встречи с Н. В. Гоголем, который одним из первых посетил М. А. Максимовича в Киеве.

В октябре 1835 г. М. А. Максимович написал письмо министру народного просвещения С. С. Уварову с просьбой об отставке. В том же месяце она была принята, а в декабре проведено последнее (с участием смотрителей училищ и директоров некоторых гимназий) заседание совета университета, на котором попечитель прочитал решение и адресное письмо М. А. Максимовичу². Но едва ли будет правильным считать главной причиной ухода ученого с должности ректора болезнь. По нашему мнению, она была лишь поводом. М. А. Максимович чувствовал, что рано или поздно ему придется оставить эту ответственную и почетную должность³. Вот несколько признаний: «Мне стало невольно тянуть двойную ляжку — ректора и профессора. Я видел, что ректорство, начатое мною в новом университете, можно было уже продолжить всякому и было уже кому продолжить...»⁴; «Тем более, что... попечитель не хотел принять в адъюнкты желанных мне людей»⁵.

¹ Максимович М. А. Письма о Киеве и воспоминание о Тавриде. — С. 14.

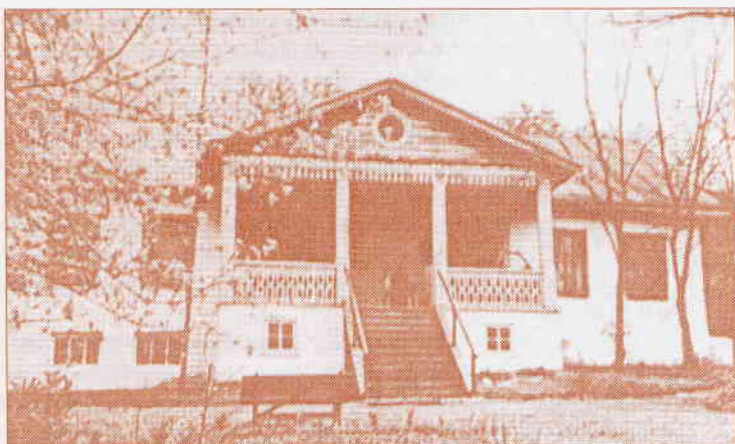
² Памяти М. А. Максимовича // Оттиск из Киев. старины. — К., 1898. — С. 64.

³ Не без основания некоторые советские историки приходили к выводу, что М. А. Максимович был, в сущности, освобожден от занимаемой должности, а позднее не допущен к преподаванию в Киевском университете (см.: Коваленко Л. А. Конспект лекцій з української історіографії XIX ст. — Кам'янець-Подільський, 1964. — С. 19). Однако в письмах к своим родственникам он обосновывал уход с работы главным образом болезнью. В одном из писем И. Ф. Тимковскому он писал: «Что же касается до ректорства, то я сложил его преждевременно с себя по расстройству моего здоровья» // Киев. старина. — 1891. — Т. 35. — С. 87.

⁴ Пономарев С. Альбом М. А. Максимовича // Киев. старина. — 1882. — Т. 1. — С. 59.

⁵ Там же.

**Дом
в усадьбе
на Михайловой
Горе, где
М. А. Максимович
провел последние
годы жизни
(не сохранился)**

В 1837 г. он был избран деканом факультета, однако 30 сентября 1840 г. подал в отставку с преподавательской работы, а в мае 1841 г., получив пенсионный аттестат с пенсией в размере 762 рубля в год, выехал из Киева на Михайлову Гору. Выйдя в отставку, периодически читал в университете лекции по русской словесности еще до 1845 г.

* * *

Михайлова Гора господствует над живописной окрестностью, которую ученый образно описал в статье «Бубновская сотня». На Михайловой Горе находилась его небольшая усадьба: домик — обыкновенная крестьянская хата с тридцатью десятинами земли — пахотной, сенокосной и выгонной... М. А. Максимович горячо любил эти места — родную старину «забытого труженика», укромную деревенскую жизнь, олицетворявшую душу, быт и характер народа. «Я люблю прохладу таких укромных уголков земли Русской»¹, — писал он. Воспрянув от болезни, он нередко бродил по окрестным селам и хуторам, до мельчайших подробностей изучая территорию бывшей Бубновской сотни — в геологическом, археологическом и этнографическом отношении.

Теперь наступил самый трудоемкий этап жизни и деятельности ученого. Признание «наивысшего авторитета в науке», «патриарха нашей науки» он в наибольшей мере завоевал, именно будучи «михайлогорским отшельником».

М. А. Максимович по-прежнему работал почти без отдыха по несколько часов подряд, с утра до поздней ночи. Отдыхом он считал частые поездки по городам и селам, во время которых был собран огромный объем сведений (интересно, что немало из них некоторые авторы без ссылок на архивы ученого использовали при подготовке сериала по истории городов и сел Украины), а также песни, картины, археологические находки, редкие рукописи и т. п. Часто выезжал в Золотоношу и возвращался на Михайлову Гору на зиму для написания новых трудов. Но были и отдельные периоды «безделья». Вот что писал он О. М. Бодянскому, которого глубоко почитал: «Я вот более месяца пера в руки не брал и живу поселянином и, может быть, долгоною пробуду в этом прекрасном кругу жизни»². Так было, например, в 1860—1861 гг. после рождения сына Алексея: «Принимался за многое, и ничего не клеилось, — признавался он, — все бросал и рвал на куски»³.

¹ Максимович М. А. Бубновская сотня // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 749.

² Письма М. А. Максимовича к О. М. Бодянскому // Чтения в обществе истории и древностей Российских. — СПб., 1887. — Кн. 1. — С. 161—162.

³ Там же. — С. 136.

В это время история и филология окончательно вытесняют естествознание. Но вот что весьма примечательно: филологические и исторические труды его по-прежнему неразделимы, составляют своеобразный симбиоз. За минувшие периоды он написал свыше 200 научных работ.

Большинство трудов ученого носят острый научно-полюемический характер и поэтому имеют своеобразные названия: «Филологические письма...», «Мнение...», «Известия о гайдамаках», «Сказание о гетмане Сагайдачном», «Воспоминание о Богдане Хмельницком», «Исторические письма о казаках приднепровских», «Письма о Киеве», «Мнение о малорусском языке и правописании оно-го» и т. д. В поле его зрения попадает большинство трудов известных деятелей науки того времени: М. П. Погодина, Н. А. Маркевича, С. М. Соловьева, М. Т. Каченовского, М. Ф. Берлинского, Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, А. А. Скальковского, Н. Г. Устрялова, Д. Н. Бантыш-Каменского и многих других.

30—40-е годы XIX в. вошли в творческую биографию М. А. Максимовича как годы напряженной борьбы, связанной с методологией истории и смежных с нею дисциплин, историей славянства, Киевской Руси, норманством и историей Киева. В этот период только по истории Киевской Руси и Киева ученый подготовил более 30 работ, в том числе такие фундаментальные труды, как «Откуда идет Русская земля...» (1837), «История древней русской словесности», «О происхождении варяго-русов» (обе 1839), «Начатки русской филологии», «Вольны до XI века» (обе 1841) и др. Сразу же возникло два направления, два лагеря — норманистов и антинорманистов; первое возглавил М. П. Погодин, второе — его однокашник М. А. Максимович. Научная полемика по этому вопросу велась еще во времена М. В. Ломоносова, но то были лишь угли, которые в эпоху М. А. Максимовича разгорелись в жаркую теоретическую схватку. Ученый писал: «А в науке моей чем дальше в лес, тем больше дров, и надо было в нем почти на каждом шагу пролагать себе новые пути... А под руками не было достаточно средств и материалов»¹. И еще: «В 1834 г., когда существовали толки о влиянии скандинавства на русский язык и на всю древнюю жизнь Руси, а также разнообразные учения о происхождении Руси, мне надобно было, не полагаясь ни на кого, самому исследовать это пресловутое скандинавство»².

Тематика данного издания обязывает раскрыть основные аспекты и особенности критических выступлений М. А. Максимовича по затрагиваемой проблеме. (Заметим, что историей Киева и Киевской Руси ученый занимался до последних дней жизни.) 1. Он первым в украинской исторической науке осуществил попытку критического обзора трудов норманистов, первым из ученых привлек к анализу обширнейшие знания по филологии, фольклору, этнографии, многочисленные труды древних ученых — византийских, арабских, европейских. 2. Вслед за М. В. Ломоносовым обосновал вывод об автохтонности восточных славян. 3. Исторически и лингвистически раскрыл сущность слов «русский», «Русь», «Украина», «Малороссия»; генезис, историю становления и этнический состав Древнерусского государства как колыбели трех славянских народов. 4. Блестяще аргументировал вывод о самобытности и богатстве древнерусской культуры. 5. С новых прогрессивных позиций рассмотрел этногенез и географию славян, разработал новую систему, обосновал вывод об историческом единстве судеб, братстве и солидарности славянских народов. 6. Особую актуальность приобретают его толкования о хозяйственно-политическом укладе, причинах и последствиях разобщения и раздробленности Русской земли.

Теории и догадки норманистов М. А. Максимович считал проявлением самоуничижения, «научной ересью», «главным обманом». По его мнению, восточные славяне не были пришлым народом, а составляли «коренных насельников южно-русского края, занимавшего обе половины Днепра, справа до Дуная и Сана, слева по р. Десне и Суле к Дону»³. И в Новгороде были балтийские славяне, в

¹ *Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского*, ф. 1, д. 577/1477, л. 14.

² *Там же*, л. 20.

³ *Максимович М. А. История древней русской словесности*. — К., 1839. — Кн. 1. — С. 31.

Киеве — Черноморская Русь, все скандинавское в истории Киевской Руси — это сказка. «Руссы, давшие имя нашим славянам и объединившие их собою, были вовсе не норманны, но чистые славяне»¹. Несмотря на идеалистическую трактовку причин возникновения государства (идеальное, духовное тяготение к объединению и внешняя угроза), ученый справедливо указывал на его самобытность, преобладание славянского элемента в управленческой иерархии и т. д.

Исследователь сделал успешную попытку определить время возникновения Древнерусского государства: «Но во второй половине IX века словены *восточные стали соединяться* (выделено нами — П. М.) в одно обширное государство и прозываться Русью...»². Что касается варяжского элемента (варягов), то где бы они ни оседали, быстро растворялись в местной среде, сливались с местной знатю. Характеризуя богатство культуры славян, ученый писал, что она не ниже, а значительно выше варяжской. «...Вообще, — отмечал он, — древняя Русь ознаменовала себя самыми счастливыми начатками просвещения, какими Запад современный не во всем хвалиться может»³. Впервые с научных позиций М. А. Максимович попытался сконструировать систему этногенеза и географии славян, разделив их на две половины (восточную и западную) и четыре разряда или группы (юго-восточные, северо-восточные, юго-западные и северо-западные), которая во многом отличалась от системы В. Ф. Домбровского и Е. Новикова и в основном совпадает с ныне признанной наукой.

Труды М. А. Максимовича по филологии, истории, этнографии, фольклористике и другим наукам утвердили его имя в ряду выдающихся славистов. Он не только изучил этногенез, антропологические, этнографические особенности славян, но и указал на важнейшие постулаты их общественного развития, отстаивая историческую перспективу объединения всех славян, идею славянской федерации, М. А. Максимович писал:

Як би добре, як би гарно
Сталося на світі,
Коли б всім слов'янам вкупі
По-братерськи жити.

Будучи решительным противником слепого копирования всего европейского, ученый недоумевал: неужели русский человек непременно должен «корпеть в школе Запада, усваивать весь хлам бедного богатства, всю суету бездушной мудрости»⁴? Эти слова особенно актуальны в наши дни, когда духовный рынок славянских народов, заполнили продукты «бездушной мудрости» Запада. Взаимосвязь с Западом ученый рассматривал как соревнование двух форм самобытной «гражданской жизни»: Европа должна быть не объектом слепого подражания, а «предметом соревнования»⁵. Эти прогностические размышления, ставшие своеобразным завещанием будущим поколениям политиков, позднее повторяли многие писатели и ученые. Так, И. С. Аксаков в 1861 г. писал: «На просвещенном Западе издавна создавалась двойная правда: одна для себя, для племен германороманских или к ним духовно тяготеющих, другая — для нас, славян». «Дело в том, — добавлял Н. Я. Данилевский, — что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем... материал, который можно было формировать и обделявать по своему образцу и подобию своему»⁶. А вот слова известного поэта Ф. И. Тютчева:

Как перед ней ни гниётся, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.

1 ГБР ОР, ф. 231, пог. 3, картон № 19, д. 118. л. 4; *Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского*, ф. 3, д. 4925, л. 2.

2 *Максимович М. А. История древней русской словесности.* — Кн. 1. — С. 363.

3 *Там же.* — С. 397.

4 *ЦНБ АН России. Рукописный отдел*, ф. 3, д. 2374, л. 4.

5 *Максимович М. А. Речь о русском просвещении.* — М., 1832. — С. 12.; *Телескоп.* — № 2. — С. 179.

6 *Там же.*

Будучи пламенным патриотом своего Отечества, М. А. Максимович в трактовке сущности патриотизма поднимался до глубоких философских обобщений. В его понимании истинный патриотизм немислим во взаимосвязи с космополитизмом и чувством национальной исключительности. Чувство патриотизма зиждится на проявлении любви к своей родине и своему народу, предполагает гордость за ее прошлое, настоящее и будущее. Прошлое помогает понять настоящее, а будущее одухотворяет, раскрывая новые таланты во славу Отечества.

Во многих трудах М. А. Максимовича звучит тезис об историческом братстве трех народов — украинского, русского и белорусского, ибо их единство предопределено исторически нераздельными экономическими, этническими и духовными связями. «Их бытие (Украины и России. — П. М.), так и понимание их одной без другой недостаточны, однобоки»¹. Ученый утверждает, что вся прошлая общественная жизнь доказала это. Об этом, в частности, свидетельствуют памятники материальной и духовной культуры. Например, «Слово о полку Игореве» — памятник исторического братства двух народов и «потому склад Песни сей правильнее назвать древним повестным складом русским, который предшествовал сему же складу украинской и великорусской поэзии и заключал в себе зародыши обоих»².

Следует отметить, что именно в таком теоретическом аспекте М. А. Максимович рассматривал общественно-политическое, международное и этническое значение Киевской Руси. В его толкование это государство, будучи колыбелью трех славянских народов, возникло как исторически обусловленное явление. В числе важнейших факторов этого процесса ученый называл этническую общность, общность хозяйственно-экономического уклада, культуры, географические условия, общность интересов перед лицом внешней опасности и т. п. Анализируя «Слово о полку Игореве» и историю Киевской Руси после нашествия монголо-татар, ученый указывал на неодолимые трагические последствия разрыва этих взаимосвязей.

Объектом особого внимания ученого, конечно же, был Киев. Его по праву считают одним из первооткрывателей и исследователей истории Киева, городов и сел Украины³. Читателю известно, что еще до приезда М. А. Максимовича в Киев были изданы работы К. Н. Бороздина («Альбом рисунков»), М. Ф. Берлинского («Краткое описание Киева»), Е. Болховитинова («Описание Киево-Печерской лавры»), Н. В. Закревского и т. д. Однако при всей общности направления именно М. А. Максимович положил начало научно-критическому освоению исторических известий о Киеве. Велика его заслуга в расширении документальной базы, уточнении географии города, топографии и локализации архитектурных памятников, вскрытии и анализе большого количества ошибок и просчетов ученых.

Логическим продолжением фундаментального исследования «История древней русской словесности» стала книга «Начатки русской филологии» (1845), о которой весьма благожелательно отзывался В. И. Даль. Он писал: «Книга Ваша с первых страниц поразила меня знанием дела. Она придала мне духу и охоты заниматься. Труд Ваш, который во всех отношениях чрезвычайно мне по сердцу, восхищает меня. Мысли о древности в русском языке полногласия не подлежат сомнению»⁴. Он увидел в М. А. Максимовиче одного из выдающихся специалистов-филологов и наряду с Шафариком особо отмечал, что он обладает удивительным даром исследователя, такими восхитительными качествами, которые позволяют верно схватывать тонкости языков и подводить их под грамматические правила. «Начатки русской филологии», как и в целом филологическое наследие ученого, специалисты справедливо считали лучшим, что было написано для русской словесности⁵.

1 Юбилей М. А. Максимовича. — М., 1872. — С. 60—61.

2 Максимович М. А. О народной исторической поэзии в Древней Руси // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 3. — С. 563.

3 Не случайно большинство ученых того времени считали М. А. Максимовича одним из лучших знатоков истории Киева. Так, М. В. Юзефович писал, что «нет человека, который лучше Максимовича мог бы составить описание Киева» // Киев. старина. — 1904. — Т. 35. — С. 111.

4 ИРЛИ, 14.553/2 XXV, б. 4, л. 1—2.

5 Даль В. И. Толковый словарь. — М., 1863. — Ч. 1. — С. 28.

Н. И. Костомаров

Обложка первого выпуска
журнала «Киевлянин»

Нет необходимости приводить доказательства в пользу этого вывода (их вполне достаточно в работах других исследователей). Научные труды М. А. Максимовича по филологии действительно сыграли значительную роль в развитии этой науки в Украине и России, в борьбе против пренебрежительного отношения к украинскому языку и народному творчеству украинского народа. Исследователь высмеивал ученых и писателей, стремившихся навязывать украинскому языку свои причудливые правила (например, автора романа «Басурман», написанного на местном говоре). Характерной особенностью большинства филологических исследований М. А. Максимовича следует считать также то обстоятельство, что в них исторические идеи составляют «кружевную ткань».

В 1840—1841 гг. М. А. Максимович организовал выпуск первого в Киеве историко-литературного журнала «Киевлянин» (через 25 лет это название переняла киевская, впоследствии черносотенная газета). В многочисленных письмах к московским и петербургским собратьям (В. Ф. Одоевскому, П. А. Вяземскому, В. А. Жуковскому, В. И. Далю и др.) ученый просит присылать материалы и обещает, в свою очередь, печататься в их журналах¹. «Если и мне будет его благословение («Москвитянина»), — писал он в октябре 1840 г. С. П. Шевыреву — и я сколько-нибудь оправлюсь, то непременно должен явиться с кирпичом хоть для задней стенки, если с камнем для закладки не в состоянии»².

В 1841 г. вышел второй выпуск «Киевлянина». Научный мир приветствовал появление журнала. «Современник» отмечал, что «Киевлянин» заговорил изящным языком³. «Перед нами только две книжки, — писал в «Москвитяnine» С. М. Соловьев, — но уже сколько относящегося к бытию Киева и всей южной Руси исследовано и приведено в надлежащую известность, и все это со-

¹ ГБР ОР, СПб., ф. 539, оп. 2, д. 729, л. 10.

² Письма М. А. Максимовича к С. П. Шевыреву. — М., 1896. — С. 279.

³ Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 2, д. 3894, л. 1.

вершено только усилиями одного ученого»¹. Также восторженно встретили выход «Киевлянина» «Отечественные записки». «Редко, — отмечалось в рецензии, — соединяются в одном и том же лице два эти знания (филология и естествознание. — П. М.), относящиеся к разным отраслям человеческого ведения»².

Хорошо понимая, что для успешной организации исследовательской работы в Киеве нужен особый «собирательный орган», который бы координировал деятельность видных ученых, разумно направлял их поиски и обобщал научные знания, М. А. Максимович в 1841 г. обратился к городским властям с просьбой о создании «Общества истории и древностей славянорусских». В то время в Украине функционировало только одно такое общество — Одесское. При поддержке местных ученых ему удалось убедить попечителя Киевского учебного округа князя Д. В. Давыдова. М. А. Максимович написал устав и записку об основании Общества, которые были переданы генерал-губернатору Д. Г. Бибикову, и даже подготовил научные статьи³. В одном из писем Иннокентия Борисова к М. А. Максимовичу мы читаем: «Что наш устав? Мне бы хотелось взглянуть на Вашу записку об Обществе, тогда я ее прочитал слишком скоро»⁴. Но царское правительство не спешило с открытием еще одного научного центра в Украине. Только в 1872 г. был утвержден устав, в который он внес ряд изменений, принятых позднее на заседании Общества⁵.

Весьма плодотворным было сотрудничество М. А. Максимовича во Временной комиссии для изыскания древностей, Ученой комиссии при Киевском университете и Временной комиссии для разбора древних актов. Вместе с С. Шодуаром, Н. Д. Иванишевым и В. Ф. Домбровским он подготовил план Временной комиссии для разбора древних актов. Сам редактировал памятники словесности и народного образования, т. е. отвечал за исследование сферы, тесно связанной с его сокровенными замыслами — просвещением и развитием культуры в Украине; собрал и изучил многочисленные сведения о Луцком и Киевском братствах, Кодексную книгу и другие материалы, относящиеся к восстанию 1768 г. Через 8 месяцев комиссией был подготовлен первый том документов, который увидел свет в июле 1845 г. под названием «Памятники».

Деятельность Киевской комиссии, которая вышла за рамки официальной политики, сыграла определенную роль в развитии культуры в Украине, особенно после закрытия в 1845 г. Временного комитета при Киевском университете, когда при активном участии М. А. Максимовича и Н. Д. Иванишева начала осуществляться обширная программа исторических изысканий. Ю. Д. Марголис справедливо отмечал, что М. А. Максимович возглавлял один из самых трудных участков — поиски и публикацию «памятников словесности»⁶. В это время не без содействия ученого в Комиссии работал Т. Г. Шевченко. Ученые Киева считали М. А. Максимовича не только главным деятелем Временной комиссии для разбора древних актов, но и одним из ее создателей («дал толчок к ее созданию»).

Этот период был сопряжен еще с одним весьма значительным событием — деятельностью Кирилло-Методиевского общества. М. А. Максимович не просто общался с его членами, но и разделял их взгляды на общественные отношения, систему государственного устройства, необходимость создания всеславянской федеративной республики. По рекомендации одного из организаторов общества Н. И. Гулака было решено издавать специальный журнал под редакцией М. А. Максимовича для пропаганды его идей. Позднее ученый переписывался с сосланными членами Кирилло-Методиевского общества, а после их возвращения оказывал им всяческую помощь, в частности Н. И. Костомарову при написании работ по истории Украины, П. А. Кулишу — при издании его первых произведений.

1 Соловьев С. М. Журнал «Киевлянин» // Москвитянин. — 1844. — Ч. 6, № 12. — С. 517.

2 Отечественные записки. — 1850. — Т. 70. — № 6.

3 Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 3, д. 5087, л. 1.

4 Там же, д. 5088, л. 1.

5 Там же, д. 6545, л. 1.

6 Марголис Ю. Д. Исторические взгляды Т. Г. Шевченко. — К., 1964. — С. 192.

В это время историческая наука в Украине находилась в стадии становления, развиваясь в процессе борьбы различных течений. М. А. Максимович признавался: «История здешнего края находится в страшном запустении и для нас надо работать и работать вновь»¹. Исследования ученого имели всеохватывающий характер — от философии истории, методики и принципов до научного осмысления источников, исторических событий и фактов. Среди постулатов философии истории М. А. Максимовича необходимо выделить следующий: история — дитя народа, она должна быть средством просвещения, воспитания граждан и формирования патриотических чувств.

Положив начало научно-критическому направлению в украинской историографии, М. А. Максимович взял под защиту многогранное историческое наследие прошлых эпох, письменные памятники старины — от «Слова о полку Игореве» до казацких летописей и «Апокрисиса», осветил историю книгопечатания и дал обстоятельную оценку деятельности его родоначальников. Изучая исторические события, материальные и духовные памятники, М. А. Максимович, в отличие от последующего поколения историков-систематиков, подверг глубокому анализу труды большинства ученых, начиная со времен Киевской Руси, в том числе А. Шлецера, В. Н. Татищева, И. Н. Болтина, Н. М. Карамзина, Н. А. Маркевича, М. П. Погодина, С. М. Соловьева, М. Т. Каченовского, Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша и др.

В 1847 г. М. А. Максимович начал редактировать «Обозрение Киева в отношении к древности», которое И. И. Фундуклей планировал издать к ожидаемому приезду царя (текст «Обозрения» составил студент третьего курса Киевской академии С. П. Крыжановский). Эту работу ученый завершил в течение двух месяцев, дополнив ее значительным количеством собственных материалов, а также написал в качестве введения «Очерк Киева».

Далее последовало редактирование «Обозрения могил, валов и городищ в Киевской губернии», составленного М. Грабовским. Позднее ученый вспоминал: «Книгу Грабовского, изданную Фундуклеем, я ... поправлял и самый текст в историческом отношении»². М. А. Максимович работал в библиотеках Киевской духовной академии, Софийской, Киево-Печерской лавры, Михайловского Златоверхого монастыря, в архивах, в том числе Выдубицкого монастыря, который, по утверждению В. С. Иконникова, превосходил «все взятые вместе архивы остальных киевских монастырей»³.

Но напряженный труд не спасал от одиночества и тоски. Ученый чувствовал себя достаточно здоровым и способным к более активной и полезной работе, но его многочисленные просьбы были гласом вопиющего в пустыне. Поиск работы продолжался до конца жизни, т. е. более 25 лет. «Теперь кончается десятый год, как я в отставке, — писал он в сентябре 1850 г., — в нынешнем сентябре начнется уже 47 год жизни моей; и мне жаль, что мои лучшие годы уходят не с той пользой, какая могла бы от них быть для Отечества и науки, при обстоятельствах и средствах, более благоприятных»⁴.

Жалобы на одиночество и бедность подчас прорывались глухим, тяжким стоном. «Как вспомню свою жизнь, — писал он, — в эти тридцать лет, то аж сердце вянет»⁵. В автобиографии, отправленной С. П. Шевыреву, он называл полвека своей жизни периодом очень трудным, «сжатым в одну горсть»⁶. В 1856 г. в поисках средств к существованию и для научных поездок он решился даже продать свой хутор. «... Богатство — не мой удел, — читаем мы в одном из его писем, — но я должен признаться, что бедность мне наскучила»⁷.

В 1849 г. М. А. Максимович ездил в Москву, где не был почти пятнадцать лет. Здесь он встретился со многими знакомыми, в том числе с Н. В. Гоголем, читавшем ему первую главу «Мертвых душ».

1 ГБР ОР, ф. 231, пог. II, картон № 19, д. 16, л. 92.

2 РГАЛИ, ф. 373, оп. 1, д. 224, л. 57.

3 Иконников В. С. Опыт русской историографии. — К., 1891. — Кн. 1. — С. 648, 651.

4 Памяти М. А. Максимовича // Отт. журн. «Киев. старина». — К., 1898. — С. 90.

5 Киев. старина. — 1904. — № 4. — С. 456.

6 Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 1, д. 577/1471, л. 23.

7 Памяти М. А. Максимовича... — С. 58—59.

**М. В. Товбич —
жена
М. А. Максимовича.
Работа Т. Г. Шевченко**

Памятными были встречи у Аксаковых, во время которых обсуждались злободневные вопросы и пелись народные песни, чаще всего по «Голосам украинских песен».

Ученый работал страстно и плодотворно. В исторических фондах, отыскивая исторические и литературные материалы, относящиеся к Украине, он обнаружил редкие произведения, например «Вірші на смерть Сагайдачного» Касиана Саковича — ректора Киевского братства (1622 г.), Киево-Печерскую «Имнологию» (1630 г.). Ранее обнаруженный экземпляр этого произведения сгорел в Демидовском музее в 1812 г.

Еще свежими были воспоминания о былых трудностях, а М. А. Максимович вновь замышляет выпуск «Киевлянина». На этот раз он привлекает к сотрудничеству некоторых из старых знакомых (к сожалению, многих прежних единомышленников по журнальной деятельности в Москве и Петербурге уже не было в живых) и готовит статьи «О городе Степане и монастыре Степановском», «О гетмане Сагайдачном», «О Георгиевской церкви в Киеве», «О г. Переяславе». В 1850 г. новая книга «Киевлянина» вышла в свет. Позднее ученый сожалел, что успел издать только три книги: очевидно, его планы были более широкими.

В 1853 г., на пятидесятом году жизни, М. А. Максимович женился на Марии Васильевне Товбич — дочери небогатого помещика, жившего по соседству. Жена была моложе его более чем на двадцать лет. Она получила начальное образование, однако была обаятельной женщиной, сумевшей завоевать глубокую симпатию среди знакомых М. А. Максимовича в Киеве, Москве и Петербурге.

Тоска ученого в эти годы была вызвана тремя причинами: во-первых, неудовлетворенностью общественной средой, которая губила лучшие умы эпохи (имеется в виду самодержавный крепостнический строй); во-вторых, невозможностью полностью применить свое огромное дарование; в-третьих, горьким предчувствием того, что его супруга красавица Мария была ему неверна...

Ученый часто жаловался на свое тяжкое экономическое положение, тоску, бездеятельность, однако, несмотря на это, работал много и результативно. Часто с осени до весны уезжал в Киев, ругал родню жены («терпеть их нет мочи»), не переставал мечтать о переезде в Москву. Но не суждено было. Гений медленно угасал. Такова уж судьба отечественных титанов: одних вешали, других гноили в Сибири, третьих уничтожали нищетой, четвертых — умертвляли заживо.

У читателя может сложиться впечатление, что М. А. Максимович с его прогрессивным мировоззрением, как и абсолютное большинство выдающихся деятелей того времени, оказался «лишним человеком». Подобный тип талантливых людей отразили в своих произведениях многие выдающиеся писатели — А. С. Пушкин, М. В. Ломоносов, Т. Г. Шевченко, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь. Однако могучее дарование и неутолимая жажда деятельности до последних дней побуждали ученого к творческому поиску.

Именно в эти тяжелые годы М. А. Максимовичем было написано большое количество произведений, в частности «Букварь для русского народа», статьи «О слове о полку Игореве», «Дни и месяцы украинского селянина», знаменитые «Филологические письма к М. П. Погодину», «Ответные письма к М. П. Погодину», «Воспоминания о Богдане Хмельницком», «Объяснительные параграфы о Киеве», «Письма о Киеве» и многие другие.

Горечью веет от его слов: «Не знаю, от старости что ли чувствую себя утомленным и равнодушным к движениям современной жизни, а может быть, в ней самой нет ничего привлекательного и радостного для состарившегося человека, принадлежавшего к прошлому поколению и времени...»¹; «В Михайловской хатке своей я чувствую себя спокойнее и светлее, чем здесь, туда, на простор и безлюдье»². Но вернувшись, вновь не находит себе места и жалуется, что ему осточертела эта пустынная гора и безлюдье. Он был оторван от культурных центров, его угнетали скудный быт и многолетние долги.

* * *

М. А. Максимович был основоположником украинской этнографии. Следует отметить, что этнографические воззрения ученого не были следствием ортодоксального увлечения историей романтизма, как у ряда историков более позднего времени. Однако идеи И. Гердера об изучении внутренней жизни, истории и фольклора народа в его трудах прослеживаются. Он увидел в этнографии то, что не было осмыслено современной ему наукой, определил сущность и задачи предмета, методологию, методы и формы исследований, впервые указал на взаимосвязь этнографии с другими науками, прежде всего с историей, филологией, исторической географией. От этого, по мнению М. А. Максимовича, зависит успех историко-географического изучения народов, их генезиса, культурно-бытовых и этнических процессов.

В начале 1846 г. Н. И. Костомаров пригласил ученого к себе на вечер и прочитал ему введение к только что законченной монографии «Богдан Хмельницкий». М. А. Максимович высказал ряд серьезных замечаний. Едва ли Н. И. Костомаров тогда предполагал, что вспыхнувшая еще в 30—40-е годы XIX в. полемика приобретет такой накал и будет продолжаться до конца 60-х, охватив большинство событий и сюжетов из истории Украины. Позднее об этой встрече М. А. Максимович писал: «С удовольствием вспоминаю тот вечер у г-на Костомарова в начале 1846 г., на старом Киеве, когда он прочел мне только что написанное им введение к истории Богдана Хмельницкого. И вот через двадцать лет я с наслаждением прочел уже всю его историю во втором издании»³.

М. А. Максимович был по праву признан также основоположником критического направления в историографии. Он не оставил без внимания ни одну из проблем истории Украины, ни одного из опубликованных в то время произведений, написал около 30 писем-статей в адрес их авторов, в том числе: «Письма о Богдане Хмельницком» к М. П. Погодину и Н. И. Костомарову (всего 18), «Письма о князьях Острожских» к графине А. Д. Блудовой (всего 7), «Исторические письма о казаках приднепровских» к М. В. Юзефовичу (всего 5) и огромное количество статей, которые дают яркое представление о борьбе двух направлений, освещавших исторические события и исторических деятелей с разных позиций.

Современники считали М. А. Максимовича наиболее компетентным исследователем истории казачества⁴. Ученый поднял знания по этой теме на качественно новый уровень, заложив, по

¹ Письма М. А. Максимовича к О. М. Бодянскому. — С. 165.

² Там же. — С. 126.

³ ГБР ОР, ф. 231, пог. III, картон № 8, д. 5, л. 3.

⁴ В частности М. П. Погодин в одном из писем к ученому отмечал: «Ты, например, знаешь казачество лучше всех нас» // Рус. беседа. — 1856. — Кн. 3, № 6. — С. 125. Подобным образом отзывался о нем и Н. И. Костомаров.

существо, основу для нового направления в трактовке важнейших фактов и событий казачьего движения. Не прибегая к детализации, отметим лишь, что М. А. Максимович правильно указал причины возникновения, периоды развития, сильные и слабые стороны этого движения. При всей очевидной идеализации труды ученого не утратили своей актуальности и сегодня.

М. А. Максимович решительно отстаивал тезис о наличии сословного неравенства как в Украине в целом, так и в казачестве. Не было равенства и мира в самой Запорожской Сечи. Ученый иронизировал по поводу утверждений о весьма высоком демократизме Запорожской Сечи, якобы воплощавшем в себе «демократические начала старорусского духа», погибшего в Московском государстве, о том, что казачья старшина не участвовала в закреплении народа. «Надо, — писал он, — иметь в виду и то, что малороссийское панство XVIII в. возникло наполовину и даже больше из самого казачества, и только меньшая половина его была из стародавнего шляхетства малороссийского»¹. Подавляющая же масса казачества была угнетаемой; свободного казачества оставалась лишь малая часть, да и та была «близкой к посполитству»².

Еще одна характерная особенность работ ученого — исторический оптимизм и реализм. Он был далек от пустословия и романтического идеализма. С одной стороны, он давал определения, ставшие хрестоматийными. «...Казачеству, — писал он, — выпал жребий: явиться представителем и защитником обиженного народа своего»³; с именем казачества «соединялось у нас понятие воинства: казак и рыцарь — вот синонимы». С другой стороны, отмечал, что казаки осуществляли жестокие набеги в Персию, Молдавию, российский пограничье и т. д.

Ученый подробно описал устройство, быт и традиции казачества, восхищался его воинской доблестью и отвагой. «Запорожье было гнездом, где родилась дружная, отважная, холостая ватага вольных казаков, плодилась без матери, ибо для них была Сечь матерью, а великий Луг — батько»⁴.

Несмотря на противоречивость некоторых выводов и положений, работы М. А. Максимовича, посвященные Освободительной войне 1648—1654 гг., оставили заметный след в исторической науке Украины. Отвергнув необоснованные теории о причинах войны (столкновение двух народностей, двух религий, следствие личных обид Б. Хмельницкого и близкой ему генеральной старшины), М. А. Максимович утверждал, что она была неизбежным историческим явлением, порожденным социально-экономическим и религиозным гнетом. «... Он (экономический гнет — П. М.) действительно был одним из поводов к восстанию казачества, ... которое началось вскоре после смерти Сагайдачного»⁵. Война была воистину народной, ибо в ней «принимали живое участие все сословия... и дворянство, и духовенство, и казачество, и мещанство, и простонародье или посполство»⁶.

Особый интерес представляют исследования ученого о гайдамаках и Колиивщине. Во-первых, в его оценке Колиивщина — это исторически обусловленное явление (вследствие жестокого угнетения); во-вторых, оно было продолжением борьбы против польской колонизации; в-третьих, воплощало давнишние чаяния народных масс Правобережной Украины о присоединении к Украине и России. Гайдамаки — «богатыри запорожские», они потряхнули стариною Богдановою⁷. Талантливые, восторженные зарисовки ученого вызывают симпатию к предводителям этого «народного бунта». По его

1 Максимович М. А. О Григории Николаевиче Теплове // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 559.

2 Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 2, д. 3891, л. 7.

3 Максимович М. А. Сказание о гетмане Петре Сагайдачном // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 364.

4 Максимович М. А. Бубновская сотня // Там же. — С. 837—838.

5 Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 2, д. 3891, л. 8.

6 Максимович М. А. О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшего в XVII веке // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 272.

7 Максимович М. А. Известия о гайдамаках // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 572—573, 579.

**Т. Г. Шевченко.
Фотопортрет
работы
И. Гудовского.
1859**

мнению, это выдающиеся сыны украинского народа, народные герои, и народная любовь к ним будет жить вечно, она отразится в повестях и народных песнях¹.

В конце 1857 г. М. А. Максимович (теперь вместе с женой) вновь приехал в Москву, где ему было предложено заведовать славянофильским журналом «Русская беседа». Он отредактировал сочинения П. В. Киреевского и подготовил к изданию журнал «Украинец», ставший, в сущности, преемником «Киевлянина». В нем были помещены «Псалмы на украинском языке», «Слово о полку Игореве» в подлиннике и на украинском языке (кстати, это был его первый стихотворный перевод), «Путевое воспоминание о Золотоноше», «Письма о Богдане Хмельницком» и др.

В Москве после длительного перерыва ученый вновь встретился с Т. Г. Шевченко.

...В мае 1843 г. Т. Г. Шевченко выехал из Петербурга в Украину. После непродолжительного пребывания на Черниговщине (в Качановке) он приехал в Киев, где впервые встретился с ученым, с которым был заочно знаком. При этой встрече присутствовал и П. А. Кулиш². В последующие годы Т. Г. Шевченко бывал на квартире М. А. Максимовича, они вместе посещали Н. И. Костомарова³. Эти встречи переросли в крепкую дружбу двух выдающихся мыслителей XIX в.

В свой следующий приезд в Москву в марте 1858 г. Т. Г. Шевченко остановился у М. С. Щепкина, жившего у «старого Пимена в доме Шелотьевой». И первым его гостем был М. А. Максимович, приехавший вместе с врачом Ван-Путереном. Друзья встречались почти ежедневно. 13 марта ученый привел к Т. Г. Шевченко А. М. Марковича и подарил свое исследование о Петре Конашевиче-Сагайдачном. Но, очевидно, отношения между ученым и поэтом не всегда складывались гладко. Вот фрагмент одного из писем М. А. Максимовича:

¹ ГБР ОР, ф. 152, д. 33, л. 8, 13, 17.

² Государственный музей Т. Г. Шевченко, д. 81, ч. 6, л. 60—61.

³ Там же, д. 313, ч. 1, л. 286.

«... Да и Господь с ним, человечина он великого художества, да душою не очень-то, не стоит нашего к нему внимания. Просто сказать: «Лукавый бестия», — между нами будет сказано»¹.

В июне 1859 г. М. А. Максимович, узнав о приезде Т. Г. Шевченко в Украину, с нетерпением ожидал его на Михайловой Горе. В середине июня Т. Г. Шевченко на лодке приплыл из села Козинцы (под Переяславом) к М. А. Максимовичу. В этот раз они провели вместе более недели, подолгу беседуя в вечерние часы (днем Т. Г. Шевченко ездил по селам, расположенным возле Корсуня и Черкасс). В середине июня (после ареста) поэт писал в показаниях следователю: «Переправившись через реку Днепр, пошел я в село Прохоровку Полтавской губернии к бывшему профессору и ректору университета г-ну Максимовичу, но, не дошедши несколько шагов до его сада, меня догнал становой пристав... с несколькими десятниками и тысяцким и арестовал меня». Как известно, в одном из сел Т. Г. Шевченко резко высказался против правительства и религии... К сожалению, новая встреча состоялась лишь через полтора года в Каневе. Это было прощание с поэтом.

Т. Г. Шевченко скоропостижно скончался 26 февраля (10 марта) 1861 г. Пророчески прозвучали слова Н. Г. Чернышевского: «Имея теперь такого поэта, как Шевченко, малороссийская литература также не нуждается ни в чьей благосклонности»². Тогда «Северная пчела» писала: «Из бедной комнаты покойного распространилась страшная весть по Академии, разлилась далее, далее и пошла по городу, отыскивая друзей и братию, каждому нанося рану в сердце»³. Острой болью отозвалось это известие в душе М. А. Максимовича.

В этот же день в Киеве у А. М. Лазаревского собралась группа почитателей Т. Г. Шевченко, которая приняла решение перевезти тело Великого Кобзаря в Украину, поставить ему памятник, издать его сочинения, основать народную школу его имени; основать стипендии для одного или нескольких студентов в Киеве, Харькове и Одессе; ежегодно посещать могилу поэта; помогать его родственникам. М. А. Максимович посвятил поэту несколько стихотворений. Вот одно из них:

Дало сердце, щоб любити
Широку волю,
Віщу душу, щоб боліла
За людську долю...

В память о Т. Г. Шевченко в саду И. Н. Гуссона в Полтаве был посажен дуб, огороженный решеткой. На прикрепленной к нему медной дощечке предполагалось выгравировать две строки из стихотворения М. А. Максимовича:

Твоя дума, твоя пісня
Не вмере, не загине.

За год до этого, в феврале 1860 г., М. А. Максимович пережил душевный подъем — он праздновал рождение сына Алексея, позднее — дочери Елены, ставшей в будущем широко почитаемой деятельницей на ниве просвещения. А прежде он тяжело перенес смерть большинства московских друзей.

Через жизненных потрясений в эти годы заставляла ученого все силы отдавать научной деятельности. Он стремится работать, «пока силы не покинут совсем», замышляет воплощение новой научной программы, мечтает о фундаментальной работе, посвященной Киеву, созданию университетского археологического музея. Собирает древности, с которыми он переписывался, отсылали ему редкие находки. Домашняя библиотека ученого превратилась в богатейший фонд редких книг и рукописей — с нею могли конкурировать разве что библиотеки Е. А. Болховитинова,

¹ *Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского*, ф. 32, л. 2.

² *Государственный музей Т. Г. Шевченко*, ф. 81, л. 156.

³ *Северная пчела*. — 1861. — № 48.

Дуб
Т. Г. Шевченко
в Полтаве

М. П. Погодина и Н. А. Маркевича. Исследователи и почитатели наследия великого ученого отмечали, что характерными его чертами были неослабевающее дерзание и неиссякаемое изобилие идей и планов. В конце жизни он так писал об этом: «Растут они в моей голове, но пасеки от того не составляется»¹.

В последние годы ученый, будучи признанным основоположником фольклористики и этнографии, все больше обращался к прошлому украинского народа и его будущему. После издания в 50-х годах XIX в. целого цикла сочинений («Дни и месяцы украинского селянина», «Филологические письма к М. П. Погодину», «Объяснение некоторых украинских песен», «О старобытности некоторых украинских песен», «"Псалмы", переведенные на украинское наречие») выходят в свет «Спор о малороссийских именах», «О старобытности малороссийского наречия», «Слово о полку Игореве» (в русском переводе М. А. Максимовича), «О грамматике Ломоносова» и др. Опираясь на большое количество источников, в том числе древнерусских, ученый писал: «Три русские наречия суть памятники древнерусского языка славян»²; «все известные языки сего круга, нося на себе печать общего происхождения, составляют семейство языков, как ветви от одного корня произросшие, и представляют собою только видоизменения одного родового языка, по имени коего все они называются словенскими или славянскими»³.

М. А. Максимович глубоко, в сравнительном аспекте проанализировал этнический и фонетический строй большинства славянских языков, всякий раз раскрывая и историческую общность, и достоинства. «Русская (древнерусская. — П. М.) речь широка как море, и наука о ней не малая»⁴. В филологическую науку им введены термины: полногласие языков юго-восточных славян (русского и украинского) и краткогласие западных и юго-западных. Для первой группы языков характерны широкий диапазон синонимов, антонимов и певучесть. По мнению М. А. Максимовича, эти качества особенно присущи языку великорусскому.

¹ Письма М. А. Максимовича к О. М. Бодянскому. — С. 180.; Памяти М. А. Максимовича. — С. 40.

² Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 1, д. 550, л. 29.

³ Максимович М. А. История древней русской словесности // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 3. — С. 425.

⁴ Максимович М. А. Филологические наблюдения и исследования // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 3. — С. 165.

**М. А. Максимович
в последние годы
жизни**

В сентябре 1871 г. праздновался 50-летний юбилей научной и литературной деятельности М. А. Максимовича, проведенный по инициативе ученых Киева и Москвы: 11—12 сентября в «Михайловской обители», а на следующий день — в зале Дворянского клуба в присутствии большого количества преподавателей, знакомых, студентов. Ректор Киевского университета Н. Х. Бунге и деканы факультетов А. И. Силин, В. А. Незабитовский и И. И. Рахманинов вручили юбиляру диплом доктора славянорусской филологии, а Общество естествоиспытателей — диплом почетного члена. М. А. Максимович поблагодарил за внимание и вместе с членами своей семьи заботливо потчевал гостей, дарил книги и фотографии, поднял тост за дружбу академии и университета.

В дни торжеств ученый получил множество поздравительных телеграмм и писем от различных обществ из разных городов страны. Он был избран почетным членом 21 организации — обществ и учебных заведений. Не могли не отреагировать на это событие и власти: было получено официальное поздравление Министерства народного просвещения, которое выделило ученому единовременное пособие в сумме 3000 рублей. Значительную его часть щедрый юбиляр израсходовал на празднование, и через полгода от него остались лишь воспоминания. Академия наук избрала М. А. Максимовича членом-корреспондентом по отделению русского языка и словесности¹ и в качестве дара прислала ему 30 томов своих изданий, в том числе 6 томов сочинений Г. Р. Державина и 7 томов Макария.

В 1872 г. состоялась последняя поездка ученого в Москву и Петербург. «О моем 15-дневном пребывании в Питере, — писал он, — сохраняю приятнейшее воспоминание»². В сентябре того же года, вдохновляемый новыми творческими порывами, он вновь приехал в Киев, где пробыл 25 дней. Ученый хлопотал о проведении в Киеве в 1874 г. Третьего археологического съезда, писал биографические воспоминания (о Тимковских), которые замышлял закончить вместе с двоюродным братом В. И. Тимковским, посетившим его на Михайловой Горе в мае 1872 г. М. А. Максимович успел выполнить только часть этой работы, опубликованной в 1898 г. в «Киевской старине». Ряд материалов он переслал в Петербург В. И. Тимковскому, который, однако, не смог завершить начатое по состоянию здоровья.

Предчувствуя близкую кончину, ученый задумывается о распределении книг своего богатого книгохранилища: «Главную половину их оставляю в достояние общественное после себя...»³. Онемели

1 Архив РАН, СПб., ф. 157, оп. 2, д. 164, л. 2; ф. 9, оп. 1, л. 476.

2 Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 3, д. 4847, л. 96.

3 Там же, д. 4850, л. 120; д. 4852, л. 131.

**Памятник
на могиле
М. А. Максимовича**

пальцы правой руки — он стал писать левой. Почти два месяца лежал или неподвижно сидел, наблюдая в окно за пробуждением природы. А болезнь не отступала...

За плечами осталась богатая событиями и творческими достижениями жизнь. Но и кончина ученого была необычной, магически предсказанной и предопределенной им самим...

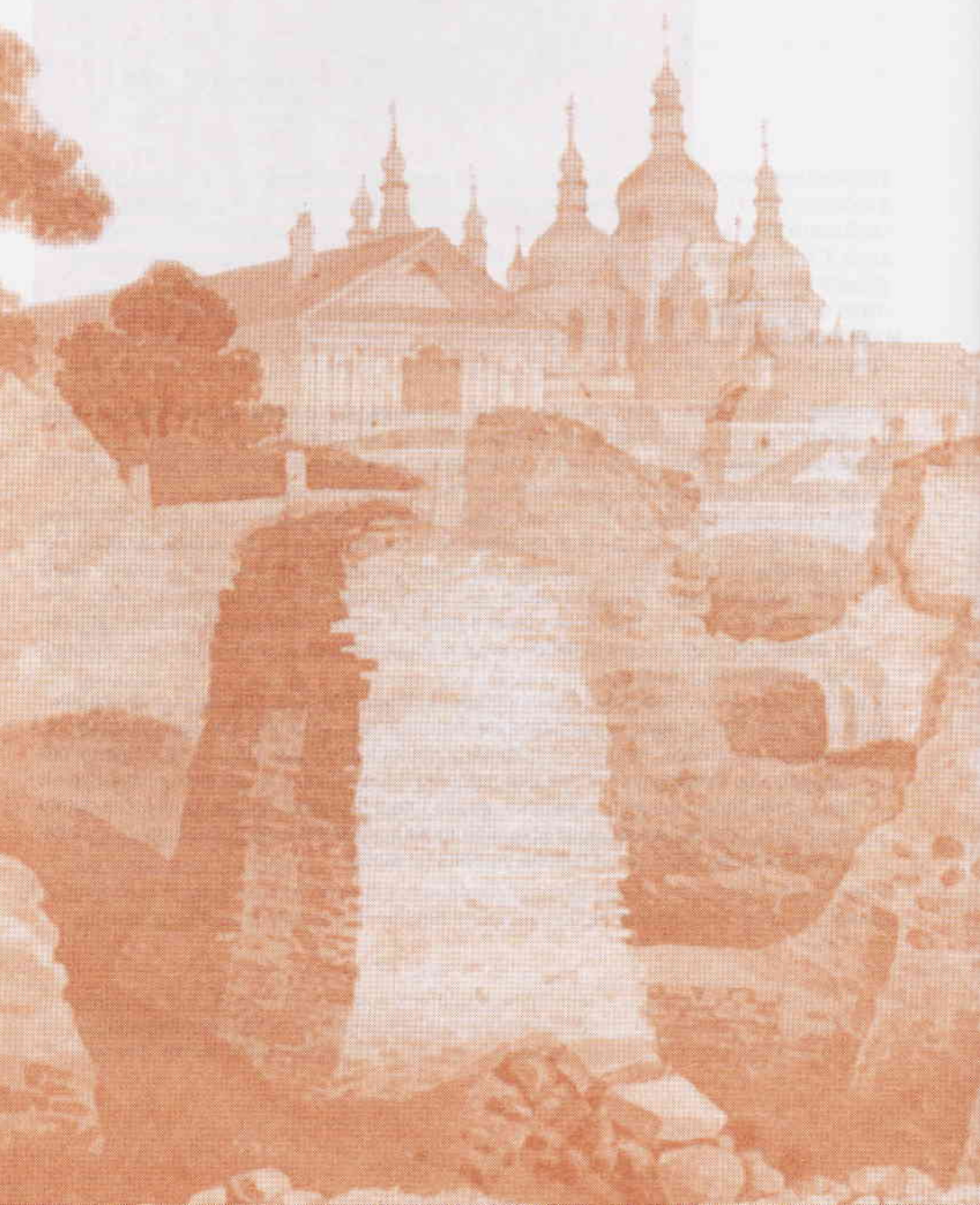
За три месяца до смерти М. А. Максимович заказал себе гроб, велел подготовить все необходимое, указал место могилы, которая была вырыта и обложена кирпичом (чтобы не было сырости). Перед смертью попросил раскрыть могилу, распорядился о наследстве и раздаче памятных вещей и книг своим знакомым. Утром 10 ноября (по старому стилю) 1873 г. он благословил жену, дочь и сестру жены, попросил подготовить белье и усадить в кресло. Затем позвал соседей, с которыми провел несколько минут в шутиливой беседе и, полюбовавшись из окна живописной окрестностью, навсегда закрыл глаза.

12 ноября 1873 г. М. А. Максимович был похоронен на Михайловой Горе, в ста шагах от своего дома. Над его могилой было сооружено высокое каменное надгробие, у которого часто собирались многочисленные почитатели ученого. Эта традиция возникла в 80-х годах XIX в. В летнее время они съезжались на Михайлову Гору, где вели продолжительные беседы на научные и литературные темы. Затем толпа медленно двигалась к могиле Тараса Шевченко. Вот так, даже после смерти дружба этих титанов была символически продолжена почитателями, протоптавшими тропу между могилами двух выдающихся сыновей украинского народа.

Да ведают потомки православных
земли родной минувшую судьбу.

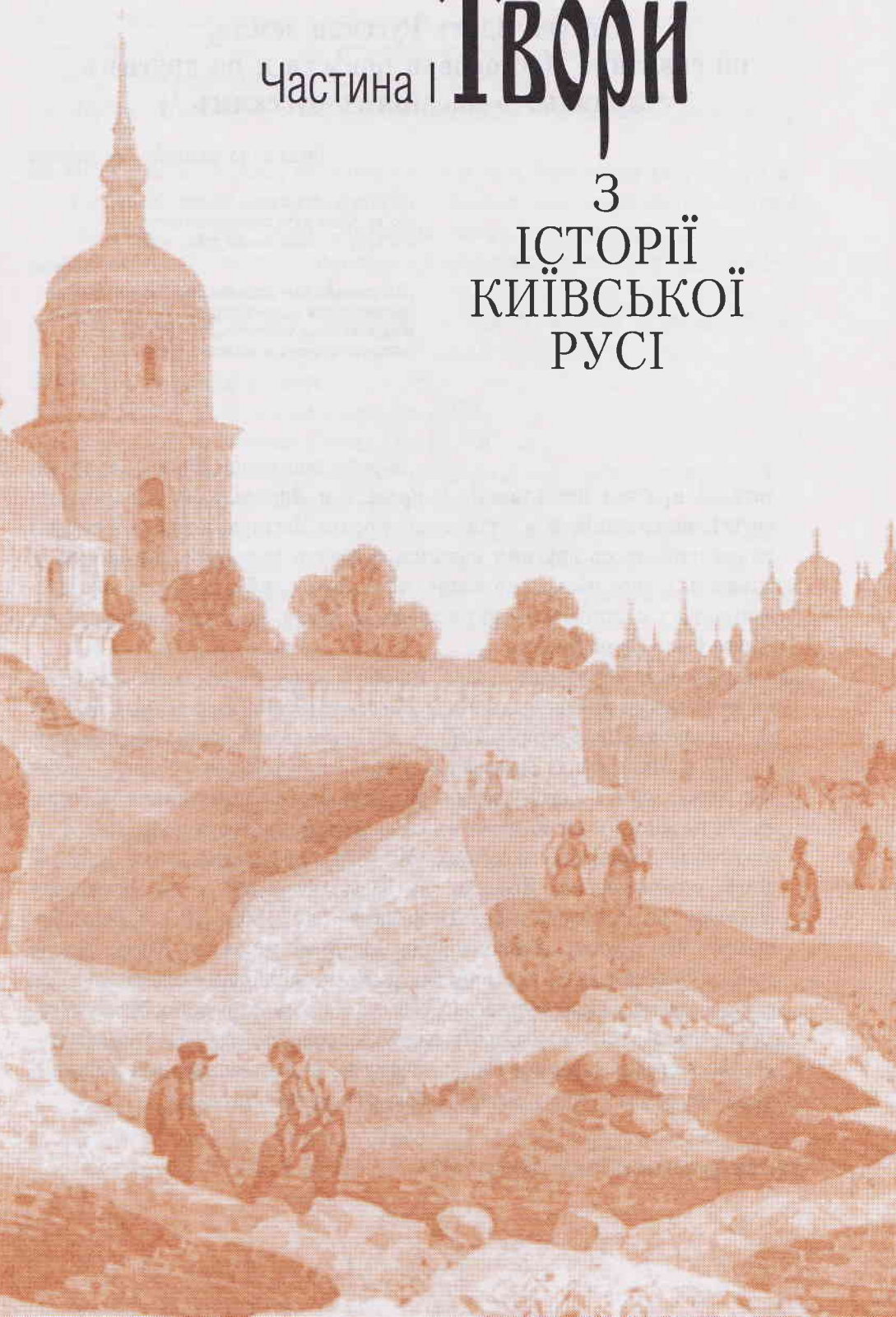
А. С. Пушкин

Частина I **Твори**

З
ІСТОРІЇ
КИЇВСЬКОЇ
РУСІ

Откуда идетъ Русская земля, по сказанію Несторовой повѣсти и по другимъ стариннымъ писаніямъ русскимъ ¹⁾

Посвящено памяти Ломоносова

«... Откуда есть пошла Русская Земля,
кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити,
и откуда Русская Земля стала есть».

Несторъ

«Неправедно разсуждаетъ, кто Варяжское имя
приписываетъ одному народу. Многія сильныя
доказательства увѣряють, что *Варяги* отъ
разныхъ племенъ и языковъ состояли».

Ломоносовъ

Представляю вниманію и суду читателей краткое изслѣдованіе о *Руссахъ* и *Варягахъ* въ нашемъ отечествѣ, по сказанію объ нихъ преподобнаго Нестора, которое я старался согласовать съ другими нашими, особенно древними, писаніями, и изъяснилъ оное нѣсколько иначе, чѣмъ другіе; ибо, по моему изслѣдованію, ни у одного Русскаго писателя до XIX в. не видно мысли, чтобъ Руссы было Скандинавы.

Для опредѣленія Несторова мнѣнія, приняты мною въ основаніе два списка его Повѣсти временныхъ лѣтъ: *Лаврентьевскій*, написанный въ Суздаль инокомъ Лаврентіемъ 1377 г., и *Ипатьевскій*, написанный также въ XIV в. (по мнѣнію Карамзина) и вѣроятно въ Южной Руси, — какъ два *древнѣйшіе*, а потому если и отступившіе отъ подлинника Несторова, то не много и не во многомъ. Первымъ изъ нихъ я пользовался по печатному изданію Тимковскаго (М. 1824), прерывающемуся 1019 годомъ, утвержденіемъ Ярослава въ Кіевѣ; вторымъ — по Шлецерову *Нестору* (въ Русскомъ переводѣ Языкова Спб. 1809—19.), оканчивающемуся 980 годомъ, началомъ княженія Владимірова въ Кіевѣ. Прочіе списки Русской лѣтописи принадлежать позднѣйшему времени, и, за исключеніемъ *Кенигсбергскаго* (XVI в. по Карамз.), представляютъ иногда значительныя отмѣны противъ двухъ первыхъ, сообразно мнѣніямъ, какія въ среднія времена были; почему въ такомъ значеніи я и принималъ сіи отмѣны, часто между собою совершенно сходныя.

¹⁾ Издано отдѣльною книгою. Кіевъ, 1837.

Для означенія же того, что называю я древнимъ, среднимъ, новымъ періодомъ нашей словесности, не лишнимъ почитаю здѣсь представить принятое мною дѣленіе оной на *періоды* и *отдѣлы*.

I-й *Періодъ, Древній* — отъ 60-тыхъ годовъ IX вѣка до послѣдней четверти XIII-го.

Въ 60-тые годы IX вѣка, началась новая жизнь Русской земли, съ пришествіемъ Руссовъ; началось Русское Православіе; составилаь Словенская грамота, книжный Словенскій языкъ и преложеніе на оныя священныхъ и церковныхъ книгъ, на коихъ основалось и утвердилось Русское просвѣщеніе въ Кіевѣ.

Господствомъ сихъ книгъ, книжно-Словенскаго языка и вліяніемъ *Греко-Восточнаго просвѣщенія* ознаменованъ сей древній періодъ.

Я раздѣляю древній періодъ на 3 отдѣла:

1-й *Отдѣлъ* — до кончины Ярослава, 1054.

2-й *Отдѣлъ* — до кончины Мономаха, 1125.

3-й *Отдѣлъ* — до конца древняго стольнаго Кіева, съ переселеніемъ Русскаго митрополита въ сѣверо-восточную Русь.

II-й *Періодъ, Средній* — отъ послѣдней четверти XIII-го по XVIII-й вѣкъ.

Переселеніемъ Русскаго митрополита изъ Кіева во Владиміръ-Залѣскій и первымъ тамъ соборомъ 1274 г. положено начало обновленія умственной и общественной жизни сѣверо-восточной Руси и того вліянія на нее *Русскаго духовенства*, какое особенно было въ сей періодъ, — означенный съ другой стороны вліяніемъ *Латино-Западнаго просвѣщенія* на умственную жизнь Южной и Западной Руси, съ которыми вмѣстѣ оно перешло и въ Великую Россію. Кромѣ того сей періодъ ознаменованъ сильнымъ раскрытіемъ, на Православіи утвержденной, *Русской народности*, и ея безпримѣрно богатымъ проявленіемъ въ *народной поэзіи* Великорусской и Украинской.

Я раздѣляю средній періодъ на 3 отдѣла:

1-й *Отдѣлъ* — до исхода XV вѣка.

2-й *Отдѣлъ* — до исхода XVI вѣка.

3-й *Отдѣлъ* — до конца XVII вѣка.

III-й *Періодъ, Новый* — XVIII-й вѣкъ и первая четверть XIX-го.

Въ 1700-мъ году, съ утвержденіемъ полнаго единовластія Петра Великаго, начались его нововведенія въ Россіи и преобразование оной по образцу Европейскому, чѣмъ и положено начало *Гражданско-Русскаго просвѣщенія* подъ вліяніемъ ново-Европейскаго. (Въ 1700 г., между прочимъ, прекратилось Русское патріаршество, начался Новый годъ съ Генваря, новое лѣточисленіе съ Р. Х.). — Стремленіемъ къ *Европеизму*, переим-

чивымъ подражаніемъ ему и его усвоеніемъ ознаменованъ сей новый періодъ, который я раздѣляю на 4 отдѣла:

1-й *Отдѣлъ* — до вѣка Елисаветы, по 1740 годъ (до Ломоносова).

2-й *Отдѣлъ* — до кончины Екатерины Великой, 1796 года (до Карамзина).

3-й *Отдѣлъ* — 1812 года (до Жуковского).

4-й *Отдѣлъ* — до кончины Александра I, 1825 г.

(Карамзинъ-историкъ предозначаетъ новѣйшее направление Русской словесности).

IV-й *Періодъ*, *Новѣйшій* или *Современный*.

Въ нынѣшнее историческое царствованіе возродилось общее стремленіе къ *самобытному* и своеобразному раскрытію *Русскаго духа* во всѣхъ отрасляхъ жизни, по собственной мысли и въ своемъ видѣ, — означилось *просвѣщенное* обращеніе къ *своенародности* и *положительности*: ибо раскрытіемъ народности мы были богаче всѣхъ, а стихія былевой (исторической) *положительности* была всегдашнимъ, природнымъ свойствомъ народности нашей — въ самой поэзіи.

«Се Русія — уродившия въ вѣрѣ Православной, за слушную рѣчь почитаемъ, абы вѣдалъ самъ и инымъ Русскимъ сыномъ сказалъ: отколь Русь почалася, и якъ панство Русское, за початку ставши, до сего часу идетъ.»

Закрываю мое предисловіе сими словами Кіевскаго инока Θεодосія Софоновича, изъ его *Хроники зъ Лѣтописцовъ стародавнихъ*, 1672 г.

О руссахъ и варягахъ

§ 1. По-Словенски *языкомъ* называется и собственно языкъ, и народъ. Такое двойственное значеніе сего слова, равно и его образованіе изъ слова *язъ* или *азъ* — я имѣютъ основаніемъ своимъ ту вѣрную мысль, что въ языкѣ выражается личность народа, и обличаютъ глубокое чувство и сознаніе сей личности у племени Словенскаго.

Исторія словесности и языка каждаго народа должна идти рядомъ съ исторіей самага народа, тѣмъ болѣе, что сія послѣдняя и основывается преимущественно на памятникахъ словесности и языка.

При изслѣдованіи языка Русскаго, при изъясненіи свойствъ его и опредѣленіи стихій, вошедшихъ въ его составъ еще въ древнемъ періодѣ, необходимо сперва опредѣлить: отъ какихъ народовъ могло быть вліяніе на языкъ старожилловъ въ Россіи — *Восточныхъ Словенъ?* 1)

1) — Народы *Словенскаго* или *Славянскаго* племени я раздѣляю на два отдѣла: на *Восточныхъ* или *Русскихъ* Словенъ и Словенъ *Западныхъ*.

Но при этомъ неизбежно прикасается къ тому вопросу, который такъ важенъ для нашей Исторіи, такъ занимателенъ и вмѣстѣ затруднителенъ для нашей исторической критики; на который она, при всемъ многообразіи соображеній и мнѣній своихъ, даетъ отвѣты рѣшительные, но не дала еще рѣшенія окончательнаго. Я разумю вопросъ: отъ кого досталось народу и языку нашему имя Руси, объединившее собою Восточныхъ Словенъ, вошедшихъ въ составъ Россіи? И если это имя не было общимъ для нихъ издревле ¹⁾, то какому народу принадлежало оно прежде — Словенскому, или не Словенскому, и какому именно?

I. Между ВОСТОЧНЫМИ или РУССКИМИ Словенами я различаю:

- 1) *Руссовъ Сѣверныхъ*, къ коимъ принадлежатъ *Великоруссы* или собственно такъ-называемые нынѣ *Русскіе*, и *Бѣлоруссы*.
- 2) *Руссовъ Южныхъ* или Украинно-Галицкихъ. — Сообразно сему и прежніе Восточно-Словенскіе народы (упоминаемые Несторомъ и другими) можно раздѣлить (по примѣру К. Калайдовича, 1815) на: 1) *Сѣверновосточныхъ*: Словены Новгородскіе, Кривичи съ Полочанами, Дреговичи. Сюда-же причислить должно и двѣ вѣтви, отшедшія отъ Ляховъ — Радимичи и Вятичи; въ составъ Велико-Руссовъ вошли и Куряне (которые зовутъ себя *Руськими*, отличая тѣмъ себя отъ Малороссіянъ, а потому слово *Русскій* напрасно усваивается исключительно Бѣлоруссамъ). 2) *Южновосточныхъ*: Поляны, Сѣверяны съ Суличами, Дрєвляны, Тиверцы и можетъ быть Вѣлье Хорваты (Галичане).

II. ЗАПАДНЫЕ СЛОВЕНЫ раздѣляются на: 1) *Сѣверо-западныхъ* или *Вендскихъ*, къ которымъ принадлежатъ: *Чехи* (съ Моравами) или *Богемцы*, *Словаки*, *Ляхи* (съ Мазовшанами или Мазурами, Силезами и съ прежними Лутичами Поморянскими и собственно Поморянами), *Сырбы* или *Венды* (Лузацкіе). Сюда же я причисляю и бывшихъ тамъ *Руссовъ* и другихъ Варяговъ Словенскаго племени (Вильковъ или Заодерскихъ Лутичей, Вагровъ и проч., уже обнѣмчившихся подобно Поморянамъ).—

- 2) *Южнозападныхъ* или *Задунайскихъ* (называемыхъ и просто *Южными*), къ которымъ принадлежатъ: *Сербы* съ прочими Иллирійцами, *Хорваты* или Кроаты, *Хорутаны* или Винды и *Болгары* (перешедшіе на Дунай съ Волги). Они первые изъ Словенскихъ народовъ сдѣлались грамотными, и ихъ языкъ образовался въ книжнословенской, какъ справедливо у насъ принялъ Востоковъ, — въ *Собр. Слов. Пам.* Кеппена 1827, — и какъ особенно изслѣдовалъ то Венелинъ, составившій и грамматику языка Болгарскаго, (къ сожалѣнію доселѣ неизданную). Неудовлетворительность дѣленія, предложеннаго Добровскимъ: на *Сѣверозападный* и *Юговосточный* отдѣлы уже давно замѣчена и у насъ, почему оно уже и оставлено нѣкоторыми и нашими писателями.

- 1) Мнѣніе, что имя Руси принадлежало жителямъ нашего отечества искони, съ незапамятныхъ временъ, въ настоящее время принимаетъ Венелинъ (*Древн. и нын. Болг.* 1829), признающій Сарматовъ и Гунновъ за-одно съ Руссами, къ коимъ причисляетъ онъ и Болгаръ, называя ихъ Волжскими Руссами — и Гуннами. Волжскими Словенами также и Ломоносовъ признавалъ не только Варяговъ-Руссовъ съ Балтійскаго Поморія, но и Болгаръ. — Отъ Волги производили и названіе *Волынянъ*.—

Съ тѣхъ поръ какъ Шлецеръ въ своемъ Несторѣ (1802 г.) обновилъ возникшее за 100 лѣтъ мнѣніе Байера ²⁾ или точнѣе сказать мнѣніе Тунмана о Варягахъ и Руссахъ, — ученіе о Скандинавскомъ происхожденіи Руси пересилило собою мнѣнія прежде бывшія у насъ на Руси, отъ

²⁾ Академикъ Байеръ, въ разсужденіи своемъ о *Варягахъ* (которое напечатано на Латинскомъ языкѣ 1735 года, а въ Русскомъ переводѣ явилось впервые кажется 1768 г. въ 1 ч. Исторіи Татищева) возстановилъ тотъ объемъ, какой имѣло слово *Варягъ* въ древней Русской лѣтописи, утверждая, что въ ней назывались такъ всѣ вообще Скандинавы и Даны; онъ положилъ основаніе и тому мнѣнію, по коему Руссовъ стали почитать племенемъ Скандинавскимъ, — по Тупмапу и Шлецеру — *Шведами*. Впрочемъ это мнѣніе долго еще не имѣло у насъ хода; ибо — съ одной стороны *Ломоносовъ*, имѣя такое-же какъ и Байеръ понятіе о *Варягахъ* относительно Скандинавовъ, сильно поддерживалъ противъ Миллера давнее и общее у насъ мнѣніе о *Словенизмѣ* Варяго-Руссовъ, мнѣніе, хотя у него и не очень ученымъ образомъ (по понятію Шлецера) обставленное, но въ сущности дѣла справедливое. Ломоносову въ этомъ соревновалъ даже противникъ его *Тредьяковскій*, который въ то-же время писалъ противъ Байера и другихъ *три разсужденія*, напечатанныя 1773 г. Тредьяковскій, доказывая по-своему *Словенизмъ* *Варяго-Руссовъ*, имя Варяги распространялъ не только на Скандинавовъ, но и на всѣ Западно-Европейскіе народы, сообразно не Несторову, но древнѣйшему значенію у насъ этого слова (см. § 9, нашего изслѣдованія). — Съ другой стороны — вскорѣ послѣ исторіи Ломоносова издана была наконецъ (1768—84) исторія *Татищева*, и его мнѣніе о происхожденіи Руссовъ отъ Финновъ, происхожденіемъ почти современное Байерову мнѣнію, сдѣлалось господствующимъ между Русскими, особливо съ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка, послѣ того, какъ это мнѣніе поддержалъ Болтинъ (съ 1788). — Самъ издатель Татищева, трудолюбивый Миллеръ, былъ продолжателемъ и распространителемъ (съ 1750—72) сходнаго съ Ломоносовскимъ, давняго мнѣнія о пришествіи Руссовъ изъ Пруссіи (гдѣ жили *Роксоланы* по Георг. Равенск.), которое подержано было и со стороны князя Щербатова (1770). Такимъ образомъ, до Болтина господствовала *старая Русская* или *Ломоносовская* историческая школа, ведущая къ намъ Русь черезъ Новгородъ съ *Сверозапада*, съ *Поморія Балтійскаго* и производящая ее отъ Роксоланъ. — Такое мнѣніе и не могло не имѣть хода, когда принято было и Миллеромъ, оставившимъ Байерово мнѣніе, послѣ горькой неудачи высказать оное въ своей академической рѣчи. — Вслѣдствіе непремѣннаго настоянія Ломоносова передъ Шуваловымъ, Миллерова рѣчь, уже напечатанная, была подвергнута ученому суду и разбору членовъ Академіи Наукъ (Ломоносова, Попова, Крашенинникова, Струбе, Фишера) и неодобрена ими къ произношенію и выходу въ свѣтъ: ибо, пишетъ Тредьяковскій, «освидѣтельствованная всѣми членами академическими, нашлась, что какъ исполнена неправости въ разумѣ, такъ и ни къ чему годности въ слогѣ». Такъ сильно не-по-нраву и не-по-мысли своего времени было мнѣніе о *Скандинавскомъ* происхожденіи Руси, которое, послѣ того событія, считалось тогда не только несправедливымъ, но даже заторнымъ, — подобно тому, какъ и Татищева исторія долго, до выхода въ свѣтъ, слыла подозрительною. — Несмотря однако на эти дѣла и преданія минувшихъ лѣтъ, наша историческая

Нестора до Ломоносова и Болтина; и этому ученію послѣдовала большая часть нашихъ лучшихъ, всѣмъ извѣстныхъ писателей по Русской исторіи. — Еще прежде Шлецера, бывшій адъюнктомъ Байера Миллеръ хотѣлъ было въ академической рѣчи (О началѣ народа и названія Русскаго, 1749) провозгласить Скандинавское происхождение Руси. Но въ ту пору всеобъемлющій Ломоносовъ остановилъ его; а потомъ уже и самъ Миллеръ былъ противъ онаго мнѣнія и приблизился къ мнѣнію Ломоносова, который, по выраженію Шлецера, и въ исторіи былъ оракуломъ для Русскихъ, — который и въ этомъ случаѣ сдѣлалъ тоже, что и съ языкомъ Русскимъ. Въ полновѣсной рѣчи Ломоносова слились и древняя Словенщина, и Латынь, и Германизмъ; въ историческомъ его мнѣніи о Руси совмѣстились прежнія начала, коими изъясняли ея происхождение. По его мнѣнію, Варяго-Руссы были Словенскій народъ, древле переселившійся на Варяжское Поморіе съ Волги, нынѣ Мордвою называемой *Ра*, — вышедшій оттуда вмѣстѣ съ Аланами, потому и названный Роксаланами и Аланъ-Орсами ¹⁾, а самъ по себѣ называвшійся Россами, Россанами (и даже Ранами, отъ р. Ра, какъ называетъ Гельмольдъ Словенъ Ругійскихъ); по переселеніи ихъ въ Россію, прежнее мѣстопребываніе ихъ въ Поморіи назвалось Поруссіей или Пруссіей, не по сосѣдству, а по наслѣдованію (см. его *Древнюю Россійскую Исторію*, 1766, и въ *Крат. Россійскомъ Лѣтописцѣ*. 1760). —

Въ 1768 г. Миллеромъ изданъ I-й томъ Исторіи Россійской Татищева (до толъ ходившей въ рукописяхъ), въ коей Руссы производятся отъ *Финновъ* (а Рюрикъ отъ королей Лифляндскихъ). Сіе мнѣніе между писате-

---

критика начинается съ Байера и Татищева; оба они ведутъ къ намъ Русь прямо съ *Съвера*, изъ-за *Балтійскаго моря* — (одинъ изъ Скандинавіи, другой изъ Финляндіи); оба были основателями двухъ *новыхъ* у насъ системъ историческихъ; у каждого былъ свой сильный провозвѣстникъ сходной критической умонаклонности: сначала зъ Татищева — *Болтинъ*, потомъ у Байера — *Шлецеръ*. Потому сперва образовалась школа (Татищеве-Болтинская) *Съверно-Финскаго* происхождения Руси; потомъ школа (Байеро-Шлецеровская) *Съверно-Скандинавскаго* происхождения Руси.

¹⁾ Отъ Роксоланъ производили нашихъ Руссовъ еще въ XVI вѣкѣ разные ученые иностраные. Въ прошломъ столѣтіи у насъ Татищевъ опровергалъ это; но Ломоносовъ и многіе другіе писатели признавали за вѣрное. Въ нынѣшнемъ десятилѣтіи Венелинъ, Бутковъ, Бодянскій опять обратились къ этому древнему роднику Руссовъ, хотя этихъ общихъ имъ *Роксоланъ* каждый принимаетъ различно — одинъ за Словенъ, другой за Финновъ, третій за народъ племени Турецкаго — что кому надо, смотря по системѣ.

лями нашими имѣло многихъ послѣдователей ¹⁾ и было господствующимъ до исторіи Карамзина.

Но послѣ того какъ Шлеперово мнѣніе принялъ Карамзинъ, впрочемъ поворотивши его нѣсколько на Ломоносовское (ибо Руссовъ Шведскихъ онъ провелъ къ намъ черезъ Пруссію), — у насъ стало господствовать покрываемое именемъ Нестора мнѣніе, будто Руссы были народъ Скандинавскаго или Гото-Нѣмецкаго племени. — Въ слѣдствіе того новый историкъ нашъ — Полевой принялъ за основное предположеніе, что Скандинавами начинается исторія Русскаго народа, и съ нихъ началъ свою исторію (1829). Но Сенковскій полагаетъ, что покоренные Руссами-Скандинавами Словены и Финны *обрусьли* прежде, чѣмъ покорители ихъ, забывъ нарѣчіе свое, сдѣлались *Человѣками* т. е. Словенами; что овладѣнные Руссами, съ принятіемъ ихъ имени, неминуемо должны были утратить свою народность и сдѣлаться Скандинавами въ образѣ мыслей, нравахъ и даже занятіяхъ. Русскій языкъ называетъ онъ химическимъ соединеніемъ Словеснаго и Скандинаво-Нѣмецкаго, съ примѣсю Финскаго, и говоритъ, будто даже Запорожскіе казаки говорили Скандинавскимъ языкомъ, а начало Украинскихъ думъ сопряжено съ Исландскою словесностью (Сагою); Запорожье называетъ онъ *Днѣпровскою Скандинавією Руссовъ*. ²⁾

1) Татищевское мнѣніе о происхожденіи Варяговъ-Руссовъ изъ Финляндіи возобновилъ въ нынѣшнемъ году Бутковъ (см. его статью *о Руси и Руссаладѣ* въ Сынѣ От. 1836, № 1), весьма увеличивъ оное присоединеніемъ древнѣйшей Руси Ломоносовской, но съ распространеніемъ на нее Финскаго родоначалія. — По гипотезѣ Буткова — кромѣ Варяговъ-Руссовъ, названныхъ *Гото-Русами* и приведенныхъ изъ Финляндіи или *Руссаланда* (что напоминаетъ мнѣніе Академика Струбе), къ Руси причисляются еще прежніе Роксоланы, перешедшіе на Балтійское Поморіе издревле съ Волги, Дона и Дуная, въ которыхъ Бутковъ «узнаетъ поколѣніе *Финское*, коего точное имя было *Руска-лайнъ* отъ Финскихъ-же словъ *руска* — рыжій, русый, красный — общій обликъ Финскій — и *лайнъ*, родъ, племя», — почему и у Татищева *Финны* назывались также *Чермными*. Ибнъ-Гаукаловыхъ Руссовъ Бутковъ надѣется открыть также въ Поволжской *Чуди* — въ Чувашихъ, Черемисахъ, Мордвѣ — «вѣроятныхъ однородцахъ Роксоланскихъ» — въ этой *Руси Пургасовой* (1228 г.), на которую указываетъ онъ какъ на Русь забытую, пропущенную критиками. — Въ такомъ обширномъ, новомъ видѣ является Татищевская система, пополняя содержаніе и объемъ свой началомъ старой Русской школы, которое она покрываетъ своимъ собственнымъ Чудскимъ началомъ; а истощая оное въ своемъ первомъ родникѣ, дополняетъ его Скандинавскою стихією Байеровской школы.

2) — См. Библ. для Чтенія, 1834, № 1 и др. — «Все ускользнуло — по словамъ Сенковского — отъ вниманія и проницательности нашихъ историковъ; все изсякло въ

Можетъ быть, такое впаденіе въ излишество и въ крайность ученія о Скандинавскомъ происхожденіи Руси предвѣдетъ, что сему ученію приходитъ уже конецъ: ибо такимъ явленіемъ обыкновенно кончались не только многія системы философіи и другихъ наукъ, но и разныя стремленія и направленія въ другихъ отрасляхъ мысли и жизни частной и общественной. Впрочемъ это покажетъ время! А между тѣмъ, какъ распространялось и доходило до такой крайности это ученіе, продолжались и особенно въ послѣднее время являлись мнѣнія, противорѣчащія

туманъ неумѣстнаго Словенизма и сдуто съ историческихъ страницъ Руси ледовитымъ дыханіемъ старой критики.» Много правды въ укоризнахъ Сенковскаго исторической критикѣ за ея отверженіе преданій народныхъ, за односторонность ея труповаго изслѣдованія буквы, а не духа въ исторіи. Но его обвиненіе Карамзина въ *Словенизмъ* слишкомъ скоро, равно какъ и его предпочтеніе Эймундовой саги лѣтописи Нестора.

Тѣ-же явленія Норманскаго свойства въ Русской исторіи можно изъяснить прямѣе, истиннѣе и плодоноснѣе *Словенизмомъ* Варяговъ-Руссовъ, отъ коихъ не только не утратилась народность старобитныхъ насельниковъ нашего отечества, но пробудилась и раскрылась съ новою силою и съ новымъ духомъ, такъ сказать, *удвоенного Словенизма*. И если уже надо сравнительное имя для земли Русской, то вмѣсто «Новой Скандинавіи», лучше-бы назвать ее новимъ *Поморіемъ* (именемъ, уже употребленнымъ въ Пѣсни Игорю для края, прилежащаго къ Черному морю); и тогда также можно-бы сказать вмѣстѣ съ Сенковскимъ, что «исторія Россіи начинается на водахъ Балтійскаго моря».

Что касается до его теоріи языкознанія, по подобію химической теоріи сродства, — то она хороша въ отношеніи чисто логическомъ, какъ теорія, выведенная умственно и притомъ примѣнительно къ законамъ естествознанія, но въ приложеніи къ исторической дѣйствительности своего собственнаго предмета — она невѣрна: ибо Русскій языкъ принялъ отъ Скандинавскаго еще меньше, чѣмъ отъ Татарскаго; притомъ-же Скандинавскіе Норманы вообще не передавали никогда языка своего, но сами принимали языкъ народовъ, у коихъ поселялись.

Вообще это химическое соединеніе Скандинавскаго и Словенскаго языка въ Русскій, и это фізіологическое претвореніе въ Русскомъ тѣлѣ Скандинавской крови въ Словенскую, суть предположенія даже лишнія для изъясненія историческихъ явленій Руси, — кромѣ того, что сами по себѣ они неправы противъ дѣйствительности.

Такимъ-же образомъ, принимая Варяговъ-Руссовъ за Словенъ Прибалтійскихъ, можно понять, съ коихъ поръ и какимъ путемъ стали являться у насъ разныя понятія, обычаи, законы, имена и другіе предметы, *общіе* намъ съ Балтійскими Словенами, — и для изъясненія сихъ явленій можно, кажется, совсѣмъ обойтись *безъ предположенія о вѣроятномъ переселеніи Балтійскихъ Словенъ на берега Волхова не прежде конца XI вѣка*. Тѣмъ болѣе лишнимъ мнѣ кажется такое предположеніе, что оно (противорѣча положительнымъ свидѣтельствамъ о древнихъ событіяхъ Новагорода и Кіева) требуетъ для основанія своего еще большаго предположенія, а именно — *отрицанія* самаго бытія Новагорода до XI вѣка, и вообще отрицанія древней исторіи нашего

Скандинавству Руссовъ, — и замѣчательно, что въ большей части ихъ обновлялись многія изъ прежнихъ мнѣній съ новою вѣроятностію и въ новыхъ видахъ.

Будемъ надѣяться, что новый историкъ-критикъ все это разнообразіе мнѣній приведетъ къ одному знаменателю, и изъ хаоса писаній Византійскихъ, Арабскихъ, Западно-Европейскихъ, Скандинавскихъ и своихъ отечественныхъ отдѣлитъ свѣтъ истины отъ тьмы недоумѣнія и сомнѣнія. Но пока совершится это, пока раскроется положительно древнѣйшая исторія Руссовъ, опредѣлится точнѣе и подробнѣе переходное ихъ и распространение въ нашемъ отечествѣ, — мы удовольствуемся для нашей цѣли своими Русскими писателями, особенно Несторомъ, и непосредственно изъ нихъ самихъ (соображая по возможности и съ иноземными писателями) изложимъ: какъ думали у насъ на Руси о Руссахъ и Варягахъ, сихъ первостепенныхъ дѣятеляхъ въ началѣ земли Русской? Этимъ историческимъ изложеніемъ мы покажемъ поня-

отечества; а таковое отрицаніе необходимо предполагаетъ еще другое — отрицаніе достовѣрности и подлинной древности Русской лѣтописи и всѣхъ древнихъ нашихъ памятниковъ; а для сего отрицанія необходимо предположеніе о позднѣйшемъ составленіи и систематическомъ, постоянномъ подлогѣ столькихъ памятниковъ!!! — На такомъ отрицаніи положительнаго заложено основаніе, и изъ предположительныхъ утвержденій начато построение новѣйшей, особенной исторической системы. По крайней мѣрѣ таковою мнѣ представляется система сія, относительно ея основныхъ началъ, — при всемъ уваженіи моемъ къ ученымъ трудамъ и достоинствамъ заслуженнаго ея основателя. — Отрицательное ученіе Каченовскаго о древней Руси совсѣмъ противоположно системѣ Сенковскаго, ибо Сенковскій преслѣдуетъ Шлецеровскій духъ отрицательнаго критицизма въ исторіи и предается сагамъ, кои Шлецеръ выбрасывалъ изъ Русской исторіи, какъ «Исландскія бредни». Но, послѣдовавъ догматизму или положительному ученію Шлецерова о Скандинавствѣ Руссовъ, онъ расточаетъ его до крайности: по Сенковскому — въ древней Русской исторіи все Скандинавія! — Напротивъ Каченовскій совершенно отрицаетъ ученіе о Скандинавствѣ и Руссовъ, и вообще Варяговъ, принимая вмѣсто того для Новагорода — Балтійскихъ *Словенъ Вагровъ* (подобно Герберштейну), для Кіева — *Черноморскую Азіатскую Русь* (предположенную Шлецеромъ и имъ-же самимъ отреченную отъ нашей исторіи). Но отрицательный духъ Шлецероваго критицизма Каченовскій распространяетъ на все древне-Русское и усиливаетъ до чрезвычайности: по его системѣ — ничего нѣтъ Скандинавскаго въ нашей древней исторіи, да и сама она вся — почти сказка! (см. прим. 14).

Вотъ двѣ новѣйшія *противоположности*, въ которыхъ Шлецеровская система распадается на свои составныя начала, доходя въ каждой до той крайней односторонности, при которой сіи разрозненныя начала дѣйствуютъ другъ на друга уже разрушительно, соединяясь съ другими началами прежнихъ источниковъ нашей исторіи.

тія писателєй, кои сами по себѣ составляютъ предметъ нашихъ занятій (исторіи Русской словесности); вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшимъ себѣ и подлежащій вопросъ о племени Руссовъ и Варяговъ, сколько нужно для нашей цѣли.

§ 2. Изъ Лѣтописи Русской видно, что Несторъ входилъ уже въ *соображенія* о началѣ прозванія Русской земли (безъ чего нельзя было, кажется, и обойтись писавшему о событіи семь спустя два вѣка); видно, что переименованіе Восточныхъ Словенъ общимъ именемъ Руси занимало и его самага, и его переписчиковъ, и продолжателей въ среднія времена: такъ, что лѣтопись Русская въ семъ отношеніи представляетъ не простое сказаніе о событіяхъ, но *мнѣнія историческія*.

Приступая къ собственно-Русскому бытописанью, Несторъ говоритъ: Русская Земля начала такъ прозываться при Греческомъ царѣ Михаилѣ, начавшемъ царствовать въ 852 г. «Въ лѣто 6360, индикта 15 день, наченшу Михаилу царствовати, начася прозывати Руска земля.»

Сказавъ это, онъ тотчасъ-же объясняется слѣдующими словами: «О семь бо (то есть, о началѣ прозванія земли Русской) увѣдахомъ, яко при семъ Цари приходиша Русь на Царьгородъ, яко-же пишется въ лѣтописаньи Гречьстѣмъ: тѣмъ-же отселе почнемъ и числа положимъ.» Здѣсь разумѣется нашествіе Руси на Царьгородъ, подъ предводительствомъ (владѣвшихъ Кіевомъ и землею Полянскою) Оскольда и Дира, на 14-мъ году царствованія Михаилава; слѣдственно *въ 866 году*, который у Нестора и относится къ началу Русской земли ¹⁾, въ которомъ дѣйствительно приходили на Царь-городъ Руссы, по сказанію многихъ Византійцевъ ²⁾.

1) По Нестору начало Русской земли въ 866 г., а не за 10 лѣтъ до Рюрика, какъ многіе понимали. — Слѣдственно, уже и по времени первое вторженіе Нормановъ 852 г. *in fines Slavorum* не совпадаетъ съ началомъ прозванія земли Русской, какъ полагаетъ Крузе, принимающій (подобно Нейману и другимъ) за начало прозванія Русской земли по Нестору 852-й годъ, который у Нестора относится къ началу царствованія Михаила. См. о семъ критическія замѣчанія Погодина на изданный имъ переводъ Нейманова сочиненія *о жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ*, 1826.

2) Отрицательная критика Шлецерова и современная отвергаетъ участіе Оскольда и Дира въ нашествіи Руси на Царьгородъ 866 года, на томъ основаніи, что Византійцы, при описаніи сего нападенія Руссовъ, умалчиваютъ объ этихъ Кіевскихъ князьяхъ. Но это умолчаніе еще не доказательство. Кто-же нибудь да предводилъ Русью и кого-нибудь хоть другаго могли-бы именовать Византійцы. Но они говорятъ только *вообще* о Руссахъ, не называя никого лично, по имени — или по незнанію того, или-же по нежеланію. Такая безличность въ сказаніяхъ о непріятельскихъ нападеніяхъ совсѣмъ

И такъ изъ сего ясно, что Несторъ потому *отсель* началъ собственно Русское бытописаніе, что имя Руси нашель онъ именно въ это время *историческимъ*, ибо лѣтописаніе Греческое было для него исторіей всемірною; ясно также, что названіе *Русской земли* онъ производитъ отъ *Руси, ходившей въ 866 году на Царьгородъ*, съ Оскольдомъ и Диромъ, изъ Кіева. Это основное, авторитетомъ Греческаго лѣтописанія утвержденное, положеніе у Нестора очевидно изъ его словъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію.

Въ подкрѣпленіе сего надо припомнить, что эти Руссы были первыми христіанами Русскими, принявшими тогда-же крещеніе, чудеснымъ дѣйствіемъ Святой Богоматери Влахернской — въ патріаршество Фотія, который обращеніемъ сихъ Руссовъ хвалился въ окружной грамотѣ своей 866 года ¹⁾. — По этимъ Руссамъ земля наша причислена къ Греко-восточной церкви, и считалась ея 60-мъ архіепископствомъ ²⁾.

не рѣдкое явленіе въ лѣтописяхъ. Такъ Гельмольдъ, описывая нѣсколько сходный съ нимъ приступъ Ружанъ къ Любеку и ихъ отраженіе Генрихомъ, не называетъ имени ни одного Ружанина. Арабскіе историки часто повѣствуютъ о побѣдахъ Руссовъ, безъ названія вождей ихъ. И въ нашихъ лѣтописяхъ нерѣдко говорится о нападеніяхъ разныхъ непріятелей, безъ имени ихъ вождей. Можно-бы привести здѣсь, что Византіецъ IX вѣка — *Георгій* (Гамартоль или Гръшный) упоминаетъ Оскольда и Дира, говоря о нашествіи Руси 866 года, въ своемъ *Временникъ*, который извѣстенъ былъ Нестору; но Георгіева лѣтопись намъ извѣстна только въ Словенскомъ переводѣ, и потому неизвѣстно, находятяся-ли имена Оскольда и Дира въ подлинникѣ Греческомъ. Впрочемъ, сказаніе Несторова о сихъ двухъ первыхъ на Руси христіанскихъ страдальцахъ и князьяхъ хотя и коротко, но столь опредѣлительно и ясно въ своихъ подробностяхъ, что сомнѣваться въ правдѣ онаго еще болѣе несправедливо, чѣмъ имя *Дира* признавать нарицательнымъ словомъ (*воевода*), какъ доказывалъ Байеръ. Дѣянія Оскольда и Дира съ сосѣдними народами и ихъ сношенія съ Византіяцами подлежатъ не отрицаніямъ, но еще новымъ соображеніямъ, послѣ которыхъ, мнѣ кажется, они представились-бы въ большей обширности.

- 1) «Руссы (говоритъ Фотій) славные жестокостью, побѣдители народовъ сосѣдственныхъ, и въ гордости своей дерзнувшіе воевать съ имперією Римскою, уже оставили суевѣріе, исповѣдуютъ Христа, и суть друзья наши, бывъ еще недавно злѣйшими врагами. Они уже приняли отъ насъ епископа и священника, имѣя живое усердіе къ богослуженію христіанскому (И. Г. Р., т. 1, стр. 119). Василиій Македонянинъ, по свидѣтельству Византіяцевъ, также послалъ къ нимъ *Михаила* епископа, посвященнаго патріархомъ Игнатіемъ (что было около 867 г.).
- 2) Когда именно Россія причислена къ Греко-Восточной церкви? — Во время Льва Премудраго около 891 г. Россія считалась уже 60-ю *Церковью* или *Митрополиєю*, подлежащею патріарху Константинопольскому, — какъ видно изъ росписи, находящейся у Кодина, сохранившейся и у насъ въ Софійскомъ и другихъ временникахъ подъ

Оскольдъ-же и Диръ суть первые *Русскіе* князья въ Кіевѣ ¹⁾, — въ которомъ водворившись 864 г., скоро сдѣлали они грознымъ на Черномъ морѣ имя *Руси*, и въ которомъ княжили они около 18 лѣтъ, до нашествія Олега (882). Ими былъ заключенъ и первый договоръ или *урядъ* Руси съ Греками ²⁾; и вообще начались наши сношенія съ Царемгородомъ, какъ сношенія *Руси*, ибо Кіевъ имѣлъ оныя гораздо давнѣе.

По этимъ Руссамъ, весьма усилившимся (въ княженіе Оскольда и Дира) на сѣверныхъ берегахъ Чернаго или Синяго моря, можетъ-быть и море сіе прослыло *Русскимъ* ³⁾, — подобно тому какъ море Балтійское (съ Нѣмецкимъ), по Варягамъ назвалось *Варяжскимъ*: то и другое имя у Нестора и у Арабскихъ писателей.

§ 3. Но откуда и когда пришли въ Кіевъ эти Руссы, и какого они были племени? — Сіе можно разрѣшить, читая далѣе повѣсть Несторову — отъ призванія Рюрика до завладѣнія Олегомъ Кіева, и изъ его космографическаго введенія. —

Новгородскіе Словены, Кривичи и Чудь, по изгнаніи отъ себя Варяговъ, коимъ они платили дань, и послѣ междоусобій, рѣшились *поискать* себѣ Князя, который-бы владѣлъ ими и судилъ по праву. Въ 862 г. они пошли за море *къ Варягамъ, къ Руси*: ибо такъ звались тѣ Варяги, какъ другіе зовутся *Свеямы*, другіе же *Урманами, Англянами*, другіе *Готами* («Сіце бо ся зваху тѣи Варязи суть; яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте; тако и си». *Лавр. сп.*)

именемъ *Льва Премудраго о митрополіяхъ, подлежащихъ патріарху Константинопольскому*. Но какъ и отъ Фотія, и отъ Игнатія были уже епископы въ Руси, то вѣроятно она была причислена подъ власть патріаршескую съ 866 года. —

- 1) Въ началѣ Ипатьевского списка (*Кіевской лѣтописи*) помѣщена перечень Князей Кіевскихъ, гдѣ говорится: «первѣе начаста княжити въ Кіевѣ Диръ и Оскольдъ, одино княженіе; а по нею Олегъ» — и т. д.
- 2) О семь договорѣ съ Руссами упоминается у Византійскихъ писателей, а именно въ жизни Василія Македонянина; но вѣроятно сей договоръ былъ не письменный, а только *просто словесный*. Эти первыя сношенія Руси съ Царьгородомъ, о коихъ извлеченія находятся и въ нашемъ позднѣйшемъ лѣтописаніи, кои такъ важны для бытописанія нашего вообще и въ особенности относительно введенія у насъ христіанской вѣры, — заслуживаютъ новаго и подробнѣйшаго изслѣдованія, какъ сказано выше.
- 3) Черное море у Нестора называется *Понтомъ, моремъ Понетскимъ* и *Рускимъ*; въ Пѣсни Игорю называется оно *Синимъ моремъ* (какъ у Турковъ Азовское или *Сурожское*); но въ Украинскихъ пѣсняхъ уже *Чернымъ моремъ*. Когда именно вошло у насъ это послѣднее имя? — Что касается до Запорожскихъ козаковъ, то названіе Чернаго моря они безъ сомнѣнія переняли у Татаръ; Горцы и Крымцы и теперь зовутъ его по-Татарски *Кара-Тэнгизъ*.

Изъ этого повѣствованія Нестора всего болѣе заключаютъ, будто онъ считалъ Руссовъ народомъ племени Скандинавскаго. Но изъ этихъ словъ его видно только то, что онъ *Варягами* называлъ не однихъ Шведовъ, Норвеговъ, Англянъ и Готовъ (народы Нѣмецкаго племени), но также и *Русь*; однако совсѣмъ еще не слѣдуетъ изъ сего одного мѣста, чтобы Руссы были и племени Скандинавскаго, а кромѣ сего ни откуда уже болѣе изъ Нестора того не слѣдуетъ!

Руссы на сѣверѣ могли именоваться *Варягами*, причисляться къ нимъ, и не бывъ соплеменниками прочихъ Варяговъ; но по общему пребыванію ихъ на *Варяжскомъ* морѣ, — по одинакому съ ними на морѣ томъ образу жизни *Варяжскому*, и даже по участию своему въ ихъ подвигахъ на сушѣ.

Таковыми дѣйствительно и были многіе изъ сѣверозападныхъ Словенъ Поморскихъ, между коими были сильнѣе всѣхъ, особенно славились на морѣ *Ружане*, называвшіеся *Ругіянами*, *Ранами* и *Руссами*.

Такъ Луитпрандъ (X в.), говоря объ Игоревомъ походѣ съ *Руссами* или *Россами*, называетъ ихъ еще и *Норманнами*, именно «*a positione*», какъ народъ *сѣверный* «*sub Aquilonis parte constituta*».

А что эти Варяги-Руссы были Словены, это увидимъ далѣе изъ Нестора; увидимъ также, что у Нестора Русь и Варяги строго различаются при описаніи отечественныхъ событій; что къ Варягамъ причисляется у него только та Русь, которая пребываетъ у Варяжскаго моря, въ отличіе отъ перешедшей уже къ намъ Руси.

Подобно сему иноплеменные намъ Варяги у насъ, въ Русской землѣ, принимали тогда имя Руси, но какъ мѣстное и временное, по службѣ своей.

Варяжскій и Новгородскій князь Олегъ, по завладѣніи Киевомъ, назвался *Русскимъ княземъ* ¹⁾, — также, какъ послѣ Литовскій князь Геди-

¹⁾ Документально въ *договоръ съ Греками* 912 года. — Сей древнѣйшій памятникъ Русскаго языка и законоположенія, сохранный въ спискахъ Несторовой лѣтописи, весьма важенъ въ многоразличныхъ отношеніяхъ для нашей исторіи. Шлецеру онъ могъ еще казаться сперва «загадкою, которую (по словамъ его) разрѣшить труднѣе Гомерово списка кораблей», а потомъ и поддѣлкою XIII или XIV вѣка; но послѣдовавшія ученія изысканія, особливо Эверсовы (1826 г.), уже рѣшили это достаточно. — Что касается до новѣйшаго сомнѣнія (Уч. Зап. М. У. 1834) о подлинности сего договора и подозрѣнія о его подложности и поддѣлкѣ по образцу западному, то это болѣе слѣдствіе *отрицательнаго ученія о древней Руси*, чѣмъ прямое возраженіе, изъ непосредственнаго новаго разсмотрѣнія сего памятника происшедшее (какъ у Шлецера.) Подобно сему возникли новыя сомнѣнія о подлинности и другихъ древнихъ Русскихъ памятниковъ, — именно какъ слѣдствія и теоретическіе выводы изъ общихъ

минъ, сдѣлавъ тоже (1320), назвался и княземъ *Русскимъ*; какъ Польскій король Казимиръ, по овладѣннїи Галиціей или Червоною Русью (1340), назвался и *королемъ Русскимъ*.

положеній этой отрицательной системы, потомъ уже подкрѣпляемыя разными доказательствами, направленными болѣе къ оправданію системы, чѣмъ къ открытію истины и разъясненію самихъ памятниковъ. — Убѣжденъ будучи съ своей стороны въ истинной древности и неподложности договоровъ Руси съ Греками, Повѣсти Несторовой, Русской Правды, Пѣсни Игорю и проч., основываясь на нихъ, какъ на памятникахъ подлинныхъ, — я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ и съ своей стороны объ этой *отрицательной системѣ*. — Относительной пользы и достоинства ея не отрицаю; признаю вполнѣ справедливость и тонкость многихъ частныхъ ея замѣчаній и подробностей; однако-же, въ ея *общемъ началѣ и направленіи*, я почитаю ее неправильною: ибо она оказалась покушеніемъ мысли оспорить бытіе, — усиліемъ логической возможности и вѣроятія опровергнуть историческую дѣйствительность и достоверность. — Не знаю, усвоится-ли системѣ сей достоинство *высшей критики*, во имя коей отвергаеть она наши древніе памятники: ибо, утверждаясь на понятіи независимомъ отъ предметовъ своихъ, она прикасается къ нимъ болѣе въ наружныхъ, отдѣльныхъ, случайныхъ подробностяхъ, чѣмъ проникаеть въ ихъ сущность и общую цѣлость. — Но *скептицизмомъ* система сія прослыла недаромъ: ибо «духъ отрицанія, духъ сомнѣнія» есть главный характеръ ея, по которому она составляетъ собою крайность *мнительнаго* и вмѣстѣ *самопроизвольнаго критицизма* Шлецерова. Но Шлецеръ, хотя часто небережно и своенравно обходился съ повѣстью Несторовой, — хотя непонятное для него, или несходное съ его мнѣніемъ обыкновенно слагалъ на вставщиковъ и переписчиковъ, однако видѣлъ все достоинство Несторовой повѣсти и важность ея для древней исторіи не только Русской, но и вообще сѣверной того времени, и старался истолковать, выразумѣть, объяснить ее. — Эверсъ, при всей противоположности Шлецеру въ положительномъ ученіи своемъ о Руси, нашель въ Несторовой повѣсти богатый источникъ истины для исторіи самага законодательства Русскаго. Не говорю о Карамзинѣ, Тимковскомъ, и большей части писателей современныхъ. Для всѣхъ были и есть несомнѣнны ея *достоверность* и *подлинность*, въ защиту коихъ еще недавно писалъ Погодинъ (Библ. для Чт. 1834-35). — Чѣмъ болѣе раскрывается наша древняя исторія, съ большимъ узнаніемъ писаній иноземныхъ, съ лучшимъ уразумѣніемъ нашихъ собственныхъ древнихъ памятниковъ, тѣмъ очевиднѣе становится и достоверность древней Русской лѣтописи и ея достоинство, въ сравненіи съ другими иноземными лѣтописями, передъ которыми Шлецеръ отдавалъ ей первенство и предпочтеніе, въ такихъ усиленныхъ выраженіяхъ. Но это самое достоинство ея и обратило противъ нея отрицательную систему, а вмѣстѣ съ нею и противу всей Древности Русской.

— Невозможно, говорятъ, что-бы Несторъ — Кіевскій, монахъ, въ XI вѣкѣ — могъ написать Лѣтопись довольно стройную и несовсѣмъ чуждую соображенія! Невѣроятно, что-бы онъ — въ Кіевскомъ монастырѣ, въ то время — имѣлъ такія свѣдѣнія, изъ коихъ многія неизвѣстны намъ изъ другихъ иноземныхъ писателей! Неизвѣстно, откуда именно Несторъ взялъ многія изъ этихъ свѣдѣній, а притомъ иноземцы о многомъ

§ 4. Перейдемъ къ призванію князей и пришествію съ ними Руси въ землю Новгородскую.

повѣствуютъ иначе! Нѣтъ списка отъ XI или XII вѣка, на которомъ-бы именно выставлено было, что это начало Русской лѣтописи, повторяющееся въ сотняхъ списковъ, написано *Несторомъ!* — Но вмѣсто того, чтобы заняться еще большимъ объясненіемъ сихъ (уже значительно изъясненныхъ) обстоятельствъ, а въ случаѣ остающихся, еще недоразумѣній предоставить ихъ на рѣшеніе будущимъ изслѣдованіямъ, — отрицательная система отвергла самое явленіе: лѣтописи Нестора она отказала въ древности и подлинности, и назвала ее позднѣйшимъ и недостовернымъ сборникомъ XIV-го, а можетъ-быть и конца XIII вѣка, — будто въ это тяжкое для Руси время легче было составить ее иноку Суздальскому или Новгородскому! —

И на такомъ-то основаніи почти вся древняя историческая жизнь Руси, съ ея первыми лицами, событіями и большею частію памятниковъ ея словесности, заподозрѣна въ позднѣйшемъ вымыслѣ и даже умысленномъ подлогѣ, въ переименованныхъ заимствованіяхъ изъ какихъ-то иноземныхъ писаній (или непоказныхъ, или ничего непоказывающихъ въ пользу системы, напр. Гельмольда, Адама Бременскаго). — Въслѣдствіе того Рюрикъ съ братьями, Оскольдъ и Дирь, Олегъ (не говоря уже о Кіѣ, Щекѣ, и Хоривѣ, о Гостомыслѣ и Вадимѣ) — признаны за лица баснословныя! Завладѣніе Новгородской земли Варягами, призваніе трехъ братьевъ на княженіе, сказаніе о началѣ земли Русской, о походахъ вѣщаго Олега, о покореніи Полоцка Владиміромъ и его родоначальи Полоцкихъ князей — вымыслы! Путешествіе С. Ольги на сѣверъ, княженіе Владиміра и Ярослава въ Новгородѣ, Русская Правда и самое бытіе Новагорода до конца XI вѣка — все это должны быть умысленныя и позднѣйшія выдумки хитрой политики Новгородцевъ! *Небывалье-же и нестоющіе критики* договоры съ Греками Олега, Игоря и Святослава (не говоря уже объ церковныхъ уставахъ Владиміра и Ярослава) — то-же Новгородскія поддѣлки XII или XIII вѣка, подобно Русской Правдѣ! А Пѣснь Игорю — это поддѣлка еще позднѣйшая, чѣмъ лѣтопись, приписываемая Нестору: ибо вѣроятно-ли, чтобы у насъ она явилась въ то время — «когда еще въ Европѣ большею частію писали на Латинскомъ языкѣ, когда еще не раздавались народныя пѣснопѣнія, не было еще Дантовой Божественной Комедіи и Петрарковыхъ канцонъ?» ... —

Сколько знанія, соображенія, искусства и труда надо предположить въ XIII или XIV вѣкѣ на Руси, допуская вымыслъ исторіи, какую только вѣковая жизнь народа сильнаго создавать можетъ! Предполагая возможность поддѣлки памятниковъ, столь похожихъ на истинные и подлинныя, столь согласныхъ съ неоспоримыми останками нашей древности и сообразныхъ съ событіями того времени у прикосновенныхъ къ намъ народовъ и ихъ писаніями!! — И изъ какихъ-бы это видовъ? Изъ корыстной-ли, общественной выгоды хотѣли дѣйствовать на современниковъ? Или-же изъ самоотверженія и любви къ своему прошедшему замыслили о потомствѣ?... И въ комъ-бы нашлось тогда столько знанія и умнія: уже-ли въ промысленникѣ Новгородскомъ? Кто-бы рѣшился на такое недобросовѣстное и непрямое употребленіе своего дарованія: уже-ли набожный инокъ Суздальскій?... Слишкомъ высокое въ первомъ отношеніи, погрѣшительное во второмъ, и несправедливое во всякомъ случаѣ понятіе о старинѣ Русской XIII и XIV вѣка!

«Ркоша Русь, Чудь, Словене, Кривичи и Вся ¹⁾: земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да пойдѣте княжить и володѣти нами! Въ-слѣдствіе сего призванія — «изъбрашася три братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша».

Разсмотримъ сначала призваніе, одно изъ трудныхъ мѣстъ для объясненія, по самой краткости своей.

Средство *всеобщаго* подлога *литературнаго* для того времени есть совершенная невозможность и несообразность во всѣхъ отношеніяхъ, — и цѣлая система столь искуснаго вымысла столькихъ памятниковъ, въ XIII или XIV вѣкѣ, была-бы явленіемъ гораздо болѣе неизъяснимымъ и непримѣрнымъ, гораздо менѣ вѣроятнымъ и возможнымъ, чѣмъ дѣйствительное явленіе оныхъ въ свое подлинное, древнее время, до нашествія Татарскаго! —

Были и у насъ въ среднія времена свои вымышленныя сказанія о Руси и не Руси, впрочемъ изъ замышленій менѣ обширныхъ и болѣе простодушныхъ; но они у насъ и признаются за вымыслы и отличаются отъ дѣйствительности, какъ отъ подлинной Татарской монеты отличается поддѣлка Болгарская. Если-же настоящія письмена на какой-нибудь древности покажутся иногда простыми арабесками, то это вина уже критики.

Въ позднѣйшее время являлись и у насъ литературныя подлоги: но кто-же вѣритъ, на примѣръ, въ подлинность Іоакимовой лѣтописи, гимновъ Бояновыхъ, писанныхъ рунами Словенскими?...

Что касается до недостатковъ, погрѣшностей и заблужденій, то они были и есть у насъ, какъ и вездѣ и всегда: «errare humanum est» говорили Латины; но по Русской пословицѣ «ошибка въ фальшъ не ставится». — И если древняя Русь въ XI и началъ XII вѣка не была дикою степью и пустынею, какъ земля Половецкая или Скандинавія, — если она съ принятіемъ православія скорѣе другихъ просіяла-было и кой-въ чемъ упредила современный ей западъ: то я не вижу еще основанія и причины почему-бы намъ отрекаться отъ того и наводить сомнѣнія на древнюю жизнь Руси. Созданныя думы и слова ея сохранили ее для памяти потомства; и никакая критика, самая мнительная и недоувѣрчивая, со всюю силою своей возможности и вѣроятія, не въ-силахъ поколебать ея исторіи, опровергнуть памятниковъ ея словесности. Вѣрно *могли* ихъ написать — когда *написали!*.. Сомнѣваться-же можно во всемъ, не вѣритъ можно ни чему, и всякое вѣрованіе можно называть слѣпою вѣрою, суевѣріемъ, старовѣрствомъ и предразсудкомъ. Исторія философскихъ системъ представляетъ разительные тому примѣры; но система логически-вѣрная, не есть еще истинная и естественная!.. И если несомнѣнна «польза изученія Русской исторіи въ связи со всеобщею», то это изученіе должно-бы привести не къ отричанію нашей древней исторіи, а къ открытію: 1) того общаго *соответствія и подобія* историческихъ явленій, съ какими человѣческая жизнь раскрывалась на нашемъ востокѣ и Европейскомъ западѣ, 2) тѣхъ *особенностей*, съ какими — въ тѣхъ-же соответственныхъ и однозначительныхъ явленіяхъ своихъ — человѣческая жизнь *здѣсь и тамъ* выражалась своимъ собственнымъ, отличнымъ образомъ.

1) По Ипатъевскому списку Шлецеръ справедливо, мнѣ кажется, замѣтилъ, что подъ словомъ *вся, еси*, такъ часто встрѣчающимся въ лѣтописи при Кривичахъ, надо разумѣть Чудской народъ *Весь*.

Въ спискѣ Лаврентьевскомъ — «рѣша Русь»; въ Ипатьевскомъ — «ркоша Русь».

По буквальному смыслу обоихъ древнѣйшихъ списковъ выходитъ, будто *Русь* участвуетъ въ призваніи князей и говоритъ заодно съ Словено-Чудскими послами — (въ качествѣ ли посредниковъ, или толковниковъ — это неизвѣстно, да и здѣсь для нашего вопроса еще не важно); а потому и надо-бы предположить, что искатели князя, пойдя за море къ Варягамъ-Руси, звали ихъ княжить на свою сторону и говорили сначала имъ свою рѣчь; но на оную видно изъ той Руси вызвались не князья, а просто только охотники идти въ Новгородскую землю, — и по ихъ указанію и въ ихъ сопровожденіи послы обратились съ своею рѣчью къ Рюрику, князю другихъ Варяговъ, ближайшихъ (по связямъ и отношеніямъ или по сосѣдству) къ той Руси 1).—

Въ Кенигсбергскомъ спискѣ, вмѣсто «рѣша Русь», поставлено «рѣша Руси», — что предпочелъ и Тимковскій, при изданіи Лаврентьевскаго списка. Если и такъ принять, то сущность дѣла мало изменится: пусть искатели князя сказали рѣчь свою только Руси; все-же отъ этой Руси свѣдалъ Рюрикъ о призваніи, и воспользовался онымъ. —

Въ прочихъ позднѣйшихъ спискахъ поставлено уже «рѣша ..... Варяговъ»; Рюрикъ съ братьями названы «князьями Нѣмецкими, избравшимися отъ Нѣмецъ»; вмѣсто «попяша по собѣ всю Русь» говорится «попяша съ собою дружину многу»; а въ Полегиковомъ спискѣ вмѣсто «идоша къ Варягомъ къ Руси» поставлено «идоша къ Варягомъ изъ Руси.»

Тутъ уже нѣтъ Варягомъ-Руси, — и уже не Несторово сказаніе, а мнѣнія переписчиковъ среднихъ временъ, которые подъ Варягами разумѣли

1) При моемъ понятіи о томъ, кто были *Варяги-Руссы* и *Рюрикъ*, я почитаю достойнымъ еще новаго и подробнѣйшаго раскрытія тѣхъ *отношеній*, въ которыхъ, незадолго до призванія на княженіе и пришествія Рюрика, находились и онъ, и Ружане (съ ближайшими къ нимъ Заодерскими Словенами) — какъ между собою, такъ и къ Лотарю. Тогда можетъ-быть объяснилось-бы видѣнѣ, почему Варяги-Руссы покидали край свой и почему они соединились именно съ Рюрикомъ; тогда и самое призваніе Рюрика и его пришествіе, столь кратко изложенныя у Нестора, можетъ-быть сдѣлались-бы понятнѣе и опредѣленнѣе. Ибо теперь все еще есть мѣсто тѣмъ мыслямъ, что Рюрикъ былъ не столько призваннымъ защитникомъ, сколько насильственнымъ завладѣтелемъ Новгородской земли (по Миллеру, Шледеру, Крузе) предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобное, что и первое (859 г.) нападеніе Варяговъ изъ за-моря предполагается учиненнымъ дружиною Рюрика съ береговъ Шведскихъ (изъ Бирки). — Впрочемъ, если бы и оправдалось вполнѣ такое мнѣніе относительно Рюрика, все-же посольство къ Варяго-Руссамъ и призывъ на княженіе могли быть своимъ чередомъ, независимо отъ пришествія или нашествія Рюрикова, и должны быть принимаемы какъ *событіе историческое*.

Нѣмцевъ, а Руссовъ отличали отъ нихъ, и производили большею частію отъ Росса, упоминаемаго въ Библии у Іезекіиля, — думая первое можетъ-быть по старинному народному преданію, а во второмъ утверждаюсь мнѣніемъ Макарія, отъ котораго особенно распространилось оное, и по вліянію котораго въ Степенной Книгѣ сказано: «послаша Русь къ Варягомъ ..... и придоша изъ за моря на Русь». —

Обратимся къ Нестору. У него не сказано отъ какихъ именно Варяговъ избрался Рюрикъ; но у него Варяжская Русь показана вообще на Прибалтійскомъ Западѣ, за Поморьянами или за Одеромъ, — и по соображенію сего показанія съ его словами, «идоша за море къ Руси,» я думаю, что это скорѣе всего могли быть Ружане или Руссы острова Ругена, лежащаго недалеко отъ южной Ютландіи. А какъ въ то время усиленія Норманскихъ походовъ, *волкомъ рыскалъ* ¹⁾ по сѣверо-западу сынъ короля Ютландскаго Гальфдана *Рорикъ* или *Рёрикъ*, и сказанія объ немъ западныхъ лѣтописей замѣчательно совпадаютъ съ повѣствованіемъ Нестора о князѣ Рюрикѣ; то и можно почти навѣрное положить, что сей Рорикъ и нашъ князь Рюрикъ были одна и та-же особа ²⁾. Безъ

1) Выраженіе весьма употребительное у пѣвца Игоря, когда онъ изображаетъ любимѣйшія свои лица — Бояна, Всеслава, Игоря. «Всеславъ Князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влѣкомъ рыскаше ... великому Хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше.» Къ Рёрику я примѣнилъ его и потому, что Нормановъ называли *варгами* (*Wargr*) т. е. *волками*, — откуда всего вѣроятнѣе, кажется, можно производить слово *Варягъ* однозначительное съ *Норманомъ* въ такомъ-же смыслѣ вѣроятно и Заодерскіе Луличи (т. е.) лютые названы *Вильками* т. е. волками, и этимъ именемъ (*Вильци* или *Вильки*) величали ихъ — по Гельмольду — «a fortitudine». По такому (Татищевскому) объясненію этихъ словъ выходитъ, что имена *Вагровъ* и *Вильковъ* (принадлежащихъ къ *Варягамъ*-Словенамъ) однозначительны, только у первыхъ отъ Нѣмецкаго, у вторыхъ отъ Словенскаго слова.

2) Въ этомъ убѣждаюсь я статьею Крузе о *происхожденіи Рюрика*, помѣщенной въ Ж. М. Нар. Пр. 1836, № 1. — Тождество Рюрика съ Рёрикомъ Крузе изъясняетъ всѣхъ удачнѣе; онъ показываетъ, что въ тѣ самые годы, когда Рюрика невидно въ Россіи, Рёрикъ является завоевателемъ въ Германіи, — когда Несторъ говоритъ объ немъ, тогда молчатъ Франкскія лѣтописи; — слѣдъ его исчезаетъ въ Германіи, когда Несторъ повѣствуетъ о его смерти въ Россіи.

Изъ сего открывается, что небогатое событіями и прерывистое сказаніе Нестора о Рюрикѣ было не безъ основанія и не заслуживаетъ за то укоризны: именно эта недостаточность его и показываетъ, что оно ограничено только *домашними* и *положительными* извѣстіями, чуждо вымысловъ и заимствованій изъ западныхъ источниковъ и даже своенародныхъ преданій, по коимъ Несторъ могъ-бы распространить свою повѣсть о древнемъ Князѣ, — какъ сдѣлалъ составитель такъ-называемой Іоакимовой лѣтописи въ сказаніи о первыхъ лицахъ земли Новгородской. —

сомнѣнія онъ былъ очень готовъ княжить въ обширномъ Остраградѣ, который самъ напрашивался *подъ его руку*. — Подъ знамена сего «Нѣмскаго Князя» (Арх. Лѣт.) набралось много Руси, какъ видно изъ словъ Нестора; и такимъ образомъ Руссы пришли въ Новгородскую землю въ числѣ Рюриковой дружины, которой знатнѣшую часть составляли по всей вѣроятности однородные ему Варяги — Даны.

§ 5. Мѣстопребываніе *Руси* на Прибалтійскомъ западѣ по Нестору можно опредѣлить изъ его космографическаго введенія въ связи съ вышеприведеннымъ (§ 3) исчисленіемъ народовъ Варяжскихъ (*Свеи, Урмане, Англяне, Готы*).

Несторъ говоритъ (*Лавр. Сп.*): «Ляхове же, и Прусы, Чюдъ присѣдять къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдять Варязи сѣмо ко вѣстоку до предѣла Симова; по тому же морю сѣдять къ западу до земли Агнянски и до Волошьски; Афетово бо и то колѣно: Варязи *Свеи, Урмане, Русь, Агляне*.»

И такъ Варяги, во-первыхъ, сѣдять по Варяжскому морю къ востоку отъ *Поморской Чуди* (Эстляндской). Кто эти Варяги — у Нестора не сказано; поелику-же между Варягами, сѣдящими къ западу, неупоминаются Готы, то не разумѣль-ли Несторъ сихъ заморскихъ обитателей Готскаго берега? Но кромѣ того подъ восточными Варягами, простирающимися до предѣла Симова, онъ весьма могъ разумѣть Варяговъ, насельниковъ по нашему Сѣверу. —

Западные Варяги у него считаются по порядку къ западу: по ту сторону моря — *Свеи, Урмане*; по сю сторону — *Русь, Англяне*.

Между западными и восточными Варягами присѣдять къ морю, начиная съ востока: Чудь (поморская), Прусы и Ляхи. Ляхи у Нестора показаны на Вислѣ; къ Ляхамъ онъ причисляетъ *Лутичей, Мазовшанъ* и *Поморянъ* (говоря: «Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне»).

И такъ западные Варяги на южномъ поморіи по Нестору начинаются тамъ, гдѣ кончаются *Поморяне* (собственнымъ именемъ означенные и причисленные къ Ляхамъ) и простираются на западъ до земли *Волошской* (Франціи). А на этомъ пространствѣ отъ Одера къ Эльбѣ, въ этой terra horrois для имперіи, — всплошь отъ Поморянъ жили также народы словенскіе. Посему и видно, что къ Варягамъ относятся у Нестора эти словенскіе народы. За Одеромъ жили *Руссы*, подъ разными видоизмѣненіями своего имени ¹⁾, — *Вильки* (Меклем-бургцы), *Багры*

¹⁾ Варяги-Руссы вообще и собственно Ругіяны или Ружаны называются у иноземныхъ писателей различно: Rusi, Russi, Rugi, Rugiani, Rujani, Rojani, Rani, Rimi, Runi,

(Голштинцы); но изъ всѣхъ ихъ, а можетъ быть и для всѣхъ ихъ, у Нестора одно только имя — *Русь*; а за Русью — *Агняне* или *Англяне*, самые западные Варяги. Но ближайшими къ намъ и къ Поморянамъ Руссами были Ружане, жители острова Ругена. Сии Руссы у словенскихъ народовъ пользовались особенною извѣстностью по торговлѣ, морской силѣ и оракулу своему, на поклоненіе коему ходили они; да и Несторъ

Rutheni, Rudeni; а островъ Ругенъ—Rugia, Rutia, Ruscia, Russia. Любопытно видѣть, какъ разнообразится одно и то-же имя у разныхъ лицъ; но еще любопытнѣе разнообразіе понятій у разныхъ лицъ объ томъ-же предметѣ.

Татищевъ (Т. II. стр. 404, но слич. Т. I. стр. 266) едва-ли не справедливѣе всѣхъ полагалъ, что въ назначеніи Оттономъ I-мъ Адальберта къ *Руссамъ*, надо разумѣть *Ругянъ*. — Карамзинъ находилъ вѣроятнымъ мнѣніе *ученаго Ассемани*, что въ словахъ Регинова продолжателя «*Helenaе Reginaе Rugorum*», должно читать *Russorum*; а въ назначеніи Адальберта — вмѣсто *Russorum* надо разумѣть (вопреки Шлецеру) *Rugorum*, — и предполагалъ, что Ламбертъ, Дитмаръ или писецъ его разумѣли *Rugia*, а написали *Russia*! (Т. I. пр. 395). — Напротивъ, Шлецеръ, доказывая, что не только Елена царица Ругійская была наша княгиня Ольга, но и Адальбертъ былъ первымъ у насъ епископомъ, говоритъ такъ: «что *Rugi* значать *Руссы* — это вѣрно, ибо глупость писателей временниковъ среднихъ вѣковъ извѣстна... Ассеманіевы бредни, который подъ Ругіянами считалъ жителей Ругена, не стоятъ опроверженія.» (Т. III. 454). Но Каченовскому (Уч. Зап. 1835) превращеніе словъ *Rugi* и *Rugia* въ слова *Russi* и *Russia* кажется «вольностью тогдашнихъ грамотеевъ»; а *Руссія*, *сопредѣльная Помераніи* (по жизнеописателю еп. Оттона, 1124) «представляется или въ искаженномъ видѣ, или словомъ схваченнымъ съ воздуха» (въ которомъ оно часто раздавалось)! — Такова сила предубѣжденія, съ которымъ оспаривали имя *Руси* у того края, изъ коего оно къ намъ перешло и гдѣ долго еще оставалось. Представляются очевидныя свидѣтельства (Дитм., Ламб. и многіе др.): но — «хоть знаю, да не вѣрю!»... Здѣсь можно вспомнить и то, какъ розно писали имя нашего отечества: *Ruzia*, *Ruzzia*, *Rutia*, *Ruthenia*, *Reussen*... Подобно сему и Пруссію называли *Pruzia*, *Pruzzia*, *Prussia*, *Borussia*, *Prucia*, *Pruthenia*, *Preusseu*. Шлецеръ не безъ основанія очень сѣтовалъ на таковыя варіаціи.

Что касается до Ружанъ, то пресвитеръ *Гельмольдъ* (1170 года), въ своей *Хроникѣ Словенъ* (Кн. I.), описываетъ ихъ довольно подробно; такъ, напримѣръ:

«*Раны* или *Ругяны* народъ сильнѣйшій изъ Словенъ; одинъ только имѣетъ у себя царя; противъ ихъ мнѣнія ничего не совершается въ дѣлахъ общественныхъ; столь страшны они, но близости съ ними боговъ или лучше демоновъ, коимъ служатъ они съ большимъ противъ другихъ почитаніемъ» (Гл. 1).

«*Ругяны* народъ жестокой, живущій въ сердцѣ моря, чрезмѣрно преданный идолопоклонству, первенствующій у всѣхъ Словенскихъ народовъ, имѣющій у себя царя и знаменитѣйшее капище. Увлеченные жаждою обладанія, они пришли (на корабляхъ) къ Любеку, стремясь завладѣть всею областію Вагировъ и Нордальбинговъ...» (Гл. 37) — (Сличи слова Фотія о Черноморскихъ Руссахъ 866 года).

говорить «идоша за море»; посему и я предполагаю, что всего скорѣ къ нимъ могли попасть Новгородскіе искатели князя. — Естественно, что съ просьбою къ себѣ на княженіе они обратились къ Руссамъ, какъ къ своимъ соплеменникамъ; а не пошли къ прежнимъ, безъ сомнѣній ближайшимъ Варягамъ, коихъ власть и право уже нѣхотя разъ испытали и коихъ они прогнали, какъ *враговъ* своихъ: эти Варяги и безъ нихъ знали, что земля ихъ велика и обильна...

Слова Нестора: «пояша по собѣ всю Русь» значать не то, что-бы Руси тогда совсѣмъ уже не осталось на прежнемъ ея мѣстѣ. Рюрикъ взялъ съ собою «всю Русь» при немъ бывшую или къ нему приставшую: это понятно и безъ перемѣны этихъ словъ на «дружину многу», сдѣланной позднѣйшими переписчиками. Руссовъ довольно оставалось еще на западѣ за Одеромъ и въ XI вѣкѣ; потому-то Несторъ въ своей космографіи и упоминаетъ *Русь* дважды: одинъ разъ — какъ общее имя нашихъ восточныхъ, уже Русскихъ, Словенъ и переселившихся къ нимъ Руссовъ; а въ другой разъ — какъ народъ еще западный и Варяжскій. И Шлецеръ по-напрасну въ обоихъ этихъ мѣстахъ Несторово слово *Русь* почиталъ вставкою переписчика; а «дружину многу» позднѣйшихъ переписчиковъ предпочиталъ *всей Руси* Нестора.

А что дѣйствительно Русь оставалась еще послѣ 862 года на западѣ за Одеромъ, гдѣ показывается ее Несторъ, и что эти Руссы были Словены, то

-
- 1) Въ примѣчаніи о происхожденіи Руссовъ къ изданному имъ сего 1836 года переводу Рейцова сочиненія *Опытъ Исторіи Россійскихъ Законовъ*. Обращаю вниманіе читателей моихъ на примѣчанія Морошкина относительно Руссовъ и *Варяговъ*, гдѣ найдутъ они многое, въ подтвержденіе раскрываемаго нами Ломоносовскаго мнѣнія о тѣхъ и другихъ, къ которому онъ сдѣлалъ прямой переходъ, устремясь по слѣдамъ Каченовскаго къ Ломоносовскимъ поискамъ нашего Прибалтійскаго Словенизма въ западныхъ источникахъ. — Тамъ-же читатели найдутъ примѣчаніе и о *Русской Правдѣ*, о которой Морошкинъ представилъ нѣсколько новыхъ и основательныхъ соображеній, какъ въ утвержденіе ея древности и Словено-Русскаго происхожденія, такъ и въ подтвержденіе того, что Ярославъ I былъ законодателемъ суда церковнаго. Но изслѣдуя сей предметъ, Морошкинъ ничего не говоритъ о Владимірѣ, который былъ еще прежде у насъ законодателемъ *церковнаго суда*. При разсмотрѣніи вопроса: когда Русская Правда сдѣлалась *письменнымъ памятникомъ* нашего законодательства, — мнѣ представляется поводъ думать, что она таковою составила въ Кіевѣ еще до Ярослава, — вѣроятно при Владимірѣ: ибо — отъ него у насъ было уже *письменное законодательство церковнаго суда и завѣта о десятинахъ*; «Бѣ-бо Володимерь любя дружину и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и *уставъ земленѣмъ*». (Лавер. Сп.).

му, къ прежде-извѣстнымъ у насъ свѣдѣніямъ, Морошкинъ ¹⁾ нашель новыя, ясныя доказательства въ западныхъ писаніяхъ, коими до него не воспользовались критики. Особенно важно извѣстіе объ участіи Русскаго князя (Principes Russiae) *Велемира*, Русскаго герцога (Dux Russiae) *Радеботта* и Ружскаго князя *Венцеслава* (Pr. Rugiae) въ Магдебургскихъ турнирахъ Генриха Пшицелова 938 г. Ибо изъ сего видно (по условіямъ турнира), что эти *Russia* и *Rugia* въ первой половинѣ X вѣка были въ предѣлахъ Римской Имперіи; что эти Русскіе князья были вѣры западной, которая до Нестора еще называлась у насъ *Варяжскою* (см. § 9), а въ среднія времена *Нѣмьтскою* (*Соф. Врем.*).

Самыя имена этихъ Русскихъ князей: Велемиръ, Радеботто, Венцеславъ, суть Словенскія. Тамъ-же, за Одеромъ (въ *Руденіи*, по Силезскимъ грамотамъ) встрѣчаются фамиліи съ Русскимъ окончаніемъ: *овъ*, какое несвойственно Скандинавскимъ именамъ, — равно и деревни съ окончаніемъ: *ово* (напр. Завидово), рѣки съ окончаніемъ: *иха* (Сѣнниха, Десниха, Юниха). — Но Варяжскія имена нашихъ первыхъ князей: Рюрикъ, Труворъ, Олегъ, Игорь, Оскольдъ, — имена другихъ находниковъ Варяговъ, суть не Словенскія, а Скандинавскія. Тамъ и между послами въ Олеговомъ договорѣ различаете Карла, Руальта, отъ Вельмудра; въ Игоревомъ договорѣ: Ивора, Акуна, Грима, отъ Прастѣна, Володислава, Воика. —

§ 6. Посмотримъ теперь на появленіе Руси въ Кіевѣ.

По приходѣ своемъ съ Русью въ Новгородскую землю «старѣйшій Рюрикъ сѣде въ Ладозѣ ¹⁾, а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій (въ) Изборьстѣ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Руская земля, Новугородьци: ти суть людье Новугородьци отъ рода Варяжьска, прежде бо бѣша Словѣни.»

Изъ этихъ словъ Шлецеръ заключилъ, будто у насъ Русскою землею назвался сначала и долго назывался одинъ сѣверъ, и именно Новгородъ ²⁾. Но сего опять не слѣдуетъ ни изъ самихъ этихъ словъ Нестора, ни изъ перваго положенія его о прозваніи Русской земли (§ 2), ни изъ его дальнѣйшаго повѣствованія.

По-моему, смыслъ этихъ словъ такой, что *отъ тѣхъ* пришельцевъ или находниковъ получили свое прозваніе и *Русская земля*, и *Новгородьци*,

¹⁾ Изъ Ипатьевского и Кенигсбергскаго списковъ. Въ Лаврентьевскомъ списокѣ — объ Рюриковомъ мѣстопробываніи, а равно и о построеніи Ладоги — пропускъ.

²⁾ Ошибка произошла и отъ того, что между словами: «Руская земля, Новугородьци» не было поставлено *запятый*. Я принялъ текстъ съ тѣмъ раздѣленіемъ словъ, какъ онъ изданъ Тимковскимъ, почитая оное правильнымъ.

коихъ предки — старожилы или насельники Новгородскіе — назывались прежде Словенами.

Русская Земля такъ прозвалась *отъ тѣхъ*, разумѣется отъ Руссовъ; ибо отъ Варяговъ она скорѣе прозвалась-бы Варяжскою. О семъ прозваніи Несторъ объяснился уже сначала, и здѣсь говоритъ какъ уже объ извѣстномъ, повторяетъ для связи сего сказанія о пришествіи Руси съ преждеуказаннымъ на нихъ извѣстіемъ, о коемъ подробнѣе рассказываетъ онъ послѣ, въ свое время, т. е. подъ 866 годомъ.

Но о прозваніи *Новгородцевъ*, упомянутомъ здѣсь впервые, Несторъ здѣсь же и объясняется; и я такъ понимаю слова его: что *Новгородцами* назывались на своемъ новосельи водворившіеся въ Новѣгородѣ князья съ, родомъ ¹⁾ своимъ Варяжскимъ; а *отъ тѣхъ* уже находниковъ-Варяговъ

¹⁾ *Родъ* значитъ не только родню, родичей въ ближайшемъ смыслѣ, но и въ смыслѣ однопородцевъ, земляковъ — съ той же родины, и даже въ значеніи *народа*, напримѣръ: «Рода, нарицаеміи Руси...» Слѣдующія за сими (въ Никоновской лѣтописи и Степенной книгѣ) слова — ... «иже и Кумани, живяху въ Ексихопонтѣ» — послужили основаніемъ для *третьей* изъ новыхъ историческихъ школъ. Но эти слова безъ сомнѣнія, взяты изъ какого-нибудь византійца, какъ видно уже по именамъ: *Ексинопонтъ* и *Кумани*, — и можно думать, что они принадлежатъ писателю того времени, когда у византійцевъ сдѣлались извѣстны *Куманы*, которыми онъ — рассказывая о нападеніи прежнихъ Руссовъ въ 866 году на Царьгородъ, мирномъ договорѣ съ ними Василя Македонянина и ихъ предложеніи на христіанство — поясняетъ черноморское пребываніе и варварство этихъ *Дромитовъ* — обладателей *Ахиллесова бѣга*, а по Льву Діакону — *одноземцевъ Ахиллесовыхъ*, такихъ-же голубоокихъ, красноволосяхъ и быстроногихъ. Впрочемъ весьма можетъ быть и то, что этотъ Грекъ считалъ Руссовъ и одноплеменниками *Кумановъ* — съ тою-же вѣрностью и точностью, какъ другіе Византійцы называли сихъ-же (Оскольдовыхъ) и Святославовыхъ Руссовъ Скиѣами Таврійскими, а иные Франками, — и съ довольною близостью къ Шлецеру мнѣнію о Руссахъ 866 года. — Но Шлецеръ выводъ изъ этого одного мѣста Степенной книги и Никоновской лѣтописи, будто и сами Русскіе въ XV вѣкѣ считали прежнихъ Руссовъ *Куманами* или *Половцами* столь-же основателемъ, какъ и его заключеніе — изъ приводимыхъ шведскими историками словъ новгородскаго архимандрита Кипріяна — будто и сами Русскіе въ началѣ XVII вѣка считали Руссовъ *Шведами*. И Шлецеръ, опровергая (будто древне-Русское) мнѣніе, что Руссы были Куманы, сражался съ собственною мечтою!

Эти-же четыре дѣйствительно неважныя слова признаны за важное извѣстіе и системою отрицательною, для ея подкрѣпленія въ томъ, что Русь есть Азіатское племя. Но она не должна-бы по силѣ произвола основываться на этомъ извѣстіи, которое по ея же правиламъ должно быть для нея *недостовѣрно и вообще* — какъ лѣтопись Русская; *недостовѣрно и въ особенности* — какъ извѣстіе, исполненное баснословія и вымысловъ: ибо въ томъ-же мѣстѣ князьями *сихъ Руссовъ* называются именно Оскольдъ и

прозвались *Новгородцами* и старожилы Словены (подобно тому, какъ Русью назвались прежде всего Поляне, а Полянская земля Рускою землею — отъ своихъ находниковъ-Руссовъ). —

Рюрикъ черезъ два года, по смерти братьевъ, пріявши власть одинъ, роздалъ города своего новгородскаго княженія мужамъ своимъ, Варягамъ. «И по тѣмъ городомъ (поясняетъ Несторъ) суть находници Варязи; а первіи насельници — въ Новѣгородѣ Словѣне, въ Полотьскѣ (и въ Изборскѣ) Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣль-озерѣ Весь, въ Муромѣ Муррома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ» княжившій въ Новѣгородѣ.

И были у него два мужа, Оскольдъ и Дирь, «не племени его, ни боярина», коимъ не далъ онъ «ни града, ни села» (какъ сказано въ Арханг. лѣтоп.). И они испросились къ Царюгороду съ родомъ своимъ, и пойдя по Днѣпру остались въ Києвѣ; и «многи Варязи совокуписта» стали владѣть землею Полянскою.

Съ уходомъ сихъ мужей отъ Рюрика, въ Новгородскомъ княженіи словено не стало Руси; ибо, по лѣтописи Нестора, въ Новѣгородѣ и прочихъ

Дирь — лица баснословныя и вымышленныя Новгородцами, по утверженію сей системы! Какъ-же ей полагаться на такое мѣсто?.. Но — стало быть и по системѣ отрицательной можно черпать изъ источниковъ вдвойнѣ недостовѣрныхъ, особливо для оправданія своего мнѣнія, — можно и среди баснословія отыскивать истину, или то, чему надо быть истиною для своей системы!.. А между тѣмъ южная Русь, особливо въ козачествѣ, дѣйствительно представляеть въ стихіяхъ жизни своей много *Азіатскаго, наѣздническаго, Черкесскаго* ^{а)}. Да и въ древней Кіевской Руси Азіатская стихія жизни начинаеть являться еще при воинственникѣ Святославѣ, который «за порогами Днѣпровскими сложилъ буйную голову свою — сей *первообразъ* головъ козачкихъ» ^{б)}. Но уже-ли присутствія Азіатски-наѣзднической стихіи — въ жизни этихъ Черноморскихъ или южныхъ Руссовъ-Словенъ — нельзя изъяснить безъ *предположенія* о ихъ племенномъ однородствѣ съ Печенѣгами, Половцами, Берендѣями, Торкамі и Черкесами кавказскими?... И здѣсь также могу сказать: предположеніе лишнее и для изъясненія явленій, кромѣ того, что несправедливо само по себѣ! Безъ него можно обойтись, какъ и безъ мнѣнія Герберштейна, который не только имя Варязи ограничивалъ одними Словенами-Ваграми, но и Пятигорскихъ Черкесовъ (=Косоги) причислялъ къ народамъ племени Словенскаго.

^{а)} Объ этомъ я своимъ мнѣніемъ еще за 10 лѣтъ сошелся съ историческимъ мнѣніемъ Каченовскаго, при первомъ изданіи *малоросійскихъ пѣсенъ* (въ 1827 году). Предисловіе къ нимъ было сперва напечатано въ Вѣстникѣ Европы (1827. № 15), гдѣ мысли мои о присутствіи Азіатской или Кавказской стихіи въ бытѣ и составѣ украинцевъ издатель почтилъ своимъ подтвердительнымъ примѣчаніемъ, ссылаясь и на мнѣніе Карамзина о Козакахъ и Черкесахъ (Т. V, стр. 393 и слѣд.). Личное посѣщеніе Кавказа въ 1832 году еще болѣе меня увѣрило въ преннихъ моихъ мысляхъ.

^{б)} Повторяю сказанное мною во второмъ изданіи *украинскихъ народныхъ пѣсенъ*, 1834 года, — на стран. 67.

городахъ Рюрикова владѣнія видѣмъ только *Варяжскій родъ*, только распространѣніе и усиленіе *находниковъ Варяговъ*; а въ то же почти время *Русь* является и дѣйствуетъ на Черномъ морѣ, подъ предводительствомъ своихъ Кіевскихъ князей, подъ своимъ собственнымъ именемъ.

До перехода Олега въ Кіевъ, ни онъ самъ, ни Рюрикъ съ братьями, ни Игорь, не называются Русскими князьями; да и въ войскѣ, съ коимъ Олегъ съ сѣвера шелъ на Кіевъ, были: Варяги, Словены, Кривичи и Чудь, а Руси не было; и въ Рюриковомъ княженіи слѣдъ ея виденъ развѣ только въ имени рѣки *Порусь* и города *старая Руса* или *Русь*. Между тѣмъ Русь распространяется, усиливается въ Кіевѣ или Полянскои землѣ ¹⁾, откуда она дѣйствуетъ въ послѣдствіи.

Изъ сего уже, мнѣ кажется, всего простѣе заключить, что Русь перешла на Днѣпръ съ Оскольдомъ и Диромъ; а потомъ пристала къ нимъ и часть Варяговъ, для овладѣнія Полянскою землею, при чемъ вѣроятно не обошлось безъ драки съ Козарами, коимъ данниками были Поляны ²⁾.

- ¹⁾ Умноженіе Руссовъ въ Кіевскои землѣ весьма могло произойти отъ новаго переселенія Руссовъ съ Поморія Балтійскаго прямо въ Кіевъ (какъ предполагаетъ Морошкинъ), — и можетъ быть верховья р. *Роси* у Днѣпра были поселеніемъ сихъ выходцевъ. Съ предположеніемъ сего *очень вѣроятнаго* переселенія Руссовъ на Днѣпръ, становится еще понятнѣе и множеніе ихъ у Чернаго моря и въ службѣ Царьгородскои (700 Руссовъ въ 902 г., еще до *Игоря*)!
- ²⁾ Предполагаемая мною немирная уступка Кіева Руссамъ отъ Казаръ, кажется, дѣло весьма естественное и возможное, — хотя о томъ молчатъ Русскія лѣтописи, кромѣ одной, на которую однако-же, какъ давно отреченную Миллеромъ, Шлецеромъ и Карамзинымъ, уже положено не ссылаться. Я разумю такъ называемую Іоакимову лѣтопись, не могущую быть авторитетомъ и по странному ея появленію въ свѣтъ — въ исторіи Татищева, и по многимъ вымысламъ, коими она изукрашена, даже нарочно вопреки Нестору. При всемъ томъ не вся она чужда истины въ своей основѣ, и есть въ ней нѣкоторыя извѣстія, кои могутъ послужить, если не основнымъ, то хоть дополнительнымъ или вспомогательнымъ запасомъ историческимъ и быть приняты въ соображеніе. Таково между прочимъ слѣдующее мѣсто: «Оскольдъ-же шедъ облада Кіевомъ, и собравъ вой, *повоева первѣе Козаръ*, потомъ иде въ ладіяхъ ко Царюграду, но буря разби на морѣ корабли его». (Тат. I). Пусть это даже вымыслъ, составленный по соображенію сочинителемъ лѣтописи: только онъ очень правдоподобенъ. Впрочемъ и съ моей стороны это только предположеніе. Между тѣмъ, не въ оправданіе себя, скажу и здѣсь, что великій *произволъ* критики Шлецеровскои палъ на всѣ дѣянія Оскольда, даже во всемъ сказаніи самаго Нестора. Къ сказанному о семъ прежде прибавлю слѣдующія замѣчанія.

Тамъ и прозвалась *Русская земля*, *отъ тѣхъ* Руссовъ, пришедшихъ сначала на нашъ сѣверъ съ тремя Варяжскими князьями и ихъ родомъ. Принадлежа къ Варяжской дружинѣ Рюрика, Русь могла еще числиться подъ общимъ именемъ Варяговъ; но потомъ отдѣлилась подъ собственнымъ именемъ.

- 1) Только въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ сказано, что Оскольду и Диру Рюрикъ «не далъ ни града, ни села». Шлецеръ слова сіи включилъ даже въ самый текстъ Несторовъ: А почему? Шлецеръ «очень радъ, что Архангелогородскій лѣтописецъ его (прежнее) подозрѣніе обращаетъ въ достовѣрность!» Здѣсь критикъ подумать не захотѣлъ, чтобы это могло быть собственною догадкою лѣтописца, которая могла у него родиться, когда дѣло шло о раздачѣ Рюрикомъ городовъ мужамъ своимъ.
- 2) Въ Никоновской лѣтописи есть дополнительное извѣстіе къ походу Оскольда и Дира на Царьгородъ 866 года. «Въ лѣто 867 возвратишася Оскольдъ и Диръ отъ Царяграда вмале дружине, и бысть въ Кіевѣ плачь велій». Это извѣстіе, здѣсь опредѣленнѣе, чѣмъ гдѣ-либо сказанное, Шлецеръ почитаетъ уже собственнымъ изобрѣтеніемъ лѣтописца, которое онъ легко могъ предположить и исчислить изъ предыдущаго, даже въ назначеніи 867 года! А почему? — Шлецеръ отвергаетъ весь походъ Оскольда и Руссовъ изъ Кіева на Царьгородъ!
- 3) Въ той-же Никоновской лѣтописи, и только въ ней одной, сохранились извѣстія: подъ 864 г. о убіеніи Болгарами Оскольдова сына, — подъ 867 г. о побіеніи Печенѣговъ Оскольдомъ и Диромъ. — За эти событія (равно и за войну съ Полочанами 865 г., по мнѣнію Карамзина), какъ нигдѣ болѣе неупоминаемая, виновата Никоновская лѣтопись: ибо первое событіе для Шлецера «непонятно и невѣроятно»; а второе показалось ему «страшною ошибкою въ лѣтосчисленіи» — потому будто, что въ спискахъ Несторовой лѣтописи (за исключеніемъ двухъ древнѣйшихъ, т. е. Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго, въ которыхъ объ этомъ совсѣмъ пропущено) сказано: Печенѣги *придоша первое на Русь* при Игорѣ 915 года; — между тѣмъ какъ въ Никоновской лѣтописи говорится не объ нападеніи Печенѣговъ на Русь, а объ Оскольдовомъ ихъ побіеніи, которое могло быть и наступательное, и *не близъ Кіева*; притомъ о появленіи, кажется, ихъ на Руси (хотя мимоходомъ) — Несторъ упоминаетъ прежде, послѣ Обровъ: «По сихъ же паки идоша Угри Черніи мимо Кіевъ; послѣ же при Ользѣ».

Я не ручаюсь за истину сихъ показаній, но не вижу причины признавать ихъ и недостовѣрными, — не могу не указать того, что *отрицаніе* ихъ основано болѣе на *произволѣ* критики, который тамъ-же является и въ обратномъ видѣ *въ утвержденіи* — а именно:

- 4) Въ той-же Никоновской лѣтописи подъ тѣми-же годами сохранились извѣстія: подъ 864 г. о возмущеніи Новгородцевъ противъ Рюрика и убіеніи Рюрикомъ храбраго Вадима и его совѣтниковъ (о чемъ говорится еще въ Степенной Книгѣ тѣми-же словами); а подъ 867 г. о побѣгѣ отъ Рюрика въ Кіевъ многихъ Новгородскихъ мужей. — Эти три извѣстія Никоновской лѣтописи Шлецеръ принимаетъ уже какъ «отмѣнно важныя» и, подобно Миллеру, выводитъ изъ нихъ соображеніе и заключеніе о насиліи Рюрика, неудовольствіи Новгородцевъ и проч. Всѣ эти три извѣстія также пропущены въ другихъ лѣтописяхъ нашихъ: но здѣсь, по суду Шлецерова, виноваты уже *трусливые переписчики*, которые (всѣ)! *съ умысломъ* это выпустили и скрыли! (Нест. Ч. 1. 358).

Такимъ же образомъ и Варяги, отпадавшіе отъ Рюрика, приставали къ дружинѣ Русской, къ Руси Оскольдовой на югѣ; тамъ въ землѣ Русской, они дѣйствовали уже подъ общимъ, главнымъ именемъ *Руси*.

И этотъ выводъ, мнѣ кажется, согласенъ съ первымъ, главнымъ положеніемъ Нестора, и съ послѣдующимъ его сказаніемъ.

Мы видѣли (§ 4), что въ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописи, въ вышеприведенномъ мѣстѣ, относительно слова *Русь* находятся разногласія: продолжатели измѣняли текстъ, каждый по своему разумѣнію, о Руси — такъ, что при ихъ сличеніи находите обоюдность весьма выгодную для историческихъ системъ, видите только разныя мнѣнія переписчиковъ среднихъ временъ, и не можете опредѣлить, прямо и непосредственно изъ нихъ, какъ думалъ и какъ хотѣлъ сказать самъ Несторъ, — чего и добивался Шлецеръ въ своемъ *Сводѣ*. Самъ Шлецеръ говорилъ, что это разногласіе въ тѣхъ именно словахъ, отъ коихъ зависитъ объясненіе, откуда Русь получила свое названіе; но, несмотря на то, Шлецеръ изъ отихъ-то словъ вывелъ, будто Руссы были Варяги-Скандинавы, и именно Шведы. А принявъ это, будто по Нестору (въ самомъ-же дѣлѣ по Тунману), онъ не только нападавшихъ въ 866 году на Царьгородъ Руссовъ, вопреки Нестору, призналъ за особый сильный *Черноморскій* народъ Азіатскаго племени ¹⁾; но сказалъ даже, что недолжно и упоминать

1) Странная участь этихъ *Черноморскихъ* Руссовъ—Азіатцевъ въ нашихъ историческихъ системахъ. Они какъ *мечта* являются съ юга для тѣхъ, кои ведутъ къ намъ съ сѣвера Русь Скандинавскую, и какъ дѣйствительная *сущность* принимаются первыми отрицателями пришествія Руси съ сѣвера. Такъ еще первоначальникъ ученія о Скандинавскомъ происхожденіи Руси — Байеръ принялъ-было *Руссовъ* или *Россовъ* 866 года за Арабовъ и разбойниковъ изъ города *Роса*, что въ Киликіи; но потомъ самъ-же отмѣнилъ это мнѣніе и увѣрился, что то были наши Кіевскіе Руссы, по общему о томъ мнѣнію. Но въ Московскомъ университетѣ явилась новая система, по которой древніе Руссы приняты положительно за *особый Черноморскій Таврическій* народъ, принадлежавшій къ *особому Кавказскому* или Горскому племени — древнихъ Лазовъ. Система сія, мною полагаемая въ основаніе третьей новой исторической школы, была преподаваема въ 80-тыхъ годахъ ученымъ, первымъ въ Россіи заслуженнымъ профессоромъ *Чеботаревымъ* ^{а)}, который былъ основателемъ и предсѣдателемъ *общества исторіи и древностей Россійскихъ* при Московскомъ университетѣ, котораго Шлецеръ называлъ «своимъ руководителемъ въ Русской исторіи». Но Шлецеръ былъ жарчайшій поборникъ Скандинавской Руси: потому, хотя и принялъ Черноморскихъ Руссовъ своего руководителя, но только какъ громовой отводъ для своей Шведской Руси, и до того лишилъ ихъ всякой опредѣленности, что послѣдователь Скандинавскаго-же ученія Крузе — Шлецерова мнѣніе о Черноморскихъ Россахъ назвалъ «*мечтою, незаслуживающею даже опроверженія*» (Ж. М. Н. Пр. № 6.). И въ самомъ дѣлѣ — *Черноморскіе*

нать въ Русской исторіи объ этихъ Руссахъ 860 года, отъ коихъ именно Несторъ и ведетъ начало *Русской земли*. Отверженіе жестокое, особенно для нареченнаго *отца* нашей исторической критики, но не силь-

Руссы, по представленію ихъ Шлецеру, не болѣе какъ призракъ или мечта, отъ которой самъ онъ зачуралъ Русскую исторію! Ибо хотя онъ и представляетъ ихъ какъ народъ «сильный, великій, завоевательный, давно уже извѣстный и приводившій въ ужасъ всѣ берега Чернаго моря, хотя рѣшительно отрицаетъ, что они не могли быть *Арабами*, ни *Козарами*, ни *Куманами*: однако этотъ особый народъ казался ему «неизвѣстною ордою Варваровъ, которая показала на западъ и исчезла; шла съ востока, но неизвѣстно *откуда*: названа въ Царьгородѣ Россами, но неизвѣстно *почему*; прогнана въ свои пустыни не Европейскимъ просвѣщеніемъ или храбростію, но *случаемъ* только, и неизвѣстно *куда* — и не появлялась *никогда* послѣ въ исторіи, по крайней мѣрѣ подъ именемъ *Россовъ*! Самое его различіе этихъ *Россовъ* отъ нашихъ *Руссовъ*, по буквамъ *о* и *у*, также не болѣе какъ слуховой обманъ: *Куманы* также называются *Команами*; а притомъ пресловутые *Свеоны* Бертинскихъ лѣтописей называются въ нихъ также *Россами*, и между тѣмъ они составляютъ одно изъ трехъ Шлецеровыхъ доказательствъ мнимаго торжества нашихъ *Руссовъ* со *Шведами*! При всемъ томъ Шлецеръ увѣренъ былъ, что онъ «ясно доказалъ, будто Несторъ ошибся, различая *Руссовъ* отъ *Шведовъ* и несправедливо перемѣшавъ Византійскихъ *Россовъ* съ своими *Руссами*». Онъ говорилъ еще, что этимъ Черноморскимъ Руссамъ надобно быть или Скифами, или Сарматами, или Словенами», говорилъ это въ насмѣшку надъ «любимою мечтою Русскихъ историковъ», сказавъ въ другомъ мѣстѣ, что въ Русской исторіи (до его времени) «царствуетъ *неученая фантазія*». И такъ Шлецеру казалось странною *мечтою* мнѣніе о происхожденіи Руси Словенскомъ! Но это была мечта Ломоносовская, вѣковымъ повѣремъ Руси и другихъ Словенъ освященная, и какъ видно — возникшая изъ сущности: потому и обращается опять въ дѣйствительность. Шлецерово-же мнѣніе, хотя было плодомъ и *ученой фантазіи* его, однако теперь называется *мечтою* отъ самыхъ послѣдователей ученія о Скандинавской Руси; и когда онъ зарекается о Черноморскихъ Руссахъ не упоминать въ Русской исторіи, то мечта его походить на темное предчувствіе новой школы, которая его отреченнымъ южнымъ Руссаль-Азіатцамъ дастъ силу положительности, а положительное ученіе его о сѣверныхъ Руссахъ-Скандинавахъ запечатлѣетъ отрицаніемъ и признаетъ мечтою, которая для системы его будетъ какъ электрической ударъ, перемѣняющій магнитные полюсы въ концахъ магнитной стрѣлки мореходца.

- а) Ученый Чеботаревъ, какъ извѣстно, по повелѣнію Екатерины Великой — составлялъ *выпуски* изъ всѣхъ древнихъ Русскихъ лѣтописей, послужившія основаніемъ для ея *Записокъ касательно Россійской Исторіи* (изд. въ 6 ч. 1793—801 г.). Симъ дѣломъ онъ занимался вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ *Барсовымъ*, ученикомъ и наслѣдникомъ занятій и славы Ломоносова, по выраженію незабвеннаго Муравьева. Въ жизнеописаніи Чеботарева (см. изданная Моск. Общ. Любит. Росс. Словесн. Рѣчи, произнесенныя въ Торж. Собр. ИМП. М. У. Русскими Профессорами онаго, Ч. I. 1819) говорится объ непечатанной Русской Исторіи, составленной Чеботаревымъ для слушателей его; объ ней упоминаетъ и Гречъ (въ *Опытъ Краткой Исторіи Русской Литературы* 1822 г.). Я видѣлъ отрывокъ изъ нея у одного изъ бывшихъ въ 1785 году его слушателей — М. В. Могилянскаго, откуда и узналъ предложенное здѣсь мнѣніе Чеботарева о Руси, кажется ему первому и принадлежащее, но доселѣ еще ему неусвоенное.

ное противу истины: ибо только что сказалъ самъ Шлецеръ, что Руссы и Варяги прочіе — были народы разноплеменные!

§ 7. Послѣдуемъ далѣе за Несторомъ, съ пришествія Олега въ Кіевъ.

Мы уже замѣтили, что въ Рюриковомъ княженіи на сѣверѣ не упоминаетъ ся у Нестора ничего Русскаго, по отложеніи Оскольда и Дира; что Русь

И въ самомъ дѣлѣ не замедлила собраться *третья* новая школа, противоположная *двумъ* первымъ новымъ школамъ историческимъ, коея общій отличительный признакъ въ томъ, что она, отрица пришествіе къ намъ *Руси* не только изъ Скандинавіи или Финляндіи, но и вообще съ сѣвера и отъ Балтійскаго моря, ведетъ ее къ намъ *прямо съ юга, съ Черноморія*, черезъ Кіевъ.

Я уже сказалъ, откуда пошла эта школа. Основаніемъ ей послужило одно мѣсто въ Степенной Книгѣ, повторяемое и Никоновскою лѣтописью, гдѣ говорится, что съ Оскольдомъ и Диромъ, въ ихъ нашествіи 866 года на Царьгородъ, были «Роди нарицаеміи *Руси*, иже и *Кумани*, живяху въ Ексинопонтѣ» и что Василій Македонянинъ сотворилъ *мирное устройство* съ сими Руссами и *предложилъ ихъ на Христіанство*. Выходя отсюда, Чеботаревъ полагаетъ, что, при походѣ Оскольда съ Кіевскими Словенами и Варягами изъ Кіева, пристали къ нему и *Руссы*, жившіе при Черномъ морѣ въ Крыму (какъ нѣкогда приставали къ Аттиллѣ, противъ общаго непріятели), и послѣ возвращенія *ихъ князей* (Никон. лѣтоп.), они присоединились къ Кіевскому княженію, и Греки стали называть уже цѣлое государство *Русью*, по имени ближайшей къ нимъ части онаго, а потомъ оно сдѣлалось уже общимъ и между Словенами. Этихъ Руссовъ и Кумановъ онъ признаетъ за народъ особаго племени, къ коему причисляетъ Козаровъ, Болгаровъ древнихъ и Алановъ, посредствомъ коихъ всѣ они примкнуты къ древнимъ Лазамъ или нынѣшнимъ Лезгинамъ. Въ такомъ (едва-ли не лучшемъ) видѣ своемъ явилась съ самаго начала третья школа, которую — въ общей системѣ ученій о Руси — я поставляю въ особый *Южный разрядъ системъ*, и, въ противоположность ему, двѣ первыя новыя школы я означаю именемъ *Сѣвернаго разряда*. Главнымъ провозвѣстникомъ третьей школы и сильнѣйшимъ сопротивникомъ Шлецерова ученія о Руссахъ-Шведахъ былъ Эверсъ, который признавалъ Черноморскихъ Руссовъ за *Козаровъ*, какъ думалъ еще прежде Лекіенъ, производившій впрочемъ Руссовъ по-старинному отъ Роса и Роксоланъ. По слѣдамъ Эверса, это ученіе о пришествіи къ намъ Руси прямо съ Черноморія поддержалъ Нейманъ, который отвергалъ Скандинавское происхожденіе Руси на *основаніи Нестора* (также какъ и Эверсъ), но принималъ Руссовъ за *давній Черноморскій* народъ — только не Азіатскаго племени, какъ думали Чеботаревъ, Шлецеръ и Эверсъ, но однородный съ древними Скандинавами, что близко къ Фатерову производству Руси отъ древнихъ Черноморскихъ Готовъ. Такимъ поворотнымъ предположеніемъ Нейманъ думалъ сойтись съ догматизмомъ Байеровской школы, какъ нѣкогда обращенный Миллеръ направлялъ къ ней Ломоносовское мнѣніе о Роксоланяхъ Прусскихъ, отрицая ихъ отъ *Заодерскихъ* Словенъ, и такимъ образомъ сдѣлалъ понятный шагъ отъ искомой истины. Наконецъ Каченовскій далъ этой школѣ новое, сильнѣйшее отчужденіе отъ Скандинавіи и вообще отъ сѣвернаго происхожденія Руси, придавъ къ тому еще отчужденіе и отъ Несторова сказанія о древней Руси вообще и о древности нашего Новгородскаго сѣвера въ-особенности;

дѣйствуетъ на югѣ, и отъ нея въ Кіевской области, въ землѣ Полянкой начинается *Русская земля*.

Тамъ въ теченіе 18 лѣтъ безъ сомнѣнія утвердилось имя *Русское*, о которомъ молва достигла къ Корсунцамъ и Грекамъ, безъ сомнѣнія еще до

Черноморскихъ Руссовъ онъ опять призналъ особымъ народомъ племени Азіатскаго, какъ положено было въ началѣ сей школы *Чеботарево-Эверсовской*. Такимъ образомъ третья новая школа въ системѣ Каченовскаго получила особенный видъ, и кромѣ вышесказаннаго общаго или родоваго признака, отличилась еще особеннымъ признакомъ *отрицанія нашей древности*, — отъ принятія въ себя и въ поворотномъ ея направленіи въ искомой истинѣ — въ обращеніи Каченовскаго къ Ломоносовскимъ поискамъ нашего Словенизма на Балтійскомъ Поморіи — у Гельмольда и вообще у западныхъ писателей. Система Каченовскаго показала еще въ Вѣстникѣ Европы (1829 г.); но рѣшительнѣе открывалась по частямъ въ отрывкахъ (о Русской Правдѣ) самаго основателя и въ сообщенныхъ отъ него статьяхъ учениковъ его: С. Строева, Ключникова, Перемышлевскаго (Уч. Зап. М. У. 1834-35); относительно-же происхожденія Руси и ея распространенія изъ Кіева, сіе ученіе подробно изложилъ Бодянский, (въ *Сынѣ От.* 1835), который, принимая Черноморскихъ Руссовъ Турецкаго племени, предполагаетъ ихъ неперешедшимъ на западъ остаткомъ *Роксоланъ*. Такимъ образомъ, и положительное ученіе этой системы о Руси приводится къ давнему началу старой Русской школы, на которое весьма согласенъ былъ и самъ провозвѣстникъ сей третьей новой школы, къ которому пришла и Татищевская школа гипотезою Буткова.

Среди двухъ противоположностей, какія представляютъ собою *двѣ первыя новыя* историческія школы съ *третьею новою*, — представительница старой Русской школы — *система Ломоносовская* занимаетъ *середину*, которая, предупредивъ собою обѣ стороны, избѣгла заблаговременно тѣхъ крайностей, въ какія потомъ вдалась каждая новая школа. Ибо Ломоносовская система, не отрицая *балтійскаго* происхожденія Руси, ведетъ къ намъ ее *съ сѣверо-запада чрезъ Новгородъ*; но начало ея полагаетъ *на нашемъ юго-востокѣ*: мысль, до которой достигла уже школа финляндской Руси, — мысль, отъ коей не могла отстраниться вполнѣ школа Скандинавской Руси, которая господствуетъ въ школѣ Черноморской Руси, и въ особенной системѣ *исконнаго* пребыванія Руси въ нашемъ отечествѣ, развиваемой Венелинымъ. Эта система современна (1829 г.) системѣ Каченовскаго и можетъ быть отнесена къ тому-же южному разряду системъ историческихъ; ибо и по системѣ Венелина также отрицается Скандинавское происхожденіе и Руси, и Варяговъ вообще, признаваемыхъ также исключительно за Словенъ прибалтійскихъ, и Русь представляется такъ-сказать въ Азіатскомъ свѣтѣ отъ Косарь, Гунновъ, Аваровъ или Обровъ, принимаемыхъ систематикомъ заодно съ *Болгарами*, кои у него причисляются къ Руссамъ (Сарматамъ), также какъ и *Роксоланы*. Однако весь этотъ разноименный народъ (причисляемый новыми писателями то къ Турецкому, то къ Монгольскому племени) Венелинъ, подъ общимъ именемъ Руссовъ, причисляетъ къ народамъ племени *Славянскаго*; и такимъ образомъ его система представляетъ переходъ къ старой Русской школѣ изъ южнаго разряда новыхъ

похода въ 866 году, какъ объ имени народа, овладѣвшаго Полянскою землею и Кіевомъ. — Историческая рѣка *Росъ* или *Русь* ¹⁾ и, впадающая въ нее рѣчка *Росава* такъ назвались вѣроятно потому, что на нихъ Руссы имѣли одно изъ главныхъ либо первыхъ своихъ поселеній; тако-

системъ, который она примыкаетъ собою къ старой Русской школѣ съ юго-восточной ея стороны. Но въ самомъ разрядѣ семь она составляетъ собою особый отдѣлъ противоположный отрицательной системѣ Каченовскаго: ибо сія послѣдняя дѣйствуетъ отрицательно и сократительно на древнее бытіе Руси и особенно Новагорода, умаляя до возможной степени предѣлы онаго извѣстные исторически; напротивъ система Венилина стремится расширить древнее бытіе Руси за исторически-обмѣренные предѣлы онаго и во времени, и въ пространствѣ.

Что касается до второй изъ новыхъ школъ, т. е. Байеро-Шлецеровской: то владеніе въ крайнюю односторонность ея положительнаго ученія, мы признали уже въ системѣ Сенковскаго, которая за то (съ другой, критической стороны своего состава) означалась возвращеніемъ къ давнему, теплomu вѣрованію *общественнаго челоуѣка* въ живыя историческія преданія, въ народныя пѣснопѣнія и особенно повѣсти или сказанія (саги), до *похоронъ* исторіи подѣ письменнымъ лѣтописаньемъ! Но поворотъ положительнаго ученія сей школы къ Ломоносовской (съ ея *сѣверозападной* стороны) сдѣланъ еще Карамзинымъ. Незабвенный историкъ нашъ хотя и принималъ Скандинавское происхожденіе Варяго-Руссовъ, однако чувствовалъ *Словенизмъ* ихъ, созерцая безъ систематическаго предубѣжденія древнія событія Руси. Потому, хотя онъ уступилъ систематику-Шлецеру и призналъ основательнымъ то мнѣніе, что Варяги-Русы были родомъ изъ шведскаго Рослагена, однако не отвергъ и пребыванія ихъ на сѣверо-западѣ, почиталъ вѣроятнымъ переселеніе ихъ изъ-за моря сначала въ Пруссію, гдѣ, обитавъ долго между Латышами, они могли уразумѣть языкъ Словенскій еще до пришествія къ Словенамъ Новгородскимъ и тѣмъ удобнѣ примѣниться къ ихъ обычаямъ (Т. I. стр. 50).

Таковымъ представляется мнѣ значеніе новыхъ и новѣйшихъ системъ, взятыхъ вмѣстѣ, въ ихъ взаимной систематической связи и историческомъ послѣдованіи.

¹⁾ Рѣка *Росъ*, названная *Русью* въ Софійскомъ Временникѣ и въ одной изъ украинскихъ пѣсень, протекаетъ въ Кіевской губерніи и впадаетъ въ Днѣпръ при селѣ Пекаряхъ противъ села Прохоровки, верстахъ въ 6 ниже Канева и въ верстѣ ниже Днѣпровскаго острова Ковержина; рѣчка *Росава* впадаетъ въ нее съ лѣвой стороны при селѣ Гамарнѣ. Историческія, привольныя мѣста сіи назывались *Порусьемъ* или *Поросьемъ* (подобно Посулью, Посемью, Поволожью); а жители оныхъ мѣстъ — *Поросянами* или *Порсянами*. Поросье служило вообще мѣстомъ поселенія или слободъ для разныхъ народовъ. Такъ въ 1031 году «Ярославъ и Мстиславъ идоста на Ляхи и заяста грады Червенскіе ояпть, и повоеаста Ляцкую землю, и многи Ляхи приведоста и раздѣлише я, Ярославъ посади я по Рси, идѣ-же суть и до сего дне». Въ Поросьи поселены были также Черные Клобуки, Берендѣи и Торки, жившіе и по лѣвой сторонѣ Днѣпра въ Переяславской области («Торки Переяславстѣи»). И въ среднемъ періодѣ на этомъ Поднѣпровьи поселялись Запорожскіе Козаки. (О мѣстныхъ названіяхъ по имени Торковъ и прочихъ, равно Козаръ, Печенѣговъ, будемъ говорить при другомъ случаѣ).

во-же быть-можетъ и происхождение села *Русанова*, находившагося на лѣвой сторонѣ Днѣпра, верстахъ въ 30 отъ Кіева (невдалекѣ отъ Борисполя. См. чертежъ Украины Боплановъ).

Съ приходомъ Олега въ Кіевскую землю происходитъ новое утверждение въ ней и распространение на другія области имени Русскаго. Оскольдъ и Дирь, княжившіе въ Кіевѣ, не бывъ княжескаго рода, были безъ сомнѣнія ненавистны для нашихъ Варяжскихъ природныхъ князей за свое отпаденіе отъ нихъ, возвышеніе, а можетъ-быть и христіанство, — за отлученіе Руси отъ Рюрикава княженія; притомъ въ Никоновской лѣтописи упоминается, что въ 867 г. многіе Новгородскіе мужи убѣжали отъ Рюрика въ Кіевъ, что Оскольдъ и Дирь воевали Полочанъ, уже принадлежавшихъ Рюрикову княженію. Воитель Олегъ умерщвляетъ этихъ первыхъ князей Русскихъ, овладѣваетъ Кіевомъ и принимаетъ на себя имя Русское, распространяетъ его на все: онъ уже *Русскій князь*; Кіевъ отъ него нареченъ *матерью Русскимъ городамъ* («Чернигову, Переяславлю, Полотску, Ростову, Любечу и прочимъ городамъ»); онъ обладаетъ уже всею землею Русскою (какъ сказано въ нѣсколькихъ спискахъ); бывшіе при немъ: «Варяги, Словены и прочи прозавшася Русью»; подъ общимъ именемъ *Руси* въ 907 году идутъ на Царьгородъ и Варяги, и Словены, и Поляны, и другіе; и Варяжскіе мужи Олега — Карль, Ингельдъ, Руальдъ и т. п. въ мирномъ Договорѣ съ Греками говорятъ уже: «Мы отъ рода Рускаго».

Такое предпочтеніе и принятіе Русскаго имени Олегомъ по завладѣніи Кіевомъ, было безъ сомнѣнія потому, что здѣсь имя это было уже утвердившееся и извѣстное на югъ, особенно Грекамъ; что господствовавшихъ здѣсь Руссовъ, по убіеніи князей ихъ, надо было привлечь къ себѣ и предпочтеніемъ ихъ имени, и можетъ-быть даже повелѣніемъ

Кромѣ Роси, въ Днѣпръ втекаетъ еще (въ Екатеринославскихъ степяхъ) рѣчка *Русинова Балка*. На Боплановомъ чертежѣ Украины показана другая *Росава*, небольшая рѣчка, впадающая съ лѣвой стороны въ Днѣстръ при г. Ямполь. Въ книгѣ большаго чертежа упоминается еще рѣчка *Руса*, по Путивльской дорогѣ, впадающая въ р. Семь съ правой стороны, верстахъ въ 25 ниже г. Рыльска (Курской губерніи).

Можно-бы привести еще и другія мѣстности сего имени въ Россіи; но, по неизвѣстности о времени и поводѣ ихъ названія (и по неприведенію еще въ извѣстность всѣхъ *мѣстныхъ* именъ рѣкъ, урочищъ — въ наименованіи коихъ Ходаковскій замѣчалъ особую систему), — онѣ не могутъ еще привести къ прямымъ заключеніямъ.

Здѣсь еще припомнимъ только, что правый рукавъ Немени издревле называется *Русомъ* или *Русою*, безъсомнѣнія отъ Руссовъ: но когда онъ получилъ это имя, а окрестности его названы *Порусьемъ*?

Грекамъ: шить парусы для Руси *паволоचितые* (матерчатые), а для Словенъ (Новгородцевъ) — *кропинные* (полотняные).

И такъ Кіевъ есть мать городовъ Русскихъ: *отсюда пошла земля Русская!* отсюда сыны ея растекались грозными станицами на югъ, на свое Русское море, по которому ходили они на всѣ стороны. Съ Игоремъ (941 г.) они воевали уже страну Вифанскую, и воевали по Понту до Иракліи и Пафлагонской земли, поплѣнили всю страну Никоimidскую, и сожгли всю Суду ¹⁾. При Святославѣ уже завоевана была Козарія, уже Тмутаракань (Тамань), и Косоги (Черкесы и Ясы (Осетины), и Болгарія — были *подъ Русью* ²⁾. Изъ Кіева распространилась и вѣра, и грамота, и все просвѣщеніе Русское. Оскольдъ и Дирь первые положили начало Руси; вѣщій Олегъ былъ распространитель и возвеличитель ея имени, и водворитель Рюрикова княжескаго племени на ея престолѣ; а Святославъ былъ первый Русскій князь уже и по имени Русскому, уже отмѣнившійся въ образѣ жизни и войны; самый видъ его былъ болѣе Азіатскій, чѣмъ Скандинавскій.

§ 8. Такимъ образомъ имя *Русина* стало господствующимъ; его принимали всѣ вступавшіе подъ знамена Кіевскія и служившіе князьямъ Русскимъ: потому и Варяги-Скандинавы могли въ общей массѣ называться *Русью*, не бывъ настоящими природными Руссами; какъ и теперь называется *Русскимъ* каждый подданный Русской державы, каждый служащій Россіи.

У Нестора имя Руси принимается различно: 1) какъ имя *общее* народамъ, вступающимъ подъ знамена Русскія; 2) какъ географическое имя *земли Русской собственно*, простирающееся и на всѣ области и города, кои принадлежали въ Кіевскому княженію, были *подъ Русью* ³⁾; 3) наконецъ и какъ имя особаго народа въ Русской землѣ ⁴⁾; но въ этомъ случаѣ оно всегда отличено отъ имени *Варяга*, которымъ въ Несторовой

1) Шлецеръ говорилъ, что въ этихъ дѣлахъ Игоря кое-что прибавлено Несторомъ *изъ патриотизма*; но Арабскіе писатели прибавляютъ къ побѣдамъ Руссовъ и еще кое-что (неизвѣстное нашему лѣтописателю) — кажется не изъ патриотизма!

2) Не знаю, назывались ли *Руссами* прежде Святослава Болгары на Дунаѣ; но во время Святослава тамъ очень могло простиреться имя Руси на Болгарь.

3) «Се-бо токмо Словѣнескъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Новгородьци»... (Лавр. Сп.).

4) Собирательное имя народа — *Русь*, какъ *Чудъ, Серебъ*; а единичное — *Русинъ*, какъ *Чудинъ, Болгаринъ, Сербинъ* или *Серблянинъ*; но во множественномъ не *Русины*, а *Руссы* (Кіев. Лѣт.) и *Русичи* (Пѣснь Игорю), какъ Чуди, Сербы, Болгары, такъ говорится *Татаринъ, Татары*; а въ собирательномъ смыслѣ по-украински говорится *Татарва*.

Повѣсти о внутреннихъ событіяхъ Русской земли означаются собственно Скандинавы. Русинъ у Нестора — на югѣ, на Днѣпрѣ; Варягъ приходитъ съ сѣвера, изъ-за моря. Въ подтвержденіе сего приведу еще нѣсколько мѣстъ изъ Нестора.

Игорь совокупилъ вои многи: *Варяги, Русь*, Поляны, Словены, Кривичи, Тиверцы, Печенѣги: и про все это ополченіе Корсунцы и Болгары говорили: «се иде Русь!». Въ семъ послѣднемъ случаѣ *Русь* — имя родовое, даже для Печенѣга; но подъ нимъ числится и особый народъ — *Русь*, но есть также и *Варяги*.

Ярославъ на Святополка шель изъ Новагорода съ *Варягами* и *Новгородцами*; Руси не было. Но когда онъ сѣлъ въ Кіевѣ на отцевскомъ и дѣдовскомъ престолѣ, тогда противу Болеслава и Святополка ходилъ уже «совокупивъ *Русь* и *Варягы* и *Словѣне*.» Опять Русь идетъ съ Юга! — Въ 1043 году Ярославъ послалъ сына своего Владиміра на Грековъ, давъ ему «вои многи — *Варягы, Русь*.» По приходѣ къ Дунаю, Русь говорила Владимиру: «станемъ здѣ на полѣ»; а Варяги говорили: «пойдемъ въ лодіяхъ подъ городъ». (*Соф. Врем.*)

Варягъ, хотя и дѣйствуетъ подъ именемъ Руси и принимаетъ христіанство, но остается Варягомъ, Заморяниномъ, не-Русскимъ! Таковъ онъ является особенно въ сказаніи о Владимірѣ. Услышавъ въ Новѣгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, Владиміръ бѣжалъ за море; Ярополкъ-же посадилъ своихъ посадниковъ въ Новѣгородѣ, и былъ одинъ владѣтелемъ въ Руси. Пришелъ Владиміръ съ Варягами въ Новгородъ; собралъ вои многи — Варяговъ и Словенъ, Чудь и Кривичей, и пошелъ сначала въ Полотскъ на Роголода, а потомъ въ Кіевъ; и когда, по умерщвленіи Ярополка двумя Варягами, Владиміръ сталъ Шевскимъ княземъ, то *Варяги*, помогши ему овладѣть Кіевомъ, домогались у него дани съ сего города; но онъ «избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры», а прочихъ послалъ въ Царьгородъ, отправивъ напередъ посла, говоря такъ: «Царю, се идутъ къ тебѣ Варязи; не мози ихъ держати въ градѣ, оли то створяти ти зло, яко и сде, но расточи я разно, а сѣмо не пушай ни единого». ¹⁾

§ 9. Изъ сказаннаго доселѣ видно, кажется, что *Руссы* и *Варяги* въ нашихъ лѣтописяхъ принимаются какъ два различные, разноплеменные народа. Въ древнемъ бытописаніи Русскомъ, Варягъ сперва является и изгоня-

¹⁾ Такими-же корыстниками и головорѣзами представляются Варяги Норвежскіе, съ конунгомъ своимъ Эймундомъ, и въ собственныхъ сказаніяхъ о службѣ своей на Руси у В. Е. Ярослава. Эти сказанія составляютъ извѣстную *сагу Эймундову*, дѣйствительно важную для нашей исторіи временъ Ярослава (вопреки Шлецеру!).

ется какъ заморскій врагъ и разбойникъ, потомъ какъ призванный изъ за-морья властитель и находникъ; наконецъ какъ *прибавленный* и наемный воинъ, какъ меченосецъ заморскій (какимъ онъ былъ въ Царьгородѣ подь именемъ Варанга). Отъ чего-бы ни произошло первоначально имя Варяга ¹⁾, но Варягами собственно называется у Нестора всякій на-

¹⁾ Было-ли племеннымъ имя *Варяги*? не отъ птоломеевыхъ-ли еще *Варгионовъ* (близъ Рейна) оно распространилось? — это не ршено еще; а между тѣмъ уже много значеній надавали сему слову. Древнѣйшее производство Варяговъ есть то, что они суть Словены *Вагры* или *Вагиры*: такъ думали еще Стрыйковский, Герберштейнъ и другіе иностранные ученые, какъ и у насъ въ прошломъ вѣкѣ, а нынѣ такъ думаетъ Каченовскій съ своими послѣдователями. Вельтманъ (въ Ж. М. Н. Пр. 1834 № 12) ведетъ Варяговъ отъ *Фереинговъ* — Кельтического сброда на островахъ Ферскихъ (между Шотландіей и Исландіей).

Однако-же большая часть ученыхъ имя Варяги производять отъ качества или званія. Одни ироизводятъ отъ *Vargus* — изгнанникъ, бродникъ; другіе отъ *Wargr* — волкъ; иные отъ Готскихъ *федератовъ*-союзниковъ, *ферингаровъ*-защитниковъ, стражей; — отъ *варгангъ* — чужеземецъ; — отъ *Varech* — и потому разумѣютъ моряковъ; — отъ нѣмецкаго слова *War* — война; либо отъ Финскаго слова *варъ* — по-Русски *воръ* и разбойникъ: такъ и дѣйствительно у насъ изъясняли имя Варяга — *ворягою*. Тредьяковскій производилъ отъ Словенскаго слова *варяю* и принималъ Варяга въ смыслѣ обывателя, старожила, «предтечи» Европейскаго; другіе производили еще отъ Лопарскаго слова *варьютъ* — вооруженный; Бутковъ производитъ отъ поморско-Словенскаго слова *варянгъ* — мечъ, по которому Варягъ значить *меченосецъ*, какими и были Варяги у насъ, *Варанги* у Греческихъ императоровъ. Есть производства Варяговъ еще въ другія званія, но довольно и этихъ для показанія, что всѣ они, хотя ни сколько не сходны между собою; но удивительно какъ идутъ къ Варягамъ. Откуда-бы ни взялось имя Варяговъ, но ихъ первое появленіе къ нашимъ сѣвернымъ старожиламъ, ихъ первое значеніе въ нашей исторіи было *вражеское*; потому — исключительно для любителей словопроизводства — прибавляю новую догадку: не значить-ли слово *Варягъ* просто *врагъ*, *ворогъ*, а по сѣверному произношенію *ворагъ*? (Такъ слово *храбрый*, напр. въ пѣсни Игорю и Украинскихъ пѣсняхъ, было — *хоробрый*, а въ великорусскихъ пѣсняхъ, собранныхъ Киришею — *хорабрый*). Если-бы и въ самомъ дѣлѣ явились впервые къ намъ Варяги подь какимъ-нибудь изъ вышеприведенныхъ именъ, то оно все-таки могло быть Словенами и Чудью оборочено на значеніе *ворога* или *врага*, въ какомъ отношеніи сперва и были къ нимъ Варяги, — они могли такъ сказать перевести на свой языкъ и *Фереинга*, и *Варгера*, и *Варанга*, — какъ Неметовъ Словены перевели *Нѣмцами*, съ придачею смысла *Нѣмоты*; (какъ и теперь наши простолюдины переводять экзекутора — *стѣпукторомъ*, дилижансъ *нележанцемъ*; какъ латинскую *жизненную воду*, *aqua vitas*, Украинцы передѣлали въ *оковитую*!) прозваніе *Нормановъ ворогами* могло обратиться въ народное названіе *Варягами*, подобно тому какъ Куманы (отъ р. Кумы?) почему-то у насъ названы *половцами*, т. е. ловцами или охотниками, а потомъ это прозваніе обратилось въ народное имя *Половчинъ*, *Половцы* (а не *Пбловцы* или *Полвцы*).

родъ Скандинавскаго племени: для всѣхъ ихъ безразлично со-времени ихъ вражскаго нападенія изъ заморья въ 859 году, въ Несторовой повѣсти одно имя — *Варягъ*, какъ племенное, общее, постоянное, неотпадающее отъ нихъ ни въ Новгородѣ, ни въ Кіевѣ, ни на Черномъ, ни на Варяжскомъ морѣ, ни въ язычествѣ, ни въ христіанствѣ.

Западная, поморская Русь у Нестора причисляется къ Варягамъ, не по племени и языку, ибо племени и языка она была Словенскаго. Къ Варягамъ причисляется у Нестора западная Русь по общему съ ними мѣстопробыванію и образу жизни; по союзничеству и наконецъ одновѣрству съ настоящими Варягами, въ отличіе отъ Руси восточной «христіанской или православной», уже сроднившейся съ юговосточными Словенами.

Въ такомъ только смыслѣ можно считать западную Русь *Норманами*; ибо и съ этимъ словомъ у Германцевъ и другихъ соединялось понятіе сѣвернаго врага-воителя или разбойника, а не различіе племени. Въ такомъ смыслѣ Несторовы *Варяги* тоже, что *Норманы*.

Такъ въ среднемъ періодѣ у насъ именемъ *Татарина* назывались новые враги наши — наѣзники Азіатскіе, съ огнемъ и мечемъ нахлынувшіе изъ-за Урала въ XIII вѣкѣ; но между ними были совершенно розныя племена — и Монгольскія, и Турецкія, коихъ облики по сю пору еще можно различать, наприм., между Татарами Крымскими. Такимъ-же образомъ разноплеменные народы слывуть у насъ подъ общими именами: *Горца* и даже *Черкеса*, *Сибиряка*, *Крымца*.

Руссы были одного племени и языка съ Днѣпровскими Словенами, притомъ они были освободители ихъ отъ налога Козаровъ, коимъ первую дань пытались-было Поляны заплатить обоюдоустрыми мечами: потому Руссы лучше принялись, скорѣе присвоились имъ, тѣснѣе сроднились и слились съ ними.

Но Варяги были иноязычники, иноплеменники Словенамъ: Варяги только жили да работали у нихъ; и мы видѣли выше, какъ разумѣлъ ихъ Владиміръ, бывъ еще въ язычествѣ (§ 8). «Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ: вставше Новгородци избиша Варяги», а сказаніе о Вадимѣ показываетъ, какъ еще съ первыхъ временъ принялись Варяжскіе князья у Словенъ Новгородскихъ.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ имя Руси все болѣе и болѣе усвоялось восточнымъ Словенамъ, съ именемъ Варяга у Руссовъ умножалось понятіе о чужомъ, не-Русскомъ; и въ половинѣ XI вѣка словомъ *Варяжскій* означали у насъ уже противоположное Греко-восточному и Слоveno-Русскому — *западное*.

Такъ въ отвѣтъ преподобнаго Феодосія печерскаго Изяславу: *Варяжскою вѣрою* называется западная или *Латинская вѣра*, въ противоположность Русскому православію. *Варягъ и Латинникъ* у него одно, — и онъ сильно увѣщаетъ князя ¹⁾ «блюсти себя отъ *Варяговъ*, не присвоятися имъ; и своихъ дочерей — говоритъ — недостойно хрестьяномъ даяти за ня, ни поимати за себе у нихъ, ни братитися съ ними, ни кумитися.» И такъ еще до Нестора на Варяга смотрѣли Руссы именно какъ на *иновѣрца* западнаго, — противопологали *хрестьянину, правовѣрному*, особенно въ обители Феодосіевой, гдѣ и Нестору не могло быть чуждымъ такое понятіе.

Въ томъ-же смыслѣ и въ Новѣгородѣ употреблялось слово *Варяжскій* въ половинѣ XII вѣка. Кирикъ вопрошаетъ архіепископа Илію: «А оже се носили (жены) къ *Варяжскому* попу дѣти на молитву? — Шестъ недѣль опитемъ, рече, занеже акы двовѣрци суть».

Но Несторъ сохранилъ историко-географическое значеніе *Варяговъ*; а западныхъ или германскихъ Тевтоновъ называетъ *Нѣмцами*, именемъ (по мнѣнію Болтина), происшедшимъ отъ германскаго народа, издревле называвшагося *Неметами*. Такъ въ космографическомъ введеніи исчисляются народы, идущіе по западу, къ югу отъ *Варяговъ*: «Галичане (т. е. Галлы), Волхва, Римляне, *Нѣмци*, Корлязи, Фрягове и прочіи». ²⁾ И въ самой повѣсти его — «приходиша (къ Владиміру, 987 г.) *Нѣмци* глаголюще: придохомъ посланіи отъ Папежа».

1) Извѣстны сношенія Изяслава съ папою Григоріемъ VII, по смерти Феодосія 1074 г., и письмо папы къ князю въ 1075 г. Видно, что Изяславъ обращался къ Феодосію съ вопросомъ о *Варяжской вѣрѣ*, замисливъ уже о сихъ сношеніяхъ; потому отвѣтъ исполненъ сильныхъ и рѣзкихъ изображеній, для отвращенія князя отъ его намѣреній и утвержденія въ православіи, въ насажденіи коего величайшимъ у насъ вертоградаремъ былъ преподобный Феодосій, смѣло и сильно ревновашій и къ укрощенію уже возникшихъ *усобицъ княжескихъ*.

2) Здѣсь въ Улановъ обращены *Аланы*, коихъ остатки понынѣ есть между горами Кавказскими.

Къ числу немногихъ будто-*анахронизмовъ* Несторовой лѣтописи, коими доказываютъ, будто она не могла быть писана въ XI вѣкѣ, — принадлежитъ даже слово *Нѣмецъ*, которое признаютъ зашедшимъ къ намъ отъ Балтійскихъ Словенъ, а ихъ переселеніе въ Новгородъ предполагаютъ въ XII вѣкѣ. Но развѣ слово это могло быть узвано въ Кіевѣ не иначе, какъ только съ переселеніемъ въ Новгородъ самихъ Балтійскихъ Словенъ, и именно Вагровъ? Когда-бы ни переселились Вагры или Варги на Волховъ (хотя-бы и въ XVI в., съ Герберштейномъ), но въ исходѣ XI вѣка весьма могли знать о *Нѣмцахъ* Кіевляне и отъ другихъ Словенъ сѣверо-западныхъ, напримѣръ, отъ Поляковъ, коихъ пребываніе въ Кіевѣ до Нестора свидѣтельствуется и западными того

Такъ и митрополитъ Никифоръ въ посланіи къ Мономаху говорить: «потомъ-же преяша стараго Рима *Нѣмци*, и обладаша землею тою. И по малѣ времени старіи и правовѣрніи мужи, иже храняхуть и дрѣжаху законъ Христовъ и святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, отъидоша; по умертвіи онѣхъ мѣлادی и неутверженіи прельсти Нѣмечскій вѣслѣдоваша...»

Такъ и у пѣвца Игоря: въ Кієвѣ — «ту *Нѣмци* и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю»; а въ Крыму — «*Готскія* красныя дѣвы вѣспѣша на брезѣ Синему морю.»

Такъ и въ Уставѣ о городскихъ мостѣхъ (постановленномъ въ концѣ XII в., вѣроятно, Ярославомъ Владиміровичемъ II) различаются еще въ Новгородѣ — *Нѣмци* и *Гти* (т. е. Готы).

Но съ XIII вѣка имя *Нѣмца* распространяется у насъ уже и на Варяжскихъ или Скандинавскихъ Тевтоновъ. Такъ въ договорѣ Смоленскаго князя съ Ригюю и Готскимъ берегомъ (1228 г.) жители обоихъ называются обыкновенно Латинами, Латинскимъ языкомъ, но также *Нѣмчиномъ* и *Нѣмчицею*.

Въ среднемъ-же періодѣ этимъ именемъ стали пояснять старое имя (Варяга). Такъ въ Полетиковомъ спискѣ лѣтописи сказано, что Рюрикъ избрался «отъ Варягъ отъ Нѣмецъ»; въ прочихъ спискахъ уже просто «отъ, Нѣмецъ» или «изъ Нѣмецъ». Въ Софійскомъ временникѣ надъ вышеупомянутымъ посольствомъ Нѣмцевъ отъ Папежа къ Владиміру поставлено: «О Нѣметской вѣрѣ» (вмѣсто прежняго имени — Варяжской или Латинской); а надъ присланіемъ отъ Грековъ философа: «О вѣрѣ христіянської».

Такимъ образомъ этимъ новымъ словомъ замѣнилось старое слово *Варягъ*, которое изъ прежняго вышеизложеннаго значенія его у насъ (какъ заморскаго разбойника и *ворога*, потомъ какъ наемнаго Скандинавскаго воина и меченосца) перешло въ значеніе иноплеменика и иновѣрца Европейскаго, и въ-послѣдствіи обратилось въ понятіе *воряги*, съ которымъ не-шутя изъясняли имя Варяга — даже Конискій, въ своей исторіи Малой Россіи.

времени писателями, если уже не вѣрить своимъ. Притомъ для узнанія Кієвлянами Словенскаго имени Германцевъ, достаточно было въ Кієвѣ и одного выходца изъ Поморцевъ Балтійскихъ, одного Кієвлянина, ходившаго къ Словенамъ Балтійскимъ! Но съ возобновленіемъ Несторо-Ломоносовскаго или стариннаго Русскаго мнѣнія о *Словенизмѣ Варяго-Руссовъ* IX вѣка, съ коими одинъ *родъ Русскій* составляли и *Вагры* (Голштинцы), и *Вильки* (Мекленбургцы), — подобныя возраженія возникать не могутъ, и тѣ сходства, какія есть у насъ съ Словенами Прибалтійскими, изъясняются сами собою, историческая тайна этихъ сходствъ открывается просто!

Но и слово *Нѣмецъ* скоро вышло изъ предѣловъ своего прежняго, племеннаго значенія — сначала Неметовъ, потомъ всѣхъ Германцевъ, а потомъ всего Тевтонскаго племени. *Немѣцкимъ* стали называть въ народѣ уже неопредѣленно не только все Европейское, западное, но и все *иноязычное*, не говорящее словами Словенскими или Русскимъ языкомъ, и потому какъ-бы *нѣмое*. Такъ до XVIII вѣка назывались у насъ *Нѣмцами* вообще всѣ почти Европейцы, приходившіе въ Россію. Въ Никоновской лѣтописи: «А Югра есть народъ нѣмъ; они говорятъ, но языка ихъ никто не разумѣтъ». — Такъ въ пѣснопѣнни народномъ среднихъ временъ *объ Иванъ Годиновичъ* находите:

«Въ дальню землю Загорскую,
За царя Афромя Афромевича,
За царя отдать — ей царицею слыть,
Пановя всѣ поклонятся,
Пановя и Улановья,
А Нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ!» —

Примѣровъ такого распространенія и прекращенія въ смыслѣ именъ народныхъ можно привести большое число. — Такъ Латыши называютъ *Кревами* не однихъ Бѣлоруссовъ, но и всѣхъ Русскихъ, потому что Кривичи, были къ нимъ ближайшіе. Такъ *Франками* по сю пору Черкесы называютъ вообще Европейцевъ; а у Русскихъ это слово совсѣмъ потеряло значеніе народа. Такъ *Берендѣй*, имя столь близкаго и извѣстнаго намъ въ древнее время народа, осталось теперь только въ имени сказочнаго царя Берендѣя. *Словены* назвались этимъ именемъ по глубокому въ себѣ чувству Божественнаго дара *слова*, отъ чего произошли имена и *славы*, и *человѣка*. Но нѣкоторые Европейскіе народы это племенное имя наше обратили въ значеніе *склава*, какъ Спартанцы народное имя *Илотовъ*. Такъ славное имя Грека — у Сербовъ перешло въ *грка*-торгаша; такъ у насъ народное имя Швейцара обратилось въ швейцара-придверника.

Именемъ *Гайдамака* называли себя Запорожскіе козаки, когда имъ была «Съчь мати, а Великій Лугъ батько»; но потомъ, когда ватаги ихъ, не составлявшіе войска Запорожскаго, стали охотиться разбоемъ, — у Поляковъ, Малороссіянъ и другихъ слово *гайдамакъ* стало значить разбойника. Такъ и слово *козакъ*, нѣкогда бывшее, кажется, племеннымъ именемъ горскаго народа *Косоговъ*, а потомъ у Азіатскихъ ордъ значившее вообще *наѣздника*, у Турковъ и Татаръ получило бранный смыслъ, когда козаками стали называться Запорожцы, кои дали себя знать *Туреччинъ* да *Татарщинъ*. Напротивъ на Украинѣ слово *козакъ* обратилось въ народ-

ное имя, коимъ называли себя Украинцы въ смыслѣ добровольнаго воина. Такимъ-же образомъ изъ нѣмецкаго *рейтара* (Ritter) или *всадника* образовалось при подобныхъ обстоятельствахъ западное рыцарство или кавалерство, въ противоположность коему козацество Украинское представляло собою *рыцарство восточное, народное*, имѣвшее и свою козацкую поэзію, и свои крестовые походы за восточную церковь (съ 1592 года), и нашедшее себѣ владыку въ православномъ царѣ *Восточномъ* ¹⁾. И бандуристъ Украинскій свою думу о козацкомъ подвигѣ заключалъ припѣвкою:

*Легла козацкая, молодецкая голова,
Какъ отъ вѣтру на степи трава!
Слава — не умретъ и не ляжетъ,
Рыцарство козацкое всякому расскажетъ!* ²⁾

§ 10. Изъ всего сказаннаго видно, кажется, что *землю Русскою* назвалась сначала Кіевская или Полянская земля, а не Новгородская; ибо до завладѣнія Олегомъ Кіева, въ Новгородской землѣ, по лѣтописямъ, не видно Руси. Между тѣмъ Русь была уже 18 лѣтъ въ Кіевѣ: потому и земля Русская иногда называлась еще *Кіевомъ*, напримѣръ: «и взяша (Батый) градъ Переяславль Русскій ³⁾ иже въ Кіевѣ.» (*Никон. лѣтоп.*). *Новгородцами*, какъ изъяснено § 6 по Несторовой повѣсти, назвались сначала Варяжскіе находники на своемъ новосельи, а отъ нихъ уже и прежніе Новгородскіе насельники *Словены*, которые долго еще назывались этимъ народнымъ своимъ именемъ, въ отличіе отъ Новгородцевъ-находниковъ, отъ Варяговъ. Это видѣли мы уже изъ нѣсколькихъ мѣстъ Несторовой повѣсти. Въ Русской Правдѣ также упоми-

¹⁾ *Восточнымъ царемъ* называли на Украинѣ (въ пѣсняхъ, актахъ) царя Московскаго; въ Великорусіи-же Русскій царь величается *Бѣлымъ царемъ* (какъ и на востокѣ) и *Православнымъ*.

²⁾ Сказанное здѣсь о значеніи словъ *козакъ* и *гайдамакъ* подробнѣе изложено у меня въ изданіи *украинскихъ народныхъ пѣсенъ* (Ч. I. 1734 на стран. 66-70, 80 и другихъ). Приведенные въ переводѣ стихи о *козацкомъ рыцарствѣ* составляютъ конецъ прекрасной Украинской думы (въ изданіи IX-й) *объ Иванѣ Коновченкѣ*, относящейся къ 1684 г. Въ одной изъ войсковыхъ козацкихъ пѣсенъ (№ 14, на стр. 149) встрѣчается выраженіе: *конь лыцарскій*. Принятіе и распространеніе имени *козака* на Украинѣ въ XVI вѣкѣ поясняетъ, какимъ образомъ имя *Русина* тамъ распространялось и утвердилось въ IX вѣкѣ.

³⁾ Сей Переясловъ и въ Лаврентьевскомъ спискѣ называется обыкновенно *Русскимъ*, въ отличіе отъ Переяславля-Залѣскаго.

наются какъ особыя имена *Русинъ* и *Словенинъ*, и особо отъ обоихъ отличается *Варягъ*. Имя *Словенинъ*, къ Новгородцамъ относящееся, находимъ и въ Кириковыхъ вопрошаніяхъ (Епископу Нифонту) отъ половины XII вѣка ¹⁾.

И такъ имя *Словенинъ*, какъ стародавнее для Новгородцевъ, удерживается за ними въ XI и XII вѣкѣ; но *Руссами* Словены Новгородскіе до XIII вѣка не назывались ни у нихъ самихъ, ни у другихъ Русскихъ писателей не-Новгородскихъ ²⁾. Новгородскій лѣтописецъ ³⁾, при описаніи событій съ половины XI-го и въ продолженіе почти всего XII-го вѣка, *Русью* и *Рускою землею* называетъ почти всегда только Кіевскую или южно-Русскую область.

Вотъ нѣсколько тому примѣровъ, которыхъ можно привести гораздо больше. «Епископъ и купецъ и слы *Новгородскыя* не пущаху *изъ Руси*». «Ходиша вся *Руска земля* на *Галиць*». «Послаша *Новгородъци* къ Святославу *въ Русь* по сынъ; и приведоша Володиміра *въ Новгородъ*. Въ томъ-же лѣтѣ на зиму иде князь Святославъ Всеволодовиць, Олговъ внукъ *изъ Руси* на *Суждалъ*, а сынъ его Володиміръ съ *Новгородъци изъ Новгорода*».

Въ отличіе отъ сей собственно-Русской земли или *Руси*, Новгородскій лѣтописецъ въ XII вѣкѣ *Просторускою землею* называетъ (какъ я полагаю) среднюю Русь, т. е. сѣверозападную и сѣверовосточную. Напримѣръ: «Придоша подъ Новгородъ Суждальци съ *Андреевицемъ*. Романъ и Мстиславъ съ *Смоляны* и съ *Торопыцяны*, *Муромци* и *Рязанци*, и вся земля *Просторусьская*».

Такъ и лѣтопись Кіевская *Русью*, *Рускою землею* называетъ южную Русь, отличая тѣмъ ее отъ *Новгорода*.

1) «Молитвы оглашенныя творити: Болгарину, Половчину, Чюдину преди крещенія 40 дній поста, и съ церкви исходити отъ оглашенныхъ; Словенину за 8 дній» (*Памятн. Росс. Слов.* XII в. 1821).

2) Названіе сѣверныхъ обитателей нашего отечества Руссами отъ иностранныхъ писателей, сколько извѣстно, начинается въ исходѣ XII вѣка. Такъ, Гельмольдъ повѣствуетъ, что южные берега Балтійскаго моря населены Словенскими народами, изъ коихъ: отъ востока первые *Руссы* (*Ruzi*), потомъ *Поляки*, у коихъ на сѣверѣ *Пруссы*. Такъ въ привилегіи Фридриха 1-го Любеку, 1188 г., говорится о *Рутенахъ*, подъ коими историки Ганзы и Каченовскій разумѣютъ Новгородцевъ, хотя это названіе могло быть болѣе географическое, чѣмъ племенное.

3) Новгородскимъ лѣтописцемъ во второй половинѣ XII вѣка былъ *попъ, поставленный Нифонтомъ*. Сей священникъ былъ Іоаннъ, онъ-же и архіепископъ Ілія — по предположенію митрополита Евгенія (см. *Ист. Слов. Дух. Пис.* Ч. I).

Послѣ сего, мнѣ кажется, несомнѣнно можно положить, что имя Русской земли сначала принадлежало собственно не Новгороду, а Кіеву ¹⁾.

Олегъ, сдѣлавшись Кіевскимъ, Русскимъ княземъ, оставилъ — «Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто *мира дѣля*, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ». Ольга устанавливаетъ по Лугѣ оброки и дани. Новгородъ остается опять безъ особаго у себя князя, какъ данникъ и оброчникъ Руси, и Константинъ Багрянородный называетъ его *Ексо-Россією* (внѣшнею Россією). Въ такомъ общемъ, географическомъ смыслѣ имя *Руси* могло простереться на Новгородскую землю не прежде, какъ по завладѣніи Кіева Олегомъ, когда и Новгородъ вмѣстѣ съ прочими городами сталъ *подъ Русью*.

Въ 970 году *людье Новгородстїи* (видно опять не поладивъ между собою безъ князя) идутъ просить себѣ князя у Руси, но уже Кіевской. Просьба ихъ была несомнѣнно покорнѣйшая: если не пойдете къ намъ (говорили они), то найдемъ себѣ князя. Только-бы кто пошелъ къ вамъ! — сказалъ имъ Святославъ. Но они, по указанію Добрыни на своего племянника, у великаго князя выпросили себѣ Владиміра, который и былъ *первымъ Русскимъ* княземъ въ Новгородѣ.

Благовластный Ярославъ, за важную для него услугу Новгородцевъ, при овладѣніи отцевскимъ Кіевскимъ престоломъ, даровалъ имъ *Русскую Правду* и отпускную *Грамоту*. При раздѣлѣ Ярославомъ на удѣлы Русскаго государства, Новгородъ не вошелъ уже въ его составъ. Онъ самъ себѣ *промышлялъ* Князей у Руси, и потому часто оставался безъ князя, ибо управлялся болѣе рѣшеніями вѣчевой сходки своей, которыми весьма условлена была власть княжеская. Новгородъ богатѣлъ торговлею съ Ганзейскими городами, *плотничалъ* (какъ говорили Кіевляне) и расширялъ волости свои въ такъ-называвшихся *верхнихъ земляхъ* Россіи. Наконецъ, онъ говорилъ уже: «кто противъ Бога и Великаго-Новгорода?»

Особящійся такимъ образомъ на сѣверѣ, Новгородъ принадлежалъ къ Руси болѣе по духовной власти митрополита Кіевскаго и всея Руси, принадле-

¹⁾ Еще Карамзинъ замѣтилъ по нашимъ лѣтописямъ, что Русью или *Русскою землею* въ древности у насъ называлась преимущественно Кіевская или южная Русь. Мнѣніе о переходѣ и распространеніи на сѣверныя области Русскаго имени съ нашего Кіевскаго юга, положено еще Чеботаревымъ; но систематически оно развито въ своей школѣ Каченовскій, что и составляетъ свѣтлую и прочную сторону его системы, которая для доказательства сего мнѣнія не опровергаетъ свидѣтельства и Русскихъ лѣтописей, основывается на нихъ безъ систематическаго предубѣжденія и не подозреваетъ ихъ на сей разъ ни въ вымыслъ, ни въ умыслъ.

жалъ Кіеву болѣе по суду церковному, судясь въ мірскихъ дѣлахъ судомъ Ярославимъ или Русскою Правдою, а въ послѣдствіи *своимъ судомъ*. Онъ былъ такъ-сказать крестнымъ сыномъ Руси, и уже въ среднія времена вполнѣ усыновился новой, второй матери обновленныхъ Русскихъ городовъ — *Москвѣ Бѣлокаменной*. Москва, присоединивъ къ своему великокняжескому *Московскому* престолу всю Суздальскую, а потомъ и Новгородскую землю, образовала изъ того *Великую Русь*, коея народъ и языкъ по преимуществу зовутся *Русскими*, которая въ областяхъ своихъ именуется собственно-*Россією*», и въ народѣ своемъ величается *Святою*:

«Какъ у насъ было на Святой Руси!
Какъ у насъ было въ Каменной Москвѣ!...»
«Москва.... какъ много въ этомъ словѣ
Для сердца Русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отозвалось!»

Да, много отозвалось въ этомъ словѣ! Въ этомъ сердцѣ Россіи опять слилось, сроднилось почти все, чѣмъ владѣлъ стольный Кіевъ, что воспріяло отъ него и кровь, и духъ, и имя Русское, и безъ чего кончаль онъ богатырскій вѣкъ свой, вмѣстѣ съ Царемгородомъ ¹⁾, *Того Стараго Владиміра* (говорилъ пѣвецъ Игоря) *нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ! Знамена его раздѣлились... . 2)*.

Уже при Ярославлѣ отсталъ отъ Кіева сѣверозападный удѣлъ его съ своими *грозными* Полочанами; и Бѣлая Русь первая приняла отъ Кіева имя земли Русской ³⁾. Костями *Русскихъ сыновъ* засѣялись кровавые берега Не-

- 1) Взятіе Царьгорода западными крестоносцами и разореніе Кіева совершились въ одномъ, 1204-мъ году.
- 2) Слова сіи взяты изъ Пѣсни о полку Игоревѣ. — Изъ нея также я заимствовалъ и слѣдующія за тѣмъ (какъ мнѣ кажется Бояновы) выраженія о Всеславѣ, Полочанахъ и Неменѣ: «Немизѣ кровавѣ брезѣ... посѣяны костями *Русскихъ сыновъ*.» — Послѣднее выраженіе встрѣчается и у Нестора: «Сю бо (Ольгу) хвалятъ *Русіе сынове* яко начальницу; ибо по смерти модяше Бога за Русь.» — Такимъ образомъ, *родинное* чувство у насъ выражалось понятіемъ *сыновства*, по которому пѣвецъ Игоря и Русина называетъ *Русичемъ*, и Днѣпръ величаетъ *Словутичемъ* (т. е. Славичемъ, сыномъ Славы)... Изъ его-же Пѣсни я заимствовалъ также слова: *доски безъ князя* (т. е. безъ главной связи на кровлѣ). «Уже дѣски безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовѣрсьмъ.» По древнему Русскому повѣрью, по-нынѣ вѣдущемуся, это *примѣта дурная*.
- 3) Такимъ образомъ и въ договорѣ 1228 г. Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригю и Готскимъ берегомъ — *Русскою землею* называются волости князей: Смоленскаго, Полоцкаго и Витебскаго; а именемъ *Русина* и *Руси* — ея жители.

меня, и онъ, *Руссомъ* вливаясь въ Варяжское море, отдѣлил намъ землю Русскую отъ Прусской ¹⁾. Всеславъ Полоцкій «расшибе славу Ярославу»; но его душа была въ Кіевѣ: «тому въ Полотскѣ позвониша заутреннюю рано у Святыя Софеи въ колоколы; а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша!» Но въ XII вѣкѣ внуки Всеславовы уже отпали отъ дѣдовской славы.

Послѣ втораго Владиміра, послѣдняго единовластника древней Руси (1125 г.), столичный Кіевъ сталъ упадать; пополамъ рвалось его богатырское сердце, и великокняжеская сила его разошлась на двѣ стороны.

Съ Андреемъ Боголюбскимъ перешла она въ удѣлъ сѣверовосточный, въ землю Суздальскую, куда еще отецъ его Долгорукій перенесъ имя Руси вмѣстѣ съ именами городовъ Южнорусскихъ; туда перешло оно и съ переходомъ во Владиміръ-Залѣскій изъ Кіева митрополита *всѣя Руси*, Сѣверовосточная Русь наслѣдовала и бармы мономаха, коими вѣнчается Русскій царь на единодержавіе.

Храбрый Романъ Галицкій великокняжескую силу Кіева перевелъ въ юго-западный удѣлъ его, въ его землю Галицкую или Червоную Русь, и названъ былъ самодержцемъ *всѣя Руси* ²⁾.

И такъ Новгородская земля *обрусьла* позднѣе, чѣмъ сѣверозападная или Бѣлая Русь, чѣмъ сѣверовосточная или Суздальская Русь, чѣмъ югозападная или Червоная Русь, кои въ XII вѣкѣ уже *были Русью*, города коихъ были родными дѣтьми Кіеву, и по утратѣ коихъ первозванная *земля Русская* прозвалася *Украиною* ³⁾, а въ XIV вѣкѣ во Владиміръ-Волынскомъ получила имя *Малой Руси* ⁴⁾. Сія-то древняя Кіевская

1) О Неменѣ, какъ границѣ между Россіей и Пруссіей, говоритъ Петръ Дуисбургскій (1326 г.). Въ *повѣсти о Флорентинскомъ Соборѣ*, написанной 1440 г. монахомъ Симеономъ (который былъ съ митрополитомъ Исидоромъ въ Италиі), находится слѣдующее мѣсто: «а кони митрополичы гнали берегомъ отъ Риги къ Любеку на *Руску землю*, и оттолѣ на *Прусскую землю*, и оттолѣ на *Поморскую землю*, и оттолѣ на *Жунскую землю*, и оттолѣ на *Свицкую*, и оттолѣ къ Любуку». (см. *Др. Рус. Библ.*)

2) Въ Вольнской лѣтописи, подъ 1204 г., Романъ названъ *Великимъ Княземъ и Самодержцемъ всѣя Руси*. Въ Червоной Руси или Галиціи понинѣ удержалось имя *Русина* для народа, языкъ называется *Русскимъ*, и буквы для печати употребляются Словенскія.

3) *Украиною* Кіевская область называется въ Кіев. Лѣт. подъ 1187 г. «О немъ-же (Владиміръ Глѣбовичѣ) Украина много постана».

4) Имя *Малой Руси* упоминается въ первый разъ 1335 г., въ грамотѣ Георгія князя Владиміра-Волынскаго, сохранившейся въ Кенигсберскомъ архивѣ (*Ист. Мал. Рос.* Бантыша-Каменскаго, 1830. Ч. I). Къ сему-же вѣку принадлежитъ и наименованіе *Великою Русью* сѣверной Россіи, которая *Великою Русью* называется 1340 г., въ грамотѣ Симеона Гордаго; Іоаннъ-же Васильевичъ Грозный титуловался уже *царемъ и самодержцемъ всѣя Руси*. Вѣроятно, къ XIV в. относится и прозваніе *Бѣлой Руси* этимъ именемъ.

Русь была разсадникомъ *Русскаго духа* для храбрыхъ сыновъ своихъ — *Русичей*, духа любви къ Русской землѣ и ея славы¹⁾, которою звучали самыя имена Русскихъ князей.

«Не посрамимъ земли Рускія, но ляжемъ костью: мертвыи бо срама не имамъ!» восклицалъ воинственникъ Святославъ передъ побѣднымъ *Русскимъ боемъ*²⁾.

«За землю Русскую!» взывалъ къ *княженецкимъ* сынамъ Владиміровой Руси пѣвецъ Игоря Новагорода-Сѣверскаго.

Но у *житыхъ людей* двухъ *господъ* — великаго-Новагорода и Пскова — тогда была еще «душа на Великой, а сердце на Волховѣ».

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

О разнообразіи и единствѣ мнѣній относительно происхожденія Руси

«Аще же и многого искусства желаетъ кто: вѣсть древняя, и быти хотящая разсмотреть: свѣсть извѣстія словесъ и разрѣшенія; знаменія и чудеса проразумѣваетъ, и сбытія временъ и лѣтъ.»

Прем. VII. 8

Да не будетъ мнѣ въ осужденіе, что разнословія переписчиковъ и продолжателей Русской лѣтописи я называю *историческими мнѣніями* также, какъ и умозаключенія ученыхъ критиковъ; что вообще въ моихъ изслѣдованіяхъ я обращаюсь къ повѣрѣямъ, преданіямъ и понятіямъ народнымъ также со вниманіемъ, какъ и къ повѣрѣямъ, мнѣніямъ и сомнѣніямъ ученыхъ! — Я думаю, что мнѣніе можетъ имѣть не антикварій кабинетный только, но и келейный писецъ; — что иногда въ

1) Раскрытіе сего *Русскаго духа* изъ пѣсни Игорю представлено во второй статьѣ моей объ этой пѣсни *относительно ея духа*.

2) «Любязу *Русскій бой*» — выраженіе, находящееся въ Киевской лѣтописи подъ 1229 годомъ.

«Душа на Великой, а сердце на Волховѣ» — старинная Новгородская пословица, которую — равно какъ и нѣкоторыя другія народныя выраженія — я заимствовалъ изъ сочиненія Снегирева *Русскіе въ своихъ пословицахъ*, 1831-1834. Авторъ приступилъ уже къ изданію и другаго плода трудовъ своихъ надъ предметами стародавней народности нашей — изслѣдованія простонародныхъ Русскихъ праздниковъ.

Что не одинъ Новгородъ называемъ былъ *господиномъ*, но и Псковичи этимъ именемъ величали свой городъ, о томъ см. *Ист. Кн. Пск.* Ч. I.

преданіи народномъ затаено больше истины, чѣмъ раскрыто оной въ иной догадкѣ и въ розыскѣ ученаго; — и что въ иномъ пѣснопѣннѣ нашего простонародья больше истинной, непреходящей красоты, чѣмъ во многихъ стихотвореніяхъ сословія книжнаго. Такъ въ незамѣтномъ зернѣ подъ пеленою сѣмени, такъ въ простомъ плодоносномъ цвѣткѣ, больше жизни для будущаго, чѣмъ въ пышно-махровомъ росписномъ пустоцвѣтѣ заморской луковицы! «Не только свѣта, что въ окнѣ» говорить Украинская пословица.

Въ самомъ дѣлѣ, когда объ одномъ предметѣ нѣсколько ученыхъ мнѣній, противорѣчащихъ другъ другу: не въ правѣ-ли всякъ сказать, что въ этихъ мнѣніяхъ весьма учено говорится и умно разсуждается объ особенностяхъ: касательно-же сущности дѣла, въ нихъ во всѣхъ, либо съ выключеніемъ одного, не больше истины, какъ и въ разнословіяхъ лѣтописцевъ!

Нѣкоторые историки-критики (особенно Болтинъ) довольно погуляли надъ иноческимъ мнѣніемъ среднихъ временъ о происхожденіи Руси отъ Росса, упоминаемаго у Іезекііля, хотя къ мнѣнію сему Эверсъ былъ благосклоннѣе. Но какъ-же они сами, эти нѣкоторые критики, какъ вообще ученые новаго времени рѣшили происхожденіе Руси?

Въ сомнѣіи ученыхъ говорятъ, что Руссы произошли и получили имя *отъ Роксоланъ, отъ Козаръ, отъ Готовъ, отъ Финновъ, отъ Шведовъ, отъ Скандинавовъ вообще, отъ Рустринговъ или Фрисландцевъ, отъ Словенъ...* Ясное дѣло, что всего этого быть не можетъ! И не значить-ли это, въ общемъ итогѣ мнѣній и голосовъ, что Руссы принадлежатъ въ племени Ноеву, разсѣянному по лицу земли? Арабскій-же писатель Миркондъ именно говоритъ, что Руссы произошли отъ Іафетова сына Русса; а Стрыйковскій производитъ Словено-русскій народъ отъ шестаго сына Іафетова Мосоха и полагаетъ, что Словены назвались *Россъянами* или *Россами* отъ *россъяннѣя* ¹⁾ по многимъ странамъ. Послѣднее мнѣніе было сильно у насъ распространено Кіевскимъ Синописомъ, было принято нѣкоторыми учеными и прошедшаго столѣтія... Но чего не принимали ученые? ...

¹⁾ Такъ Прокопій изъяснялъ названіе и Словенъ *Спорами* (отъ разсѣяннѣя), которое по Шафарыку есть измѣненное имя *Сорбовъ* или *Сербовъ*. Другія подобныя сему словопроизводства Русскаго имени отъ Греческихъ, Еврейскихъ словъ, приводитъ Герберштейнъ въ началѣ своего сочиненія (*Regum Moscovit.*) Названіе Руссовъ производили также отъ *русаго* цвѣта волосъ, каковое объясненіе дѣлали и Византійцы, называвшіе Руссовъ одноземцами Ахиллеса.

У Словенъ есть еще своенародное, ближайшее къ намъ преданіе о трехъ братьяхъ: *Чехъ, Лехъ, Руссъ* и сестрѣ ихъ *Вендѣ*, прямо указывающее на принадлежность Руссовъ къ сѣверозападной отрасли Словенскаго племени. Это преданіе историками-критиками признано за сказку, и потому отвергнуто... Но что не было ими отвергаемо?..

Развѣ Татищевъ, вѣруя не только въ Несторову, но и въ такъ-называемую Іоакимову лѣтопись и производя Россовъ отъ *Финновъ*, не отвергалъ всѣхъ прежнія о томъ мнѣнія?

Развѣ Шлецеръ — сей славный, грозный паладинъ Русскихъ лѣтописей, образецъ терпѣнія въ трудѣ и нетерпимости въ мнѣніи — не исключилъ разныя событія, лица и даже народы изъ Несторовой повѣсти, «какъ старыя и *вздорныя* сказки, какъ новыя, *глупыя* вставки и *дурацкія* передѣлки, какъ подложныя и умышленныя поддѣлки, коихъ не могъ онъ сообразить и изъяснить, изъ коихъ нельзя вывести, что Руссы были *Шведы*? Развѣ не положилъ онъ клеймо отверженія на Скандинавскія саги наравнѣ съ Іоакимовою лѣтописью, которую признавалъ даже «столь важный человекъ» какъ Болтинъ? Не выходилъ-ли онъ изъ терпѣнія, не приходилъ въ удивленіе отъ того, что сей, по словамъ его, величайшій знатокъ отечественной исторіи, одинъ между Русскими и ученый, и искусный критикъ — могъ думать, вмѣстѣ съ Татищевымъ, что Руссы были Финны, а не *Шведы*!.. И не сказалъ-ли онъ (Господь съ нимъ!), что между всѣми Русскими, писавшими до него (до 1802 г.) Русскую исторію, не было ни одного ученаго историка?.. И все потому, что никто изъ нихъ не держался его *Шведской грамоты!*

А Погодинъ — новый паломникъ Несторовой повѣсти, защитникъ ея Подлинности отъ сопротивныхъ отрицаній невѣрующей критики и Шлецеровой, и современной — не опровергъ-ли онъ и Шлецерово, и Эверсово, и Нейманово мнѣніе о Руси, наравнѣ съ мнѣніемъ о Россѣ, съ преданіемъ о Руссѣхъ и Пруссѣхъ ¹⁾, когда доказывалъ, что Русь есть особое *племя*

¹⁾ О Пруссѣ, какъ братъ Кесаря Августа и родоначальникъ Рюрика, давшемъ свое имя Пруссіи — говорится въ *Степенной книгѣ*, по мысли и наставленію митрополита Макарія составленной, и въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи (Архангелогородскомъ, Алатырскомъ). Это мнѣніе, принесенное къ намъ еще Глинскимъ (по Татищеву), у насъ сильно распространилось въ половинѣ XVI вѣка; на этомъ, какъ историческомъ тогда мнѣніи, самъ Грозный царь утверждалъ свои исторически-справедливыя требованія въ письмѣ къ Баторію. Въ прошломъ вѣкѣ почти никто уже изъ нашихъ писателей, кромѣ князя Хилкова, не признавалъ этой Прусско-Литовской родословной. Ломоносовъ упоминаетъ объ ней, но не принимаетъ, и его не поняли ни Миллеръ, ни Шлецеръ; а вслѣдъ за ними — и Погодинъ повторилъ (въ разсужденіи о *присхожденіи Руси*, 1825 г.), будто

Норманское?.. Онъ говорилъ рѣшительно: «что всякій желающій отвергать сіе мнѣніе, долженъ непременно прежде опровергнуть Нестора, не только что не можетъ употреблять его въ свою пользу».

Ломоносовъ выводилъ Руссовъ изъ Пруссіи «положась на свидѣтельство Степенной книги о Пруссѣ». Но Ломоносовъ имѣлъ совсѣмъ другія основанія для сего мнѣнія, которому онъ первый у насъ далъ учено-систематическій видъ, изыскивая словенизмъ Руссовъ и ихъ пребываніе на Прибалтійскомъ западѣ, по указаніямъ Гельмольда и другихъ западныхъ писателей; но онъ дополнилъ это мнѣніе древне-Русскимъ, *Несторовскимъ* понятіемъ о Варягахъ и Руссахъ, и учено-иноземнымъ мнѣніемъ среднихъ временъ о тождествѣ Руси съ Роксоланами, и отрѣшилъ большую часть тѣхъ вымысловъ, которыми и наша и чужеземная старина (въ XVI, XVII и четырёхдесятилѣтіе XVIII вѣка) потѣшалась въ своихъ историческихъ помыслахъ и школьныхъ мудрованіяхъ о происхожденіи и прозваніи Руссовъ. Въ Ломоносовскомъ мнѣніи прежнія понятія о Руси сосредоточились и преобразились въ *систему историческую*. Сею системою преращается *первый*, длинный періодъ *Русской школы*, которая зачалась изъ живыхъ, своенародныхъ стихій историческихъ и вкоренилась еще на исходѣ XI вѣка, въ Кіевѣ, *новѣстію Несторовою*, при вліяніи стихіи византійской; потомъ — въ половинѣ XVI вѣка, въ Москвѣ, при сумеркахъ византійскаго свѣта и вліяніи западномъ — выросла она въ родословное систематическое древо *Степенной книги*, покрывшееся широколиственною сѣнью *Никоновской лѣтописи* во второй половинѣ XVII вѣка, въ Кіевѣ, явилась она *Хроникою Софоновича* (1672 г.) и умножилась Латино-Польскими прививками *Гизелева Синописа* (1674 г.), почти цѣлое столѣтіе размножавшагося во всѣхъ Русскихъ школахъ. Ея полный разцвѣтъ — съ одной стороны начался *ядромъ Россійской Россіи* (въ Шведскомъ заточеніи князя Хилкова, въ Вестеросѣ, 1715 г.); съ другой, въ Александро-Невской семинаріи, изобразился сотнями родословныхъ круговъ въ стихотворномъ *Зерцалѣ историческомъ*, 1748 г. Наконецъ Русская школа завершилась (1754 г.) плодомъ ученыхъ занятій исторіей *Ломоносова* ^{а)} его *историческою системою*, и, ею обновленная и возрожденная, явилась въ свѣтъ въ началѣ историческаго вѣка великой Екатерины, въ 1766 году, уже по смерти Ломоносова (1765 г.). Потому систему его я называю *ученою представительницею старой Русской школы*, среди новыхъ школъ историческихъ, между которыми она — и какъ новая система, XVIII вѣка — есть *старшая Русская школа историческая*.

^{а)} Въ *Моск. Телегр.* 1827, Ч. XVIII, помѣщенъ, подъ именемъ *послужнаго списка*, отчетъ Ломоносова въ его ученыхъ занятіяхъ съ 1751 по 1757 годъ, гдѣ означилъ онъ, что «по своей профессіи и въ другихъ наукахъ учинилъ погодно» (въ химіи, въ физикѣ, въ исторіи, въ словесныхъ наукахъ). Такъ напр. въ 1751 г. «онъ читалъ книги для собранія матерій къ сочиненію Россійской исторіи: Нестора, за нимъ Приславлі, большой лѣтописецъ Татищева первой томъ, Кромера, Вейссля, Гелмолда, Арполда, и другія, изъ которыхъ бралъ нужныя експенты или выписки и примѣчанія, числомъ 653 статьи». Въ 1752 г. «Для собранія матеріаловъ къ Россійской исторіи, читалъ Кранца, Преторія, Мураторія, Юрнанда, Прокопія, Павла Дьякона, Зонара, Теофана Исповѣдника, Леона Грамматика...» Въ 1753 г. «1) Записки изъ упомянутыхъ прежде авторовъ приводилъ подъ статьи числами. 2) Читалъ Россійскіе академическіе лѣтописцы, безъ записокъ, чтобъ общее понятіе имѣть пространно о дѣянїяхъ Россійскихъ». Въ 1754 г. «Сочиненъ опытъ исторіи Славянскаго народа до Рурика...» и т. д.

Но Каченовскій сомнѣвается въ достовѣрности древней Русской лѣтописи и отвергаетъ подлинность не только ея, но и Русской Правды и прочихъ древнихъ памятниковъ Русской словесности; а между тѣмъ невѣритъ Скандинавскому происхожденію не только Руссовъ, но и самихъ Варя-

Вотъ доказательство учености Ломоносова, не выставленной имъ напоказъ какъ *товарь-лицемъ*, вопреки Шлецеру, который, въ пылу своего неудовольствія за непризнание Байеровской системы, отказывалъ Ломоносову и вообще Русскимъ историкамъ въ *учености* и обвинялъ ихъ въ *неученой фантазіи*, какъ Нестора въ выдумкахъ изъ *патріотизма!* Если Ломоносовъ и не нагромоздилъ въ своемъ сочиненіи столько ссылокъ и выписокъ, какъ Шлецеръ подъ сводомъ Нестора, то надо вспомнить, что онъ писалъ не *критическое изслѣдованіе* и не *сводъ лѣтописей*, но основанную на нихъ *исторію Русскую*; притомъ-же онъ написалъ за полвѣка до Шлецера свода Нестора, когда не было еще для Русской исторіи вѣка Екатерины великой. Говорятъ критика работаетъ для историка: но много-ли приготовили для историка Ломоносова, до 1750 года, наши первые критики — Татищевъ, Байеръ и Миллеръ?... И для учености бываетъ разный таланъ: для иной — *свѣтлый лучъ мысли* изъ тьмы свѣдѣнія, хотя-бы онъ казался и *фантастическимъ* какъ сѣверное сіяніе изъ мглы и хлада недосягаемыхъ льдовъ полярныхъ; для другой — *грозда свѣдѣній*, подъ которою *умъ заходитъ за разумъ*, отъ горячаго, но темнаго броженія мысли!

Представляя по-возможности полное исчисленіе *мнѣній о Руси* нашихъ писателей, особенно старинныхъ, и утверждая, что на Руси въ прежніе вѣка не считали Руссовъ ни Скандинавами вообще, ни Шведами въ-частности, я бесполезнымъ считаю сдѣлать здѣсь еще два слѣдующія замѣчанія противъ Шлецера.

1) Несторъ выводитъ Варяго-руссовъ *не изъ Скандинавіи* (какъ утверждалъ Шлеперъ вслѣдъ за Тунманомъ), но съ Поморія Балтійскаго (какъ показано въ § 5 сего изслѣдованія): этимъ разрушается *первое* изъ доказательствъ тождества Руси съ Шведами; а вмѣстѣ и важнѣйшій авторитетъ, на коемъ утверждаются двѣ первыя новыя школы, отъ коего давно уже отложились третья новая школа. 2) Доказывая тождество Руси съ Шведами, Шлецеръ говоритъ, будто и въ XVII в. *сами Русскіе считали рѣшеннымъ дѣломъ*, что Варяги (т. е. Руссы) *были Шведы*. Въ доказательство такого неправильнаго понятія, онъ приводитъ изъ *Скарина* извѣстіе (на которое ссылались и другіе), что во время Лжедмитріевъ, отряженный Новгородцами архимандритъ *Кипріанъ* сильно настаивалъ, чтобы Шведскаго королевича Карла избрать въ князя Московскіе и употребилъ такіа выраженія: «какъ примѣромъ древности и исторіею можно доказать, что за нѣсколько сотъ лѣтъ до покоренія Новгорода подъ власть Московскую, былъ князь изъ Шведовъ Рюрикъ»... Но изъ сего извѣстія о Кипріановыхъ словахъ совсѣмъ не слѣдуетъ Шлецероваго заключенія о мнѣніи *Рускихъ* въ XVII в. относительно Руси. Слова Кипріана относятся не къ *Руси*, а единственно къ лицу *Рюрика*, котораго и лѣтописцы наши въ среднія времена называли только общѣ — *княземъ Нѣмецкимъ* подъ какимъ названіемъ могъ быть и Шведскій, и Датскій, и Пруссскій, и Норвежскій. Но въ самомъ-ли дѣлѣ они почитали его Шведомъ, или-же такая опредѣленность произошла только на сей случай — отъ Новгородцевъ и Шведовъ, рѣшеніе того не относится къ вопросу о племени Руссовъ. Въ Синописѣ и Зерцалѣ историческомъ Рюрикъ также называется *Нѣмецкимъ* княземъ; но въ Зерцалѣ онъ называется пришельцемъ изъ *Вагрии*, а Руссы въ обоихъ принимаются за *Словенскій* народъ.

говъ. Передавшись на сторону западныхъ писателей, онъ, вмѣсто такъ-называемыхъ Варяго-Руссовъ, предполагаетъ Словенъ Вагровъ¹⁾, какъ позднѣйшихъ (XII вѣка) переселенцевъ или колонистовъ съ Балтійскаго поморія на берега Ильменя и Волхова, — гдѣ до той поры, по его мнѣнію, совсѣмъ не было ни Словенъ, ни Новгорода!...

Вмѣсто сего указанія на слова Кипріяна о Рюрикѣ, я приведу еще одно изъ мнѣній Русскихъ, принадлежащее къ первой половинѣ XVI вѣка, а именно — мнѣніе *Герасимова*. Историкъ *Павелъ Говій*, епископъ Новокомскій (XVI вѣка), въ книгѣ *о посольствѣ великаго князя Василія Іоанновича къ Папѣ Клименту VII*, пишетъ, что нашему ученому гонцу *Димитрію Герасимову* предлагалъ онъ вопросъ: не осталось-ли у Москвитянъ — или въ преданіяхъ отъ предковъ, или въ свидѣтельствахъ письменныхъ — памяти о Готахъ, которые за 1000 лѣтъ разрушали и опустошали имперію Цесаря и городъ Римъ? На это Герасимовъ отвѣчалъ такъ: «и Готскаго народа и Тотилы царя имена весьма извѣстны и знамениты; въ ополченіи томъ воевали многіе народы, а больше всѣхъ Москвитяны; войска весьма еще умножилось толпами Ливонцевъ и Волжскихъ Татаръ; но всѣ они названы были Готами потому, что Готы, населявшіе островъ Исландію или Скандинавію, были зачинщиками того ополченія». Откуда-бы ни взялъ Герасимовъ это свѣдѣніе, но изъ словъ его — о столь сильномъ участіи нашихъ предковъ въ Вендо-Готскихъ ополченіяхъ на Римъ, въ половинѣ VI-го вѣка — видно что онъ, зная довольно о древнихъ Скандинавахъ или Готахъ, не считалъ ихъ своими предками!

Здѣсь можемъ вспомнить вообще о сильныхъ нападеніяхъ, какія въ числѣ Вендскихъ народовъ дѣлали на Римскую имперію *Ругіаны*, и о тѣхъ связяхъ, въ какихъ издревле были *Ружаны* съ Готами Скандинавскими. Правда, что *древнихъ Ругіанъ* многіе почитали народомъ Германскаго племени (подобно Тациту, который впрочемъ къ Германцамъ относилъ и Венедовъ); однако были и такіе, которые древнихъ Ругіанъ относили къ Словенскому (Вендскому) племени, какъ и позднѣйшихъ Варяго-Руссовъ. Кто правъ — это еще *вопросъ*, который можетъ-быть рѣшится и въ пользу втораго мнѣнія!

1) Выше упомянуто что подъ именемъ Варяговъ еще въ XVI вѣкѣ нѣкоторые ученые разумѣли Заодерскихъ Словенъ *Вагровъ* или *Вагировъ*. Это мнѣніе у насъ было въ ходу въ вѣкѣ Елисаветы. Такъ извѣстный сотрудникъ Байера Александро-Невскій монахъ Никодимъ Селлій (изъ Датскихъ реформатовъ, ум. 1746 г.) написалъ латинскими стихами *Продромъ*, сохранившійся въ Русскомъ стихотворномъ же переводѣ, подъ именемъ *Зеркала историческаго Россійскихъ Государей*^{a)}, который 1748 года сдѣланъ извѣстными въ нашей исторіи лицами: *Амвросіемъ* Зертисъ-Каменскимъ и *Гавріиломъ* Кременецкимъ, и поднесенъ государынѣ Елисаветѣ отъ имени Александро-Невской семинаріи. Въ немъ читаете:

«Въ лѣта древношешіе сыны три княжіе.
Рюрикъ, Труворъ и Синей, вси братья родные,
Изъ *Вагріи* въ Русскую вышли землю званны,
И получили страны жребіемъ метанны».

Близкое къ сему мнѣніе (въ *Моск. Наблюдатель* 1836 г.) изъяснилъ Венелинъ въ статьѣ своей, называемой *Скандинавоманія*. Онъ за Варяговъ принимаетъ *Померанцевъ*, полагая что Несторъ и его современная Русь Варягами называли только Померанскихъ

Наконецъ, Морошкинъ, хотя думаетъ, что первыми Варягами были Словены (Вагры и Руссы), а позднѣйшими преимущественно Скандинавы; но Варяговъ принимаетъ по Ломоносовски — не какъ одно племя или націю, а какъ военное сбродное товарищество морскихъ разбойниковъ. Онъ доказываетъ, что Руссы были *Словены съверозападные*, но полагаютъ, что они «пришедши съ Варягами къ Новгородцамъ, не показываются болѣе отдѣльною націею въ исторіи нашего отечества; но, давъ имя Россіи, исчезли между Словенскими племенами Новагорода, Полотска, Смоленска и Ростова».

Такимъ-то образомъ смѣняются и препираются историческія мнѣнія: каждое новое, для своего самосохраненія, гонитъ старое, потомъ само старѣетъ и упадаетъ, а старое нерѣдко опять конѣетъ, возстаетъ и обновляетъ вѣкъ свой.

Да и не всякая ли новая система отвергаетъ другую, какъ ложь и заблужденіе, и чтобы самой пожить хотя нѣсколько, обводитъ *мертвою рукою* прежде жившія и процвѣтавшія системы?.. Такъ нашъ сѣверный селя-

---

Словенъ. «Несторъ, (по словамъ Венелина) дошедши до Вислы, такъ и машетъ рукою на Померанію, говоря: *по тому же морю къ западу*». Но Несторъ говоритъ также: «по сему же морю съдятъ Варязи сѣмо ко *вѣстоку*». О мѣстопребываніи Варяговъ-Руссовъ по Нестору, см. § 5 моего изслѣдованія.

- а) Къ Зерцалу историческому (напеч. 1773 г. въ *Древн. Рос. Вивл.* Ч. I, а во 2 изд. въ Ч. XVI — безъ родословныхъ Амвросій и Гавриль приложили отъ себя *три родословныя табели*, для того, что «Генеалогія по сущей правдѣ есть главнѣйшій фундаментъ Россійской исторіи». Я имѣю (отъ Г. Рожановича старинный списокъ въ листъ сего Зеркала, при коемъ родословныя табели на 43 листахъ представлены съ отличнымъ тѣченіемъ, во множествѣ *кружковъ*, гдѣ въ полномъ цвѣтѣ является Кіевскій Синопсисъ. Въ одномъ изъ нихъ славный Ружанинъ *Одоначеръ* (Одоацерь, Одоакръ), побѣдитель стараго Рима, величается *Славенорусскимъ княземъ* какъ и въ Синопсисѣ, и называется *Одоначеръ*: не есть ли это настоящее имя сего витязя, которое измѣнили перестановкою буквъ (какъ у Арабовъ Александръ измѣнился въ Эскандеръ), и не было ли оно сначала *Оттоначеръ*?.. Такъ въ именахъ Борисоенъ, Моровой, Клодовой, Бочарисъ — узнаны Словенскія имена: *Берестинъ* — Шафарикомъ, Мировой, Кладивой, Бочаръ — Венелинымъ; такъ въ имени Болгарскаго царя, Арабами называемаго Блатаваръ или Влатаваць, узнано Словенское слово *Владавецъ*; такъ Плиніево имя Сѣвернаго океана *Marî Maguza* видимо — говорить, — есть *море Мороза*. Вспомнимъ, что и по новой латыни Декартъ называется *Картезіусомъ!* Къ моей догадкѣ (въ опытѣ гипотезы), что *Нарецъ, Нарцы* значать нарицателей или именователей (отъ слова — *реку: нарцы* — назови, *рци* — словно) и обличаютъ тотъ же народный смыслъ о первоначальномъ достоинствѣ человѣка, какъ и въ именахъ *Словенинъ, Словенець, Словакъ*, прибавлю здѣсь, что оно измѣнилось потомъ въ *Норець, Норикъ*, и даже въ *Нарочникъ* или *Нарученикъ*, т. е. Наречникъ, Нареченикъ — каковымъ именемъ назывались нѣкоторые Заодерскіе Руссы или *Рудены* (по Силезскимъ грамотамъ XIII вѣка): здѣсь буква *e* перешла въ *o* и *u*, какъ и въ словѣ *рокъ* (выговариваемомъ въ разныхъ мѣстахъ *рикъ, рукъ*, происшедшемъ отъ *реку, рекъ*, — какъ и Латинское *fatum* отъ *fari*).

нінь-огнищанинъ 1) рубить и сжетъ вѣковое дерево, что-бы на его пепелищѣ засѣять однолѣтній злакъ свой, и пажить свою ставить «выше лѣса стоячаго!» И чѣмъ ограниченнѣе и одностороннѣе, чѣмъ новѣе и жизненнѣе система, тѣмъ больше творецъ ея, а и того больше ея послѣдователи, увѣрены, что ею они рѣшили уже все, — и скорѣй они изреченіе мудреца: «я знаю, что ничего не знаю» назовутъ философскою побасенкою, словоизвитіемъ любомудрія, чѣмъ согласятся, что ихъ система по крайней мѣрѣ недостаточна и одностороння, если вовсе не ложна.

Не будемъ однако слишкомъ винить науку, систему ума человѣческаго. Тотъ-же жребій палъ и на природу, систему ума Высшаго. «Время всѣмъ, и время всякой вещи подъ небесѣмъ: время раждатися и время умирати; время садити и время исторгати сажденое!» (Экклез).

О всемъ твореніи, отъ малаго до великаго, печется благодатная природа: но и въ ней такъ-же мѣняется, чередуется, переходитъ бытіе; и въ ней одна тварь живетъ за счетъ другой; мелкотравчатый мохъ и невидный поростъ одолѣвають, замуровываютъ собою лѣса; на прахѣ сѣнелиственнаго дерева возникаетъ давно заглохшее отъ него зерно травнаго билія; иногда въ осень разцвѣтають опять цвѣты весенніе:

«А какъ-бы на цвѣты не морозы,
И зимою-бъ цвѣты разцвѣтали!»...

Но мы на прежнее возвратимся.

Что Руссовъ нашихъ не напрасно считали у насъ издавна Словенами, и что понапрасну съ-недавна стали считать ихъ Скандинавами — это, послѣ новыхъ ученыхъ изслѣдованій, становится для меня истиною положительною, и я принимаю несомнѣнно Руссовъ за особый народъ, принадлежавшій къ сѣверозападной отрасли Словенъ. Такимъ образомъ, Словенское преданіе о *трехъ братьяхъ* обращается для меня уже въ мнѣніе историческое; спадаетъ съ него сказочный покровъ, въ которомъ ходила и укрывалась истина о племени той Руси, отъ коей, по сказанію Нестора, получила имя земля Русская (до той поры называемая Скиоіей, Сармаціей, Гардарикомъ...). Безъ ученыхъ изслѣдованій не можетъ быть

1) *Огнищанъ*, упоминаемыхъ въ Русской Правдѣ, многіе почитаютъ за одно съ первостатейными гражданами, или вообще за обывателей, хозяевъ дома съ *огнищемъ* — focus. Но митрополитъ Евгеній даетъ болѣе прямое указаніе на значеніе сего слова: «*Огнищемъ* и нынѣ по Вологодской, Архангельской и Вятской губерніямъ называется лѣсъ, выжженный для посѣва хлѣба или льна, а земледѣльцы, такимъ образомъ засѣвающіе, прозываются *огнищанами*» (см. *ист. Княж. Псков. 1831. Ч. I, стр. 42*).

отличена истина; а если и была открыта, то опять завьется въ младенческую пелену сказки или впадетъ въ сонное забытїе!..

И тѣмъ охотнѣе я слѣдую сему мнѣнію о племени Руссовъ, что оно было народнымъ преданіемъ Словенскимъ; тѣмъ открытїе и утвердительнѣе говорю въ пользу его, что оно не новое, не чье-либо личное мнѣніе, а только сознанное вновь и пробуждаемое нынѣ *общее мнѣніе* нашей Русской старины, отъ Нестора до Ломоносова, — которое болѣе полувѣка было заглушено новыми мнѣніями, народившимися, со времени Байера и Татищева, особенно въ нынѣшнемъ *вѣкѣ системъ*.

Что-же эти прочія мнѣнія и ученія о происхожденіи Руси отъ другихъ народовъ?..

Ученія эти междоусобствуютъ, обличаютъ взаимными другъ на друга показаніями — и хорошо дѣлаютъ, поколику они гипотезы и частныя системы. Пусть-себѣ выводятъ другъ въ другъ темныя пятна и уничтожаютъ свое частное, произвольное, смертное начало!... Но уже-ли этимъ ряспрямъ и отрицаніямъ не будетъ конца? Уже-ли съ этимъ взаимнымъ обличеніемъ и отверженіемъ должны и кончиться ученія мнѣнія?..

Нельзя подумать, что-бы эти ученія были вовсе неосновательны, что-бы въ этихъ ученыхъ мнѣніяхъ не было сколько-нибудь истины положительной. Только бѣдная глупость бредитъ сущую безсмыслицу, да и та иногда обмолвится правдою, ибо зачатки истины глубоко лежатъ въ умѣ и падшаго человѣка! Потому лучше думать, что въ каждой гипотезѣ или мнѣніи ученомъ есть и своя дѣльная, основательная, своя истинная или вѣроятная сторона; что каждое изъ нихъ справедливо хотя отчасти; что большая часть ихъ послужила къ открытію истины и назидательна не въ отрицательномъ только или относительномъ смыслѣ, но и положительнымъ, существеннымъ образомъ. — А если такъ, то каждое изъ нихъ можетъ еще, своею невыдуманною стороною, поступить въ общую сложность мнѣній, какъ запасъ для построенія древнѣйшей исторіи Руссовъ и для объясненія ихъ отношеній къ другимъ народамъ; потому, каждое мнѣніе можетъ еще быть принято на *новую ученую бестьду о Руси*, не какъ *изгой*, а какъ *гость* Русскій, съ правомъ голоса своего и съ правиломъ Русской пословицы: «По платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ».

Выслушайте каждое изъ нихъ особо и непредупрежденно: вамъ представлять событія, словопроизводства, имена, мѣстныя преданія, свидѣтельства писателей и съ такою увѣренностію, что вамъ небезсмыслицею покажется близкое *сродство Руси* — у однихъ съ *Финнами*, у другихъ съ

Козарами, у третьихъ съ *Болгарами*, у четвертыхъ съ *Скандинавами* и т. д., и вы повѣрите, хоть на время, что у каждаго изъ сихъ народовъ точно была древле родная связь съ Русью, и что Руссы могли бы произойти — отъ каждаго изъ нихъ... Но произойти отъ всѣхъ ихъ — естественно! Ибо, по историческому закону образованія природы и разсѣянія рода человѣческаго, происходятъ виды отъ рода, многое отъ единого, младшее отъ старшаго, а не наоборотъ. Да и по закону логическому — если доказывается и принимается, что и Скандинавы, и Финны, и Болгары, и Козары *были Руссами*, и при каждомъ изъ нихъ повторяется — *Руси* то и слѣдовало бы, кажется, имя *Руси* принимать ихъ *общимъ* и *родовымъ* именемъ и производить *не Руссовъ отъ нихъ*, но *ихъ отъ Руси!* Потому, кажется, и слѣдуетъ предположить, что они съ Русью имѣли древнюю родную связь, но впоследствии разроднились съ нею, отмѣнились, переименовались и обособились племеннымъ образомъ. — Вотъ *общая мысль*, которая просвѣчиваетъ сквозь чащу разнообразныхъ доказательствъ и мнѣній о происхожденіи Руси, когда проходишь это Полѣсье или (какъ зовутъ его Сѣверцы) эту *Русскую Палестину!*.

И такъ, если мнѣнія и гипотезы ученыхъ объ Руси не считать вовсе ложными и неосновательными (а такими считать ихъ несправедливо); то, выходя изъ оной общей мысли, можно бы, кажется, составить *предварительную, общую гипотезу*, въ которую другія мнѣнія и гипотезы вошли бы *отчасти*, со своими доказательствами, соображеніями и свидѣтельствами о сродствѣ Руси съ прочими народами; въ которой онѣ примкнули-бъ другъ къ другу не своею крайнею или особенною, но основною и общею стороною, и сошлись бы въ *Руси*, какъ въ племени древнемъ и родоначальномъ для многихъ другихъ народовъ.

Разумѣется, что и такая согласовка противоположностей была-бы еще также *гипотеза*, какъ и другія ученія объ Руси, — и только тѣмъ отъ нихъ отличная, что въ ней была-бы одна главная, средоточная, общая мысль, повторяющаяся и въ другихъ гипотезахъ, только въ обратномъ видѣ, — что въ кругу ея другія гипотезы обновились-бы, являясь съ своею истинною или вѣроятной стороною, и *приживаясь* другъ къ другу какъ взаимно необходимые члены одного тѣла. Но ни такого круга онѣ остаются по-прежнему — частными, односторонними системами, взаимно противорѣчивыми и междоусобными, искусно отрицающими и зыбко утверждающими; а безъ главной, связующей мысли, въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, онѣ какъ *доски безъ князя на златоверхомъ теремѣ* Русской исторіи!..

Дорожа учеными мнѣніями и ихъ доказательствами о сродствѣ и тожествѣ Руси съ разными народами, можно *на основаніи оныхъ* сдѣлать и попытку такой общей предварительной гипотезы объ Руси, напริมѣръ хоть въ слѣдующемъ краткомъ очеркѣ.

Опытъ предварительной гипотезы о первобытной и древнѣйшей Руси до временъ Рюрика и Оскольда

1. *Руссы* или *Россы* (т. е. красные) составляютъ первый отдѣлъ особаго, кореннаго древнеазійскаго Іафетова ¹⁾ племени *Нарцы* (т. е. нарицатели, именователи). Объ нихъ упоминается въ Библии подъ именемъ *Роса*; говорится и въ Коранѣ, какъ объ одномъ изъ славнѣйшихъ Азійскихъ народовъ, по-имени *Росъ* или *Расъ*. — Другой отдѣлъ сего племени составляетъ народъ *Словенскій* (т. е. говорящій), вмѣстѣ съ которымъ Руссы обитали въ Азіи въ сосѣдствѣ съ Индіей: тамъ была сначала земля Руссовъ и Словенъ — *Русъ* и *Славъ*, откуда потомъ они вышли, разлучились и перешли въ Европу. Словены переплыли въ Европу *западнымъ* путемъ (вмѣстѣ съ другими *Пелазгійскими* — *Фракійскимъ*, *Эллинскимъ*, *Латинскимъ*, *Галатскимъ* или *Кельтскимъ*, *Нѣмецкимъ* или *Тевтонскимъ*); Руссы перешли изъ Азіи *сѣвернымъ* путемъ черезъ Кавказъ; тѣ и другіе за нѣсколько вѣковъ до Р. Х.

«Бысть языкъ Словѣнескъ, отъ племени Афетова *Нарцы*, еже суть *Словень*. По мнозѣхъ же времянѣхъ, сѣли суть Словѣне по Дунаеву, гдѣ есть нынѣ (XI в.) Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ

¹⁾ Родоначальника Руссовъ Миркондъ называетъ Іафетовымъ сыномъ *Руссомъ*. Племя Руси могло назваться такъ и по имени *Русса* (какъ-бы онъ ни приходился Іафету), подобно тому какъ племя *Евера* назвалось *Еврейми*; но еще вѣроятнѣе, что племенное имя Руссовъ обращено на востокъ въ личное имя Русса, — какъ дѣлали то и послѣ сѣверные Словены, олицетворяя народы подъ именемъ *Русса*, *Славена*, *Вандала*; какъ Черкесы и Азіатцы другихъ племенъ создаютъ себѣ праотцевъ-героевъ, величая ихъ своимъ племеннымъ именемъ, и по значенію его придавая имъ различныя дѣянія. Это общенародное дѣло человѣческой юности; и встарину часто такимъ образомъ имена лицъ распространяли на народъ, а имена народныя сокращали въ личныя. И это имѣетъ свой *смыслъ*, — который прежде являлся въ простыхъ наименованіяхъ, въ баснословныхъ выраженіяхъ народовъ лицами; а потомъ послужилъ источникомъ философско-историческихъ системъ, глубокихъ и высокихъ взглядовъ на личность и возрасты народовъ, на идею цѣлаго человечества, какъ *величайшаго человека*, на его возрасты, и т. п.

мѣстѣ». Такъ говорилъ Кіевскій Русинъ *Несторъ* и представилъ вкратцѣ расплеменение Словенъ на разные народы; но подробнаго о томъ сказанія мы Руссы послушаемъ отъ Чеха, когда Шафарикъ издастъ свое изслѣдованіе Старобытностей Словенскихъ ¹⁾. Что касается до первобытной Руси, то съ переходомъ большей ея части черезъ Кавказъ кончился *первобытный* періодъ ея жизни *восточной*, безразличной. — Такой періодъ зовутъ обыкновенно *доисторическимъ* и баснословнымъ: и точно онъ наиболѣе *гадательный*, но тѣмъ не менѣе важный для понятія о народѣ и языкѣ его. Въ отношеніи къ нему можетъ имѣть мѣсто Русская пословица: «догадка лучше разума».

II. Слѣдуетъ *второй*, уже *историческій* періодъ Руси, для исторіи періодъ *древнѣйшій* и еще весьма предположительный. Это періодъ *разсыянія* Руси по Европѣ и ея расплемененія на разные народы. По гипотезѣ нашей — Русь первобытная, устремясь отъ Кавказа на сѣверъ и западъ, разошлась по Европѣ въ двѣ главныя отрасли.

1. Первая отрасль *восточная*, расплеменяющаяся на разныя колѣна или побѣги, идетъ вдоль Урала до океана Сѣвернаго, и, заселивъ сѣверо-востокъ Европы, кончается въ Скандинавіи.

а) Одно колѣно сей восточно-Русской отрасли осталось на Кавказѣ, между Каспіемъ или моремъ *Хвалынскимъ* и Понтомъ или моремъ *Русскимъ*, — между рѣкою *Рою* или *Росью* (Волгою) и *Русскою рѣкою* (Дономъ). Въ послѣдствіи оно являлось и подъ именемъ *Руссовъ*, распространявшихся даже за Волгу до Урала, — и подъ именемъ *Козаръ*, которые по сказанію нашей Четь-Минеи, бесѣдовали языкомъ Словенскимъ.

б) Второе колѣно восточно-Русской отрасли образуется на Волгѣ въ *Руссовъ-Болгаровъ*. Одна часть ихъ, западная или Дунайская, переходитъ на Дунай и *приживается* тамъ къ южной отрасли Словенъ. Остальная, восточная или *Поволжская* часть Болгаръ, раздѣлившаяся на *Казанцевъ* и *Хвалисовъ*, въ послѣдствіи отатарилась.

в) Третье колѣно восточно-Русской отрасли ²⁾, скитаясь по простору сѣверо-востока Русскаго, простерлось до Скандинавіи и Сѣвернаго океана

1) Двѣ первыя тетради Шафарикова сочиненія уже вышли въ свѣтъ, и переводъ оныхъ, дѣлаемый Бодянскимъ на Русскій языкъ съ Чешскаго, издается въ Москвѣ *Погодинымъ*.

2) Въ моемъ систематическомъ очеркѣ чловѣческаго рода (1831 г.) Финны отнесены къ колѣну *Іафетскому* или Кавказо-Европейскому, также какъ и Руссы, и Словены, и Нѣмцы.

а) Такъ называемый *Гиперборейскій* или *сѣверный* видъ не есть особый, коренной и самообразный видъ (species). Это, такъ сказать, оконечныя на сѣверѣ вѣтви *Кавказскаго* (бѣлаго),

или *Моря-Мороза*, по Фински *Рутіанъ-мери*. Оно выродилося въ *Чудь бѣлоглазую* (какъ зовется она въ Русскихъ пѣсняхъ), раздѣлившуюся на Финновъ и Лопарей. Многіе изъ вѣтвей Поволожской Чуди опять возродились и уже обрусѣли (а *русыя* косы Мордовокъ переходятъ на головы прекрасныхъ Россіянокъ); Чухонская Чудь обнѣмчилась; а Угорская Чудь отуречилась въ землѣ Угорской (Венгріи).

г) Четвертое колѣно восточно-Русской отрасли составляютъ *Готы* или *Готы*, которые вкоренились въ Скандинавіи и въ ней издревле обнѣмчились (можетъ-быть отъ Свеоновъ), подобно тому, какъ въ послѣдствіи обнѣмчились Поморскіе Словены и оставшіеся вмѣстѣ съ ними Варяго-Руссы.

Всѣ эти положенія общей гипотезы можно подкрѣпить свидѣтельствомъ древнихъ писателей или-же именитостію новыхъ — частію усопшихъ, частію живыхъ. За однородство Руси съ Болгарами постоитъ Венелинъ; сродство Болгаръ съ Чудью подкрѣпляется именитостію нашего академика-ориенталиста; однородство Чуди съ Русью и Словенизмъ въ составѣ Венгерскаго народа будетъ защищать Бутковъ; а за *Руссизмъ* Скандинавовъ крѣпко стоитъ почти вся современная именитость нашихъ писателей по части Русской исторіи, со времени ученаго Шлецера. Честь и слава имъ и ихъ ученымъ изслѣдованіямъ за сіи открытія!

2. Но «око видитъ далеко, а мысль еще дальше» говоритъ пословица Русская, — и вѣщій Ломоносовъ распозналъ еще одну отрасль Руси на западѣ, на Поморіи Балтійскомъ. Эту *Русь* слѣдуетъ назвать *коренною*: ибо не только сама она черезъ много вѣковъ сохранила тамъ свою древнюю породу, свое красное имя и слово; но вновь передала ихъ своимъ

Монгольскаго (желтаго) и *Американскаго* (краснаго) *видовъ* чоловѣческаго рода. — Такимъ-же образомъ и *Океанцы* не суть особый *видъ*, но только смѣшеніе на югѣ оконечностей *Кавказскаго*, *Монгольскаго*, *Негрскаго* и даже *Американскаго* *видовъ*, которые въ Океаніи приобрѣтаютъ общее подобіе. — Такъ Малайцы полуострова Гангскаго и острововъ архипелага Индійскаго составляютъ оконечное племя Кавказскаго вида, которымъ сей видъ сливается съ прочими видами на югѣ. Такъ и Турецкое племя принадлежитъ не къ Монгольскому, а составляетъ только переходъ къ нему отъ Кавказскаго вида и оканчивается на сѣверѣ Якутами, — какъ Тунгузское племя отъ Монгольскаго вида переходятъ Бурятами. Въ Гиперборейцевъ и Океанцевъ соединены разные народы не по давнему и коренному сродству (*affinitas*); но только по ихъ подобію (*analogia*), происшедшему отъ мѣстности, позднѣйшаго смѣшенія и проч.

(Сіе распредѣленіе мое вкратцѣ помѣщено въ *Телескопѣ* 1831 года; но подробно изложено было въ сочиненіи моемъ *Сокращенная Система Животнаго Царства*, 1831. Ловецкій, во 2-мъ изданіи своей Зоологіи (приведа мою систему животныхъ) упоминаетъ объ этомъ сочиненіи, котораго дѣйствительно было въ печати уже 124 страницы; но я не выдалъ его въ свѣтъ, а теперь и совсѣмъ его нѣтъ на свѣтѣ).

прежнимъ поколѣніямъ, покрыла ими поколѣнія восточно-Словенскія, и осѣнила многіе народы иноплеменные. И только эта коренная Русь могла разростись съ такою могучею, широкою силою!

«Краткое сказаніе старика Наума о старобытной Руси».

«...Лѣтъ за сто до Р. Х., послѣ боевыхъ схватокъ съ Лукоморскимъ царемъ Митридатомъ, большая часть старобытныхъ Руссовъ покинули свое Синее, Русское море, простились съ своею матушкою-Волгою или старою Росью, съ своею Русскою-рѣкою — тихимъ Дономъ Ивановичемъ, и несказаннымъ Берестиномъ или Днѣпромъ Словутичемъ. И пошли они къ своимъ милымъ и стародавнимъ землякамъ Словенамъ — на Дунай-рѣку (по-старинному Юкзу). И прошли они черезъ Карпаты или Татры, а оттуда на Сѣверъ по рѣкѣ Одеру въ землю Поморскую. Тамъ поселились они у Сѣвернаго Русскаго моря-океана (Варяжское тожѣ), на славномъ Русскомъ островѣ (Рузѣ или Ругенѣ), по которому и звали ихъ Ружанами или Ругіянами. При томъ переходѣ и на своемъ новосельи, храбрый Руссъ побратался съ красною дѣвицею Вендою, съ бойкимъ Чехомъ и Лехомъ: и такимъ образомъ Русь съ поконъ-вѣку присвоилась къ побратимству Вендскому или западно-Словенскому. Главнымъ жительствою Руси былъ островъ ея съ своимъ заповѣднымъ лугомъ, куда ходили на поклоненіе Русскому богу народы Словенскіе. Ружаны были славны, что отъ нихъ брали себѣ князей заморскіе Готы, съ которыми щитоносцы наши своими обоюдоострыми мечами погромили старый Римъ и царство Гишпанское. Отъ Одера, по которому звали Руссовъ Оботритами или Обродитами, они селились въ Поморяніи къ рѣкѣ Вислѣ во второмъ вѣкѣ по рождествѣ Христовомъ. По сказанію лѣтописанья Прусскаго, они въ IV вѣкѣ жили уже на востокъ отъ Вислы до рѣки Немиги или Неменя, коего правый рукавъ назвался по нимъ Руссомъ, сторона та Порусьемъ, а народъ ея Прусьею. Руссы селились и на западъ отъ Одера къ рѣкѣ Ляби (по Нѣмецки Эльба), и внизъ по Одеру къ Карпатамъ и горамъ Полонинымъ¹⁾. За Одеромъ была и въ X вѣкѣ, даже до XIV-го, особая *Руссія*, сопредѣльно Поморяніи. Да то была уже не та Русь, что въ стародавніе годы: видно вся Русская сила оттуда съ княземъ Рюрикомъ Гальфдановичемъ перешла въ нашу землю! А до той поры сильна была Русь на западѣ; могучи были Радогость, Видоміръ, Губъ, Одонарецъ и другіе витязи Русскіе; и еще за Карла Вели-

1) Полониними горами, въ повѣсти о Флорентинскомъ Соборѣ, названы Тиролевскія Альпы; вообще-же Полонинами у Руссовъ Карпатскихъ называются снѣжныя горы.

каго Имперцы Заодерскую землю звали *землею страха*. Гдѣ становились и воевали Руссы, тамъ оставляли по себѣ въ память свое имя рѣкамъ, городамъ и горамъ (Русидава, Руссионъ, Россокастръ, Россемонтъ); а на Карпатахъ по сю пору видны *рѣзы* или письмена, какими Руссы записали себя и на Синаѣ.

Иноязычники писали и пишутъ имя Руси всякій по-своему: Русаци, Руссаны, Россаны, Роксаны, Россоланы, Роксаланы, Алонорсы, Аорсы, Рушиклы, Рудены, Рутены, Рейсы, Рюсы, Руски: а все это по-нашему сказать — *Руссы* или *Россы*.»

Эти коренные Поморскіе или Словенскіе *Руссы* и Руссы Заморскіе или Скандинавскіе, сойдясь опять на одномъ, сѣверномъ *Русскомъ* (т. е. Балтійскомъ) морѣ, сходятся въ новое, морское братство *сѣверное* или *Норманское*, которое у насъ встарину называлось *Варягами*. И здѣсь, въ IX вѣкѣ, кончается второй древнѣйшій періодъ жизни Руссовъ, періодъ ихъ разсѣянія и расплемененія; а съ нимъ вмѣстѣ и моя предварительная гипотеза о первобытной и старобытной или древнѣйшей Руси.

Съ 862 года начинается *третій* періодъ Руси, періодъ ея сосредоточенія и просіянія въ Кіевѣ; а потомъ слѣдуетъ ея утвержденіе и усиленіе въ Москвѣ и распространеніе оттуда на седьмую часть земнаго міра. Съ той поры начинается положительная, достовѣрная исторія Руси на обновленной ею Русской землѣ, исторія все болѣе и болѣе проясняющаяся и пополняющаяся.

Предложенную гипотезу о древнѣйшей Руси можно-бы распространить въ цѣлое ученіе или *систему историческую*, на первый разъ — хотя по доказательствамъ и свѣдѣніямъ уже запасеннымъ и соображеннымъ въ разныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ и частныхъ системахъ. Но — слаще вода изъ самага ключа! Потому лучше углубиться въ тѣ-же историческіе источники, перевѣдать ихъ вновь и сообразить съ новой точки зрѣнія, при чемъ конечно откроются и новые родники. Тогда могло-бы обнаружиться: чтó слѣдуетъ въ древнѣйшую исторію Руси принять какъ достовѣрную положительность, что можно допустить какъ вѣроятное предположеніе, что надо исключить какъ невѣрный вымысль или мечту временную и преходящую.

Какой изъ этихъ трехъ жребіевъ на какое падеть мнѣніе и умозаключеніе — того напередъ, наугадъ сказать нельзя, особенно тому, за кѣмъ есть уже своя новая и частная, уже свершенная, но еще не оправданная временемъ и непризнанная система. То рѣшить могутъ только дальнѣйшія, всесторонно-объемлюція ученые изслѣдованія историческихъ событій

и свидѣтельствъ, при живомъ соображеніи ихъ между собою и съ главною общею мыслію. И мою *предварительную гипотезу* я предлагаю болѣе какъ чувство потребности и желаніе таковыхъ новыхъ, подробныхъ и живыхъ изслѣдованій, «утвержденныхъ въ томъ-же разумѣніи и въ той-же мысли», безъ чего не можетъ быть раскрыта истина.

Какъ знать!... можетъ-быть и моему *мысленному древу* Руси не только суждено уцѣлѣть со всѣми его вѣтвями, но еще и умножиться новыми лѣторослями, отъ будущихъ изысканій и соображеній!... Но, быть можетъ, и то, что лезвіе будущаго знанія срѣжетъ съ него все вѣтвие: и Козарское, и Болгарское, и Чудское, и Скандинавское, — и останется только собственная, коренная Русь. Какъ безвѣтвенная, всѣхъ растений на земли длиннѣйшая пальма-ротанга — *молниевидно* проходитъ она съ востока черезъ Кавказъ и Карпаты на Поморіе сѣверозапада; тамъ, въ *лугу заповѣдномъ* ¹⁾ пала она передъ своимъ Свѣтовидомъ; и, обратясь на востокъ, разразилась Перуномъ и водрузилась крестомъ на горахъ Кіевскихъ; и вновь воздвиглась крестомъ Православія, и встрепенулась державнымъ орломъ ва бѣломъ камени Московскомъ!..

Въ такомъ разѣ моя гипотеза весьма-бы умалилась, сократилась-бы въ объемъ предположенія Ломоносовскаго и только вровень сошлась-бы съ мнѣніемъ о Словенахъ-Руссахъ въ нашемъ отечествѣ, которое принято мною за *положительное* и изложено въ изслѣдованіи моемъ. Но для другихъ гипотезъ тогда пришель-бы уже послѣдній часъ. Тогда и Козарство, и Болгарство Руси — погибли-бы *аки Обри!* Тогда и сродство ея съ волшебными Финнами, и тожество ея съ полуночными Скандинавами, какъ Оссіяновскія тѣни съ небосклона нашей исторіи отлетѣли-бы навѣки въ Скандинавскій мрачный рай исключительной храбрости и безконечной брани!... И будущій изслѣдователь исторіи нашей, поминая какъ звали сіи ученія, тогда сказалъ-бы: «древняя мимоидоша»... Тяжело отставать отъ привычныхъ понятій, которыя иногда наглухо

1) Тацитовъ «*Nemus castum in insula Oceani*» многіе полагають на островъ Ругевъ. Я перевожу его стариннымъ Русскимъ выраженіемъ *заповѣдный лугъ*; ибо у южныхъ Словенъ лугъ значить тоже, что у латинъ *lucus, nemus*. Такъ и теперь по-Украински *лугомъ* называется собственно побережный лугъ, заросшій лѣсомъ или дубовою; а поемный или заливной лугъ называется болоньемъ и лукою. Поэтому въ пѣсняхъ Украинскихъ встрѣчаете, наприкладъ: «Ой не шуми луже, дубовою дуже!» или «Ой не шуми, луже, ты зеленый гаю!» слышите — *луговой гомонъ* (шумъ, гамъ). Потому въ нихъ для *луга* постоянный эпитетъ-*темный*, усвояемый часто и *лѣсу*; между тѣмъ въ великорусскихъ пѣсняхъ *луга* называются обыкновенно *зелеными* или *шелковыми*, ибо Великороссіяне подъ лугомъ разумѣють собственно безлѣсный лугъ.

сростаются съ нашею мыслию; но кто-бы напередъ не пожертвовалъ своимъ личнымъ мнѣніемъ, не разстался съ своею новою системою, съ любимою мечтою, при одной мысли, что то будетъ благопріятно *истиннѣ*, для которой и работаютъ ученые?..

Но — что будетъ, то покажетъ будущее время: «день бо явитъ»! Теперь же, глядя на тружениковъ науки, какъ постоянно они, при всѣхъ неудачахъ, стремятся на высоту невѣдомой истины, можно жалѣть только: зачѣмъ ведетъ къ ней путь такой далекій и тернистый, на коемъ неизбежно столько паденій и заблужденій!

Но всякій труженикъ знанія уже утѣшенъ въ сердцѣ своемъ тою самонаградною любовью, которая стремится его къ возвышенной цѣли. Пусть только отложить онъ завременное самонадѣяніе разума своего передъ истиною: ибо ученый есть только созерцатель и вѣдатель сущей истины, а не строитель ея по произвольной мѣрѣ своего частнаго разумѣнія. Пусть каждый изслѣдователь Русскаго бытописанія помнитъ о той ясной, живой положительности, съ какою писана древняя Русская лѣтопись, о томъ духѣ смиренномудрія, какимъ исполненъ былъ преподобный отецъ бытописанія Русскаго. «Азъ грѣшный Несторъ, мнѣ всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца всѣхъ Θεодосія». Но умственный трудъ сего *наименьшаго* инока былъ рѣдкимъ явленіемъ своего вѣка между новыми народами, и его скромная *повѣсть временныхъ лѣтъ* цѣлыя столѣтія разливала свѣтъ о древней Руси и навсегда останется многоцѣннымъ, несокрушимымъ памятникомъ нашего бытописанья и словесности, какъ тѣлесные останки безсмертнаго инока почиваютъ нетлѣнными въ первой обители Русскихъ праведниковъ, въ святой колыбели бытописанія Русскаго!

8 ноября, 1836.

Общее примѣчаніе

Большую часть примѣчаній я предложилъ какъ дополненіе и поясненіе моего *Изслѣдованія* о Руссахъ и Варягахъ; но въ иныхъ я представилъ дополненіе къ *Послѣсловію* объ ученыхъ мнѣніяхъ, состоявшихся на сей предметъ со времени исторической критики онаго. Эти мнѣнія приняты въ разсмотрѣніе двояко: и какъ *особый* предметъ исторической науки, и какъ общій историческій вспомогательный запасъ для открытія *искомой истины* — происхожденія Руси. Въ обоихъ случаяхъ надо было все многообразіе ученыхъ мнѣній, гипотезъ и системъ разсмотрѣть и сравнить совмѣстно, и привести ихъ въ общее единство, въ

одну *систему системъ историческихъ*, какъ поступаетъ напримѣръ съ философскими и другими системами ихъ *исторія*, какъ съ царствами природы поступаетъ систематика истории естественной.

Въ Послѣсловіи я представилъ общее теоретическое сравненіе сихъ мнѣній, относительно ихъ главнаго начала и существеннаго направленія: при всемъ настоящемъ ихъ разногласіи, я попытался найти въ ихъ многообразіи одну, для нихъ самихъ незамѣтную *общую мысль*, посредствомъ которой они, вращаясь нынѣ около той-же искомой истины, могли-бы войти въ одинъ правильный кругъ ея, принять новое, постоянное и дружное теченіе, къ просвѣтлѣнію и себя, и общей имъ искомой истины. Эту *связь* ихъ, по внутреннему *единству* общей мысли, я представилъ въ видѣ *гипотезы гипотезъ* — по свойству самаго предмета; но при этомъ я обнаружилъ и необходимость *новаго*, тѣснѣйшаго соединенія многообразныхъ частныхъ направленій въ одно направленіе общей *составной силы*, для раскрытія искомой истины, — тѣмъ болѣе, что системы всѣхъ школъ, съ 1829-го по сей годъ, съ возрастающею настоятельностью требовали переизслѣдованія, обновленія нашей древней исторіи.

Въ примѣчаніяхъ я уже въ частности представилъ вкратцѣ *исторію* сихъ мнѣній и *систематическое* распредѣленіе ихъ въ разряды и школы, съ показаніемъ ихъ признаковъ, по существенному значенію каждаго въ ихъ общей, взаимной связи и особенномъ отличіи.

Изъ историческаго хода мнѣній и предложеннаго систематическаго ихъ опредѣленія, видно кажется, что оба *новые* разряда ихъ, уже въ самомъ началѣ своемъ и въ своихъ основныхъ положеніяхъ, были *половинчатые* и *односторонніе*; каждый изъ нихъ, развивая свою особую сторону или свою удѣльную часть искомой истины, являлся разными *гипотезами* и *системами*, которыя потомъ выходили изъ предѣловъ своей удѣльной истины: доходя до крайности и истощая въ ней собственное начало своей школы, онѣ впадали въ направленіе другой, — или-же для своего пополненія обращались опять къ началамъ *Словено-Русской школы* и въ нихъ сводили концы свои, сходились во *едино*. Такимъ образомъ прежнія начала или основанія историческаго догматизма и критицизма получали новую силу, становились опять удѣломъ искомой истины.

При этомъ открывается и то, что Словено-Русская школа, обновленная въ *системѣ Ломоносова*, прямо заняла самое выгодное мѣсто *посреди* новыхъ системъ, и, будучи *плодомъ* предшедшихъ ей началъ, при свѣтѣ новаго, зачалась *полною* и *обостороннею*. Это есть, такъ-сказать, цѣльный компасъ, съ постояннымъ *наклоненіемъ* сѣвернаго конца и съ правильнымъ-повременнымъ *склоненіемъ* обоихъ къ западу и востоку: сѣвернаго —

отъ Одера къ Ильмену, южнаго отъ Волги. Новыя системы разломили этотъ компасъ на двѣ половины: одна совсѣмъ упала на сѣверъ отъ Новгорода, другая совершенно наклонилась на югъ отъ Кіева.

Потому Ломоносовская система способна воспріять въ себя дѣйствительныя открытія новыхъ, другъ другу противоположныхъ системъ, преобразить оныя въ новый видъ, и сама отъ нихъ развиться въ историческую систему — *больше другихъ полную и совершенную*; между тѣмъ какъ другія, новыя системы по необходимости должны отрицать открытія противоположнаго разряда и теряться въ разныхъ предположеніяхъ — однѣ при изясненіи сѣверныхъ, другія при изясненіи южныхъ событій древней Руси.

Таковой полнѣйшей и совершеннѣйшей системы Ломоносовское мнѣніе о древнѣйшей Руси содержитъ въ себѣ только живой *зародышъ*, для развитія коего тогда не доставало еще тѣхъ критическихъ работъ надъ происхожденіемъ Руси, которыя произведены послѣ, по способамъ Болтина, Шлепера и Эверса. Въ ученomъ мнѣніи Ломоносова много еще *своевременнаго*, равно какъ и въ его дѣловомъ поборствѣ за Словенизмъ Руси при обращеніи Миллера, оказавшаго потомъ великія услуги: и Ломоносовъ не такъ-бы конечно утвердилъ свое мнѣніе о Руси въ наше испытанное время! Но дѣло всеобъемлющаго ума мы судимъ не по свершенію, и не по своевременнымъ недостаткамъ, но по тому чувству истины, съ какимъ онъ прикасался къ ней, — но по той мысли, съ какою обнималъ онъ предметъ свой, хотя-бы принимался за него и между прочимъ. И я несогласенъ съ историкомъ Русскаго народа, когда говоритъ онъ, что исторія не была *удѣломъ* Ломоносова, хвалить только его краснорѣчивое предисловіе объ исторіи, и напоминаетъ какой-то поговоръ, будто онъ «писалъ по приказанію». Вслѣдствіе оцутительной потребности тогда въ Россійской исторіи, незабвенный Шуваловъ исторію Петра великаго поручилъ написать славнѣйшему въ то время Европейскому полигистору Вольтеру; а къ сочиненію исторіи Россіи — Русскій меценатъ *ободрялъ*¹⁾ своего Русскаго академика, своего ближняго сподвижника въ просвѣщеніи Россіи — (какъ въ вѣкъ Александра, новый представитель словесности нашей былъ ободряемъ отъ него въ великомъ подвигѣ сочиненія *исторіи Россійскаго государства*).

Профессоръ химіи на каедрѣ и въ лабораторіи академической, Ломоносовъ былъ однимъ изъ первыхъ *физиковъ* своего вѣка, первымъ *словесникомъ* въ своемъ отечествѣ — какъ пѣснотворецъ и витія и какъ законодатель Русскаго слова: и каждое дѣло, за которое принимался онъ, можетъ по-

¹⁾ См. письмо Ломоносова къ Шувалову, 4 Генваря, 1753.

жалѣть развѣ о томъ, что для своего совершенства не было *исключительнымъ удѣломъ* всеобъемлющаго человѣка, который, *примѣчая* свою преждевременную кончину, говорилъ: «на смерть взираю равнодушно; я жалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить, что началъ для пользы Отечества, для славы наукъ и для чести академіи».

«Профессоръ химіи (говорить Шлецеръ) сжалился надъ Русской исторіей и написалъ — довольно сносное руководство... Былъ и въ исторіи оракуломъ для своихъ соотечественниковъ.» Но и въ нынѣшнее время, вѣщаніе сего Холмогорскаго *оракула* и *учителя* нашего: *о разноплеменности Варяговъ, о Словенизмѣ Варяговъ-Руссовъ, ихъ пришествіи къ намъ съ Балтійскаго моря и древнѣйшемъ туда переходѣ съ нашего Русскаго юга* — я не усомнился предпочесть другимъ новымъ системамъ, именно какъ начало и основаніе болѣе другихъ вѣрной и полной *системы о древнѣйшей Руси*, способное къ дальнѣйшему усовершенію чрезъ раскрытіе собственныхъ началъ.

Къ этому предпочтенію привело меня, *во-первыхъ*, — чтеніе Нестора и соображеніе съ нимъ другихъ старинныхъ писаній Русскихъ, на чемъ и основалъ я свое положительное мнѣніе о Руссахъ и Варягахъ прочихъ въ нашемъ отечествѣ; *во-вторыхъ*, — разсмотрѣніе и сличеніе новыхъ системъ и гипотезъ о происхожденіи Руси, въ ихъ постепенномъ ходѣ, взаимной связи и ихъ общемъ отношеніи къ искомой истинѣ. Положительное мнѣніе мое я надѣюсь съ своей стороны оправдать приложеніями онаго въ изслѣдованіяхъ о древней Русской словесности, а въ случаѣ нужды подкрѣпить и дальнѣйшими онаго изъясненіями. Можетъ-быть оно оправдается и со стороны моихъ читателей сочувствіемъ и согласіемъ хотя нѣкоторыхъ: надежда, свойственная всякому писателю! Что-же касается до моего *опыта гипотезы*, то это добровольная дань моя новѣйшимъ системамъ — *мира-дглья* и *общенія-ради*, — и ея дальнѣйшее бытіе зависитъ уже совершенно сколько отъ ихъ собственной судьбы, столько и отъ ихъ произвола. Съ ихъ стороны, надѣюсь, ни одна не обвинитъ меня по крайней мѣрѣ въ невниманіи къ ней; ибо я старался выразумѣть существенное отличіе каждой — чья-бы ни была она, опредѣлить ея отличіе и значеніе къ кругу всѣхъ системъ и расположить ихъ систематически. Я сказала объ нихъ свое — не знаю, во всемъ-ли справедливое, но всегда настоящее и открытое мнѣніе. Если инья мнѣнія и пропущены, то это такія, которыхъ еще не успѣлъ я разсмотрѣть, (не получивъ еще очень многихъ книгъ по части Русской исторіи), или такія, въ которыхъ не замѣтилъ никакой существенной особенности; зато инымъ я возвратилъ право на старшинство и вызвалъ ихъ изъ забвенія. На труды писателей нашихъ я

смотрѣлъ здѣсь по ихъ отношенію только къ мнѣнію о происхожденіи Руси, безъ отношенія къ ихъ участию въ успѣхахъ отечественной исторіи вообще: ибо эти два отношенія могутъ и не быть вмѣстѣ. Потому-то, на примѣръ, говоря такъ мало на сей разъ о Карамзинѣ, я всего чаще говорилъ о Шлецерѣ, и большею частію вопреки его мнѣнію, и отдалъ первенство мнѣнію Ломоносова.

Ломоносовъ, хотя десятилѣтнимъ плодомъ ученыхъ своихъ занятій — *Россійскою исторіей* — имѣлъ ограниченное участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ Русской исторіи вообще, однако-же она есть первое у насъ явленіе, первое начало исторіи Русской: это былъ *новый годъ* ея, ровно черезъ 9 вѣковъ послѣ того года, съ котораго нашъ *первый лѣтописецъ* ведетъ начало *Русской земли*, въ который началась историческая жизнь Руси, блеснула первая заря ея православія! Однако онъ былъ отличнимъ *систематикомъ* въ искомой нами истинѣ; а своимъ дѣловымъ поборствомъ за Словенизмъ Руси, онъ — въ лицѣ Миллера, но не изъ частной *личности* къ нему — на 60 лѣтъ разрядилъ у насъ первую тучу Байеровской школы (съ 1749 по 1809), обративъ ее на свое поле Русской исторіи, которое — съ перворостками системы его, прозябавшими въ писаніяхъ Тредьяковскаго, обращеннаго Миллера, князя Щербатова — было потоплено полноводнымъ разливомъ системы Татищевской и застужено сѣвернымъ вѣтромъ критики Шлецеровской.

Но Карамзинъ, посвятившій 23 года и *лучшее время* своей жизни исключительно Русской исторіи, оказалъ для нея наибольшую услугу своею богатою сокровищницею и славной Русской былины и краснаго слова Русскаго; однако почти мимоходомъ высказалъ свое мнѣніе о происхожденіи Руси, чуждое систематическаго ограниченія и рѣшительности, какъ и все его твореніе (гдѣ лѣтопись является въ сопровожденіи критики, но безъ систематическаго, насильственнаго направленія въ извѣстной цѣли, по предварительной собственной мысли писателя). Онъ «искалъ выраженія въ умѣ своемъ, а мыслей единственно въ памятникахъ; искалъ духа и жизни въ тлѣющихъ хартіяхъ; желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему, ясную стройнымъ сближеніемъ частей... не боялся съ важностью говорить о томъ, что уважалось нашими предками; хотѣлъ представить и характеръ времени и характеръ лѣтописцевъ». Напротивъ, Шлецеръ, въ продолженіе 40 лѣтъ не покидавшій Русской лѣтописи, среди гигантскихъ работъ своего ученаго критицизма, оказавшій важную услугу первымъ листамъ нашей лѣтописи, привязавъ къ нимъ Атлантовскую ношу учености, былъ самый упорный и односторонній систематикъ своего мнѣнія о Руси. Какъ критикъ-систематикъ, Шлецеръ

пронесся морокомъ въ нашей исторіи, смутивъ на время ясность и просторъ ея небосклона, но просушивъ и скрѣпивъ ея землю, которую Карамзинъ покрылъ *зеленымъ шелковымъ покровомъ* своего творенія — этою свѣтлою, цвѣтушею весною *новаго лѣта* исторіи Русской! Въ 1816 году, ровно черезъ полвѣка послѣ *новаго года* Русской исторіи, настала эта весна ея: и Карамзинъ въ своей *исторіи Россійскаго Государства* былъ вмѣстѣ «первый нашъ историкъ и послѣдній лѣтописецъ», по выраженію Пушкина. Съ кончиною историографа (въ 1826 г). кончилось первое полугодіе новаго лѣта Русской исторіи; и 1829 годъ былъ уже годомъ ея перехода за черту средолѣтія.

Появленіе 1-го тома *Исторіи Русскаго Народа* — какъ явленіе фаэтона въ тропическомъ поясѣ для мореходцевъ — было главнымъ показателемъ поступленія Русской исторіи въ поворотный кругъ *систематизма*, въ первую — общую или созерцательную ступень онаго. Полевой требовалъ «исторіи, созидаемой философійей, по общей идеѣ челоуѣчества, — очищенной отъ всѣхъ частныхъ направленій, отвлеченной отъ своего вѣка; своего народа, самаго себя». Такое требованіе было довершеніемъ, наконецъ, и въ исторіи Русской той *идеальности*, которая первоначально — какъ *геній чистой красоты*, съ своей высоты поднебесной — слетѣла къ намъ поэзіей *пѣвца во станъ Русскихъ воиновъ*, возвѣстилась его *лирою*, и, развиваясь въ 4-мъ отдѣлѣ новаго періода нашей словесности, подъ конецъ онаго обратилась въ *философское отдѣленіе*. Это направленіе въ исторіи, въ томъ-же году, явилось и въ другомъ видѣ: *идеальнымъ построеніемъ* древнѣйшей Русской исторіи, по законамъ логической возможности — въ системѣ Венелина; а вмѣстѣ съ тѣмъ и мнительный произволь критицизма Шлецеровскаго достигъ до *всеобщности* и *скептическаго отрицанія* нашей древней исторіи — въ системѣ Каченовскаго, на основаніи той-же логической возможности и вѣроятія, — хотя въ обоихъ случаяхъ съ одною цѣлю: *достоуѣрности* и *дѣйствительности исторической*. Два явленія эти произошли въ южномъ, какъ новѣйшемъ разрядѣ системъ; но мы видѣли, что и другихъ школъ системы, въ продолженіе послѣдняго, *систематическаго* десятилѣтія, возникли съ разновиднымъ устремленіемъ ко *всеобщности* и *всеобъемлемости*, къ *переизслѣдованію* и *пересозданію* исторической дѣйствительности ¹⁾.

¹⁾ Я не считаю нужнымъ здѣсь распространяться о томъ, что *довершеніе* предыдущаго періода бываетъ обыкновенно въ то время, когда возникаетъ *начало* послѣдующаго; и такимъ образомъ бываетъ современно нѣсколько направленій; и часто старшенствуеетъ еще прежнее направленіе въ періодѣ новонаставшемъ.

Но изданный въ 1829-же году XII-й томъ исторіи Карамзина какъ-бы напомнилъ собою еще прежде назnamenованное ею направленіе для нашей исторіи. Въ томъ-же году и поэзія наша — историческою поэмою Пушкина — *Полтавою*, и историческимъ романомъ Загоскина — возвѣстила вступленіе словесности нашей въ новый кругъ *самобытности* и *своенародности*, составляющихъ собственное отличіе и стремленіе нашего *вполнѣ историческаго вѣка*. Вскорѣ за тѣмъ (1830-32) воздвигся *сводъ законовъ*, съ погоднымъ *Полнымъ Собраніемъ* оныхъ, какъ первый историко-систематическій памятникъ нынѣшняго царствованія, какъ образцовое начало той полной и положительной системы, которая довлѣетъ нашей исторіи! ¹⁾

Строительный систематизмъ философіи, съ высоты своего теоретическаго умоначертанія, склоняется къ направленію историческому, положительному; а непрестанно усиливающаяся собственно-историческая изыскательность доказываетъ на дѣлѣ существованіе того направленія, той желанной дѣятельности, о которой замышляютъ системы въ строгихъ своихъ требованіяхъ. Въ какой мѣрѣ уже сошлись и еще сойдутся эти два направленія: то можно яснѣ видѣть и точнѣ опредѣлить спустя еще одно десятилѣтіе сего втораго полугодія въ *новомъ лѣтѣ* Русской исторіи. Можемъ сказать только, что необходимо должно быть сліяніе оныхъ въ одно живое и полное *изслѣдованіе* всѣхъ подробностей и частныхъ нашей прежней жизни, имѣющее въ виду будущее ихъ соединеніе въ одно стройное цѣлое. Идеальность философскаго созерцанія обратила насъ къ *самопознанію*; а для него и чрезъ него мы обратились къ *своенародности* и *исторической дѣйствительности*; сама философія стала искать самопознанія въ исторіи — какъ въ опытѣ прошедшаго, въ вѣковѣчной памяти челоувѣчества, въ этой «священной книгѣ народовъ, въ зеркалѣ ихъ бытія и дѣятельности», по выраженію Карамзина. И для исторіи Русской теперь та рабочая, лѣтняя пора, когда *высшая критика* ея — не отвлекаясь отъ всѣхъ частныхъ направленій, не увлекаясь какъ-нибудь однимъ изъ нихъ — должна собрать ихъ всѣ и обратитъ въ одно живое, всеобщее, всестороннее и постепенное изслѣдованіе богатства нашей прежней жизни, во всѣхъ ея многостороннихъ явленіяхъ и разнообразныхъ выраженіяхъ, для будущей величавой

¹⁾ Нѣсколько мыслей моихъ о народности и положительности въ поэзіи нашей высказалъ я въ изданіи *Малоросс. пѣсенъ*, 1827, и въ изслѣдованіи о пѣсни *Игорю*; а объ современномъ направленіи къ самобытности и своенародности — въ *рѣчи о Русскомъ просвѣщеніи*, говоренной въ Московскомъ университетѣ, 1832 г.

полноты, несомнѣнной положительности и стройной цѣлости *исторіи Русской*... «Изъ великаго ихъ множества (говорить Ломоносовъ) немало по общей судьбинѣ во мракѣ забвенія покрыто. Однако, противу мнѣнія и чаянія многихъ, толь довольно предки наши оставили на память, что примѣнясь къ лѣтописателямъ другихъ народовъ, на своихъ жаловаться не найдемъ причины».

Въ заключеніе сего общаго примѣчанія предлагаю сокращенно *историко-систематическое обозрѣніе мнѣній объ Руси* (при составленіи коего приняты во вниманіе ихъ первое появленіе и обнародованіе на Русскомъ языкѣ и разпространеніе у насъ въ общественномъ мнѣніи).

- I. Первую или *Словено-Русскую* область историческихъ мнѣній о Руси составляетъ *старая* или *собственно-Русская, Несторо-Ломоносовская школа*, основавшаяся на преданіяхъ отечественныхъ, на живыхъ и своенародныхъ историческихъ свидѣтельствахъ, ознаменованная вѣрованіемъ въ ихъ положительность и единствомъ мнѣнія о *Словенизмѣ Руси*.
  - 1) Отъ Нестора до Ломоносова продолжался *первый — Догматическій* или *Монастырскій* періодъ Словено-Русской школы, ознаменованной господствомъ простаго, догматическаго вѣрованія въ показанія историческихъ свидѣтельствъ и понятій. Въ седми-вѣковомъ развитіи сего періода можно различить слѣдующія степени:
    - а) *Лѣтосказательную* или древне-Русскую — отъ Несторовой *Повѣсти временныхъ лѣтъ*, съ исхода IX вѣка, — продолжавшуюся около пяти столѣтій.
    - б) *Родословную* или Московскую — отъ Макарьевской *Степенной Книги*, съ половины XVI вѣка, — господствовавшую въ Великой Россіи два столѣтія.
    - в) *Синоптическую* или Кіевскую, — Монастырско-Академическую, начатую *Хроникою Софоновича*, 1672 г., и ознаменованную господствомъ Гизелевскаго *Синописиса*, напечатаннаго 1674 г. Вліяніе Синописиса въ Великой Россіи усилилось съ 1714 г., и въ С.-Петербургѣ слилось въ одно *родословное* направленіе *Зерцала Историческаго*, 1748 г. — Ломоносовъ, своимъ *Краткимъ Лѣтописцемъ Россійскимъ*, 1760 г., заключилъ первый періодъ Словено-Русской школы, и *первое лѣто* исторіи Русской.
  - 2) *Россійскою Исторіей*, изданною 1766 г., доведенною до 1054 г., Ломоносовъ положилъ у насъ основаніе *второму* или *Академическому* періоду Словено-Русской школы, ограничивъ ея прежній догматизмъ новымъ ученымъ критицизмомъ, еще до него начатымъ у насъ 30-лѣтними трудами Татищева, съ 1719 г., и трудами Байера, вызваннаго въ Академію

Наукъ 1726 г. Словено-Русская школа, послѣ сего обновленія, господствовала у насъ еще до 1788 г., — хотя безъ дальнѣйшаго возвышенія, но за то съ богатою прибылью отъ обнародованія ея памятниковъ историческихъ: потому она и во *второмъ* или *Критическомъ* періодѣ нашей исторіи есть *старшая историческая школа*. Ея возобновленіе въ новѣйшемъ или Систематическомъ періодѣ начинается 1836 г., розысканіемъ Морошкина и предлагаемымъ нынѣ моимъ сочиненіемъ.

- II. Вторую область мнѣній о Руси составляютъ *новыя мнѣнія*, зачавшіяся во *второмъ* — *Новомъ* или *Академическомъ* періодѣ, подъ перевѣсомъ критическаго, болѣе или менѣе произвольнаго изслѣдованія и толкованія историческихъ свидѣтельствъ, при *отрицаніи* Словенизма Руси и разномыслии о ея племени и происхожденіи.
- 1) Первый, *Сѣверный разрядъ* новыхъ мнѣній, принимающій *Русь не-Словенскую, Забалтійскую*, явился 1735 г., съ одной стороны — академическими разсужденіями Байера, съ другой — критическими примѣчаніями Татищева (составляющими первый томъ его своднаго лѣтосказанія, названнаго Россійской Исторіей). Разсужденіе перваго по-Русски явилось 1767 г., въ переводѣ Кондратовича; критическія изслѣдованія втораго вышли въ свѣтъ 1768 г. Сѣверный разрядъ мнѣній о Руси развился въ двѣ школы:
- а) Болтинъ съ 1788 года, своими критическими замѣчаніями на Леклерка, Щербатова и друг., образовалъ у насъ *первую новую школу*, изъ Татищевского мнѣнія о происхожденіи Руси *отъ Финновъ*. Въ 1836 году эта *Татищевско-Болтинская* школа отозвалась въ мнѣніи Буткова, съ увеличеніемъ до объема старой Русской школы;
- б) Шлецеръ (1802 г.), своими критическими изслѣдованіями Нестора, по-Русски явившимися 1809 г. въ переводѣ Языкова, — образовалъ у насъ *вторую новую школу*, изъ системы Байера и Тунмана, принимающую происхожденіе Руси *отъ Скандинавовъ*. Господство ея началось у насъ особенно въ 1816 г., съ Исторіи Карамзина, но съ направленіемъ къ *Словенизму Руси*, Собственное-же начало сей *Байеро-Шлецеровской* школы обьособилъ Погодинъ 1825, обьобщилъ Полевой (1829), и, наконецъ, у Сенковского (1834) оно преувеличено и обращено къ давнему вѣрованію въ преданія и сказанія народныя (но преимущественно Скандинавскія). Въ одномъ изъ примѣчаній (стр. 10—11) сказано, какъ это ученіе было не помысли соотечественникамъ нашимъ въ вѣкѣ Елисаветы: здѣсь прибавлю, что и производство Руси отъ Финновъ было также не помысли Русскимъ. Великая Екатерина, созидавая одинъ изъ блистательнѣйшихъ вѣковъ нашей *исторіи-жизни*, открыла новый свѣтъ и для *Русской*

исторіи-науки, принимала участіе въ ея ходѣ не только царственное, но и ученое — какъ «собиратель» *Записокъ касательно Россійской исторіи*, кои сначала напечатаны были въ *Собесѣдникъ*, 1783—84 г.

Въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1835 г. № 1, помѣщены снимки съ собственно-ручныхъ замѣчаній Государыни на исторію Стриттера, гдѣ, между прочимъ, говорится: «Соблазнительно покажется всей Россіи, аще примете толкованіе Стриттера о происхожденіи Россійскаго народа отъ Финновъ. Самое отвращеніе и соблазнъ не малое доказательство, что происхожденія разныя. Сравните Россійскаго крестьянина съ Финскимъ: похожи ли другъ на друга? Похожь-ли языкъ? Хотя Россіяне со Славяны разнаго происхожденія конечно, но отвращеніе не находится между ими. Стриттеръ откуда уроженецъ?»... и т. д. По собственному мнѣнію Государыни, *Руссы* были особый древнѣйшій народъ, населявшій Великую Россію еще до пришествія Словенъ, кои около 480 г. овладѣли ими, передали имъ свой языкъ и смѣшались съ ними въ одинъ народъ *Словено-Русскій*; по кончинѣ Гостомысла въ 860 г., сіи Словены-Русь соединились съ Варягами-Русью, пришедшими съ сыномъ короля Финляндскаго Рюрикомъ и его братьями. Замѣчу здѣсь и то, что «собиратель записокъ» первый обратилъ вниманіе на сравненіе Россійской исторіи съ исторіями современниковъ князей Русскихъ каждаго вѣка, дабы «усмотрѣть умоначертаніе всякаго вѣка.» Ломоносовъ указалъ сходство и различіе исторической жизни Россіи только съ жизнію стараго Рима.

- 2) Второй, *Южный разрядъ* мнѣній о Руси начался въ 80-тые годы, въ Московскомъ университетѣ, лекціями и записками Чеботарева.
  - а) Эверсовыми критическими изслѣдованіями сей разрядъ образовался въ третью новую школу, разнообразнѣйшую въ своемъ понятіи о племені, принимаемой ею *Черноморской не-Словенской Руси*. Начало у насъ сей *Чеботарево-Эверсовской школы* (при господствѣ второй) можно положить съ 1825—26 г., съ Погодинскихъ переводовъ Эверса и Неймана. Усиленіе и видоизмѣненіе оной было въ 1834—35 г., въ системѣ Каченовскаго, начавшейся 1829 г.
  - б) Въ 1829-же году сей разрядъ умножился *системою Венелина*, принимающею *исконное* или незапамятное пребываніе въ нашемъ отечествѣ *Руссовъ*, одноплеменныхъ *Словенамъ*: это переходъ сего разряда къ *Словено-Русской* школѣ, съ юговосточной ея стороны.

И такъ, отъ *перваго появленія*, сѣверному разряду нынѣ уже минуло 100, а южному 50 лѣтъ.

1 декабря 1836.

Кіевъ

О происхождении варяго-русовъ

(Письмо М. П. Погодину)¹⁾

Благодарю тебя за твое въ «Москвитянинъ» напечатанное письмо ко мнѣ, столь внимательное къ моему изслѣдованію о Руси, за четыре года изданному. Это письмо напомнило мнѣ много старины нашей общей и моей собственной, и дало мнѣ случай прочесть *опытъ гипотезы о первобытной и древнѣйшей Руси*, про который я уже и забылъ было. Эту гипотезу составилъ я изъ разнородныхъ, противоположныхъ мнѣній о происхожденіи Руси; но я строго отличилъ ее отъ моего положительнаго о томъ мнѣнія; я не назвалъ ее моею системою, и предложилъ ее въ *послѣсловіи* къ моей книгѣ — «болѣе какъ чувство потребности и желаніе новыхъ, подробныхъ и живыхъ изслѣдованій» о происхожденіи Руссовъ, которыхъ я признаю племенемъ не Нѣмецкимъ, а Словенскимъ. За чѣмъ же ты эту гипотезу предлагаешь своимъ читателямъ какъ *мою собственную систему*, и говоришь, будто я *хочу увѣрить*, что Русы были и Шведы, и Финны, и Козары, и Пруссы?... Не ужь-ли же и ты изъ моего послѣсловія не разпозналъ, что эта гипотеза написана мною — *мира-дгья и общенія ради* — вмѣсто сатиры на разнородность мнѣній и толковъ, какую нашель я въ сочиненіяхъ о происхожденіи Руси, прочтенныхъ мною одно вслѣдъ за другимъ, начиная съ твоего *Разсужденія?*... Неужели и для тебя надобно не въ бровь, а прямо въ глаза!.. Въ такомъ случаѣ я долженъ только извиниться въ недостаткѣ ясности, съ какою напримѣръ говоришь ты: «всѣ вы, друзья мои, сказать просто, пересыпаете изъ пустаго въ порожнее!» Но говоря такъ, самъ же ты вводишь насъ въ тоже искушеніе, бросая намъ, вмѣсто перчатки, твое разсужденіе о происхожденіи Руси, и вызывая всѣхъ разбирать, опровергать твои доказательства. *Для себя* я опровергъ ихъ еще тогда, какъ писалъ мое изслѣдованіе; но я, пожалуй, готовъ и *для тебя*, и *для всѣхъ* написать опроверженіе такъ горячо тобою защищаемаго мнѣнія, и даю тебѣ слово сдѣлать это, какъ только я поправлюсь въ здоровьи и распакую свою бібліотеку, отправленную теперь на поселеніе деревенское. Если же ты намѣренъ поч-

¹⁾ Письмо это было помѣщено въ Москвитянинъ (1841. Часть III, стр. 198-211); оно составляетъ отвѣтъ на рецензію сочиненія «Откуда идетъ Русская земля», помѣщенную М. П. Погодинымъ въ Москвитянинъ—же. (1841 г. Ч. II).

тять разборомъ своимъ мое изслѣдованіе и мнѣніе о происхожденіи Руси, то не лучше-ли разсмотрѣть его въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ 1 главѣ моей исторіи древней Русской Словесности: тамъ оно изложено короче и отчетливѣе. А что бы надолго не остаться въ долгу за твое первое письмо, теперь же начну мою бесѣду съ тобою о Руси, о твоихъ доказательствахъ и возраженіяхъ.

Какъ первое доказательство защищаемаго тобою мнѣнія, ты приводишь то мѣсто изъ Несторовой лѣтописи, изъ коего неправильно толкуютъ, будто-бы Варяги-Русь были племена Скандинаво-Нѣмецкаго.

Я въ моемъ изслѣдованіи замѣтилъ, что изъ этихъ словъ Нестора слѣдуетъ только то, что онъ Руссовъ относилъ къ *Варягамъ*, также какъ и Шведовъ, Готовъ, Англянь; однако совсѣмъ еще не слѣдуетъ, чтобы Руссы были и племена Скандинавскаго.

Ты возражаешь: «да, а Варяги были Норманы, — слѣдовательно и Русь была Норманны».

И такъ именно *Варяговъ* и *Норманновъ* ты считаешь синонимами? Что же послѣ этаго главный тезисъ твоего разсужденія: «*Варяги-Русь племя Норманское*!» Не то ли же что — *Варяги-Русь племя Варяжское!*... Тождесловіе! Но шутки и восклицанія въ сторону.

Я также, какъ и ты, считаю имена *Варяги* и *Норманы* однозначительными: оба они составляютъ общее имя народовъ, жившихъ на Прибалтійскомъ сѣверѣ Европы; но они не означаютъ племеннаго отличія, точно такъ, какъ имя *Сибиряка*, *Горца* показываютъ только географическое мѣсто народа, безъ различія какого онъ племени — Монгольскаго, Турецкаго, Черкесскаго, Словенскаго.

Ломоносовъ въ своей исторіи говоритъ: «Неправедно разсуждаетъ, кто Варяжское имя приписываетъ одному народу».... и т. д. Эти слова я поставилъ въ эпиграфъ моего изслѣдованія, и ты, конечно вмѣстѣ со мною, назовешь ихъ справедливыми: ибо ты самъ, въ твоей Русской исторіи, признаешь *разноплеменность* Варяговъ или Нормановъ, и говоришь, что такъ назывались и Словены, и Финны, и Скандинавы, жившіе при Балтійскомъ морѣ. Такимъ образомъ, и по твоему утверженію, были Варяги и Норманы, одни Скандинаво-Нѣмецкаго племени, другіе Словенскаго, третьи Чудскаго или Финскаго. Если же слова Нестора показываютъ только, что Руссы были Норманы или Варяги; то изъ нихъ не слѣдуетъ еще, чтобы Руссы были непременно Скандинавы. Слова Нестора содержатъ въ себѣ только общее, родовое, а не видовое опредѣленіе Руссовъ, они показываютъ не племенное отличіе, а только сѣверное, прибалтійское мѣстопребываніе Руси.

Но у васъ, поборниковъ *Скандинавскаго* ученія о Руси, такъ уже настроена мысль, что какъ только найдете гдѣ нибудь слово *Норманны*, или *Варяги*, или *Руссы*, то вамъ тотчасъ и видятся *Скандинавы*. Это видѣніе *Скандинавства Руссовъ*, теперь господствующее въ нашей исторіи, иногда обращается почти въ болѣзнь умозрѣнія. Такъ Сенковскому, когда онъ послѣ своего фантастическаго путешествія принялся за Библиотеку для чтенія, въ 1834 году, казалось будто Руссами назывались всѣ *Скандинавы*, будто цѣлая *Скандинавія* перешла въ наше отечество, будто нашъ *Русскій* языкъ произошелъ отъ *Скандинавскаго*, будто *Скандинавскій* языкъ былъ языкомъ *Запорожскихъ* козаковъ и будто *козацкое Запорожье* есть не иное что, какъ *Днѣпровская Скандинавія Руссовъ!* Очевидно, что это все были только миражи, призраки историческіе.

Другой примѣръ. Отыскалось у *Арабскаго* географа *Ахмедъ-эль-Катеба* краткое извѣстіе, что *въ 844 году Севила была разграблена язычниками, называемыми Русъ*. Приверженцы *Скандинавскаго* ученія тотчасъ уже и говорятъ: вотъ новое доказательство *Скандинавскаго* происхожденія Руси! Но почему же эти *Катебовы язычники Русы* были непременно изъ за-морья *Скандинавскаго* — почему, напримѣръ, не съ моря *Балтійскаго*, гдѣ также были *Варяги* или *Норманны*, и по вашему утвержденію, и по указанію *Нестора*?... Очевидно, что извѣстіе *Катебово* принадлежитъ къ тѣмъ доказательствамъ, которымъ можно давать *разное направленіе*, или какъ ты называешь къ *перспективнымъ*. Ты упрекаешь *Надеждина* за эти *перспективныя доказательства*, и отрицаешь, чтобы доказательствамъ можно было давать *разныя* направленія.

Но таково именно это краткое, неопредѣленное извѣстіе *Катебово*, таковы и слова *Нестора*, приведенныя тобою какъ *первое доказательство* твоего историческаго мнѣнія о Руси. Содержа въ себѣ только общее родовое опредѣленіе Руси, указывая только на сѣверное или *прибалтійское* происхожденіе, оныя слова *Нестора* могутъ быть приурочены ко всякому историческому мнѣнію, если оно только ведетъ Русь отъ *Балтійскаго* моря. Ты, напримѣръ, полагаешь, что эти слова составляютъ первое доказательство мнѣнія, но между тѣмъ ты утверждаешь, что *Варяги-Русь не Шведы*; но у *Шлецера* эти самыя слова *Нестора* составляютъ одно изъ главныхъ и немногихъ доказательствъ, что *Варяги-Русь были Шведы*, хотя тотъ же *Шлецеръ* говоритъ, что въ этихъ словахъ *Нестора*, отъ коихъ именно зависитъ объясненіе, откуда Русь получила свое названіе, существуетъ большое разногласіе списковъ.

- 1) Очевидно, что первое твое доказательство, хотя и предлагается во имя Нестора, не есть прямое, основное доказательство; но *перспективное* или обоюдное, изъ коего слѣдуетъ только, что *Руссы были Варяги или Норманы* (въ чемъ согласны и ты, и я); но не слѣдуетъ, чтобы *Руссы были Скандинавскіе Нѣмцы* (какъ кажется тебѣ, но моему понятію противно). Не говоря уже, по крайней мѣрѣ, что «всякій, желающій опровергать твое мнѣніе, долженъ непременно прежде опровергнуть Нестора». Отвергать Нестора можетъ только Каченовскій съ Бодянскимъ и другими послѣдователями своего ученія о Руси, которое, по своему главному утвержденію, можетъ назваться *Турецкимъ!*
- 2) Такимъ же образомъ и другое твое доказательство: слова Ліутпранда, который, говоря объ Игоревыхъ *Руссахъ*, сказалъ, что они называются еще *Норманнами*, показываютъ только сѣверное происхожденіе ихъ, и не значатъ ничего, какъ доказательство, что Руссы были племени Нѣмецкаго, ибо въ нихъ ничего о томъ не говорится. Вотъ мое доказательство на твое требованіе: мнѣ кажется, что оно удовлетворительно, и я не знаю, чего тебѣ еще надобно? Можно еще прибавить развѣ то, что Ліутпрандъ въ этомъ мѣстѣ называетъ *Норманнами* разноплеменное ополченіе Кіевской Руси на Царьградъ, которое, по словамъ Нестора, состояло изъ *Варяговъ* (наемныхъ, заморскихъ), *Руси*, *Полянъ*, *Словенъ* (Новгородцевъ) *Кривичей*, *Тиверцовъ* и *Печеньговъ*.

Такимъ образомъ, и второе твое доказательство не есть прямое и основное, а только *перспективное*, общее для каждаго ученія, по которому Русь признается народомъ отъ сѣвернаго или Балтійскаго моря, а не съ юга.

Дальнѣйшія твои требованія *доказать тебѣ* то, другое, третье, я готовъ исполнить, но только не всѣ; ибо ты требуешь иногда *невозможнаго*, и притомъ безъ пользы для твоего историческаго мнѣнія.

- 3) Напримѣръ, ты говоришь: «докажите мнѣ, что вира не похожа на *wierh-geld*, что *тіунъ*, *верфъ*, *губа* не отзываются по Нѣмецки». Кто же возьметъ тебѣ доказывать это? Развѣ тотъ, кто сталъ бы доказывать, что Русскія слова *матерь*, *море*, *ночь*, *съкира*, *ленъ*, *котъ*, и проч. не отзываются Латинскими словами: *mater*, *mare*, *nox*, *securis*, *linum*, *cattus*, что слово *Варягъ* не отзывается Русскими словами: *Ворогъ*, *Воряга*, не походить на Санскритское *wariaga* (кабанъ), не звучитъ собственными именами — *Варгіонъ*, *Вагръ*, не сбивается на *wargus* (бродникъ), *wargr* (волкъ), *Варангъ* (чужеземецъ), *war* (война), *варъ* (воръ), *варьемъ* (вооруженный), *варянгъ* (мечъ) и пр. И такъ ты требуешь, въ семь случаевъ, во-первыхъ, *невозможнаго*, во-вторыхъ, *безполезнаго*. Напримѣръ: сло-

во *вира* очевидно сходствуетъ съ Нѣмецкимъ *wierhged*; но что же изъ этого слѣдуетъ въ доказательство твоего историческаго мнѣнія? Положимъ, что это слово заимствовано нами и другими Словенами у Нѣмцевъ; но оно могло перейти къ намъ (вмѣстѣ съ самыми узаконеніями) и въ Новгородъ, и въ Кіевъ прямо отъ Германскихъ Нѣмцевъ, и я нахожу это вѣроятнымъ; и это слово скорѣе служитъ въ пользу моего мнѣнія, что Руссы пришли къ намъ съ поморія Балтійскаго. Но тебѣ кажется, что и это слово занесли къ намъ Скандинавскіе Норманны! Это гораздо менѣе вѣроятно, и особенно потому, что слово *вира* есть чуждое законодательству Скандинавскому, о чемъ я упомянулъ въ IX главѣ моей исторіи Русской Словесности. Но если бы даже новѣйшія изысканія и открыли это слово въ какомъ нибудь узаконеніи Скандинавскомъ, все таки оно будетъ не болѣе, какъ соломинка, въ числѣ доказательствъ Скандинавскаго происхожденія Руссовъ, за которую не надежно хвататься въ пучинѣ Варяжской.

- 4) Ты говоришь: «докажите мнѣ, что дѣйствія, приемы, осанка, походка нашихъ Варяговъ — Руси не суть Норманскія». Опять требованіе невозможнаго и напраснаго. Кто же станетъ доказывать это? Но если, по твоимъ же словамъ, къ числу Варяговъ или *Норманновъ*, принадлежали и Прибалтійскіе Словены, то у нихъ приемы, дѣйствія и проч. безъ сомнѣнія были также *Норманскія*, слѣдственно распространеніе на нашемъ Кіевскомъ югѣ мореходно-воинскаго Норманскаго быта могло произойти отъ *поморскихъ Норманновъ Словенскаго племени*, (какимъ я признаю Руссовъ), и еще болѣе чѣмъ отъ Скандинавскихъ Норманновъ Нѣмецкаго племени, которые, въ свою очередь, распространяли тотъ же ратный духъ въ нашемъ отечествѣ. За двѣсти лѣтъ Богданъ Хмельницкій именно говорилъ, что наши предки, *валечные Руссы*, были съ поморья Балтійскаго. Такъ думали у насъ давно-давно; и мое утвержденіе въ томъ и состоитъ, что на Руси никто изъ Русскихъ, до исхода прошлаго столѣтія, не считалъ своими предками Скандинавскихъ Нѣмцевъ — хотя Рюрика и считали княземъ *Нѣмецкимъ* ¹⁾. Впрочемъ въ Святославѣ уже видно значительное измѣненіе стихіи Норманской, отъ прилива къ ней Азіатскаго наѣздническаго удалства: отсюда произошелъ особенный характеръ нашей Южно-русской воинственности, которая потомъ въ полной силѣ явилась въ Запорожскомъ козачествѣ, и я давно уже сказалъ, что въ Запорожьи воинст-

1) Впрочемъ Ломоносовъ и Рюрика признавалъ Словяниномъ, также какъ и теперь это полагаютъ нѣкоторые. Потому мое мнѣніе не точъ въ точъ мнѣніе Ломоносовское.

венный Святославъ сложилъ буйную голову свою — *сей первообразъ головъ козацкихъ*. Несправедливо для изъясненія нѣкоторыхъ примѣтъ Азіатско-наѣздническаго быта въ южной Руси, отвергать Норманство Руссовъ, и признавать ихъ ордою азіатскою, какъ то дѣлаетъ *Турецкое* ученіе о Руси Эверса, Каченовскаго, Лелевеля и другихъ. Но и Норманство Руссовъ не есть прямое и основное доказательство, чтобы они были Скандинаво-Нѣмецкаго племени. Такимъ образомъ, и это доказательство твое — чисто перспективное; оно только отчасти служитъ въ пользу твоего утвержденія; не менѣе того, оно входитъ и въ мой образъ мыслей о Руссахъ, и едва-ли не плодоноснѣе развивается въ примѣненіи къ развитію новой *Русской жизни* въ вашемъ отечествѣ, которая началась съ водворенія Руссовъ въ землѣ Кіевской, и не только не утратила отъ того Словенской народности (какъ хотѣлось того Сенковскому), но еще умножила, возрастила ее до настоящаго величія и могущества.

- 5) Ты говоришь: «докажите мнѣ, что собствєнные имена Рюрика, Трувора, Игоря, Олега, Свѣнelda, Руальда не суть имена Норманскія». Я опять скажу: это доказать весьма трудно, конечно еще не очень давно доказывалъ Бодянский, что всѣ эти имена суть Словенскія, — какъ нѣкогда родоначальникъ вашего Скандинавскаго ученія Байеръ доказывалъ, что имя Святослава есть Нѣмецкое; но я, подобно тебѣ, думаю, что приведенныя тобою имена не только *Норманскія*, но и *Нѣмецкія*; изъ нихъ видно, «что Рюрикъ съ своимъ родомъ былъ изъ Варяговъ Нѣмецкихъ; но изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы и Руссы, пришедшіе въ Новгородъ подъ знаменами Рюрика, потомъ перешедшіе въ Кіевъ подъ предводительствомъ *Оскольда* и *Дира* (коихъ имена уже не отзываются по Нѣмцки) — были также Норманы Нѣмецкаго племени. Мои доказательства на то я представляю тебѣ въ слѣдующемъ письмѣ моемъ, для котораго изъ твоихъ требованій остаются еще только три: 1) имена Днѣпровскихъ пороговъ; 2) анекдотъ Бертинскихъ лѣтописей; 3) связь Константинопольскихъ Варяговъ и Стурлезоновыхъ Верингеровъ съ нашими Варягами наемниками! Тебѣ кажется, что ты задалъ довольно работы, но я бы желалъ гораздо больше: нѣтъ-ли у тебя еще восьми, хоть трехъ доказательствъ, но только прямыхъ, основныхъ, изъ коихъ *непосредственно*, а не *перспективно* можно бы увидѣть, что Руссы были Норманны, Варяги Скандинавскаго племени!... Тогда бы я охотнѣе исполнилъ твое требованіе въ совершенной точности, т. е. взялъ бы Эверсовы возраженія, твои возраженія ему, твои доказательства положительныя, и учинилъ надлежащую расправу.

Теперь скажу нѣчто въ оправданіе себя.

1) Ты сказалъ, будто я, въ моемъ изслѣдованіи, *разбираю слова Нестора, не обращая никакого вниманія на всѣ прочія свидѣтельства.*

Въ этихъ словахъ твоихъ есть и правда, но только въ неправильномъ видѣ. Изслѣдуя лѣтопись Нестора, я старался уразумѣть и вывести изъ нея то, что прямо слѣдуетъ изъ собственныхъ его словъ, безъ придачи имъ постороннихъ понятій, принадлежащихъ какому-нибудь особенно-му ученію о происхожденіи Руси, о которомъ въ то время я не имѣлъ еще никакого положительнаго своего мнѣнія. Потому-то я читалъ Несторову лѣтопись безъ всякаго систематическаго пристрастія и предубѣжденія, и нашелъ, что изъ нея вовсе не видно Скандинаво-Нѣмецкаго происхожденія Руси. Это обстоятельство, а равно и то, что для исторіи Русскаго языка мнѣ необходимо было опредѣлить себѣ племенную принадлежность Варяговъ-Руссовъ, заставили меня перечитать все, что только могъ я достать здѣсь, написаннаго о происхожденіи Руси. Это чтеніе привело меня къ тому, что я всѣмъ другимъ мнѣніямъ предпочелъ старинное русское мнѣніе о происхожденіи Руссовъ *съ поморья Балтійскаго*, и принадлежности ихъ *къ племени Словенскому*. Послѣ этого я написалъ мое изслѣдованіе: «откуда идетъ Русская земля». Для моей цѣли довольно было ограничиться Несторовою лѣтописью и другими старинными отечественными писаніями, объ которыхъ я и говорилъ преимущественно въ моемъ изслѣдованіи, разбирая слова Нестора. Но что я имѣлъ въ виду и разныя другія свидѣтельства, ты можешь удостовѣриться въ томъ, если станеть у тебя охоты прочесть шестьдесятъ довольно длинныхъ примѣчаній, къ моему изслѣдованію приложенныхъ. Если же не всѣ свидѣтельства мною упомянуты, такъ это зависѣло отъ плана, предположеннаго мною для сего сочиненія.

2) Ты замѣчаешь мнѣ, что я ученіе Ломоносова, Татищева и другихъ величаю именемъ *системы* не по достоинству ихъ; тебѣ хотѣлось бы кажется этимъ именемъ величать только Скандинавское ученіе Байера, тобою защищаемое, да Эверсово сочиненіе, тобою переведенное и опроверженное. Пожалуй, я согласенъ съ тобою, и готовъ отнынѣ всѣ упомянутыя ученія называть не системами, а просто мнѣніями или ученіями. Но дѣло не въ названіи, а въ томъ, что тебѣ не нравится равное вниманіе мое ко всѣмъ ученіямъ; что тебѣ кажется достойнымъ вниманія и разбора только Скандинавское ученіе Байера и Шлецера, поддержанное твоимъ магистерскимъ разсужденіемъ и безпрестанно для тебя подтверждающееся новыми открытіями Шегрена, Френа, Круга. Любезный другъ! приведенныя тобою имена почтенны и знамениты своею ученостію, но для меня не

менѣ, въ отношеніи къ Руси, почтенны имена Ломоносова, Татищева, Чеботарева, Болтина и другихъ Русскихъ ученыхъ; хотя Шлецеръ въ своемъ Несторѣ и дерзнулъ сказать, что между Русскими историками не было ни одного ученаго. Я (въ моемъ изслѣдованіи) сказалъ уже, что «и для учености бываетъ разный талантъ: для иной — свѣтлый лучъ мысли изъ тьмы свѣдѣній, хотя бы онъ казался фантастическимъ, какъ сѣверное сіяніе изъ мглы и хлада недосягаемыхъ льдовъ полярныхъ; для другой — громада свѣдѣній, подъ которою умъ заходитъ за разумъ, отъ горячаго, но темнаго броженія мысли... Теперь скажу въ добавокъ къ тому, что именитость не есть ручательство за истину. Вспомни мои разборы Лодерова сочиненія о холерѣ и зоологической системы Фишеровой, помѣщенныя въ Телескопѣ. Тамъ до очевидности показалъ я, какъ ничтожны упомянутыя произведенія двухъ столь знаменитыхъ мужей!... Ты говоришь: «Развѣ страница, написанная Татищевымъ о Финскомъ происхожденіи Руси, есть система?» Но эту страницу распространилъ своею критикою Болтинъ, критикъ искусный и по признанію Шлецера. А посмотри, съ какою ученостію Бутковъ развиваетъ и скругляетъ Татищевскую мысль въ цѣлое стройное ученіе, которое, по главному утвержденію своему, можетъ называться *Чухонскимъ*.

Но за что же отдаешь ты такое предпочтеніе Шлецеру Шведскому ученію? Уже ли за то, что Шлецеръ къ первымъ страницамъ Несторовой лѣтописи навязалъ такую громадную ношу учености? Но это показываетъ только, что у Шлецера была свинцовая трудолюбивость; что же касается до его головы, то она была не свѣтла? Я говорю это съ полнымъ убѣжденіемъ. Вы называете Шлецера *отцемъ* нашей исторической критики; но это былъ для нея лихой *вотчимъ*, отъ котораго родился и нашъ историческій *скептицизмъ*. Какъ самопроизвольно и небрежно обходился онъ съ Несторовой лѣтописью? Все, что находилъ онъ въ Несторѣ несогласнымъ со своимъ личнымъ мнѣніемъ о Руси, называлъ онъ *глупыми* вставками, *дурацкими* передѣлками и умышленными поддѣлками позднѣйшихъ переписчиковъ и продолжателей; а что у нихъ же находилъ согласнымъ съ своимъ мнѣніемъ, то включалъ въ древній текстъ Нестора; да и самаго лѣтописателя нашего онъ обвинялъ въ выдумкахъ изъ патріотизма, и очень не чисто глядѣлъ на его иноческія вѣрованія. Какой же это образецъ критики? И что же значать восторженныя гиперболическія похвалы Нестору отъ Шлецера? Подъ видомъ Нестора онъ хвалилъ только себя! А въ своемъ Шведскомъ ученіи о Руси — онъ былъ самый упорный и односторонній систематикъ. Я воображаю, какъ ты теперь и смѣешься и негодуешь на меня; но рассуди самъ и скажи:

- 1) Какъ истолковалъ Шлецеръ слова Константина Багрянороднаго — *Навгородъ внѣ Россіи*, и даже обратилъ ихъ въ доказательство своего ложнаго мнѣнія, будто Русь существовала долго сначала не въ Кіевѣ, а въ Новгородѣ?
- 2) Какъ безобразно представилъ онъ исторію Оскольда и Дири, нашихъ первыхъ князей — христіанъ?
- 3) Какъ неправильно изъяснилъ положеніе и названіе *Угорскаго* (Оскольдовой могилы.)?
- 4) Какъ странно отвергъ онъ походъ Кіевской Руси на Царьгородъ въ 866 г., и призналъ ее какимъ-то особымъ народомъ, неизвѣстно откуда приходившимъ, неизвѣстно куда скрывшимся, и даже сказалъ, что объ этихъ Россахъ не надо и вспоминать въ Русской исторіи.... объ тѣхъ именно Русскихъ, отъ которыхъ Несторъ ведетъ начало нашей Русской исторіи, — о которыхъ патріархъ Фотій писалъ свою окружную грамоту, какъ о новыхъ христіанахъ?...
- 5) А его сомнѣніе о Черноморскихъ набѣгахъ Игоря, будто бы выдуманыхъ Несторомъ изъ патріотизма!....
- 6) А его отверженіе Исландскихъ сагъ.....
- 7) Совершенное отверженіе для нашей исторіи Скиювъ, Сарматовъ, Роксоланъ и проч. Но ты лучше меня знаешь подробности Шлецерова сочиненія, которое на заглавіи своемъ носитъ имя преподобнаго *Нестора*, — ты, который опровергъ такъ искусно главное Шлецерово утверженіе, будто Варяги-Русь были *Шведы*! Вспомни только безпристрастно всѣ Шлецеровы промахи, освободясь — если можно, отъ впечатлѣній молодости, какія накричалъ тебѣ Шлецеръ своею рѣзкою, бранчивою, самопроизвольною критикою.

Къ числу этихъ впечатлѣній я отношу и то, что ты при всемъ своемъ уваженіи къ нашему Ломоносову, говорилъ и говоришь объ его историческомъ мнѣніи о Руси, судя и заключая не по его словамъ, а по словамъ Шлецера. Увлеченный ими, ты въ своемъ разсужденіи говорилъ, будто Ломоносовъ выводилъ Русь изъ Пруссіи — *положась на свидѣтельство Степенной книги*. Сущая неправда. Я уже имѣлъ случай сказать, что Ломоносовъ имѣлъ совсѣмъ другія основанія для сего мнѣнія, которому онъ первый у насъ далъ учено-систематическій видъ, изыскивая словенизмъ Русовъ ¹⁾ и ихъ пребываніе на Прибалтійскомъ сѣверѣ по указаніямъ Гельмольда и другихъ западныхъ писателей, дополнилъ это мнѣніе древне

¹⁾ Замѣчательно, что и Карамзинъ, хотя вывелъ Русовъ изъ Швеціи, но сначала ослобивилъ ихъ въ Пруссіи и потомъ уже привелъ въ Новгородъ.

Русскимъ, *Несторовскимъ* понятіемъ о Варягахъ и Руссахъ и учено-иноземнымъ мнѣніемъ среднихъ временъ о тожествѣ Руси съ Роксаланами, — и отрѣшили большую часть тѣхъ вымысловъ, которыми и наша и чужеземная старина потѣшались въ своихъ историческихъ помыслахъ и школьныхъ мудрованіяхъ о происхожденіи и прозваніи Руссовъ.

Теперь ты говоришь: «Развѣ слова Ломоносова (*сказанныя имъ на удачу*) составляютъ систему?»

О названіи его ученія *системою* мы уже объяснились: по крайней мѣрѣ названіе это гораздо больше идетъ къ его ученію, нежели къ ученію Эверса и другихъ. Но что значитъ *на удачу!* И про Суворова говорили, что онъ дѣйствовалъ *на удачу*..... Но полководцу нашему служило счастье, а нашему академику нѣтъ, несмотря на одобреніе славнаго мецената.

Ломоносовъ надъ своею исторіею трудился въ продолженіи десяти лѣтъ, прежде чѣмъ написалъ онъ (въ 1754 г.) «Опытъ исторіи Русской до Рюрика», перечитывалъ нашихъ лѣтописцевъ, писателей западныхъ и Византійскихъ, дѣлалъ изъ нихъ сотни выписокъ, соображалъ характеръ нашихъ историческихъ событій. Прочти объ этомъ замѣчаніе мое, припомни, много-ли приготовила наша историческая критика (Татищева, Байера, Миллера) до 1750 для нашего перваго историка, и потомъ скажи, что значитъ выраженіе — *Ломоносовъ писалъ на удачу!* Я же, въ заключеніе сего письма, повторю о Ломоносовѣ: «каждое дѣло, за которое принимался онъ, можетъ пожалѣть развѣ о томъ, что для своего совершенства не было *исключительнымъ удѣломъ* всеобъемлющаго человѣка, который, *примѣчая* свою преждевременную кончину, говорилъ: на смертьзираю равнодушно, а жалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить, что началъ для пользы отечества, для славы наукъ и для чести Академіи».

27 марта 1841.

Кіевъ.

Волынь до XI вѣка ¹⁾

страна, извѣстная подъ именемъ Волыни, была съ древнѣйшихъ временъ заселена Словенами, подобно землѣ Кіевской, Червоно-русской или Галицкой и Подолью. Во всѣхъ этихъ участкахъ южной Руси коренными и первобытными жителями

¹⁾ Кіевлянинъ 1841 года, стр. 289—297.

были юго-восточные Словены, которые, хотя нѣкоторое время и находились въ взаимномъ раздѣленіи на разныя отрасли, иногда не мирившія другъ съ другомъ (какъ напримѣръ Древляне съ Полянами Кіевскими), но тѣмъ не менѣе были ближайшія другъ къ другу, по степени родства и по мѣстопребыванію. Русское владычество, соединившее сихъ Словенъ въ 9 и 10 вѣкахъ подъ знамена Кіевскія, положило на нихъ вновь неизгладимую печать единства, по которой они доселѣ не перестаютъ быть однимъ, кореннымъ южно-русскимъ народомъ, при всѣхъ переворотахъ съ ними и раздѣленіяхъ южной-Руси въ продолженіи девяти вѣковъ. Несмотря на областныя названія ихъ: Галичанами, Подолянами, Волянянами, Украинцами, Запорожцами, Слобожанами, Черноморцами — имя *Русина* остается ихъ общимъ, родовымъ именемъ, которымъ и теперь зоветъ себя коренной народъ земли Галицкой, — которымъ и весь Южно-Русскій или Малороссійскій народъ отличаетъ себя отъ Поляковъ, Чеховъ, Сербовъ и другихъ Словенъ, хотя въ нашемъ государствѣ имя Русскаго теперь усвоилось преимущественно народу Великой или Московской Руси, коей судило Провидѣніе быть средоточіемъ возсоединеннаго Русскаго міра. Но до 13 вѣка, когда первопрестольный Кіевъ былъ средоточіемъ древняго Русскаго міра во всѣхъ его концахъ именемъ *Руси* или *Русской земли* называлась преимущественно земля Кіевская. Потому-то и въ Царѣ-городѣ Константинъ Багрянородный писалъ, что Великій Новгородъ находится внѣ Россіи. Такъ и у нашихъ соплеменниковъ Поляковъ, Русью назывался прежде преимущественно южно-русскій народъ, въ отличіе отъ Москвитянъ или Великороссіянъ; древнее Галицкое княжество называлось у нихъ съ половины 14-го вѣка *воеводствомъ Русскимъ*; Украинскіе козаки въ нѣкоторыхъ конституціяхъ 17 вѣка именуются *старожитною Русью*; старинныя Польскія хроники называютъ *Русинами* князей Черторійскихъ, получившихъ это имя отъ древняго города Черторійска на Волини.

Такимъ образомъ, на сію страну, и по ея коренному народу, и по ея древней и нынѣшней государственной принадлежности, не иначе должно смотрѣть, какъ на участокъ коренной, старожитной Руси. Самое названіе *Малороссіи* или *Малой Руси* — *Russia minor* первоначально принадлежало Волинской и Галицкой землѣ, и уже въ послѣдствіи распространилось на лѣвую сторону Днѣпра, и даже преимущественно ей усвоилось.

Въ историческомъ бытіи Волини сами собою различаются пять періодовъ: *первый* — до окончательнаго утвержденія Русской власти надъ Волинью великимъ Владиміромъ въ исходѣ 10-го вѣка; *второй* — до перехода Волини въ составъ Литовскаго или западнорусскаго государства, въ по-

ловинѣ 14-го вѣка; *третій* — до соединенія Волини и всего Литовскаго княжества съ короною польскою, въ 1569 году, *четвертый* — до возвращенія Волини подъ Русскую державу; въ 1793 году; и *пятый* — нынѣшнее бытіе Волини, преобразованной въ Волинскую губернію.

Свѣдѣнія наши о древнѣйшемъ бытіи Волини — до 11-го вѣка — основываются на немногихъ историческихъ извѣстіяхъ, относящихся къ ея первымъ обитателямъ и къ завоеванію ихъ Русскими князьями.

Одинъ только преподобный Несторъ оставилъ, хотя краткія и неполныя, но опредѣлительныя указанія. Сіи указанія дополняются, нѣсколькими извѣстіями Константина Багрянороднаго и безыменнаго Баварскаго географа, писавшаго въ исходѣ 9-го вѣка. Вотъ что можно вывести изъ сихъ писателей о жителяхъ древнѣйшей Волини, коея предѣлы въ прежнія времена простирались далѣе на западъ, чѣмъ въ нынѣшнемъ ея ограниченіи. Восточная половина сего края, по обѣимъ сторонамъ Западнаго Буга, заселена была *Бужанами* и *Дулѣбами*.

Дулѣбы въ 6-мъ или 7-мъ вѣкѣ много потерпѣли отъ Обровъ и Аваровъ, по сказанію Нестора; мѣстная память объ нихъ сохраняется и нынѣ въ наименованіяхъ нѣсколькихъ селъ *Дулѣбами* или *Дулибами*.

Бужане составляли довольно многочисленную Словенскую отрасль, ибо, по сказанію Баварскаго географа, они (*Bussani*) жили въ 250 городкахъ (*ciritates*).

Но что сказать о самихъ *Волинянахъ*, именемъ коихъ во времена Нестора назывались уже Дулѣбы и Бужане? Всего вѣроятнѣе, что Волинянами, сначала называлась только нѣкоторая часть Словенъ, жившая въ верховьяхъ Западнаго Буга, около города Волиня. Польскіе историки, по сходству звуковъ, считали Волинянъ пришельцами съ береговъ Волги, почему и вмѣсто Волини они писали *Волгинія*. Но и то, и другое напрасно. Жители Волги назывались-бы не Волинянами, а Волжанами — по закону Словенскаго звукоизмѣненія, какъ обитатели Буга назывались Бужанами. Въ древнѣйшихъ спискахъ Русской лѣтописи (Лаврентьевскомъ и Троицкомъ) вмѣсто Волинь и Волиняне весьма часто писано *Вельнъ* и *Вельняне* ¹⁾. Это почти прямо указываетъ на *Вельновъ* или *Вельнянъ*, отрасль Прибалтійскихъ Словенъ, которая преимущественно обитала на островѣ Вельнѣ или Волинѣ (по Нѣмецки Юлинѣ), гдѣ былъ

¹⁾ Самое различіе въ произношеніи сихъ именъ *Волинь* и *Вельнъ* свойственно Словенскому звукоизмѣненію *e* въ *o*, какъ напримѣръ въ словахъ *польнъ* и *пелынъ*, *гребля* и *гребля*, *озеро* и *езеро*. Названіе *Вельнъ* можно считать древнѣйшимъ.

и городъ сего имени. И мнѣ кажется, что наши Волиняне всего скорѣе были храбрые выходцы съ Балтійскаго поморья, которые сначала поселились у Западнаго Буга, а потомъ распространились далѣе, и своимъ именемъ покрыли прочихъ жителей сего края. Они то, конечно, были основателями и города *Волиня*, на лѣвой сторонѣ Буга, при устьѣ рѣки Гучвы. Теперь на томъ мѣстѣ село Городокъ; но еще видны остатки большаго вала и нѣсколько могилъ — безмолвныхъ памятниковъ того города, коего именемъ называется понынѣ цѣлая область.

Что касается до другихъ Словенскихъ отраслей, вошедшихъ въ составъ Волинскаго народа, то онѣ опредѣляются болѣе предположительно.

Лучане, два раза упомянутые Константиномъ Багрянороднымъ въ числѣ Словенъ подвластныхъ Руси, еще до временъ Владиміровыхъ, по мнѣнію Карамзина, обитали въ окрестностяхъ древняго Волинскаго города *Лутеска*, то есть нынѣшняго Луцка. Впрочемъ *Лучанами* назывались въ Московскихъ грамотахъ жители великихъ Лукъ, которые, по мнѣнію Шафарика, и были Лучане Константина Багрянороднаго.

Между народами, описанными географомъ Баварскимъ подъ именами *Sittici* и *Attuertani*, Шафарикъ угадываетъ Славянскія имена *Житичей* и *Туричанъ*, и полагаетъ, что первые всего скорѣе могли быть жителями окрестностей Житомира, а Туричане жили на рѣкѣ Турѣ, гдѣ издревле существовалъ городъ (нынѣ мѣстечко) Турійскъ и есть село Туричаны.

Какъ-бы то ни было, но Словены Волинскіе, слившіеся мало по малу въ одинъ составъ южно-русскаго народа, со всѣхъ сторонъ окружены были Словенскими-же отраслями. Западными сосѣдями ихъ были *Хорваты*, населявшіе восточную Галицію и послужившіе основаніемъ Червонной Руси. Къ югу отъ нихъ простирались вдоль Днѣстра и Буга до Чернаго моря и Дуная — *Тиверцы* и *Угличи* или *Уличи*, отличавшіеся своею воинственностью и множествомъ городковъ, которые существовали и во время Нестора, но теперь съ Словенскими именами остались уже немногіе. На восточномъ рубежѣ Волини жили *Древляне*, особенно замѣчательные въ отношеніи къ этой странѣ потому, что ихъ лѣсистый край, въ древности называвшійся *Деревами*, причисляется нынѣ къ ея составу, съ городами: Вручаемъ (Овручемъ), Коростенемъ (Искоростью) и другими. Къ сѣверу отъ Древлянъ и Волинянъ, между рѣками Припетью и Западною Двиною, жили *Дреговичи*, которые можетъ быть простирались отчасти и въ Волинское Полѣсье.

Скажемъ теперь о присоединеніи Волинскихъ Словенъ подъ Русскую власть Кіева, которое совершилось не вдругъ и не безъ противоборства. Первымъ шагомъ къ тому было завоеваніе Древлянъ, на которыхъ нало-

жили свою руку еще первые Русские князья Кіева, Оскольдъ и Дирь, около 864 года. Завоеватель Олегъ, сдѣлавшись Русскимъ княземъ, покорилъ вновь подъ власть Кіева Древлянъ, въ 883 году и потомъ пошелъ на ихъ сосѣдей. Въ 885 году онъ воевалъ съ Угличами и Тиверцами, которые не поддавались ему безъ боя. Вѣроятно около того же времени, послѣ завладѣнія Тиверцами, Олегъ простеръ свои завоеванія на Дулѣбовъ и Галицкихъ Хорватовъ; по крайней мѣрѣ тѣ и другіе въ началѣ 10-го вѣка были уже подъ Русью, ибо въ 906 году тѣ и другіе находились въ грозномъ Олеговомъ ополченіи на Царьгородъ вмѣстѣ съ Тиверцами, Древлянами и другими отраслями Словенъ, уже подвластными Кіеву.

Князь Игорьъ обновилъ Русскую власть надъ Древлянами въ 913 году, завоевалъ наконецъ въ слѣдующемъ году упорныхъ Угличей. Древляне вновь отказались было платить дань; памятникомъ ихъ подданства Кіеву и теперъ возвышается *Игорева могила*, близъ древняго ихъ города Коростеня, нынѣ мѣстечка Искорости. Ольга отмстила Древлянамъ за убіеніе своего мужа, а въ 970 году князь Святославъ отдалъ Древлянскую землю въ удѣльное княженіе сыну своему Олегу, который и княжилъ въ ней до 977 года.

Между тѣмъ Червень, Перемышль и другіе города Галицкіе и от Червенскіе заняты были Поляками; почему Владиміръ Святославичъ въ 981 году ходилъ на Мечислава и отвоевалъ у него достояніе Кіева, добытое Олегомъ. Вѣроятно въ этотъ-же походъ великій князь Кіевскій овладѣлъ Бужанами и прочими жителями Волини; а для упроченія своей власти надъ нею и надъ Галичемъ, онъ построилъ во свое имя городъ *Владиміръ* на р. Лугѣ, въ 20 верстахъ отъ города Волини.

Этотъ новый Волинскій городъ, въ 988-мъ году, великій Владиміръ назначилъ въ удѣльное княженіе своему юному сыну Всеволоду, который и княжилъ тамъ до 1052 года. При первомъ учрежденіи Русскихъ епархій, въ 992 году, одна изъ нихъ назначена во Владимірѣ Волинскомъ и посланъ туда епископъ Стефанъ. Содѣлавшись такимъ образомъ средоточіемъ Русской власти надъ Волинію, городъ Владиміръ въ тоже время послужилъ сей странѣ источникомъ просвѣщенія христіанскаго, — и она къ началу 11-го вѣка была уже причастна той Русской жизни, которая, образуясь въ Кіевѣ, разливалась изъ него по всѣмъ концамъ древней Владиміровою Русію. По имени своего главнаго города, Волинь называлась иногда *землею Володимірскою*, откуда и произошло названіе *Лодомириі*.

О мнимомъ запусѣніи Украины въ нашествіе Батыево и населеніи ея новопришлымъ народомъ ¹⁾

(Письмо М. П. Погодину)

Пора намъ прекратить споръ нашъ, въ Русской Бесѣдѣ, хоть перемиріемъ! Въ моихъ *Филологическихъ* и двухъ *Отвѣтныхъ* письмахъ сказано уже все, что я намѣренъ былъ объяснить тебѣ о предметѣ нашего спора съ его *филологической* стороны; и если ты не возвратился къ прежнему понятію, которое старался я оправдать, если ты погрязъ въ своемъ новомысліи, изъ котораго я надѣялся тебя вызволить, то въ этомъ уже твоя воля, не моя вина. Ты въ «Отвѣтахъ» своихъ сознаешься, что ты — «не филологъ, а историкъ», что «филологія не твое дѣло»: и это справедливо; отъ этого-то и происходитъ особенность нѣкоторыхъ твоихъ утверждений о языкѣ, противъ которыхъ и возражать не для чего. Надѣюсь, что г. Бодянский — «законный судья» въ этомъ дѣлѣ — не откажется исполнить твое прежнее и мое нынѣшнее желаніе: выскажетъ свое мнѣніе о языкѣ Несторовой и послѣдующихъ Южнорусскихъ лѣтописей, и тѣмъ порѣшитъ нашъ споръ, съ *филологической* стороны. Тогда намъ можно будетъ приступить и къ заключенію вѣчнаго мира, который будетъ, какъ говорили въ древности, стоять до рати!

Во второмъ Отвѣтномъ письмѣ моемъ, я говорилъ съ тобою, какъ съ *историкомъ*; и хочу еще поговорить о предметѣ нашего спора—въ отношеніи *историческомъ*, увлекаясь на то любезнымъ заключеніемъ твоего втораго Отвѣта, что «говорить дѣло о дѣлѣ» — ты «всегда радъ» и со мною «еще болѣе, чѣмъ со всякимъ другимъ, но безъ предубѣждений». Поговоримъ же — и, во-первыхъ, о томъ историческомъ *предубѣжденіи*, которое нынѣ стало твоимъ *убѣжденіемъ*: о запусѣніи Кіевоперяславской земли или Украины въ нашествіе Батыево и заселеніи ея новопришлымъ народомъ.

Признаюсь, что отъ тебя особенно, какъ *историка*, я надѣялся новаго свѣта на темное для исторіи время Татарщины въ Кіевской землѣ, т. е. на два сорока лѣтъ, прошедшіе отъ Батыя до Гедимина; и надѣялся тѣмъ болѣе, что ты такъ рѣшительно распорядился Кіевскою землею на это время: вывелъ изъ нея коренныхъ обитателей, Полянъ, куда-то въ предѣлы

1) Русская Бесѣда 1857 г. кн. IV, стр. 22—35.

Сѣвернорусскіе; а въ нее перевелъ новыхъ поселенцевъ изъ Карпатовъ! Во второмъ Отвѣтномъ письмѣ я сталъ говорить: «Исторія Кіевоперяславской земли, отъ Батыя до Гедимина, примолкаетъ, и это естественно...» Ты, перебивъ на этомъ мою рѣчь, возгласилъ: «примолкаетъ — но не для всѣхъ. Имѣя уши слышати, слышитъ. Послушай же!» Я подумалъ при этомъ, что вотъ тутъ-то будетъ мнѣ отъ тебя благовѣстіе неслыханное... и что же? Ты съ такою важностью заставилъ меня прослушать отъ тебя все тѣ же извѣстные отрывки изъ Воскресенской лѣтописи и путешествія Платона Карпини ¹⁾; и ничего болѣе не далъ, на все восьмидесятилѣтіе Татарщины Кіевской! Дѣлать нечего; остановясь на приведенныхъ тобою отрывкахъ, я замѣчу тебѣ, что изъ нихъ совсѣмъ не видно предполагаемаго тобою *переселенія Полянъ изъ Кіевской стороны на Русскій Сѣверъ*, не видно и *запустѣнія Кіевоперяславской земли*, которое издавна въ такомъ ходу, у разныхъ писателей.

Воскресенская лѣтопись говоритъ о побѣгѣ князя Михаила въ Угры, а иныхъ въ *дальныя страны*: очевидно, въ страны не Русскія, а тѣ, въ которыхъ набѣдовался князь Михаилъ, и воротился въ Кіевъ. Но вѣдь эти, бѣжавшіе на чужбину — горстка, въ сравненіи съ цѣлымъ народонаселеніемъ, изъ которой впрочемъ частица (хотя и *ничтожная*, по твоему) все таки воротилась тогда же.

Воскресенская лѣтопись упоминаетъ далѣе о немилостивомъ избіеніи Татарами *затворившихся въ градѣхъ*. Вотъ это и есть собственно *опустошеніе* Татарами Русскихъ областей, всѣхъ равно, по которымъ только проходили; въ городахъ собственно и гибло народонаселеніе Русское, сопротивлявшееся Татарамъ. Сюда наиболѣе относится и извѣстіе Платона Карпини, что «*большая часть Руссовъ была побита или уведена въ плѣнъ Татарами*». Наши князья, будучи *въ волѣ Татарской*, сами присуждены бывали разорять свои города, напримѣръ, Волынскіе и Галицкіе, 1261 года. Но вѣдь города, несмотря на потерпѣнное разореніе, не пропадали, а возобновлялись, какъ въ Суздальской, Волынской, Галицкой земляхъ, такъ и въ Кіевской. Татары 1240 года побили *всѣхъ Кіевлянъ «отъ мала и до велика»* (говоритъ Суздальскій лѣтописецъ). Однако черезъ шесть лѣтъ, когда былъ Платон Карпини въ Кіевѣ, тамъ, по его словамъ, были и *тысяцкій*, и *бояре Кіевскіе*, и около 200 дворовъ жителей. И такъ городъ Кіевъ продолжался. Въ 1300 году «*весь Кіевъ разбѣжался*»; однако онъ опять сбѣжался. (Та же исторія, какъ и съ городами земли Суздаль-

¹⁾ Еще недавно, во 2-й книгѣ Записокъ Кулиша, г. Руликовскій доказывалъ опустѣніе Украины въ нашествіе Батыево, основываясь только на словахъ Платона Карпини.

ской, Волынской, Галицкой). Въ разореніе Кіева Батыемъ, разоренъ былъ *Печерскій монастырь*; однако черезъ всѣ 80 лѣтъ Татарщины продолжался непрерывный рядъ семи игуменовъ Печерскихъ; въ томъ числѣ были и краснорѣчивый, зѣло учительный *Серапіонъ*, поставленный въ епископы Владиміро-Суздальскіе (1274 г.), и *Аганитъ*, бывший (1288 г.) во Владиміръ-Волынскомъ, на погребеніи набожнаго князя Владиміра. Въ разореніе Кіева Батыемъ разоренъ былъ и *Выдубицкій монастырь*; и пишутъ намъ, что онъ послѣ того долго впусти лежалъ; однако мы знаемъ, что *недолго*, — что черезъ шесть лѣтъ, князь Даніиль, по пути къ Батыю «пришедъ въ домъ архистратига Михаила, рекомый Выдобичъ, и созва калугеры и мнискій чинъ, и рекъ *шумену и всей братьи*, да сотворятъ молитву о немъ; сотвориша, да отъ Бога милость получить; и бысть тако; и падъ предъ архистратигомъ Михаиломъ; изыде изъ монастыря въ лодьи» (*Вол. Лѣт.* подъ 1250 г.). Достаточно ли тебѣ, на первый разъ, этихъ указаній о Кіевѣ?

Ты указываешь мнѣ особенно на слова Платона Карпини, что *Канова*, т. е. *Каневъ* зависѣлъ *непосредственно отъ Татаръ*.

Я къ этому, пожалуй, прибавлю еще и сосѣдній городъ — *Переяславъ*: «и прииде (Даніиль) Переяславлю, и срътоша Татарове» (*Вол. Лѣт.*). Отсюда видно только, что въ этихъ городахъ распоряжались тогда Татары; но нисколько не видно *запустѣнія* Украины; не видно того именно, что ты выводилъ мнѣ отсюда: будто «Кіевопереяславскіе Поляне искали себѣ убѣжища и спасенія *на сѣверь*!» И откуда же это видно? — Ты называешь теперь *Полянъ* — *Великороссіянами*, говоришь мнѣ объ ихъ уходѣ на сѣверъ — «изъ-подъ перваго, такъ сказать, удара новыхъ, сильныхъ враговъ». Но если предполагать сколько нибудь единства въ народномъ *характерѣ* *Великороссійскомъ*, тогда и въ странѣ твоихъ «Кіевскихъ Великороссіянъ» (Полянъ) можно бы предполагать такое же явленіе, какое было въ странѣ Великороссіянъ Суздальскихъ, тоже испытавшихъ на себѣ «первый ударъ новыхъ, сильныхъ враговъ». Но отъ чего же въ Суздальской землѣ, — послѣ того, какъ въ 1239 году «бысть пополохъ золь по всей земли, не вѣдяху и сами кто гдѣ бѣжить» (Троиц., Сузд. Лѣт.), несмотря и на послѣдующія разоренія отъ Татаръ (напримѣръ, на новое взятіе 14-ти городовъ 1293 года) — отъ чего Суздальская земля осталась населенною своими туземцами, а твои «Кіевскіе Великороссіяне» послѣ такого же *пополоху* — покинули свой родимый край, и убрались безвозвратно куда-то на сѣверь?... Вотъ каковы у тебя — *Поляне!*

Наконецъ, въ приведенномъ тобою отрывкѣ изъ Воскресенской лѣтописи, говорится: «а иже крыяхуся въ пещерахъ, и въ горахъ, и въ лѣсахъ, *мало*

тѣхъ остася». Эти слова все таки не говорятъ ни о конечномъ запустѣніи Кіевоперяславской страны, ни о переселеніи древняго и кореннаго народа ея на сѣверъ. Мало остася!... Но въ Волынской лѣтописи находятся выраженія посильнѣе. Въ 1283 году Татаре Телебугины «*учиниша пусту землю Володимерьскую*». Далѣе: «и стояша на Львовѣ землѣ 2 недѣли, кормячесь, не воююче; и не дадахуть ни изъ города вылѣзти въ зажитые; кто же выѣхашеть изъ города, овы избиваша, а друзіи поимаша; а иныя, излупивше, пушачу наги, а тіи отъ мороза изомроша, зане бысть зима люта вельми; и учиниша землю пусту всю.... измре въ городѣхъ во остую *бесчисленое множество*, друзіи же *изомроша въ сельхъ*, вышедшіе изъ городовъ по отшествіи незаконныхъ Агарянь.... Левъ князь сочте колко погибло во его землѣ людѣй: што поимано, избито, и што ихъ Божіею волею изъмерло, *полтретьинадесятъ тысячи*». Видишь ли, несмотря на *безчисленное множество* только умершихъ въ осадѣ, на учиненіе *пустою всей земли* — оказалось на повѣрку всего на всего — $12^{1/2}$ тысячъ погибшихъ, въ томъ числѣ и полоненныхъ; и въ *опустошенныхъ* тогда татарами земляхъ Владимірской и Львовской оставалось населеніе столь значительное, что для князей было кѣмъ воевать и сосѣдей и другъ друга. — Гиперболическихъ выраженій лѣтописца не слѣдуетъ принимать всегда въ буквальномъ смыслѣ, и особенно для такихъ заключеній, каково — опустѣніе и безлюдье Кіевоперяславской земли. Постоянная людность земель Суздальской, Волынской, Галицкой, при всѣхъ разореніяхъ отъ Татаръ, при всей *воль Татарской* въ то время надъ Русью, не дозволяетъ намъ допускать обезлюденія и въ землѣ Кіевоперяславской. Когда Батый прошелъ отъ Кіева до Галича, разоривъ много городовъ — «имъ же нѣсть числа» — земля позади его не осталась *безлюдною*; и онъ, конечно, зналъ это, если Димитрій тысяцкій Кіевскій могъ говорить ему: «земля ти есть сильна; сберуться на тя, и не пустятъ тебе въ землю свою!»¹⁾.

1) Эти слова изъ *Волынской лѣтописи* заимствованы въ позднѣйшую Воскресенскую лѣтопись, вмѣстѣ съ другими выраженіями о нашествіи Батыя на Кіевъ, Волынь и Галич (лѣтописи Суздальская и Троицкая ими не воспользовались). Потомъ, листовъ черезъ шесть, Воскресенская лѣтопись, приступивъ къ подробному описанію убіенія Михайлова, повторяетъ нѣчто изъ написаннаго уже выше, и прибавляетъ *отъ себя* слова, приведенныя тобою мнѣ, заключая такъ: «*Мало тѣхъ остася; тѣхъ же не по количѣхъ, временихъ оставиша во градѣ, сочтоша я въ число, и начаша на нихъ дань имати*». Можно ли жѣ такими словами позднѣйшаго Сѣверно-Русскаго лѣтописца доказывать столь отважную гипотезу, какъ *запустѣніе* Кіевской земли въ нашествіе Батыево! — Такъ и слова Карпини о избіеніи и полоненіи Татарами *большой части* Руссовъ, относятся не собственно къ землѣ Кіевской, а ко всей Южной Руси, по которой онъ проѣхалъ отъ князя

Города и села были разоряемы Татарами, и вновь строились; люди разбѣгались, и вновь сходились въ свои города и села: такая тревожная жизнь была долею многострадальной Украины на нѣсколько вѣковъ и послѣ того, какъ съ отвоеваніемъ Кіевской земли Гедиминомъ у Татаръ (1320 г.), минулась ихъ воля; но ихъ набѣги продолжались изъ вѣка въ вѣкъ, казалось, нескончаемо. Народъ Украинскій, такъ же какъ и Волынскій, и Галицкій, убывалъ сотнями и тысячами, отъ схватокъ съ Татарами, отъ хищнаго полоненія ими; однако народонаселеніе Украины, такъ же какъ и Волыни и Галича, все продолжалось по прежнему, какъ продолжается донинѣ, въ стародавнихъ городахъ и селахъ, приумножавшихся новонаселенными. Я не вижу, и ты не указалъ мнѣ, даже слѣда того посполитаго переселенія Полянскіи, Кіевопереяславскіи Руси на Русскій сѣверъ, въ 80-лѣтіе Татарщины, о которомъ толкуешь ты, въ своей Новороссійской системѣ. А что ты, въ дополненіе къ помянутымъ отрывкамъ изъ Воскресенской лѣтописи и Плато-Карпини, указываешь мнѣ на вызваннаго Московскимъ княземъ на службу *Кіевскаго* вельможу Родіона Нестеровича, вышедшаго съ 1700-ми князатъ и дѣтей боярскихъ, то это было 1332 года, уже послѣ Татарщины Кіевскіи, уже изъ-подъ власти Литовскіи. И такъ, это не относится къ посполитому переселенію Полянъ въ сѣверную Русь, во избѣжаніе тяготы Татарскіи. Этотъ выходъ Нестеровича свидѣтельствуешь о значительной населенности Кіевскіи стороны въ первую половину XIV-го вѣка; но онъ не имѣетъ вліянія на нашъ вопросъ, такъ же, какъ не имѣетъ его, по твоему, выходъ Подольскіи Руси въ Карпаты, бывшій того же XIV-го вѣка, подъ знаменемъ Каріатовичей; наконецъ, по твоей новой системѣ, выходцы Нестеровичевы должны принадлежать не къ древнимъ Полянамъ, а къ твоимъ новопришлымъ Карпатцамъ.

Василька, изъ Владиміра-Волынскаго въ Кіевъ. А потому изъ тѣхъ словъ можетъ быть выводимо заключеніе о запустѣніи *Кіевскіи* земли на столько жъ, не болѣе, какъ и земли *Волынскіи*. Приими въ соображеніе и то, что Плато-Карпини отъ *первой Татарскіи заставы*, на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ кочевалъ Куремша, — ѣхалъ до Кіева (на обратномъ пути, *шесть* дней. На этомъ расстоянніи, и ниже селенія *Кановы* (Канева) были подобныя же селенія (villae), изъ которыхъ въ одномъ былъ тогда начальникомъ *Михей*, провожавшій путешественника до *первой Татарскіи заставы*. Это было, очевидно, на пространствѣ между рѣками *Росью* и *Тясминомъ*, которое въ XII-мъ вѣкѣ принадлежало уже къ Кіевскому княжеству и на которомъ были уже города и селенія Русскіи, въ томъ числѣ и *Боровый* (впослѣдствіи *Боровица*). А ты, въ изслѣдованіяхъ своихъ, границею Кіевскаго княжества, полагаешь р. *Рось*. Прибавь до р. *Тясмина*! Тамъ былъ въ древнее время и Русскій монастырь — *Мотренинскій*, въ которомъ трапезную церковь освящалъ Переяславскій епископъ *Павель*, около 1200 года. Вотъ тебѣ еще одна новость о нашей старинѣ!

По твоей Новороссійской системѣ выходитъ, что старобытный народъ Кіевоперяяславской земли уходитъ изъ нея навсегда, куда-то въ сѣверную Русь «изъ-подъ перваго, такъ сказать, удара» Татарскаго; а Карпатцы твои нарочно идутъ, на мѣсто Полянъ, чтобы подклонить свои головы подъ ярмо Татарское. Вотъ каковы у тебя *Карпатцы!*

Да и какое есть у тебя свидѣтельство историческое на это Переселеніе Малороссіянь изъ Карпатовъ на Днѣпръ, въ вѣкъ Татарщины? Ты не представилъ мнѣ даже и намека историческаго на это переселеніе. И не есть ли оно у тебя столь же произвольная *выдумка*, какъ у другихъ — заселеніе опустѣлой Украины «бѣглецами Литовскими! — Тутъ я dokonчу вышепомянутую рѣчь моего «Отвѣта», прерванную тобою на словъ: *примолкаеть....* «Но эта мгла Татарскаго вѣка не должна служить мутною водою для рыболовства, на кормленіе всяческихъ историческихъ выдумокъ. По отрывочнымъ извѣстіямъ, какія сохранились о томъ вѣкѣ Татарщины, видно, что въ Кіевоперяяславской Руси продолжался все тотъ же народъ, и тотъ же старый бытъ народный, въ прежнихъ городахъ и селахъ.»

Что же касается до Тиверцовъ, Болоховцевъ, Дулѣбовъ, то я указалъ тебѣ на нихъ и предоставилъ тебѣ забрать ихъ себѣ, но только подъ условіемъ: «еще совѣсть не зазритъ» — и только на тотъ случай «если тебѣ уже непременно хочется пополнить Великороссійское населеніе переселенцами съ Русскаго юга, по нашествіи Батыевомъ». Понимаешь? А ты и радъ случаю, и безъ зазрѣнія исторической совѣсти забираешь къ себѣ на сѣверъ Тиверцевъ, Болоховцевъ, даже Дулѣбовъ, по нашествіи Батыевомъ.... Поздравляю! Между тѣмъ сообщу тебѣ, что остатки необъясненныхъ еще *Болоховцевъ*, по стариннымъ актамъ — оказываются переходящими на житье въ предѣлы Кіевского воеводства, въ XVI-мъ вѣкѣ. Припомню еще тебѣ, что Украинцы назывались у Сѣверянь *Полянами* и въ XVIII-мъ вѣкѣ.

Лѣтъ за 12, когда ты, даже и въ Изслѣдованіяхъ своихъ, раздѣлялъ и поддерживалъ наше мнѣніе, что «Поляне были *Малороссіяне*», ты въ Москвитянинскомъ отвѣтѣ своемъ называлъ мнѣ *Малороссіяниномъ* даже Андрея Боголюбскаго. Это, конечно, было напрасно; ибо князь Андрей, питомецъ и любитель земли Суздальской, не представляетъ въ себѣ ничего малороссійскаго. Теперь, когда у тебя древніе Поляне признаны уже за *Великороссіянь*, теперь у тебя не только Мономахъ есть «характеръ чисто Великороссійскій», но и обо всѣхъ трехъ стахъ князей Русскихъ до-Татарскаго времени ты говоришь мнѣ *рѣшительно*: «это все *Великороссіяне!*» Вотъ это другая крайность: какъ будто ты никакъ не можешь обходиться въ наукѣ безъ крайностей и односторон-

ности! Но ты напрасно говоришь, будто сіе новое твое утвержденіе о *Великороссіянствѣ* всѣхъ Древнерусскихъ князей явилось у тебя «на основаніи знанія» — о различіи между характеромъ Великороссійскимъ и Малороссійскимъ. Нѣтъ, это знаніе еще такое неопредѣленное и для тебя самого такое сбивчивое, что на немъ собственно не можно было основать столь смѣлаго заключенія обо *всѣхъ* князьяхъ, особенно тебѣ, которому *Норманство* Рюрика видится и во внукахъ и въ правнукахъ его. Ты говоришь еще, что къ своему *рѣшительному* заключенію о князьяхъ: «это все Великороссіяне» — ты пришелъ «пройдя жизнь трехъ сотъ удѣльныхъ нашихъ князей, вдоль и поперекъ». Не воображай себѣ однако, чтобы пройденная тобою *жизнь* князей дала тебѣ такой выводъ! Запасъ лѣтописнаго сказанія о жизни князей извѣстенъ весь; изъ него очень видно, на сколько можно изъ него прямо и непосредственно выводить характеристику каждаго изъ трехъ сотъ князей. Если уже можно различіе Русскаго племени — на Великую, Малую, Бѣлую Русь, распространять и на племя Древнерусскихъ князей нашихъ, то это можно только на соображеніи: въ какой Русской области выросли и княжили какіе князья, — допуская народное вліяніе на нихъ туземства. На этомъ основаніи, никакъ нельзя обо *всѣхъ* князьяхъ говорить рѣшительно: «это все *Великороссіяне*». Съ достаточнымъ вѣроятіемъ и правомъ ты можешь говорить это только о князьяхъ, выроставшихъ и княжившихъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ народонаселеніе было издревле *Великороссійское*, на примѣръ, о князьяхъ Суздальскихъ, начиная хоть съ Андрея Боголюбскаго. Но князей, выроставшихъ и княжившихъ въ землѣ Волынской, Галицкой, гдѣ и ты все еще признаешь народонаселеніе *Малороссійское* издревле, этихъ князей и тебѣ слѣдуетъ признать — за *Малороссіянъ*. Наконецъ, племя Полоцкихъ князей надо признать за *Бѣлоруссовъ*, если ты признаешь особенность *бѣлорусской* народности еще въ древнее время (чего и не признать, кажется, не можно). А князей, выроставшихъ въ Переяславѣ и Кіевѣ, ты можешь себѣ считать *Великороссіянами*, пока будутъ у тебя считаться Великороссіянами наши Южнорусскіе Поляне. Вотъ ограниченіе, какое, мнѣ кажется, надо положить твоему нынѣшнему наведенію Великороссіянства на всѣхъ Древнерусскихъ князей.

Р. S. — По содержанію твоего втораго Отвѣта, я не могу не замѣтить въ тебѣ перемѣны, какой и не предполагалъ я, живя отшельникомъ въ моей Надднѣпровской глуши и вступая съ тобою въ ученый споръ. Ты, при отходѣ Москвитянина въ царство мертвыхъ, уже прибѣгаешь къ той методѣ, которую ты называлъ мнѣ «телеграфскою»: ты иногда пе-

реиначиваешь мои слова и придаешь мнѣ не мои понятія; вмѣсто того, чтобы опрокинуть меня или самому отступить, ты нерѣдко отводишь споръ въ сторону, заговариваешь не объ томъ, въ чемъ дѣло, лишъ бы какъ нибудь показаться правымъ или одолѣвшимъ. Приведу тебѣ четы-ре примѣра, если ты, играя въ свое любимое сравненіе Славянскаго пле-мени съ растасованною колодою картъ, все еще требуешь отъ меня «*ту-зовъ-доказательствъ*» — не довольствуясь прежними.

Примѣръ 1. — Въ доказательство, что Малороссійскіе лѣтописцы древніе и новые переводили *живыя* рѣчи своихъ героев на языкъ *Церковносла-вянскій*, я привелъ тебѣ, между прочимъ, весьма извѣстныя ¹⁾ слова Иго-ря Святославича: «тайны Божія никто же вѣсть». Ты въ Отвѣтъ своемъ вотъ что сказалъ на это: «Что касается до рѣчи Игоревой *въ Кіевъ* (тай-ны Божія никто же вѣсть), то подъ 1186 г. я не нахожу ея: не записалъ ли ты ея въ первую эпоху историческихъ занятій въ 1820—1821 году?» Ты ли говоришь это, поставляющій себя мнѣ въ примѣръ *безпристрастія*, говорящій, что и въ своихъ отвѣтахъ мнѣ — ты имѣешь въ виду преи-мущественно *молодыхъ* друзей науки! Вѣдь ты хорошо знаешь, что Иго-рева рѣчь была у рѣки *Донца*, 1 мая 1185 года. За чѣмъ же ты по-ставилъ: *въ Кіевъ*? За чѣмъ говоришь: «не нахожу ея подъ 1186 го-домъ» — когда ты долженъ былъ найти ея подъ 1185 годомъ, на 130 страницъ *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей* т. II? Я записалъ тебѣ слова Игоревы не въ 1820—1821 году (когда мы были студентами), а въ 1857 году когда мы съ тобою давно уже отстали и отъ профессор-ства); вмѣсто немудрой цитаты на 130 страницу и 1185 годъ, я напи-салъ тебѣ вотъ что: «такъ и лѣтописецъ Кіевскій, полагаю въ 1186 го-ду, когда Игорь, *воротившійся изъ плѣна* въ свой Новгородъ-Сѣвер-скій, *въ Кіевъ*, передалъ живую рѣчь его по-церковно-славянски...» Тутъ я тебѣ, какъ историку-исслѣдователю, передалъ мое замѣчаніе, что у Кіевскаго лѣтописца, хотя весь походъ Игоря, и плѣнъ его, и прїѣздъ въ Кіевъ послѣ плѣна, помѣщены подъ однимъ 1185 годомъ, но писалъ онъ это позднѣе «*полагаю 1186 года*», когда Игорь прїѣзжалъ *въ Кіевъ* къ Святославу и Рюрику. Этимъ замѣчаніемъ я хотѣлъ, собствен-но тебѣ, дать знать, что, въ твоемъ Словарѣ Князей, возвращеніе Игоря изъ плѣна и посѣщеніе Кіева — напрасно положены въ 1185 году, и только потому, что въ Кіевской Лѣтописи положено такъ. Ты не разоб-ралъ, что вторая половина событій съ Игоремъ относится къ 1186 году, и мое замѣчаніе преклонныхъ лѣтъ ты отнесъ къ годамъ юности...

1) Ими пользовался и г. Мей, въ своемъ переводѣ Игоревой Пѣсни.

«А чи диво ся, братіе, стару помолодити!» Также точно ты не разобралъ, что набѣгъ Игоря на Половцевъ за р. Мерломъ относится къ 1184 году, и поставилъ его, при четырехъ князьяхъ — подъ 1183 годомъ, даже съ поправкою на 1182! А что въ лѣтописи весь походъ Игоря на Каялу, бывшій 1185 года, описанъ позднѣе этого года (полагаю 1186-го), на это приведу тебѣ еще вотъ какую примѣту. Описывая побоище на Каялѣ 1185 года 5 мая (такъ я опредѣлилъ, сличеніемъ Кіевской лѣтописи съ Игоревою Пѣснію), лѣтописецъ говоритъ: «тогда же на полчищи Кончакъ поручися по свата Игоря» (стр. 131). А они сватами тогда еще не были; Игоревичъ женился на Кончаковнѣ уже послѣ побѣга отца своего изъ плѣна (см. конецъ Игоревой Пѣсни); ясно, что лѣтописецъ, называя Игоря Кончаковымъ сватомъ, описывалъ происшествіе послѣ. Укажу тебѣ еще бѣльшій анахронизмъ въ Кіевской лѣтописи подъ тѣмъ же 1185 годомъ: Рюрикъ названъ «великимъ княземъ»; ясно, что прибавка принадлежитъ позднѣйшему почерку пера, бывшему уже по смерти Святослава Всеволодовича.

Примѣръ 2. — Когда ты, въ духѣ и манерѣ покойныхъ скептиковъ, заговорилъ (въ письмѣ къ Срезневскому), что Несторъ не могъ знать и писать *по-церковнославянски*, я указалъ тебѣ на писавшихъ и знавшихъ у насъ по-церковнославянски прежде Нестора, особенно на діакона Григорья и дьяка Іоанна. Ты сперва возразилъ мнѣ, что они «переписывали, а не писали». Я указалъ тебѣ на послѣсловія, которыя они писали, и которыя для филологовъ очень важны. Ты на это возражаешь: «да Малороссійскаго-то нѣтъ въ нихъ ни слуху, ни духу — ни единого слова!» Да вѣдь я тебѣ и указалъ на нихъ не въ доказательство Малороссійскаго, а во свидѣтельство умѣнья писать *по-церковнославянски*. При томъ же, діаконъ Григорій былъ не Кіевлянинъ, а Новгородецъ; слѣдственно, тебѣ напрасно было искать въ немъ «слуху и духу Малороссійскаго»; въ немъ надо было искать слѣдовъ *Великороссійскихъ*, слѣдовъ нарѣчія Новгородскаго; и я тебѣ указывалъ на нихъ (см. Филологическія письма). Подобно тому, когда мнѣніе Срезневскаго о происхожденіи Малороссійскаго нарѣчія въ послѣтатарское время — ты провозгласилъ *новостью неслыханною*, и укорилъ всѣхъ журналистовъ и профессоровъ Словесности за ихъ равнодушіе къ этой новости, отъ которой, по твоему, долженъ былъ взволноваться нашъ учено-литературный міръ, я, въ успокоеніе тебя, замѣтилъ, что это мнѣніе не новое, что оно было у насъ давно въ ходу, и показалъ это выписками изъ Граматина, Греча, Сахарова, даже Симоновскаго. Тебѣ надо было сознаться, что ты ошибся, выдавая старое мнѣніе за *неслыханную новостъ*; въ

этомъ все дѣло. Но ты, вмѣсто признанія своей ошибки, придумалъ отвѣчать вотъ что: «утвержденія Симоновскаго, Сахарова, Граматина и Греча объ относительной новости Малороссійскаго нарѣчія, по безъотчетности своей и отсутствію всякой ученой формы, никакъ не идутъ въ сравненіе съ Лавровскимъ и Срезневскимъ, которые представили филологическія доказательства, основанныя на законахъ языка». Послушай: дѣло только о *новости* и *неслыханности* этого «мнѣнія. А достоинство его у Срезневскаго и Лавровскаго ты опредѣлил самъ, сказавъ, что оно *не вѣрно*. Для сущности дѣла, для истины, нѣтъ большой разницы въ томъ, что *невѣрное* мнѣніе ходило сперва запросто, а теперь выступило съ важностью ученой формы и законности!

Примѣръ 3. — По содержанію и ходу нашего спора (котораго предметъ многосложный), во второмъ Отвѣтномъ письмѣ (котораго содержаніе все *историческое*) — я указалъ въ твоёмъ Словарѣ князей полдюжины *ошибокъ* существенно важныхъ, и кромѣ того, далъ тебѣ новое и, надѣюсь, удовлетворительное объясненіе неразгаданной историческою критикою рѣчки *Съжицы*. Къ этому я побужденъ былъ твоимъ заманчивымъ вопросомъ: «Квитъ ли»? и моею готовностью воздать тебѣ седмерицею. Положимъ, что это съ моей стороны была уже излишняя щедрость; но отъ тебя, какъ ученаго изслѣдователя древней исторіи и географіи Русской и какъ автора Словаря князей, я въ правѣ былъ ожидать, что за поправки мои ты скажешь мнѣ: спасибо ¹⁾, подобно тому какъ я объявилъ тебѣ мою благодарность за поправку моей обмолвки о князѣ *Юрьичь*. Но ты отвѣчалъ мнѣ вотъ что: «ты позабылъ только, что счетъ долженъ заключаться въ предѣлахъ статей объ языкѣ и залъзъ въ мой Словарь. Не собралъ ли ты еще на досугѣ какихъ *опечатокъ* въ Москвитянинѣ за 15 лѣтъ, сообщи».... При такомъ отвѣтѣ мнѣ вспомнулся твой знаменитый афоризмъ: «родъ человѣческой идетъ *диагонально*»!

Не ты ли самъ зазвалъ меня въ Словарь твой, заговоривъ о немъ въ первомъ отвѣтѣ, дабы самому замолвить о немъ словцо, жалуясь на молчаніе о немъ всѣхъ библіографовъ Русскихъ! Такъ теперь ты заговорилъ о своемъ Москвитянинѣ, дабы самому восписать ему хвалу, жалуясь на какія-то «вражьи вопли»; а между тѣмъ, рѣчью объ Москвитянинскихъ опечаткахъ, ты отводишь отъ ошибокъ Словаря! Заключиться въ предѣлахъ статей объ языкѣ мнѣ нельзя было; ибо какъ въ твоёмъ письмѣ къ Срезневскому «О древнемъ Русскомъ языкѣ», такъ и въ тво-

¹⁾ Ты, въ предисловіи Словаря, говорилъ, что всякое указаніе на ошибки въ немъ, какъ бы оно ни было мало, примешь съ *благодарностью*.

емъ первомъ отвѣтъ на мои «Филологическія письма» содержитъ много соображеній *чисто-историческихъ*. Что касается до *опечатокъ* въ твоёмъ Москвитянинѣ, то я встрѣчалъ ихъ множество, только ихъ не отмѣчалъ. Но твой Словарь князей я читалъ съ карандашемъ въ рукѣ, и отмѣтилъ *болѣе полусотни* — не опечатокъ, а настоящихъ *ошибокъ* и *неисправностей* въ постановкѣ годовъ и именъ собственныхъ. Если хочешь, я сообщу тебѣ со временемъ мои поправки Словаря, который я очень люблю, и желаю ему всевозможнаго совершенства.

Примѣръ 4. — Недоумѣніе твое, почему у Малороссійскаго народа не воспѣвается нынѣ князь Володимеръ, наравнѣ съ героями козаччины, я разрѣшилъ тебѣ, кажется, удовлетворительно — тѣмъ, что «у народа Малороссійскаго, которому вмѣстѣ съ Кіевомъ достались и священные остатки Володимера подъ развалинами его Десятинной церкви, онъ запечатлѣлся второю половиною своей великой жизни, какъ *Святый Володимеръ*, какъ *Равноапостольный князь*» (см. Фил. письма). Отъ того-то у Малороссійскаго народа нынѣ князь Володимеръ воспѣвается на ряду съ другими святыми лицами, какъ въ церковныхъ пѣсняхъ, такъ и въ стихахъ, называемыхъ *набожными*. Но я говорилъ тамъ же (въ Фил. письмахъ): «нельзя и сомнѣваться, что *въ Кіевѣ*, на пирахъ Володимеровыхъ, пѣлись пѣсни и Малороссійскими и Великороссійскими пѣвцами». Тамъ же: «Что сказанья и пѣсни о пирахъ Володимеровыхъ и другихъ его похожденіяхъ были *и здѣсь на Украинѣ* въ древнее время, то видно изъ *лѣтописи нашего Нестора*, гдѣ говорится»... (указаны слова Нестора о единоборствѣ Переяславскаго отрока, о *Кіевскихъ пирахъ*).

Какъ же переименовано мое мнѣніе во второмъ твоёмъ отвѣтѣ! «Ты объясняешь тѣмъ, что пѣсни о Володимерѣ, какъ ласковомъ гостепріимцѣ, произошли изъ Новгорода»... Да, я такъ думаю о пѣсняхъ *Великороссійскихъ*, разумѣя древнѣйшія между ними, первоначальныя. — «А *въ Кіевѣ* онъ былъ славенъ, де, *только своею святостію*». Нѣтъ, я не говорилъ этого, я говорилъ не это! И какъ странно для меня дальнѣйшія твои слова: «Помилуй! да пиры-то Володимеровы гдѣ описаны? Пиры Володимеровы описаны, кромѣ пѣсенъ, въ Кіевской лѣтописи, у *Нестора Послушай-ка* его!» И ты выписываешь мнѣ сполна тѣ самыя слова Нестора о пирахъ Кіевскихъ, на которыя я тебѣ указывалъ въ Филологическихъ письмахъ, и прибавляешь: «стыдись такого натянутого объясненія!» (То есть, *натянутого* тобою объясненія!)

Не лучше и весь твой финалъ о лѣтахъ Володимерова княженія въ Новгородѣ. Въ моихъ письмахъ я назвалъ оное *десятилѣтіемъ*, означая крайними годами: съ 970 по 980. Тебѣ не для чего было и привязывать

ся къ этому; ибо и самъ ты, въ Словарѣ князей, въ спискѣ князей по удѣламъ, гдѣ означаются иногда полугодовые и даже меньшіе перерывы въ княженіяхъ, ты также поставилъ въ *Новгородъ*: «Володимеръ Святославичъ... 970—980» (стр. XXXII). Но во второмъ отвѣтѣ своемъ, ты вздумалъ высчитывать у Владиміра годы изъ его *дѣсятильтняго* княженія въ Новгородѣ и говоришь мнѣ: «И какихъ *десять* лѣтъ считаешь ты въ Новгородѣ? Припомянувъ мнѣ о побѣгѣ Владиміра за море и походѣ на Рогволода Полоцкаго, ты продолжаешь: «сколько же остается Владиміру быть въ Новгородѣ? Лѣтъ *пять* — и какія же *пять* лѣтъ? Лѣта — *отрочества*, когда *никакого гостепріимства* не могло еще въ немъ обнаружиться».

Послушай! Если уже ты вздумалъ высчитывать лѣта, проведенныя въ отлучкахъ изъ Новгорода, то надо было сдѣлать это вѣрно. А ты вычелъ у Владиміра *два* года лишнихъ! Вѣдь онъ началъ княжить въ Новгородѣ съ 970 года, а бѣжалъ за море 977-го, слѣдовательно черезъ *семь* лѣтъ своего княженія въ Новгородѣ. Какъ же ты назначаешь всего *пять* лѣтъ? А что Владиміръ бѣжалъ къ Варягамъ черезъ *семь* лѣтъ своего Новгородскаго княженія, то видно и по твоему Словарю: «977. Услышавъ объ убіеніи брата *Ярополка*, бѣжалъ за море» (стр. 9). Тутъ, вмѣсто брата *Ярополка*, поставилъ слѣдовало: брата *Олега*! Между тѣмъ, воротаясь съ Варягами, Владиміръ «*спѣде* въ Новгородѣ» — потому разумѣется, что онъ все еще былъ — князь *Новгородскій* (980 года); пошелъ онъ на Полоцкаго князя съ Варягами и Новгородскими славянами, тоже, какъ *Новгородскій князь*. И взялъ онъ тогда себѣ женою Рогнѣду Рогволодовну. Припомни, вслѣдъ за тѣмъ, Грекиню Ярополковую, и прочая.

Ясно, что Владиміръ былъ уже возмужалый и для важныхъ подвиговъ и для супружества; а ты представляешь его въ такомъ *отрочествѣ*, что не могло еще въ немъ обнаружиться «никакого гостепріимства»! И говоришь мнѣ въ заключеніе: *слѣдовательно* — не слишкомъ ли *отважно* ты спрашиваешь у меня — нѣтъ ли еще какого недоразумѣнія? Есть, но справься прежде съ *данными*! — Итакъ — все еще *есть* у тебя *недоумѣніе*! Отваживаюсь спросить: какое же именно? На этомъ вопросѣ я прекращаю всю мою съ тобою ученую распрю, и въ заключеніе скажу словами нашихъ древнихъ междоусобствовавшихъ князей: «Мы есмы не Угре ни Ляхове; но единаго дѣда есмы внуци!»

Vale et nos ama!

Москва, 22 сент., 1857 г.

Киев – есть памятник первоначального,
священного величия славянина,
небывалого развития умственной жизни
и просвещения... мужественной борьбы
против иноземных захватчиков.
Его имя всегда будет звучать
прадедовскою славою...

М. А. Максимович

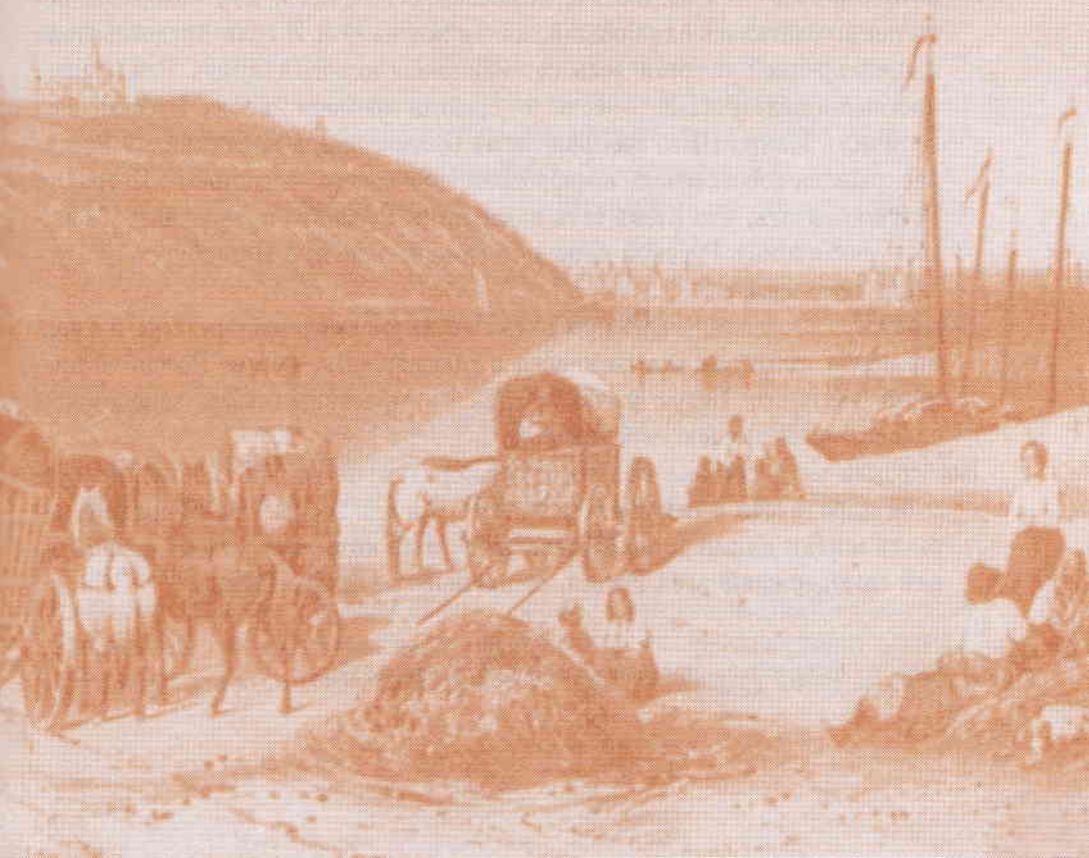

Частина II

Твори

з

ІСТОРІЇ
КИЄВА

Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи ¹⁾

*Рѣчь, въ Торжественномъ Собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Университета св. Владімира
2 октября, 1837 года, произнесенная профессоромъ Русской Словесности
Михаиломъ Максимовичемъ*

И рече (Андрей) къ сущимъ съ нимъ ученикомъ:
«видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ
возсіяетъ благодать Божья, имать градъ великъ
быть, и церкви многи Богъ въздвигнути имать!»
Въшедь на горы сія, благослови я,
постави крестъ....

Несторъ

Среди множества городѣвъ обширной Русской Имперіи — Кіевъ, Москва и Петербургъ возвышаются какъ три великіе памятника трехъ великихъ періодовъ Русской жизни. Это три средоточія, изъ которыхъ Русская жизнь, въ свое древнее, среднее и новое время, развивалась особенно, но всегда съ одинаковою, могучею и широкою силою; три исполинскія ступени, по коимъ Россія, съ помощію Божіею, взошла на настоящую высоту своего величія.

Три города сіи, бывъ стольными городами нашего отечества, служили ему источниками тѣхъ великихъ, незыблемыхъ началъ, изъ которыхъ постепенно слагалась одна общая, цѣлая жизнь его. И если представитель нашей древней исторіи есть св. Равноапостольный князь Владиміръ, *просвѣтитель* Россіи, — если въ среднія времена народъ Русскій возвеличилъ Іоанна III-го *собирателемъ Отчества*, а новая жизнь Россіи раскрывала собою мысль *преобразователя* своего — великаго Петра: то можно сказать, что Кіевъ есть памятникъ Русскаго православія, Москва — памятникъ Русской народной самобытности, а Петербургъ — Русскаго самодержавія.

Петербургъ, составляя нынѣ престолъ Русскаго самодержавія, есть и представитель той гражданственности и просвѣщенія, коими Россія со времени великаго Петра уравнивалась съ просвѣщеннымъ западомъ и содѣлалась имперіею европейскою.

Но Москва не перестала отъ того быть средоточіемъ той собственно-Русской народности и самобытности, которыя она воспитала въ средній періодъ жизни для царства Московскаго, и на которыхъ утверждалось въ ней самодержавіе всея Россіи, со временъ великаго Іоанна.

1) Рѣчь эта была издана отдѣльною брошюрою. Кіевъ. 1837 г.

А Кіевъ и понынѣ есть главное мѣсто Русской святыни, и для цѣлой Россіи не утратилъ того церковнаго величія, которое составило первую основу всего величія Русскаго, изъ котораго развилась, которымъ спаслась и утвердилась народная самобытность Руси православной.

Въ Кіевъ не спѣшитъ Россія съ своими гражданскими цѣлями, и не движется она здѣсь тѣмъ непрестаннымъ движеніемъ, съ которымъ она въ Петровомъ градѣ такъ быстро, непрестанно стремится и дѣломъ, и мыслию къ будущему своему величію, вслѣдъ за державнымъ исполиномъ-всадникомъ.

Въ Кіевъ Русское сердце не порадуется тѣмъ полнымъ біеніемъ своенародной жизни, которая въ настоящей полнотѣ своей разливается въ Москвѣ бѣлокаменной: и въ великомъ Кремлѣ ея — среди священныхъ соборовъ, у подножія Ивана Великаго, у Краснаго крыльца и Грановитой палаты, — и на Красной площади — близъ Минина и Пожарскаго, въ шумныхъ рядахъ — куда стекается и гдѣ кипитъ Русская промышленность и Русское довольство во всей народной, яркой пестротѣ своей.

Но зато никуда кромѣ Кіева не притекаетъ Россія отъ востока и запада, отъ сѣвера и полудня своего, для молитвы и святыхъ воспоминаній. Цѣлыя тысячи Русскихъ, отложивъ житейское попеченіе, идутъ набожно поклониться первымъ праведникамъ — святымъ угоникамъ Печерскимъ и святой главѣ равноапостольнаго просвѣтителя Россіи; идутъ побывать на тѣхъ *святыхъ мѣстахъ*, откуда идетъ Русская земля, — у той величественной рѣки, гдѣ приняла она святое крещеніе — на тѣхъ горахъ и удоляхъ, гдѣ раскрывалась богатырская юность ея, и гдѣ древняя жизнь Руси оставила намъ нетлѣнныя мощи первыхъ поборниковъ нашего православія, да живое слово преданія — въ завѣтъ будущаго своего величія.... И нигдѣ такъ живо не чувствуешь древняго величія Руси, какъ въ Кіевѣ, глядя на его святые храмы и высоты прекрасныя.

Источникъ нашей древней жизни, Кіевъ есть и главное мѣсто живѣйшихъ объ ней воспоминаній, главный хранитель нашего прошедшаго.

Да позволено же мнѣ будетъ — торжественному собранію сему въ новомъ храмѣ наукъ, посвятить воспоминанія и мысли мои объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи.

Не дивное ли самое начало Кіева?...

По преданію церкви, освященному тысячелѣтнимъ вѣрованіемъ Русскихъ и согласному съ свидѣтельствомъ историческимъ о проповѣданіи Андрея Первозваннаго въ странахъ Днѣпровскихъ, — святой апостоль благо-

словиль горы Кіевскія, и водрузилъ крестъ, и предрекъ: «яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, — иматъ градъ великъ бытъ, и церкви многи Богъ воздвигнути иматъ».

И такъ, первымъ началомъ Кіева былъ крестъ Первозваннаго апостола, въ первый вѣкъ христіанства; а его благословеніе горамъ было вѣрнымъ залогомъ священнаго величія сей матери городовъ русскихъ.

И созданъ городъ Кіевъ, въ неизвѣстное для исторіи время, княземъ Словенъ Днѣпровскихъ. Но исполнить пророчество апостола суждено было Руссамъ.

Черезъ восемь вѣковъ, Варяжскій князь Рюрикъ идетъ на княженіе къ Словенамъ Новгородскимъ, въ числѣ дружины своей ведетъ онъ Русь отъ Балтійскаго моря; а въ Царьгородъ, въ тоже время, готовится уже Словенскій переводъ священныхъ книгъ, въ которомъ Руссамъ суждено было найти источникъ всего просвѣщенія своего — и вѣры, и грамоты, и языка величаваго, и котораго дальнѣйшее распространеніе и усовершеніе предоставлено было Россіи. Черезъ два года, съ Оскольдомъ и Диромъ Русь переходитъ изъ Новагорода къ Словенамъ Днѣпровскимъ, водворяется въ Кіевъ, со славою утверждаетъ здѣсь свое имя, и здѣсь полагается начало Русской земли ¹⁾. Черезъ два года, эти Русскіе князья Кіева, по обычаю Варяжскому, идутъ съ Русью въ Царьгородъ за добычею, и возвращаются въ Кіевъ съ безцѣннымъ сокровищемъ вѣры Христовой, дарованной имъ грознымъ и вмѣстѣ благотворнымъ дѣйствіемъ святой Богоматери, покровительницы Кіева; и отъ патріарховъ Цареградскихъ они принимаютъ уже себѣ священнослужителей, и знаменитый первосвященникъ восточной церкви хвалится обращеніемъ Руси....

Вотъ зарожденіе Русской земли въ Кіевъ, съ самаго начала своего уже христіанской; и могила перваго Русскаго князя въ Кіевъ — была страдальческая могила христіанина (могила Оскольдова)!

Вѣщій Олегъ, сдѣлавшись Русскимъ княземъ, усволяетъ Кіеву владѣнія Рюрика, водворяетъ его княжескій родъ на Кіевскомъ престолѣ, нарекаетъ Кіевъ *матерью Русскихъ Городовъ*, и новыми завоеваніями распространяетъ Русскую землю, возвеличиваетъ ея имя.

Быстро потомъ прибываетъ Русская сила и далеко расширяетъ предѣлы свои Русская земля, при князьяхъ своихъ Святославѣ и Владимірѣ. Во

¹⁾ Что Русская земля началась и распространилась *изъ Кіева* и что Руссы были Варяги или Норманны племени *Словенскаго*, а не Скандинавскаго и не Финскаго, о томъ мои изслѣдованія и мысли изложилъ я въ особомъ сочиненіи: *Откуда идетъ Русская земля*. Кіевъ, 1837.

сто лѣтъ юговостокъ Европы былъ уже подъ сильною рукою Русскаго князя. Своимъ именемъ воинственные Руссы уже положили неизгладимую печать первоначальнаго единства на восточныхъ Словенъ, а своею отвагою побѣдоносною они возбудили въ нихъ ратный духъ и обновили ихъ жизнь.

Но между тѣмъ какъ росла такъ быстро сила Руси изъ стольнаго Кіева и на стѣнахъ Царяграда оставался щитъ Олега, на благословенныхъ горахъ Кіевскихъ утверждался щитъ вѣры Православной. Игорь опустошаетъ Азіатскіе берега Чернаго моря; воинственный Святославъ воюетъ Козарію, Тмуторокань, подножіе Кавказа и Болгарію Дунайскую; а мудрая Ольга пріемлетъ крещеніе въ Царьгородѣ, учитъ крещенію въ Кіевѣ, и на Русскомъ небосклонѣ является предтекущая христіанству нашему, какъ денница предъ солнцемъ и какъ заря предъ свѣтомъ.

И этотъ свѣтъ настаетъ скоро — съ нашимъ *Солнцемъ-Владиміромъ*. Съ нимъ возсіяла благодать Божія на горахъ Кіевскихъ, озарила ея Русскую землю, и стольный Кіевъ вскорѣ возвеличился дивнымъ благолѣпіемъ храмовъ Божіихъ и содѣлался источникомъ новой, внутренней жизни для Руси.

Самое цвѣтущее и славное состояніе Кіева было отъ св. Владиміра I-го до кончины Владиміра II-го Мономаха.

Въ эти великія времена Русской жизни, въ Кіевѣ процвѣло наше православіе и совершило собою внутреннее преобразование Русскаго духа, и положило начало внутренняго единства Руси, первое начало ея грядущаго величія. Совершающееся въ немъ преобразование духа и жизни Русской Кіевъ распространялъ и на другія части Россіи — на Новгородъ и Полотскъ, на Суздаль и Галичъ: всѣ они созидались по его образцу; для всѣхъ ихъ Кіевъ былъ разсадникомъ и вѣры, и законовъ, и грамоты, и языка книжнаго; отъ него заимствовали они и князей своихъ и служителей церкви; отъ него воспріяли они и кровь, и имя, и духъ Русскій.

Но когда Кіевъ началъ это внутреннее развитіе и распространеніе новой жизни по Россіи, въ ней господствовалъ уже удѣльный образъ правленія.

Между потомками Владиміра дѣлятся владѣнія Руси, какъ родовое наслѣдіе: начинается разновластіе и междоусобная борьба удѣловъ. Вотще Владиміръ второй миритъ князей, укрѣпляетъ за собою престоль Кіевскій: Мономахъ былъ послѣдній единовластникъ древней Руси, а съ нимъ кончилось и державное величіе Кіева!

Изъ Кіева развиваются многія сильныя княжества Русскія; но въ немъ самомъ мало по малу убываетъ великокняжеская сила, а съ нею кончается и первоначальная цѣлость Россіи.

Новыя княжества Русскія опять дробятся на мельчайшія, такъ, что предъ нашествіемъ Татарскимъ было уже до 70 особыхъ княжествъ Русскихъ. Такой образъ удѣльнаго правленія сокрушилъ первоначальное, внѣшнее единство Россіи, созданное силою Кіева; но этотъ образъ господства послужилъ Кіеву средствомъ къ преобразованію Россіи въ то внутреннее единство жизни, на которомъ должно было утверждаться все грядущее величіе Руси; — и въ постепенномъ развитіи Русской жизни періодъ удѣловъ былъ необходимою ступенью.

Надо же было истощиться этому Варяжскому образу княжескаго господства, и притомъ самому собою; ибо силою господства сего и создалась первоначальная цѣлость и огромность Россіи. Надо было Россіи собственнымъ кровавымъ опытомъ удѣльнаго разновластія дойти до единой державы, и долгимъ труднымъ путемъ дробнаго развитія жизни и частной самобытности перейти къ общей самобытности народной, и достигъ наконецъ до того полного единства и стройной цѣлости своей, о которыхъ уже вѣщій Боянъ, поминая первыя времена междуусобій Русской земли, говорилъ: тяжко тебѣ голова безъ плечъ, горе тебѣ тѣлу безъ головы! Да и могъ ли древній Кіевъ эту страшную громаду разнородныхъ племенъ, такъ быстро его внѣшнею силою соединенныхъ, преобразить внутреннимъ единствомъ своей новой жизни, если бъ не далъ развиваться ей самостоятельно и созрѣвать постепенно по участкамъ нестроеннаго міра?

И вотъ, Русская земля дробится на удѣлы между сынами Владиміра; Кіевъ разсѣваетъ въ нихъ свою новую жизнь, свою Русскую силу: и въ каждомъ изъ нихъ растетъ она самостоятельно; и съ княжескою кровью Владиміра разливается и напечатлѣвается повсюду одна вѣра, а съ нею и одинъ языкъ, одинакій образъ мысли и жизни. Князья междуусобствуютъ, страсти кипятъ; но среди этой внѣшней борьбы удѣльныхъ князей происходитъ въ народѣ и внутренняя борьба одной новой жизни съ прежнимъ ея разнообразіемъ. Эта борьба полагаетъ печать живаго единства внутренняго, которое возростало въ Русскомъ народѣ по мѣрѣ того, какъ внѣшнее единство древней Руси распадалось. Потому-то въ періодъ удѣловъ, несмотря на междуусобія князей, въ Русской землѣ утвердилось православіе, созидались новые города, великолѣпные храмы Божіи и святыя обители; были великіе дѣятели на поприщѣ вѣры и общественаго блага; были славные писатели и пѣснотворцы, — и вообще древняя Русь ознаменовала себя самыми счастливыми начатками просвѣщенія, какими и западъ современный не во всемъ похвалиться можетъ. Не во времена ли перваго разновластія и въ самомъ Кіевѣ со-

здалась святая Лавра, и пропѣлъ сей великій вертоградъ духовнаго просвѣщенія древней Руси, — и великій создатель его, преемникъ Антонія, преподобный Феодосій, явилъ себя величайшимъ поборникомъ православія, и просвѣщенія, и мира общественнаго?...

Періодъ удѣловъ Россіи былъ вѣкомъ рыцарства ея, въ которомъ столько же было мрачнаго и кроваваго, сколько свѣтлаго и живоноснаго. Любовь къ Русской землѣ и ея слава сильно развилась въ эти первые вѣка нашего христіанства; ратный духъ усилился враждою на поганыхъ и возвысился понятіемъ чести. «Искать себѣ чести а князю славы» было девизомъ Русскаго воина. «Лучше быть изрублену, чѣмъ быть полонену» — вzywали удѣльные князья къ своимъ дружинамъ, — «брань славна лучше мира студна» — говорили самые иноки лѣтописатели.

И вотъ уже Кіевъ, разсѣявъ Русскую силу свою по всѣмъ участкамъ Русской земли, между потомками своего великаго князя, самъ остался только съ именемъ *великаго*. Но это имя звучитъ прадѣдовскою славою для Русскихъ; но *золотой* престоль Кіевскій неодолимо влечетъ къ себѣ Русскихъ князей, и за общее для нихъ его имя, они жертвуютъ часто своимъ удѣльнымъ, вѣрнымъ достояніемъ.

Но вотъ, уже и имени великаго княжества лишается Кіевъ: въ сѣверовосточной Руси оно усвоено Суздалю, на югозападѣ Русскомъ — Галичу. Но и тогда Кіевъ былъ великъ для народа своимъ величіемъ церковнымъ; и одинъ онъ еще хранилъ единство преобразованной имъ Руси и былъ средоточіемъ обширнаго ея круга: это единство было церковное, единство православія, коего онъ былъ главою и по власти своего митрополита *всѣя Руси*. То была послѣдняя власть древняго Кіева надъ Русью, съ которою оставался онъ и тогда, когда мірскую власть его давно уже подѣлили между собою потомки Владиміра. То единство Руси было первое, которое не рушилось и тогда, какъ съ нашествіемъ Татаръ все на Руси пришло въ смѣшеніе, и Русскіе князья падали предъ несмѣтною силою ханскою. Тогда пало и церковное ведикольпіе древняго Кіева, и онъ изъ багряницы облекся во вретиче.

Внукъ Чингисхановъ Мангу, посланный Батыемъ осмотрѣть Кіевъ, былъ пораженъ, увидѣвъ изъ за Днѣпра великолѣпіе, которымъ сіяли высоты его, и предложилъ ему покориться Батыю. Но князь Михаилъ съ презрѣніемъ отвергъ гордыню сильнаго, побилъ пословъ Татарскихъ и удалился въ Венгрію. Кіевляне съ бояриномъ Димитріемъ отчаянно защищались, когда нагрянули черныя тучи Батыевы; съ бою выдали они Кіевъ, и великій городъ разрушенъ былъ до основанія, и храбрые Русичи погибли съ своимъ митрополитомъ подъ саблями поганыхъ (1240).

Отъ стольнаго Кіева остались въ обгорѣлыхъ стѣнахъ Софійскаго собора гробница Ярослава, развалины золотыхъ вратъ его, да югозападный придѣлъ Десятинной церкви надъ священными останками своего великаго строителя. Отъ святой обители Печерской, дивнымъ великолѣпіемъ украшенной, уцѣлѣли одни нетлѣнные останки Русскихъ праведниковъ, да малый придѣлъ церкви, куда, на протяжный звонъ благовѣста, сходились къ церковному служенію благочестивые иноки, укрывшіеся въ окружныхъ лѣсахъ и вертепахъ.

Вотъ что осталось въ великомъ Кіевѣ отъ древней жизни его! И когда Михаилъ, напрасно искавшій помощи у князей, воротился изъ Венгріи; тогда престоломъ ему былъ Днѣпровскій островъ передъ развалинами Кіева, и онъ принялъ мученическій вѣнецъ въ ордѣ, спасая уже только православіе души своей. «Христіанинъ есмь» было послѣднее слово послѣдняго князя Кіевскаго и Черниговскаго. Въ этомъ словѣ заключается все значеніе древняго Кіева въ общей жизни Россіи...

Тяжкая мгла Татарскаго ига налегла на Русскую землю. Но свѣтъ и во тмѣ свѣтитъ!

Свѣтильникомъ Руси былъ новопоставленный въ Никеѣ (1250) митрополитъ Кіевскій Кириллъ. Найдя Кіевъ въ развалинахъ, онъ перенесъ катедру свою во Владиміръ, въ великокняжескую столицу сѣверовосточной Руси. Съ его прибытіемъ туда, повѣялъ новый духъ жизни въ отечествѣ нашемъ. Примиряя и напутствуя князей, возобновляя и умножая церкви, исправляя церковные уставы и духовенство, сей великій пастырь всея Руси ревновалъ о возстановленіи и утверженіи въ народѣ православія въ его апостольской чистотѣ, которая (по словамъ его) у насъ омрачена была облакомъ мудрости Еллинскаго языка, и въ падшей Греціи, завладѣнной Римомъ, была возмущена чрезвычайно, особенно въ то время.

Живымъ обновленіемъ православія въ жизни народа, онъ ложилъ твердое начало обновленія народной жизни, и у самихъ Татаръ снискалъ уваженіе къ нашей вѣрѣ и духовенству нашему, и учредилъ особую епископію въ столицѣ преемника Батыева.

Россія, несчастливая тяготѣвшимъ надъ ней игомъ и раздорами своихъ удѣльныхъ князей, счастлива была служителями церкви своей, которые были посланниками самаго неба ко благу отечества. Своимъ дѣятельнымъ православіемъ они обновили и утвердили народность Русскую и привели ее къ самобытности. Не святые ли митрополиты Петръ и Алексій были защитниками Руси въ Ордѣ? Не Алексій ли, бывъ глав-

нымъ дѣятелемъ Руси, удержалъ великое княжество за Димитріемъ и уготовилъ ему битву съ Татарами? Не святой ли Сергій чудотворецъ благословилъ Димитрія Донскаго на первую побѣду надъ Татарами, вооруживъ его *нетлльннымъ оружіемъ*, креста и двумя иноками-оруженосцами? Не Вассіанъ ли силою своего слова подвигъ Іоанна на роковую битву съ Татарами, которою рѣшена была самобытность великой Россіи?..

Быть сердцемъ великой Россіи, средоточіемъ ея новаго бытія и величія, провидѣніе судило Москвѣ.

Величіе Москвы создалось на краеугольномъ камнѣ православія. Съ самаго начала своего великокняжества, она стала митрополіей Всероссійской церкви и наслѣдовала отъ Кіева ту церковную власть, по которой принадлежали ей всѣ разрозненныя части древняго Русскаго міра, по которой она съ самаго начала своего уже была средоточіемъ духовнаго единства всея Руси.

Мірскую власть свою Москва стяжала постепенно, и уже не одною силою отваги, какъ древній Кіевъ, но и силою мысли. Медленно собирала она раздробленную и подавленную Русь: но за то прочное и стройное дала ей единство, на незыблемомъ основаніи единства духовнаго.

Москва, содѣлавшись великимъ княжествомъ, собственною силою освободилась изъ подъ ига Татарскаго; отдѣльное слабое бытіе сѣверовосточныхъ княжествъ постепенно соединила она въ одно самобытное, сильное *Русское царство*, и удѣльную власть князей слила въ одну власть *царя*. Такимъ образомъ утвердилась въ ней народная самобытность, а вмѣстѣ съ самобытностію и единоедержавіе великой Руси.

Народная самобытность и единоедержавіе явились къ ней какъ два живыя начала одного цѣльнаго бытія: они были достояніемъ и слѣдствіемъ вѣковой жизни Россіи, проистекли изъ общаго внутренняго единства и развились совмѣстно. Первымъ шагомъ Руси къ народной самобытности была побѣда Донскаго, и онъ положилъ первое начало единоедержавія. Іоаннъ великій довершилъ освобожденіе и самостоятельность Россіи, и былъ первымъ Русскимъ царемъ и утвердителемъ единоедержавія. Сѣверовосточная Русь была первою жертвою силы Татарской, и первая возстановилась самобытною чрезъ свое православіе, и потому въ своемъ народѣ назвалась *святою Русью*.

Но возвратимся къ Кіеву. Между тѣмъ какъ митрополиты Кіевскіе дѣйствовали во благо на сѣверовостокѣ ея и создавалась Москва, — Кіевъ находился 80 лѣтъ подъ управленіемъ Татарскихъ воеводъ и оставался въ развалинахъ, а въ лѣсахъ Черной Руси возникла Литва, и не-

задолго предъ тѣмъ, какъ усилившаяся Москва стала великимъ княжествомъ, Литовскій князь Гедиминъ, завладѣвъ сѣверозападомъ Русскимъ, образовалъ изъ него другое великое княжество *Литовское*, и, умножая свои завоеванія — вызволилъ Кіевъ отъ Татаръ (1320) — и Кіевское княжество стало удѣломъ великаго княжества Литовскаго.

Вслѣдъ за тѣмъ великое княжество Галицкое, долѣе всѣхъ сохранявшее свою самобытность и присвоившее себѣ Кіевъ, было соединено съ Польшею и обращено въ *Русское воеводство* (1340).

Такимъ образомъ прежнія княжества Русскія сосредоточились въ двухъ новыхъ великихъ княжествахъ: Московскомъ и Литовскомъ, и вся древняя Русь раздѣлилась на двѣ половины — *западную и восточную*, которыя доканчивали между собою прежнюю удѣльную борьбу, но были соединены единствомъ церкви.

Кіевъ доживалъ свое ветхое княжество. Управляемый Литовскими намѣстниками Грекороссійской вѣры и намѣстниками митрополитовъ Московскихъ, именовавшихся *Кіевскими*, — онъ хранилъ свое православіе и берегалъ преданія и драгоцѣнные останки святой старины своей. Въ Литвѣ, большую часть коей составляли Русскіе, также господствовала восточная вѣра и языкъ Русскій. Литовскіе князья у Болгарскаго патріарха испрашивали себѣ особыхъ митрополитовъ; но Кіевляне не принимали ихъ, и Кіевъ съ Галичемъ не отдѣлялся отъ митрополіи Московской.

Князь Ягайло, принявъ съ рукою Ядвиги и корону Польши, некрещенныхъ еще Литовцевъ обратилъ въ латинскую вѣру, требовалъ обращенія въ нее и отъ литовскихъ Руссовъ, и хотѣлъ соединить Литовское княжество съ Польшею. Но литовскіе Руссы своимъ княземъ признали воинственнаго Витовта, и онъ — стѣсняя Москву, воюя Татаръ, овладѣлъ большею частію древней Руси и увеличилъ ею Литовское княжество; а для большей самобытности его и отдѣльности отъ Москвы, онъ заставилъ западно-Русскихъ епископовъ посвятить особаго митрополита Кіевскаго.

Такимъ образомъ произошло первое раздѣленіе всероссійской митрополіи. Кіевъ становится средоточіемъ духовнаго единства для всей западной Руси. Послѣдній великокняжескій намѣстникъ Кіева, благочестивый кн. Симеонъ, обновилъ уже святую лавру (1470). Но съ смертію его кончилось и княжество Кіева: Казиміръ, подобно Ягайлу, принявшій корону польскую, Кіевское княжество обратилъ въ *воеводство* (1471), въ то время, какъ Москва становилась на степень самобытнаго царства. Въ замѣнъ княжества Казиміръ утвердилъ окончательно отдѣльность Кіев-

ской митрополіи отъ Московской; но митрополиты Кіевскіе жили въ Литвѣ; Кіевскіе воеводы были католики; латинская вѣра постепенно усиливалась въ западной Руси, и православіе лишалось своихъ правъ, по мѣрѣ сближенія Литовскаго княжества съ Польшею, которое и довершилось при Сигизмундѣ Августѣ (1569). Кромѣ того, едва обновленный Кіевъ опять разграбленъ былъ Менглигиреемъ (1482) и съ той поры Малороссія вновь была опустошаема набѣгами Крымскихъ Татаръ въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій.

Но въ это тяжкое время на защиту Кіева и Украины является козачество. Уже давно южные Руссы образовали воинское братство на островахъ Днѣпровскихъ въ Запорожьи, гдѣ положилъ свою голову воинственный Святославъ, вѣщавшій нѣкогда къ дружинѣ своей: «не посрамимъ земли Русскія, но ляжемъ костьми, мертвые бо срама не имуть!»

Не снося чуждаго ига, дыша славою предковъ, они роились въ темныхъ лѣсахъ и привольныхъ степяхъ Днѣпровскихъ. Тамъ широко развивалась ихъ буйная воля и отвага воинская. Но главнымъ условіемъ козацкаго братства была вѣра православная и старая вражда на поганыхъ. И грозны были для Татаръ и Турковъ козацкіе набѣги и на сушѣ и по Черному морю, которое знакомо было сынамъ южной Руси уже издревле, со временъ Оскольда и Олега. Запорожцы порывались пристать къ Москвѣ, и обращались къ Іоанну III-му; но тогда не была еще пора ихъ соединенія и Запорожье было далеко отъ тогдашнихъ предѣловъ великой Руси. Набѣги Татарскіе на Кіевъ усиливаютъ въ нихъ вражду на поганыхъ, и возачество съ 16-го вѣка разрастается по Украинѣ, и народность Украины обновляется. Славный Баторій видитъ всю важность козачества и для Польши, — и даетъ ему права и воинско-гражданственное устройство въ Украинѣ, и ставитъ воеводство Кіевское при Польшѣ отдѣльнымъ отъ княжества Литовскаго. И вотъ первый, важный шагъ южной Руси къ самобытности народной!

А между тѣмъ росла и возвышалась государственная самобытность и сила Великой Россіи. Православіе процвѣтало въ ея нѣдрахъ; оно осталось неприкосновеннымъ и уважаемымъ отъ Татаръ, и отвергло многократныя покушенія Рима, непокидавшаго своихъ намѣреній привлечь Россію подъ власть папскую. Сильно уже потрясена была эта власть реформаціей и въ самой Польшѣ; но тѣмъ съ большимъ усиленіемъ домогалась она присоединить къ себѣ Россію. Главными орудіями сей мысли стали іезуиты; они усилились въ Польшѣ и завладѣли ея политикою. Іезуитъ Антоній, оказавъ услуги Іоанну Грозному, просилъ за то публичнаго пренія о вѣрѣ. Здравымъ разумомъ Московскаго царя была

опровержена хитрость ума іезуита, который послѣ того устремилъ уже свои виды на Кіевъ. Православная церковь великой Россіи осталась непоколебимою; и при набожномъ Θεодорѣ, послѣднемъ потомкѣ святаго Владиміра на престолѣ Московскомъ, достигла полной самобытности установленіемъ Московскаго патріаршаго престола (1589).

Тогда усилія іезуитовъ обратились на западную Русь, и средствомъ присоединенія оной подъ власть папскую была Унія. Для привлеченія къ ней истощены были всѣ мѣры — къ соблазну слабыхъ, къ ожесточенію твердыхъ. Тутъ не было уже и гѣни той вѣротерпимости, которою отличалась всегда Россія, — и Сигизмундъ III обезславилъ себя слѣпымъ довѣріемъ и покровительствомъ іезуитству и открытымъ гоненіемъ на христіанъ, непризнававшихъ надъ собою власти папской. Обращеніе въ Унію сопряжено было съ ужаснымъ насиліемъ. Уніатамъ были предоставлены всѣ мірскія и общественныя выгоды и все покровительство; а православные были поражены въ самыхъ святыхъ своихъ отношеніяхъ¹⁾. И въ сію-то печальную годину искушенія, когда Унія производила раздѣленіе между православными западной Руси и овладѣвала ими въ Литвѣ, — пробудившійся Кіевъ является великимъ поборникомъ православія и опять становится средоточіемъ народной дѣятельности Украины и источникомъ духовнаго просвѣщенія Россіи.

Воевода Кіевскій, знаменитый князь Острожскій Константинъ, потомокъ великаго Владиміра, былъ величайшимъ ревнителемъ православія и распространителемъ просвѣщенія въ южной Россіи. Ему первому обязана она учрежденіемъ училищъ и книгопечатанія; ему обязаны всѣ православныя за первопечатное изданіе полной бібліи словенской: и онъ первый возсталъ на сеймѣ противъ Уніи и писалъ краснорѣчивыя *окружныя увѣщанія* къ Литовскимъ и Волынскимъ церквамъ о пребываніи неотлучно въ православіи.

Съ другой стороны за свою вѣру ополчилось на Унію — козачество. Заслуги Польшѣ сего народнаго рыцарства умѣлъ цѣнить Баторій и забывъ Сигизмундъ, отнялъ права, заслуженныя у Баторія козаками, объявилъ ихъ еретиками (схизматиками), и ужасная казнь постигла ихъ храбраго вождя Наливайка за возстаніе.

Новый Запорожскій гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный новыми подвигами для Польши укрощаетъ на время угнетенія на Украинѣ, — и уращиваетъ Цареградскаго патріарха постановить православнаго митро-

¹⁾ Подробно о томъ изложено въ сочиненіи Бантыша-Каменскаго: *Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ Уніи*. Москва, 1805.

полита въ Кіевѣ, (ибо, со времени Уніи, православная паства западной Руси 25 лѣтъ сиротѣла безъ пастыря). Ревнуя о православіи, Сагайдачный оставляетъ гетманскую булаву и братство козацкое, записывается въ братство Кіевское, всѣмъ достояніемъ своимъ жертвуетъ въ пользу монастыря и училища, и пишетъ *драгоценное* сочиненіе противъ Уніи. Кіевское братство, между тѣмъ, становится разсадникомъ духовнаго просвѣщенія: воспитанниками его Богоявленной школы наполняется козачество.

Стараніями Плетенецкаго обновляется св. Лавра, возвращаетъ свои права, начинаетъ книгопечатаніе, и духовенство Кіевское, вооружась богословіемъ, опровергаетъ своими сочиненіями печатныя клеветы іезуитовъ на православіе, и словомъ проповѣди своей распространяетъ оное въ народѣ. Въ Печерскую Лавру является сынъ Молдавскаго князя, обучавшійся въ Парижѣ и съ честью служившій въ Польской военной службѣ; на 28 году своей жизни онъ постригается въ лаврскіе монахи, и скоро становится архимандритомъ и митрополитомъ Кіевскимъ. Это былъ Петръ Могила, величайшій дѣятель на защиту православія и распространенія духовнаго просвѣщенія. Отобравъ Софійскій соборъ у уніатовъ, онъ возстановляетъ въ немъ митрополичью катедру; обновляетъ Десятинную церковь и изъ-подъ развалинъ ея переноситъ въ Лавру святую главу просвѣтителя Россіи; возстановляетъ и умножаетъ церкви; а для исправленія церковныхъ правилъ, догматовъ и книгъ, намѣренно порченыхъ уніатами, онъ открываетъ Кіевскій соборъ (1640). Въ числѣ многихъ сочиненій своихъ онъ составляетъ *православное исповѣданіе вѣры*, которое понынѣ служитъ главною книгою вѣрученія и имѣетъ достоинство вселенское; (ибо, одобренное всѣми патріархами восточной церкви, оно распространилось по востоку и по Европѣ въ переводахъ на Греческій, Латинскій и Нѣмецкій языки). Сверхъ того сей *старшій братъ и защитникъ Кіево-братской школы* обогатилъ ее средствами, возвысилъ ее на степень академіи и въ завѣщаніи своемъ назвалъ *единственнымъ своимъ залогомъ*.

Козачество съ своей стороны, при новыхъ насиліяхъ православію, продолжало изъ Запорожья свои крестовые походы за восточную церковь, за Богоспасаемый градъ Кіевъ и святую Лавру. Защита вѣры обращается въ защиту Украины, и кровавый рядъ ихъ походовъ заключается блестящими подвигами гетмана Хмельницкаго. Освобожденіемъ Украины возстановилъ онъ народную ея самобытность, и въ народѣ своемъ заслужилъ великое имя *Богдана*, которымъ Кіевское духовенство приѣтствовало его первыя побѣды (1649).

Въ 1654 году великій Богданъ присоединилъ Малороссію къ Великой Россіи, коея царь, еще прежде принявшій титулъ *обладателя всѣхъ сѣверныхъ странъ, дядича и отчича*, соединилъ съ Москвою Бѣлороссію. Такимъ образомъ совершилось первоначальное сліяніе въ одну государственную самобытность и цѣлость трехъ надолго разорванныхъ частей Руси, и Московскій царь содѣлался *царемъ Великой, Малой и Бѣлой Россіи*.

Но западная Русь въ отношеніи церковномъ подлежала еще патриарху Цареградскому, гетманъ Самойловичъ соглашаетъ его уступить Кіевскую митрополию патриарху Московскому. Такимъ образомъ (1686) возстановилось и церковное единство православной Руси, коея полное единство утвердилъ великій Петръ своимъ самодержавіемъ и преобразоваль ея въ великую имперію.

Но еще и до соединенія съ Москвою Кіевъ доставлялъ ей средства къ просвѣщенію. Когда славный патриархъ Никонъ предпринималъ обновленіе православной церкви въ Великой Россіи, не изъ Кіева ли былъ вызванъ Епифаній Славинецкій, *мужъ мудрости внѣшнія и духовныя исполненный*, который начальствовалъ надъ ученымъ братствомъ переводчиковъ, составленнымъ въ Москвѣ изъ Кіевскихъ же монаховъ; не онъ ли первый Московскую церковь огласилъ собственною, изустною проповѣдью?...

Такъ много дѣйствовалъ Кіевъ для православія и духовнаго просвѣщенія Русскаго; такъ много принималъ онъ участія въ общей жизни Россіи и въ средній періодъ!

Когда великій Петръ, постигавшій великое предназначеніе Россіи, насаждалъ въ ней новоевропейское просвѣщеніе и своими преобразованиями начиналъ новый періодъ ея жизни, — не изъ Кіева ли были первые сподвижники его и ревнители православныя церкви нашея — святой Димитрій Ростовскій и Стефанъ Яворскій, который былъ блюстителемъ патриаршаго престола, первымъ президентомъ святѣйшаго Синода и своимъ *Камнемъ въры* отразилъ новую грозу противу православія? Не здѣсь ли потомъ — побѣдитель Карла XII-го нашелъ этого краснорѣчиваго, разумнаго, многоученаго Теофана, главнаго сотрудника своего, перваго своего историка и прославителя живымъ словомъ проповѣди, возбуждавшимъ въ народѣ живое сочувствіе къ великимъ дѣламъ и мыслямъ Петровымъ? Не отсюда ли были — и четвертый проповѣдникъ вѣка Петрова, — Гавріиль Бужинскій, и духовно-глубокомысленный Іоаннъ Максимовичъ, и эти славные страдальцы за пра-

вославіе — Теофилактъ Лопатинскій, архієпископъ Амвросій и Георгій Конисскій?....

Не академія ли Кіевская была для цѣлой Россіи главнымъ разсадникомъ просвѣщенія въ первую половину прошедшаго вѣка? Въ ней учился и отецъ новой словесности нашей, всеобъемлющій Ломоносовъ, по мысли коего, въ блистательный вѣкъ Елисаветы, учрежденъ Московскій университетъ, содѣлавшійся главнымъ средоточіемъ и главнымъ разсадникомъ народнаго просвѣщенія цѣлой Россіи.

Послѣ того академія Кіевская служила главнымъ мѣстомъ духовнаго просвѣщенія уже собственно для южной Россіи, и преобразованная при благословенномъ Александрѣ (1819) не перестаетъ быть полна глубиною мысли и знанія духовнаго, и процвѣтаетъ силою и красотою христіанскаго слова.

Столь велико было участіе Кіева и въ новой жизни Россіи!...

Старый Кіевъ есть памятникъ его первобытнаго, священнаго величія при Владимірѣ Равноапостольномъ и Ярославѣ *благовластномъ*. Святая Лавра Печерская есть памятникъ благочестія и духовнаго просвѣщенія Россіи въ древнія времена, среди междоусобій княжескихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ она есть и святая колыбель нашей исторіи.

Духовная академія съ братствомъ есть памятникъ того духовнаго просвѣщенія, которымъ спасаемо было православіе отъ притѣсненій запада въ средній періодъ Русской жизни, — важнѣйшій памятникъ умственной жизни Кіева въ эти бурныя и бѣдственные для него времена.

Кіевъ съ твердостью христіанина перенесъ всѣ лишенія и всѣ бѣды, которыя небо посылало ему въ испытаніе, и нашель опять успокоеніе и благоденствіе въ общей жизни съ Россією. Все благолѣпіе и богатство храмовъ, которымъ нынѣ сіяютъ священныя высоты его, все его внутреннее довольство — ими обновился Кіевъ, находясь уже подъ державою Россіи, — ими Россія возлелѣяла свою древнюю мать и возблагодарила её за тотъ духовный свѣтъ жизни, которымъ такъ много отъ нее озарялась.

Кіевъ воспріялъ новое бытіе изъ общаго источника благоденствія Россіи. Та полнота гражданственной жизни и просвѣщенія, коими Россія вышала въ новомъ періодѣ своего бытія, сообщалась и Кіеву, и онъ, возрастая постепенно въ своемъ внутреннемъ благосостояніи, получаетъ непрестанно и новыя средства содѣйствовать благоденствію того края, коего судьба всегда была тѣснѣйшимъ образомъ сопряжена съ его судьбою.

Въ славный вѣкъ Екатерины великой, ознаменованный для Русскаго просвѣщенія первымъ распространеніемъ въ Россіи народныхъ гражданскихъ училищъ, положено начало гражданского народнаго образованія и въ Кіевѣ.

При Александрѣ Благословенномъ, Кіевъ былъ уже предназначенъ къ учрежденію высшаго учебнаго заведенія, коего не доставало еще для сего края. Въ 1809 году здѣсь открыта гимназія, которая, по уваженію къ отличному подвигу Кіевскаго дворянства въ пользу народнаго просвѣщенія, возвышена была (1811) и въ кругъ ученія, и въ правахъ передъ прочими гимназіями и переведена въ древній Кловскій дворець.

Наконецъ подъ державою Николая перваго, Россія спознала всю полноту своего внутренняго и внѣшняго величія, и обратилась къ своенародному и стройному его развитію во всѣхъ отрасляхъ жизни, — по собственной мысли и въ собственныхъ видахъ.

Постановивъ воспитаніе важнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ, нашъ возлюбленный Государь постигъ, что оно должно быть въ полной мѣрѣ *отечественное, истинно-народное*: и подъ его благотворною десницею, воспитаніе и просвѣщеніе Русское воспріяло новую жизнь во всѣхъ странахъ великой имперіи.

Утвержденное на незыблемомъ и вѣрномъ основаніи, оно пріемлетъ видъ одной общей и стройной системы, столь согласной съ истиннымъ, настоящимъ благомъ и дальнѣйшимъ величіемъ нашего отечества. И быстро оно развивается и совершенствуется, непрестанно получая отъ правительства всѣ возможныя къ тому средства, — имѣя въ исполнительѣ воли и мысли монаршей мужа славнаго въ ученюмъ мірѣ своимъ просвѣщеніемъ и трудами учеными, неутомимаго въ дѣятельности государственной, — находя въ его сподвижникахъ полное сочувствіе и усердіе.

При такомъ общемъ преобразованіи и усовершеніи Русскаго воспитанія и просвѣщенія, благодію царя нашего учрежденъ новый Русскій университетъ въ Кіевѣ «въ память великаго просвѣтителя Россіи» — и уже воздвигается величественное зданіе для сего храма наукъ, какъ новый памятникъ обновленной жизни Кіева и той страны, коея средоточіемъ былъ онъ и въ древнее и въ среднее время, — какъ новый и великій знакъ любви царя къ своему народу. Да будетъ же онъ и новымъ алтаремъ народной благодарности къ благотворнымъ его попеченіямъ!

Святая вѣра да будетъ общимъ основаніемъ всего просвѣщенія нашего — умственнаго и сердечнаго, всей нашей жизни частной и общественной! И да сбудутся завѣтныя слова, кои начертаны вокругъ креста, положеннаго въ основаніе нашего университета: *во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ!*

Очеркъ Києва ¹⁾

Первопрестольный городъ Россіи — Києвъ расположенъ на живописныхъ горахъ и удоляхъ, находящихся на правомъ берегу Днѣпра, подъ 50° 27' сѣверной широты и 48° 13' восточной долготы. Въ какомъ вѣкѣ онъ начался, объ томъ нѣтъ историческаго свидѣтельства. Отецъ бытописанія Русскаго — преподобный Несторъ, передалъ намъ сказаніе только о строителяхъ Києва, трехъ братьяхъ — Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, которые, будучи князьями здѣшнихъ Славянъ, именовавшихся Полянами, построили надъ Днѣпромъ городъ, во имя своего старшаго брата. Послѣ этихъ князей, Києвъ является въ 9-мъ вѣкѣ, какъ небольшой городокъ, платившій дань Козарамъ, которыхъ имя оставалось здѣсь долго, въ названіи предмѣстья на склонѣ старокіевской горы къ Днѣпру.

Въ 864-мъ году, Русскіе витязи Аскольдъ и Диръ, плывшіе по Днѣпру въ Царьгородъ, спрашивали у Києвлянъ: «чій се градокъ?» и, отвоевавъ его у Козаръ, начали княжить въ немъ. Такимъ образомъ Києвъ сталъ городомъ *Русскимъ*; а черезъ два года, крещеніемъ Аскольда и Дира въ Царьгородѣ — началось христіанство въ Києвѣ и его тѣснѣйшія сношенія съ Греціей.

Въ тѣ времена Києвъ составлялъ едва четвертую долю нынѣшняго Стараго города; ибо онъ занималъ собою только сѣверозападную часть старокіевской горы, составляющую такъ называемое Андреевское ея отдѣленіе. Вокругъ города, особенно съ полуденной стороны, простирался великій лѣсъ: *перевъсище* или ловище звѣрей, на скатѣ старокіевской горы къ Печерску, было еще и въ 10-мъ вѣкѣ. На сѣверовосточномъ скатѣ ея были предмѣстья, которыя назывались: *Козарами* и *Бесъдою Пасынчевой*. Подъ Києвомъ съ той стороны Днѣпра былъ перевозъ, подавшій поводъ къ сказкѣ, отвергнутой Несторомъ, будто Кіѣ былъ не князь, а перевозчикъ. Отъ пристани, при которой тогда Почайна впадала въ Днѣпръ, вѣзжали въ Києвъ на гору по *Боричеву взвозу*. Съ югозападной стороны первоначальный Києвъ былъ отдѣленъ провальемъ или оврагомъ, черезъ который ѣздили по мосту, и за которымъ простиралось къ Лыбеди подгородное поле.

¹⁾ Статья эта была помѣщена какъ введеніе въ книгѣ: «Обозрѣніе Києва въ отношеніи къ древностямъ, изданное Иваномъ Фондуклеемъ» Києвъ, 1847.

Въ такомъ ограниченіи городъ Кієвъ былъ долго и послѣ того, какъ вѣщій Олегъ, въ 882-мъ году, овладѣвъ имъ для Рюрикова рода, сказалъ: «се буди мати градомъ Русскимъ!» Однако населенность Кієва, и славянскимъ и иноплеменнымъ народомъ, возрастала непрестанно. Мѣстомъ сего населенія служили сначала тѣ возвышенности и удоля, которыя отъ старокієвской горы идутъ вверхъ по Днѣпру, къ Выжгороду. Такимъ образомъ и Щековица, бывшая прежде поселеніемъ отдѣльнымъ отъ Кієва, вошла въ его составъ. На Подолѣ не было жилья еще и въ половинѣ 10-го вѣка; ибо тогда онъ былъ потопленъ водами Почайны, также Глубочицы, Кіянки и другихъ ручьевъ, протекавшихъ по немъ съ помянутыхъ возвышенностей.

Въ 988-мъ году совершилось достопамятное крещеніе св. Владиміра въ Корсунѣ, и народа Русскаго въ Кієвѣ, въ водахъ Днѣпра и Почайны. Отселѣ началась новая, христіанская жизнь Руси, развивавшаяся изъ Кієва, съ тою же чрезвычайною силою, съ какою свершались завоеванія, составившія изъ многихъ отраслей восточнославянскаго племени — одно Русское государство. Тогда Кієвъ, по предреченію первозваннаго апостола, явился *градомъ великимъ*, въ которомъ непрестанно воздвигались *церкви многи*.

Кажется, что въ княженіе равноапостольнаго просвѣтителя Руси, началось заселеніе подъ Кієвскими горами, на Подолѣ, который вскорѣ сталъ весьма многолюденъ, и былъ главнымъ мѣстомъ здѣшней торговли.

Распространеніе верхняго Кієва произошло уже при Ярославѣ благодѣльникомъ, который, послѣ побѣды своей надъ Печенѣгами въ 1036-мъ году, къ первоначальному городу прибавилъ новый *великій градъ* съ золотыми вратами, и воздвигъ въ немъ величественный храмъ св. Софіи, и монастыри Георгіевскій и Ирининскій, и свой Ярославскій дворець, и митрополію при Софійскомъ храмѣ. Съ того времени еще болѣе усилилось распространеніе вѣры и просвѣщенія книжнаго, умноженіе монастырей и церквей. Все сіе продолжалось и при Ярославичахъ, во второй половинѣ 11-го вѣка, ознаменованной появленіемъ и распространеніемъ святой обители Печерской, которая служила образцемъ и расадникомъ для другихъ Русскихъ монастырей, такъ же какъ Кієвъ — для другихъ городовъ Русскихъ. Они заодно распространяли и утверждали по всей Владиміровой Руси новую жизнь, которая въ нихъ возникла и возрастала. И хотя еще съ конца 11-го вѣка Кієвъ и обитель Печерская терпѣли нерѣдко бѣды отъ набѣговъ Половецкихъ, отъ междоусобій княжескихъ, отъ пожаровъ и другихъ невзгодъ; однако жизнь *богоспаемаго* града была уже такъ могуча, что всѣ его раны исцѣлялись ско-

ро, — что онъ оставался еще великимъ городомъ и послѣ того, какъ въ 1169-мъ году великокняжескій престолъ его былъ уже отнятъ у него Андреемъ Боголюбскимъ для Русскаго сѣверовостока. Упадая въ гражданской силѣ, Кіевъ крѣпокъ еще былъ своею силою церковною; и когда Русь была уже раздроблена на удѣлы между потомками Владиміра, Кіевъ держалъ еще церковное единство ея, по власти своего митрополита, который былъ митрополитомъ *всєя Руси*.

Набожность князей и народа побуждали ихъ иждивать свое достояніе на строеніе церквей. Оттуда великолѣпіе Кіева церковное, котораго памятниками понынѣ служатъ храмы: Софійскій и златоверхій-Михайловскій. Оттуда и это множество церквей въ древнемъ Кіевѣ, которое для многихъ людей новаго времени казалось невѣроятнымъ. Но нельзя же опровергнуть свидѣтельство Дитмара, что въ Кіевѣ 1018 года было слишкомъ *четыреста* церквей; ибо и въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ (напримѣръ, въ Лаврентьевской и въ Новгородской-второй) читаемъ извѣстіе, что въ пожаръ 1121 года, истребившій сначала весь Подоль, а потомъ старый городъ однѣхъ церквей сгорѣло до *шестисотъ*.

Построеніе и украшеніе значительнѣйшихъ церквей въ Кіевѣ, воздвигаемыхъ князьями, производимо было сначала, какъ извѣстно, художниками греческими. Отъ нихъ уже впослѣдствіи научились разнымъ искусствамъ природные Россіяне, между которыми прежде всѣхъ прославился современникъ Нестора, преподобный Алимпій-иконописецъ, мозаикъ и вмѣстѣ врачъ Печерской обители. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ, приняты были и художества изъ Греціи въ Кіевѣ; и отсюда распространились по всей Руси, и продолжались въ ней долго въ одномъ и томъ же византійскомъ вкусѣ.

Богатству и населенности Кіева способствовало не одно то, что онъ былъ средоточіемъ и столицей Руси; но и его торговля, весьма цвѣтущая въ древнее время, по которой имя его было извѣстно на западъ и на отдаленномъ востокѣ. Дитмаръ, удивлявшійся чрезвычайному богатству Кіева различными товарами, говоритъ, что въ немъ было тогда (около 1018-го года) восемь торговыхъ площадей. По другимъ свидѣтельствамъ, иноземнымъ и отечественнымъ, извѣстно, что Кіевъ былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ торговыхъ судовъ, которые изъ цѣлой Руси отправлялись въ Черное море къ Болгарамъ, Корсунцамъ, Грекамъ и Сиріянамъ, что здѣсь былъ складъ *скоры* или пушныхъ мѣховъ, составлявшихъ тогда главный товаръ русскій. По тѣсной связи съ Греціей, Кіевъ конечно изобиловалъ всего болѣе товарами греческими, т. е. золотомъ, паволоками, винами, разными овощами; отъ Венгровъ и Че-

ховъ получалъ онъ серебро и коней, купцы Галицкіе доставляли ему соль для всей Руси.

При этой обширной торговлѣ древняго Києва, и въ населеніи его было много промышленныхъ Новгородцевъ и купцевъ иноземныхъ. Здѣсь было много и Жидовъ, хотя они издревле были нелюбы для народа Києвскаго; жили же они особою, кажется, загородною слободою у воротъ, называвшихся Жидовскими, а впослѣдствіи Львовскими. О населенности Києва, между прочимъ, можно судить и по сказанію Нестора о бѣдственномъ 1092-мъ годѣ: «Въ си же времена мнози челоувѣци умираху различными недуги, якоже глаголаху продающе кореты (*гробы*): яко продахомъ кореты отъ Филипова дне до мясопуста семь тысячъ».

Что касается до управленія, то Києвъ, состоя подъ верховною властью князя, имѣлъ главнымъ правителемъ своимъ *тысячскаго*, а подчиненныя должности исправляемы были здѣсь *сотскими* и *десятскими*. При этомъ, по древнерусскому обычаю, Києвляне имѣли свое *вѣче* или сходку.

Говоря о древнемъ Києвѣ, нельзя не вспомнить еще о томъ хлѣбосольствѣ и общественномъ весельи, которыми отличалась его жизнь. Особенно памятны для Руси *почетныя* пиры *краснаго-солнца* Владиміра: они донынѣ славятся въ народныхъ пѣснопѣньяхъ и сказкахъ великорусскихъ; объ нихъ любилъ вспомнить и Несторъ въ своей лѣтописи.

Но всему древнему бытію Києва, всей его красотѣ и величію, на которыя съ удивленіемъ глядѣлъ изъ-за Днѣпра посланный отъ Батыя ханъ Менгу, суждено было прекратиться разомъ: 6 декабря 1240 года подступилъ къ Києву съ своимъ несмѣтнымъ войскомъ Батый, и стольный градъ обратился въ развалины, несмотря на отчаянную защиту Києвлянъ.

Послѣ того, въ продолженіи 80 лѣтъ Києвъ влачилъ самую убогую жизнь, подъ тяготою татарскаго ига. Хотя и въ это время появлялись еще князья Києвскіе: но главными правителями Києва были воеводы или баскаки Татарскіе. Митрополія Русская перенесена была изъ опустошеннаго Києва сперва во Владиміръ-Залѣскій, потомъ въ Москву, откуда Києвскіе митрополиты управляли здѣшнею страню черезъ своихъ намѣстниковъ.

Въ 1320-мъ году воинственный Гедиминъ овладѣлъ Києвомъ, и присоединилъ его къ своему великому княжеству Литовскому, составленному изъ сѣверозападной Руси и земли Литовской. Съ той поры Києвъ существовалъ какъ удѣльный западнорусскій городъ, управлявшійся князьями Гедемінова рода. Эти князья, большею частью православнаго исповѣданія, чтили древнюю святыню Києва, и послѣдній изъ нихъ, князь

Симеонъ Омельковичъ, памятенъ какъ обновитель Печерской Лавры, въ 1470-мъ году. Еще прежде митрополитъ Кипріанъ ознаменовалъ свое недолгое пребываніе въ Києвъ поддержаніемъ Софійскаго храма, въ концѣ 14-го вѣка. Около того же времени, по повелѣнію великаго князя Витольда, Києвъ укрѣпленъ былъ построеніемъ замка, а въ 1415 году, по настоянію того-же князя, учредилась Киевская митрополія, отдѣльная отъ Московской.

Это отдѣленіе Киевской митрополіи отъ Московской, утвердившееся окончательно 1474 года, хотя и поставляло Києвъ главою всей югозападной Руси въ отношеніи церковномъ, но митрополиты Киевскіе посвящались и жили не здѣсь, а въ столицѣ западнорусской — Вильнѣ. Бытіе всей здѣшней страны тогда было такое тревожное, что Києвъ не могъ уже прійти въ цвѣтущее состояніе, а вскорѣ окончилось и самое княжество Києва. Великій князь Казиміръ IV, по принятіи польской короны, обратилъ, 1471 года, Киевское княжество въ *воеводство*, и далъ въ воеводы Києву ненавистнаго Киевлянамъ католика Мартина Гаштольда, о которомъ осталась и пословица: «король далъ, Гаштольдъ взялъ».

Къ горшей бѣдѣ Києва, Татары, непереставшіе опустошать южную Русь и такъ сильно разорившіе Києвъ въ 1416 году, явились опять въ немъ подъ предводительствомъ Менгли-Гирея и разорили его до основанія, сожгли Печерскую Лавру, а воеводу Ивана Ходкевича съ его семьєю и множествомъ народа взяли въ плѣнъ. Это случилось 1-го сентября 1482 года.

Для возобновленія Києва, по повелѣнію Казиміра, собираемо было до 20,000 народа, изъ поднѣпровскихъ и другихъ областей западнорусскихъ; и въ первые годы 16-го вѣка Києвъ былъ уже отстроенъ вновь, при воеводѣ своемъ Юріѣ Пацевичѣ, а Киевскій замокъ при воеводѣ князѣ Дмитріѣ Путятичѣ. Тогда же Александръ Казиміровичъ, желая поправить состояніе и умножить населеніе Києва, предоставилъ здѣшнимъ гражданамъ нѣкоторыя особенныя права и вольности изъ такъ называемаго *Магдебурскаго права*. Братъ и преемникъ Александра — Сигизмундъ 1-й, далъ вполне это право гражданамъ Киевскимъ, грамотами 1516 и 1544 г. Такимъ образомъ въ Киевскомъ гражданствѣ появился новый порядокъ, чуждый для Руси и устранявшій все то изъ прежнихъ узаконеній и обычаевъ, что было несходно съ этимъ нѣмецкимъ правомъ.

По соединеніи Литовскаго княжества съ польскою короною 1569 года, стали назначаться въ Києвъ отъ польскаго правленія *кастеляны* вмѣсто прежнихъ *городничихъ*; да и Киевскіе воеводы съ 1569 года считались уже польскими, ибо Києвъ съ той поры былъ польскимъ городомъ, отдѣльнымъ отъ великаго княжества Литовскаго.

Всѣ эти перемѣны вели за собою обезсиленіе въ Кіевѣ старобытной Русской жизни и усиленіе католичества, которое здѣсь основалось учрежденіемъ *бискупства*, еще въ княженіе Гедемина, а при Сигизмундѣ III-мъ, по вліянію іезуитовъ, католичество взяло рѣшительный перевѣсъ, и ознаменовалось появленіемъ и распространеніемъ *уніи*, причинившей столько раздора въ западной Руси.

Съ отступничествомъ митрополита Рогозы, православная Кіевская митрополія 25 лѣтъ оставалась безъ пастыря; и южнорусскій народъ потерпѣлъ много бѣды за преданность древней вѣрѣ своихъ предковъ.

Въ эти тяжкія времена пробудилась въ Кіевѣ та внутренняя, духовная сила его, которою предназначено было ему дѣйствовать во благо Руси; и онъ вновь явился блюстителемъ и поборникомъ ея вѣры и просвѣщенія. Особенно памятными подвижниками того времени были: воевода Кіевскій князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, архимандриты печерскіе: Никифоръ Туръ и Елисей Плетенецкій, и запорожскій гетманъ Петръ Канашевичъ Сагайдачный, по убѣжденію котораго Іерусалимскій патріархъ Теофанъ, въ Печерской лаврѣ, 15-го августа 1620 года, возстановилъ православную митрополию Кіевскую. Вскорѣ явился въ Печерской обители и Петръ Могила, величайшій духовный дѣятель тѣхъ временъ, такъ много способствовавшій къ утверженію и распространенію православія; возстановившій изъ развалинъ столько древнихъ церквей Кіевскихъ; воспитавшій цѣлое поколѣніе ученаго духовенства для тогдашняго и будущаго просвѣщенія Руси, и возвысившій училище Богоявленскаго братства, которое возникло передъ появленіемъ Уніи, какъ-бы предназначенное противодѣйствовать ей въ защиту православія.

Вслѣдъ за Петромъ Могилою, 1647 года, воздвигся новый дѣятель, гетманъ Зиновій Хмельницкій, прозванный въ Кіевѣ *Богданомъ*. Докончивъ долгую, кровавую борьбу козачества съ Польшею, онъ выгналъ изъ Кіева все неправославное и, освободивъ Малороссію отъ Польши, возвратилъ ее въ общій составъ Русскаго царства. Это совершилось въ Переяславѣ добровольною присягою гетмана и всей войсковою старшины, 8-го января 1654 года. Черезъ 6 дней Кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ и все духовенство торжественно встрѣчали царскихъ полномоченныхъ за Золотыми воротами Ярославовыми, а 17-го января городъ Кіевъ присягнулъ на вѣрнопопданство престолу Русскому. Такимъ образомъ въ достопамятній 1654-й годъ Кіевъ, первоначальникъ Русскихъ городовъ, сталъ вновь принадлежать своей Руси; и хотя Польша въ борьбѣ съ Москвою сильно стремилась къ возвращенію себѣ Кіева, но по трактату 1686 года она отреклась отъ него навсегда.

Того же года, по ходатайству гетмана Самойловича, Константинопольскій патріархъ, отъ котораго зависѣла дотолѣ митрополія Киевская, согласился на ея подчиненіе Московскому патріаршему престолу; и черезъ то возстановилось церковное единство православной Руси.

И такъ Кієвъ, начиная съ 864 года, существовалъ 376 лѣтъ какъ самостоятельный Русскій городъ, бывшій столицею Руси 286 лѣтъ; потомъ находился онъ 80 лѣтъ подъ игомъ Татарскимъ, а, по освобожденіи отъ него — пребылъ 259 лѣтъ, сперва княжескимъ, потомъ воеводскимъ городомъ западно-русскаго великаго княжества Литовскаго; послѣ того онъ въ продолженіи 75 лѣтъ принадлежалъ Польшѣ. Такъ прошло 790 лѣтъ его исторической жизни до присоединенія его вновь подъ державу Русскую.

Въ послѣдніе два срока бытія Киевскаго, собственно городомъ считался Подоль, называвшійся *нижнимъ* Кієвомъ, въ отличіе отъ *верхняго*, т. е. Старога города.

Старый Кієвъ оставался въ своихъ древнихъ земляныхъ валахъ. Подоль по прежнему городился деревянными стѣнами съ башнями, и окапывался рвомъ. Но главнымъ укрѣпленнымъ мѣстомъ былъ замокъ Кієвскій, на горѣ Киселевкѣ, въ которомъ сосредоточивалось и главное управленіе Кієвомъ, военное и гражданское. Возлѣ этого замка, по Кудрявцѣ, былъ другой, митрополичій замокъ, который вмѣстѣ съ большею частью Подола, при Сигизмундѣ III-мъ, былъ присвоенъ католическому бискупу и назывался бискупскимъ замкомъ.

Число жителей Кієвоподольскихъ, въ первой половинѣ 17-го вѣка, считалось отъ 5 до 6 тысячъ. Въ этомъ числѣ было немало польскихъ католиков, имѣвшихъ на Подоль 3 костела. Въ 17-мъ вѣкѣ здѣсь водворились и іезуиты, с своею коллегіей. Церквей православныхъ тогда было на Подоль 13. Водвореніе Армянъ в Кієвъ произошло преимущественно въ концѣ 15-го вѣка, по грамотѣ Казиміра IV-го. Пребываніе Жидовъ, при всемъ ихъ стремленіи къ Кієву, было перемежающееся: въ 16-мъ вѣкѣ они не имѣли здѣсь правъ гражданства; а королевскими грамотами 1619 и 1650 г. имъ запрещено было вовсе постоянное жительство и владѣніе домами въ Кієвѣ. Торговля Кієвлянъ была не очень значительна; она производилась преимущественно хлѣбомъ, мѣхами, воскомъ и медомъ.

Главное, чѣмъ Кієвъ былъ дорогъ и важенъ для всей Руси, это была Печерская лавра, сохранившая въ себѣ столько святыхъ залоговъ отъ древней Русской жизни. Изъ сего святилища и возникла въ 16-мъ вѣкѣ та новая духовная дѣятельность Кієва, которая потомъ развилась такъ пло-

доносно въ Богоявленскомъ братствѣ. Въ Лаврѣ началось и книгопечатаніе Кіевское, 1616 года.

Еще до соединенія съ Москвою, Кіевъ служилъ ея просвѣщенію, напри- мѣр, мнооученымъ Епифаніемъ Славинецкимъ и его товарищами; а когда Кіевъ сталъ принадлежать Россіи, то она изъ него получала себѣ непрестанно духовныхъ дѣятелей, во главѣ которыхъ стоитъ святитель Димитрій Ростовскій съ Стефаномъ Яворскимъ и Теофаномъ Прокоповичемъ. Извѣстно, что Богоявленская коллегія, съ 1701 года называющаяся духовною академію, была до исхода прошлаго столѣтія главнѣйшимъ разсадникомъ просвѣщенія для цѣлой Руси.

Что касается до управленія Кіевомъ, со времени его присоединенія къ Россіи, то главное начальство надъ нимъ, до 1764 года, принадлежало *гетману* Малороссійскому, а ближайшее управленіе Кіевскому *полковнику* (такъ какъ, еще при первомъ раздѣленіи Малороссіи на полки въ 16-мъ вѣкѣ, учрежденъ былъ Кіевскій полкъ, существовавшій до новаго и образованія Малороссіи въ 1782 году). Граждане Кіевскіе продолжали управляться и судиться по Магдебургскому праву, подѣ начальствомъ своего *войта*. Кромѣ того, съ 1654 по 1700 годъ, назначаемы были въ Кіевѣ отъ Русской державы особы *воеводы*, начиная съ князя Федора Семеновича Куракина.

Съ началомъ 18-го вѣка учредилось въ Кіевѣ управленіе губернаторское; а въ 1707 году началось генераль-губернаторство, опредѣленіемъ на сію должность князя Димитрія Михайловича Голицына, памятнаго Кіеву построеніемъ каменной церкви Николая Пустыннаго и обновленіемъ Китаевской пустыни.

Вслѣдъ за тѣмъ 1708 года учреждена была обширная *губернія* Кіевская, къ которой причислена была вся восточная Малороссія и значительное пространство средней Россіи, всего 36 городовъ, а съ приписными 56. Изъ этой губерніи въ 1781 году отдѣлено къ Кіеву только 11 Малороссійскихъ уѣздовъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, подѣ названіемъ Кіевскаго *намѣстничества*. Къ нему въ 1792 году прибавлено было еще 5 уѣздовъ или повѣтовъ, на правой сторонѣ Днѣпра, отъ прежняго Кіевскаго воеводства, возвращеннаго опять подѣ державу Русскую. Наконецъ, въ 1797 году Кіевъ, отчисленный отъ восточной или собственно такъ называемой Малороссіи, назначенъ *губернскимъ* городомъ нынѣшней Кіевской губерніи, на правой сторонѣ Днѣпра. Такимъ образомъ Кіевъ сталъ вновь средоточіемъ того края, съ которымъ искони сопряжена была тѣсно его судьба, и отъ котораго былъ онъ отлученъ на время, только съ 1667 года, по договору Андрусовскому.

О состояніи Києва подъ Русскою державою можно сказать, что замѣтное улучшение онаго началось въ 90 годахъ 17-го вѣка, въ началѣ царствованія Петра Великаго. Эти годы особенно ознаменовались стремленіемъ гетмана и другихъ Малороссійскихъ старшинъ къ построению каменныхъ зданій церковныхъ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: большой Никольскій монастырь на Печерскѣ, и Божоявленская братская церковь на Подолѣ, построенные гетманомъ Мазепою, во вкусѣ западныхъ церквей (такъ какъ и въ просвѣщеніи Києвскомъ вообще, со временъ Петра Могилы, существовали уже формы, занятыя изъ просвѣщенія западноевропейскаго). Изъ свѣтскихъ зданій того десятилѣтія памятно въ Києвѣ зданіе магистрата, сгорѣвшее 1811 года.

Въ 18-мъ вѣкѣ, Петръ Великій означилъ слѣдъ своего пребыванія въ Києвѣ собственноручнымъ заложеніемъ крѣпости, 15-го августа 1706 года, тамъ, гдѣ въ древности было Берестово, любимое село Владиміра и Ярослава, и гдѣ въ слѣдующіе вѣка было село или мѣстечко Печерское, вокругъ лавры. Съ той поры послѣдовало заселеніе всей этой *Печерской* части нынѣшняго Києва, въ которой съ 1711 года имѣли пребываніе начальники города и губерніи. Къ примѣчательнымъ событіямъ тѣхъ временъ принадлежитъ пожаръ, опустошившій Печерскую лавру 22-го апрѣля 1718 года, и слѣдовавшее за тѣмъ обновленіе лавры нынѣшними зданіями.

Императрица Елисавета Петровна, въ бытность свою въ Києвѣ 1744 года, заложила на Старомъ городѣ церковь Андрея Первозваннаго и другую св. Георгія. Въ эти же времена митрополитъ Рафаиль Заборовскій оставилъ въ Києвѣ славную память о себѣ, попеченіями о духовной академіи и разныхъ церковныхъ зданіяхъ. Въ царствованіе же Елисаветы положено начало застроению такъ называемой *Дворцовой* части Києва, которая со временъ Батыя была необитаема и отдѣляла Печерскую гору, съ лаврою и Пустынно-Николаевскимъ монастыремъ, отъ Стараго Києва. Въ ней, на мѣстѣ древняго Кловскаго или Стефановскаго монастыря, въ Липовой роцѣ, построенъ отъ лавры 1744 г. *Кловскій дворецъ*. Послѣ того, около 1753 года, устроенъ былъ деревянный на каменномъ ярусѣ *Государевъ дворецъ*, и при немъ дворцовый садъ, которымъ такъ любовалась императрица Екатерина.

Съ 1790 года эта дворцовая часть города начала застраиваться и другими зданіями, по плану Києва, утвержденному императрицею Екатериною, 1787 года. Тогда здѣсь были помѣщены и присутственныя мѣста, которыхъ нынѣшнее зданіе построено уже въ губернаторство Панкратьева. Населенности Києва, какъ въ этой, такъ и въ другихъ его частяхъ, между прочимъ послужилъ переводъ сюда изъ Дубна въ 1797 году такъ назы-

ваемыхъ *контрактовъ*, на которые ежегодно въ январѣ мѣсяцѣ стѣзжается множество помѣщиковъ изъ трехъ западныхъ и нѣкоторыхъ другихъ губерній, для разныхъ экономическихъ сдѣлокъ.

Въ царствованіе Александра Благословеннаго въ Києвѣ 1809 года учреждена гимназія, которая въ 1811 году была возвышена въ кругъ ученія и въ правахъ передъ другими гимназіями, и помѣщена въ Кловскомъ дворцѣ. Академія Киевская получила новое образованіе въ 1819 году. Весь Подоль, опустошенный пожаромъ 9-го іюля 1811 года, отстроены вновѣ, въ томъ правильномъ видѣ, какимъ онъ красуется теперь, особливо при взглядѣ на него отъ Андрея Первозваннаго и съ горы Щековицы.

Но, слѣдя за всѣми перемѣнами Києва въ продолженіи 193 лѣтъ, протекшихъ отъ его присоединенія подъ Русскую державу, нельзя не замѣтить, что временемъ наибольшаго преобразованія и возрастанія его было царствованіе нынѣшняго Государя Императора, особенно съ 1834 года, въ которомъ начало приводиться въ исполненіе высочайше утвержденное 7-го января положеніе объ устройствѣ Києва. Того же года, въ 15-й день іюля, открытъ былъ въ Києвѣ и университетъ св. Владиміра — «въ память великаго просвѣтителя Россіи». Съ той поры Києвъ примѣтно растетъ, украшаясь непрестанно новыми зданіями и улущаясь въ своемъ благоустройствѣ.

Первая или *Печерская часть* Києва, будучи предназначена подъ обширную Киевопечерскую крѣпость, измѣнилась уже много, получая ежегодно въ замѣнъ прежнихъ небольшихъ домовъ и хижинъ, большія красивыя зданія крѣпостныя.

Передъ начатіемъ этихъ постройкѣй, вслѣдствіе Высочайшаго указа 1827 года 2-го декабря, окончательно удалены изъ Києва евреи, которые водворились было опять здѣсь, особенно на Печерскѣ, при его заселеніи въ прошломъ вѣкѣ. Другіе жители Печерска выселялись преимущественно къ Лыбеди, и этимъ въ 1834 году положили начало такъ называемому *Новому строенію*. Эта *Лыбедская* часть города, имѣя своимъ средоточіемъ величественное зданіе университета св. Владиміра, заложенное 31-го іюля 1837 года, — растетъ съ каждымъ годомъ, и впослѣдствіи будетъ конечно одною изъ многочислѣннѣйшихъ частей Києва, которую по справедливости можно бы назвать *Новымъ Києвомъ*.

Въ *Дворцовой*, нынѣ главной и знатнѣйшей части города, въ 1834 году, вмѣсто прежней Липовой роци при Кловскомъ дворцѣ, явилось вдругъ цѣлое красивое застроеніе, названное *Липками*. Вслѣдъ за тѣмъ и на другихъ мѣстахъ Дворцовой горы возникали новыя зданія, между которыми особенно красуется — институтъ для благородныхъ дѣвиць.

При дворцовомъ садѣ, въ нижнемъ ярусѣ государева дворца, — оставшемся послѣ пожара, бывшаго въ немъ 1819 года, — учреждено заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ.

Старый Кіевъ также получилъ новое устройство и хотя срытіе внутреннихъ его валовъ и уничтоженіе его тѣсныхъ, перепутанныхъ улочекъ и переулковъ измѣнили совершенно прежній, оригинальный видъ его; зато нынѣ его видъ сталъ открытѣе, и самъ онъ сдѣлался удобнѣе для жительства и способнѣе для дальнѣйшаго улучшенія.

Крещатицкое удоле, пролегающее между горами старокіевскою и дворцовою, бывшее *дебрею* въ нашествіе Батяя, почти необитаемое еще и въ концѣ прошлаго столѣтія, въ послѣдніе годы обратилось въ одну изъ лучшихъ улицъ Кіева, которая становится уже средоточіемъ здѣшной промышленности.

Что касается до нижняго Кіева или Подола, то онъ, перестроенный вновь послѣ пожара 1811 года, обновляется и нынѣ стройными каменными зданіями, особенно въ прибережной сторонѣ своей, несмотря что Днѣпръ, необычайнымъ разливомъ въ 1845 году, затоплялъ здѣсь 538 домовъ. Граждане Кіевскіе, по высочайшему указу 1834 года 23-го декабря, получили устройство общее другимъ городамъ Русскимъ, и съ 1835 года управляются уже городскою *думою*.

Отъ собственно такъ называемой нынѣ Подольской части Кіева отдѣлилась еще новая часть его, названная *Плоскою*, по имени Плоской слободы, издавна здѣсь существовавшей. Къ этой шестой части Кіева въ 1834 году причислены предмѣстья: Куреневка — (получившая это имя отъ сторожевыхъ куреней, послужившихъ ей основаніемъ), Пріорка или Прѣварка, и Сырець. Подобно сему, и на противоположномъ концѣ Кіева, къ Печерской части причислено предмѣстье Звѣринецкое, гдѣ нѣкогда былъ княжескій звѣринецъ и село Выдубичи.

Для удобнѣйшаго сообщенія верхнихъ частей Кіева съ Подоломъ, прежній Крещатицкій взвозъ, устроенный вновь еще въ началѣ прошлаго столѣтія, а для этого взвоза и вся Михайловская гора, нынѣ преобразованы въ новомъ видѣ; да и Днѣпровскій берегъ на Подолѣ укрѣпляется набережною. Наконецъ, для сообщенія всего Кіева съ Полтавскою и Черниговскою губерніями, которое такъ затруднительно бываетъ въ весеннее время, начались уже приготовленія къ постройкѣ новаго, постоянного моста черезъ Днѣпръ.

Всѣ эти перемѣны и устройства открываютъ для Кіева путь къ болѣе прочному благосостоянію, и къ дальнѣйшимъ успѣхамъ его населенности и промышленности. А соединеніе губерній Волынской и Подольской,

вмѣстѣ съ Кіевскою, подѣ одно управленіе Кіевскаго военнаго губернатора, — и учрежденіе Кіевскаго учебнаго округа, въ которомъ съ этими тремя губерніями соединены еще Черниговская и Полтавская, — сдѣлали Кіевъ средоточіемъ всего этого края, для распространенія и утвержденія въ немъ общерусской жизни и народнаго Русскаго просвѣщенія, въ ихъ современномъ характерѣ и совершенствѣ. Все это вмѣстѣ поставило Кіевъ на чреду лучшую противъ прежней, и подало ему несомнѣнную надежду на дальнѣйшее процвѣтаніе.

Въ настоящую пору величина всего Кіева простирается — въ длину 14 верстѣ, отъ устья Лыбеди до предмѣстья Прѣварокъ; а въ ширину 4 версты, по средней мѣрѣ отъ Днѣпра къ Лыбеди.

Населенность Кіева постоянными его жителями простирается нынѣ свыше 50 тысячъ душъ обоого пола. Кромѣ того, здѣсь проживаетъ для промысла и работъ, разнаго состоянія людей болѣе 6 тысячъ; да постоянно квартирующихъ чиновъ военнаго вѣдомства свыше 13¹/₂ тысячъ, кромѣ подковъ, приходящихъ сюда каждое лѣто для лагерей и крѣпостныхъ работъ. Многолюдство Кіева въ зимнее время увеличивается на мѣсяць съѣздомъ на контракты; причеиъ собирается и ярмарка, продолжающаяся съ 15-го января по 1-е февраля. Но несравненно болѣе пріливъ народа къ Кіеву бываетъ въ лѣтнее время; ибо тогда со всѣхъ концевъ Россіи стекаются сюда богомольцы, которыхъ число простирается въ годъ отъ 50 до 80 тысячъ.

Число учащихся обоого пола въ Кіевскихъ учебныхъ заведеніяхъ, свѣтскихъ и духовныхъ, простирается свыше 4 тысячъ.

Православныхъ церквей въ Кіевѣ: каменныхъ 24, деревянныхъ 12, и еще 32 церкви въ 7 монастыряхъ, да 7 церквей домовыхъ при разныхъ заведеніяхъ. Домовъ каменныхъ 303, а деревянныхъ 5,714.

Торговыхъ площадей въ Кіевѣ теперь 8, — какъ было и въ 11-мъ вѣкѣ, при Ярославѣ. Кромѣ ярмарки контрактной, въ Кіевѣ собирается еще 5 большихъ ярмарокъ, съ предметами сельской промышленности. Главная торговля Кіевская производится по-прежнему на Подольѣ, гдѣ находится и гостинный каменный дворъ съ 52 лавками. Типографій въ Кіевѣ 5.

Въ заключеніе упомянемъ, что гербомъ Кіева служитъ изображеніе архистратига Михаила, поражающаго копьемъ змѣя подѣ ногами своими. Это изображеніе служило въ древности и великокняжескимъ гербомъ Руси. Нѣтъ сомнѣнія, что оно принято еще при св. Владимірѣ и его сподвижникѣ св. Михаилѣ, — во знаменье той побѣды христіанства надъ язычествомъ, которая совершилась въ Кіевѣ и по которой онъ такъ святъ для цѣлой Руси.

Обозр'яніе Старого Києва ¹⁾

Среди прочих частей нынѣшняго Києва, на особой высокой горѣ находится часть его, называемая *Старымъ Києвомъ* или *Старымъ городомъ*. Имя сіе показываетъ уже, что здѣсь былъ тотъ первопрестольный Києвъ, который отъ Вѣщаго Олега названъ *матерью Русскихъ городовъ*. По возвышенности своего положенія надъ низменнымъ Подоломъ, Старый Києвъ назывался встарину *Верхнимъ* или *Вышнимъ* городомъ.

1. Окрестности Старого Києва

Отъ Старокієвской горы на полдень, возвышается надъ Днѣпромъ другая, обширная гора, на которой находится теперь главная и населеннѣйшая часть Києва, называемая *Печерскомъ*. Въ древнее и среднее время сія гора покрыта была густымъ лѣсомъ. Посредствомъ *Кловскаго провалья* она раздѣлялась на два особыя отдѣленія, которыя и теперь существуютъ подъ названіемъ *Печерскаго* и *Дворцоваго*. На первомъ, болѣе далекомъ отъ Старого города отдѣленіи сей горы, въ древнѣйшее время было только село *Берестовое*, весьма любимое св. Владиміромъ, который въ немъ и скончался 1015 года; объ этомъ селѣ теперь напоминаетъ намъ только *Спасъ на Берестовѣ* — небольшая каменная церковь, поставленная Петромъ Могилою на развалинѣ древней церкви, воздвигнутой св. Владиміромъ.

За селомъ Берестовымъ, во второй половинѣ 11-го вѣка, началось отшельническое пещерное жительство богоугодной братіи, собранной преподобными отцами нашими Антоніемъ и Феодосіемъ, — и созданъя трудами Русскихъ праведниковъ святой *монастырь Печерскій*. Святославъ Ярославичъ въ 1073 г. началъ здѣсь построеніе великой, *небеси подобной* церкви Успенія Пресвятой Богородицы; а въ 1159 году Печерскій монастырь возведенъ на степень *лавы* Андреемъ Боголюбскимъ, по завѣщанію отца его Юрія Долгорукаго.

Къ сѣверозападу отъ Берестова, противу того мѣста, гдѣ вливается въ Днѣпръ глубокая *Черторья*, — въ 882 г., на полугорѣ, началось пустынное поселеніе — *могилою Оскольда*. На сей могилѣ перваго Русскаго князя-хри-

¹⁾ Києвлянинъ 1840 года стр. 5—58.

стіанина поставлена была церковъ св. Николая, можетъ быть еще св. княгинею Ольгою ¹⁾. Въ 11-мъ вѣкѣ существовалъ тамъ женскій Никольскій монастырь, въ которомъ пострижена была мать преподобнаго Θεодосія. Теперь на Оскольдовой могилѣ кладбище, съ небольшою Николаевскою церковью, построенною въ 1809 г. Воронежскимъ купцомъ Мещеряковымъ, на мѣсто обветшавшей деревянной. Что касается до *Пустынно-Николаевскаго* мужескаго монастыря, то онъ извѣстенъ становится съ началомъ 12-го вѣка. Нынѣшняя въ немъ каменная церковъ построена уже въ 1713 году Кіевскимъ губернаторомъ кн. Голицынымъ, а большой Николаевскій монастырь обращенный 1831 года въ военный соборъ, сооруженъ около 1696 года гетманомъ Мазепою.

На другомъ отдѣленіи Печерской горы, которое обращено къ Старому городу, не ранѣ какъ въ концѣ 11-го вѣка возникла отрасль Печерскаго монастыря, насажденная преподобнымъ игуменомъ Стефаномъ — *монастырь Кловскій* или *Стефанецъ*. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ сей монастырь, вскорѣ послѣ 1744 года построенъ былъ отъ лавры *Кловскій дворецъ*, гдѣ теперь первая Кіевская гимназія. Вслѣдъ за тѣмъ (около 1753 г.) устроенъ былъ нынѣшній дворцовый садъ и въ немъ поставленъ деревянный *Государевъ дворецъ*, въ нижнемъ ярусѣ коего (оставшемся послѣ пожара, бывшаго въ 1819 году) помѣщается теперь заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ.

Но монастыри Печерской горы, въ отношеніи къ Кіеву, прежде были загородные, какъ въ наше время монастырь Выдубицкій и пустынь Китаевская. Обширная лаврская слобода, на мѣстѣ которой въ началѣ прошлаго столѣтія устроена Петромъ Великимъ *Печерская крѣпость*,

¹⁾ Въ Лаврентьевскомъ (1377 г.) и другихъ старшихъ спискахъ Русской лѣтописи не сказано, кто и когда *поставил* первоначальную церковъ св. Николы на Оскольдовой могилѣ; но въ Кіевскомъ Синописѣ сказано, что ее поставила *св. Ольга* по своемъ крещеніи; и это весьма вѣроятно. Для княгини Ольги, какъ для новой христіанки, весьма естественно было построеніемъ церкви почтить память и могилу перваго Русскаго князя христіанина, пострадавшаго отъ ближника ея Олега. Существованіе именно *женскаго* монастыря при Никольской церкви, также говоритъ въ пользу сего мнѣнія. Правда, что въ позднѣйшихъ спискахъ Русской лѣтописи построеніе сей церкви приписано *Ольгѣ*; но сіе имя придумано уже позднѣйшими лѣтописцами и произведено ими отъ *Олмина двора*, который во время Нестора находился на Оскольдовой могилѣ или Угорскомъ. Мнѣ кажется, что и самое названіе *Олминъ дворъ* едва ли не ошибочно распространилось въ лѣтописяхъ, и что въ первоначальныхъ спискахъ Несторовой лѣтописи едва ли не было написано *Олжинъ дворъ*, подобно тому, какъ Вышгородъ, принадлежавшій Ольгѣ, называется въ лѣтописяхъ градъ *Олжинъ* (Ольжень), (Вользинъ).

считалась деревнею, а потомъ *мѣстечкомъ Печерскимъ*. На всемъ Дворцовомъ отдѣленіи Печерской горы, кромѣ упомянутыхъ двухъ дворцевъ, не было строенія даже до конца прошлаго столѣтія, именно до 1790 года.

Подобно сему и *Крещатикъ*, довольно красиво отстроенная теперь частица Києва, соединяющая собою Старый городъ съ Печерскомъ, до начала нынѣшняго столѣтія былъ почти необитаемъ. Въ его глубокомъ удольи, спускающемся къ Днѣпру, съ древнихъ временъ славенъ былъ только источникъ, въ которомъ крещены 12 сыновей Владиміровыхъ и который потому названъ *Хрещатикомъ*; а въ народѣ по сю пору называется *Святымъ мѣстомъ*. Можетъ быть на семь-то Святомъ мѣстѣ поставлена была церковь во имя мученика *Турова*, о которой говоритъ Степенная Книга, какъ о первой изъ поставленныхъ св. Владиміромъ церквей. Находящійся надъ источникомъ павильонъ, въ память св. Владиміру, выстроены 1802 года. Сюда ежегодно въ среду преполовенія бываетъ крестный ходъ изъ Софійскаго собора, уставленный съ 1804 года митрополитомъ Серапіономъ.

На рѣчкѣ *Лыбеди*, протекающей мимо Києва по югозападной его сторонѣ, было въ древнее время *Предславино* и другія села. Надъ этою рѣчкою только въ нынѣшнее дѣсятилѣтіе началась строиться Лыбедская часть Києва.

И такъ знатнѣйшая теперь половина Києва, къ юговостоку отъ Старога города простирающаяся, не была городомъ еще и въ прошедшемъ столѣтіи, и какъ-бы ждала обновленнаго бытія Києву, чтобы войти въ составъ его со святою Печерскою лаврою, и занять въ немъ первое мѣсто.

Что касается до *Подолы* или *Нижняго города*, простирающагося подъ Старымъ городомъ, на его сѣверной сторонѣ; то въ среднія времена онъ составлялъ хотя и бѣдную, однако населеннѣйшую часть Києва, и много содѣйствовалъ просвѣщенію цѣлой Руси своимъ *Богоявленскимъ братствомъ*. Подоль и въ древнее время составлялъ также весьма многолюдную и застроенную часть Києва. Однако его городовое заселеніе не древнѣе временъ Владиміровыхъ. Въ княженіе Ольги «на Подольи не съдяху людье, но на горѣ» пишетъ преподобный Несторъ: «бѣ бо тогда вода текущи въздолъ (внизу) горы Києвскія».

Достопамятная *Почайна*, именемъ которой называется теперь небольшой ручей, впадающій въ Днѣпръ за Подоломъ, верстахъ въ трехъ отъ Старога города, въ прежнее время текла по Подолу и, пройдя подъ горою Старокієвскою, большимъ *ручаемъ* вливалась въ Днѣпръ противъ Кре-

щатицкаго источника, въ нее впадавшаго ¹⁾. На своемъ продолженіи Почайна съ лѣвой стороны отдѣлялась отъ Днѣпра длиною песчаною косою; а съ правой стороны она принимала въ себя разные ручьи, протекавшіе съ горныхъ возвышенностей на Подолъ. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нынѣшняго Подола, даже и въ позднѣйшее время, были болота, поросшія камышемъ. Заливное передвижнымъ Днѣпромъ и покрытое лозою *Оболонье*, въ древнѣйшее время простиралось гораздо ближе къ Старому Києву, чѣмъ теперь; на немъ Києвляне пасли свои стада и совершали поклоненіе *скотью богу Волосу*.

Изъ сего краткаго обозрѣнія мѣсть, окружающихъ Старокіевскую гору, очевидно, что первоначальное и главнѣйшее существованіе Києва было на сей горѣ. Мѣстомъ для его дальнѣйшаго распространенія служили тѣ возвышенности и удоля, которыя отъ Старокіевской горы идутъ къ горѣ Щековицѣ, и, простираясь за нею на нѣсколько верстъ, потомъ поворачиваютъ на сѣверовостокъ къ Вышгороду. Такимъ образомъ составляется полукружная гряда горъ надъ Подоломъ и Днѣпромъ: на одномъ ея концѣ возвышается Старокіевская гора съ своимъ славнымъ городомъ; на другомъ концѣ гора *Хоревница* съ нѣкогда процвѣтавшимъ на ней Вышгородомъ и укрывающимся за нею Межигорьемъ. На продолженіи сей гряды, не вдалекѣ отъ горы Києвской, выдается гора Щековица ²⁾, на которой въ 912 году возникла славная могила *Олегова*. Ея именемъ называлось въ древности и все многолюдное жильє, на той горѣ бывшее. Теперь тамъ возвышается построенная отъ города въ 1780 году каменная *церковь всѣхъ святыхъ*, также съ городскимъ кладбищемъ, какъ и на укронной могилѣ Оскольдовой. Сіе-то Надднѣпровское трехгорье служило первоначально мѣстомъ городского заселенія Словенской отросли, называвшейся Полянми.

1) Можетъ быть, въ древнее время *Ручай* и *Почайна* были два отдѣльные протока, сливавшіеся воедино передъ впадѣніемъ оныхъ въ Днѣпръ. Какъ-бы ни было, но Почайна протекала возлѣ Рождественской церкви еще и въ 1700 году, что видно между прочимъ изъ царской грамоты, въ семь году данной Михайловскому монастырю. Песчаная коса, отдѣлявшая Почайну отъ передвижнаго Днѣпра, снесена уже его волнами. Старожилы помнятъ еще, что отъ нея въ прошломъ вѣкѣ оставался рядъ островковъ; послѣдній изъ нихъ, бывшій противъ Крещатика, снесенъ лѣтъ за десять. Любопытныя еще подробности о сляніи Днѣпра съ Почайною въ прошломъ столѣтіи, извлечѣны Берлинскимъ изъ бывшаго Магистратскаго архива. См. *его Краткое Описаніе Києва*, Спб. 1820, въ 8.

2) Древнее имя *Щековицы* уже измѣнилось: въ 17-мъ вѣкѣ (см. Києв. Синопс.) ее называли *Шковицею*; теперь зовутъ ее *Скавикою*.

2. Андреевское отдѣленіе Старога Києва и его предмѣстья

Въ какомъ вѣкѣ началось построеніе Києва, объ этомъ нѣтъ никакихъ историческихъ извѣстій. Преподобный Несторъ сохранилъ только слѣдующее мѣстное преданіе своего народа.

«Быша триє братья: единому имя Кій, а другому Щекъ, а третему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Съдяше Кій на горѣ, гдѣ же нынѣ узвозъ Боричевъ, а Щекъ съдяше на горѣ, гдѣ ныне зовется Щекавица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ негоже прозвася Хоревица. И сотвориша градъ во имя брата своего старшаго и нарекоша имя ему Києвъ; бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху лояща звѣрь». Сіє преданіе повторяють у Нестора и Поляне, во отвѣтъ Оскольду и Диру, когда сіи воители, плывучи мимо по Днѣпру и увидѣвши городокъ на горѣ, спросили: «чій се градокъ?»

Но у Нестора записано еще другое преданіе о самомъ первомъ, завѣтномъ и священномъ началѣ Києва — о крестѣ Андрея Первозваннаго. Святыи Апостолъ «пойде по Днѣпру горѣ, и по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. Завтра вставъ и рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать божія, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ воздвигнути имать. Вшедъ на горы сія, благослови я, постави крестъ, и помолився Богу, и слѣзе съ горы сея, идеже послѣже бысть Києвъ.»

На этой завѣтной высотѣ красуется теперь церковь *Андрея Первозваннаго*, заложенная собственноручно императрицею Елисаветою въ 1744 году, когда она пріѣзжала на богомолье въ Києвъ. Сія ружная церковь, построенная по плану извѣстнаго де-Рострелли, освящена 19-го августа 1767 года. Съ балкона Андреевской церкви представляется необыкновенно живописный, обширный видъ стройнаго Подола съ широкимъ Оболоньемъ, и многоразливнаго *словутнаго* Днѣпра, и возвышающейся надъ ними полукружной гряды горъ, и многокартиннаго, ненагляднаго Заднѣпровья. Начиная съ сего же средоточнаго мѣста, всего лучше можно обозрѣвать и Старый Києвъ, вспоминая объ немъ по степенямъ его перемѣнчиваго бытія: сперва въ первоначальномъ *древнѣйшемъ* его видѣ — до крещенія Владимірова, потомъ въ *древнее* время его наибольшаго величія и славы, которыхъ онъ не утратилъ и тогда, какъ уже сталъ игратищемъ междоусобій княжескихъ, за тѣмъ въ *средніе* вѣка его упадка, съ нашествія Татарскаго до возстановленія въ немъ православной митрополіи и до его обновленія подъ державою Россіи.

Древнѣйшій городъ Києвъ начинался тамъ, гдѣ Андреевская гора отдѣляется небольшимъ оврагомъ отъ монастыря Михайловскаго. Этотъ ов-

рагъ есть заглохшій слѣдъ древняго *Боричева взвоза*, надъ которымъ, по сказанію Нестора, жилъ Полянскій князь *Кій*, и по которому была главная дорога въ Кієвъ отъ Днѣпра. Къ Днѣпру, или говоря точнѣе, ко впадающему въ Днѣпръ *Ручаю*, Боричевъ взвозъ проходилъ съ горы тамъ, гдѣ стоитъ теперь Рождественская церковь ¹⁾. Невдалекъ отъ сего мѣста у Боричева взвоза была и пристань.

Отъ Боричева первоначальный городъ Кієвъ простирался вдоль Андреевской горы до сѣверозападнаго ея предѣла, гдѣ начинается другой старинный взвозъ на Подоль, называемый теперь *Андреевскимъ* и гдѣ въ среднія времена, а вѣроятно и въ древнія, находились городскія ворота.

На этой, особенно видной, обращенной къ Днѣпру сторонѣ первоначального города, поставленъ былъ надъ горою, вѣроятно, еще при первыхъ Русскихъ князьяхъ, *каменный теремъ* съ большимъ *теремнымъ дворомъ*. На семъ то *княземъ* дворъ — *у солнышка у краснаго, у ласкова князя Владиміра* — бывали такъ часто богатырскіе *почетные пиры*, которые такъ поэтически прославляются въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, — объ которыхъ преподобный Несторъ повѣствуетъ въ своей лѣтописи: «устаи (Владиміръ) на дворѣ въ гридниці пиръ творити, и приходи ти боляромъ и гридомъ, соцькимъ идесяцьскимъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя» и т. д. Положеніе теремнаго двора опредѣляетъ Несторъ такъ: «за святою Богородицею надъ горою дворъ теремный: бѣ бо ту теремъ камень». Изъ его же словъ ²⁾ можно видѣть, что за теремомъ была другая половина теремнаго двора, уже *внѣ града*: безъ сомнѣнія, она простиралась по склону горы и покрыта была садомъ.

«Внѣ двора теремнаго», гдѣ теперь церковь Трехсвятительская, въ древнѣйшее время возвышался *Перуновъ холмъ*. На томъ холмѣ, набожный и въ язычествѣ своемъ, Владиміръ поставилъ шесть кумировъ Словенскихъ. Но когда онъ въ 988 году возвратился въ Кієвъ изъ Корсуны, уже преображенный святымъ крещеніемъ, тогда велѣлъ онъ ниспровергнуть прежніе свои кумиры: одни изрубить, другіе сжечь; Перуна же велѣлъ онъ влечь съ горы къ Боричеву на Ручай. Совершивъ крещеніе своего народа, Владиміръ повѣлелъ рубити церкви и поставляти

1) Нѣкоторые Кієвоподольскіе старожилы помнятъ, что въ 1810 году, когда для построенія нынѣшней каменной церкви Рождественской разбирали прежнюю деревянную, построенную 1564 года, то въ ея основаніи найдено было надписаніе, что она поставлена была на *узвозъ Боричевомъ*.

2) «Ольга же повѣле ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмъ внѣ града» и т. д.

по мѣстамъ, идеже стояху кумиры; и постави *церковь св. Василя* на холмѣ, идеже стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идеже творяху potrzeby князь и люде». — Сія *церковь*, съ нашествія Батыева, четыре вѣка оставалась развалиною, въ которой не сломаны были только нижняя часть стѣнъ, да узкое алтарное окно къ сѣверу. Первое возстановленіе Васильевской церкви относится къ незабвенному для Києва митрополитству Петра Могилы, который, устроая Богоявленское братство, приписалъ къ нему и сію *церковь*. Тогда на ея древнемъ остаткѣ построена была новая и опредѣлены для служенія въ ней строитель и братія. Но около 1660 года она сгорѣла и опять было запусѣла. Нынѣшняя каменная *церковь*, также на древнемъ остаткѣ, построена уже при Варлаамѣ Ясинскомъ 1695 года и освящена во имя *Трехъ Святителей*. При ней въ прошломъ столѣтіи былъ Трехсвятительскій мужескій монастырь, приписанный къ Софійскому, какъ видно изъ вѣдомости о монастыряхъ Києвской епархіи 1756 года ¹⁾.

Мѣсто подъ юговосточнымъ угломъ Андреевской горы, гдѣ Перуновъ кумиръ волокли по Боричеву взвозу, прозвано было въ народѣ *Чортовымъ беремищемъ*. Противоположный большой отрогъ Андреевской горы, вокругъ котораго спускается на Подоль Андреевскій взвозъ, въ старину назывался *Вздыхальницею*.

Къ юго-западу отъ терема былъ дворъ Варяга Θεодора, гдѣ онъ съ сыномъ своимъ Іоанномъ принялъ мученическій вѣнецъ за христіанство, во время Владимірова язычества (983 г.). На томъ мѣстѣ Равноапостольный князь заложилъ въ 989 году великолѣпную каменную *церковь* во имя пресвятой Богородицы, и по освященіи оной 996 года мая 12-го, пору-

¹⁾ Трехсвятительская *церковь* названа монастыремъ и на генеральномъ планѣ Києва 1745 года; въ послѣднее время монастырь сей приписанъ былъ опять къ училищному Братскому монастырю; а съ 1783 года, Трехсвятительская *церковь* сдѣлана приходскою.

Древняя Васильевская *церковь* имѣла въ ширину 16¹/₂, а въ длину 25 сажень; сложена была изъ тонкихъ четвероугольныхъ кирпичей, на толстой известковой съ толченымъ кирпичемъ подмазкѣ, подобно Софійской и Десятинной церквамъ. Поэтому можно думать, что она первоначально была построена деревянная, и потомъ уже поставлена каменная Греческими художниками, сооружившими Десятинную *церковь*. По сгорѣніи Васильевской церкви около 1660 года, она черезъ нѣсколько лѣтъ приписана была къ монастырю Михайловскому; а 1691 г. отдана Софійскому.

Кромѣ сей Васильевской церкви, основанной св. Владиміромъ во свое крестное имя, — въ древнемъ Києвѣ была еще другая *церковь св. Василя*, которую на новомъ дворѣ построилъ во свое имя Рюрикъ Ростиславичъ, и которую освящалъ 1-го января 1198 г. митрополитъ Никифоръ II-й. Но гдѣ стоялъ новый Ростиславовъ дворъ, неизвѣстно.

чилъ ея Анастасу Корсунянину, и приставилъ на служеніе въ ней священниковъ Корсунскихъ; и уставилъ завітною грамотою давать на ея содержаніе десятину съ княжескихъ доходовъ, почему церковь сія и названа *Десятинною*. Въ ней св. Владимиръ доложилъ мощи св. Ольги и главу св. Климента, папы Римскаго; здѣсь же погребенъ былъ первый нашъ митрополитъ св. Михаилъ, скончавшійся въ 992 году: а въ 1015 г. посреди Десятинной церкви поставлена была краснокаменная гробница ¹⁾ и Равноапостольнаго князя, рядомъ съ гробницею княгини его Анны, скончавшейся въ 1011 году. Въ сей же церкви, въ 1044 году, Ярославъ положилъ кости умершихъ въ язычествѣ своихъ дядей, Ярополка и Олега, совершивъ надъ ними безпримѣрный въ нашей исторіи обрядъ крещенія послѣ смерти.

Для построенія Десятинной церкви вызваны были Владиміромъ греческіе художники. Ея стѣны и полъ украшены были мраморомъ и великолѣпною мусією. Въ нее же были отданы Владиміромъ всѣ привезенные изъ Корсуня иконы, кресты и сосуды церковные. А два капища и 4 мѣдныхъ коня, изъ Корсуня же привезенные, поставлены были за Десятинною церквою, на площади, называвшейся *бабинымъ торожкомъ*, гдѣ они стояли и въ Несторово время. Въ основаніи своемъ Десятинная церковь имѣла видъ четверугольника, длиною около 24, а шириною 16 сажень.

Въ 1204 году, когда неистовый Рюрикъ съ Половцами грабилъ Кіевъ, ограблена была и Десятинная церковь; а во время нашествія Батыева въ 1240 году она обращена въ развалины, и неразрушеннымъ остался только юго-западный уголъ, вышиною около 5 сажень. Изъ найденныхъ подъ развалинами въ 1635 году княжескихъ гробницъ, Петръ Могила вынулъ главу св. Владиміра и положилъ ее сначала въ Спаскую церковь на Берестовѣ, и въ томъ же году перенесъ въ лавру. Къ уцѣлѣвшему углу древней церкви, придѣлавъ къ нему новыя стѣны изъ древнихъ же кирпичей, Могила отстроилъ малую Десятинную церковь, во имя Рождества Богородицы, и надстроилъ еще деревянный придѣлъ во имя Петра и Павла. Сія Могилянская церковь, неизвѣстно почему, называлась впоследствии Николаевскою.

Краснорѣчивыя развалины древняго Десятиннаго храма оставались нетронутыми до митрополита Евгенія; при немъ же, сначала въ 1828 го-

¹⁾ Я назвалъ гробницы св. Владиміра и Анны *краснокаменными* для означенія того, что онѣ были не изъ настоящаго *мрамора*, а изъ краснаго шифера.

ду были разрыты развалины; а въ 1828 году и развалины, и Могилянская церковь разобраны до основанія, и на ихъ мѣстѣ, надъ древними гробницами, того же года 2-го августа, заложена новая церковь, также во имя Рождества Богородицы, съ двумя придѣлами, во имя св. Владиміра и св. Николая. Эта церковь строится по плану Стасова, иждивеніемъ Курскаго помѣщика Анненкова. На ея украшеніе употребляются многія изъ принадлежностей древней Десятинной, найденныхъ подъ ея развалинами. Тринадцать большихъ выпуклыхъ буквъ, оставшихся на каменныхъ обломкахъ и составляющихъ древнѣйшій памятникъ письменности въ Россіи, вдѣланы по мѣстамъ надъ окнами новой церкви.

На западъ отъ Десятинной церкви, да и на полдень отъ нея, первоначальный городъ простирался уже недалеко — до близъ лежащаго оврага, которымъ оканчивалась тамъ Андреевская гора. Черезъ тотъ оврагъ, по направленію къ Софійскому собору, былъ въ древнее время *мостъ*, по которому въѣзжали въ Кіевъ черезъ каменные ворота. Ворота сіи находились въ земляномъ валу, окружавшемъ первоначальный городъ, и вѣроятно стояли противъ терема. Они сложены были изъ широкихъ кирпичей и камня, подобно золотымъ вратамъ, въ соотвѣтствіе коимъ можетъ быть они и сооружены были. Остатокъ ихъ существовалъ еще въ прошломъ столѣтіи, и разобранъ уже при комендантѣ Массе въ 1799 г. Ворота сіи въ прошедшемъ столѣтіи назывались *Кіевскими* воротами, а также и *Батыевыми*.

Кромѣ сихъ воротъ, въ древнѣйшемъ Кіевѣ было еще нѣсколько; но гдѣ именно и въ какомъ числѣ они стояли, неизвѣстно. Вѣроятно одни были со стороны Боричева, а другія со стороны Андреевскаго взвоза ¹⁾.

Вокругъ первоначальнаго города, который помѣщался на такъ называемомъ Андреевскомъ отдѣленіи Старокіевской горы, безъ сомнѣнія уже съ древнѣйшихъ временъ были разныя заселенія, особливо по сѣверно-

¹⁾ Въ Эймундовой Сагѣ повѣствуется, что при нападеніи Брячислава на Кіевъ (въ 1021 году), открыто было только двое городскихъ воротъ, а прочія были закрыты. Каменные, такъ называемыя Батыевы ворота, на планѣ Кіева 1745 года названы *Кіевскими*. Но въ 17-мъ вѣкѣ воротами *Кіевскими* назывались кажется тѣ, которыя (какъ видно изъ словъ Кальнофойскаго, — см. ниже) стояли надъ Авдреевскимъ взвозомъ; ибо въ патерикѣ Коссова (стр. 16 и 181) упоминается о развалинахъ Десятинной церкви *возль нынѣшней брамы Кіевской, на горѣ стоящей*. Можетъ быть сіи ворота въ древности назывались *Подольскими*. «Отвориша ему (Роману) Кіяне ворота Подольская въ Копыревѣ концѣ».

му и западному склону Андреевской горы. Объ нихъ напоминають собою эти маленькія, полуземляныя хатки, которыми и теперь еще, какъ ласточьими гнѣздами, облѣплены кое-гдѣ склоны Старокіевской горы, безъ которыхъ и теперь какъ-то неполна была-бы картина Старого Києва.

Со всею вѣроятностію можно допустить, что *Пасынчья бесѣда* и *Козары*, о коихъ упоминаеть Несторъ, находились на склонѣ Старокіевской горы къ Днѣпру и составляли набережное предмѣстье первоначальнаго Києва возлѣ Боричева взвоза. *Въ концѣ* ихъ, по сказанію Нестора же, еще и въ его время стояла *надъ Ручаемъ церковь св. Или*, бывшая въ половинѣ 10-го вѣка, при Игорѣ, *соборною* церковью христіанской Руси. Можетъ быть сія церковь была древнѣйшая въ Києвѣ, поставленная еще въ княженіе Оскольда ¹⁾.

Михайловская гора и ее окружающія удоля въ древнѣйшее время были покрыты лѣсомъ. Вѣроятно въ тѣхъ удоляхъ, которыя принадлежать къ ней съ юго-западной стороны, во время Ольги было *перевѣсище*, находившееся *внѣ града*, по замѣчанію Нестора.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Софійскій соборъ и его окружающія зданія, во время Владимірово и даже Ярославово 1037 года, было загородное поле, на которомъ была только *могила Дирова* — вторая могила Русскаго князя-христіанина.

Но гдѣ была христіанская же могила св. княгини Ольги, заповѣдавшей *не творить* надъ нею *тризны*, а погребсти ее *ровно съ землею*? Объ этомъ нѣтъ показаній ни у Нестора, ни у другихъ нашихъ лѣтописателей.

Не говорится у преподобнаго Нестора и о томъ, гдѣ была церковь блаженной Ольги, имѣвшей при себѣ священника Григорія. Только въ одной, такъ называемой Иоакимовской лѣтописи сохранилось извѣстіе, что св. Ольга построила деревянную, первую въ Києвѣ *церковь св. Софїи*, для которой она получила иконы отъ патріарха. Какъ ни сомнительна во многомъ та лѣтопись, но ея сказаніе о древнѣйшей Софійской церкви

¹⁾ Вопросъ о мѣстѣ древней Ильинской церкви, мнѣ кажется, рѣшенъ удовлетворительно въ академическомъ *Изслѣдованіи* Ефима Остромысленскаго (Києвъ, 1830 г. въ 4). Что касается до времени построенія сей церкви, то она, я думаю, могла быть построена скорѣе при князѣ Оскольдѣ, чѣмъ при Олегѣ или Игорѣ. Посланный въ Русь отъ патріарха Игнатія около 867 г. епископъ *Михаилъ*, безъ сомнѣнія, заботился о томъ, чтобы въ Києвѣ была построена церковь, и вѣроятно сему епископу принадлежало основаніе Києвской соборной церкви св. Или, тѣмъ болѣе, что и въ Царѣгородѣ соборная церковь была также во имя св. Или.

весьма вѣроятно, — особливо при извѣстїи Дитмара, что Кїевскїи архїепископъ (1018 г. 14-го августа) встрѣчалъ Болеслава храбраго *въ монастырь св. Софіи*, который, по несчастному случаю, за годъ передъ тѣмъ былъ опустошенъ пожаромъ. Объ этомъ пожарѣ и преподобный Несторъ подъ 1017 годомъ говоритъ: «и погорѣ много церквей *въ Кїевѣ*». Судя потому, что Болеславъ, которому осажденные Кїевляне отворили ворота, былъ встрѣченъ въ прежнемъ Софїйскомъ монастырѣ, можно предполагать, что оный монастырь и древнѣйшая въ самомъ городѣ церковь св. Софіи находились невдалекѣ отъ воротъ Кїевскихъ, на западной сторонѣ города, гдѣ еще до крещенїя Владимірова были дворы христіанъ.

3. Михайловское отдѣленіе Старого Кїева

Михайловская гора составляетъ юго-восточное отдѣленіе горы Старокїевской, и возвышается надъ Днѣпромъ рядомъ съ Андреевскою горою, отъ которой отдѣляется только Боричевымъ взвозомъ. На сей горѣ, противъ холма Перунова, еще въ первое время крещенїя Руси св. Владиміромъ, нашъ первый митрополитъ св. Михаилъ, въ знаменїе побѣды христіанства надъ язычествомъ, основалъ *монастырь* во имя *Архистратига Михаила*. Съ той поры на Михайловской горѣ находились преимущественно построенїя монастырскїя. Отсюда же вѣроятно получилъ свое начало и *гербъ Кїевскїи*, представляющїй Архистратига Михаила, стоящаго на горѣ, съ открытою головою, съ мечемъ въ одной рукѣ, со щитомъ въ другой. Изображенїе Архистратига, сдѣланное изъ золоченой мѣди, стоитъ и нынѣ на Михайловской церкви.

Вмѣсто первоначальной деревянной церкви Михайловскаго монастыря, князь Святополкъ Изяславичъ въ 1108 году соорудилъ каменную церковь, съ 15 позлащенными верхами, почему и монастырь сей названъ *золотоверхимъ*.

Греческая княжна Варвара, бывшая супругой Святополка, привезла изъ Греціи въ даръ Кїеву мощи св. великомученицы Варвары. Сїе святое сокровище нынѣ хранится въ среброкованной рацѣ на серебряномъ подножїи подъ новымъ золоченымъ балдахиномъ, въ особомъ сѣверномъ придѣлѣ Михайловскаго храма, и привлекаетъ въ него тысячи набожныхъ мошельщиковъ. Каждый вторникъ читается тамъ акаѣистъ св. великомученицѣ Варварѣ, сочиненный Кїевскимъ митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ въ началѣ 18-го вѣка. Мошельщики, на память поклоненїя своего, прїобрѣтаютъ тамъ серебрянные и золотые крестики и

кольца, также берутъ елей и святую воду. Прежній деревянный гробъ великомученицы Варвары хранится въ ризницѣ. Золотая лампада съ жемчужно-бриліантовою кистью, висящая передъ мощами, принесена въ даръ Екатериною великою. Образъ, представляющій усѣкновенную главу св. великомученицы, украшенъ девятью драгоцѣнными перстнями, подаренными отъ разныхъ особъ. Весьма примѣчателенъ еще осыпанный бриліантами храмовой образъ Архистратига Михаила, присланный въ 1817 году въ даръ сему монастырю побѣдоноснымъ императоромъ Александромъ Благословеннымъ.

Что касается до древней Михайловской церкви, то Святополкъ-Михаилъ ее *украси дивно*, по выраженію лѣтописца. Стѣны ея, какъ и другихъ церквей древняго Києва, покрыты были мусією. Величина ея была въ длину 15, а въ ширину 8¹/₂ сажень. Но при нашествіи Батыевомъ сбиты были ея золотые верхи, и оставлены однѣ стѣны до купола, изъ которыхъ только на внутренней стѣнѣ алтаря уцѣлѣла и донинѣ полоса древней мозаической картины, представлявшей тайную вечерю.

Что было съ Михайловскимъ монастыремъ до 16-го столѣтія, неизвѣстно. Но въ началѣ 16-го вѣка онъ устроенъ вновь стараніемъ игумена Макарія, который испросилъ на то въ 1523 г. королевскую грамоту у Жигимонта I-го ¹⁾. Однако въ продолженіе ста лѣтъ Михайловская церковь пришла въ ветхость. Обновилъ ее Іовъ Борецкій ²⁾, котораго, по жела-

1) Въ сей любопытной грамотѣ объ исправленіи запустѣвшей тогда Михайловской церкви и возстановленіи при ней общины, между прочимъ сказано: «а то есмы учинили для того, иже де ихъ тая церковь отъ вынятя Києвского опустѣла, хвалы Божіей въ ней не было». Но здѣсь подъ именемъ *вынятя Києвского* не должно, кажется, разумѣть разоренія или взятія Києва Батыемъ; вѣроятнѣе, что здѣсь разумѣлось одно изъ послѣднихъ разореній Києва Татарами, набѣгавшими въ концѣ 15-го вѣка. Изъ двухъ грамотъ (1501—1503 г.), данныхъ королемъ Александромъ воеводѣ Києвскому князю Путятичу, видно, что еще въ самомъ началѣ 16-го вѣка зачиналось игуменство въ Михайловскомъ монастырѣ (ибо туда назначенъ былъ отъ воеводы Путятича старецъ *Иванъ Смольянинъ*, на мѣсто коего король опредѣлилъ *Гришка Григорьевича Поповича* въ 1501 г., а вскорѣ потомъ игумена Іону); однако оно кажется не упрочилось тогда, и не послужило къ возстановленію монастыря — до игумена Макарія.

2) Сильвестръ Коссовъ (епископъ Мстиславскій, а потомъ митрополитъ Києвскій послѣ Петра Могилы) въ своемъ *Патерикѣ* (писанномъ на Польскомъ языкѣ и напечатанномъ въ Києвѣ, 1635 въ 4) — на 180 стр. именно говоритъ, что Михайловскій храмъ «уже не мало обрушенный, значительно возстановилъ Іовъ Борецкій». О томъ свидѣтельствуетъ и Кальнофойскій, въ своей надгробной надписи Іову Борецкому, который погребенъ былъ въ Михайловской церкви, — но гдѣ именно, теперь уже неизвѣстно. (О сей надписи см. далѣе въ статьѣ *о надгробіяхъ*).

нію дворянства и козачества Украинскаго, особливо по просьбѣ гетмана Петра Сагайдачнаго, посвятилъ въ митрополиты бывшій тогда въ Києвъ Константинопольскій патріархъ Теофанъ. Сіе посвященіе происходило 1620 года въ великой Печерской церкви, въ самый день Успенія. Такимъ образомъ возстановилась тогда православная митрополія въ Києвъ, 25 лѣтъ сиротѣвшая безъ пастыря. Но какъ въ то время Софійскій соборъ былъ занятъ Уніатами, потому Іовъ Борецкій и преемникъ его Ісаія Копинскій имѣли свою кафедру въ Михайловскомъ монастырѣ (съ 1620 по 1633 годъ), который никогда не доставался во власть уніатовъ, хотя имъ и дано было право на оный отъ воеводы Києвскаго. Увеличеніе Михайловской церкви двумя боковыми придѣлами, относится къ вѣку Петра Великаго. Построеніе каменной колокольни начато въ 1716 г., а нынѣшняя каменная ограда сдѣлана 1758 г.

Іовъ Борецкій при золотоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ въ 1621 г. построилъ, во свое прежнее имя, *церковь св. Іоанна Богослова* ¹⁾, и учредилъ при ней *Михайловскій женскій* или *Богословскій* монастырь, въ которомъ престарѣлая супруга Борецкаго была первою настоятельницею, и который существовалъ здѣсь до 1712 г., а въ этомъ году переведенъ на Подоль въ сосѣдство Іорданскаго женскаго монастыря.

При Золотоверхомъ монастырѣ заведена была и типографія ²⁾ Іовомъ Борецкимъ, который по кончинѣ своей 1631 года погребенъ въ Михайловской церкви.

Преданіе увѣряетъ, что въ переднемъ придѣлѣ сей церкви погребенъ по правую сторону князь Святополкъ-Михаилъ, а по лѣвую сторону княгиня Варвара,— гдѣ и дѣйствительно видны гробничныя формы.

Послѣ Ісаіи Копинскаго настоятелями Михайловскаго монастыря были игумены, съ 1737 года архимандриты; а съ 1800 года онъ опредѣленъ въ настоятельство и мѣстопробываніе викарія митрополіи Києвской, епископа Чигиринскаго.

Но еще за полвѣка до того, какъ поставлена была золотоверхая церковь Святополкомъ Изяславичемъ, отецъ его Изяславъ Ярославичъ создалъ во свое крестное имя великолѣпный *монастырь Дмитріевскій*, заложенный въ 1055 году, послѣ побѣды надъ Торками. Въ 1086 году, убитый подъ

¹⁾ Въмѣсто прежней деревянной, въ 1613 году поставлена нынѣшняя каменная церковь Іоанна Богослова съ трапезою.

²⁾ Въ сей митрополичьей типографіи напечатанъ былъ 1620 г. Лимонарь или Цвѣтникъ Софронія патріарха Іерусалимскаго. Типографомъ былъ Спиридонъ Соболевъ.

Звенигородомъ князь Ярополкъ Изяславичъ былъ погребенъ въ церкви св. апостола Петра, которую самъ онъ началъ строить въ монастырѣ Дмитріевскомъ. О семъ монастырѣ Несторъ повѣствуетъ слѣдующее: «Изяславъ же постави монастырь св. Дмитрія и выведе Варлаама на игуменство къ св. Дмитрію (*изъ монастыря Печерскаго*), хотя створити выше сего монастыря, надѣяся на богатство. Мнози бо монастыри отъ царь и отъ боярь и отъ богатства поставлени, но не суть тацї (*такіе*), кацї суть поставлени слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣньемъ. Антоній бо не имѣ злата ни серебра, но стяжа слезами и пощеньемъ». Сїи слова преподобнаго Нестора были пророческія: монастырь Антоніевъ и нынѣ сіяетъ нетлѣннымъ, дивнымъ величіемъ, при всѣхъ переворотяхъ, испытанныхъ имъ въ продолженіи 8-ми вѣковъ; а монастыря Дмитровскаго давно уже нѣтъ, и самое мѣсто его покрито сомнѣньемъ.

Къ юго-востоку отъ Михайловской церкви, внутри монастырской ограды лежитъ въ землѣ разрушенное каменное основаніе большой древней монастырской церкви. Отъ сего мѣста нѣкогда спускался по Михайловской горѣ взвозъ на Подоль мимо Крещатика, называвшійся въ 17-мъ вѣкѣ *Крещатицкимъ*. Изъ городовыхъ записей 1654 года извѣстно, что сей взвозъ назывался еще *Дмитровскимъ*, а лежащій при его началѣ нагорный оврагъ *Дмитровскою лукомью* или *лукомытью* 1). Все сіе приводитъ къ мысли, что упомянутая развалина на Михайловской горѣ есть остатокъ монастыря Дмитріевскаго. Однако есть другое извѣстіе, у Сильвестра Коссова: въ Патерикѣ своемъ на страницѣ 180 говоритъ онъ, что въ его время (1635 г.) отъ Дмитріевскаго монастыря оставался только *плацъ* недалеко отъ монастыря Печерскаго. Сіе извѣстіе любопытно, какъ мнѣніе, бывшее въ 17-мъ вѣкѣ; впрочемъ оно могло быть не древнимъ преданіемъ, и только ученымъ мнѣніемъ тогдашнихъ Печерскихъ иноковъ; и тотъ *плацъ*, о которомъ говоритъ Коссовъ, могъ быть остаткомъ не монастыря Дмитріевскаго, а только *Петропавловской Берестовской* церкви, при коей находился священникомъ благочестивый Іларіонъ до 1051 года.

1) Извѣстіе объ этомъ отыскано въ бывшемъ Магистратскомъ архивѣ Бѣрлинскимъ, которому принадлежитъ и мнѣніе о существованіи Дмитріевскаго монастыря на Михайловской горѣ. Но «митрополитъ Евгеній (въ *Опис. Киев. Лавры*) слѣдовалъ показанію Сильвестра Коссова. Между Кіевскими старожилами ведется мнѣніе, что Дмитріевскій монастырь находился неподалеку отъ древняго Кловскаго, именно на крутомъ бугрѣ Печерской горы, гдѣ теперь стоитъ Нѣмецкая кирка. Не тамъ ли полагалъ и Коссовъ? У него и *плацъ* Дмитріевскаго монастыря и *Кловъ* одинаково означены: *nie daleko monastera Pieczarskiego*.

4. Софійское отдѣленіе Старого Києва

Дальнѣйшее распространеніе Старого Києва произошло при Ярославѣ благо-
властномъ, особливо послѣ 1036 г., когда онъ разбилъ Печенѣговъ, напав-
шихъ на Києвъ, и сею побѣдою положилъ конецъ ихъ набѣгамъ на Русь.
Въ память сей славной побѣды, на мѣстѣ пораженія Печенѣговъ, Ярославъ
заложилъ въ 1037 г. величественную каменную *церковь св. Софїи*. Въ
томъ же году «заложилъ Ярославъ *градъ великій*, у него же суть *золотыя*
врата». Такимъ образомъ къ первоначальному городу прибавилось
цѣлое Софійское отдѣленіе, составлявшее съ тѣхъ поръ знатнѣйшую
часть Києва. Съ той поры здѣсь уже былъ и главный *княжій дворъ*, на-
зывавшійся въ 12-мъ вѣкѣ *дворомъ Ярославлимъ* и находившійся гдѣ
нибудъ возлѣ Софійской церкви.

Церковь св. Софїи, премудрости Божїей, посвящена у насъ Рождеству Бого-
родицы, и храмовой праздникъ ея совершается 8-го сентября ¹⁾. Она по-
строена была по подобію великолѣпнаго Софійскаго храма въ Царѣгородѣ,
воздвигнутаго въ 6-мъ вѣкѣ царемъ Юстиніаномъ; но только въ меньшемъ
противъ нея размѣрѣ: ибо Ярославовская церковь имѣла въ длину 17, въ
ширину $25\frac{1}{2}$ сажень, въ вышину до карниза подъ куполомъ 10 сажень
съ аршиномъ, а въ поперечникѣ купола 10 аршинъ; Юстіановская же
имѣла въ длину слишкомъ 40, въ ширину 36, въ вышину до аркъ 23 са-
жени, а въ поперечникѣ купола 38 аршинъ. Богатою рукою благовластный
Ярославъ украсилъ храмъ Софійскій золотомъ и серебромъ, мусією и мраморомъ,
и установилъ при немъ митрополию, т. е. каеэдру и дворъ митро-
поличьи и помѣстилъ тамъ избраннаго въ 1051 г. въ митрополиты благо-
честиваго Берестовскаго священника Іларїона *Русина*.

При нашествїи Батыевомъ Софійская церковь, по своей огромности, менѣ
Десятиной и другихъ Києвскихъ церквей потерпѣла разрушенія: дре-
внїя стѣны ея уцѣлѣли почти до самаго купола.

Знаменитому митрополиту Кипріану принадлежитъ первое обновленіе Со-
фійскаго храма. Но онъ послѣ того, былъ не разъ разграбляемъ Татара-
ми, и съ 1596 года завладѣнъ уніатами, пришелъ было въ крайній упа-

¹⁾ Рисунокъ примѣчательной храмовой иконы Софійскаго собора съ подробнымъ ея опи-
саніемъ и сличеніемъ съ храмовыми иконами другихъ Софійскихъ церквей,
помѣщенъ въ *Описанїи Києво-Софійскаго собора и Києвской Іерархіи*. Києвъ, 1825 г.,
въ 4. Сїя книга, богатая свѣдѣніями и разными приложенїями, составлена учеными
трудами митрополита Евгенїя, который при Софійскомъ соборѣ основалъ бібліотеку
рукописей, назначивъ и особаго бібліотекаря съ жалованьемъ.

докъ. Но когда митрополитомъ Кіевскимъ сталъ благодѣтельный Петръ Могила, тогда онъ, по силѣ данныхъ ему отъ короля Владислава IV-го привилегій, отобралъ отъ униатовъ Софійскую церковь для православной митрополіи Кіевской (въ 1633 г.) и приложилъ великое попеченіе о возстановленіи оной. Къ древнимъ стѣнамъ ея онъ придѣлалъ новыя пристройки и надстроилъ новый куполь. Соревнуя Петру Могилѣ, и послѣдующіе митрополиты заботились о внутреннемъ убранствѣ Софійскаго храма, и привели его постепенно въ нынѣшній видъ. Теперь въ Софійскомъ соборѣ находится 17 придѣловъ; вершина его состоитъ изъ 11 большихъ и 4 малыхъ куполовъ; вышина его отъ полу до верха креста 22 сажени. Нынѣшняя ограда съ триумфальною колокольнею построена около 1746 г. митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ.

Между драгоценностями Софійской церкви въ древнее время находился въ алтарѣ (по свидѣтельству Кіевскаго Пролога) крестъ, принесенный изъ Царягорода святою Ольгою. Теперь изъ древнихъ украшеній сего храма остались только нѣсколько половыхъ плитъ бѣлаго мрамора и краснаго лещедника, нѣсколько гранитныхъ перилъ съ вырѣзанными на нихъ орлами и другими изображеніями; но всего замѣчательнѣе мозаическія изображенія, оставшіяся по стѣнамъ въ алтарѣ и внутри церкви подъ куполомъ. Особенно прекрасенъ величественный образъ Богоматери въ алтарѣ на полусводѣ отъ горнаго мѣста. Она изображена на золотомъ полѣ въ исполинскій ростъ, стоящую на четвероугольномъ золотомъ камнѣ съ воздѣтыми руками, въ лазоревомъ хитонѣ, съ бѣлымъ утиральникомъ за червленнымъ поясомъ, съ лазоревыми поручьми, а на главѣ и раменахъ съ золотою складочною фелонью или покрываломъ. Подъ симъ изображеніемъ находятся еще два, также древней мозаической работы: на верхнемъ представлена тайная вечеря, а на другомъ, нижнемъ, десять святителей. Алтарное мѣсто, на которомъ въ продолженіе 8-ми вѣковъ сохранилось изображеніе Божіей Матери невредимымъ, названо въ народѣ нерушимою стѣною. Кромѣ того, въ алтарѣ открыты въ прошломъ году еще двѣ древнія мозаическія картины, заслоненныя иконостасомъ: на одной изображена Пречистая Дѣва, прядущая веретеномъ, а на другой благовѣствующій Архангелъ Гавріиль. Внутри церкви, также древнею мусією изображены на восточной къ алтарю дугѣ образъ спасителя на золотомъ полѣ, а поверхъ дуги Божія Матерь. Изъ древнихъ изображеній четырехъ евангелистовъ на треугольникахъ подъ куполомъ сохранился образъ св. Марка и половина образа св. евангелиста Іоанна. По дугамъ изображены были 40 мучениковъ; но изъ нихъ только на 15 уцѣлѣла древняя мусія.

Изъ чудотворныхъ иконъ находятся въ Софійскомъ храмѣ четыре: *Любецкая* икона Божіей Матери, и *Любецкая* — же икона Спасителя, перенесенныя сюда изъ Любеча митрополитомъ Гедеономъ-Святополкомъ княземъ Четвертинскимъ; икона *Купятицкой* Божіей Матери, перенесенная въ Кіевъ во второй половинѣ 17-го вѣка православными монахами изъ села Купятичей Пинскаго уѣзда, когда тамошнимъ монастыремъ завладѣвали сперва Бенедиктинцы, а потомъ уніаты; наконецъ икона Николая Мокраго, такъ названнаго по чудотворному спасенію утопшаго въ Днѣпрѣ младенца.

Въ Софійскомъ храмѣ погребенъ былъ своимъ сыномъ Всеволодомъ великій князь Ярославъ, скончавшійся 1054 г. февраля 19-го и положенъ здѣсь въ *мраморной раклѣ*. Въ 1093 г., возлѣ отцевской гробницы, погребенъ былъ и Всеволодъ Ярославичъ, а потомъ и сыновья Всеволодовы: юный князь Ростиславъ, который, по предреченію Печерскаго чудотворца Григорія, утонулъ въ рѣкѣ Стугнѣ во время битвы съ Половцами 1093 г., и Владиміръ Мономахъ, въ семь же храмъ вѣнчанный 1119 года царственнымъ вѣнцемъ и бармами, присланными ему изъ Царягорода, которыми и теперь Русскіе цари вѣнчаются въ Москвѣ на единоподержавіе. Уцѣлѣвшая отъ разрушенія бѣломраморная гробница Ярославова, украшенная рѣзными изображеніями, стоитъ въ придѣлѣ св. Владиміра, вдѣланная въ сѣверную стѣну большаго алтаря.

Тѣла Кіевскихъ митрополитовъ погребаются въ усыпальницѣ или склепу, находящемся въ юго-западномъ углѣ церкви; но святые мощи митрополита Макарія, убитаго Татарами 1-го мая 1497 года, на пути его изъ Вильны въ Кіевъ, почиваютъ въ раклѣ на правой сторонѣ сего же храма; а на лѣвой сторонѣ онаго находятся, также подъ золоченою сѣнью, части мощей многихъ святыхъ, въ томъ числѣ кость отъ правой руки св. Владиміра, положенная сюда Петромъ Могилою, и лѣвая рука отъ мощей св. великомученицы Варвары.

При Софійской церкви съ 1051 года былъ кафедральный монастырь, въ которомъ въ послѣднее время бывало братіи до ста человекъ. Но въ 1786 г., когда съ саномъ митрополита Кіевскаго соединено и званіе архимандрита Печерской лавры, монастырь сей упраздненъ и оставленъ только мѣстопребываніемъ Кіевскаго митрополита, а Софійскій храмъ оставленъ кафедральнымъ соборомъ. Съ того времени по 1814 годъ первымъ соборнымъ протоіереемъ былъ знаменитый Кіевскій проповѣдникъ Іоаннъ Леванда, который и погребенъ въ Софійской церкви. Наконецъ, достойно воспоминанія, что великій строитель храма сего, въ послѣдніе годы своей жизни, основалъ при немъ первое на Руси книго-

хранилище народное. «И бѣ Ярославъ любя церковные уставы.... и книгамъ прилѣжа, и почитая часто въ нощи и во дни, и собра писцы, и предлагаше отъ Грекъ на словенское письмо, и спишаша книги многи, ими же поучахуся вѣрніе людіе, и положи въ св. Софіи, юже созда самъ».

Изъ другихъ монастырей, построенныхъ Ярославомъ, извѣстны два, оба невдалекѣ отъ Софійской церкви: первый изъ нихъ *монастырь св. Георгія*, заложный Ярославомъ во свое крестное имя, на западъ отъ Софійской церкви, по направленію къ Золотымъ вратамъ. Ярославъ назначилъ сей монастырь для посвященія и *столованія* Русскихъ епископовъ, и повелѣлъ по всей Руси ежегодно праздновать день его освященія 26-го ноября (по стариннымъ Киевскимъ мѣсяцословамъ 1045 г.). Въ Георгіевской церкви въ 1063 г. погребенъ невольный затворникъ и схимникъ, князь Судиславъ Владиміровичъ. Другой монастырь, на югъ отъ Софійскаго храма, былъ *монастырь св. Ирины*. Предполагаютъ весьма правдоподобно, что онъ былъ женскій, и поставленъ Ярославомъ въ честь своей княгини Ингигерды, которой гробница находится въ великомъ Новѣгородѣ въ знаменитой Софійской церкви, воздвигнутой въ 1045 г., по образцу Киевской, Ярославовымъ сыномъ Владиміромъ. Впрочемъ построение Ирининской церкви близъ Софійской могло быть также въ подраженіе Царюгороду; ибо и тамъ возлѣ первоначальной Софійской церкви, построенной Константиномъ великимъ, также находилась церковь св. Ирины.

Что касается до сооруженнаго Ярославомъ *града великаго* съ Золотыми вратами, то сія ограда состояла изъ большихъ земляныхъ валовъ, и еще, какъ полагаютъ многіе, изъ каменной стѣны вокругъ Києва. Была ли дѣйствительно сія стѣна, и какъ далеко простиралась она, объ томъ ничего не видно изъ нашихъ лѣтописей, иностранные же писатели среднихъ вѣковъ говорятъ объ ней преувеличенно.

Києвскія *Золотыя врата* сооружены и названы симъ именемъ въ подобіе Золотыхъ вратъ Царягорода, воздвигнутыхъ царемъ Θεодосіемъ великимъ въ память его побѣды надъ Максимомъ. На своихъ Золотыхъ вратахъ Ярославъ поставилъ *церковь св. Благовѣщенія*, для того «да всегда радость граду тому святымъ Благовѣщеніемъ будетъ». Сохранилось преданіе, что на сей церкви былъ золотой куполь: а створы въ воротахъ были обиты золочеными мѣдными листами. Въ Польскихъ хроникахъ пишется, будто Болеславъ храбрый, вѣзжая торжественно въ Києвъ, ударилъ по золотымъ вратамъ своимъ мечемъ, который отъ того уцербился, и что сей мечъ *щербецъ* долго сохранялся въ Краковѣ, и что королі Польскіе, при своемъ коронованіи, также идучи на битву, всегда имъ припосясывались. Но, по свидѣтельству Нестора, Болеславъ вѣз-

жалъ въ Кіевъ 1018 года; а на мѣстѣ Золотыхъ вратъ и Софійскаго храма еще и въ 1036 г. было «поле внѣ града». Потому, если въ самомъ дѣлѣ существовалъ Болеславскій мечъ, уцѣрбленный объ Золотыя врата, то его уцѣрбилъ не Болеславъ храбрый, а развѣ его правнукъ Болеславъ II-й, — вѣроятно на прощанье съ Кіевомъ, гдѣ онъ въ 1069 году такъ загостился у Изяслава Ярославича, что прогулялъ свое королевство и бѣжалъ въ Венгрію, лишенный отъ папы королевскаго званія. Въ Польскихъ хроникахъ пишется, что и сей Болеславъ ударялъ своимъ мечемъ объ Золотыя врата.

Кромѣ золотыхъ вратъ въ древней Ярославовской оградѣ были еще *Жидовскія* и *Лятскія* врата. Обо всѣхъ трехъ упоминается въ Русской лѣтописи подъ 1151 годомъ, при осадѣ Кіева Юріемъ Долгорукимъ.

Относительно Жидовскихъ воротъ ¹⁾, я полагаю за несомнѣнное, что это были тѣ самыя ворота, которыя въ послѣдствіи назывались *Львовскими*, и что сіе послѣднее названіе они получили уже въ концѣ 13-го вѣка, по имени Галицкаго города Львова, подобно тому, какъ находящаяся теперь вмѣсто ихъ застава названа въ концѣ прошедшаго столѣтія *Житомирскою*. Деревянныя Львовскія ворота, вмѣсто прежнихъ каменныхъ построенныя, существовали до 1795 года. Икона св. Богоматери, *всѣхъ скорбящихъ радости*, стоявшая на каменныхъ Львовскихъ воротахъ, хранится въ Срѣтенской церкви, не въ дальнемъ оттуда разстояніи находящейся ²⁾. Къ сей иконѣ Кіевляне, не только православныя, но и католики, имѣютъ особенное почитаніе, и по субботамъ приходятъ къ ней на слушаніе акаеиста.

Что касается до *Лятскихъ* воротъ, то они находились по другую, юго-восточную сторону Золотыхъ, и къ нимъ пролегалъ дорога черезъ тѣ *дебри* или *овраги*, на которыхъ теперь помѣщается Крещатицкая и отъ нея идущая Софійская улица. На ихъ мѣстѣ и въ послѣдующіе вѣка, тѣмъ же именемъ назывался проѣздъ черезъ верхній Старокіевскій валъ ³⁾.

1) О Жидовскихъ воротахъ упоминается въ Кіевской лѣтописи и подъ 1146 г. Въ записи 1589 г. упоминаются *Жидовскіи кладовищи* (кладбища), находившіяся за пробитымъ валомъ, который отъ Львовскихъ воротъ идетъ внутрь города.

2) Нынѣшняя деревянная *Срѣтенская* церковь построена 1752 г. на мѣсто прежней обветшавшей, неизвѣстно когда основанной.

3) Объ нихъ упоминается и въ вышеприведенной грамотѣ Жигимонта I-го Михайловскому игумену Макарію: «и землю къ тому монастырю маеть держать по давному, какъ передъ тымъ бывало: по самый валъ, и по Лядскія ворота, и по Евсикову долину, по старую дорогу, по Михайловскій узвозъ».

Ворота Лятскія были роковыя для древняго Києва: «ту бѣ видѣти ломъ копейный и щитомъ спеканіе». Черезъ нихъ-то сокрушительный Батый вломился въ древній Кієвъ и ниспровергъ все, чѣмъ онъ былъ застро-енъ отъ Владиміра, Ярослава и ихъ потомковъ.

5. Развалины и укрѣпленія Старого Києва

Печальный видъ запустѣнія представлялъ собою нашъ первопрестольный Кієвъ въ продолженіе четырехъ вѣковъ, покрытый развалинами и обломками своего прежняго величія. Митрополитъ всея Руси Кириллъ II-й, посвященный въ 1250 г., и его преемники не находили уже себѣ пристанища въ Кієвѣ и утверждали свою катедру въ Суздаль и Москвѣ, гдѣ находился престоль великокняжескій, а когда Русская митрополія раздѣлилась на Московскую и Кієвскую, тогда митрополиты Кієвскіе проживали болѣе въ Вильнѣ и Новгородѣ Литовскомъ. Народъ Русскій благоговѣлъ къ нетлѣнной святынѣ своего Кієва, и чуждался его развалинъ. Величавая древняя жизнь его въ народной памяти слилась въ одинъ богатырскій вѣкъ Владиміровъ; дѣйствительныя событія Русской древности въ народномъ воображеніи разрослись въ исполинскіе размѣры. Древній Кієвъ сталъ баснословнымъ. Укромныя пещеры его народная молва продолжила до Смоленска и Москвы, провела ихъ подъ Днѣпромъ. Народныя сказанія о Кієвѣ расходились по далекимъ странамъ, и тамъ дополнялись новыми вымыслами. Нѣкоторые западные писатели съ удивленіемъ рассуждали и писали о чрезвычайной длинѣ пещеръ, и о развалинахъ каменной стѣны древняго Кієва, простиравшейся на 8 миль. Для самыхъ Кієвлянъ не только *Лысая гора*, на лѣвой сторонѣ Днѣпра находящаяся, но даже и въ Кієвѣ *садъ Кучинскаго* сталъ пугалищемъ и считался сборнымъ мѣстомъ Кієвскихъ вѣдьмъ. Еще въ половинѣ 17-го вѣка проповѣдникъ Доминиканскаго Кієвскаго монастыря, Петръ Розвадовскій, исчисляя урочища, коими владѣлъ тотъ монастырь въ Кієвѣ, писалъ между прочимъ: «грунтъ къ Днѣпру за Бернардинами, подлѣ грунту Лейзора арендатора жида; тамъ былъ деревянный типографскій дворъ между симъ жидомъ и садомъ Кучинскаго, гдѣ вѣдьмы слетались».... Этотъ садъ находился на склонѣ Михайловской горы къ Днѣпру, по направленію отъ Чергова беремища къ Хрещатику. На полуденномъ склонѣ Михайловской горы, гдѣ теперь театръ, въ 16-мъ вѣкѣ была *Введенскія нива*, которую пахалъ Кієвскій мѣщанинъ Черевчій и его потомки. Черезъ сію ниву лежала *Михайловская стежка* или дорожка, по которой ходили Кієвляне въ Печерскій и Никольскій монастыри, а начинающаяся отсюда нынѣшняя Крещатицкая улица называлась тогда

Евсгійковою долиною, черезъ которую шла *старая* набережная дорога и (обще съ *Крещатицкимъ взвозомъ* съ Михайловской горы) спускалась къ берегу рѣки Почайны, до моста, находившагося возлѣ Рождественской церкви, противъ Михайловскаго или древняго Боричева взвоза. Сія старая дорога подъ Михайловскою дорогою на Подоль, устроена вновь Кіевскимъ губернаторомъ кн. Голицынымъ около 1715 г.

Но чтобы имѣть нѣкоторое понятіе о самомъ Старомъ городѣ, въ томъ состояніи, какъ онъ былъ еще около половины 17-го вѣка, взгляните на планъ Печерской лавры, изданный Печерскимъ монахомъ Афанасіемъ Кальнофойскимъ въ 1638 году, при его книгѣ Тератургимѣ. На верхнемъ уголкѣ того плана набросанъ въ отдаленіи видъ Старого города, и вотъ какъ онъ тамъ описанъ:

47. Въ другую сторону дорожка прямо чрезъ долъ до *большихъ валовъ*; въ нихъ, какъ бы въ своей оградѣ, простирающейся до вратъ городскихъ.
48. Церковь *св. Софіи*, уже нѣсколько лѣтъ начавшая значительно поправляться.
49. Церковь *св. Архангела Михаила* и монастырь при ней.
50. Церковь *св. Θεодора Тирона*, — только стѣны стоятъ.
51. Церковь *св. Василя*, первѣе всѣхъ созданная великимъ Владиміромъ.
52. Церковь *Пресвятыя Богородицы Десятинная*.
53. Церковь *св. Симеона*, надъ самымъ Кіевомъ (Подоломъ); а прочія лежатъ большими могилами, кажется, на вѣки погребенны.
54. Отъ нихъ воротами мимо замка, на высокой горѣ воздвигнутаго, сходить дорога до плачевнаго Кієва (Подола), нынѣ едва-ли достойнаго называться именемъ прежняго Кієва; въ томъ было церковей болѣе 300 каменныхъ, деревянныхъ 100; а въ нынѣшнемъ всѣхъ едва 13».

Современникъ Кальнофойскаго, польскій инженеръ Бопланъ, въ своемъ Описаніи Украины (1650 г.) также говоритъ, что въ Кієвѣ тогда было только десять православныхъ церковей и четыре костела католическіе, что полуразрушенныя стѣны Васильевской церкви возвышались отъ 5 до 6 футовъ и покрыты были вырѣзанными на алебастрѣ, но отъ времени уже изгладившимися, греческими надписями. По его же словамъ Старый Кієвъ называли тогда *Епископскимъ* городомъ, а Подоль — *Мъщанскимъ*. При всемъ запустѣніи своемъ Старый Кієвъ служилъ однако главнымъ убѣжищемъ для Кієвлянъ въ тѣ непокойныя и бѣдственныя для нихъ времена. Въ древнихъ валахъ, коими окружены были и Андреевское, и Софійское, и Михайловское отдѣленіе Старого города, окрестные жители находили себѣ защиту отъ нападений непріятельскихъ; и въ такихъ случаяхъ они обновляли прежніе валы, городились новыми палисадами.

Что касается до Киевскаго замка, то онъ стоялъ не на Вздыхальницѣ, а на горѣ Кисилевкѣ ¹⁾, слѣдственно онъ принадлежалъ собственно къ Нижнему городу или Подолу, которымъ и управлялъ онъ. Построеніе сего замка вѣроятно принадлежитъ воинственному князю Витовту. Ханъ Эдигей, бывшій врагомъ сего князя, въ 1416 году привелъ въ запустѣніе Кіевъ, ограбилъ Печерскую церковь; но Кіевскаго замка, какъ ни осаждалъ, а взять не могъ. Александръ Гванини, комендантъ Витебскій, пишетъ, что въ его время (т. е. въ началѣ 17-го вѣка) «Кіевскій замокъ былъ вдвое больше Краковскаго, имѣлъ 7 большихъ и много меньшихъ башенъ деревянныхъ, обтыненъ былъ частоколомъ и окопанъ валомъ». Но Гванини не разумѣлъ ли всего Старога города подъ именемъ замка?...

Кромѣ сего Киевскаго замка, возлѣ Старога города былъ еще другой, *митрополичій замокъ*, неизвѣстно когда построенный, за такъ называвшимся *пробитымъ валомъ* ²⁾, на Кудрявцѣ. Въ 1604 году (когда Жигимонтъ III-й отдалъ бискупу Кіевскому цѣлую часть Подола за канавою къ горѣ Щекавицѣ, а бискупъ сверхъ того забралъ подъ свою власть всю Иорданскую Оболонь и подъ Старымъ городомъ урочище *Кожемяки*), — урядники бискупскіе заняли замокъ на Кудрявцѣ и всѣ угоды митрополичьи, и съ той поры замокъ тотъ назывался *Бискупскимъ*. На его мѣстѣ уже митрополитъ Іосафъ Кроковскій устроилъ митрополичій дворець, существовавшій до 1784 года. Теперь тамъ пустое подворье близъ Вознесенской церкви.

Въ 15-мъ вѣкѣ былъ еще одинъ небольшой замокъ — Киевскаго князя Симеона Олельковича; но онъ также принадлежалъ не къ Старому городу, а стоялъ противъ него на лѣвой сторонѣ Днѣпра за Чорторыею. На мѣстѣ сего замка въ 17-мъ вѣкѣ было уже пустое заглохшее городище съ довольно высокимъ валомъ, которое называли *Олельковымъ городищемъ*. За нимъ не въ дальнемъ разстояніи находились *Сторожевыя горы*. Можетъ быть на мѣстѣ сего же городища и въ древнее время былъ

1) Что Кіевскій замокъ стоялъ на горѣ Кисилевкѣ, это видно между прочимъ изъ записки Петра Розвидовскаго о владѣніяхъ Киевскаго Доминиканскаго монастыря (см. въ прибавленіи въ Опис. Кіев. Соф. соб.). Въ ней сказано: «по опустошеніи Іоакимова конвента, Доминикане поселились *подъ замокъ на Житный торгъ* и основали костель подъ именемъ св. Николая». Далѣе. «Грунтъ подъ горою Вздыхальницею *отъ замку съ сей стороны* подлѣ Бернардиновъ». Еще: «Грунтъ *за замкомъ высокимъ Киевскимъ*, гдѣ мы кирпичный заводъ поставили. Около того на нашемъ грунтѣ сидѣло нѣсколько *кожемяковъ*».

2) Долина, а въ послѣдствіи слобода *Кудрявецъ*, лежащая между Старокіевскимъ, такъ называвшимся, *Пробитымъ валомъ* и *Глубокою долиною*, получила свое имя отъ протекавшей тамъ рѣчки Кудрявца, на которой въ 17-мъ вѣкѣ была монастырская гребля и *млынокъ* (какъ видно изъ записи 1676 г.).

Городецъ, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ. Но возвратимся къ валамъ Старо-Киѣвскимъ.

Крѣпостные валы Старого города не разъ были обновляемы и въ позднѣйшее время. Такъ, вскорѣ послѣ того, какъ Украина съ Киѣвомъ, освободясь отъ Польши усиліями Хмельницкаго, присоединилась къ Россіи въ 1654 году, прежнее Старокиѣвское укрѣпленіе обновлено было княземъ Куракинымъ, первымъ Киѣвскимъ воеводою отъ Россіи.

Въ 1679 году, когда подъ Киѣвомъ собрано было многочисленное войско Московское и Запорожское, въ ожиданіи Турецкаго нашествія изъ-подъ Чигирина, — князь Черкасскій, командовавшій московскимъ войскомъ — «на знаменіе бытія своего подъ Киѣвомъ обведоша великій градъ Киѣвскій многій крѣпкими валами» (Киѣвскій Синописъ). Къ сдѣланнымъ тогда окопамъ принадлежитъ Нижній валъ, проходившій отъ Михайловскаго монастыря до Золотыхъ вратъ, по южной отлогости Старокиѣвской горы. Посредствомъ вала сего пригородилось тогда къ Старому Киѣву новое *Печерское* отдѣленіе. Именемъ *Печерскихъ* названы были и каменные ворота въ семь Нижнемъ валу, которыя существовали до 1833 года, и въ позднѣйшее время назывались иногда Лядскими. На мѣстѣ ихъ собирается теперь Крещатицкій базаръ, возлѣ урочища, называемаго *Козымъ болотомъ*.

Въ послѣдній разъ укрѣпленъ былъ Старый Киѣвъ во время войны съ Турціею (1732—37). Тогда Минихъ, поверхъ старыхъ окоповъ и деревянныхъ укрѣпленій, насыпалъ огромный валъ, обходящій вокругъ Старого города, и соединилъ оный съ Подоломъ посредствомъ палисадовъ; а къ Печерской крѣпости отъ него провелъ ретраншементы. Сія Старокиѣвская крѣпость, въ отличіе отъ Печерской, называлась еще и Софійскою.

Въ высокомъ бастіонѣ Миниховскаго вала были засыпаны и каменные остатки Золотыхъ вратъ Ярославовыхъ; а возлѣ нихъ (вправо) сдѣланы были тогда же обыкновенныя каменные ворота, которыя также назывались *Золотыми* и существовали до 1799 года. На древнемъ остаткѣ Золотыхъ вратъ въ 17-мъ вѣкѣ стояла икона Казанской Божіей Матери, которая 1699 года октября 20-го перенесена въ нынѣшнюю на Старомъ Киѣвѣ Троицкую церковь¹⁾, какъ видно изъ надписи, на той иконѣ нахо-

1) Троицкая церковь возобновлена 1732 г., иждивеніемъ гарнизоннаго полка, и до 1764 г. считалась полковою; а когда основана первоначально, неизвѣстно. Кромѣ сей и Стрѣтенской церкви, въ Софійскомъ отдѣленіи Старого Києва есть еще церковь *Златоустинская*, деревянная, построенная 1631 г. На западной сторонѣ Михайловскаго монастыря (на древнемъ Перевѣсищѣ) существовала деревянная церковь *Покровская*, упраздненная 1784 г. Что касается до Католическаго костела, находящагося вблизи того мѣста, то онъ

дящейся. Рисунокъ съ Золотыхъ вратъ, снятый 1657 года, найденъ между бумагами послѣдняго Польскаго короля Станислава Августа. Сбереженный Минихомъ остатокъ Золотыхъ вратъ раскрытъ отъ земли въ 1832 году и составляетъ нынѣ «памятникъ достойный сохраненія».

Остатки древняго Ирининскаго монастыря еще въ 17-мъ вѣкѣ засыпаны были землею въ излучинѣ верхняго Старокіевскаго вала, проходившей возлѣ огады Софійскаго собора. Юго-восточная половина развалинъ Ирининской церкви раскрыта въ 1833 году; остальная же ихъ часть находится еще въ неразрытомъ концѣ сего вала, подъ садомъ Воронца ¹⁾. При раскрытіи земли надъ алтарнымъ мѣстомъ, найдено много мѣдныхъ копеечекъ, битыхъ въ Псковѣ 1659 года. Изъ этого видно, что сей валъ проведенъ былъ надъ развалинами Ирининской церкви уже послѣ Куракина, вѣроятно, при князѣ Черкаскомъ (1679 г.).

На древнемъ основаніи сосѣдняго съ Ирининскимъ монастыремъ монастыря Георгіевскаго, построена была еще въ 17-мъ вѣкѣ деревянная церковь; а въ 1744 году, повелѣніемъ и иждивеніемъ императрицы Елисаветы, поставлена тамъ каменная ружная церковь св. Георгія. Въ ней находится красивая гробница князя Константина Александровича Ипсилантія, скончавшагося 1816 года 27-го іюня ²⁾.

основанъ по указу 19-го апр. 1799 г.; а новое возлѣ него каменное зданіе, еще не конченное, заложено въ 1817 г., во имя св. Александра.

- 1) Основаніе Ирининской церкви имѣетъ въ длину и въ ширину 11 ¹/₂ сажень. Подробное изслѣдованіе о сей церкви (написанное *К. Каневскимъ*), помѣщено въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1836 кн. 12. Раскрытіе развалинъ ея, равно какъ и Золотыхъ вратъ, произведено Лохвицкимъ.
- 2) Сей Молдавскій господарь, отецъ извѣстныхъ Ипсилантіевъ — Александра и Димитрія, послѣднее время своей жизни провелъ въ Кіевѣ, гдѣ и скончался. На гробницѣ его находится слѣдующая стихотворная надпись:

«Въ гробницѣ сей, родныхъ слезами орошенной,
Лежитъ владѣтель Ипсилантій незабвенной,
Что знаменитаго былъ Александра сынъ,
Высокій господарь, державный Константинъ,
Честь, слава Греціи, отчизнѣ лучъ спасенья,
Отъ ига тяжкаго надежда свободенья,
Съ кѣмъ милость и любовь, законъ и правота,
И мудрость, совершенствъ другихъ всѣхъ красота,
Молдавскою страной и Влахскою управляли,
Кому бы доблести безсмертье даровали,
«Коль жизни смертнаго назначенный предѣлъ
Равнялся бы числу его великихъ дѣлъ».

За святою *Ириною*, — говорить *Несторъ*, — была *могила Дирова*. Она, я думаю, находилась гдѣ-нибудь на горѣ, недалеко отъ древнихъ *Лятскихъ* воротъ. Но теперь напрасно бы стали искать ея слѣдовъ — теперь, когда для благоустройства нынѣшняго *Києва*, можно сказать на нашихъ глазахъ, не только исчезли внутренніе валы *Старога Києва*, но во многихъ мѣстахъ уже изгладились и тѣ насыпи, надъ которыми трудились *Черкаскій* и *Минихъ*. Въ оставшемся надъ *Боричевымъ* отрывкѣ стариннаго вала (срытаго въ 1834 году), можно примѣтить, подъ верхнимъ и среднимъ слоемъ земли, древнѣйшую основу, — можетъ быть остатокъ того еще вала, которымъ окопанъ былъ первоначальный *Києвъ*. Въ томъ валу, который идетъ надъ краемъ *Андреевской* горы вдоль *Днѣпра*, дотлѣвають большіе деревянные срубы, коими *Старый Києвъ* городился въ среднія времена, поверхъ древняго окопа.

Въ настоящее время быстро обновляющійся *Старый Києвъ* выравнивается прямыми улицами и площадями, выстраивается новыми домами, на мѣсто ветхихъ лачужекъ и узенькихъ кривыхъ переулковъ, которыми, какъ лабиринтомъ, покрылись древнія развалины *Старога Києва* въ вѣка его бѣдности.

Подъ этими очередными слоями заселеній *Старога города*, скоро нельзя будетъ распознать и тѣхъ немногихъ мѣстъ, на которыхъ еще въ 17-мъ вѣкѣ стояли обнаженныя развалины *Русской древности*. При тогдашнемъ обновленіи *Старога города* обломки древнихъ зданій разошлись на новое жилье; а остальная часть ихъ покрылась новыми слоями земли, — подъ садами, на нихъ выросшими, и подъ домами, на нихъ водворившимися.

Такъ остатки *Андреевскаго* или *Яничя монастыря*, который въ 1086 г. построенъ былъ *Всеволодомъ Ярославичемъ*, и въ которомъ настоятельствовала извѣстная въ нашихъ лѣтописяхъ дочь его *Янка*, — скрываются въ неизвѣстности подъ землею, недалеко отъ *Десятинной церкви*.

Такъ не видно теперь уже слѣда и древней *церкви св. Симеона*, еще въ началѣ прошедшаго вѣка стоявшей развалиною надъ *Подоломъ*, на горѣ *Вздыхальницѣ*. Церковь сія съ монастыремъ воздвигнута была любознательнымъ княземъ *Святославомъ Ярославичемъ* 1) и памятна погребен-

1) Я заключаю сіе изъ того, что въ *Києвской лѣтописи* монастырь св. Симеона называется монастыремъ отца и дѣда *Игорєва* (см. *Карамзина* И. Г. Р. Т. II, прим. 308); и полагаю, что крестное имя *Святослава* было Симеонъ. Мѣстоположеніе монастыря св. Симеона, по нашимъ лѣтописямъ, было въ *Копыревѣ концѣ*; слѣдственно этимъ именемъ называлось нагорное предмѣстье, находившееся у самаго *Старога города* на *Вздыхальницѣ* и около нея. «*Ста* (*Всеволодъ Ольговичъ*) у города въ *Копыревѣ концѣ*». 1129 года въ *Копыревѣ концѣ* основана *церковь св. Иоанна*.

ніємъ въ ней Святославова внука Игоря Ольговича, по убіеніи его въ 1147 году. Сей святой мученикъ былъ уже схимникомъ въ Феодоровскомъ монастырѣ, и взятъ оттуда возмутившимися Кіевлянами 19-го сентября, въ самый часъ молитвы своей въ Феодоровской церкви передъ образомъ св. Богоматери.

Каменная *церковь св. Феодора* основана была въ 1128 г. Мономаховымъ сыномъ Мстиславомъ великимъ. Его сыновья учредили при ней мужескій монастырь и назвали его, въ память своего тамъ погребеннаго (1132 г.) отца, *Вотчимъ* монастыремъ. Отъ Феодоровской церкви въ 17-мъ вѣкѣ оставались еще стѣны. Но теперь кажется надъ ея основаніемъ ¹⁾ находится полудеревенскій дворъ Королѣва, съ утлымъ жильемъ и небольшимъ садомъ. А тотъ древній образъ св. Богоматери, передъ которымъ молился князь Игорь Ольговичъ, хранится въ большой Печерской церкви, въ придѣлѣ св. Стефана, на жертвенникѣ.

Но гдѣ была другая, тѣмъ-же Мстиславомъ въ 1131 г. основанная *церковь св. Богородицы Пирогощей*, въ которую Новгородсѣверскій князь Игорь Святославичъ, освободясь изъ плѣна Половецкаго, *пхаль по Боричеву*, чтобы поклониться въ ней св. иконѣ Пирогощей?... Та икона была привезена изъ Царягорода на одномъ кораблѣ съ достопамятнымъ образомъ Владимірской Божіей Матери, который Андреемъ Боголюбскимъ перевезенъ былъ изъ Вышгорода во Владиміръ на Клязьмѣ, а нынѣ составляетъ драгоцѣнную святыню Московскаго Успенскаго собора.

Одною изъ позднѣйшихъ церквей древняго Кіева была *церковь Воздвиженія Честнаго Креста*, построенная въ 1212 г. незабвеннымъ героемъ древней Руси, *Удатнымъ* княземъ Мстиславомъ Мстиславичемъ, который въ 1228 г. скончался, принявъ схиму, и погребенъ въ сей церкви. На мѣстѣ оной еще въ 16-мъ вѣкѣ стояла каменная Воздвиженская церковь. Но теперь не осталось и ея слѣдовъ.

1) Часть сихъ развалинъ была раскрываема въ 1838 г. Ставровскимъ, отъ комитета изысканія Кіевскихъ древностей. Образокъ, золотые перстни и другія вещи, тамъ найденныя, хранятся въ Музеѣ древностей, существующемъ при университетѣ св. Владиміра; а подробное извѣстіе о семъ помѣщено въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1839 г. кн. 3. Впрочемъ не всѣ единогласно признають сіи развалины за остатокъ Феодоровскаго монастыря. Въ краткой запискѣ о Михайловскомъ монастырѣ, составленной въ 1785 г. для императрицы Екатерины великой, остаткомъ Феодоровскаго монастыря названо каменное основаніе какой-то древней церкви, находившейся на востокъ, или точнѣе сказать на сѣверо-востокъ — отъ Михайловской церкви, которое дѣйствительно существуетъ тамъ, въ архіерейскомъ саду.

Такъ на Старомъ Києвѣ неизвѣстны мѣста многихъ церквей, многихъ дворовъ княжескихъ и боярскихъ, о которыхъ говорятъ наши древнія лѣтописи, и положеніе которыхъ можно опредѣлять только гадательно. А между тѣмъ на Старомъ городѣ нѣтъ мѣста, кажется, гдѣ бы на извѣстной глубинѣ не было слѣдовъ и обломковъ долговѣчнаго на немъ жилья.

Проходя по Старому Києву и вспоминая минувшее, невольно говоришь себѣ: здѣсь была колыбель Русской жизни, гдѣ развилась и процвѣла она съ такою богатырскою силою и гдѣ просіяла она свѣтомъ христіанства.... Теперь — здѣсь великое кладбище древней Русской жизни, въ концахъ коего Софійскій и Михайловскій храмы возвышаются надъ всѣмъ новымъ, какъ два величественные памятника, тою-же древнею жизнію воздвигнутые, во свидѣтельство о себѣ позднѣйшему потомству!....

6. Университетъ св. Владиміра

Проходя отъ Софійскаго собора черезъ Золотыя врата, выходишь на поле, простирающееся до рѣчки Лыбеди. Отъ Золотыхъ вратъ ведетъ новая дорога къ величественному зданію, которое готовится для Университета св. Владиміра.

Торжественное открытіе университета происходило 1834 года, 15-го іюля — въ день, посвященный памяти равноапостольнаго *Просвѣтителя* Россіи.

Заложеніе зданія совершено 1837 года 31-го іюля. Въ его основаніе, освященное Києвскимъ митрополитомъ Филаретомъ, положена платиновая медаль, на которой изображены: съ одной стороны — портретъ Августѣйшаго основателя сего храма наукъ; а съ другой — Крестъ въ сѣніи, съ надписью кругомъ: «*во свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ*».

Университетское зданіе возвышается еще одинокое, посреди широкаго поля, и причисляется къ Старому Києву; но скоро вокругъ него возникнетъ новая часть города, которую по справедливости можно назвать *Новымъ Києвомъ*.

1839 г.

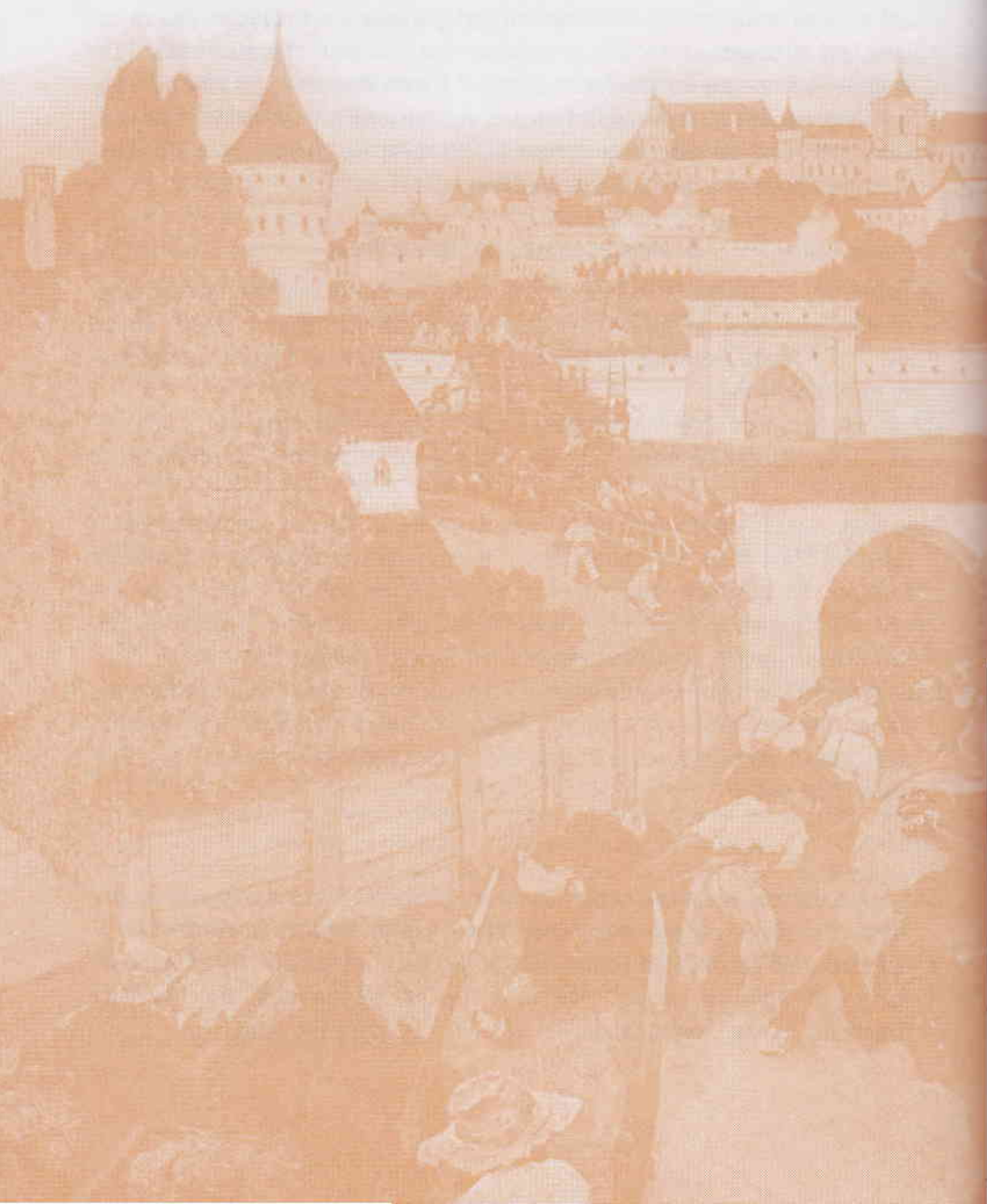
Къ сему обозрѣнію прилагается *чертежъ* Старога Києва въ *древнемъ* его видѣ, съ тѣми только подробностями, для которыхъ имѣемъ достовѣрныя или вѣроятныя основанія; остальные подробности, напр. княжескіе и боярскіе дворы, упоминаемые въ лѣтописяхъ, могутъ быть означены предположительно, по личному усмотрѣнію cadaго.

Ум светлый, одинаково способный
как к блестящим, почти поэтическим
обобщениям, так и к критическому
анализу, тонкому, почти
микроскопическому.

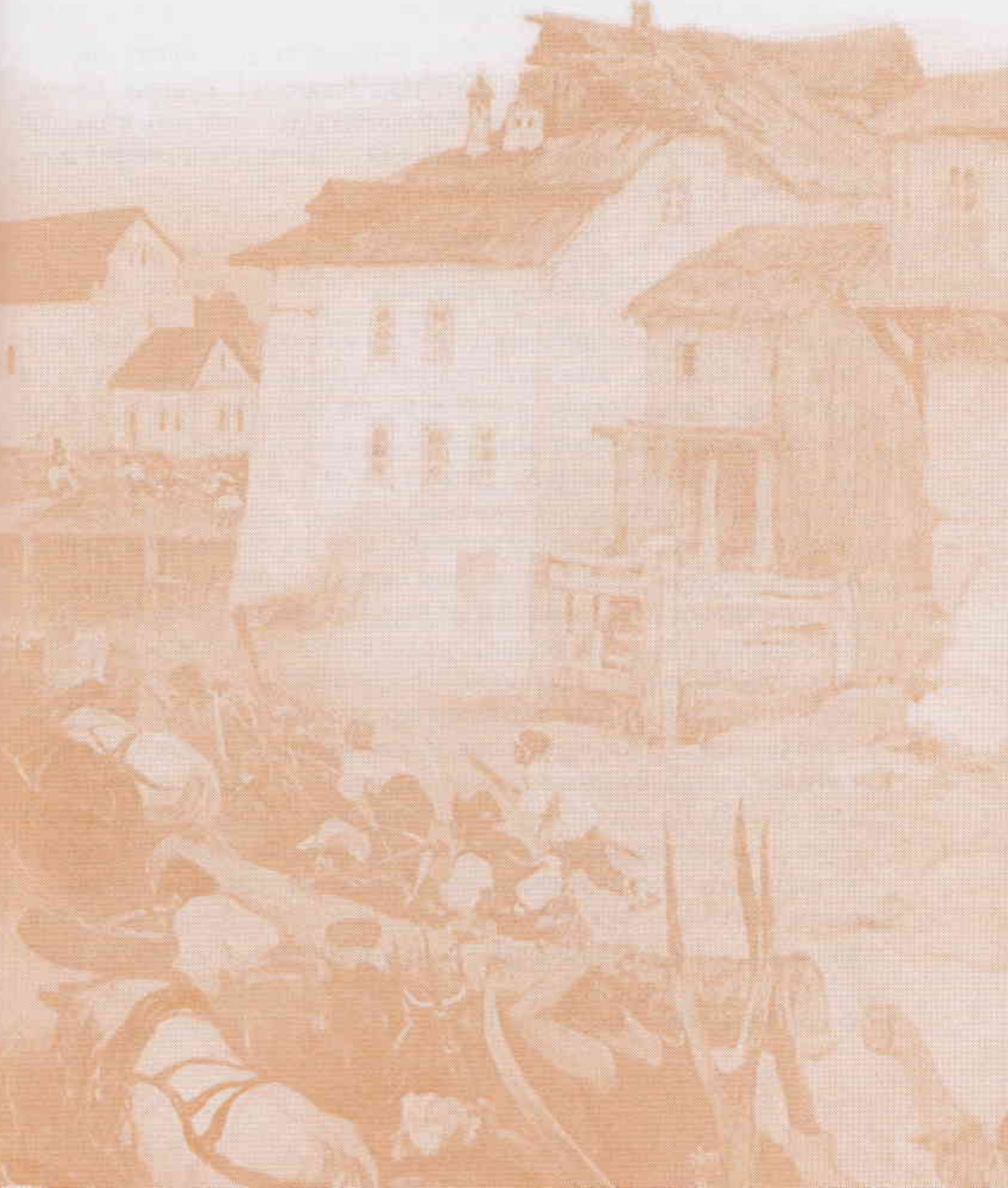
Ю. А. Кулаковский

Частина III **Твори**

З ІСТОРІЇ
УКРАЇНИ

О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянь, бывшаго въ XVII вѣкѣ ¹⁾

(Письмо къ М. А. Грабовскому)

Съ особеннымъ вниманіемъ прочелъ я статью вашу, помѣщенную во 2-мъ томѣ Записокъ г. Кулиша. Въ ней, какъ видно, вы думали положить оливковую вѣтвь мира на могилу давно отжитой старины Польско-Украинской — могилу, объ которой можно сказать словами народной пѣсни:

«Вся крѣвцею обкипѣла.
Ой якою? Козацькою,
Вполовину изъ Ляцкою».

Касаясь Польско-Украинскихъ междоусобицъ и смуть, особенно Хмельничины, вы говорите: «я не вступаю нисколько за лица, надъ которыми разразилась буря народнаго возстанія; но, изъ уваженія къ исторической истинѣ, желалъ бы установить какія-нибудь общія оправданія и обвиненія, какъ одной, такъ и другой стороны» (с. 317). Да, она-то, всѣмъ намъ любезная и вождельнная историческая истина, и должна служить, намъ, потомкамъ, оливною вѣтвию мира послѣ долгой и кровавой междоусобицы нашихъ предковъ! Вы не разъ въ своей статьѣ указываете на разные недостатки всѣхъ прежнихъ исторій о войнахъ Польско-козацкихъ; и я съ вами согласенъ; и съ своей стороны, въ разныхъ статьяхъ моихъ, касавшихся исторіи Малороссіи, я указывалъ на погрѣшности, въ ней ведущіяся, и нерѣдко толпами изъ книги въ книгу переходяція. Но отъ тѣхъ же недостатковъ не свободна и ваша статья, при всемъ уваженіи вашемъ къ исторической истинѣ. Вы говорите: «мы должны стоять выше логики козацкой» (с. 318). Но для чего же вы не стали выше логики антикозацкой? А безъ того, устанавливая общія обвиненія и оправданія для обѣихъ сторонъ, вы слишкомъ много переложили оправданія — на сторону Польскую!

Пробѣгая слегка по всѣмъ струнамъ народной жизни, и ударяя forte только на двѣ — (на безчинство Польскихъ жолнѣровъ, квартировавшихъ

¹⁾ Русская Бесѣда 1857 г. кн. IV, стр. 35—61.

на Украинѣ, и на *строгія мѣры* Польскаго правительства къ обузданію Козачества отъ наѣздовъ на Туреччину), вы думаете заглушить ими говоръ исторіи о томъ, что Польское правительство и владѣльцы Украинскихъ имѣній угнетали Украину. Вы говорите: «смѣю сказать *утвердительно*, что ни административнаго гнета, ни гнета, проистекающаго изъ права владѣльческаго, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, *быть не могло*. Напротивъ, не слѣдовало бы забывать *добра*, которое *сдѣляли Украинѣ Поляки*» (с. 312).

«Нѣтъ худа безъ добра», говоритъ пословица: и, какъ въ нашей памяти о прошедшей жизни все тяжкое и лихое отсѣдаетъ большею частью на дно, а наверхъ всплываетъ преимущественно доброе; то прежде всего и хочется услышать отъ васъ: какое именно «*добро*, сдѣланное *Поляками Украинѣ*» и нами забываемое, вы намъ напоминаете?

Въ отвѣтъ на это, вы продолжаете: «*Литвины* прогнали изъ этой страны Татаръ; *Поляки* эти безлюдныя степи почти вновь населили» (с. 322). Далѣе, желая напомнить намъ справедливость господства Польши надъ Україною, вы говорите: «это *господство* не было ни у кого похищено, ни отнято силою — развѣ только у Татаръ. Обладаніе Южною Русью было со стороны *Польши* ни завоеваніемъ, ни порабощеніемъ, а напротивъ — *освобожденіемъ* этой земли».

Да, *Литовцы* съ своей стороны *освободили* Малороссію отъ Татаръ. Но вы продолжаете: «Отнятыя у Азіатскихъ дикарей и очищенныя отъ нихъ пустыни, *Поляки* мало по малу заселили, *упрочивъ безопасность Русичей*, оставшихся на своихъ пепелищахъ, въ лѣсахъ, болотахъ и байракахъ, и захотивъ разбѣжавшихся въ другія земли возвратиться на родину». (с. 316).

Такъ вотъ что называете вы *добромъ* Украинѣ отъ *Поляковъ*, старую пѣсню ошибочныхъ исторій о мнимомъ запустѣніи и безлюдьи Украины, порабощенной Татарами, — о небываломъ заселеніи ея почти вновь — *Поляками!* Эту пѣсню пора бы уже позабыть; а вы ее выставляете намъ, какъ «*добро*, сдѣланное Украинѣ *Поляками!*»

Чтобы разсѣять этотъ историческій призракъ, и установить надлежащій вѣсъ, для разбора свидѣтельствъ о тогдашнемъ запустѣніи и заселеніи Украины, и получить надлежащую мѣру, для сужденія о господствѣ Польши надъ *Украиною*, припомнимъ и установимъ эпохи ея исторической жизни, съ той поры, какъ она утратила свою древнюю Великокняжескую *самостоятельность*.

1) Эпоха *Татарской* власти надъ всюю *Украиною* — отъ нашествія Батыева на Кіевъ, 1240 года, до освобожденія Кіева Гедиминоу, 1320 года — всего 80 лѣтъ.

- II) Эпоха *Литовской* власти — отъ присоединенія Украины къ великому княжеству Литовскому Гедиминомъ, 1320 года, до половины 1569 года, когда Украина (стараніемъ и волею Жигимонта-Августа) приняла *соединеніе* (унію) съ короною Польскою — всего 249 лѣтъ.
- III) Эпоха *Польской* власти — съ половины 1569 года, когда Украина стала въ составъ *Рѣчи Посполитой Польской*, до приведенія Богданомъ Хмельницкимъ всей Украины подъ *державу Русскую*, въ генварь 1654 года — всего 85 лѣтъ.
- (А если эпоху *Польской* власти считать до возстанія Хмельницкаго и кончины Владислава IV-го, въ 1648 году, то — всего 79 лѣтъ).
- IV) Эпоха *раздвоеннаго* бытія Украины: *восточной* — постоянно подъ властію *Русскую*; *западной* — сперва въ колебаніи между Россією и Польшею, въ продолженіе 57 лѣтъ; потомъ (послѣ договора Прутскаго 1711 года), въ постоянной принадлежности Польшѣ до конца ея королевства (1795).

Въ предѣлахъ этой исторической рамы, и не смѣшивая эпохъ, мы можемъ рисовать картину Украинской жизни исторически вѣрную. И здѣсь тотчасъ становится яснымъ, что все, относящееся къ населенію Украины до половины 1569 года, не должно быть приписываемо *Полякамъ*. Освобожденіе отъ Татаръ принадлежитъ великому князю *Литовскому* Гедимину. Подъ властію преемниковъ его, и ихъ *Кіевскихъ* намѣстниковъ или удѣльныхъ князей *Кіевскихъ* — Украина *два съ половиною вѣка* жила отдѣльно отъ Польши, хотя нѣкоторые великіе князья *Литовскіе*, принимая на себя *Польскую* корону, были вмѣстѣ и королями *Польскими*. Но Украина въ эти два съ половиною вѣка (какъ и въ прежнее 80-лѣтіе *Татарщины*) не оставалась *безлюдною пустынею*; Украинскій народъ не сидѣлъ такъ долго на своихъ пепелищахъ, въ лѣсахъ, болотахъ и байракахъ. Разоряемые по временамъ отъ Татаръ города и села, если и залеживались иногда впустѣ, то заселялись опять своимъ же народомъ, Украинскимъ, не покидавшимъ своего отечества. Что города и села Украины, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра въ продолженіе *Литовской* эпохи не оставались впустѣ, то видно и по нѣкоторымъ старымъ спискамъ городовъ, и по отдачѣ ихъ великими *Литовскими* и удѣльными *Кіевскими* князьями разнымъ лицамъ и монастырямъ въ вотчины ¹⁾; — видно еще изъ то-

1) Напримѣръ: князь Витовтъ далъ *Глинскъ*, *Глинку* и *Полтаву* въ отчину Татарскому князю Лексѣ, родоначальнику князей Глинскихъ; а городъ *Остеръ*, съ принадлежащими къ нему селами: *Чернинымъ*, *Выполозовымъ* и другими, отдалъ князю Митьку Ськирѣ и прочая. Я не могу представить, чтобы все то были пустыри; да если бы на

го, что почти всѣ города и села Кіевопереяславской земли, поминаемая Древнерусскимъ лѣтописаньемъ въ XII и XIII вѣкѣ, существуютъ донинѣ, подъ тѣми же своими древними именами, иногда нѣсколько измѣненными 1). Временныя запустѣнія городовъ и селъ Украинскихъ, какъ отъ набѣговъ Татарскихъ, такъ и по древнему праву простонародья на вольный переходъ изъ одной отчины въ другую, видны по старымъ актамъ и въ *третью* и въ *четвертую* эпоху Малороссійской жизни, когда было вліяніе *Поляковъ* на заселеніе, а иногда и на опустошеніе городовъ и селъ Украинскихъ (напримѣръ, городъ *Черкассы* сожженъ 1537 г.); а потому, и въ эти двѣ эпохи — не однимъ *добромъ* поминать могутъ Поляковъ города и села Украинскіе.

- И такъ заселенія, бывшія на Украинѣ до соединенія ея съ Польшею 1569 года, несправедливо приписывать *Полякамъ*; и Украина до этого времени, отъ временъ Гедимина, не должна быть представляема «безлюдною пустынею». Нашествіе Менгли-Гиреево на Кіевъ и окрестныя волости (1482 г.) было едва-ли не опустошительнѣе, чѣмъ нашествіе Батыево; но и послѣ Менгли-Гирея возобновленіе Кіева и окрестныхъ волостей произведено было не *Поляками*, которыхъ и нельзя назвать тогдашними *колонизаторами* Украины: до 1569 года они могли быть развѣ *колонистами*.
- Г. Руликовскій, въ примѣчаніяхъ къ вашей статьѣ, приводитъ любопытную выписку изъ ревизіи Житомирскаго замка 1545 г., 2) по которой

тотъ часъ, когда они были жалованы, и были пустырями, то немедленное за тѣмъ населеніе ихъ свидѣтельствуѣтъ, что на всѣхъ полосахъ Украины была *людность*, готовая для заселенія возобновленныхъ городовъ и селъ.

- 1) Напримѣръ: городъ *Боровый* нынѣ *Боровица*; городъ *Дерновый* по Кіевской лѣтописи (или *Древенъ* по Сѣвернорусскимъ писаніямъ) нынѣ *Деренковецъ*; городъ *Желнинъ* — по нынѣшнему *Жовнинъ*; *Зарубъ* — по нынѣшнему *Зарубинцы*; село *Янцино* подъ Переяславомъ — нынѣ *Яненки* (Малыя) и т. д.
- 2) У него обмолвкой сказано: «въ царствованіе Сигизмунда-Августа» (стр. 336); тогда княжилъ еще отецъ его, Жигимонтъ 1-й. По малой населенности вокругъ Житомира, бывшей 1545 года, нельзя еще *заключать*, «какъ ничтожна была *первоначальная* населенность края». Самъ Руликовскій, изъ той же ревизіи, приводитъ свидѣтельство, что «Житомиръ и его окрестности, въ царствованіе Казимира, были довольно *многолюдны*, а села сидѣли на своихъ селищахъ» (стр. 336). А послѣ, въ 1545 году, люди уже не смѣютъ «на селищахъ передъ Татары жити» и живутъ подъ защитою Житомирскаго замка! — Подобныя отливы народонаселенія бывали часто на всѣхъ полосахъ южнорусской земли, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Напримѣръ, изъ ревизіи *Остерскаго замка*, составленной при Жигимонтѣ-Августѣ, видно, что въ трехъ миляхъ отъ замка «пашню опущено за неспокоемъ отъ Татаръ»; а въ числѣ замковыхъ селъ означено «Село *Жуки* человекъ было *одиннадцатъ*, алежъ *пять* ихъ сей зимы, послѣ колядъ, пошли прочь».

видно, что тамъ владѣльцами тогда были все «*дворяне южнорусскаго имени и Грекороссійскаго исповѣданія*», какъ и вы утверждаете справедливо (стр. 317). «*Они-то, говоритъ вашъ комментаторъ, заселили Украину, по грамотамъ Польскихъ королей, жалованнымъ имъ за заслуги общему ихъ отечеству, Польшѣ, подъ которою разумѣлось все, что не принадлежало державамъ сосѣднимъ*» (с. 340). Но вѣдь Польша, до 1569 года, не была еще *общимъ отечествомъ* Поляковъ и Украинцевъ; Украина принадлежала еще къ составу великаго княжества Литовскаго, интересы котораго такъ часто шли врозь съ интересами Польши»¹⁾. Не будемъ же приписывать Полякамъ и Польшѣ того, что по всей оче-

Тѣмъ менѣе можно допустить дальнѣйшій выводъ г. Руликовскаго, изъ ревизіи Житомирскаго Замка: «Что же сказать о болѣе украинныхъ земляхъ около Кіева, Черкасъ и Уманя? Онѣ были тогда, въ полномъ смыслѣ слова, *дикою степью и пустынею*». Мнѣ кажется, что этого никакъ нельзя сказать особливо о землѣ около Кіева и Черкасъ. Временами и здѣсь какъ и вездѣ, бывали отливы народонаселенія, запустѣніе городовъ, сель и пашень; но вслѣдъ за тѣмъ происходили приливы народонаселенія, возобновленіе городовъ, сель и земледѣлія. Такъ въ *Черкасцинѣ* въ XIV и XV вѣкѣ ею правили Черкаскіе *намѣстники* удѣльныхъ Кіевскихъ князей, жаловавшихъ тамъ села разнымъ лицамъ (напримѣръ: Омелько жаловалъ село *Родивоново* князю Теодору Глинскому). Слѣдственно, тамъ не была такая «дикая степь и пустыня». Вы тоже говорите (стр. 312) о пожалованіи въ той сторонѣ королями Александромъ и Казиміромъ разнымъ лицамъ земель — иногда съ двумя или тремя подданными. Слѣдовательно, и тогда все таки не было «безлюдной пустыни»; (а къ тѣмъ двумъ-тремъ подданнымъ, конечно, сходилось немедленно народу больше. Но въ XVI вѣкѣ, въ правленіе Жигимонта 1-го, когда «Черкасскимъ и Каневскимъ *старостою*» былъ Остафій Дашковичъ, какъ *многолюденъ* тогда былъ тотъ край отъ Чигирина до Канева, и какъ былъ крѣпокъ тогда замокъ Черкасскій! — Пожалованіе разнымъ лицамъ, въ разныхъ мѣстахъ Украины — *пустошей, пустынь, запустѣлыхъ городищъ, селищъ, дворищъ*, съ малымъ числомъ *подданныхъ* и совсѣмъ безъ *людей*, свидѣтельствуетъ только о неспокойномъ и тяжкомъ положеніи Украины въ тѣ времена, а не показываетъ ея *безлюдья*; быстрое населеніе возобновляемыхъ городовъ и сель свидѣтельствуетъ о всегдашнемъ *многолюдствѣ* Украины; но оно было *передвижное*, сколько «за неспокоемъ отъ Татаръ», столько и по вольности перехода изъ одной волости въ другую.

Впрочемъ этотъ историческій предметъ требуетъ еще новой и подробнѣйшей разработки, какъ и вся вообще исторія Малороссіи, въ три первыя эпохи ея жизни, съ нашествіа Батыева.

¹⁾ Довольно будетъ здѣсь припомнить слѣдующее. Въ Литовскомъ Статутѣ Жигимонта 1-го, 1529 года, положено: «будучи въ панствѣ нашомъ коронѣ Польской но маемъ никому ничего въ панствѣ нашомъ Великомъ Князствѣ Литовскомъ зъ имѣній людей и земель давати» и т. д. (Разд. 1 ар. 25). «Тежъ шлюбуемъ и обещуемъ, ижъ въ земляхъ нашихъ того Великаго князства земель и городовъ, мѣсть, и которыхъ колвекъ

видной справедливости относится къ самой Кіево-Переяславской Руси, къ ея удѣльнымъ князьямъ Кіевскимъ, и къ великимъ князьямъ Литовскимъ (независимо отъ того, были или не были они королями Польскими). Два съ половиною вѣка прошло отъ конца Татарщины до начала Польщизны на Украинѣ: и въ этотъ Литовскій періодъ ея жизни, не должно вносить произвольно ничего сторонняго и лишняго.

Вы упоминаете и о «вліяніи Поляковъ на первоначальное образованіе Запорожскаго братства», — говоря, что на это «есть много указаній» (с. 318). Прошу васъ указать мнѣ ихъ; — я ихъ еще не знаю; и полагаю доселѣ, что Поляки не имѣли вліянія на первоначальное образованіе Товариства Запорожскаго.

Устройство Козачества на Украинѣ вы также приписываете вліянію Поляковъ, прибавляя, что это «фактъ, давно признанный исторіей» (с. 318). Но признаніе такого факта принадлежитъ къ ошибкамъ исторіи. Козачество на Украинѣ повелось и распространилось еще въ первую половину XVI вѣка, въ княженіе Жигимонта I-го; и главнымъ устройтеlemъ Черкасщины былъ Остафій Дашковичъ, православный Русинъ. О сподвижникѣ его, первомъ козацкомъ гетманѣ (съ 1506 года) — Предславъ Ланцкоронскомъ, я не знаю положительно, какого онъ былъ рода и исповѣданія (но эту фамилію имѣли и православные Русскіе люди). Послѣдующіе гетманы: Венжикъ Хмельницкій и кн. Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій тоже были не Поляки, а православные Русины, какъ и Самойло Кѣшка, гетманствомъ своимъ принадлежавшій, кажется, первой половинѣ XVI-го вѣка. Козачество Украинское или Городовое и

дѣдичствъ и держаня, и тежъ которыхъ колвекъ урядовъ, честей и достоинства жадному обчому, але только приржонимъ а тубылцомъ (т. е. природнымъ и туземцамъ) тыхъ земель нашихъ Великого князства вышшемененого будемъ давати» (Разд. III. ар. 3). Такъ и въ Статутѣ Жигитонта-Августа, 1566 года, постановлено было: «беручи то изъ Статуту стараго — въ томъ панствѣ Великомъ князствѣ Литовскомъ и во всѣхъ земляхъ ему прислухающихъ достоинстей духовныхъ и свѣцкихъ, городовъ, дворовъ, старостовъ, въ держаньи и поживаньи и вѣчностей жадныхъ чужеземцомъ и заграничникомъ, а ни сусѣдомъ того панства давати не маемъ; але то все мы и потомки наши великіе князи Литовскіе давати будутъ повинни только Литвъ, а Руси, родичомъ старожитнымъ и врожонцомъ Великого князства Литовского и иныхъ земель, тому великому князству належачихъ» (Разд. III. ар. 9). Тамъ же: «Те жъ добра князства Литовского не уменьшимъ и то, што будетъ черезъ непріятелей того панства нашего отдалено, разобрано и ку иному панству отъ того панства нашего коли колвекъ упрошено ку Коронь, ку Мазовшу, ку Прусомъ, ку Ифлянтамъ, то за се ку власности того великого князства привести привлацати и границы оправити обещуемъ» (Разд. III. ар. 3).

Козачество *Запорожское* или *Низовое* существовали задолго до 1569 года, съ котораго можно вести начало историческаго *влиянія Поляковъ* на Украину.

Остановимся же теперь на этой *третьей* эпохѣ, и прежде всего — откажемся навсегда отъ изветшалаго и неправильнаго мнѣнія, будто *Поляки населили мало помалу пустыни Украины*, отнятыя у Азіатскихъ дикарей Литовцами! Въ послѣднюю четверть XVI-го вѣка возобновлялись и устроились многіе города Украины, послѣ новыхъ опустошеній Татарами (не означенныхъ опредѣлительно въ исторіи); но они возобновлялись по большей части людьми *Русскими*: Чигиринь, Корсунь — князьями Вишневецкими, Богуславъ, Каневъ — княземъ Янушемъ Острожскимъ, Сквиря — княземъ Ружинскимъ и т. д. Въ Полтавщинѣ состоялась тогда огромная *Вишневецчина* — вотчина князя Михайла Вишневецкаго, перешедшая отъ него къ сыну его Михайлу Михайловичу. Новые владѣльцы на Украинѣ, бывшіе изъ природныхъ Поляковъ, конечно, населяли свои помѣстья, но изъ готоваго и подручнаго народонаселенія Украинскаго; а эти новыя ихъ заселенія были въ тоже время запустѣніемъ другихъ мѣстъ на Украинѣ, покидаемыхъ вольноперехожимъ народомъ.

А чтобы Поляки «упрочили безопасность Русичей» (отъ Татаръ), какъ утверждаете вы, то не было ли здѣсь на оборотъ? не щитилась-ли Польша Южною Русью отъ Татарвы? Татарскіе набѣги бывали нерѣдко и въ XVII-мъ и даже въ XVIII-мъ вѣкѣ. Упрочить безопасность Южной Руси отъ Татаръ суждено было не Польшѣ.

Еще вы говорите, что *Поляки заохотили* (Русичей), разбѣжавшихся въ другія земли, возвратиться на родину. Какихъ это эмигрантовъ Южнорусскихъ вы разумѣете? Вы говорите о князьяхъ *Южнорусскихъ* и *Южнорусскомъ дворянствѣ*, «возвратившихся изъ *скрытыхъ* и *отдаленныхъ* мѣстъ, куда загнали ихъ Татары» (стр. 317). Объясните мнѣ эту историческую загадку!.. *Quis... quando?* Именно въ *третью* эпоху Украинской жизни и начались выходы Украинскаго козачества и простонародья изъ своей родины на земли Московскаго государства. Въ 1582 г. появились наши *Черкасы* въ Путивльскихъ предѣлахъ. Въ 1611 г. перешло 10,000 нашихъ козаковъ на Донецъ. Но особенно въ *десятилетіе*, прошедшее отъ Острианицы до гетманства Хмельницкаго (1638—48), въ которое такъ непосредственно и крѣпко распоряжались и начальствовали *Поляки* надъ козачествомъ Украинскимъ, тогда — сколько тысячъ Приднѣпровскаго народа переселилось въ Слободскую сторону! Да и въ гетманство Богдана Хмельницкаго, въ 1651 году, когда, по силѣ Бѣло-Церковскаго договора, Поляки снова стали возвра-

чатъся на Украину, какъ много тогда Украинскаго народа покинуло свою родину и перешло въ Слобожане!

Между тѣмъ вы говорите: «я ужъ сказалъ, что *господство* Польши надъ Украиною было *справедливо*; теперь прибавлю, чего никто до меня не приносилъ, что оно было — *благодарно*. Это новое мнѣніе не требуетъ новыхъ доказательствъ. Состояніе Украины до Хмельницкаго, ея населенность и богатство говорятъ о томъ *слишкомъ убѣдительно*» (с. 318).

На это я замѣчу, что и самая *справедливость* господства Польши надъ Украиною требовала бы съ вашей стороны болѣе яснаго показанія и раскрытія. По «логикѣ козацкой» — это *господство* признавалось не совсѣмъ законнымъ, и не совсѣмъ справедливымъ. Кіевопереяславская Русь или Украина приняла *соединеніе* съ Польшею въ одну *Рѣчь Посполитую*, на правѣ людей *равныхъ съ равными, вольныхъ съ вольными*: «*jako rownych do rownych i wolnych do wolnych ludzi*» — сказано въ актѣ соединенія 5 іюня 1569 г. Это коренное условіе, поставленное и узаконенное актомъ соединенія, предполагаетъ *равенство* обѣихъ сторонъ, въ составѣ *Рѣчи-Посполитой*, а не *господство* одной надъ другою. Потому-то и видимъ обыкновенно, что козацкое рыцарство, признавая вполнѣ свое *подданство* Польскому королю, какъ *главъ* политическаго тѣла, — признавая обязанностію своею *служеніе* Польской коронѣ, наравнѣ съ Поляками, — не признаетъ, однако, законнымъ и справедливымъ насильственнаго надъ собою *господства Поляковъ*. И чѣмъ *добровольнѣе* было соединеніе Украины съ Польшею, какъ равныхъ съ равными и вольныхъ съ вольными, тѣмъ незаконнѣе и тяжелѣе должно было казаться для Украинцевъ *господство* надъ ними Поляковъ. Я говорю это собственно для поясненія «логики козацкой» — не входя въ разсмотрѣніе того, дѣйствительно ли оное *соединеніе* было выраженіемъ доброй воли и желанія со стороны Литовскаго княжества и Кіевской Руси. Вспомните, чего стоило Польшѣ добиться до этого «добровольнаго соединенія» — сколько воды ушло отъ первой къ тому попытке до совершенія дѣла, и что отвѣчали соединяемые каждый разъ Полякамъ на ихъ предложенія!

Что же касается до вашего утвержденія, будто господство Польши надъ Украиною «было *благодарно*», то указанное вами *состояніе* Украины до Хмельницкаго — нисколько не говоритъ въ пользу; а не то чтобы оно говорило «слишкомъ убѣдительно!»

Развѣ это *благодарное господство*, когда въ ближайшія къ гетманству Хмельницкаго десять лѣтъ (1738—1648), Украинское народонаселеніе бѣжитъ тысячами изъ своей родины; а въ предъидущія десять лѣтъ —

оно погибаетъ тысячами въ битвахъ съ Поляками, при непрестанныхъ ополченіяхъ гетмановъ: Тараса, Сулимы, Павлюка, Острияницы, Гуни, — ополченіяхъ, неудержимыхъ никакими казнями? Тутъ противъ *благотворности* Польскаго господства говоритъ сама исторія.

Вы въ доказательство упоминаете еще о *народныхъ пѣсняхъ* и обычаяхъ Украинскихъ, что они «почти столь же *дороги* для Поляка, какъ и для Малороссіянина» (стр. 319). Это явленіе, конечно, утѣшительное; но оно говоритъ въ пользу насъ, утихомиранныхъ потомковъ, а не въ пользу враждовавшихъ между собою предковъ нашихъ (да будетъ имъ перомъ земля!). Какъ одинъ изъ старѣйшихъ между собирателями народныхъ пѣсень и Малороссійскими этнографами (порадованный нѣкогда вашимъ прекраснымъ разборомъ моего втораго изданія Украинскихъ пѣсень, въ вашей достопамятной книгѣ «*Literatyra i Krytyka*»), — я позволяю себѣ рѣшительно противорѣчить вамъ, именно содержаніемъ и духомъ Украинскихъ пѣсень, относящихся къ временамъ отъ Наливайка до Хмельницкаго включительно. Въ тѣхъ пѣсняхъ, какъ и въ пѣсняхъ *четвертой* эпохи Малороссійской жизни, — гдѣ только идетъ рѣчь объ отношеніи Украины къ Польшѣ и Полякамъ, тамъ ихъ *господство* оказывается вовсе не милымъ для Украинцевъ; и по пѣснямъ — никакъ нельзя сказать того, что вы сказали теперь по этому поводу: «Такое развитіе духовной жизни въ южной Руси не иначе могло совершиться, какъ *подъ вліяніемъ любви и свободы*» (стр. 319). Нѣтъ, не свобода, а насиліе отъ Поляковъ, не любовь, а ненависть къ Полякамъ — высказываются безпрестанно въ пѣсняхъ народа Украинскаго въ продолженіе двухъ столѣтій. И если собрать воедино всѣ отрывки народно-украинскихъ пѣсень о *Ляхахъ*, тогда — какой грозный голосъ народной поэзіи будетъ противъ справедливости и благотворности Польскаго господства надъ Україною! А народныя пословицы и поговорки представляютъ неутѣшительное къ нимъ дополненіе. «За наши грѣхи надходятъ Ляхи» — говорили въ свое время Русины «Щобъ же я тричи Ляхомъ ставъ, коли то неправда!» и теперь еще говоритъ Украинецъ; а другой при этомъ тотчасъ останавливаетъ его замѣчаніемъ: «чоловѣче, схаменись! Помни на свою душу, не запропачай ёѐ!» А что народъ Украинскій смотрѣлъ на всѣхъ Поляковъ одинаково, то высказалъ онъ въ пословицѣ: «на одинъ копылъ дѣдько всѣхъ Ляховъ крѣивъ».

Вы говорите, все къ тому же: «духъ подавленія другой народности былъ чуждъ Полякамъ; напротивъ единственную силу политической системы соединенія разноплеменныхъ провинцій составлялъ у нихъ духъ

терпимости и какой-то великодушной *гордости*, которая не только не позволяла имъ отнимать у кого-нибудь что-нибудь, но заставляла что-нибудь придавать отъ себя; и это всего яснѣе выражается въ *добровольномъ соединеніи Литвы съ Польшею*» (стр. 318).

Но если взять и то, гдѣ всего яснѣе, по вашему, выражается вами сказанное: развѣ при *соединеніи* 1569 года не отнято было у Литовскаго княжества давнее достояніе онаго — земля Кіевская, приумноженная отъ него цѣлымъ *Запорожьемъ* (которое было прежде землею Половецкою или Команскою)? Развѣ уступлена была Литвѣ принадлежавшая ей Волинская земля, за которую шла у нихъ такая долгая и неуступчивая тяжба? И развѣ довольною осталась Литва тѣмъ «добровольнымъ соединеніемъ»? А что придали *своего* Поляки Украинѣ, присоединившейся къ нимъ непосредственно, отдѣльно отъ княжества Литовскаго, съ которымъ она, въ продолженіе *двухъ съ половиною вѣковъ*, составляла одно сильное государство Западнорусское? Великодушіемъ ли означалась на Украинѣ та великодушная *гордость* Поляковъ, — которой, впрочемъ, нельзя не признать, въ другихъ случаяхъ и отношеніяхъ? А что придали они *своего* Галицкой или Червоной Руси, такъ давно ими завладѣнной и донинѣ оторванной отъ Русскаго міра?.. Что же касается до «*духа терпимости*»: то его-то нельзя назвать *единственною силою*, которою держала Польша Украину въ политической системѣ своего королевства. Будъ онъ у Поляковъ, *вся Украина* могла бы остаться въ соединеніи съ Польшею не *85 лѣтъ* только — и какихъ лѣтъ? — въ продолженіе которыхъ было столько кровавой междоусобицы, приведшей всю Украину къ освобожденію себя отъ Польши и къ переходу подъ державу Русскую. Былъ духъ терпимости у Поляковъ, пока они домогались *соединенія* съ ними Украины: но что пользы было въ той терпимости для Украины, еще не имѣвшей прямого соприкосновенія съ Польшею? А когда совершилось *соединеніе* ихъ въ одно политическое тѣло — духа терпимости не стало скоро, и особенно съ той поры, какъ новоизбранный король, Жигимонтъ III, съ своими душевладѣльцами іезуитами, началъ поднимать въ Польшѣ католичество, добровольно покинутое въ томъ вѣкѣ столькими Поляками и Литвинами, для реформатства. Іезуиты были мастера своего дѣла; и съ возобновленіемъ католичества въ Полякахъ, они влили въ нихъ *духъ нетерпимости*, и *впрогоненія*, равно какъ и въ ту часть южно-русскаго шляхетства, которую они успѣвали ловить въ свои хитролестныя сѣти.

И здѣсь-то *главная* причина того *разрыва* между Украиною и Польшею, который и вы назвали — «*неизбѣжнымъ*» (стр. 317). Вы сами прогово-

рились было объ томъ въ началъ своей статьи, когда, поставляя на первомъ планѣ картины вашей *безчинство Польскихъ жолнѣровъ*, сказали: «что на Украинѣ они распоряжались точно такъ же, а можетъ быть и хуже того. Въ провинціи отдаленной, богатой и нѣсколько пустынной, населенной народомъ *иноплеменнымъ* и *иновѣрнымъ*, Польскій жолнѣръ становился, безъ сомнѣнія, еще наглѣе, нежели въ глубокой Польшѣ» (стр. 310).

Въ самомъ дѣлѣ: такое ужасное и безумное глумленіе Польскихъ жолнѣровъ надъ Украинскимъ народомъ, какое видно изъ универсала Острияницы, и которое было тѣмъ больнѣе, что было по свѣжимъ слѣдамъ тѣхъ казней, какія Потоцкій совершалъ по всей Украинѣ 1637 года, по взятіи Павлюка — могло ли оно не произвести новаго и немедленнаго возстанія, въ продолженіе прежнихъ? Но объяснять возстаніе Хмельницкаго, по вашему — «всего болѣе насиліемъ и сумазбродствомъ Польскихъ жолнѣровъ» (стр. 130) — я нахожу приемомъ несогласнымъ съ историческою истиною. Въ десятилѣтіе, прошедшее отъ Маслоставской комиссіи до гетманства и возстанія Богдана, было и другое, тяжкое для всей Украинской Руси, дѣло: назначеніе полковниковъ во всѣ козацкіе полки и комиссара, вмѣсто гетмана, изъ *Поляковъ*. Но козацкій рыцарь, Хмельницкій, и тутъ былъ еще десять лѣтъ терпѣливо покоренъ войсковою властью, такъ же, какъ и при выдачѣ Павлюка подъ Боровицею, гдѣ онъ подписалъ договоръ, будучи тогда *войсковымъ Писаремъ*. Еще и въ 1647 году, Хмельницкій, будучи тогда *Чигиринскимъ сотникомъ*, ходилъ съ своимъ полковникомъ Полякомъ противъ Татаръ, сдѣлавшихъ набѣгъ на Чигиринъ. А между тѣмъ — какія оскорбленія и обиды терпѣлъ тогда этотъ заслуженный въ Рѣчи Посполитой воинъ, терпѣлъ не отъ квартировавшихъ на Украинѣ Польскихъ жолнѣровъ, а отъ подстаросты Чигиринскаго и отъ другихъ должностныхъ распорядителей Украиною; терпѣлъ, не находя себѣ суда и расправы даже и въ сенатѣ! Вы говорите: «всѣ мы давно ужъ знаемъ, что Запорожье поднялось по случаю *частныхъ обидъ*, нанесенныхъ Хмельницкому Польскими урядниками» (стр. 313). По случаю — такъ; но вѣдь въ мірѣ не рѣдко великія дѣла зачинались отъ малыхъ случаевъ — *per augusta ad angusta*. Какъ бы что ни было велико само по себѣ, а если оно еще не пристало къ сердцу всѣхъ и каждого, или хотъ большинства, то оно не въ силахъ поднять цѣлаго народа, какъ одного человѣка. Запорожье поднималось не разъ на Поляковъ и до Хмельницкаго; и не всякій же разъ поднималось оно, по случаю *частныхъ обидъ*. Такъ Сулима возсталъ за построеніе Кодацкой крѣпости Конецпольскимъ. Но возвратимся къ

Богдану Хмельницкому. Послѣ столькихъ *частныхъ обидъ* ему, бѣжалъ онъ на Запорожье, не для того только, чтобы избавиться отъ тюрьмы и вѣроятно смерти, назначенной ему прихотливою волею магната (Потоцкаго); онъ бѣжалъ, имѣя въ своихъ рукахъ «королевскіе листы», благоприятные для козачества и Украины, которые затаилъ было недругъ своей отчизны, асаулъ Барабашъ, и которые замысловатымъ случаемъ досталъ Хмельницкій. Этою то силою, то есть *королевскими листами*, и поднялъ онъ Запорожье на возстаніе, на которое такъ единодушно откликнулась вся Украина, потерявшая наконецъ все свое воловье терпѣніе. А что королевская воля была тогда въ разладѣ съ большинствомъ вельможныхъ Польскихъ пановъ, что король самъ поощрялъ козаковъ защищать вооруженною рукою свои права отъ Поляковъ, то относилось къ дезорганизаціи Польскаго королевства, которая тогда начиналась уже ощутительно.

Личныя обиды, особенно, если онѣ касаются большинства лицъ, составляющихъ общество, — такія обиды, какія терпѣлъ Богданъ Хмельницкій, одинъ изъ разумнѣйшихъ и храбрѣйшихъ воиновъ козацкихъ, такъ вѣрно служившій двумъ королямъ своимъ и Польской коронѣ, около 30-ти лѣтъ, на морѣ и на сушѣ, — если такія обиды продолжаются сплошь да рядомъ нѣсколько десятилѣтій: тогда онѣ составляютъ сумму вполне достаточную для народнаго протеста всей Украины, въ улику *неблагодарности* Польскаго надъ нею *Господства*. А вы говорите о войнахъ Хмельницкаго: очевидно, что эти войны могли только вспыхивать въ то время, когда край находился въ цвѣтущемъ состояніи, когда онъ былъ *богатъ*, можно сказать, даже *свободенъ*, и раздраженъ только такими *единичными* или *мѣстными* обидами, о какихъ мы только что говорили» (стр. 312). При такомъ представленіи, пожалуй, можно подумать, что Украинское козачество и простонародье съ жиру бѣсились, и были ужъ черезчуръ обидчивы и самолюбивы! Но въ самомъ дѣлѣ, о тогдашнемъ господствѣ Поляковъ надъ Україною, можно сказать ея же поговоркою: «залили сала за шкуру!» А тогдашнее *богатство* Украины было для нея — «чужая корысть». У Чигиринскаго козацкаго сотника негодный подстароста Чигиринскій отнималъ отцовское сельцо его, достопамятное въ исторіи *Суботова*; большая половина нынѣшней Полтавщины работала на роскошество отступника отъ православія Іереміи Вишневецкаго; а моя родимая Бубновская сотня обливалась по́томъ на упитаніе іезуитовъ Переяславскихъ...

Вы хотите снять еще одинъ тяжеловѣсъ съ Польской чаши, стараясь доказать, будто *не было* тогда, и даже *не могло быть* «гнету», проистекаю-

щого изъ права владѣльческаго. Но вѣдь давно сами Польскіе латинисты сложили вирши:

Clarum Regnum Polonorum
Est coelum Nobiliorum,
Paradisus Judaeorum
Et infernus rusticorum ¹⁾.

Въ «золотой вѣкъ» Жигимонта—Августа насталь желѣзный вѣкъ для простонародья Южнорусскаго.

Относительно владѣльческаго права, что изъ него *могъ* проистекать сильный *гнетъ* для простонародья, я припомню здѣсь, что еще въ 1557 году предоставлено было помѣщику и его управляющему безъотвѣтное право казнить своихъ крестьянъ смертию; а черезъ три года послѣ соединенія Украины съ Польшею, т. е. 1572 года, издано было постановленіе, запрещающее жаловаться подданнымъ крестьянамъ на своихъ помѣщиковъ. — Относительно дѣйствительно бывшей тяготы, я укажу все на то же, можно сказать, общее мѣсто писателей нашихъ: «Описаніе Украины» Боплана, современника Хмельницкаго; это свидѣтель сторонній, и не пристрастный къ Украинцамъ, воевавшій противъ нихъ, по службѣ своей въ рядахъ Польскихъ. Изъ писателей Польскихъ сошлюсь на великолѣпные и, можно сказать, классическіе *Климактеры* Коховскаго. А изъ Украинскихъ свидѣтельствъ я приведу вамъ слова славнаго гетмана Сагайдачнаго, не поднимавшаго оружія на Поляковъ. Въ своемъ письмѣ къ королю Жигимонту III, отъ 15 февраля 1622 года изъ Кіева, онъ говорилъ:

«А любо зъ стороны высокодумныхъ и вельможныхъ ихъ милостей пановъ коронныхъ — Вишневецкихъ, Конецпольскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ и иныхъ, на Украинѣ, властной предковѣчной отчизнѣ нашей, власть свою неслушне распространяющихъ, повѣвають на насъ войско Запорожское холодныи и непріязненныи вѣтры, хотящіи славу нашу въ персть вселити, и насъ, братію свою, вѣрныхъ Вашего найяснѣйшого Величества, и всей коронѣ Полской слугъ, въ подданство и ярмо работническое собѣ безбожне наклонити; однакъ уповаемъ, же кгда Ваше Величество восхоцетъ и повелить, то внетъ бури и вѣтры оные престануть и въ тишину преложатся. И не такъ есть намъ жалостно на пановъ преречонныхъ, яко на ихъ старостовъ, нецотливыхъ сыновъ и пьяницъ, которыи ни Бога боятся, ни премоцныхъ Вашего найяснѣйшого Вели-

1) Свѣтлое царство Поляковъ есть небесное царство для пановъ, рай для жидовъ, и адъ для мужиковъ.

ства монаршихъ мандатовъ слухають: бо скоро я гетманъ, по указу Вашого Величества, на Хотѣнскую военную службу зъ козаками зъ Украины выйшолъ, тогда они старостки заразъ козачокъ бѣдныхъ зачали на всякіе работизны панскіе, безъ жаднаго обзору и призрѣнія, часто выгонити, бити, и вязенями неслухающихъ мордовати; що тяжко и жалосно козакамъ, зъ службы Вашей монаршой военной, зъ ранами еще неугоенными и червей полными повернувшимъ, было отъ женъ и матерей своихъ слышати, и слезы зъ очесъ ихъ точащіяся видѣти... Ваше же найяснѣйшее королевское Величество, яко отецъ милостивый и Панъ нашъ найласкавшій, и по семъ короткомъ донесеню вашомъ, можетъ своевольныхъ старостокъ и праволомцовъ (которые на особливомъ реестрику выражаются) усмирити и покорити; а козаковъ бѣдныхъ отъ ихъ безбожныхъ насильствъ, напастей и тяжестей защитити и освободити. Кгдыжъ, если они козаки не получаютъ въ томъ Вашего королевского найяснѣйшого Величества призрѣнія и респекту, то жебы що новое отъ нихъ (якъ уже и пошеруютъ) не уродилося, и огня гнѣвного (чего не дай Боже) не запалило; въ якій часъ, уже не на козаковъ, але сами на себе и на своихъ пьяницъ старостокъ, велможныхъ ихъ милость панове Польскіи нарѣкати и жалковати мусяли бы».

Эти слова достопамятнаго гетмана, такъ вѣрно служившаго королю и коронѣ, и вмѣстѣ такъ много радѣвшаго для православія Украины и ея просвѣщенія, показываютъ намъ ясно, что великъ былъ тогда на Украинѣ *гнетъ владѣльческій*, простиравшійся беззаконно даже на козачество; и что *онъ* дѣйствительно былъ однимъ изъ поводовъ къ новому возстанію козачества на Поляковъ, которое и началось вскорѣ по смерти Сагайдачнаго. Согласно съ гетманомъ обвиняющимъ болѣе *старостокъ*, чѣмъ самихъ вельможныхъ пановъ, гласитъ и Украинская протонародная поговорка: «не такъ паны, якъ тѣ пѣдпанки». Но то все-таки не оправданіе панамъ, что они не самодично, а посредствомъ своихъ подстаростокъ томили народъ. А эти ненавистные *Жиды арендари*, которымъ давались отъ Польскихъ пановъ такія страшныя и оскорбительныя права надъ владѣльческими имѣніями, простиравшіяся даже на жизнь подданныхъ крестьянъ и на Православныя церкви!... До *соединенія* съ Польшею жидамъ не было такого житья на Украинѣ; и еще въ Статутѣ Владислава-Ягелла Ольгердовича (1420) вѣрно сказано было о жидлахъ, что отъ нихъ «христіанство убѣжело».

Вы говорите: «смѣло можно сказать, что преднамѣренной идеи угнетенія Украины оно (Польское правительство) *никогда не имѣло и имѣть не могло*» (с. 311).

Зачѣмъ же говорить это, когда въ правленіе Жигимонта III-го настало угнетеніе православныхъ и другихъ диссидентовъ, въ пользу католиковъ — именно по *предназмѣренной идее*! Развѣ безъ предназмѣренія было, на примѣръ, королевское повелѣніе не пропускать патріаршихъ пословъ, въ 1593 году или — королевскій универсалъ 1596 года, запрещающій строить православныя церкви; и нѣкоторыя другія повелѣнія, притѣснительныя для православныхъ?... Но вы, въ своей картинѣ прошедшаго, совсѣмъ не упоминаете объ этомъ; и самая *Унія*, бывшая яблокомъ раздора между православными и католиками, у васъ поставлена вдали и въ такомъ освѣщеніи, при которомъ она не имѣетъ своего подлиннаго вида; а главнѣйшующія лица — іезуиты, и совсѣмъ у васъ не видны. Вы говорите, что народъ Украинскій, раздраженный жолнѣрами и строгими мѣрами» придалъ значеніе угнетенія и насилія между прочимъ — и желанію правительства Польскаго «соединить Южнорусскую церковь съ Римскою. Эту несчастную Унію предали проклятію и Малороссіяне и большая часть писателей Польскихъ; но она требуетъ еще внимательнаго и безпристрастнаго разсмотрѣнія». — Дѣйствительно требуетъ, дабы всѣ видѣли ясно и существо ея, и всю ея исторію въ Югозападной Руси; — требуетъ тѣмъ болѣе, что знаменитые іезуиты, въ своихъ сочиненіяхъ, дозволяли себѣ не только предназмѣренное перетолкованіе, но и вымыслы не бывалыхъ событій. И еще незабвенный Иннокентій, 1840 года въ Кіевѣ, собиралъ прилѣжно все, что было печатано и писано объ Унії, предполагая соединить все то въ одно изданіе, подъ заглавіемъ: «Памятникъ Унії». Въ IV томѣ Актовъ Юго-Западной Россіи напечатано нѣсколько неизвѣстныхъ дотолѣ и очень важныхъ матеріаловъ для исторіи Унії. Сверхъ того, много драгоценныхъ и неизвѣстныхъ доселѣ актовъ объ Унії выбрано изъ градскихъ книгъ трудолюбіемъ профессора Иванишева (да не умедлитъ онъ обнародованіемъ ихъ!) ¹⁾.

Между тѣмъ вы продолжаете: «я не могу здѣсь о ней распространиться ради одной важности и обширности предмета; скажу только одно: что задачей Унії было *устройство іерархіи*, а не *перемѣна вѣроисповѣданія*; но принятая въ послѣднемъ смыслѣ, она сдѣлалась оскорбительна и ненавистна для народа» (с. 319).

Но Унія и не могла быть иначе принята всѣми православными; ибо главное и первое ея условіе было — признаніе *главенства и непогрѣши-*

¹⁾ Теперь они уже изданы.

тельности Папы Римскаго; а это есть уже существенная *перемѣна православнаго исповѣданія*; которое признавало и признаетъ главою церкви — *Исуса Христа*.

Задачею Уніи, говорите вы, было «*устройство іерархіи*» — т. е. іерархіи Римской; и она, конечно, весьма нуждалась въ томъ послѣ реформации, отъ которой былъ такой большой ущербъ въ паствѣ Папской. Но устройство Римской іерархіи, посредствомъ Уніи, было *задачею разстройства* нашей православной іерархіи или митрополіи Кіевской, подлежавшей отъ перваго начала своего къ *патріаршеству Константинопольскому*. На это разстройство Жигимонтъ III, какъ король Польскій, не имѣлъ никакого права; напротивъ, онъ обязанъ былъ поддерживать и охранять ея устройство. И въ какое же время вздумалъ онъ привлечь къ Римскому престолу митрополію Кіевскую: когда родная и ближайшая ей митрополія Московская возвысилась на степень особаго *патріаршества!*

Оскорбительною и ненавистною для народа — для *всѣхъ* сословій Южнорусскаго народа, сдѣлалась Унія потому, что она и подготовлена, и объявлена была — безъ участія и согласія народа; что она вводится была мѣрами насильственными, незаконными и притѣснительными для *всѣхъ* православныхъ. Можно ли было такому важному дѣлу, какъ *соединеніе* Кіевской православной іерархіи съ Римскокатолическою, совершиться безъ соборнаго совѣщанія и согласія *всѣхъ* патріарховъ православныхъ? А оно совершилось не только безъ ихъ согласія, но и вопреки желанію Южнорусскаго народа, — обманнымъ дѣйствіемъ двухъ самозванныхъ, не отъ Руси посланныхъ въ Римъ, епископовъ, *Терлецкаго* и *Поцпя*, да третьяго отступника отъ православія, митрополита *Рагозы*, которые всѣ три настроены были къ тому отъ короля, посредствомъ соблазнительей иезуитовъ, да такихъ насильниковъ, какимъ былъ, напримѣръ, Луцкій староста Александръ Сѣмашко въ 1590 и 1591 годахъ. Подробности той подготовки и все веденіе оной, до самаго дня объявленія Уніи на Брестскомъ Соборѣ (1595 года Окт. 9), были такъ нечестны и наглы, что должны были возбудить глубокое негодованіе и презрѣніе во всей Южной Руси, начиная съ перваго представителя ея и поборника, князя Е. К. Острожскаго, воеводы Кіевскаго. Но несмотря на народный протестъ противъ Уніи, она была введена *насильственно*, съ утѣсненіемъ православія въ землѣ Южнорусской. Эта несчастная Унія и была главною виновницею раздора между Польшею и Україною. Раздоръ этотъ знаменовался не одними ополченіями козачества, но и войною духовною, первоначальникомъ которой былъ онъ же, святопамятный князь, К. К. Острожскій.

Вы говорите, что Унія «служила знаменемъ, которое каждый козацкій предводитель выставлялъ передъ народомъ, чтобы освятить въ его понятяхъ предприняемое возстаніе.» Положимъ и такъ; но это показываетъ уже, что значила она для православнаго Южнорусскаго народа. Она была искренно названа *наибольшимъ* утѣсненіемъ» въ универсалѣ Острияницы (1638 г.), поднимавшемъ народъ на новое *возстаніе*. Также точно главнымъ зломъ и поводомъ къ раздору признавали Унію козацкіе вожди и въ своихъ *мировыхъ* съ Поляками, соглашаясь взаимно на *искореніе Уніи*, какъ на примѣръ, въ договорѣ Зборовскомъ 1649 года. Чтобы показать, какъ ей не рады потомъ были и Поляки и козаки, я приведу слѣдующія слова объ Уніи изъ *Комиссіи Гадяцкой* (1658 г.), столь благопріятной для Поляковъ: «А тоей вѣры, которая есть *противная вѣръ Греческой православной*, которая *раздоръ между Римскимъ и Старогреческимъ закономъ умножаетъ*, никто изъ духовныхъ и мірскихъ сенаторскаго и шляхетнаго становъ — церковей, монастырей строити, возстановляти и умножати, такъ въ добрахъ духовныхъ, яко королевскихъ и собственныхъ наслѣдныхъ, якимъ-нибудь образомъ не имѣть и силою сей комиссіи не долженъ будетъ вѣчными часы.

За двадцать лѣтъ передъ тѣмъ (1638) молодой гетманъ Острияница, въ универсалѣ, поднимавшемъ народъ къ возстанію на Поляковъ, говоритъ: «а що *наибольше*, же и хвала Божія въ церквахъ православныхъ — отъ тѣхъ непріятелей нашихъ, отщепенцовъ и геретиковъ Ляховъ, хочеть и усиливается перемѣнити и до заблужденія Римскаго *на Унію обернути и гвалтовне преклонити*». Это *гвалтовное* (насильственное) преклоненіе на Унію и лежало на сердцѣ у всей православной Украины, какъ горе *наибольшее* всѣхъ прочихъ. Такъ и старый гетманъ Сагайдачный, главный виновникъ возстановленія православной Кіевской митрополіи (1620 года) — онъ, въ своемъ прощальномъ, предсмертномъ письмѣ къ королю Жигимонту III, въ мартѣ 1622 года, говоритъ: «*Особливе Унія*, за милостивымъ Вашего найяснѣйшого королевскаго Величества позволеніемъ, теперь зъ Руси чрезъ святѣйшого Теофана патріарху Іерусалимскаго знесенная, абы впредь въ той же Руси никогда не обновлялась и своихъ роговъ не возносила. Мають абовѣмъ отци іезуиты и все духовенство костела Римскаго — (и безъ насъ православныхъ) кого до Уніи своей наворочати и присвояти, тыхъ народовъ, которыи отнюдь не вѣдаютъ и не вѣрятъ Христа Господа, плотію въ міръ пришедшого. А мы, православныи, древнихъ святыхъ апостольскихъ и отческихъ преданій и догматовъ безъ жадной Уніи и схизмы придержащия, не отчаеваемся нашего спасенія и блаженнаго живота вѣчнаго».

Какъ ожесточены были козаки на первыхъ уніатскихъ пастырей, которые, ставъ отступниками отъ православія были злѣйшими хулителами и гонителями его, о томъ и говорить нечего. Это раздвоеніе Юго-Западной Руси, въ религіозномъ отношеніи, на Унитовъ и Неунитовъ — было великое зло, происшедшее отъ господства Польши надъ Юго-Западною Русью. А какъ и со стороны католической Унія была первымъ способомъ и дѣйствиємъ къ подавленію православія въ Кіевской и всей Юго-Западной Руси, то въ исторической картинѣ прошедшихъ смуть и междоусобиць, Унія должна стоять на первомъ планѣ.

Если бы она объявлена была мирно, какъ зазывная фигура на заселеніе новой *слободки* въ панскомъ владѣніи людьми вольноприходящими, тогда дѣло было бы совсѣмъ иное. Но Унія кинулась на Кіевъ, пуще Татаръ, посягая на подавленіе православной вѣры, составлявшей издревле первѣйшую святыню жизни для челоуѣка Южнорусскаго. И потому Унія, равно ненавистная для всѣхъ православныхъ, встрѣтила себѣ отпоръ во всѣхъ сословіяхъ Южнорусскаго народа. И каждый своими способами, кто во что гораздъ, отстаивалъ православную церковь отъ разнообразнаго на нее нападенія со стороны католической и уніатской. Шла не одна войсковая борьба козацкая, но и умственная борьба книжная — та и другая, во взаимной связи. А между тѣмъ, въ усиленіе утѣсняемаго православія, устроились новые монастыри и возвышались прежніе, собирались новыя церковныя братства, заводились новыя школы и типографіи. Сталь, бьющая о кремень, высѣкала искры; и возгоралось вновь просвѣщеніе православно-русское, задремавшее въ Кіевской землѣ во времена ея Литовства. Вотъ развѣ гдѣ *благодарная* сторона тогдашняго господства Польши надъ Україною, хотя и неожиданная, нежеланная для первой.

Умственное образованіе — его назвалъ бы я, въ отвѣтъ на ваши слова: «неужели между Україною и Польшей не было никакой разумной внутренней связи?» (с. 316). Но, къ сожалѣнію, и эта *разумная внутренняя связь* Польши съ Україною скоро стала вся въ рукахъ іезуитовъ.

Вы, между прочимъ, говорите: «Обратимъ здѣсь вниманіе на одно весьма важное обстоятельство, которое наши историки упускаютъ изъ виду: почему знаменитые Южнорусскіе патріоты, какъ: *Острожскій, Вишневецкій, Кистель* и вообще *все дворянство Южной Руси*, дворянство большею частію родовое Русское и православное или «благочестивое» *держали сторону Поляковъ?* Что ни говори, а Украинскія смуты были не что иное, какъ *войсковые бунты, мятежи черни, домашняя война*» (стр. 316).

Нѣтъ, это не такъ; и въ нашихъ исторіяхъ (не выключая и моихъ историческихъ статей о Малороссіи), не упускали изъ виду этого обстоятельства; но оно, съ нашей точки зрѣнія, совсѣмъ не такимъ являлось, какимъ вы его представляете. Знаменитѣйшіе патріоты и все православное дворянство Южной Руси, въ разсматриваемой нами смутной борьбѣ (въ *третью* эпоху) — не держали стороны *Поляковъ*, противъ остальныхъ сословій Украинскаго народа; напротивъ, они были на сторонѣ, преслѣдуемой католичествомъ Польскимъ. Поглядите на выписки изъ актовъ Луцкаго Крестовоздвиженскаго Братства (первоначально обнародованныя мною въ «Кіевлянинѣ» книгѣ 2-й), на Почаевскую запись Анны Гойской 1597 г. (помѣщенную въ 3-й книгѣ «Кіевлянина»), на акты Кіевскаго Братства (изданныя въ «Памятникахъ Кіевской Комиссіи, книгѣ 2-й): изъ нихъ очевидно, какъ единодушно и одностойно соединялось Южнорусское дворянство со всѣми прочими сословіями своего народа, въ отстояніе православной церкви отъ гоненій Польско-католическихъ и униатскихъ. Припомните *Виленскую Конфедерацію* 1599 года, въ которой знатнѣйшее *православное* дворянство Южной Руси соединилось съ *протестантскимъ* дворянствомъ Литовскаго княжества, на отпоръ первому и жестокому насилію Польско-католическому. Это гоненіе такъ подробно и разительно въ томъ *патріотическомъ* актѣ¹⁾; а подписались на немъ первыми, изъ *православныхъ*: князья — Константинъ и сынъ его Александръ *Острожскіе*, Ѳеодоръ *Сангушко*, Адамъ и Михаилъ *Вишневецкіе*, Акимъ *Горецкій*, Кириллъ *Ружинскій* и проч., (а изъ *Евателиковъ* — князь Криштофъ Радзивиль, Андрей Лещинскій, Иванъ Абрамовичъ, Криштофъ Зѣновичъ и проч.). Въ самихъ ополченіяхъ козацкихъ на Поляковъ едва ли не всегда принимало участіе дворянство Южнорусское, по давней привычкѣ своей вступать въ ряды козацкаго рыцарства. Сколько Южнорусскихъ дворянъ воевало противъ Поляковъ, подъ гетманскою булавою Богдана Хмельницкаго, отъ войсковаго писаря *Ивана Выговскаго*, до Сѣсницкаго сотника *Михаила Жураховскаго* (въ 1649 г.). Да и со стороны была тогда отъ Южнорусскаго шляхетства помощь козакамъ противъ Поляковъ. Извѣстнѣйшій примѣръ — князь *Аѳанасій Пузына*, православный епископъ Луцкій и Острожскій, снабжавшій пушками и порохомъ отряды Хмельницкаго, воевавшіе на Волыни. Не забудемъ и той части православнаго Южно-

1) Сей актъ, въ переводѣ на Русскій языкъ съ Польскаго, напечатанъ митрополитомъ Евгеніемъ въ «Описаніи Кіевософійскаго собора и Кіевской іерархіи» 1825 г. См. въ прибавленіяхъ, № 15.

русскаго шляхетства, которое, придержась козацкой стороны Богдана, вмѣстѣ съ нимъ перешло подъ державу Русскую; о которомъ въ его договорныхъ статьяхъ, именно въ статьѣ 3-й, сказано: «*Шляхта*, которые въ Россіи обрѣтаются, и вѣру (*т. е. присягу*) по непорочной заповѣди Христовѣ тебѣ, великому Государю нашему, твоему Царскому Величеству, учинили, чтобъ при своихъ шляхетскихъ вольностяхъ пребывали и межъ себя старшихъ на уряды судовые обирали и добра свои и вольности имѣли, какъ при короляхъ Польскихъ бывало; чтобъ иные, увидя таковое пожалованіе твоего Царскаго Величества, клонилися подъ область и подъ высокую руку твоего Царскаго Величества со всѣмъ міромъ христіанскимъ». Итакъ не *все* Южнорусское дворянство было на сторонѣ Поляковъ.

Вы назвали изъ этого времени *Кисля* и *Вишневецкаго*. Но престарѣлый воевода *Адамъ Кисль* былъ на сторонѣ Поляковъ, какъ единственный сенаторъ, оставшійся изъ православныхъ; да и разыгралъ же онъ забавную и вмѣстѣ жалкую роль обоюдника, о которомъ говорили тогда, что у него «Русская кость обросла Польскимъ мясомъ». А князь *Іеремія Вишневецкій*, въ тѣ поры, будучи уже отступникомъ отъ православія, былъ вмѣстѣ и отступникомъ отъ своего Русскаго рода-племени, былъ «Русскаго поколѣнія Ляхъ», какъ выражается о немъ лѣтопись Львовская: и онъ былъ не только на сторонѣ Поляковъ, но (потерявъ свою огромную *Вишневецчину*, при возстаніи Хмельницкаго) — онъ былъ злѣе Поляковъ въ преслѣдованіи козачества и всѣхъ православныхъ (какъ обыкновенно бываетъ, что отщепенецъ злѣе всякаго другаго противъ того, отъ чего онъ отложился). Впрочемъ на сторонѣ Поляковъ были въ тѣ поры и нѣкоторые козацкіе старшины, обязанные Полякамъ за свое старшинство; таковы были генеральные асаулы: *Ильяшъ*¹⁾ и *Барабашъ*. Конецпольскій успѣлъ было разсорить *реестровыхъ* козаковъ съ *Запорожцами*, и, взявъ первыхъ крѣпко въ свои руки, онъ умѣлъ дѣйствовать ими противъ Запорожцевъ (напримѣръ, при вѣроломномъ взятіи Сулимы, при одоленіи Павлюка). Но вѣдь это было въ *тридцатыхъ* годахъ XVII вѣка; и по этимъ случаямъ, нельзя же сказать, что во всей Польско-козацкой борьбѣ реестровое козачество держало сторону Поляковъ! Притомъ это козачество, какъ «войско его Королевской Милости» и поневоля должно было держаться стороны могу-

¹⁾ *Ильяшъ Караимовичъ* (Армянчикъ), бывшій «знатнымъ товарищемъ» въ полку Переяславскомъ, назначенъ старшимъ надъ реестровымъ козачествомъ — отъ Потоцкаго, во время войны съ Павлюкомъ, въ концѣ 1637 года.

чаго Конецпольскаго, будучи тогда подчинено ему, какъ гетману коронному. Но когда не стало Конецпольскаго, какъ только настала гетманомъ Богданъ Хмельницкій, тотчасъ все измѣнилось; и что было собрано и послано отъ Поляковъ противъ него, стало за него, истребивъ преданныхъ Полякамъ Ильяша и Барабаша. Вы сами говорите справедливо, что этотъ поворотъ реестровыхъ козаковъ на Поляковъ былъ «неизбѣженъ» (стр. 314). Но ваши слова, что реестровые козаки во время Острианицы (1638) — *«стояли еще крѣпко за Поляковъ»*, даютъ такой видъ, будто они и задолго прежде стояли крѣпко за Поляковъ противъ Запорожцевъ. Повторяю для ясности, что это было уже позднѣйшимъ явленіемъ; тѣмъ не менѣе, однако, это было важнымъ началомъ того *междоусобія* въ козачествѣ и того *раздвоенія* въ цѣлой Украинѣ, для которыхъ настоящая пора приспѣла уже по смерти Хмельницкаго, — уже въ *четвертую* эпоху исторической жизни Малороссіи. Тогда и дворянство православно-русское, оставшееся подъ короною Польскою, почти все переродилось въ дворянство Польско-католическое; а въ *третью* эпоху произошло только начало этому перерожденію, — но начало все-таки важное, причинявшее тогда для всей остальной Православно-русской стороны столько скорби, а для многихъ и ненависти къ отступникамъ отъ предковской вѣры и народности Русской. И это превращеніе столькихъ лицъ изъ знатнѣйшаго Южнорусскаго дворянства въ Поляковъ-католиковъ — не можетъ же южная Русь считать для себя *добромъ*, происшедшимъ отъ вліянія и господства Польскаго! Во всякомъ случаѣ, ваше утвержденіе, будто въ той Польско-Украинской борьбѣ — знаменитые *Южнорусскіе патріоты* и вообще *все Южнорусское православное дворянство* держали сторону Поляковъ, не согласно съ исторією. Несправедливо и ваше ограниченіе тогдашнихъ Украинскихъ смуть одними — *«войсковыми бунтами, мятежами черни»*. Въ тѣхъ смутахъ главнымъ и постояннымъ дѣломъ было *отстояніе православної восточной вѣры отъ нападеній католико-уніатскихъ*; и въ этомъ отстояніи своего православія, равно драгоцѣннаго для всѣхъ сословій, принимали живое участіе *всѣ сословія* Южнорусскаго народа: и дворянство, и духовенство, и козачество, и мѣщанство, и простонародье или посполство. Въ кругу той всеобщей и разнообразной борьбы, козацкія возстанія, которыя для Поляковъ, конечно, были «войсковыми бунтами», для православно-русской стороны были «крестовыми походами». По какимъ бы частнымъ случаямъ и поводамъ они ни возникали (дѣло исторіи разобрать и опредѣлить эти случаи съ точностью), но *«важнѣйшимъ, наибольшимъ, особливимъ»* побужденіемъ въ

нихъ постоянно было — *отстояніе* своего древняго православія отъ силія уніато-католическаго. Все прочее сходилось, сосредоточивалось въ этомъ; ибо въ этомъ была главная *сущность* той долгой, смутной борьбы Польско-Украинской, начавшейся вмѣстѣ съ зачатіемъ Уніи, въ девяностыхъ годахъ XVI вѣка. *Обида православія* была *главною*, самою чувствительною, горшею обидою для всего Южнорусскаго народа, при которой — всѣ остальные обиды были уже *второстепенными*, и безъ которой всякая изъ остальныхъ обидъ, какъ бы ни велика была, была бы сноснѣе. То была — *душа* всего; то былъ *nervus rerum gerendarum*.

Къ числу второстепенныхъ обидъ принадлежитъ и вторая изъ двухъ, поставленныхъ вами на первомъ планѣ, т. е. *строгія мѣры* правительства къ удержанію козачества отъ набѣговъ на Туреччину. Но это относилось собственно къ *Запорожцамъ* или *Низовцамъ*, и бывало только по временамъ; ибо чаще само Польское правительство возбуждало Запорожцевъ на Татаръ и Турковъ, и нуждалось въ ихъ козацкой для того силѣ. Да и какъ можно было воздержатъ Запорожье отъ набѣговъ на Татаръ и Турковъ, когда оно на томъ состоялось и выросло, — и Татарва была у него всегда, какъ смерть, за плечами!

Вотъ мои замѣчанія и возраженія на вашу статью, написанныя мною «изъ уваженія къ исторической истинѣ». Я исполнилъ ими мое Кіевское вамъ слово: «хочу на вы идти!» и желалъ бы знать: что примете вы изъ моихъ замѣчаній, какъ истинное и неопровержимое, и что отвергнете, какъ ошибочное и неудобопріемлемое?...

Въ заключеніе, мнѣ остается сказать еще о *замѣчаніи* на вашу статью издателя и переводчика ея. Г. Кулишъ говоритъ въ началѣ: «И самъ г. Грабовскій впадаетъ въ *односторонность* и *преувеличеніе*, говоря, что для Украинцевъ *Ляхами, недоляшками* и *ополячившимися панами* были всѣ тѣ, кто желалъ порядка и спокойствія, и у кого было что заграбить» (с. 321). Это сказалъ онъ справедливо; однако и самъ онъ впадаетъ въ односторонность и преувеличеніе, — ибо въ основу своего историческаго взгляда онъ принялъ ваше одностороннее представленіе Польско-украинской борьбы — «войсковыми бунтами, мятежами черни;» но у него это развито въ направленіи противоположномъ вашему, въ направленіи *антишляхетномъ*.

По его понятію «въ Украинскомъ простонародьи — въ *необыкновенной* степени было развито *сознаніе своей челоувѣчности*, а *шляхетное устройство* Рѣчи Посполитой діаметрально противорѣчило этому сознанію» (с. 327). Изъ этой противоположности — «и родилась страшная между-

народная ненависть въ Рѣчи Посполитой; и въ этомъ смыслѣ, Малороссія и Польша представляютъ едва-ли не *единственный* примѣръ войны изъ-за *оскорбленнаго чувства человеческого достоинства*, къ которому примѣшались другія оскорбленія и обиды, уже въ качествѣ горючихъ матеріаловъ, бросаемыхъ въ готовое пламя» (с. 325).

Но возведя историческое дѣло къ самому отвлеченному началу — къ *сознанію своей человечности* въ украинскомъ простонародьи, г. Кулишъ тотчасъ свелъ оное къ болѣе ощутительному и историческому началу — къ *народности*: «двѣ совершенно *противоположныя національности* столкнулись на почвѣ, занятой Польскою политическою системою, и, исполнивъ предназначенное имъ свыше обоюдное дѣло *на пользу человечества*, доказали другъ другу, кажется слишкомъ ясно свою *несовершенство*» (с. 327). Тутъ выходитъ противоположность *Ляха съ Русиномъ*, которая не совѣмъ совпадаетъ съ тою противоположностью — *шляхтича съ простолудиномъ*; да и въ Южной Руси съ древняго времени было же свое высшее сословіе, до распространенія въ ней шляхетства Польскаго.

Но односторонность принятаго отъ васъ представленія борьбы Польско-Украинской означилась ясно въ слѣдующемъ представленіи гетманщины, возникшей при Хмельницкомъ: «И этотъ народъ, выйдя, подъ предводительствомъ Хмельницкаго, изъ рабскаго общественнаго состоянія, *отдѣлясь отъ собственнаго дворянства*, то есть, лишась *сословія просвѣщеннаго, знакомаго съ администраціей и политикой*, въ тотъ же самый *моментъ* образовалъ у себя своеобразное правительство съ судопроизводствомъ и расправою на всѣхъ пунктахъ земли Южно-русской, съ почтовымъ сообщеніемъ административныхъ распоряженій, съ *громадскими мужами* въ каждомъ самомъ малолюдномъ селѣ, съ представителями сословій для рѣшенія важныхъ общественныхъ дѣлъ, и съ верховнымъ трибуналомъ, котораго президентомъ былъ избирательный гетманъ, ограниченный голосами генеральныхъ старшинъ» (с. 327).

Въ этомъ болѣе идиллическомъ, чѣмъ историческомъ представленіи тогдашней гетманщины — «единомышленнымъ гражданскимъ обществомъ, показавшимъ въ Малороссійскомъ народѣ присутствіе высшихъ гражданскихъ понятій» — преувеличено гражданское его благоустройство, и представлено новорожденнымъ въ одинъ моментъ то, что было готовымъ запасомъ въ Малороссіи отъ ея прежней дѣйствительной жизни (какъ-то: и гетманство избирательное, и генеральная старшина, и судопроизводство, и громадскіе мужи, и почтовые сообщенія);

а главное — не справедливо то, будто народъ *отдѣлился* тогда «отъ собственнаго дворянства», *лишился* «сословія Просвѣщеннаго, знакомаго съ администраціей и политикой». Что часть Малороссійскаго *шляхетства* осталась въ тогдашней гетманщинѣ, о томъ уже выше упомянуто: о немъ говорится въ договорныхъ статьяхъ Хмельницкаго; и на утвержденіе прежнихъ правъ его испрошена была особая царская грамота, данная 1654 г. 27 марта. Виновникъ возрожденія Малороссіи, Богданъ Хмельницкій, былъ человекъ весьма просвѣщенный, и весьма знакомый съ администраціей и политикой: его-то умомъ, доблестью и властью въ народѣ, состоялась тогдашняя Малороссія, въ единствѣ особаго гражданскаго общества, и къ нему вполнѣ шла Украинская пословица: «до булавы треба головы»; — и, какъ только не стало этой головы козацкой (1657 г.), тотчасъ одностойная Малороссія пошла врозь.

«Той на право, той на лѣво;
А все братья — то-то диво!»

Изъ ближайшихъ при гетманѣ Богданѣ дѣльцовъ и двигателей Малороссіи — *Иванъ Остафьевичъ Выговскій* — изъ шляхетства Волынскаго, и *Павелъ Ивановичъ Тетера* — изъ шляхетства Кіевскаго, принадлежали къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени; равно и генеральный судья *Самойло Богдановъ*, и генеральный асаулъ *Демко Многогрѣшный*, и секретарь Хмельницкаго *Самойло Зорка*. Да и большая часть тогдашнихъ полковниковъ — отъ *Антоня Ждановича* Кіевскаго до *Ивана Ничипоренка* или *Золоторенка* Нѣжинскаго, были также люди письменные и весьма способные Хмельницкому, для его переговоровъ съ Москвою, Польшею, Турціею и прочими сосѣдними землями. Наконецъ, въ картинѣ г. Кулиша пропущено цѣлое «просвѣщенное сословіе» — Южнорусское *духовенство*, котораго вовсе не *лишился*, а напротивъ весьма держался народъ Малороссійскій, которое въ половинѣ XVII столѣтія стояло уже на высокой степени просвѣщенія, въ уровень просвѣщенія Западно-европейскаго. Довольно назвать тогдашняго Кіевскаго митрополита, *Сильвестра Коссова* и тогдашняго ректора Кіевобратской коллегіи — *Лазаря Барановича*, которые, притомъ, оба были изъ рода *шляхетнаго*.

1857 г. 1 ноября.

Москва.

Историческія письма о козакахъ приднѣпровскихъ

(Къ М. В. Юзефовичу) ¹⁾

Письмо первое

Благодарю васъ за третью часть вашего «Архива Юго-Западной Руси», которую я только-что дочиталъ, и весьма ею усладился. Слишкомъ сто актовъ о козакахъ до Богдана Хмельницкаго.... какое важное приращеніе для исторіи козацкой Украины, въ той именно ея половинѣ, которая особенно нуждается въ современныхъ актахъ, для своего пополненія и поправленія! На сколько она пополняется и поясняется этою частию Архива, то можно видѣть уже изъ предисловной статьи г. Владиміра Антоновича, представляющей собою обильное новыми подробностями обзорніе исторической судьбы нашего Южнорусскаго козачества до Богдана Хмельницкаго. Читая эту статью съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ, я нашелъ, что она была бы гораздо лучше и для вашего Архива удовлетворительнѣе, если бы вполнѣ отвѣчала своему заглавію: «Содержаніе актовъ о козакахъ, 1500—1648 г.», то есть если бъ авторъ представилъ въ ней собственно тѣ выводы, какіе изъ данныхъ актовъ получаются для исторіи. Но ему захотѣлось предпослать свой особенный взглядъ на происхожденіе козацкаго сословія въ Приднѣпровской Руси и провести этотъ взглядъ черезъ все содержаніе актовъ. Для этого онъ началъ еще съ того отдаленнаго времени, какъ на Руси водворились князья варяжскіе; а подойдя, на 12-мъ листѣ, къ началу XVI-го вѣка, онъ предлагаетъ картину первоначальнаго козачества и козацкаго гетманства, какая представляется съ его точки зрѣнія и по его личному разумѣнію. Эта картина показалась мнѣ несходною съ историческою дѣйствительностью: почти всѣ тогдашнія лица и событія являются тутъ или не въ своемъ видѣ, несвоевременно, или неумѣстно; такимъ образомъ весь первый періодъ нашего козачества — до гетмана Косинскаго (до 1591 года), и безъ того уже затемненный произволомъ прежнихъ лѣтописателей, покрывается новымъ туманомъ. А какъ это случилось въ изданіи Кіев-

¹⁾ Два первые письма были напечатаны въ газетѣ «День» 1863 г. (№№: 44 и 46), три же послѣднія въ газетѣ «Кіевлянинъ» 1865 г. (№№: 23—25).

ской Временной Коммисіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ вашимъ, то я и хочу съ вами побесѣдовать о статьѣ г. Антоновича, для проясненія исторической истины объ Украинскихъ козакахъ XVI-го вѣка.

Существенная особенность мнѣнія г. Антоновича состоитъ въ слѣдующемъ положеніи: «Отъ времени появленія въ исторіи до Люблинской уніи, козаки живутъ подъ управленіемъ князей изъ дома Гедиминова, сохраняя и развивая подъ ихъ правленіемъ свое общинное устройство». (стр. CXVII).

Это положеніе опровергается уже тѣмъ, что главные козацкіе предводители и распорядители, бывшіе въ первые тридцать лѣтъ XVI-го вѣка, Предславъ Ланцкоронскій и Евстафій Дашковичъ, были не князья; а въ 1534 году козацкимъ гетманомъ былъ «нѣякійсь козакъ Вънжикъ Хмельницкій», по выраженію нашего лѣтописца Грабянки. Что же касается до князей Димитрія Вишневецкаго и Евстафія Ружинскаго, то ихъ гетманство Грабянка полагалъ уже послѣ Венжика Хмельницкаго, между нимъ и Свирговскимъ. Имѣя въ виду этотъ порядокъ козацкихъ вождей, я могу сказать утвердительно, что нѣкоторые изъ князей Гедиминова дома были предводителями козацкими и до Люблинской уніи, и послѣ нея, — только не «на правахъ князя», а за-урядъ съ лицами всякаго сословія и въ перемежку съ ними; притомъ же это было уже во второй половинѣ XVI-го вѣка, а въ первой — и не было козацкихъ гетмановъ изъ князей. Такимъ образомъ появленіе нѣкоторыхъ князей въ ряду вождей козацкихъ не оправдываетъ собою мнѣнія г. Антоновича о пребываніи козачества нашего подъ управленіемъ княжескимъ — до Люблинской уніи. Да и самъ онъ говоритъ, что отъ реформы, всѣ прочіе князья — Гедиминовичи потеряли «лучшую изъ своихъ привилегій — право начальствовать общиннымъ ополченіемъ» (т. е. козаками); что въ тридцатыхъ годахъ XVI-го вѣка — «выборное начало торжествуетъ окончательно надъ элементомъ княжескимъ, и въ военачальники выбираются козаками уже не князья, но люди такіе, которые выдаются личными дарованіями, а не генеалогическими правами» (стр. XXXI). Такое управленіе у козаковъ выборными людьми не княжескаго происхожденія, назначаемое г. Антоновичемъ около 1534 года, состоитъ въ очевидномъ противорѣчьи съ его же положеніемъ о правленіи князей Гедиминовичей надъ козаками до Люблинской уніи, т. е. до 1569 года. Не правда ли?

Послѣ этого общаго замѣчанія, войдемъ въ частное разсмотрѣніе, начиная съ первыхъ годовъ XVI-го вѣка, къ которымъ относится первый актъ вашего Архива. Что же касается до послѣдней четверти XV-го вѣка, когда

являются на Днѣпрѣ козаки, то мы оставимъ ее пока въ сторонѣ, не видя еще ни откуда ни одного тогдашняго начальника козаковъ, ни тогдашняго ихъ устройства, хотя и не сомнѣваемся, что оно было у нихъ общинное, также какъ и у мѣщанъ, и у всего посполства Южнорусскаго. Къ тому же, въ Кіевскомъ актѣ 1499 года, гдѣ впервые упоминаются козаки, они являются на Днѣпрѣ не въ войсковомъ дѣлѣ, а въ промыслѣ чумацкомъ, какъ торговцы рыбою. (см. Акты Зап. Рос. т. 1. № 170).

Г. Антоновичъ говоритъ: «значеніе козаковъ, какъ ратныхъ общинныхъ людей, въ зависимости отъ различныхъ князей Гедиминовскаго дома, подтверждается выраженіями о нихъ современниковъ. Такъ въ одномъ изъ прилагаемыхъ актовъ, мы видимъ, что козаки, жившіе въ Черкасахъ, называются (не позже 1503 года) козаками князя Дмитрія (Вишневецкаго). У Стрыйковскаго, при разсказѣ о нападеніи Татаръ 1516 года есть извѣстіе, что цѣлый отрядъ ихъ былъ уничтоженъ козаками князя Вишневецкаго» (стр. XXVI).

Въ обоихъ этихъ случаяхъ г. Антоновичъ видитъ славнаго рыцаря Дмитрія Вишневецкаго и полагаетъ, что козаки были изъ его удѣла. Но я думаю, что помянутыя здѣсь лица: «князь Дмитрій» — не Вишневецкій; а «князь Вишневецкій» — не Дмитрій. Взглянемъ на оба свидѣтельства порознь.

Въ архивномъ актѣ (№ 1), писанномъ около 1502 года, называются поименно нѣкоторые Черкаскіе козаки (Митенко, Мандрика и проч.) и между ними различаются одни «Щуровой роты», другіе «князя Дмитрія». Первое названіе, конечно, отъ имени ротнаго или сотеннаго начальника Черкасскихъ козаковъ, Щура. Такъ и въ Богданово гетманство многія сотни разныхъ полковъ назывались еще по именамъ своихъ сотниковъ, на примѣръ въ полку Черкасскомъ: сотня Шубцева; сотня Драгилова и т. д. (см. въ книгѣ Реестровъ 1649 года). Что же касается до козаковъ князя Дмитрія, то нельзя согласиться съ г. Антоновичемъ, чтобы это былъ князь Дмитрій Вишневецкій и чтобы эти Черкаскіе козаки были изъ его родоваго удѣла.

Придніпровскіе города Черкасы и Каневъ, первоначальные разсадники козачества Украинскаго, всегда принадлежали къ Кіевскому княжеству, которое въ XIV-мъ вѣкѣ было удѣломъ Владиміра Ольгердовича, а въ XV-мъ возвращено было его сыну Олельку и внуку Симеону. Эти Кіевскіе князья назначали въ Черкасы своихъ намѣстниковъ. (Изъ нихъ извѣстенъ, на примѣръ, Свиридовъ, котораго Симеонъ Олельковичъ посылалъ опредѣлять по урочищамъ границу Литовскаго княжества, отъ р. Морахвы до Очакова, а оттуда до р. Донца и Тихой Сосны).

Когда же, по смерти Симеоновой, 1471 года, Казиміръ Ягелловичъ обратилъ Кіевское княжество въ воеводство и настали воеводы Кіевскіе, тогда въ Черкасы и Каневъ назначались намѣстники велико-княжескіе (Кмита Александровичъ, Сенько Полозовичъ); а при Жигимонтѣ I-мъ начались старосты Черкаскіе и Каневскіе (Евстафій Дашковичъ, Василь Тышкевичъ и т. д.). Такимъ образомъ ни козаки, ни мѣщане, ни все посполство Черкасское не могло принадлежать къ удѣлу князей Вишневецкихъ; ихъ родовой удѣлъ, со временъ Витовта, былъ на Волыни, гдѣ и гнѣздо ихъ Вишневецъ; и не видно еще ни одного современнаго свидѣтельства, чтобы у этихъ князей, до половины XVI-го вѣка, были имѣнія въ Украинѣ Придніпровской. А г. Антоновичъ надѣляетъ Дмитрію Вишневецкому, въ родовой удѣлъ, Придніпровскія земли не только въ Черкасскомъ и Каневскомъ полкахъ, но и въ Переяславскомъ, гдѣ не было владѣній даже и у Ереміи Вишневецкаго, обладавшаго огромною Вишневецкиною въ восточной Украинѣ, отъ Полтавы до Прилуки и до Домантова включительно. Онъ говоритъ: «Потомки Корыбута-Дмитрія Ольгердовича (родоначальника князей Вишневецкихъ, Заславскихъ, Корецкихъ и Ружинскихъ) утвердились въ южной Волыни, а также въ землѣ Кіевской, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, южнѣ Кіева» (стр. XX). Такое отчужденіе южной половины Кіевского княжества отъ Владиміра Ольгердовича и его наслѣдниковъ, въ пользу Кобытовичей, мнѣ кажется несправедливымъ, равно какъ и самое родословіе, причисляющее къ племени Кобытову не только князей Корецкихъ, потомковъ другаго Дмитрія Ольгердовича, не Кобыта, но и князей Заславскихъ, изъ которыхъ одни (Волынскіе) составляли отрасль князей Острожскихъ, а другіе (Минскіе) были внуки Евнута Гедиминовича. Къ потомкамъ Кобытовымъ, кромѣ князей Вишневецкихъ и Збаражскихъ, принадлежали еще Порицкіе и Воронежскіе: и все это были князья на Волыни, къ обывателямъ которой принадлежали и князья Ружинскіе.

Тутъ кстати сдѣлаю родословную замѣтку о нашемъ героѣ, Дмитріѣ Вишневецкомъ. Напрасно Нѣсецкій и другіе Польскіе писатели усыновляютъ его Александру Михайловичу Вишневецкому, отъ котораго пошла такъ называемая королевская линія этихъ князей. Въ современныхъ памятникахъ онъ именуется «Дмитріемъ Ивановичемъ»; а потому надо его причислить въ княжескую линію Вишневецкихъ, которая пошла отъ Ивана Михайловича. Родными братьями Дмитрія Вишневецкаго были: Андрей, староста Браславскій, а потомъ Волынскій; Константинъ, староста Житомирскій, и юный Жигимонтъ, питомецъ и любимецъ Жиги-

монта-Августа, извѣстный своею печальною смертію (1552 года въ Кенигсбергѣ, отъ неловкаго выстрѣла въ честь Польскаго короля, бывшаго въ гостяхъ у князя Альбрехта; бомба ударила въ голову Вишневецкаго и мозгомъ его обрызгало короля). А какой трудный былъ послѣдній годъ жизни Дмитрія Вишневецкаго, 1563-й: перебѣжавъ отъ Іоанна Грознаго опять къ своему королю, онъ пошелъ съ четырьмя тысячами войска добывать обѣщанной ему короны Молдавской; предательски достался въ плѣнъ воеводѣ Томжѣ и, переданный отъ него въ руки Турокъ, нашель себѣ мученическій вѣнецъ въ Царѣградѣ. Сколько же ему было тогда лѣтъ? Положимъ даже 70: очевидно, что въ 1502 году онъ былъ еще такимъ отрокомъ, который никакъ не могъ быть козацкимъ вождемъ и котораго ни за что не назвали бы, въ современномъ актѣ, просто княземъ Дмитріемъ. Названіе князя однимъ личнымъ именемъ — это такая честь, какой удостоивали тогда лишь немногихъ заслуженныхъ мужей. Такъ въ писаніяхъ первой половины XVI-го вѣка княземъ Константиномъ называется великій Литовскій гетманъ Константинъ Ивановичъ Острожскій († 1533 год.). Напримѣръ, въ описаніи Волынскихъ Замокъ, 1545 г., сказано: «Перемиль — замокъ съ селами выпросилъ князь Константинъ для князей Вишневецкихъ». (см. Памятники К. В. К. т. IV. Отд. 2, стр. 181). Оттуда же видно, что родовое владѣніе Дмитрія Вишневецкаго было въ повѣтѣ Кременецкомъ: Подгайцы, Окнины, Кушинъ, Лопушна и проч. (стр. 200 и 201). Тамъ же означено, что въ числѣ разныхъ обывателей того повѣта, находившихся лично при описаніи Кременецкаго замка, 25 іюля 1545 года, былъ и «князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій» (стр. 197). А въ статьѣ г. Антоновича сказано, что «Дмитрій Вишневецкій переѣхалъ къ Василію III Іоанновичу и предложилъ ему присоединить свой удѣлъ къ великому княжеству Московскому» (стр. XXX). То есть онъ переѣхалъ еще до 1533 г., въ которомъ скончался царь Василій Іоанновичъ.... Но возвратимся къ архивному акту о козакахъ Черкасскихъ. Кого же надо разумѣть подъ помянутымъ при нихъ «княземъ Дмитріемъ»? Не иного кого, какъ воеводу Кіевскаго, князя Дмитрія Путятича († 1503 г.), о которомъ и въ Густынской хроникѣ, подъ 1501-мъ годомъ, сказано такъ: «И посла (Шахматъ) до Дмитрія князя, воеводы Кіевскаго.» Само собою разумѣется, что нѣкоторая часть козаковъ Черкасскихъ названа именемъ этого князя не потому чтобы она была изъ его родоваго удѣла, а по своей службѣ у него, какъ воеводы Кіевскаго, вѣроятно, при Кіевскомъ замкѣ, бывшемъ на горѣ Киселевкѣ. (Извѣстно, что козаки въ томъ вѣкѣ жили и служили по замкамъ Украинскимъ.)

И такъ первый архивный актъ ничего не даетъ въ пользу мнѣнія г. Антоновича о происхожденіи и пребываніи козаковъ подъ властію князей Гедиминовичей. Обратимся къ свидѣтельству Стрыйковскаго о «козакахъ князя Вишневецкаго» 1516 г. Въ строгомъ смыслѣ, этого свидѣтельства нельзя признать за «выраженіе современника», потому что Стрыйковскій былъ современникомъ Баторія. Впрочемъ изъ его отрывочнаго упоминанія, приведеннаго г. Антоновичемъ, невидно еще, чтобы тѣ козаки 1516 года были изъ родового владѣнія князя Вишневецкаго и чтобы онъ былъ начальникомъ ихъ «на правахъ князя». Вѣроятно, что тѣ козаки составляли охотное войско, на тотъ часъ служившее князю Вишневецкому, подобно тому, какъ весною 1556 года триста Каневскихъ козаковъ съ своими атаманами Млинскимъ и Михайломъ Есковичемъ пристали на Днѣпрѣ къ дьяку Ржевскому и съ его Великорусскими козаками подъ Очаковымъ, побили Татаръ и Турокъ. Сторонній историкъ весьма могъ тѣхъ Запорожскихъ козаковъ назвать козаками дьяка Ржевскаго. Что же касается до самаго князя Вишневецкаго, упомянутаго при козакахъ 1516 года, то въ немъ можно видѣть не Дмитрія, а развѣ дѣда его Михаила Васильевича, который съ своимя двумя сыновьями принималъ участіе въ знаменитой побѣдѣ надъ Татарами, одержанной княземъ Константиномъ Острожскимъ подъ Вишневецемъ (или точнѣ говоря, подъ Лопушною), 1511 года. Сыновья его, Иванъ и Александръ, участвовали и въ другой знаменитой побѣдѣ князя Константина надъ Татарами, одержанной 1527 года у Ольшаницы (въ Бѣлоцерковщинѣ). Но внуки Михаила Вишневецкаго, въ томъ числѣ и Дмитрій, не видны на военномъ поприщѣ во всю первую половину XVI-го вѣка изъ писаній того времени. Не прежде, какъ въ 1556 году, Дмитрій Вишневецкій становится вождемъ Днѣпровскихъ козаковъ, на славномъ издревле островѣ Хортицѣ. Вотъ современное о томъ свидѣтельство изъ лѣтописанія Московскаго:

«Того-жъ мѣсяца (сентября) пріѣхалъ ко царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи, отъ Вишневецкаго князя Дмитрея Ивановича, бить челомъ Михайло Есковичъ, чтобъ его государь пожаловалъ, а велѣлъ себѣ служить, а отъ короля изъ Литвы отѣхалъ, и на Днѣпрѣ на Хортицкомъ островѣ городъ поставилъ, противъ Конскихъ водъ, у Крымскихъ кочевницъ. И царь и великій князь послалъ къ Вишневецкому дѣтей боярскихъ, Андрея Щепотева да Нечая Ртищева, да того-жъ Михайла, съ опасною грамотою и съ жалованьемъ» ¹⁾.

¹⁾ Привожу эти слова изъ 5 книги исторіи Татищева, изданной О. М. Бодянскимъ 1818 г.

Послѣ этого яснаго и непреложнаго свидѣтельства нечего бы и говорить уже о козацкомъ гетманствѣ Дмитрія Вишневецкаго въ первой четверти XVI вѣка. А г. Антоновичъ изъ старой ошибки, сдѣланной нашими лѣтописцами въ прошлое столѣтіе, дѣлаетъ новую еще большую. Истолковавъ невѣрно два выше разсмотрѣнныя свидѣтельства, онъ говоритъ: «Изъ этого уже явствуетъ ошибка ученыхъ, занимавшихся исторіею козаковъ: они, принимая предводителей козацкихъ этого времени за преемственныхъ козацкихъ гетмановъ, ставятъ время гетманства Предслава Ланцкоронскаго между годами 1500 и 1512, Дмитрія Вишневецкаго — между 1512 и 1514 и Евстафія Ружинскаго — между 1514 и 1534. Между тѣмъ мы видимъ изъ приведенныхъ нами мѣстъ, что Дмитрій Вишневецкій упоминается какъ начальникъ козаковъ и раньше и позднѣ этого времени, въ которомъ указываютъ его гетманство». Но не всѣ же наши историки указывали это гетманство между 1512 и 1514 годами. Еще Грабянка полагалъ — Дмитрія Вишневецкаго послѣ Венжика Хмельницкаго; такъ полагали и Миллеръ, и Бантышъ-Каменскій, и Евгенийъ (въ Киев. Синописѣ), и другіе. Вольно же было нашему приснопамятному земляку и пріятелю Маркевичу возобновлять старыя ошибки, въ томъ числѣ и перемѣщеніе Дмитрія Вишневецкаго съ Евстафіемъ Ружинскимъ — изъ второй половины XVI столѣтія въ первую, и постановку ихъ между Ланцкоронскимъ и В. Хмельницкимъ ¹⁾. А г. Антоновичъ, отвергая Маркевическое преемство Ланцкоронскаго, Вишневецкаго и Ружинскаго, ставитъ ихъ одновременно каждаго въ своемъ удѣлѣ, отъ самаго начала XVI вѣка; а потомъ повѣствуетъ объ упадкѣ небывалой княжеской власти надъ козаками, происшедшемъ будто-бы отъ реформы Ружинскаго, и о томъ, какъ недовольный этою реформою Вишневецкій переѣхалъ къ Василію Іоанновичу и предложилъ ему свои родовыя Придніпровскія земли....

Тутъ же у него сказано: «Попытки Великороссіянь — овладѣть Сѣверскою и Черниговскою землею въ 1534 году были отражены Ружинскимъ и Киевскимъ воеводою Немировичемъ». Но дѣло было наоборотъ. Сѣверская земля, какъ извѣстно, въ продолженіе XVI-го вѣка и въ началѣ XVII-го принадлежала государству Московскому. Въ 1534 году попытка овладѣть ею была со стороны новаго Литовскаго гетмана, Юрья Николаевича Радивиля, который и посылалъ туда, подѣ Стародубъ и Чер-

¹⁾ Объ этой перестановкѣ я недавно еще говорилъ въ моихъ письмахъ къ Н. И. Костомарову, напечатанныхъ въ Основѣ, 1861 г. (см. письмо 9-е о введеніи къ лѣтописи Самовидца).

ниговъ, Кіевскаго воеводу Андрея Немировича съ королевскимъ конюшимъ Василюемъ Чижемъ (см. Акты Зап. Рос. т. II. № 181). Тогда же «приходили Литовскіе люди, воевода князь Александръ Вишневецкій, а съ нимъ многіе люди къ Смоленску къ посаду, да и посадъ было зажгли» — сказано въ Царственной книгѣ на стр. 39.

Вслѣдъ за тѣмъ г. Антоновичъ говоритъ: «старанія самаго Вишневецкаго (Дмитрія) утвердиться то на Хортицѣ, то на правобережной Украинѣ, гдѣ онъ завладѣлъ было на время Черкасами и Каневомъ въ 1537 году, побудивъ жителей этихъ городовъ къ возстанію противъ королевскаго старосты, оказались тщетными».

Но тутъ опять напрасное примѣненіе къ Дмитрію Вишневецкому современнаго акта, напечатаннаго въ Архивѣ подъ № 2-мъ. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. На мѣсто знаменитаго Черкаскаго и Каневскаго старосты, Остафія Дашковича, назначень былъ въ 1536 году Василь Тишкевичъ (бывшій впоследствии воеводою Подляскимъ). Черкасцы и Каневцы взбунтовались противъ Тишкевича, а виновникомъ этого бунта, по голосу современниковъ, былъ Янъ Петровичъ Пенько, королевскій чиновникъ, находившійся при тѣхъ замкахъ. Получа объ этомъ королевскій листъ, Пенько явился въ Краковъ къ королю и увѣрилъ его въ своей невинности, говоря, между прочимъ, что «ничего о томъ не вѣдаетъ, съ чего тое бунтованье ихъ вросло и для которыхъ причинъ противъ старосты его милости они то вчинили». Такимъ способомъ Пенько не только успѣлъ получить королевскую оправдательную грамоту 1537 года (напечатанную въ Архивѣ), но и назначень былъ въ Черкасскіе старосты, вмѣсто Тишкевича. Однако Черкасцы были недовольны и имъ, и жаловались королю, что онъ «кривды великіе и утиски чинить и новины вводитъ». По этому случаю прїѣзжалъ въ Черкасы Кіевскій воевода Немировичъ и уладилъ дѣло своею грамотою 1539 года (напечатанною во 2 томѣ актовъ Зап. Рос. подъ № 195). Не знаю, кто именно — Оникій Горностаѣ, или уже другой кто былъ Черкасскимъ и Каневскимъ старостою въ 1557 году, когда Дмитрій Вишневецкій перешелъ изъ Запорожья въ Черкасы и Каневъ. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого основанія приписывать ему то возмущеніе Черкасцевъ и Каневцевъ, которое было за двадцать лѣтъ противъ старосты Тишкевича.

Не менѣе ошибочнымъ я нахожу и то, что сказано у г. Антоновича о Михайлѣ Вишневецкомъ. Онъ говоритъ: «Лѣтописи называютъ преемниками Ружинскаго (Евстафія) людей незнатнаго происхожденія; это: Венцеславъ Хмельницкій, Свирговскій, Оедоръ Богданъ, Шахъ, Подкова, Скалозубъ и т. д. — вотъ гетманы, которые послѣ Ружинскаго вы-

двигаются изъ толпы по ея выбору и наслѣдуютъ власть Гедиминовичей. Бывшіе князья долго еще не желаютъ отречься отъ прежнихъ правъ своихъ, и заявленіе этихъ правъ мы встрѣчаемъ въ лицѣ двухъ изъ нихъ: 1) брата Дмитрія Вишневецкаго, Михаила, 2) Михаила Ружинскаго. Первый, послѣ бѣгства брата изъ Москвы, пребывалъ въ вѣрности къ Іоанну IV-му и успѣлъ возвратити себѣ, пользуясь расположеніемъ жителей къ своему роду, города Черкасы и Каневъ. Онъ удерживаетъ титулъ гетмана козацкаго, и въ этомъ качествѣ участвуетъ въ войнѣ великаго князя Московскаго съ возставшею Астраханью, 1569 и 1570 г., между тѣмъ какъ Украиною управляетъ выборный гетманъ Свирговскій» (стр. XXXI).

Откуда взялось свѣдѣніе о вѣрности Михаила Вишневецкаго царю Московскому? Напротивъ, изъ современныхъ извѣстій видно, что весною того же 1563 года, въ которомъ Дмитрій Вишневецкій бѣжалъ къ королю, двоюродный братъ его, Михайль Вишневецкій, съ Запорожскими козаками и Бѣлгородскими Татарами напалъ на Сѣверскую область и произвелъ тамъ разореніе. Объ этомъ нападеніи «ротмистра князя Михаила Вишневецкаго» царь жаловался королю, отъ 10-го іюля, черезъ гонца своего, дворянина Андрея Клобукова, которому поручено было развѣдать о бѣжавшемъ князѣ Дмитріѣ ¹⁾. Вскорѣ послѣ того Черкасы и Каневъ достаются въ распоряженіе князя Михаила Александровича Вишневецкаго — потому, что король назначилъ его въ старосты Черкасскіе и Каневскіе. Въ этомъ званіи, лѣтомъ 1659 года, онъ отправляется не въ Астрахань, а въ Люблинь, на дѣло соединенія земли Волынской съ Польшею ²⁾, по совершеніи котораго онъ получаетъ еще новое званіе — кастеляна Кіевскаго. Что же касается до гетманскаго титула, то изъ всѣхъ нашихъ историковъ, только у Конисскаго, да вслѣдъ за нимъ у Маркевича, Михайло Вишневецкій полагается гетманомъ съ 1569 года до 1574-го, съ котораго, по единогласному признанію всѣхъ лѣтописателей, — былъ гетманомъ Свирговскій (или Свирчовскій). Откуда же г. Антоновичъ взялъ, что Свирговскій управлялъ Украиною еще въ 1569 и 1570 годахъ, какъ «выборный гетманъ»; а Вишневецкій былъ тогда только съ «титуломъ гетманскимъ» удержаннымъ по притязанію на прежнія права князей — Гедиминовичей предводити ополченіями? Что же касается до Астраханской побѣды Вишневецкаго,

1) См. въ Чтеніяхъ 1860 г. кн. IV переписку между Россією и Польшею, составленную Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ, (стр. 218).

2) См. Жизнь Курбскаго, изд. Н. Д. Иванишевымъ 1849 г. Т. I. № 7.

то она весьма требуетъ подтвержденія извѣстіями современными; а безъ того остается еще дѣломъ сомнительнымъ, несмотря на всю защиту его покойнымъ Маркевичемъ. Задавшись мыслию о «прежнихъ правахъ» Гедиминовичей надъ козаками и объ упадкѣ ихъ княжеской власти, г. Антоновичъ не хочетъ допустить ихъ въ число выборныхъ гетмановъ козацкихъ. Такимъ образомъ у него и князь Михайло Ружинскій въ 1585 году только «удерживаетъ титулъ гетманскій», захватываетъ власть надъ козаками, «опираясь на прежнія свои права!» «Впрочемъ — говоритъ онъ, — власть его, должно полагать, была и незначительна и кратковременна, такъ какъ ни одна хроника не записала его имени въ числѣ гетмановъ козацкихъ, и вышеприведенный актъ составляетъ единственное въ этомъ отношеніи указаніе».

Этотъ актъ 1585 года, нынѣ напечатанный въ Архивѣ подъ № 7-мъ, давно уже вычитанъ въ гродской Житомирской книгѣ Н. Д. Иванишевымъ, отъ котораго и я узналъ о немъ, лѣтъ за семь, и принялъ къ свѣдѣнію новооткрытаго гетмана, князя Михаила Ружинскаго. Называютъ его въ этомъ актѣ «гетманомъ козаковъ Запорожскихъ» войтъ, бурмистръ и радцы и все посольство города Кіева; ясно, что онъ былъ настоящій признанный гетманъ Запорожскій. Его власть надъ козаками была, конечно, полная гетманская, и не «кратковременная», но продолжавшаяся и въ 1588 году, въ которомъ Низовые, т. е. Запорожскіе козаки съ своимъ гетманомъ княземъ Ружинскимъ были во Львовѣ, — какъ это видно изъ современной записки, помѣщенной въ хроникѣ мѣста Львова, изданной Денисомъ Зубрицкимъ 1844 г. (см. на стр. 213). Итакъ гетманство Михаила Ружинскаго надо признать въ 1585—1588 годахъ. А былъ онъ изъ князей Волынскихъ, которымъ дорогу на Запорожье открылъ Дмитрій Вишневецкій, пришедшій туда козаковать въ 1556 году. Онъ первый изъ князей — Гедиминовичей сталъ гетманомъ козацкимъ. Его начальство надъ собою признали тѣ же Запорожскіе козаки (или «Черкасы Каневскіе»), съ тѣмъ же атаманомъ своимъ, Михайломъ Есковичемъ, что весною того года приставали къ дьяку Ржевскому и съ нимъ ходили подъ Очаковъ. Съ нимъ-то Дмитрій Вишневецкій, того же года «о Покровѣ, городъ взялъ Исламъ-Керменъ, и людей побилъ, и пушки вывезъ къ себѣ на Днѣпръ въ свой городъ». А въ слѣдующемъ году, весною — сказано въ лѣтописаніи Московскомъ — онъ писалъ къ государю, что «царь Крыма Девлетъ-Кирей, и съ сыномъ и со всѣми людьми Крымскими, приходилъ подъ его городъ на Хортицкой островъ и приступалъ 24-го (мая), и Божіимъ милосердіемъ, и царя и великаго князя именемъ и счастіемъ,

отъ царя отбился, и побилъ у царя многихъ людей лучшихъ и пошелъ царь отъ него съ великимъ соромомъ». А въ октябрѣ 1558 года «писаль изъ Черкасъ да изъ Канева къ царю и великому князю, князь Дмитрей Ивановичъ Вишневецкій, что онъ съ Днѣпра съ Хортицкаго острова пошелъ потому, что корму не стало у него и козаки отъ него разошлись, а царь Крымской пошелъ на его городъ, да Турского люди многіе въ судѣхъ, да Волохи, а онъ за кормомъ не сълъ въ городъ, а пришелъ за Черкасы и Каневъ, и государь какъ велить? И царь великій князь писалъ ко князю Дмитрію Ивановичу, а велѣлъ ѣхати къ себѣ, а Черкасы и Каневъ велѣлъ королю отступитца, потому что царь великій съ королемъ въ перемирьи. Въ Ноябрѣ князь Дмитрей Ивановичъ къ царю и великому князю пріѣхаль служити, и царь государь его пожаловаль великимъ своимъ жалованьемъ, и далъ ему отчину городъ Бѣлевъ, со всѣми волостями и селы, да въ оныхъ городѣхъ села подклѣтные государь подаваль и великими жалованьи устроилъ....» На томъ и кончилось его двухлѣтнее гетманство надъ козаками Запорожскими.

Письмо второе

Оставимъ на время князей, бывшихъ вождями козацкими, и посмотримъ на первоначальнаго подвижника придніпровской козачины, на Евстафія Дашковича. Не странно ли, что у нашихъ старшихъ лѣтописателей прошлаго столѣтія, отъ Грабянки до Конисскаго, нѣтъ и помину о Дашковичѣ?... Зато Шафонскій и Ригельманъ ставили его первымъ гетманомъ козацкимъ; но Маркевичъ признаваль его только первымъ атаманомъ Запорожскимъ; на самомъ дѣлѣ Дашковичъ былъ не гетманомъ и не кошевымъ атаманомъ, а старостою Черкасскимъ и Каневскимъ, да къ тому еще (въ тринадцатыхъ годахъ) державцею Пропойскимъ и Чичерскимъ и въ этихъ званіяхъ заслужилъ себѣ имя — славнаго козака.

О его происхожденіи говорятъ и Нѣмцевичъ и другіе Польскіе писатели, что онъ былъ изъ простолюдыя, изъ Овручскихъ подданныхъ князя Острожскаго; но это едва-ли справедливо. Будь онъ «простый хлопъ» — не было бы у него «власного отчизного селища Гвоздова», которое онъ въ Кіевѣ отписаль монастырю Пустынно-Никольскому, — и родная сестра Овручскаго кмѣтка Богдана Дашковичовна не была бы женою пана Бориса Тишкевича, а послѣ него — пана Андрея Немировича, воеводы Кіевскаго. Дашковичъ могъ быть слугою князя Константина — это иное дѣло. Въ многочисленной прислугѣ Константинова сына, великолѣпнаго воеводы Кіевскаго, встрѣчались князья.

Что касается до статьи г. Антоновича, то въ ней Дашковичъ приписанъ къ Овручскому мѣщанству и отпущенъ къ Запорожцамъ. «Между ними, — говоритъ онъ, — въ началѣ XVI вѣка скитался бѣглый мѣщанинъ изъ Овруча, Евстафій Дашковичъ; пріобрѣвъ вліяніе своею храбростію и смѣтливостію, онъ возымѣлъ мысль образовать изъ своихъ товарищей-бѣглецовъ устроенное общество съ совершенно оригинальною организаціею. Дашковичъ началъ съ того, что отправился въ Польшу и тамъ, на сеймѣ въ Петровкѣ, въ 1511 году, когда штаты Рѣчи Посполитой разсуждали о средствахъ предохранить Южнорусскія земли отъ набѣговъ Татаръ, предложилъ какъ лучшее и самое дешевое средство — признавать войскомъ Рѣчи Посполитой приднѣпровскихъ скитальцевъ и поручить имъ охраненіе границъ. Предложеніе было принято, и Сигизмундъ 1-й согласился признать законность войска, образовавшагося безъ его вѣдома и поручить ему стражу границъ Рѣчи Посполитой; въ награду же за эту услугу онъ подарилъ земли, никому доселѣ не принадлежавшія, лежавшія между Бугомъ и Тясминомъ, Самарою и Калміусомъ. Вѣстникомъ этого королевскаго распоряженія былъ самъ же Дашковичъ; для выходцевъ оно имѣло значеніе амнистіи и безопасности личной со стороны Польскаго правительства, и потому они охотно сгруппировались около Дашковича и приняли предложенное имъ устройство, которое и состояло въ развитіи до возможныхъ предѣловъ общинныхъ началъ» (стр. LXXIV).

Но вѣдь это небылица, которой можно бы уже и не писать у насъ въ нынѣшнее время. Статочное ли дѣло, чтобы на великомъ сеймѣ 1511 года дѣлалъ такія предложенія бѣглый мѣщанинъ и чтобы, довѣрясь такому представителю еще неустроенныхъ бѣглецовъ и скитальцевъ, Жигимонтъ I-й такъ уже и поручилъ охраненіе границъ своего государства и подарилъ столь обширныя земли?... сколько тутъ ошибочнаго: отъ скитанія Дашковича подъ видомъ бѣглаго мѣщанина и до сейма великаго, который въ 1511 году былъ не въ Петриковѣ, а въ Берестыи! По извѣстіямъ современнымъ, Дашковичъ виденъ отъ самаго начала XVI вѣка, съ 1501 года, въ которомъ Московскій великій князь Іоаннъ III-й Васильичъ, послѣ побѣды Ведрошской, посылалъ своихъ воеводъ, «Литовскія земли воевати». И вотъ «пріидоша воеводы ко Мстиславлю ко граду ноября 4-го въ четвертокъ, и срѣте ихъ изъ града князь Михайло Иже-славскій, зять княже Юрьевъ Лугвеньевичъ, да великаго князя Александра Литовскаго воевода Остаеѣй Дашковичъ...»

Спустя годъ, или около того, князь Василій Семеновичъ Ряполовскій сказывалъ, «что намѣстникъ Кривчской Остаеѣй Дашковичъ вступается въ волость Прикладни и въ деревни Прикладвенскіе...» (см. Акты Зап.

Рос. Т. 1. стран. 322). А въ 1504 году королевскій гонецъ Матвей Кунцевичъ, въ Москвѣ, предлагалъ, чтобы отданъ былъ бѣжавшій изъ Литвы со многими дворянами воевода Остафій Дашковичъ. На это дьякъ Болдырь Паюсовъ далъ Кунцевичу такой отвѣтъ, что «по перемирнымъ договорамъ велѣно выдавать татя, бѣглеца, холопа, раба и должника; а какъ Дашковичъ чиновный человекъ, Греко-россійской вѣры и добровольно принялъ службу, то выданъ быть не можетъ».

Тамъ на государственной службѣ и находился Дашковичъ до 1508 года, до той знаменитой грозы, которую поднималъ въ Литвѣ князь Михайло Львовичъ Глинскій. Тогда великій князь Василій Ивановичъ прислалъ ему на помощь Остафія Дашковича, одного славнаго козака, который съ былъ до него передалъ, якъ мѣлъ обычай, съ двадцати тысячами людей Московскихъ ездныхъ» — по словамъ стараго лѣтописца Южнорусскаго. А въ августѣ того 1508 года Жигимонтъ I-й, наряжая изъ Смоленска посольство къ Менгли-Гирею, писалъ между прочимъ слѣдующее: «А тому зрадцѣ нашему Глинскому людей его въ тотъ-же часъ многихъ збито, а останокъ ихъ съ Остафіемъ Дашковичомъ вси къ намъ прибѣгли». (см. Акты Зап. Рос. Т. II. № 41.)

Вотъ гдѣ и чѣмъ былъ въ началѣ XVI вѣка подлинный, историческій Дашковичъ. Ему, какъ человеку извѣстному и опытному, пришедшему вновь «на службу господарскую», — Жигимонтъ I-й могъ поручить охраненіе границъ государства и, по его представленію, дать козакамъ права на Приднѣпровскія земли, никѣмъ еще не заселенныя.

Несправедливо вмѣнять Дашковичу первоначальное собраніе и устройство Запорожскихъ выходцевъ. Товариство Запорожское, съ своимъ общиннымъ устройствомъ и съ своими атаманами, существовало еще прежде, чѣмъ Дашковичъ вернулся изъ Москвы и сталъ на Руси Кіевской.

На что умножать сказки о первоначальникахъ козачества? Довольно и той, которую отъ самихъ Запорожцевъ слышалъ и записалъ въ прошломъ столѣтіи князь Мышецкій про знаменитаго стрѣльца и атамана Семена, который, съ своего Семенова-Рога на Бугскомъ Лиманѣ, приходилъ на Украину, къ Лысянкѣ, Медвѣдовкѣ и другимъ мѣстамъ, съ сотнею своихъ товарищей и набралъ тутъ себѣ войска болѣе двухъ тысячъ, и послѣ похода на Дунай водворился на Очаковской сторонѣ, на Днѣпрѣ, особымъ улусомъ.

На что говорить и то, будто Запорожье при Дашковичѣ «состояло не болѣе какъ изъ двухъ тысячъ человекъ». Въдъ это число относится только къ извѣстному предложенію, которое сдѣлано было Дашковичемъ 1522 года на вальномъ сеймѣ Городенскомъ: чтобы Днѣпровскіе остро-

ва застроить крѣпкими замками и постоянно содержать тамъ 2,000 вооруженныхъ пѣшихъ козаковъ, да еще ста четыре конныхъ.

Запорожцы нерѣдко собирались вокругъ Дашковича — въ его походахъ и битвахъ и, вѣроятно, приняли отъ него нѣкоторыя правила къ улучшенію своего быта и порядка; но въ отношеніи къ Запорожью могъ быть ему совмѣстникъ — другой козацкій вождь, Предславъ Ланцкоронскій. А какъ староста Черкасскій и Каневскій, Дашковичъ около четверти вѣка (до 1536 года) былъ главнымъ распорядителемъ и подвижникомъ козачества въ Украинѣ Приднѣпровской. Тутъ ему совмѣстниками могли быть развѣ Кіевскіе воеводы (князь Юрій Александровичъ Гольшанскій да Андрей Якубовичъ Неміровичъ). И, конечно, не иному кому, какъ доблестному Дашковичу, тогдашнее козачество обязано своимъ усиленіемъ и распространеніемъ на Украинѣ Приднѣпровской. Онъ упрочилъ бытіе нашего козачества, какъ особаго сословія въ народѣ Малороссійскомъ. Онъ былъ первымъ строителемъ и Чигирина, будущей родины и гетманской столицы Богдана Хмельницкаго.

Современнымъ Дашковичу козацкимъ вождемъ былъ Предславъ Ланцкоронскій, о которомъ всѣ наши старшіе лѣтописцы прошлаго столѣтія поминають, какъ о первомъ гетманѣ козацкомъ. Сказаніе о немъ, взятое изъ Польскаго историка Мартына Вѣльскаго, внесено еще въ хронику Густынскую и состоитъ въ слѣдующемъ: «Въ лѣто 1516 Жигмонтъ король — посла Предслава Лянцкорунскаго на Украину собирать люду и такожде Татаромъ пакостити; онъ же, собравъ охотниковъ скилка сотъ, поиде съ ними аже подъ Вѣлагородъ и тамо забра множество товара, и коней, и овецъ Татарскихъ и Турецкихъ, и возвратися съ ними. Татаре же и Турци, собравшеса, гониша по нихъ и постигоша ихъ подъ Очаковомъ у Овидова озера, и бишася съ ними; но наши поразиша ихъ и со великимъ добитіемъ во здравіи возвратишася».

Вотъ походъ Ланцкоронскаго къ Вѣлгороду и битва его подъ Очаковимъ, 1516 года, какъ событіе историческое. Къ этому извѣстію предпослано такое замѣчаніе: «Въ сіе лѣто начашася на Украинѣ козаки». Такимъ образомъ у Польскаго историка, а за нимъ и у нашего составителя Густынской хроники, началомъ козачества на Украинѣ полагаются тѣ охотники, съ которыми Ланцкоронскій совершилъ походъ къ Вѣлгороду и Очакову 1516 года. Но извѣстно положительно и документально, что въ Приднѣпровской Украинѣ, въ Черкацинѣ, были козаки еще до Жигимонта I-го; да и въ Запорожьи также было козачество гораздо прежде 1516 года. Между тѣмъ лѣтописное сказаніе и тутъ обращается въ слѣдующую сказку: «И потомъ бранилюбивый сей народъ, засмако-

вавши себѣ здобичъ, наставиша себѣ старѣйшину спосредѣ себе, варицаемаго козака, отъ него же и сами потомъ козаками нарекошася, и начаша сами часто въ Татарскую землю ходити, и даже доселѣ не перестають пакости творити Татарамъ и Туркамъ. А старѣйшину себѣ избирають спосредѣ себе, мужа храбра и смысла, по своему древнему обычаю; живутъ же всегда на Запорожью, рыбы ловяще, ихъ же безъ соли на солнцу сушатъ; а на зиму расходятся кождо во свой градъ, толко зъ скилко сотъ оставляють на куренѣ стерещи стрѣлбы и чолновъ, а на лѣто паки собираются. И симъ образомъ козаки начало свое пріаща».

Сказка сказкою; но лѣтописное замѣчаніе «о началѣ козаковъ» нельзя ли принять съ такимъ ограниченіемъ, что въ 1516 году начались козаки на Украинѣ Придністровской, въ Браславщинѣ, гдѣ до того года не видно козачества ни изъ какихъ показаній современныхъ? Какъ бы ни было, впрочемъ, а сказаніе Мартына Вѣльскаго было классическимъ мѣстомъ, на которомъ основывался и Коховскій (1683 г.), и писавшій подъ его вліяніемъ (около 1710 г.), нашъ Украинскій лѣтописатель Грабянка. У него такъ говорится сначала, что «въ року 1516, Жигмонтъ I — охотнаго воинства отъ козаковъ и Поляковъ собра, посла ихъ подъ Бѣлгородъ.... и отъ того времени козаками нарицахуся, аще кто и Полякъ бѣше, си есть, свободное воинство, яко безъ найму, своею волею на Татаре хождаху». А потомъ у него сказано: «Въ року 1506-мъ былъ первымъ козацкимъ гетманомъ Предславъ Лянцкоронскій; а въ року 1534 будучи гетманомъ Запорожскимъ, нѣякійсь козакъ Венжикъ Хмельницкій розбилъ великую орду въ Полщѣ подъ Заславемъ; по немъ былъ гетманомъ Дмитрій князь Вишневецкій, а по немъ Евстафій князь Ружинскій» — и ни слова объ нихъ болѣе. Ясное дѣло, что здѣсь у Грабянки 1506 годъ при Ланцкоронскомъ поставленъ ошибкою, вмѣсто 1516-го. А между тѣмъ этотъ ошибочный 1506 годъ, пошелъ надолго у насъ, какъ начальннй годъ козацкаго гетманства. Съ этимъ годомъ стоитъ первый гетманъ Ланцкоронскій и въ извѣстномъ «собраніи гетмановъ» и во введеніи, придѣланномъ къ «лѣтописи Самовидца», заимствованномъ очевидно изъ лѣтописи Грабянкиной; у Шафонскаго, Ригельмана, — 1506-й годъ приложенъ къ первому гетману Дашковичу, а Ланцкоронскій поставленъ вторымъ гетманомъ, съ надлежащимъ 1516-мъ годомъ. Но въ «исторіи Руссовъ» Конискаго, а за нимъ и у Маркевича, гетманство Ланцкоронскаго начинается съ 1500 года, а прекращается 1512-го.

Но въ «описаніи» Симоновскаго (сочиненномъ вслѣдъ за прекращеніемъ Гетманщины) сказано такъ: «Первой козацкой гетманъ (по новоизданной и выпечатанной въ Гамбургѣ 1763 года, исторіи о Россійскомъ го-

сударствѣ, на Нѣмецкомъ языкѣ, чрезъ доктора Бишинга) былъ князь Богданъ Рожинскій, которому король Баторій, въ вѣчное и наслѣдственное владѣніе пожаловалъ городъ Терехтемировъ». Такъ и Миллеръ говорилъ, и Бантышъ-Каменскій повторилъ (1822 г.), что Богдана Ружинскаго «можно почитать первымъ Малороссійскимъ гетманомъ». Вотъ краткая исторія о началѣ козацкаго гетманства въ лѣтописаньи Малороссійскомъ — до Маркевича включительно, который такъ горячо нападалъ на Бантыша-Каменскаго, стоя горою за начало гетманщины и гетманства съ 1500 года! Сущность дѣла въ томъ: назывались ли у современниковъ, или не назывались гетманами козацкіе военачальники, бывшіе до Баторія? Дѣло въ титулѣ; но вѣдь немалая тогда велась тяжба изъ-за титула и между великими князьями — Московскимъ и Литовскимъ. Не военного челоуѣка, гетмана Розумовскаго, Екатерина II переименовала въ фельдмаршалы; а черезъ четверть вѣка она наименовала Потемкина «великимъ гетманомъ козацкихъ Екатеринославскихъ и Черноморскихъ войскъ». Но наша братья — историки не имѣютъ права ни жаловать въ гетманы, ни разжаловать — давнопрошедшихъ военачальниковъ козацкихъ. Ну, если Грабянка наименовалъ Ланцкоронскаго первымъ гетманомъ отъ себя, также самопроизвольно, какъ Шафонскій и Ригельманъ — Дашковича.

Если любознательность нашихъ историковъ могутъ занимать имена, года, дѣянія царей и цариковъ Татарскихъ, царей и царицъ Босфорскихъ, то для насъ тѣмъ болѣе должны быть занимательны вожди и начальники нашего козачества, историческая жизнь котораго такъ дорога и важна для памяти народной, и которое донинѣ живо въ своихъ потомкахъ, козакахъ Малороссійскихъ и Черноморскихъ. А мы и до сихъ поръ не добыли себѣ вѣрнаго знанія о предшественникахъ Богдана Хмельницкаго; они и донинѣ не перестаютъ быть игрищемъ произвола научнаго и недоучнаго. Въ пользу гетманства Ланцкоронскаго можно указать на универсалъ Богдана Хмельницкаго 1655 года 15 генваря, данный Низовому Запорожскому войску, въ подтвержденіе правъ, жалованныхъ королемъ Баторіемъ 1576 года. Тамъ о Самарскихъ земляхъ сказано: где еще до гетмана Прецлава Ланцкоронскаго козаки Запорожскіе свои зимовники мѣвали». Но въ 1775 году, когда шло роковое дѣло о Запорожьи, Миллеръ опровергалъ подлинность сего универсала, представленнаго Запорожцами въ копіи. Предоставляю вамъ съ Н. Д. Иванишевымъ рѣшить, правъ-ли былъ Миллеръ. Во всякомъ случаѣ, былъ-ли Ланцкоронскій гетманомъ, или только старостою Хмельницкимъ, его козацкое военачальство должно быть полагаемо не ранѣе, какъ съ 1516 года.

Козацкое ополченіе, предводимое имъ въ томъ году къ Бѣлгороду и Очакову, состояло изъ набранныхъ имъ на Украинѣ охотниковъ (*voluntarii*). Это совсѣмъ не то, что представляетъ г. Антоновичъ, будто и Ланцкоронскій въ своемъ удѣлѣ былъ начальникомъ общиннаго ополченія на правахъ князя. Для Ланцкоронскаго онъ измѣняетъ свое основное положеніе о Гедиминовичинѣ и говоритъ, что «первые гетманы козацкіе ведутъ свой родъ исключительно отъ Гедимины, или отъ великокняжескихъ ленниковъ!» А въ удѣлѣ дворянскому роду Ланцкоронскихъ назначаетъ онъ Браславщину, гдѣ былъ Браславскій козацкій полкъ — будто бы еще до 1516 года.

Письмо третье

По вашему желанію, возобновляю мою письменную бесѣду съ вами о козакахъ. Въ самомъ дѣлѣ, надо же мнѣ кончить разборъ новаго мнѣнія о *происхожденіи козачества*, предложеннаго г. Антоновичемъ въ его предисловной статьѣ къ Архиву Юго-Западной Россіи, 1863 года.

Для нашего козачества придніпровскаго онъ предположилъ первоначальный вѣкъ благосостоянія его подъ кроткимъ управленіемъ различныхъ князей Гедиминова дома, будто бы имѣвшихъ здѣсь свои *удѣлы* въ концѣ XV вѣка и въ началѣ XVI-го. Изъ этихъ *князей-гетмановъ* онъ называетъ только Дмитрія Вишневецкаго, Евстафія Ружинскаго да еще кого-то изъ князей Корецкихъ.

Тотъ вѣкъ благосостоянія козаковъ у него кончается около 1534 года — со смертью героя Ружинскаго. Тогда настаетъ пора окончательнаго торжества *выборнаго начала надъ элементомъ княжескимъ*: гетманами становятся изъ толпы, по ея выбору — Венжикъ Хмельницкій и другія лица незнатнаго происхожденія и наследуютъ власть Гедиминовичей. Но и между самыми князьями-гетманами была борьба за козаковъ, когда Евстафій Ружинскій *объединилъ* собою и увлекъ подъ свою власть все южнорусское козачество, разрозненное по ихъ удѣламъ: они противодѣйствовали, протестовали передъ Жигимонтомъ I-мъ противъ *реформы* Ружинскаго; но тотъ, своими *многочисленными, побѣдоносными* походами противъ татаръ и турковъ, успѣлъ доказать на дѣлѣ, сколь полезную военную силу могутъ доставить государству козаки, соединенные и правильно организованные имъ въ *двадцать* полковъ... (стр. XXIX).

На самомъ же дѣлѣ ничего этого не было; да и самаго князя Евстафія Ружинскаго не было въ Придніпровской Руси во всю *первую* половину XVI вѣка, так же точно, какъ и Дмитрія Вишневецкаго не было на Придніпровьи до *пятидесятихъ* годовъ того вѣка.

Что касается до князей Корецкихъ, то изъ нихъ, отъ начала XVI-го вѣка, извѣстенъ *Федоръ Ивановичъ Корецкій*. Въ 1508 году, когда Жигимонтъ I раздавалъ разнымъ лицамъ великаго княжества Литовскаго обширныя имѣнія князей Глинскихъ, перешедшихъ въ сторону московскую, князь Федоръ Ивановичъ выпросилъ и себѣ въ Кіевскомъ повѣтѣ село *Суцаны*, принадлежавшее Ивану Глинскому. Съ той поры князья Корецкіе стали владѣльцами и въ воеводствѣ Кіевскомъ, но въ томъ концѣ его, гдѣ тогда еще не было козачества; да и не видно ни откуда, даже изъ позднѣйшаго лѣтописанія Малороссійскаго, чтобы Федоръ Корецкій, или знаменитый сынъ его Богушъ, былъ на гетманствѣ козацкомъ.

Историческое недоразумѣніе о гетманствѣ князя Дмитрія Вишневецкаго разрѣшено уже въ моемъ первомъ письмѣ. Теперь очередь бесѣды нашей о князьяхъ Ружинскихъ.

Не знаю, почему эти князья отнесены у г. Антоновича къ потомкамъ Корибуто Ольгердовича. У польскихъ историковъ и генеалоговъ давно утвердилось мнѣніе Окольскаго, что князья Ружинскіе были потомки Наримунта Гедиминовича. Такого мнѣнія былъ, по свидѣтельству Кобержицкаго, самъ Романъ Ружинскій, именовавшій себя *Наримундовичемъ* (какъ Вишневецкіе звались *Корыбутами* по своему предку).

Такимъ образомъ и мнѣніе Папроцкаго о происхожденіи князей Ружинскихъ отъ Коріята Гедиминовича оставлено заштатнымъ. Но его сказаніе о *четырехъ* князьяхъ этой фамиліи принято въ исторію, какъ сказаніе современника. Въ своихъ *Гербахъ рыцарства польскаго*, изданныхъ 1584 года, Папроцкій называетъ *Михаила Ружинскаго* и трехъ его сыновъ: *Кирилла* (или Кирика), *Богдана*, бывшаго гетманомъ Низовыхъ козаковъ, и *Николая*.

Къ этимъ четыремъ у Окольскаго и Нѣсецкаго прибавлено еще два: *Дмитрій Ружинскій*, бывшій полковникомъ при князѣ Сангушкѣ въ московской войнѣ 1567 года; *Романъ Ружинскій*, болѣе всѣхъ знаменитый по московской войнѣ смутнаго времени, въ продолженіе которой и скончался онъ 8 апрѣля 1610 года.

Тутъ напрашивается на воспоминаніе *Адамъ Ружинскій*, подвизавшійся вмѣстѣ съ Романомъ въ войнѣ московской, бывшій съ нимъ и во Львовѣ, гдѣ они 1600 года вписали имена свои въ книгу Львовскаго православнаго братства. Но намъ надобны не эти Ружинскіе послѣдняго поколѣнія, а тѣ, что были въ первой половинѣ XVI-го вѣка; намъ надобенъ Евстафій Ружинскій... Вооружитесь терпѣніемъ выслушать, и я расскажу вамъ, какъ этотъ князь объявился мнѣ мало-помалу по старописьменнымъ памятникамъ.

Еще въ 1840 году, когда издавался мой *Кіевлянинъ*, я старался знакомиться поближе съ давнопрошедшими людьми Южной Руси и для того пересматривалъ, между прочимъ, и старые церковные *помянники* Печерской лавры и другихъ монастырей кіевскихъ. Тамъ не разъ встрѣчалось мнѣ слѣдующее вписаніе: «Родъ князя Евстаѳіа Ружинскаго — Евстаѳіа, Анну, Оому, Меркурія, Романа». Но отсюда можно было усмотрѣть только то, что Романъ Ружинскій былъ меньшей сынъ Евстаѳіа.

Въ 1841 году получилъ я для Кіевлянина изъ Львова, отъ покойнаго Д. И. Зубрицкаго, въ собственноручномъ его спискѣ, два акта: завѣщаніе гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго 1622 года и письмо князя К. К. Острожскаго, писанное имъ въ Кіевѣ 1581 года къ своему Кіевскому намѣстнику, князю *Остаѳею Ивановичу Ружинскому*. Вотъ онъ гдѣ: въ Кіевѣ, воеводскимъ намѣстникомъ или подвоеводимъ, 1581 года. Тогда стало для меня ясно, что если онъ былъ козацкимъ гетманомъ, то не иначе, какъ означено было въ лѣтописи Грабянки, гдѣ сказано, что *послѣ* Венжика Хмельницкаго (извѣстнаго въ 1534 году) «былъ гетманомъ Дмитрій князь Вишневецкій; а *по немъ* Евстаѳій князь Ружинскій» (т. е. послѣ 1558 года). Но нельзя было не взять во вниманіе и того, что *Евстаѳій Ружинскій* не принять въ число козацкихъ гетмановъ, ни Симоновскимъ, ни Бантышенъ-Каменскимъ, ни Евгениемъ, которые въ замѣнъ того принимали князя *Богдана Ружинскаго*, въ лицѣ славнаго *Богданка*, бывшаго козацкимъ гетманомъ въ 1575 и 1576 годахъ.

Когда же издана была г. Иванишевымъ *Жизнь князя Курбскаго*, обильная современными актами, тогда двумя изъ нихъ объяснился мнѣ родъ князей Ружинскихъ. Особенно послужилъ къ этому *Реестръ* обывателей Владимирскаго повѣта, приведенныхъ въ іюнь 1569 года къ присягѣ на Люблинскую унію, королевскимъ комиссаромъ Яномъ Фалибовскимъ. Тутъ оказалось три семьи князей Ружинскихъ: 1) Григорій, Евстаѳій, Михайль и Дмитрій *Ивановичи*; 2) Стефанъ и Михайль, не названные по-отечеству (то были, по моему соображенію, *Федоровичи*; 3) княжна Василіса съ своимъ потомствомъ (признаю это явною ошибкою писца въ гродской Владимирской книгѣ и читаю такъ: *княгиня Васильева* съ своимъ потомствомъ).

При совершеніи присяги «Михайль и Дмитрій Ивановичи Ружинскіе» объявили, что братъ ихъ *Григорій* служитъ у князя Романа Сангушка на Украинѣ въ Рѣчицѣ¹⁾; а другой братъ ихъ, *Евстаѳій*, служитъ у

1) Т. е. онъ былъ тогда Рѣчицкимъ намѣстникомъ Романа Сангушка, воеводы Браславскаго и державцы Рѣчицкаго.

Черкаскаго и Каневскаго старосты князя Михаила Вишневецкаго и ѣдетъ съ нимъ къ его королевской милости въ Люблинъ. Т. е. нашъ герой въ 1567 году былъ подстаростою Черкасскимъ или намѣстникомъ старосты Черкаскаго и Каневскаго, Михаила Александровича Вишневецкаго, съ которымъ ѣздилъ на сеймъ Люблинскій.

Тогда же Стефанъ Ружинскій объявилъ, при совершеніи присяги, что его братъ *Михаилъ* на ту пору осѣдлости не имѣлъ, потому что заложилъ весь свой участокъ и поѣхалъ къ пріятелямъ въ Польшу. Я вижу теперь, что не Михайло Ивановичъ Ружинскій, человекъ семейный и степенный, а этотъ другой, бездомовный *Михайло Ружинскій*, ѣздившій къ своимъ пріятелямъ въ Польшу, отправился впоследствии козаковать на Запорожье и тамъ былъ *гетманомъ* въ 1585—1588 годахъ, какъ это пояснено въ моемъ первомъ письмѣ на основаніи свидѣтельствъ современныхъ.

Двоюродный братъ его, князь Евстаѳій, въ 1573 году находился на своей родинѣ; марта 16-го онъ былъ въ Берестечкѣ, на съѣздѣ Волынскихъ обывателей, для выбора депутатовъ, которые должны были ѣхать въ апрѣль подъ Варшаву на элекцію новаго короля; къ числу депутатовъ принадлежалъ и Евстаѳій Ружинскій (см. *Жизнь кн. Курб.* т. I, № 15). Вскорѣ послѣ того онъ поступилъ опять на службу — въ воеводскіе намѣстники князя К. К. Острожскаго. На этой должности онъ видѣнъ съ 1575 года, по актамъ Межигорскаго монастыря, у котораго онъ отнялъ было нѣкоторыя земли. Вотъ чѣмъ былъ подлинный, историческій князь Евстаѳій Ружинскій — *подстаростою Черкасскимъ*, потомъ *подвоеводымъ Кіевскимъ*; а на его гетманство козацкое не нашлось и донинѣ подтвержденія современнаго или стародавняго.

Въ Грабянкиной лѣтописи, сочиненной около 1710 года, въ первый разъ у насъ поставленъ въ числѣ козацкихъ гетмановъ *Евстафій Ружинскій*, между Дмитріемъ Вишневецкимъ и Свѣрговскимъ (т. е. между 1558 и 1574 годами). Не знаю, кто такой около 1730 года переставилъ Вишневецкаго и Ружинскаго въ первую четверть XVI-го вѣка, давъ имъ мѣсто между Ланцкоронскимъ и Венжикомъ Хмельницкимъ. Въ такомъ неправильномъ порядкѣ, съ одними именами, безъ годовъ и дѣяній, оба князя поминались у насъ — и въ «Собраніи гетмановъ», приложенномъ къ лѣтописи Грабянкиной, и во введеніи, придѣланномъ къ лѣтописи Самовидца, и въ другихъ лѣтописныхъ произведеніяхъ. Въ такомъ же видѣ оба князя достались и подъ руку, написавшую *Исторію Руссовъ*.

Въ этой знаменитой исторіи, весьма замѣчательной со стороны художественной, Малороссійская козачина XVI и XVII вѣка представлена съ тою-же поэтически своевольною перестройкою исторической дѣйствительности,

съ какою и Гоголь въ своемъ *Тарасъ Бульбъ*, и Шевченко въ своихъ *Гайдамакахъ* изображали избранныя ими эпохи. О дознаніи и соблюденіи вѣрнаго историческаго факта у всѣхъ троихъ не было и заботы!

Даровитому историку, укрывшемуся подъ славнымъ именемъ Георгія Кониסקаго, хотѣлось наполнить цѣлое XVI столѣтіе всплошь — *гетманами*, узнанными имъ въ неполномъ числѣ и невѣрномъ порядкѣ: и вотъ у него назначаются самопроизвольно опредѣленные годы гетманства — Ланцкоронскому съ 1500 года, Дмитрію Вишневецкому по 1514, Евстаѳію Ружинскому по 1534 и т. д. Понятіе о *Гетманщинѣ*, предначатою Петромъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ и потомъ созданной Богданомъ Хмельницкимъ, въ которой гетманы были не только военачальниками козацкими, но и правителями страны, это понятіе было наведено историкомъ и на первыхъ гетмановъ козацкихъ XVI вѣка. Тутъ Дмитрій Вишневецкій славится гражданскими добродѣтелями, поправляетъ разоренные города и прочая, и за то стяжаетъ имя — *отца народа*; преемникъ его Евстаѳій Ружинскій является сильнымъ подвижникомъ и преобразователемъ козацкой Украины, по подобію Богдана Хмельницкаго... А мы и повѣрили! Когда же показался у насъ въ первый разъ подлинный князь Евстаѳій Ружинскій съ вышепомянутымъ письмомъ князя Острожскаго 1581 года, тогда главный редакторъ археографической комиссіи, блаженной памяти Іоаннъ Григоровичъ, сдѣлалъ къ тому письму такое примѣчаніе: «Должно замѣтить, что Кіевскій воеводскій намѣстникъ, князь Евстаѳій Ружинскій, о которомъ въ этой грамотѣ говорится, — *другое лицо*, а не козацкій гетманъ того же имени. Послѣдній жилъ въ первой половинѣ XVI вѣка и управлялъ Запорожьемъ въ 1514—1534 годахъ. См. Маркевича *Ист. Малорос.* V, 149 ¹⁾».

Но посмотрѣть бы въ самомъ источникѣ, изъ котораго взять Маркевичемъ этотъ гетманъ, въ Исторіи Руссовъ: «*По кончинѣ* гетмана князя Вишневецкаго, въ 1514 году, избранъ гетманомъ князь Евстаѳій Ружинскій, который съ молодыхъ лѣтъ, обучаясь и вояжируя долго въ чужихъ краяхъ, а паче по Германіи и Франціи, приобрѣлъ въ разныхъ наукахъ, а особливо въ военной, великое знаніе. И первымъ его стараніемъ было произвестъ въ Малой Россіи *реформу* войскамъ»...

Въ самомъ дѣлѣ, тутъ на гетманствѣ и Дмитрій Вишневецкій и Евстаѳій Ружинскій — совсѣмъ *другія лица*, а не тѣ ихъ соименники, которые дѣйствительно были въ предѣлахъ Днѣпровскихъ во второй половинѣ

¹⁾ См. въ *Акт. Зап. Рос.* Т. III примѣчаніе 76.

XVI вѣка. Объ этихъ послѣднихъ стоило бы еще поразвѣдать въ затворахъ Кіевскаго центрального архива; а тѣхъ призрачныхъ двойниковъ ихъ, подвизавшихся только на страницахъ лѣтописныхъ, пора бы уже и въ отставку...

Хотѣлось бы дознаться еще объ отцѣ Евстаѣя — князѣ *Иванѣ Ружинскомѣ*. О немъ примѣтилъ я современное упоминаніе — въ описаніи Волинскихъ замковъ 1545 года, гдѣ названы почти всѣ тогдашніе князья Волыни, гдѣ мы видѣли уже и князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго, присутствовавшего въ Кременцѣ. Въ томъ описаніи замковъ, въ числѣ обывателей Владимирскаго повѣта вы найдете: «князя Ивана, княгиню Васильеву и княгиню Ѳедорову — *Ероговицкихъ*» (стр. 23); а въ другой разъ они названы *Роговицкими*. Такъ напечатано и въ текстѣ и въ указателѣ, приложенномъ къ 4 тому *Памятниковъ*. Но такихъ князей, Роговицкихъ или Ероговицкихъ, и не слыхано. Это очевидная ошибка, слѣланная черезъ два съ половиною вѣка, по недосмотру Кременецкаго присяжнаго писаря Годзиминскаго, давшего въ 1793 году выписъ этого важнаго акта, которая принадлежала покойному Е. Е. Свидзинскому и напечатана въ *Памятникахъ*. Подлинное чтеніе вышеприведеннаго мѣста должно быть такое: «князя Ивана, княгиню Васильеву и княгиню Ѳедорову *Ружинскихъ*»: на это прямо указываетъ помѣстье этихъ князей *Ружинъ* во Владимирскомъ повѣтѣ, означенное въ томъ актѣ; а также отцовское имя знакомыхъ уже намъ четырехъ братьевъ *Ивановичей*. Такимъ образомъ открылось для меня еще одно поколѣніе князей Ружинскихъ, принадлежавшее первой половинѣ XVI вѣка и состоявшее изъ князей: *Ивана, Василия* и *Ѳедора*. Изъ нихъ въ 1545 году одинъ Иванъ былъ въ живыхъ; а послѣ тѣхъ двухъ оставались двѣ вдовствующія княгини, носившія на себѣ имена ихъ, которыя и до насъ донеслися. Одни имена... но они даютъ собою знать, что княжескій родъ Ружинскихъ и въ первой половинѣ XVI вѣка принадлежалъ къ обывателямъ земли Волынской, а не Кіевской; что находившійся во владѣніи этихъ князей *Ружинъ* Владимирскаго повѣта, а не иной, былъ родимымъ гнѣздомъ ихъ, отъ него же и ихъ прозваніе.

8 генваря, 1865 г.,
Кіевъ.

Письмо четвертое

Я представилъ вамъ ясное свидѣтельство, что Евстаѣй Ружинскій, такъ же какъ и Дмитрій Вишневецкій, находился въ Приднѣпровской Руси во второй половинѣ XVI вѣка и что оба эти князья занесены въ первую

четверть того вѣка — ошибкою позднѣйшаго лѣтописанья Малороссійскаго. Подобныя ошибки случаются и въ новѣйшихъ работахъ историческихъ. Вотъ, на примѣръ, первый томъ «Актовъ Южной и Западной Россіи», изданный Археографическою Комиссіей 1863 года, подъ редакціей Н. И. Костомарова. Тамъ подъ № 57 находится «1510 г. королевска грамота Кіевскому воеводѣ князю Юрью Ходкевичу» (стр. 44). Тоже повторено и въ оглавленіи. Но знаменитые Ходкевичи, такъ же какъ и Радивилы, не были въ то время князьями. *Григорій* (а не *Юрій*) *Александровичъ Ходкевичъ* былъ воеводою Кіевскимъ въ 1554—1556 годахъ. А въ 1510 году на Кіевскомъ воеводствѣ былъ князь *Юрій Александровичъ Гольшанскій*, на имя котораго (только безъ означенія фамиліи) и дана была та королевская грамота.

На первый взглядъ, не великая важность, что историческое лицо поставлено не на своемъ мѣстѣ; но ошибочная постановка бываетъ иногда основой большихъ недоразумѣній и напрасныхъ построеній историческихъ, какъ это случилось съ нашимъ Евстаѣемъ Ружинскимъ въ Исторіи Руссовъ.

Какъ трудно отрѣшиться отъ всего, что есть вымышленнаго въ этой обаятельной исторіи, даже и при нарочитомъ неблаговоленіи къ ней, то видно на книгѣ самаго г. Костомарова *Богданъ Хмельницкій*. Тамъ, по случаю разныхъ баснословій о похоронахъ Ивана Золотаренка, къ которымъ прибавилось нѣчто и въ исторіи Русовъ, г. Костомаровъ укоряетъ *Конискаго* — въ «обыкновеніи выставлять собственныя гипотезы за истину» (II, 475); а между тѣмъ самъ выставлеть за истину одну изъ самыхъ крупныхъ историческихъ гипотезъ — *реформы* призрачнаго гетмана Евстафія Ружинскаго, которыя у г. Антоновича получили новое фантастическое представленіе...

Но прежде, чѣмъ остановимся надъ этими *реформами*, я долженъ заявить вамъ мое сомнѣніе объ исторіи Руссовъ: въ самомъ ли дѣлѣ она есть сочиненіе Георгія Конискаго? Не напрасно-ли помыкается его имя за недостатки ея со стороны фактической, и превозносится за ея достоинства со стороны художественной, за которыя самъ Пушкинъ назвалъ Конискаго *великимъ живописцемъ*?

Достопамятный мужъ знакомъ былъ хорошо съ старинными актами, относящимися къ исторіи церкви въ Западной Россіи, и обладалъ большою начитанностью польскихъ историческихъ писателей: о томъ свидѣлствуютъ намъ его книга «*Prawa i wolnoscі*», изданная 1767 года въ Варшавѣ, и небольшое сочиненіе его объ уніи, изданное въ *Чтеніяхъ*. Да и могъ ли Конискій безъ историко-фактическаго запаса вступить на то попріще, на которомъ подвизался съ такою славой! Его историческое познаніе не-

избѣжно отозвалось бы въ сочиненной имъ исторіи, какого бы ни была она направленія и духа. А въ исторіи Руссовъ совсѣмъ не видно близкаго знакомства ни съ современными актами, ни съ польскими историками, ни съ главнѣйшими малороссійскими лѣтописями: все взято не изъ первыхъ рукъ, какъ будто по-наслышкѣ, и перестроено на свой ладъ, безъ соблюденія вѣрности и точности историческаго факта. Не по характеру Конискаго, мнѣ кажется, было сочинять такую исторію и предлагать ее депутату Полѣтикѣ на то важное дѣло, на которое она требовалась, и съ тѣми архипастырскими увѣреніями, о которыхъ говорится въ предисловіи неизвѣстнаго намъ лица. О Конискомъ извѣстно то, что онъ сообщилъ *краткій лѣтописецъ* Василю Рубану, который и напечаталъ его въ 1773 году съ дополненіемъ, написаннымъ А. А. Безбородькомъ. Сомнительнымъ кажется мнѣ и то, чтобы Григорій Андреевичъ Полѣтика, человекъ ума положительнаго, знакомый съ лучшими малороссійскими лѣтописями, въ томъ числѣ и съ Величковою, могъ предпочесть имъ неисправную со стороны фактической Исторію Руссовъ и придержаться ее въ своихъ дѣловыхъ справкахъ и писаніяхъ, какъ это въ наше время сдѣлалъ авторъ Украинскихъ мелодій въ своей Исторіи Малороссіи.

Надо бы дознаться объ извѣстности Исторіи Руссовъ депутату Полѣтикѣ и его сношеніяхъ съ Конискимъ. Трудолюбивый митрополитъ Евгеній не упоминаетъ объ этой исторіи въ числѣ сочиненій Конискаго, даже и при второмъ изданіи своего словаря духовныхъ писателей. Бантышъ-Каменскій не зналъ ее при первомъ изданіи своей Исторіи Малой Россіи въ 1822 году. Онъ воспользовался при второмъ изданіи знаменитою Исторіею, когда она была уже въ ходу, во многихъ спискахъ, которые — подобно Горю отъ ума — распространялись все больше и больше, пока не напечаталъ ее О. М. Бодянский въ Чтеніяхъ 1846 года. Мнѣ сдается, что Исторія Руссовъ сочинена неизвѣстнымъ для насъ авторомъ, укрывшимъ свое имя подъ двумя малороссійскими именитостями, дабы сказать въ предисловіи, что прошедшая черезъ эти «отличные умы исторія» — «кажется быть достовѣрною!»

Теперь обратимся къ реформамъ воображаемаго гетмана Ружинскаго. Въ книгѣ г. Костомарова (по поводу которой были мои письма и къ нему и къ М. П. Погодину), написано слѣдующее: «послѣ Ланцкоронскаго избираемы были гетманы изъ знатныхъ русскихъ фамилій. При одномъ изъ нихъ, *Ружинскомъ*, учреждено было чиновначаліе — *генеральная старшина*: есаулы, судьи, писаря, обозные. Число козаковъ быстро увеличивается. Козацкое сословіе населяло земли, занимаемыя теперь губерніями: Кіевскою, Полтавскою и южною частью Подольскою, и раздѣлялось на *двадцать* полковъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра (I, 9).

Тутъ въ книгѣ г. Костомарова ссылка на исторію Руссовъ; а въ этой исторіи читаемъ слѣдующее: «Гетманъ Ружинскій, по изволенію короля Сигизмунда 1-го, пресѣкая своевольства и нестроенія, учредилъ въ Малороссіи *двадцать* непремѣнныхъ полковъ, по *двѣ тысячи* каждый, назвавъ ихъ по городамъ знатнѣйшимъ, какъ то:

Кіевскій, Черниговскій, Сѣверскій, Переяславскій, Кальницкій, Кропивянскій, Острянскій, Миргородскій, Каневскій, Черкасскій, Чигиринскій, Уманскій, Корсунскій, Браславскій, Полтавскій, Гадяцкій, Нѣжинскій, Лубенскій, Прилуцкій, Винницкій.

Каждый полкъ раздѣленъ на *сотни*, названныя также по городамъ и мѣстечкамъ» и т. д.

При первомъ взглядѣ уже на эти благоустроенныя полки, они оказываются невѣроятными. Могъ ли воображаемый гетманъ, по изволенію своего государя, учреждать въ 1514 непремѣнные двухтысячныя полки *Черниговскій, Сѣверскій и Нѣжинскій* — въ чужой области, принадлежавшей государству Московскому, которое въ ту пору было въ сильной борьбѣ съ великимъ княжествомъ Литовскимъ? Вотъ уже изъ оныхъ двадцати полковъ убываютъ *три*; а за ними и четвертый полкъ *Острянскій*, потому что въ староствѣ Остерскомъ, которое намъ подробнѣе другихъ извѣстно по памятникамъ XVI вѣка, нѣтъ и признаковъ двухтысячнаго тамъ козачества. Тоже должно сказать о полкахъ восточной Украины: *Полтавскомъ, Гадяцкомъ, Миргородскомъ, Прилуцкомъ*; нѣтъ и намека въ современныхъ писаніяхъ, чтобы тамъ было многотысячное число козаковъ во всю первую половину XVI вѣка. Тоже самое и съ другаго конца — въ Украинѣ Подольской: три полка въ 1514 году: *Браславскій, Виницкій, Кальницкій*, такая же невѣроятность, какъ и сопредѣльный съ ними полкъ *Уманскій*. А въ Исторіи Руссовъ Евстаѳій Ружинскій устраиваетъ въ 1514 году еще пять полковъ *охочекомонныхъ*, по пяти сотъ человекъ въ каждомъ, и по устроеніи такимъ образомъ Малороссійскаго войска идетъ въ 1516 году въ походъ подъ Бѣлгородъ и въ Очаковскія степи.... т. е. Ружинскому приписанъ и расписанъ походъ Ланцкоронскаго ¹⁾, отодвинутаго на гетманство къ 1500-му году!

¹⁾ При Ланцкоронскомъ († 1531 г.) было козачество въ обширномъ воеводствѣ Браславскомъ, но не въ такомъ же большомъ числѣ. Можемъ назвать и по имени *Дмитра Базаровича*, козака Звенигородца, получившаго въ 1546 году утвердительную грамоту на принадлежавшіе ему два хутора: Соколковъ и Мильковцы. См. любопытную брошюру, напечатанную 1862 года въ Венеціи, подъ именемъ *Awulsa Humania* (т. е. Спорныя мѣста Уманщины).

Такъ и всѣ дѣянія призрачнаго героя Ружинскаго заимствованы отъ другихъ лицъ и отъ учрежденій позднѣйшихъ.

Установленіе въ козачествѣ *генеральной* старшины — взято отъ гетманства знаменитаго Богданка или Богдана Михайловича Ружинскаго, при которомъ «въ лѣто 1576, за Стефана короля Польскаго, козаки въ лучшей еще строй учинены... и начаша по гетманѣ быти *обозные, судьи асаулы, полковники...*» какъ сказано въ лѣтописи Грабянки. До того же времени, сколько мнѣ извѣстно на этотъ часъ, нигдѣ въ современныхъ памятникахъ не встрѣчаются эти козацкіе чины, даже и *полковники*, потому что и самое установленіе *реестроваго* козачества и постоянныхъ *полковъ* на Украинѣ относится къ реформѣ Баторіевой. До нея же видны пока только *роты* или сотни козацкія; видны *атаманы* у козаковъ, выходившихъ изъ Украины на Запорожье, да главный начальникъ надъ ними — *гетманъ*.

Сорокатысячное число реестроваго козачества — взято, очевидно, изъ договора Зборовскаго 1649 года. Отъ той же эпохи перенесены и *двадцать* полковъ, *тѣ самыя*, что перечисляются въ исторіи Руссовъ подъ 1650 годомъ, какъ полки будто-бы возобновленные и пополненные Богданомъ Хмельницкимъ. Тутъ эти двадцать полковъ, при повѣркѣ ихъ, которую мнѣ удалось сдѣлать въ 1850 году, подлинною книгою *Реестровъ* войска *Запорожскаго*, оказываются весьма неисправными.

Первая порча въ реестрѣ *шестнадцати* полковъ, установленныхъ Богданомъ Хмельницкимъ послѣ Зборовскаго мира, произошла 1683 года, въ знаменитой лѣтописи Коховскаго (1, 166). Тамъ нечаянно пропущенъ полкъ *Блюцерковскій* съ тогдашнимъ полковникомъ *Михайломъ Громикою*. вмѣсто полка *Прилуцкаго* (съ полковникомъ Тимофеемъ Носачемъ) названъ небывалый полкъ *Острянскій*, долго сбивавшій съ толку дѣписателей малороссійскихъ, Кіевскій полковникъ *Антонъ Ждановичъ* превращенъ въ *Адамовича*; а Каневскій полковникъ *Семень Савичъ* — въ *Павича* (Pawicius). Миргородскій полковникъ *Матвій Гладкій* переименованъ въ *Максима*.

Со всѣми этими неисправностями и главное — съ недочетомъ одного, Блюцерковскаго полка, Богдановы полки переведены были у насъ изъ книги Коховскаго въ лѣтопись Грабянкину. Еще болѣе попортились они въ Краткомъ Лѣтописцѣ, изданномъ 1773 года Рубаномъ, изъ котораго долго былъ заимствованъ и въ послѣдующія сочиненія о Малороссіи невѣрный *пятнадцатиполковый* списокъ. Онъ положенъ въ основаніе и тому *двадцатиполковому* списку, который составленъ наобумъ въ Исторіи Руссовъ, собственно къ гетманству Богдана Хмельницкаго, къ

1650 году; а отсюда перенесенъ и къ реформѣ Евстаѳія Ружинскаго, къ 1514 году. Таково происхожденіе тѣхъ небывалыхъ въ правленіе Жигимонта I-го двадцати козацкихъ полковъ, съ сорокатысячнымъ числомъ реестроваго козачества! А они между тѣмъ перечислены и приняты въ соображеніе и въ *Изслѣдованія*хъ самаго Погодина...

Подвизались эти воображаемые полки съ своимъ призрачнымъ гетманомъ и въ *Старожитностяхъ Польскихъ* (1843 г., въ статьѣ Морачевскаго), и въ *Исторіи козаковъ* Чарновскаго — съ легкой руки Мацѣевскаго, издавшаго для своихъ соотчичей извлеченіе изъ Исторіи Руссовъ и сказавшаго, что въ ней «содержатся такіе факты, какіе и не снились нашимъ историкамъ». (Мацѣевскій сказалъ правду!) Наконецъ, въ *Изслѣдованіи* г. Антоновича, тотъ князь Евстаѳій Ружинскій доходитъ до *non plus ultra*. Поставленный на гетманство *одновременно* съ Дмитріемъ Вишневецкимъ и Предславомъ Ланцкоронскимъ, онъ является между ними какъ вождь гомерическій и съ двадцатью полками своими совершаетъ *многочисленные, побѣдоносные* походы противъ татаръ и турковъ — въ правленіе Жигимонта Стараго... Но все это должно исчезнуть съ лица козацко-украинской исторіи.

«Какъ обманъ, какъ упоенье,
Какъ прелестный призракъ сна...»

2 января 1865 года.

Письмо пятое

Послѣ критическаго осмотра, сдѣланнаго въ предыдущихъ письмахъ, можемъ разобрать теперь мнѣніе г. Антоновича о происхожденіи козачества — по составнымъ его стихіямъ, начиная съ главной, съ *элемента гедимино-княжескаго*.

Мы удостовѣрились, что на первыхъ порахъ исторической извѣстности придніпровскихъ козаковъ, съ конца XV-го и до половины XVI-го вѣка, не видно ни одного *гетмана* изъ княжескихъ родовъ, причисляемыхъ генеалогамъ къ потомкамъ Гедимины; а потому не для чего принимать въ жизни придніпровскаго козачества — ни того рѣшительнаго торжества народнаго выборнаго начала надъ элементомъ княжескимъ, какой положенъ около 1534 года, ни предположенной до этого года поры *благосостоянія* козацкаго подъ кроткимъ управленіемъ *различныхъ* князей Гедиминова дома. Для представленія себѣ такой поры надо обратиться ко временамъ, бывшимъ до 1471 года, когда вся земля Кіевская (съ Черкащиною и принадлежавшими къ ней Днѣпровскими порогами, и съ землею Переяславскою) составляла *одно удѣльное княже-*

ство, принадлежавшее Гедиминову внуку, Владиміру Ольгердовичу, возвращенное потомъ сыну его Александру или Олельку, а по немъ доставшееся его сыну, Симеону Олельковичу, княжившему здѣсь до кончины своей, до 1471 года. Но при тѣхъ князьяхъ Гедиминовичахъ не видно еще козачества приднѣпровскаго ни изъ какихъ свидѣтельствъ историческихъ; слѣдственно, то была пора исторической безвѣстности приднѣпровскихъ козаковъ. Исторически извѣстными становятся *козаки* на Украинѣ уже послѣ 1471 года, когда Кіевское княжество обращено было въ *воеводство*. А князей Гедиминовичей не было тогда ни между *воеводами Кіевскими*, ни между *намѣстниками Черкасскими*, отъ которыхъ въ ближайшей зависимости были тогдашніе приднѣпровскіе козаки, выходившіе изъ своей *Черкащины* и внизъ Днѣпра на Запорожье, и вверхъ Днѣпра до Кіева и далѣе.

У князей Вишневецкихъ, Ружинскихъ, Корецкихъ и другихъ Гедиминовичей не было тогда въ здѣшней сторонѣ владѣній ни родовыхъ, ни выслуженныхъ; а объ ихъ *удѣлахъ* въ Кіевскомъ воеводствѣ и говорить нечего. Когда въ 1496 году въ семьѣ Казиміровой было домогательство, чтобы великій князь Литовскій Александръ далъ своему брату Жигимонту *удѣлъ* въ землѣ Кіевской, онъ такъ отвѣчалъ брату своему Альбрехту, королю Польскому: «панове рада великаго князства Литовско-го и вся земля того ни которымъ обычаемъ не хотять дозволити и допустити».

Князья Вишневецкіе, Ружинскіе, Корецкіе въ тѣ поры росли и множились на Волини, гдѣ и родимыя гнѣзда ихъ — *Вишневецъ, Ружинъ, Корець*; и были они лицами посторонними для первоначальнаго козачества приднѣпровскаго, не принимавшими никакого участія не только въ его *происхожденіи*, но и въ дальнѣйшей судьбѣ его, даже до половины XVI-го вѣка. И такъ Гедиминокняжескій элементъ не имѣетъ никакого значенія въ происхожденіи приднѣпровскаго козачества, которое и явилось въ исторіи безъ него, и развилось не подъ его вліяніемъ. Развилось оно въ правленіе Жигимонта I-го подъ начальствомъ *Евстафія Ивановича Дашковича*, бывшаго *старостою* Черкасскимъ и Каневскимъ съ 1508 до 1536 года. Къ тому времени относится и первое *гетманство* у козаковъ, начавшееся въ 1516 году съ *Предслава Ланцкоронскаго*. И когда началось Запорожское гетманство, вслѣдъ за короннымъ гетманствомъ польскимъ (начавшимся съ *Николая Каменецкаго*), тогда прежній Литовскій гетманъ, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, былъ уже съ титуломъ *найвысшаго гетмана*. (Были вскорѣ послѣ того еще *надворные* гетманы Литовскіе.)

Если бы княжескій элементъ Гедиминова дома имѣлъ такое важное значеніе въ происхожденіи козачества, какое придано ему у г. Антоновича, то козачеству и быть-бы на Волини, изъ общиннаго люда, находившагося подъ властью различныхъ княжескихъ родовъ. Но на Волини, столь изобильной князьями всякаго рода, тамъ-то и не было козачества. Не показываетъ ли это, что княжескій элементъ былъ не способствующимъ, а препятствующимъ къ происхожденію козачества?

Обратимся къ другому, народнорусскому началу — къ *общинному устрою*. На него г. Антоновичъ обратилъ справедливое вниманіе; а приложилъ его къ дѣлу слѣдующимъ способомъ.

Чтобы открыть возможно большій просторъ къ усиленію общиннаго порядка въ народѣ придиѣпровскомъ и поставить его въ прямое соотношеніе съ воображаемыми здѣсь князьями Гедиминовичами, онъ выселяетъ отсюда нѣсколько разъ сословіе древнерусскихъ *бояръ*.

Чтобы умножить населеніе здѣшнихъ общинниковъ, онъ переселяетъ сюда общинниковъ Волинскихъ, покидающихъ свой край, вслѣдствіе усилившагося тамъ владѣльческаго гнета.

Для усиленія отваги въ придиѣпровскомъ людѣ онъ ставитъ на видѣ постоянную опасность здѣшняго края отъ набѣговъ татарскихъ.

А для всего этого — онъ полагаетъ рѣзкое различіе Волинской земли отъ Кіевской, происшедшее въ половинѣ XV-го вѣка, отъ того будто бы, что въ 1434 году Подолье, а спустя *двадцатъ* лѣтъ и Волинь были отторгнуты отъ Литвы и присоединены къ Польшѣ (стр. XXI).

Противъ этого преждевременнаго присоединенія Волинской земли отъ Литвы къ Польшѣ я возражалъ уже особою статьею въ моемъ *Украинцѣ 1864 года*. Тамъ показано, кажется ясно, что въ половинѣ XV-го вѣка Волинь была окончательно утверждена за Литвою и оставалась за нею до самой Люблинской уніи 1569 года. А потому напрасно положено у г. Антоновича, будто въ половинѣ XV вѣка на Волини русскіе бояре получили широкія права *шляхетства* польскаго, а сельскія общины были ими въ конецъ подавлены и низведены на уровень польскаго *поспольства*, и вслѣдствіе того бояре *отхлынули* съ Придиѣпровья на Волинь, ради широкихъ правъ Польскаго шляхетства, а сельскіе общинники *бѣжали* изъ Волини въ привольныя мѣста придиѣпровскія.

Но здѣшнимъ боярамъ не для чего было перебираться на Волинь; ибо какъ владѣльческія права, такъ и служебныя обязанности этого упавшаго въ южной Руси сословія были одни и тѣже на Волини и въ Придиѣпровьи; Казимірова грамота 1457 года, объ уравниеніи съ правами Польской короны, относилась ко *всѣмъ* областямъ великаго княжества Литовскаго.

Всѣ уставы, гдѣ идетъ рѣчь о боярахъ, отъ Казимірова 1468 года до выданнаго въ 1557 году Жигимонтомъ-Августомъ, относились ко *всему* великому княжеству Литовскому.

Бояре, жившіе въ Черкащинѣ и во всей землѣ Киевской, пользовались тѣми же правами относительно подданныхъ имъ людей, какими пользовались князья и всѣ *паны*, что подтверждено было и грамотою Александра Казиміровича, данною 1495 года Черкасскому намѣстнику Кмитѣ Александровичу.

Бояре, жившіе на Волыни, такъ же какъ и бояре приднѣпровскіе, отбывали обязанность *слугъ путныхъ* и *панцырныхъ* — и не только господарскихъ или великокняжескихъ, но и просто *княжескихъ слугъ*, при переходѣ государственныхъ имѣній въ частное владѣніе разныхъ князей. Это было и въ первой половинѣ XVI-го вѣка. А во второй половинѣ того вѣка сословіе Волынскихъ бояръ въ отношеніи къ своимъ помѣщикамъ-князьямъ спускалось иногда на уровень *посполства!* Въ томъ удостовѣриться можно, переглядѣвъ поголовно всѣхъ бояръ, упоминаемыхъ въ опасеніи Волынскихъ замковъ 1545 года, въ жизни князя Курбскаго и въ инвентаряхъ, помѣщенныхъ въ 3-мъ томѣ *Памятниковъ*.

Между тѣмъ, несмотря на трехкратное выселеніе бояръ изъ Приднѣпровья, предложенное въ изслѣдованіи г. Антоновича, разъ — послѣ нашествія Батыева; въ другой — послѣ нашествія Гедиминова (когда, по его словамъ, «элементъ боярскій, уже разъ разогнанный и ослабленный Монголами, вслѣдствіе литовскаго завоеванія почти *окончательно* исчезаетъ въ Приднѣпровской Руси», стр. XVI); въ третій разъ — въ половинѣ XV вѣка, по случаю онаго присоединенія Волыни къ Польшѣ, — несмотря на все это, современные акты намъ показываютъ, что и въ половинѣ XVI вѣка *бояре* все еще жили въ Приднѣпровской Украинѣ и въ самой *Черкащинѣ*, вмѣстѣ съ *козаками*, нисколько не мѣшая развитію и усиленію этого народнаго сословія, а, вѣроятно, еще способствуя тому — своимъ переходомъ изъ упавшаго боярства въ возраставшее козачество.

Такимъ образомъ, по указанію исторической дѣйствительности, надо бы устранить изъ Приднѣпровской Руси на Волынь не бояръ, а князей Гедиминовичей до половины XVI-го вѣка (подобно тому, какъ семейство Симеона Олельковича, по его смерти, перемѣщено было изъ Киевской земли въ Пинскую).

Появленіе тѣхъ Волынскихъ князей въ нашемъ козачествѣ и водвореніе ихъ на Украинѣ Приднѣпровской началось уже во второй половинѣ XVI-го вѣка.

Относительно *сельскихъ общинъ* на Волыни, что онѣ не были «въ конецъ подавлены» еще съ половины XV-го вѣка, можно указать на извѣстную статью г. Иванишева, которая вся основана на общинахъ, существовавшихъ на Волыни во второй половинѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII-го. Собранія сельскихъ общинъ Луцкаго повѣта даже назывались *вѣчами* въ 1564 года, какъ и въ древнее время. Что касается до бѣгства Волынскихъ селянъ на Приднѣпровье, вслѣдствіе владѣльческаго гнета, то я, не имѣя въ виду положительныхъ свѣдѣній объ этомъ для XV вѣка, приведу вамъ слѣдующее мѣсто изъ описанія Волынскихъ замковъ 1545 года. Князья и земляне, желая уравнинія своихъ Волынскихъ *дворищъ* со *службами* Литовскими, говорили тогда о своемъ жительствѣ на пограничьи и о *вольностяхъ* подданныхъ людей на Волыни, что если бы кто изъ нихъ «въ чемъ маломъ отъ пановъ своихъ былъ притѣсненъ, на онъ же часъ, тоежь години, прочъ идетъ на границы Лядскіи до короны Польское».

Возьмемъ, наконецъ, третье и самое важное условіе, вызывавшее собою народъ на козачество: татарскіе набѣги. Волынская земля была также въ постоянной опасности отъ нихъ, какъ и земля Кіево-Переяславская. Тутъ на Волыни — говорили тѣ же князья и паны — будь или нѣтъ перемирья съ Татарами, а мы рѣдко сѣдаемъ съ коней... Много братьи нашей до непріятельской земли, въ руки поганскія взято! Спустя четыре года, какъ они это говорили, т. е. въ 1549 году, былъ новый Татарскій набѣгъ на ихъ землю, и взятъ былъ въ полонъ князь Вишневецкій съ княгинею, въ его селѣ Передмиркѣ. Видите, не было на Волыни недостатка и въ этомъ условіи козачества; а козачества тамъ не было... Не ясно ли отсюда, что *начало общинное*, находясь подъ непосредственнымъ господствомъ *элемента княжескаго*, не даетъ изъ себя *козачества* и при набѣгахъ Татарскихъ?

На этомъ можно, кажется, и кончить разборъ мнѣнія г. Антоновича о *происхожденіи козачества*.

Этимъ мнѣніемъ воспользовался уже г. Кояловичъ въ своихъ «лекціяхъ по исторіи Западной Россіи». Заимствовавъ нѣкоторыя существенныя черты, онъ исключивъ элементъ княжескій, но страннымъ способомъ: поставленныхъ одновременно на гетманство князей Гедиминовичей и съ ними Ланцкоронскаго (этого *сердечнаго ляха*, изъ предѣловъ Краковскихъ), г. Кояловичъ обратилъ въ обыкновенные *дворянскіе роды*, уцѣлѣвшіе въ меньшемъ числѣ на Руси Приднѣпровской. Вотъ что сказано у него, въ концѣ одиннадцатой лекціи, о бытіи нашего *приднѣпровскаго козачества* съ конца XV-го вѣка.

«Сильное въ Малороссійскомъ племени общинное устройство давало возможность легко и скоро составлять самобытныя, независимыя *военныя общины*, которыя выступали противъ непріятели. Этому помогала также малочисленность въ Малороссіи людей высшаго сословія, для котораго жизнь была очень неудобна. Немногіе жившіе здѣсь *дворянскіе роды* по неволѣ сближались съ народомъ, проникались его стремленіями и становились во главѣ козацкихъ отрядовъ, въ качествѣ ихъ гетмановъ. Такими гетманами *одновременно* бывали въ *разныхъ мѣстахъ* Малороссіи: *Вишневецкіе, Корецкіе, Конецпольскіе* (т. е. Ланцкоронскіе?), *Ружинскіе*. Въ XVI вѣкѣ, когда Крымское царство очень усилилось, всѣ козацкія группы стали сливаться, и народныя начала начали получать *рѣшительный перевѣсъ*. Гетманы *чаще и чаще* (!) являлись по избранію народа» и т. д.

Но Ланцкоронскіе, Вишневецкіе, Ружинскіе — были козацкими гетманами *разновременно*, въ продолженіе всего XVI-го столѣтія, а не въ началѣ его и въ концѣ XV-го, и *не одновременно*: это историческій призракъ, отъ котораго слѣдуетъ отказаться и г. Антоновичу, и его послѣдователю, г. Кояловичу. Не правда-ли?

16 генв. 1865 года.

Сказаніє о гетманѣ Петрѣ Сагайдачномѣ ¹⁾

Несмертельной славы достойный гетмане,
Твоя слава въ молчанію нѣкгда не зостане;
Поки Днѣпръ съ Днѣстромъ многорыбные плынути
Будуть: поты дѣлности тежъ твои слынути.

Изъ книги вѣршь 1622 г.

Послѣ Наливайка, сожженного на площади Варшавской 1597 года, на Украинѣ промелькнуло два или три козацкихъ гетмана, незамѣченныхъ бытописаніемъ. Таковъ былъ, на примѣръ, гетманъ *Гаврило Кортневичъ*, находившійся 1600 года ²⁾ въ землѣ Молдавской, гдѣ и Запорозжцы, съ своимъ кошевымъ атаманомъ

1) Кієвлянинъ, 1850, стр. 151—183.

2) Объ немъ узналъ я изъ вкладной надписи на рукописномъ Евангеліи, подаренномъ козаками 1660 года въ полковую Переяславскую Воскресенскую церковь, гдѣ находится оно понынѣ.

Косткою, помогали тогда Полякамъ противъ Волоховъ. Вслѣдъ за тѣмъ и Украинскіе и Запорожскіе козаки, своимъ участіемъ въ Шведской войнѣ и наѣздами на Лифляндію, оказали немалую услугу Польшѣ. При томъ же у Польши зачиналось большое дѣло съ Москвою; а потому не дивно, что козачеству въ 1601 году даровано было отъ короля прощеніе и возвращеніе разныхъ правъ и вольностей. Ободренные этимъ Запорожцы не замедлили выбрать себѣ гетмана, по стародавнелу обычаю — вольными голосами, и выбрали *Петра Конашевича Сагайдачнаго*.

Сей достопамятный мужъ былъ родомъ изъ Подгорья Червонорусскаго, сынъ Самборскаго шляхтича Конона или Конаша Сагайдачнаго. ¹⁾ Образование свое получилъ онъ на Волыни, въ знаменитомъ училищѣ Острожскомъ, которое подъ исходъ 16-го столѣтія было средоточіемъ и расадникомъ возрождавшагося просвѣщенія Южнорусскаго. По окончаніи наукъ въ томъ училищѣ, Сагайдачный поступилъ на службу въ Запорожское войско; и тамъ, за свою *рыцарскую дѣльность*, почтенъ былъ отъ козачества выборомъ въ старшины, и наконецъ въ гетманы. По слѣдамъ прежнихъ козацкихъ вождей Сагайдачный съ своими запорожцами безпрестанно воевалъ Татаръ и Турковъ, на морѣ и сушѣ, и своими неотразимыми побѣдами грозно прославилъ свое имя. Въ длинномъ ряду тѣхъ побѣдъ, къ которому принадлежитъ и взятіе Варны въ 1605 году, ²⁾ особенно славилось взятіе города Кафы въ 1606 году ³⁾.

- 1) Въ поминаніи о гетманѣ Сагайдачномъ, въ старомъ Помянникѣ Михайловскаго монастыря, написано: «Помяни Господи души рабъ своихъ: Петра, Конона....» и проч. — Въ второй половинѣ 17 вѣка извѣстенъ *Григорій Сагайдачный*, бывший кошевымъ атаманомъ Запорожской Сѣчи. Безъ сомнѣнія, къ нему, а не къ гетману Петру относится извѣстная Запорожская пѣсня о *Сагайдачномъ*, «що промѣнявъ жонку на тютюнь и люльку». Объ этомъ я подробно извѣстилъ г. Срезневскому въ моей статьѣ о *Гетманѣ Сагайдачномъ*, напечатанной въ *Москвитяинѣ* 1843, № 10. Тамъ я опровергалъ и другія недоумѣнія позднѣйшихъ писателей о нашемъ гетманѣ. А что онъ былъ *дворянскою*, а нѣ *низкаго происхожденія*, какъ написалъ въ исторіи своей Бантышъ-Каменскій, объ этомъ, кромѣ современника Ерлича, пишетъ и Величко въ своей лѣтописи.
- 2) Въ Галиціи сохранилась пѣсня на взятіе Варны, напечатанная въ *Днѣстровой Русалкѣ* и въ другихъ книгахъ. По всей вѣроятности, въ ней говорится объ этомъ взятіи Варны 1605 года, хотя и представлена въ ней старая королева, вызывающая заковъ, отметить за ея сына *Варненчика*.
- 3) На рисунокѣ, заимствованномъ изъ книги *Върти*, изображающемъ приступъ къ Кафѣ, и помѣщенномъ въ приложеніяхъ къ настоящей статьѣ въ *Кіевлянинѣ* 1850 г., находится слѣдующая подпись:

Кафу воевалъ .... Рок 1616.

За своего гетманства взял в Турцех мѣсто Кафу;

Тамъ Сагайдачный погромилъ 14 тысячъ мусульманъ, перетопилъ и пережегъ ихъ *каторги*, т. е. галеры, освободилъ множество плѣнныхъ христіанъ и навелъ страхъ на самого султана.

Запорожское товариство такъ охотно и неумоимо подвизалось въ тѣ времена на Черноморскомъ Югѣ не изъ одной добычи: его устремляло туда и освобожденіе христіанъ, томившихся тысячами въ плѣну мусульманскомъ, и

...«тая козацкая слава,
Що по всѣму свѣту дыбом стала,
Що по всѣму свѣту степом розляглась-протяглась,
Да по всѣму свѣту лугѣвымъ гомономъ роздалась
Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знати далась»¹⁾.

А между тѣмъ какъ Сагайдачный громилъ Татаръ и Турковъ Польша устремлялась и нападала на Московскую Русь, обуреваемую тогда смутами самозванствъ и междоусобицъ. Гетманы Польскіе наводили на нее и Украинскихъ козаковъ; впрочемъ Москвѣ тогда было гораздо тяжелѣе отъ своего собственнаго, Великорусскаго козачества.

Въ томъ страшномъ безнарядѣ Русской земли истомленная Москва провозгласила своимъ царемъ Польскаго короля Владислава, въ августѣ 1610 года, и уже находилась въ распоряженіи Поляковъ. Но король Жигимонтъ III-й, захотѣвшій тутъ и себѣ власти, не сумѣлъ удержать

Аж и самъ цесаръ Турскій былъ в великомъ страху,
Бо му четырнадцать тысячъ тамъ люду збилъ,
Катарги едины палил, другіи потопилъ.
Много тогда з неволѣ христіанъ освободил,
За што го Богъ з воинствомъ его благословилъ.
Бо за наибольшую нехъ собѣ нагороду
Почитаютъ рыцери, кгда кого на свободу
Вызовилит; за што грѣховъ собѣ отпущене
Одержит, а по смерти в небѣ вмѣщене.
Дознавалъ не поединкротъ Турчинъ поганинъ
Его мензства, и прудковенный Татаринъ.

Основываясь на этой надписи, М. А. Максимовичъ относилъ (въ 1850) въ настоящей статьѣ взятіе Кафы къ 1616 году, но изъ сообщенной имъ 1869 г. рукописной замѣтки, видно, что впослѣдствіи, сличивъ два экземпляра «Вѣршей», онъ убѣдился, что на томъ экземплярѣ, которымъ онъ первоначально пользовался, въ цифрѣ, означающей годъ 1616, знакъ *Ī* былъ приписанъ впослѣдствіи другимъ почеркомъ и черниломъ; потому онъ находилъ нужнымъ выставить годъ взятія Кафы — 1606., что и исполнено въ настоящемъ изданіи. Ред.

¹⁾ Изъ Украинской думы «походъ на Поляковъ 1637 г.» См. мой сборникъ. *Украинскихъ пльсенъ*, ч. I. — К. 1849, стр. 59.

Мономахова вѣнца за своимъ сыномъ и простоялъ его подъ Смоленскомъ: народная вѣра и сила Великой Руси взяла верхъ надъ Польскимъ насиліємъ, освободила свою бѣлокаменную Москву, и въ ней воцарился юный Михайль Ѳеодоровичъ Романовъ.

Пятый годъ уже царствовалъ на Москвѣ избранникъ народный, какъ Владиславъ собрался наконецъ явиться на Руси и взять вооруженною рукою утраченное для него царство. Въ ту пору и Сагайдачному довелось обнажить мечъ на единовѣрную Москву. За это историкъ Бантышъ-Каменскій налагаетъ на славнаго гетмана «укоризны потомства». Но историкъ не должно забывать, что Кіевская Русь принадлежала тогда Польской коронѣ, и Запорожское войско звалось «войскомъ его королевской милости», что Сагайдачный шель на Москву не для себя, а въ помощь своему королевичу, все еще именовавшемуся царемъ Московскимъ. Притомъ-же, нашествія Западной Руси на Восточную, со временъ Баторія, были уже принадлежностью роковой борьбы Польши съ Москвою, а не прежнею самопроизвольною усобицею разрозненныхъ частей Русскаго міра.

«Въ полѣ сѣзжаются, родней не считаются» — говоритъ Русская пословица: и Сагайдачный, идучи войною къ Москвѣ, не могъ-же быть *фельд-маршаломъ мира*, — какъ называлъ себя впослѣдствіи знаменитый Украинець, любимецъ Елисаветы. 1) Грозный гетманъ съ 20-тысячнымъ войскомъ выступилъ въ походъ весною 1618 года. Прежде всего онъ осадилъ и взялъ городъ Ливны, полонивъ и воеводу тамошняго, князя Никиту Черкаскаго. За тѣмъ взялъ онъ хитровоеннымъ приступомъ городъ Елецъ, причемъ воевода Андрей Полевъ, которому «осадное сидѣніе было не за обычай» 2) былъ убитъ, а жена его досталась въ полонъ. Тутъ же добычею козацкою стало и Московское посольство въ Крымъ съ Степаномъ Хрущовымъ и подьячимъ Семенкою Бредихинымъ. Послѣ Ельца осажденъ былъ жестокими приступами городъ Михайловъ, при чемъ Михайловцы не щадили своихъ головъ.

Навстрѣчу Сагайдачному отряжены были царемъ Михаиломъ, изъ Пафнутьева монастыря къ Серпухову, князья: Дмитрій Пожарскій, освободитель Москвы, и Григорій Волконскій. Но въ ихъ неустроенномъ войскѣ произошло разладѣ и волненіе, и козаки ихъ пустились на грабежъ: князь Пожарскій сильно заболѣлъ, и по приказу царскому воротился въ

1) Генераль-фельдмаршалъ графъ Алексій Григорьевичъ Разумовскій.

2) Описаніе Московскаго похода взято мною изъ «Лѣтописи о многихъ мятежахъ и о разореніи Московскаго государства отъ внутреннихъ и внѣшнихъ непріятелей». Спб. 1772. вѣ 8.

Москву; а Сагайдачный, осиливъ Москвитянь при переправѣ черезъ Оку, приближался къ Москвѣ тихо и безпрепятственно по Каширской дорогѣ. Когда передовые отряды его показали у Донскаго монастыря, бояре выступили изъ Москвы со всею ратью; но «грѣхъ ради нашихъ», — говорить лѣтопись, — «ужасть ихъ взя, и они бою не поставиша». Запорожское войско прошло спокойно мимо Москвы къ королевичу, стоявшему въ семи верстахъ отъ столицы.

Тогда Владиславъ отрядилъ своего полковника Чаплинскаго къ Переяславлю-Залѣскому; но тотъ безъ удачи напалъ на Троицкую Лавру, и черезъ день или два былъ убитъ отъ Троицкихъ служекъ. Осада Москвы поручена была королевичемъ гетману Сагайдачному, и для приступа назначена была ночь подъ праздникъ Покрова. Два перебѣжчика «Французскіе Нѣмцы» предъувѣдомили объ этомъ Москву; и она поспѣшно укрѣпилась у всѣхъ воротъ. Судьба ея была въ опасности; ибо войско въ ней было малочисленно. Къ полуночи Сагайдачный со всѣмъ своимъ войскомъ былъ уже у Арбатскихъ воротъ; и уже выломаны были петардою ворота Острожныя. Но при первой стычкѣ съ Москвитянами гетманъ прекратилъ осаду.... Отъ чего же? Отъ того, я думаю, что осада Москвы была ему не по мысли; въ противномъ случаѣ, какъ ни любилъ онъ сберегать своихъ козаковъ, и какъ ни силенъ могъ быть первый отпоръ ему отъ Москвитянь, но, привыкшій къ побѣдамъ и взятію городовъ, имѣя у себя подъ рукою надежное и многочисленное войско, грозный гетманъ не покинулъ бы такъ скоро начатаго дѣла. Его козацкое сердце могло смутиться отъ той мысли, что онъ началъ крушить единовѣрную ему Русскую столицу для того, чтобъ отдать ее въ руки иновѣрца.... И можетъ быть, такое раздумье пришло къ нему въ тотъ самый часъ, когда Москва звономъ колоколовъ своихъ позвала православный народъ къ заутренѣ на праздникъ Покрова, и руки осаждавшихъ ее козаковъ невольно поднялись на крестное знаменье. Въ тотъ часъ благочестивый гетманъ, уже исполнивъ свой подданической долгъ взятіемъ меньшихъ городовъ и приступомъ къ самой столицѣ, могъ безукоризненно отойти отъ молящейся Москвы.... Впрочемъ это мое личное мнѣніе; въ лѣтописи Московской говорится слѣдующее.

«Едва Богъ сохранилъ царствующій градъ Москву; помощію же Пречистой Богородицы, славнаго ея Покрова, тѣхъ Литовскихъ людей отъ города отбиша, и многихъ людей у нихъ побиша; гетманъ же отыде прочь и ста опять въ таборахъ.... Государь же поставилъ храмъ каменной, по обѣту своему, во имя Покрова Пречистыя Богородицы, во дворцовомъ селѣ Рыбцовѣ» (что называлось и селомъ Покровскимъ). Въ память то-

го же случая есть и придѣль Покрова при Арбатской церкви Николы-Явленнаго, устроенный также царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. 1)

Извѣдавъ новую неудачу, Владиславъ потребовалъ съѣздовъ, которые и происходили на рѣчкѣ Прѣснѣ. Однако на тѣхъ съѣздахъ мирный договоръ не состоялся. Тогда Владиславъ, отрядивъ Сагайдачнаго на Калугу, самъ двинулся подъ Троицкую лавру. Но тамъ и подавно не было ему удачи; а между тѣмъ лютый морозъ и голодъ становились не въ моготу; и Московскій походъ Владислава кончился перваго декабря Деулинскимъ перемиріемъ на 14 съ половиною лѣтъ, причемъ Москва заплатилась своему обыденному царю уступкою Польшѣ Смоленска съ Черниговомъ и другими городами Сѣверскими. Тогда и Сагайдачный съ своими *Черкасами* (такъ называли Запорожскихъ и Украинскихъ козаковъ в Москвитянинѣ) выступилъ изъ Калуги, причемъ триста козаковъ воротились къ Москвѣ «на государево имя».

Выступая въ походъ на Москву для Владислава, считавшагося у Поляковъ Русскимъ царемъ, Сагайдачный, конечно, помышлялъ уже о соединеніи Кіевской Руси съ Московскою. Но этому соединенію суждено было совершиться подъ властію не чужеземнаго иновѣрца, а православнорусскаго царя, и притомъ тогда уже, когда и Москва успокоится и окрѣпнетъ послѣ своихъ роковыхъ бурь, и Кіевская Русь подобно ей, своимъ «соединеніемъ и укрѣпленіемъ противъ Поляковъ» 2) освободить себя отъ ихъ тяготы и будетъ самостоятельною.

А чтобы достичь этого Кіевской Руси, ей надо было сперва возстановить свою православную митрополию. Вотъ подвигъ, предстоявшій Сагайдачному, какъ главѣ козачества. Ибо съ той поры, какъ надъ южною Русью отяготѣла Унія и осиротила ея православную церковь, Южнорусскому козачеству выпалъ жребій явиться представителемъ и защитникомъ обиженнаго народа своего, и отстоять свою праотеческую вѣру отъ гоненія и насилія западнаго.

1) См. въ *Русской Старинѣ*, составляемой И. М. Снегиревымъ, М. 1849. въ л. тетр. 8.

2) «А нѣчто вамъ впередъ отъ Поляковъ въ вѣрѣ будетъ утѣшенєнь, а у васъ противъ ихъ будетъ соединенєе и укрѣпленєе, и вы о томъ впередъ царскому величеству и святѣйшему патріарху вѣдоно учините, и царское величество и святѣйшій патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божьи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ во избавленєе видѣти». Такъ сказано 5 февр. 1625 г. въ отпускѣ изъ Москвы епископа Исакія, присланнаго къ царю и патріарху отъ Кіевского митрополита Іова Борецкаго ходатайствовать у царя о принятіи Кіевской Руси въ своѣ подданство. Акты, относящіеся къ этому посольству, приготовлены къ изданію Кв. М. А. Оболенскимъ.

Но козацкое ополченіє гетмана Наливайка и его погибель показали, что въ ту пору для Украины еще безвременна была борьба съ Польшею. Въ то время была еще и надежда, что козацкою заслугою Польской коронѣ можно облегчить злополучную участь народа Украинскаго и его церкви. Эту надежду поддерживали разныя королевскія привилегіи и сеймовыя конституціи; но онѣ составлялись и писались обыкновенно тогда, когда Польской коронѣ наставала нужда въ козачествѣ, и рѣдко были исполняемы на самомъ дѣлѣ. Духъ вражды устами іезуитовъ непрестанно шепталъ въ уши Полякамъ вѣрогоненіє и неразумную гордыню; и только грозное имя Сагайдачнаго сдерживало еще ихъ разъяреніє на православныхъ Украинцевъ. Можно сказать, что достопамятный гетманъ былъ хранительнымъ щитомъ Украины, и сдѣлалъ для нея все, что только можно было сдѣлать тогда подданному Польскаго короля, не поднимая оружія на Поляковъ, — какъ это въ послѣдствіи пришлось сдѣлать Богдану Хмельницкому, когда пропала уже вся надежда и все терпѣніє долготерпѣливаго народа.

Воротясь изъ похода Московскаго, въ 1619 году, Сагайдачный обратился вновь съ просьбою къ королю о возстановленіи правъ восточной церкви въ областяхъ Южнорусскихъ. Жигимонтъ обѣщалъ, но обѣщаніє его не исполнялось; и внутренній раздоръ, произведенный Уніей, не унимался. Вѣроятно, къ этому времени принадлежало то неизвѣстное намъ писаніє Сагайдачнаго объ Уніи, которое канцлеръ Сапѣга, въ письмѣ къ Юсафату Кунцевичу, называлъ *предрагоцѣннымъ*.

Въ это же время поминаются въ бытописаньи два козацкіє гетмана: *Кушка*, попавшійся въ плѣнъ Туркамъ; а вслѣдъ за нимъ *Бородавка*, котораго увидимъ послѣ. Не видно однако, были ли это только *Наказные* гетманы; или же поставленіємъ ихъ коронный гетманъ Жолкевскій думалъ по-прежнему забрать въ свою власть Украинское реестровое козачество и убавить возроставшую въ народѣ силу и власть гетмана Сагайдачнаго.

Между тѣмъ пять тысячъ Запорожцевъ, подъ конецъ 1619 года, ходили на Крымскихъ Татаръ и разбили ихъ по сую сторону Перекопа подъ самую стѣною, и освободили множество плѣнныхъ христіанъ. По этому случаю Сагайдачный нарядилъ атамана Петра Одинца въ посольство къ Московскому царю, съ предложеніємъ служить ему своими головами противъ общаго врага христіанства. Козацкіє послы, съ гетманскою грамотою къ царю и съ двумя Татарскими *языками*, пріѣхали въ Москву въ концѣ февраля 1620 года; приняты были ласково и милостивно; однако у самаго царя они не были, ибо тогда была масляница. Ихъ принималъ

бояринъ и намѣстникъ Коломенскій князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. «Не оскорбляйтесь — говорилъ онъ — что не видѣли есте очей его царскаго величества: вы есте пришли къ Москвѣ передъ постомъ, а въ постъ у великаго государя нашего никакіе послы и иноземцы не бывають; а нынѣ царское величество ѣдетъ молиться къ святымъ мѣстамъ и велѣлъ васъ отпустить». Козаки обдарены были деньгами, камками, тафтами, сукнами и шапками; и послано было Запорожскому войску отъ царя «легкое жалованье триста рублевъ», а на грамоту гетманскую царь отвѣтствовалъ своею грамотою, данною 21 апрѣля 1620 года ¹⁾.

Въ то же время Іерусалимскій патріархъ Теофанъ возвращался изъ Москвы, гдѣ онъ (23 іюня 1619 года) посвящалъ на патріаршество Филарета Никитича, отца Михайлова. По дорогѣ отъ Путивля посѣтилъ онъ новоустроенную обитель Густынскую, подъ городомъ Прилукою. Козаки съ гетманомъ Сагайдачнымъ проводили его въ Кіевъ, помѣстили его на Подолѣ, въ Братствѣ Богоявленскомъ. «Аки пчелы матицу свою, тако святѣйшаго отца и пастыря овцы словесныя отъ волковъ противныхъ стрежаху», говоритъ лѣтописецъ Густынскій ²⁾. Тогда настала важная година въ жизни православнаго народа, подвластнаго Польшѣ: со всѣхъ сторонъ стекался онъ въ Кіевъ, чтобы увидѣть святителя Іерусалимскаго и принять отъ него благословеніе и совѣтъ. И много въ продолженіе того лѣта было въ Кіевѣ совѣщаній и думъ у всѣхъ людей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ; и казалось, сама земля Русская сочувствовала имъ своимъ потрясеніемъ ³⁾. Гетманъ Сагайдачный и другіе православные просили патріарха, чтобы поставить имъ митрополита и епископовъ на мѣста, занятія Уніатами. Но Теофанъ колебался, опасаясь

1) Эта грамота напечатана въ *Собраніи Госуд. Гр.* ч. III. Остальные документы объ этомъ посольствѣ хранятся въ Моск. Архивѣ Ин. дѣлъ.

2) «*Лѣтописецъ* о первомъ зачатіи и созданіи святыя обители монастыря Густынскаго» напечатанъ 1848, въ *Чтеніяхъ* Моск. Общ. ист. и Древн. Изъ этого лѣтописца я заимствовалъ всѣ подробности о мѣстахъ, мѣсяцахъ и дняхъ посвященія митрополита и епископовъ, перемѣнивъ только 1622 годъ, ошибочно показанный въ лѣтописцѣ на 1620. (Тамъ же ошибочно показано митрополитство *Исаи Копинскаго* съ 1633 года, а митрополитство Петра Могилы съ 1635-го: первое началось съ 1631, а второе съ 1633-го).

3) «Тогда же и земля тряслася въ недѣлю о нешпорной годинѣ», говоритъ *лѣтописецъ Густынскій*. «Въ той же часъ въ день суботный земля ся трясла о годинѣ 20 же, изъ оконъ шибы выпадали, шклянницѣ изъ столовъ спадали, и люде въ страху были великомъ», говоритъ *Львовская лѣтопись*, напечатанная въ Русскомъ историческомъ сборникѣ т. III. 1839. Тамъ это описано подъ 1619 г.; но ошибочно, вмѣсто 1620; а сказанное за тѣмъ подъ 1620-мъ г. принадлежитъ къ 1621-му.

ясь короля, преданнаго іезуитамъ, и не имѣя согласія отъ патріарха Царьгородскаго, которому издревле была подвластна митрополія Кіевская.

Между тѣмъ настала большая необходимость для Польши въ гетманѣ Сагайдачномѣ: безъ него она потерпѣла въ томъ году страшное поражение отъ Турковъ подъ Цецорою, гдѣ убиты были: и горделивый томитель Москвы и Козаччины, коронный гетманъ Жолкевскій, и любимый имъ козакъ, Чигиринскій сотникъ Михайло Хмельницкій, отецъ Богдана. Польша немедленно задумала двинуться вновь противъ Турковъ всѣми силами, подъ главнымъ начальствомъ королевича Владислава; и на совѣтъ объ этой войнѣ позванъ былъ въ Варшаву Сагайдачный — «справца великій и добрый, на которого много полагались въ совѣтѣ; и какъ онъ совѣтоваль, на то соглашались паны гетманы и королевичъ его милость», говоритъ современникъ Ерличъ ¹⁾. Запорожскому гетману поручено было военачальство надъ всѣмъ Козачествомъ. «Я на твою опеку посылаю моего сына», — говорилъ ему король ²⁾. Сагайдачный радостно спѣшилъ въ Кіевъ; и здѣсь онъ рѣшилъ просить патріарха исполнить то, чего такъ давно ждалъ и чего такъ желалъ теперь православный народъ Южнорусскій.

И вотъ, въ Богоявленской церкви, въ четвертокъ 6 октября, патріархъ Теофанъ съ Неофитомъ митрополитомъ Софійскимъ и съ Аврааміемъ епископомъ Стагонскимъ, ³⁾ посвятилъ на епископство Перемышльское *Исаію Копинскаго*, который лѣтъ за шесть былъ вызванъ, изъ 15-лѣтняго отшельничества своего въ пещерѣ Антоніевой, на устроеніе Густынскаго монастыря, и уже третій годъ былъ игуменомъ Межигорскимъ. А въ слѣдующее воскресенье, 9 октября, въ великой церкви Печерской, совершилось посвященіе въ Кіевскіе митрополиты *Іова Борецкаго*, игумена Михайловскаго, который особенно любимъ былъ въ народѣ за свою добродѣтельную жизнь и славился ученостью. Тогда же на епископство Туровское и Пинское поставленъ Грекъ *Аврамій*, епископъ Стагонскій; а въ началѣ декабря, по выбору и прошенію Вильнянъ, посвященъ въ

1) Записки Якима Олизаровича *Ерлича*, дворянина Кіевскаго воеводства, ведены съ 1620 по 1671 годъ, на Польскомъ языкѣ, и въ подлинникѣ названы *Лѣтописцемъ*. Жаль, что до сихъ поръ никто не издалъ ихъ: въ нихъ много любопытныхъ замѣтокъ для исторіи.

2) Изъ *Львовской Лѣтописи*.

3) Изъ посвятительной грамоты *Исаіи Копинскаго* отъ патріарха, которая въ копіи находится въ Московскомъ Архивѣ Ин. Д.

архієпископы Полоцкіє *Мелетій Смотрицкій*, недавній архимандритъ Святодуховскаго Братскаго монастыря въ Вильнѣ.

Такъ возстановлена была въ 1620-мъ году православная Кіевская митрополія послѣ 25-ти лѣтняго сиротства.

Въ генварѣ слѣдующаго года патріархъ Теофанъ простился съ Кіевомъ. Зима стояла крѣпкая. Остановясь на отдыхъ въ козацкомъ Терехтемировскомъ монастырѣ, патріархъ посвятилъ тамошняго архимандрита *Іезекиіля Курцевича* на епископство Владимирское и Берестейское. Изъ Терехтемирова митрополитъ Іовъ со всѣми епископами и гетманъ Сагайдачный съ тремя тысячами козаковъ, и множество другихъ людей духовныхъ и свѣтскихъ, провожали патріарха до Волошской границы.

Во время отдыха въ городѣ Бѣлой-Церкви посвященъ былъ на епископство Луцкое и Острожское *Исакій Борисковичъ*, игумень Чернчицкій, ученикъ патріарха Мелетія, около 20-ти лѣтъ находившійся на Востокѣ и на Аѳонѣ. ¹⁾

Вслѣдъ за тѣмъ Теофанъ съ своими провожатыми гостилъ три дни въ городѣ Животовѣ, у благочестиваго князя Стефана Четвертенскаго, и тамъ посвятилъ *Паусія Инполитовича* на епископство Холмское и Бельзское. ²⁾

Наконецъ въ городѣ Бушѣ они разстались; и много печали и плача было при разлукѣ. «Поучаше бо тогда святителей своихъ — говоритъ Густынский лѣтописецъ — содержатися истиннаго благочестія, смиренія и любве; скорби же и гоненія со всякою покорою переносити; такожде и все благочестивое, воинство благословяше, ставше на торжищи посреде града, всѣмъ во слухъ глаголаше имъ съ зельнымъ усердіемъ поученіе, тоже молитвы прощальныи и раздрѣшительныи, преклоннымъ имъ всѣмъ главы своя ницъ на землю; по семъ увѣщевая ихъ, дабы отъ того времени не ходили на Москву, народъ христіанскій, бранію».

Съ наступленіемъ лѣта приспѣваль срокъ похода Хотинскаго. Въ августѣ 1621 года, Сагайдачный съ 40-тысячнымъ козацкимъ войскомъ былъ уже у Днѣстра. Во Львовѣ онъ свидѣлся съ королевичемъ Владиславомъ, какъ *директоромъ* Хотинской войны.

Польскаго войска коронный гетманъ Ходкевичъ успѣлъ собрать 57 тысячъ, а именно: конниковъ въ желѣзныхъ латахъ 12 тысячъ, панцир-

¹⁾ Изъ актовъ, о которыхъ сказано въ концѣ примѣчанія 2-мъ, стр. 363.

²⁾ О посвященіи, см. въ *Лѣтол. Густ.*; а о гощеніи въ Животовѣ говоритъ еще Захарія Копыстенскій въ своемъ посвященіи князю Стефану Четвертенскому книги *Бесѣды* 1623 г.

никовъ 4 тысячи, пѣхотныхъ Поляковъ 30 тысячъ, Прусовъ и Поморянъ 8 тысячъ, да наемныхъ Угровъ 3 тысячи; да еще съ королевичемъ пришло подъ Хотинъ 30 тысячъ. А непріятельская сила состояла въ 300 тысячахъ Турковъ и во 100 тысячахъ Татаръ; и когда явился тамъ Османъ, хвалившійся «въ войскѣ козацкомъ снѣдати, а въ обозѣ Польскомъ обѣдати» — то немедленно зачались сраженія. Первая схватка произошла 2-го сентября, еще до прибытія Владислава.

Турки съ первыхъ дней напирали особенно на козацкій обозъ, стоявшій на челѣ къ обозу Султанскому и укрѣпившійся окопами. Но козаки, послѣ жаркихъ пушечныхъ перепалокъ, дали наконецъ сильный отпоръ и, гонясь за ними, ворвались было въ Турецкій обозъ; и только потому не овладѣли имъ вполнѣ, что коронный гетманъ отказалъ въ подмогѣ. Такая неправда произвела ропотъ въ козацкомъ войскѣ. Но Владиславъ, увѣдомленный объ томъ гетманомъ Сагайдачнымъ, поспѣшилъ нарядить депутатовъ, въ числѣ которыхъ былъ извѣстный историкъ Яковъ Собѣскій, кастелянъ Краковскій, отецъ храбраго короля Яна. Онъ произнесъ въ козацкомъ обозѣ убѣдительную рѣчь, послѣ которой гетманъ Сагайдачный съ старшинами склонился на ихъ сторону, и козаки утихомирились. Они радовались тою вѣстью, пришедшею 6 сентября, что товарищъ ихъ, Богданъ Хмельницкій, ходившій особо съ 10-тысячнымъ козацкимъ отрядомъ на Черное море, разбилъ и потопилъ 12 Турецкихъ галеръ, а остальные преслѣдовалъ до самаго Царьгорода, и навелъ страхъ на Царьгородцевъ, окудивши ихъ пороховымъ дымомъ ¹⁾). А между тѣмъ 7-го сентября въ Польскомъ обозѣ обезглавленъ былъ гетманъ Бородавка, по военному суду, за ту вину, что онъ съ трехтысячнымъ отрядомъ козаковъ опоздалъ явиться подъ Хотинъ, гонявшись въ походѣ за добычею ²⁾). Черезъ три дня послѣ того и королевичъ, и коронный гетманъ заболѣли лихорадкою, продолжавшеюся двѣ недѣли. Владиславъ оправился; но Ходкевичъ умеръ 24 сентября. Нельзя не вспомнить здѣсь и того, что въ числѣ воевавшихъ подъ Хотиномъ въ рядахъ Польскихъ былъ *Петръ Семеновичъ Могила*, 24-лѣтній воеводичъ Молдавскій, черезъ четыре года постригшійся въ монахи Печерскіе.

1) Объ этомъ Черноморскомъ *промыслѣ* говорится и въ королевскомъ листѣ Сагайдачному 1622, генв. 12 и въ *діарушѣ* Титлевскаго, и у Твардовскаго. И такъ напрасно пишутъ, что Богданъ Хмельницкій, взятый подъ Цецорою въ полонъ, оставался въ немъ два года.

2) См. объ этомъ въ прибавл. къ *лѣтописи* Самуила Величка. К. 1848. Т. I. И такъ Бородавку убилъ не самъ собою Сагайдачный!

Война Хотинская длилась пять недѣль и кончилась тѣмъ, что грозный Османъ, несмотря на многочисленность своего войска, пожелалъ мира, который и заключенъ былъ 8 октября на условіяхъ, выгодныхъ для Польши.

Октября 12-го Польское войско на полѣ битвы выстроилось наподобіе орла съ распростертыми крылами, и на челѣ его сталъ Владиславъ, облечшійся въ порфиру поверхъ блестящаго вооруженія. Къ полудню Турецкій царь вывелъ свое войско и, построивъ его въ видѣ полумѣсяца, сталъ въ его челѣ. Въ такомъ строѣ два войска простояли недвижимо около часу другъ противъ друга. А между тѣмъ султанъ послалъ огромнаго слона и отборнаго коня въ даръ королевичу; а Владиславъ послалъ ему въ даръ тоже наряднаго коня, да двѣ пушки отличной работы. Наконецъ Турки, наклоненіемъ своихъ вый и съ ними знаменъ своихъ, простились съ Польскимъ войскомъ; а Поляки откланялись Турецкому войску покиваніемъ своихъ головъ ¹⁾).

И когда Турки отошли во-свояси, Владиславъ отправилъ изъ своего главнаго обоза раненныхъ и больныхъ; выступилъ изъ старыхъ окоповъ на свѣжее мѣсто, и принялся торжествовать свою побѣду. Славянорусская народная поэзія издревле изображала битву свадебнымъ пиромъ. У Поляковъ это происходило въ лицахъ. Они выѣзжали на войну, какъ на свадебный праздникъ, въ блескѣ и роскоши, и любили воевать со всею прохладною яствъ и напитковъ; не то, что въ козачествѣ, любившемъ суровую простоту жизни и долго державшемся стараго обычая своего: не пить вовсе вина во время войны ²⁾).

Пируя весело свою побѣду, Владиславъ послалъ въ козацкій обозъ, стоявшій на выстрѣль изъ лука отъ обоза Польскаго, множество харчей, навезенныхъ изъ окрестныхъ городовъ и сель; а на попойку козакамъ прислалъ 25 большихъ бутъ Волошкаго вина, 48 бочекъ меду, отысканнаго въ Каменцѣ, и 24 большія куфы горѣлки. Для гетмана особо присланы были, кромѣ разныхъ яствъ и сластей: 7 анталовъ лучшаго Венгерскаго вина, бочка Рейнскаго, небольшая бутъ Котнарскаго, да погребецъ съ дюжиною полугарцовыхъ золочено серебряныхъ флашекъ, наполненныхъ разными лѣкарственными водками. Но Сагайдачному тогда было не до напитковъ и сластей, онъ лежалъ на одрѣ

1) Эти и послѣдующія подробности о концѣ Хотинской войны взяты мною также изъ *лѣтописи* С. Величка, который заимствовалъ ихъ изъ «рукописныхъ лѣтописцевъ козацкихъ».

2) См. у Боплала, въ *описаніи Украины*.

болѣзни, подѣ тяжелыми ранами. Соболѣзнуя о томѣ, Владиславъ прислалъ ему свою кармазиновую палатку, подшитую зеленою Венедскою адамашкою.

По окончаніи 8-дневнаго пира, на разсвѣтъ 21-го октября, ударили въ бубны къ походу. Владиславъ, полюбившій козаковъ и полюбленный ими, прибылъ съ полутораста всадниками въ козацкій обозъ, проститься съ гетманомъ и Запорожскимъ войскомъ. Высказавъ благодарность свою за ихъ щирую и вѣрную службу, онъ подошелъ къ Сагайдачному, приподнятому съ постели и поставленному на ноги, и возложилъ на него драгоценный *щирозлотный канакъ* на фіолетовой лентѣ, украшенный съ одной стороны королевскимъ портретомъ и рубинами, а съ другой гербовымъ одноглавымъ орломъ и сафирами. Потомъ, увидавъ пароконную простую кибитку, вымощенную сѣномъ и подушками и прикрытую коврами, онъ догадался, кому она приготовлена, и, пошутивъ надъ нею, велѣлъ поскорѣ привезть свою *лектичку* съ балдахиномъ, изъ зеленого съ золотыми цвѣтами табину, на парѣ легкихъ коней въ золоченныхъ шорахъ, и подарилъ ее больному гетману на дорогу; а на прощанье назначилъ къ нему еще своего придворнаго доктора Француза.

Того же дня выступили въ походъ. Сагайдачный, по желанію Владислава, оставилъ недѣли на три подѣ Хотиномъ пять тысячъ отборнаго козацкаго войска для сторожи; а остальныхъ распускалъ по домамъ, въ продолженіе возвратнаго похода. Самъ же онъ прибылъ въ Кієвъ передѣ Филипповскими заговѣнами, безъ триумфовъ и парадовъ: его полумертваго встрѣтила и приняла въ своемъ дому только плачущая жена его Анастасія, урожденная Повченская 1).

1) Имя и родъ жены Сагайдачнаго означены въ книгѣ *Вѣршль*, на маргинецѣ 15 листа, противъ стихотворнаго къ ней обращенія:

«Не дивъ цная малясонко, же ся обливаєшь
Слезами, и отъ жалю праве омдлѣваєшь:
Бо-сь утратила свого малжонка милого
Кролю и Посполитой Речи зычливого.
Для него-сь и ты у всѣхъ людей была славна;
А теперь твоя свѣча ясная южъ згасла.
Южъ ся съ тобою вѣчне другъ твой разлучаеъ,
Богу тя впродѣ въ опеку и войску вручаеъ.
Жій побожне, якъ вдова, въ своей уцтливости,
За що въ Бога и въ людей набудеъ милости,
Богъ естъ сиротамъ отецъ, а судіа вдовамъ,
Караеъ, кто бы хотѣлъ чинити кривду вамъ».

По представленію Владислава, король Жигимонтъ, признавая всю заслугу козацкаго войска, прислалъ ему въ Кіевъ, съ своимъ придворнымъ подскарбіємъ, наградныя деньги, да королевскую хоругвь, булаву въ три тысячи талеровъ и золотую цепь въ пятьсотъ талеровъ гетману Сагайдачному, съ похвальною королевскую грамотою, данною въ Краковѣ, 12 генваря 1722 года. Въ той грамотѣ между прочимъ сказано: «Мы, довольные вашею преданностію и усердіемъ къ Намъ, и ко всей коронѣ Польской, которыя вы показали военными подвигами вашими подъ Хотиномъ, изъявляемъ вамъ и всему войску нашему Запорожскому милость Нашу и признательность, которую во всѣхъ потребностяхъ и нуждахъ войска охотно оказывать обѣщаемъ; и сколько оказалъ вамъ нѣкогда милости и расположенія славный предшественникъ нашъ найяснѣйшій Стефанъ Баторій, король Польскій, умноженіемъ правъ и вольностей вашихъ, Мы не отречемъ даровать вамъ противъ того въ десятеро, чего пожелаете отъ Нашей милости. Теперь же, награждая малымъ подаркомъ упомянутое мужество ваше и трудъ подъ Хотиномъ, посылаемъ изъ Нашей казны королевской, чрезъ придворнаго подскарбія, 400 тысячъ битыхъ талеровъ, которые должны быть раздѣлены поровну и розданы 50-тысячамъ всей черни войсковой, какъ тѣмъ, которые были подъ Хотиномъ, такъ и находившимся на военномъ промыслѣ съ Хмельницкимъ на Понтѣ Эвксинскомъ, не минуя родичей и вдовъ товариства козацкаго, положившаго свои рыцарскія головы въ военныхъ дѣйствіяхъ сего года. Притомъ, особо нашей гетманской милости со всею старшиною посылаю 4 тысячи червонцевъ, которые раздѣлите между собою по справедливости и усмотрѣнію вашему».

Въ отвѣтъ на то, выражая благодарность свою королю, въ письмѣ отъ 15 февраля, гетманъ Сагайдачный изобразилъ въ немъ и ту скорбь души своей, которая присоединялась къ его страданіямъ тѣлеснымъ.

«А любо — писалъ онъ — зъ стороны высокодумныхъ и велможныхъ ихъ милостей пановъ коронныхъ — Вишневецкихъ, Конецполскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ и иныхъ, на Украинѣ, властной предковѣчной отчизнѣ нашей, власть свою неслухне роспростирающихъ, повѣвають на насъ, войско Запорозское, холодныи и непріязненныи вѣтри, хотящии славу нашу въ персть вселити, и насъ, братію свою, вѣрныхъ Вашего найяснѣйшого Величества и всей коронѣ Польской слугъ, въ подданство и ярмо работническое собѣ безбожне наклонити; однакъ уповаемъ, же кгда Ваше Величество восхоцетъ и повелитъ, то внетъ бури и вѣтри оные престануть и вѣ тишину преложатся. И не такъ намъ есть жалостно на пановъ преречоныхъ, яко на ихъ старостокъ, нецногли-

вихъ сыновѣ и пьяницѣ, которые ни Бога не боятся, ни премошнѣхъ Вашего найснѣйшого Величества монаршихъ мандатовъ не слушають: бо скоро я, гетманѣ, по указу Вашего Величества, на Хотѣнскую военную службу зъ козаками зъ Украины вѣйшоль, тогда они старостки заразъ козачокъ бѣдныхъ зачали на всякіє роботизны, безъ жадного обзору и призрѣнія, часто выговити, бити, и вязенями неслушаючахъ мордовати; що тяжко и жалосно козакамъ, зъ службы Вашой монаршой военной, зъ ранами еще неугоенными и червей полными, повернувшимъ, было отъ женѣ и матерей своихъ слышати, и слезы зъ очесъ ихъ точащїеся видѣти.... Ваше же найяснѣйшее королевское Величество, яко отецъ милостивый и панѣ нашѣ найласкавшій, и по семъ короткомъ донесеню нашемъ, можетъ своевольныхъ старостокъ и праволомцевъ (которые на особливомъ реестрику выражаются) усмирити и покорити; а козаковъ бѣдныхъ отъ ихъ безбожныхъ насильствъ, напастей и тяжестей защитити и освободити. Кгдыжъ, если они козаки не получаютъ въ томъ Вашего королевского найяснѣйшого Величества призрѣнія и респекту, то же бы що новое отъ нихъ (якъ уже и пошемрюють) не уродилося, и огня гнѣвного (чого не дай Боже) не запалило; въ якій часъ, уже не на козаковъ, але сами на себе и на своихъ пьяницѣ старостокъ, велможными ихъ милость панове Польскїи варѣкати и жалковати мусѣли бы».

Чувствуя приближеніє свое къ кончинѣ, Сагайдачный, въ послѣднихъ числахъ марта, отпустилъ отъ себя королевскаго придворнаго доктора, съ слѣдующимъ прощальнымъ письмомъ къ королю.

Найяснѣйшій Королю Полскій и Наймилостивѣйшій мой пане.

Поворочаючи зъ подѣ Хотѣня до дому, любо Свѣтлѣйшій Ксіонже, принцъ Владиславъ, наймилшій вашего Королевского величества сынъ, а мой найласкавшій добродѣй, для улѣченія смертельныхъ ранъ и болѣзней моихъ придалъ мнѣ лекаря своего, однакъ изнемогають тамъ всѣ того лѣкаря лѣкарственными медикаментами и довѣпы, где ядовитни пострѣлы бѣсурманскїи, въ тѣло мое потрафивши, всѣ майстерства лѣкарственными опередили, и смертотворный ядъ свой внутренними дѣйствїями во всѣ составы и жилы мои розливши, латвую и уже видимую не ко животу, но ко гробу устрояють мнѣ дорогу; бо, имъ далѣй, тымъ барзѣй изнемогаю и до кончины приближаюсь. Для чого, не смѣючи болшей и доктора вашего найяснѣйшаго Королевского величества при себѣ удержовати, зъ достодолжнымъ служебничимъ за него благодареніємъ, отпускаю его до двору вашего найяснѣйшого Королевского величества.

Самъ тежъ приближаючися ко дверемъ гробнымъ, отдаю подъ ноги вашо-го найяснѣйшого Королевского величества найнижайшій остатній ук-лонъ мой; и уже не надѣючися болшей видѣти въ жизни сей най-яснѣйшого лица и ласкавыхъ ку себѣ очесъ вашого Королевского вели-чества, послѣднимъ листовнымъ пожегнанемъ жегнаю превысокіє вашо-го найяснѣйшого Королевского величества наимилшого сына вашого, моего же директора и найласкавшаго добродѣя свѣтлѣйшого Ксіонженца принца Владислава, персони. Где яко упрейме зычу, абы Господь Богъ всемогущею силою сохранилъ вашого найяснѣйшого Королевского вели-чества и наимилшого сына вашого принца Владислава здоровье, при щасливыхъ всегда вашихъ и державы вашей, короны Полскія сукцес-сахъ; такъ и прошу покорне вашого найяснѣйшого Королевского вели-чества прощенія, въ чемъ бы колвекъ згрубилъ и погрѣшилъ, яко че-ловѣкъ, предъ найяснѣйшимъ вашого величества маестатомъ.

Панъ докторъ вашого найяснѣйшого Королевского величества, будучи при мнѣ въ Кієвѣ чрезъ часъ немалый, яко присмотрѣлся добре безпрестан-нымъ многихъ козаковъ, отъ пановъ Полскихъ и ихъ старостокъ раз-ными способами оскорбленныхъ и бѣдствуемыхъ, сквиркамъ, плачамъ и опеляціямъ, до мене заношеннымъ; такъ о всемъ томъ можетъ ретел-не словесно донести вашему величеству, если ваше найяснѣйшее вели-чество рачить его о томъ спытати и милостиво послухати. А я, монар-шіє вашого Королевского величества нозѣ смиренно обнявши, покорне и слезне прошу, дабы тоє козакамъ творимое бѣдствіє и озлобленіє, пре-высокимъ и грознымъ вашого найяснѣйшаго величества мандатомъ, было запрещено и ускромлено. Особливе Унѣя, за милостивымъ вашо-го найяснѣйшого Королевского величества позволенемъ, теперъ зъ Русѣ чрезъ святѣйшого Феофана патріарху Іерусалимского знесенная, абы впредъ въ той же Русѣ никогда не обновлялася, и своихъ роговъ не воз-носила. Мають абовѣмъ отци езуити и все духовенство костела Римско-го (и безъ насъ православныхъ) кого до Унѣи своєи наворочати и прис-вояти, тыхъ народовъ, которыи отнюдь не вѣдають и не вѣрятъ Хрис-та Господа, плотію въ миръ пришедшого. А мы, православныи, дре-внихъ святыхъ Апостолскихъ и Отческихъ преданій и догматовъ безъ жадной Унѣи и схизмы придержащися, не отчаваемся нашего спасенія и блаженного живота вѣчного.

Сіи двѣ мои, вѣрного вашого Королевского величества слуги, желанія, ежели рачишь и наимилшимъ дѣтемъ своимъ по собѣ милостивно при-кажешъ учинити, и непременно всегда заховати; то и панованіє ихъ и цѣлой Короны въ тишинѣ и благовременномъ отъ всѣхъ непріятель-

сихъ навѣтовъ покои завше будетъ и преизбудетъ; чого я и повторе всеусердію желаю, зъ Кієва, марта числѣ послѣднихъ, року 1622. Вашому найяснѣйшому королевскому величеству вѣрный и найнижшій слуга.

*Петро Конашевичъ Сагайдачный,
гетманъ войска Запорожского*

Хотинскимъ походомъ гетманъ Сагайдачный довершилъ военное поприще свое; и послѣдніє пять мѣсяцевъ жизни посвятилъ преимущественно заботамъ и печалямъ о успокоеніи и внутреннемъ благѣ Украины. Особенно обратилъ онъ свое попеченіє на Богоявленское Кієвское братство, въ которое записался онъ ¹⁾ со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ; и пожертвовалъ нѣсколько тысячъ на обновленіє Богоявленскаго монастыря и на содержаніє братской школы; почему и называется *ктиторомъ* братскаго монастыря ²⁾. Не забылъ Сагайдачный и о своей Заднѣстровской родинѣ, и отказалъ полторы тысячи золотыхъ червонныхъ на школу братства Львовскаго ³⁾. Опредѣливъ вклады и другимъ монастырямъ, церквамъ и школамъ, и назначивъ опекунами женъ и повиннымъ своимъ митрополита Іова и будущаго своего преемника въ гетманствѣ, Олифера Голуба, и совершивъ по долгу благочестія послѣдніє обряды христіанскіє, на страстной и свѣтлой седмицахъ, — славный гетманъ окончилъ жизнь на проводной недѣлѣ *10 апрѣля* ⁴⁾. Погребенъ въ братскомъ монастырѣ, при училищной церкви. Надъ тѣломъ его, при погребеніи, двадцать студентовъ произносили стихи, сочиненные тогдаш-

¹⁾ Не разумѣя, что значило записаться въ православное братство, Энгель въ своей исторіи сказалъ, будто Сагайдачный постригся въ монахи; и эта ошибка, чѣрезъ исторію Бантышъ-Каменскаго, распространилась и у насъ. Но Сагайдачный въ монахи не постригался!

²⁾ Напримѣръ, въ лѣтописи малороссійской (помнится, Грябянкиной) сказано: «Року 1622 Петро Сагайдачный, славный гетманъ Запорожскій и великій защитникъ Православной вѣры, любитель и *ктиторъ* Братскаго монастыря» и т. д.

³⁾ См. ниже приложеніє 1-е.

⁴⁾ Уже и Самойло Величко въ своей лѣтописи не зналъ, когда именно скончался Сагайдачный. Но мнѣ случилось узнать объ этомъ изъ современной замѣтки въ старинномъ помянникѣ Михайловскаго Золотоверхаго монастыря (въ 4-ку). «Року 1622 *апрѣля 10* дня благочестивый мужъ, панъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, войска его К. М. Запорожского, по многихъ знаменитыхъ военныхъ послугахъ и звитазствахъ, на ложи своемъ простеръ нози свои, приложился къ отцемъ своимъ, съ добрымъ исповѣданіємъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостыни, въ Кієвѣ. Погребенъ при церкви школы Словенское въ мѣсте на Подолѣ честно, въ дому братства церковнаго».

нимъ ректоромъ, Кассіаномъ Саковичемъ; а на могильномъ камнѣ ему вырѣзано было слѣдующее надгробіє ¹⁾:

Тутъ зложилъ Запорозкій гетманъ свои кости,
Петръ Конашевичъ, ранний въ войнѣ: для волности
Отчизны, кгда нанъ Турцы мощно натирали,
И пострѣловъ смертельныхъ килка му задали,
Которыми зраненый, живота докональ.
Вѣры Богу, и Кролю, и войску доховаль.
И умеръ боронячи мира ойчистого:
За што узычь му, Творче! неба вѣчистаго,
Якъ ревнителю вѣры благочестивои,
Въ которой былъ выхованъ зъ молодости своей.
Року тисеча шесть сотъ двадесять второго,
Погребень въ монастыри брацтва Кіевскаго.
На который тисячій килка офѣроваль,
Аже бы тамъ науки фундовано, жадалъ.

Теперь не видно уже въ Кіевскомъ Братствѣ этого надгробнаго камня; не знаетъ никто даже и мѣста, гдѣ почилъ прахъ достопамятнаго гетмана; уцѣлѣлъ только большой золочено-серебряный ручной крестъ ²⁾, обсаженный девятью камнями, съ такою надписью на рукояти:

«Року 1622 даль сей крестъ рабъ Божій Петръ Конашевичъ Сагайдачный Гетманъ Войска Его К. М. Запорозкаго, до церкви святого Богоявления Господня въ домъ Братскій, на отпущение грѣховъ своихъ».

1850.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СКАЗАНІЮ О САГАЙДАЧНОМЪ

1. Запись о пожертвованіи гетмана Сагайдачнаго на школу Львовскаго Братства, 1622.

Іовъ Борецкій Милостію Божею Архиепископъ Митрополитъ Кіевскій Галицкій и всеа Россіи, весполь и Олиферъ Остаповичъ Голубъ, Гетманъ, зо всѣмъ Товариствомъ Войска Его Королевской Милости Запорозкаго. Вѣдомо чинимъ, кому то належати можетъ, нынѣшнего и напотомъ будучаго вѣку людемъ: ижъ мы, Іовъ Борецкій, Милостію Божею Архи-

1) Изъ книги *Вършь* 1622 года.

2) Рисунокъ зтого креста см. въ *Обозрѣніи Кіева*, издан. И. Фундуклеемъ. К. 1847. Тамъ же и рисунокъ того креста, которымъ патріархъ Теофанъ благословилъ Кіевское Братство въ 1620-мъ году и который хранится нынѣ надъ царскими вратами Богоявленской церкви.

епископъ Митрополитъ Кіевскій Галицкій и всеа Россіи, весполь изъ Паномъ Олиферомъ Гетманомъ и всѣмъ рицerstвомъ Войска Его Кор. Милости Запорозского, за волю Бога Вседержителя, въ року теперь идучомъ, тисеча шестсотъ двадцать второмъ, мѣсяца Априля пятого дня, отъ вѣчное памяти и славы несмертелное годного Гетмана Войска Его Кор. Милости Запорозского, мужа христіанскихъ цнотъ и милостини полнаго, пана Петра Конашевича Сагайдачнаго, при доброй памяти и здоровомъ умысле, въ хоробе его, будучи обраны отъ него самага женѣ и повиннымъ его опекунами и всее худобы и маетности, ведле уподобаня и остатнее воли его, которую въ духовници остатнимъ тестаментомъ запечатоваль и спорядити велѣль, шафарми и вѣрными диспозиторами, тисечей полторы золотыхъ, которыхъ онъ на школу Братства Лвовскаго, на науку и на цвиченья Бакаларовъ учоныхъ, легковаль и вѣчными лѣты на пожитокъ ихъ офѣроваль, таковымъ способомъ паномъ Братіямъ Братства церковного храма Успения Пречистыя Богородицы въ мѣсте Лвовѣ, якъ намъ повѣрено и полечено, повѣряемъ и повѣрилисмо, полецаемъ и полецилисмо по нихъ самыхъ и по ихъ потомкахъ братіяхъ Братства реченого, непрерывными часы мѣти то хочачи, абы зъ тыхъ полторы тисечи золотыхъ на каждый рокъ, на выхованье ученого майстра, въ Греческомъ языку бѣглого, Церкви Божой и дѣткамъ христіанскимъ народу Россійскому потребного, золотыхъ полтораста пожитку прирасти могло, и то нигде индей, тылко на науку оборочано было. А тые полторы тисечи золотыхъ абы никакъ неубывали ани уменшали, зъ чого ихъ милости панове Братія, отъ початку тое фундацыи нашое, отъ року тисеча шестсотъ двадцать второго мѣсяца Іюня двадцать четвертого дня, отъ дня рожdestва святого славного Пророка и Предотечи Іоанна, за zesланьемъ отъ мене любь отъ потомка моего Митрополита Православнаго Киевскаго, и отъ насъ Гетмана и потомка моего и всего рицerstва Войска Его Кор. Милости Запорозского, посланника, мають и повинныи будутъ за всѣ хотъ надолшие лѣта зъ приростку на учителей школныхъ зъ полторусеть золотыхъ рахунокъ пристойный и личбу чинити, а тую головную суму — полтори тисечи золотыхъ на мѣсцу и въ пожитку певномъ презъ вѣры годное свѣдоцтво цало указати, абы тая фундацыя того, всякое чти и памети вѣчное годного, мужа, пана Петра Конашевича Сагайдачнаго, зъ заслугъ всего рыцerstва Войска Его Кор. Милости Запорозского, черезъ мене, Іова Борецкаго Митрополита православнаго Киевскаго, учиненая, на школу албо рачей на дидаскаловъ, за чимъбы въ школе той Братской всегодне непрерыване наука трвати могла, вѣчными и потомными часы

не нищала ани уставала, обовезуючи въ томъ помененныхъ братій Братства церковного Львовского, еслибы въ томъ значного старания чинить не хотѣли, я — зъ части моее духовное митрополитанское — страшнымъ Господа Бога моего именемъ и грознымъ а справедливымъ и неублаганымъ на недбалыхъ злыхъ дѣлателей Вседержителя судомъ; я — зъ части Войска Его Кор. Милости Запорозского, еслибы якое недбалство около наукъ по ихъ милость панахъ Братіяхъ которого часу пошляковано и пристойне показано было, кромѣ всякого позву и переводу правного, шкодою и зарукою другихъ таковыхъ полтори тисечи золотыхъ, которыхъ они, заплативши и до тое сумы приложивши, южъ совитый отъ трехъ тысячей пожитокъ триста золотыхъ до школы што годъ чинити повинни будутъ, намней неотступаючи отъ повинности своее. Въ чомъ и повторе, еслибы тоежъ недбалство въ оныхъ найдовалось, а пилности около школныхъ наукъ пристойне показатись не мѣло, зновъ въ совитость всѣхъ трохъ тисечей, до шести тисечей золотыхъ въ шкоды въ ровне совитей на каждый рокъ шестсотъ золотыхъ приробокъ и въ неотрочную около школы наукъ учтивыхъ пилность подпадати мають и повинны будутъ, и такъ, кромѣ всякое вымовы, сами собою худобою зъ потомками во всѣ потомные вѣки всѣ братія Братства церковного храма Пресвятое Богородице Леополите около помноженья учтивыхъ наукъ въ школѣ Братской въ месте Львове старатись, працовати и промыслъ вшелякій чинити, подъ вышѣ описаною обликгаціею и кондыціями, яко спасение свое и народу и дѣтокъ своихъ и церкве Христовой помножение милуючи, вѣчно и неотмѣнно, весполь и зъ нами, мають и повинни будутъ. И на томъ тую вѣчную войска его Кор. милости Запорозского фундацію укгрунтовавши, и паномъ братіямъ Братства церковного Львовского въ руки подавши, тую помененную суму полтори тысячи золотыхъ черезъ посланниковъ умоцованыхъ ихъ милостей братію Братства Львовскаго: п. Григоріа Русиновича Романовича и пана Павла Михайловича, уистивши, при печати нашой митрополекской, руками своими подписуемъ. Въ монастыри Михайловскомъ церкве Золотоверхое въ Києве, дня 21 июля мѣсяца 1622 року отъ Христа, а отъ створенія свѣта 7130. Индикта пятого.

Іовъ Борецкій митрополитъ Киевскій рукою власною.

Олиферъ Остаповичъ Голубъ гетманъ войска его королевской милости Запорозского съ Товариствомъ. Лаврентій Пашковскій писарь.

(Эта запись сообщена мнѣ 1840 г. Денисомъ Зубрицкимъ, въ копіи, сплсанной имъ съ подлинника, хранящегося въ Ставропигіальномъ архивѣ Львовскомъ.)

2. Отрывки вѣршѣй (стиховъ), читанныхъ студентами Кіевобратской школы, при погребеніи гетмана Сагайдачнаго ¹⁾.

Есть для чого гойныя слезы выливати,
Сердцы, усты, и шатми жаль свой освѣдчати:
Бо ото смерть горкая невчесне порвала
Славного рыцера, котрого похвала
Кролю пану и Рѣчи Посполитой была;
Бо его слава въ многихъ краяхъ земныхъ слыла,
Славное войско годно такого гетмана,
Который пилне стерегъ чести своего пана;
Умѣлъ мудре тымъ сильнымъ войскомъ керовати,
Доброго любилъ, злого зась звыклъ былъ карати.
Для тогожъ и звитязства часто доказоваль,
Же карность съ послушенствомъ въ своемъ войску мѣваль.
Пилне онъ того стерегъ, бы война съ христіаны
Христіаномъ не была, лечь толко съ поганы,
Которыхъ онъ водою и сухомъ воеваль,
И плененныхъ христіанѣ зъ моцы ихъ выдираль.

1) Въ Кіевлянинѣ 1350 г. къ настоящей статьѣ приложенъ снимокъ изъ заглавнаго листка книги «Вѣршѣ». На лицевой сторонѣ этаго листка находится слѣдующее полное заглавіе книги:

Вѣршѣ на жалосный погребѣ зацного рыцера, Петра Конашевича Сагайдачнаго, гетмана войска его кр. млсти Запорозкого.

Зложоныи презъ инока Кассіана Саковича, ректора школь Кіевскихъ, въ Брацтвѣ.

Мовленые отъ его спудеовъ на погребѣ того цного рыцера в Кіевѣ, в недѣлю проводную, року Божого тысяча шестьсотъ двадцать второго.

**Б. ЦРСТ. Г. — ИЄ ВЪСТЕ-ЛИ, ІАКО ВЛАСТЕЛИНЪ ВЕЛИКЪ
ПАДЕ В СІЙ ДЕНЬ ВЪ ІІАН.**

На оборотной сторонѣ листка помѣщенъ гербъ Запорозкаго войска (козакъ, съ мушкетомъ на лѣвомъ плечѣ, идущій на право) и слѣдующая надпись:

На гербъ славного войска ег. кр. мл. Запорозкого.

Кгды мензства Запорозцовъ кролеве дознали,

Теды за гербъ такогo имъ рыцера дали.

Который ото готовъ ойчизнѣ служити,

За волность еи и свой животъ положить.

И якъ треба: землею, албо тыжъ водою,

Вшеляко — онъ способный и прудкій до бою. (Ред).

Слушне о томъ гетманѣ каждый держать може,
Же былъ правый гетманѣ, дай му вѣчный покой, Боже!
За великую себѣ мѣль то нагороду,
Гды зъ неволи вызволить кого на свободу.
Кгдыжъ война для тыхъ толко причинъ маеть быти:
Себе отъ кривдъ и иныхъ также боронити.
О, цный гетмане, славный въ людехъ по всѣ вѣки,
Нехай тя прийметъ Христось въ небесны лики!

Не разъ онъ громилъ орды Татаровъ на шлагахъ,
И загоны ихъ разилъ въ великихъ оршакахъ.
Дозналь моци рыцера того Турчинъ сильный,
Въ томъ тогорочномъ бою, якъ то былъ мужъ дѣлный.
Же въ маломъ почтѣ своихъ, Турскимъ многимъ полкомъ,
Менжне спиралъ поганскимъ розвѣдлымъ волкомъ,
За ойчизну менжне ся имъ заставляючи,
Здоровя своего намнѣй не охороняючи.
Волѣлъ самъ, якъ Кодрусь кроль въ Атенахъ въ Греціи,
Смерть поднять, бы ойчизна токмо была вцѣлѣ.
Гдыжъ лепѣй есть стратити животъ за ойчизну,
Нѣжли неприятелю достаться въ коризну;
Кто бо вѣмъ за ойчизну не хочеть вмирати,
Тотъ потомъ зъ ойчизною мусить погибати.
Цный Сагайдачный волѣлъ самъ рану поднять,
Нѣжли бы поганину христіанъ выдати;
Отъ которой раны ото умираеть,
Але слава и мензство его заставаеть.

По прожну фрасуетъ ся всякъ живой челоуѣкъ,
Поневажъ короткій есть его на свѣтѣ вѣкъ.
Богатство, мудрость, слава, сила, все преходить,
Нѣчого ся трвалого въ мѣрѣ не находить.
Што можемъ въ томъ рыцери нашомъ оглядати,
Же такъ не иначесть, латво узнавати.
Чи-ли онъ не мѣль силы, здоровья, и грошій;
Не былъ ли славный, менжный, на тѣлѣ хорошій;
Чи-ли не мѣль докторовъ на свою хоробу!
Лечъ на смерть нѣтъ лѣкарства, отдаеться гробу.
Члоуѣкъ якъ тѣнь, сонъ, трава: якъ цвѣтъ увядаеть,
Нагъ ся родить, нагъ сходитъ, все ся тутъ застаеть.....

Уродился онъ въ краяхъ Подгорскихъ Премыскихъ,
Выхованъ въ вѣрѣ церкви восточней зъ лѣтъ дѣтинскихъ.
Шоль потомъ до Острога, для наукъ уцтивыхъ,
Которыи тамъ квитли, за благочестивыхъ
Княжатъ, которыи ся въ наукахъ кохали,
На школы маетностей много фундовали:
Абы ся млодь въ наукахъ уцтивыхъ цвѣтила,
Церкви и тыжъ отчизнѣ пожиточна была.
Дай Боже, бы тая тамъ фундація трвала,
Жебы ся оттоль хвала Божія помножала!

Тамъ теде Конашевичъ часъ не малый живши,
И наукъ въ писмѣ нашомъ Словенскомъ навыкши,
Потомъ видячи ся быть способнымъ до мензства,
Шоль до Запорозкого славного рыцерства,
Межи которымъ презъ часъ не малый жѣючи
И рыцерскихъ дѣлностей тамъ доказуючи,
Гетманомъ потомъ себѣ войско го обрало,
И зъ нимъ менжне Татаровъ и Турковъ бивало.
За своего гетманства взялъ въ Турцехъ мѣсто Кафу,
Ажъ и самъ цезарь Турскій былъ въ великомъ страху:
Бо му чотырнадцать тысячь тамъ людей збилъ,
Катарги едины палилъ, другія потопилъ;
Много тогды зъ неволѣ христіанъ свободиль,
За што Богъ зъ воинствомъ его благословиль
Бо за наибольшую нехъ собѣ нагороду
Почитаеть рыцерь, кгда кого на свободу
Вызволить: за што грѣховъ собѣ отпущене
Одержитъ, а по смерти въ небѣ вѣмѣщене,
Дозналь не по единъ кротъ Турчинъ поганинъ
Его мензства, и прудковоенный Татаринъ.
Повѣсть и Мултянская земля и Волошинъ,
Якъ ихъ тотъ гетманъ зъ своимъ рыцерствомъ полошилъ.
Досвѣдчилъ и Инфлянтчикъ того войска силы.
Гды ихъ тамъ тыи рыцери якъ траву косили...

И завше онъ дѣлностью своею въ то трафлялъ,
Якъ бы безъ шкоды своихъ неприятелювъ досталь,
Теды церкви въ покою оставляти казалъ...

И завше зъ своимъ войскомъ Крoля пана просиль,
 Абы вѣру нашу святуу успокоилъ,
 Офѣрюючися му тымъ хентнѣй служити,
 Кгдыбы рачиль релію нашу успокоити,
 Для которыи междуособная война
 Дѣется межи людми въ панствѣ Крoля пана,
 Кгдыжъ за вѣру готовъ есть правый христіанинъ
 Умирати, а недасть ся привести до новинъ.
 А кгды тую прозбу Крoль зъ Сенатомъ откладаль:
 Тымъ часомъ патріарха вчасне къ намъ завиталь,
 Зъ землѣ святой, мѣста Іерусалима,
 Отколы вышла на весь свѣтъ правдивая вѣра.
 Которого тотъ гетманъ зъ войскомъ наведивши
 Въ Кіевѣ, и поклонъ му достойный отдавши,
 Съ православными почаль раду въ томъ чинити:
 Жебы могли пастырей православныхъ мѣти
 Въ церкви своей, на мѣстцахъ владыковъ Унѣтовъ,
 Которыхъ маеть народъ нашъ за езуитовъ,
 Кгдыжъ Унѣяти зъ ними единомудръствують,
 Всѣхъ подбити подъ владзу папѣ усилиують.
 Обравши теды згодне всѣ, зъ людей духовныхъ,
 Честныхъ мужей и въ писмѣ бѣглыхъ особъ годныхъ:
 Патріарсѣ святому ихъ презентовали,
 О посвяченя ихъ на владыцтва жадали.
 А кгды святѣйшій отецъ съ екзархомъ ¹⁾ обачиль
 Слушность въ жаданю, особъ тыхъ посвятити рачиль:
 Іова Борецкаго на митрополію,
 И владыкъ на каждого ихъ епископію.
 Зоставивши теды намъ святыню въ Россіи,
 Святѣйшій патріархъ самъ вѣхаль до Кгреціи.
 Которого тотъ рыцерь зъ войскомъ Запорозкимъ
 Отпровадиль въ покою къ границомъ Волоскимъ,
 Чинячи то за его кр. мил. позволенемъ,
 И тыжъ войска Запорозкого повеленемъ.

1) Объ экзархѣ *Арсеніѣ*, тогда бывшемъ въ Кіевѣ, упоминаеть патр. Теофанъ въ своей Грамотѣ Богоявленскому Братству 1620 г. Мая 27.

О якій тамъ плачь былъ, кгда ся войско вертало
Назадъ, и зъ святѣйшимъ отцемъ южъ жегнало:
Сердце ихъ правѣ мдлѣло зъ набожного жалю,
Въ ономъ ихъ зъ собою ся въ дорозѣ розстаню.

Тую теды послугу годне отправивши
И благословеніє Войску одержавши,
Вернулися въ покою до своихъ салашовъ,
И ледво троха вытхли: али Турчинъ нашолъ,
Зъ многоличнымъ поганствомъ на отчизну нашу,
Южъ назначивши свого до мѣсть нашихъ башу,
Который въ Запорозкомъ Войску хотѣлъ снѣдати,
А въ Полскомъ зась обозѣ мыслилъ обѣдати.
Але Богъ, въ котораго моцы есть звитязство,
Додалъ моци нашому Войску на поганство,
Же хотъ шесть кротъ не ревню, предъ ся утѣкали
Турци предъ нашими, кгда на нихъ натирали:
Снѣданя имъ посполу зъ обѣдомъ даючи,
А на вечеру на честь до Плютона шлючи,
Которой не хтячи другія чекати,
Ради не ради, назадъ мусѣли вступати.
Дозналъ теды поганинъ Исуса Христа,
Которого блюзнили злыи его уста,
Же нашихъ священниковъ хотѣлъ въ плугъ запрягати,
И въ домахъ Божіихъ конѣ обещалъ ставляти.
Але гордому, все ся то вспакъ обернуло:
Же мало што войска зъ нимъ назадъ ся вернуло.
Такъ то Богъ гордымъ завше звыклъ ся спротивляти;
Покорнымъ зась и тихимъ благодать давати!
Изъ нашихъ, хотъ много тамъ побитыхъ и раненыхъ.
Зостало, оружіємъ Турчиновъ поганыхъ:
Еднакъ, если зъ сповѣдю шли на тую войну,
Возмутъ заплату въ Небѣ, за мужество, гоynu:
Же за христіанскую кровь ся заставляли,
Ойчизны боронячи, кровь свою выляли.
На томъ же пляцу тотъ нашъ Гетманъ пострѣленный,
Пріѣхалъ до Кіева, наполю умерлый:
Где rozmaитыхъ лѣкарствъ долгій часъ заживаль,
На докторы отъ Кроля самого кошть мѣваль.

Бо ктожь бы не зычилъ былъ такому Гетману
Здоровя, што вѣрне служилъ Ойчизнѣ и Пану.
А кгда тѣлу лѣкарство намнѣй не помогало,
И овшемъ въ болшую го хоробу затыгало:
Почаль далей о душномъ лѣкарствѣ мыслити,
Якъ бы отъ змазь грѣховныхъ моглъ ся очистити,
На которую плястры такіе прикладалъ:
Жаль и слези гойныя за грѣхи выливалъ,
Ку смерти ся отъ килку недель готуючи,
Сповѣдю и жалостю грѣхи ветуючи.
Тайну седмъкротъ принялъ маслосвященія,
Такъ тежь тайны святого зъ нимъ причащенія.
Маетность свою роздалъ, едну на шпиталѣ,
Другую зась на церкви, школы, монастырѣ.
И такъ все спорядивши, живота доконалъ.
При церкви Братской честно въ Кіевѣ похованъ.
Въ котрое ся Братство, со всѣмъ Войскомъ вписалъ,
И на него ялмужну значную отказалъ.
Съ того Гетмана кождый рыцерь нехъ ся учитъ,
Якъ бы тыжь мѣлъ на свѣтѣ тотъ животъ свой кончить.
Ото онъ въ вѣрѣ своеи святой трвалъ статечне,
И ойчизны своеи боронилъ тыжь менжне.
И маетностю добре своею шафовалъ,
Не на костки, и карты, и збытки оберталъ;
Але, яко есь слышалъ, на рѣчи добры,
Души его по смерти барзо потребныи.
Видѣлъ онъ и Лвовское Братство, хотъ далеко,
Церковь ихъ въ мѣстѣ надѣлилъ, неледаяко:
Суму значную грошій до Братства лекговалъ,
Ажебы науки тамъ были, пилне жадалъ.
И такъ отъ всѣхъ повсюду богомолье маеть:
За тымъ, нехъ душа его въ небѣ почиваетъ!

Письма о Богданѣ Хмельницкомѣ ¹⁾

До булавы треба головы.

Украинская пословица

Письмо первое

Когда мы съ тобою, любезный академикъ, доканчивали, въ «Русской Бесѣдѣ», ученую распрю нашу за древность Малороссійскаго народа и языка въ землѣ Кіево-Переяславской, тогда ты написалъ мнѣ вотъ что: «Богданъ былъ великій чело-вѣкъ; память его драгоцѣнна Малороссіянину; но на славный его подвигъ можно и должно смотрѣть съ различныхъ сторонъ: одна сторона — *Московская*, другая — *Кіевская*. Я радъ поговорить съ тобою о Богданѣ, когда кончится изданіе превосходнаго, кажется, труда г. Костомарова. Спасибо за такія рѣчи! Но трудъ г. Костомарова изданъ былъ весь, того же 1857 года, въ восьми номерахъ «Отечественныхъ Записокъ»; а теперь передъ нами уже *второе, пополненное* его изданіе, въ двухъ томахъ, Спб., 1859 г. И если ты все еще *радъ* поговорить со мною о Богданѣ, то я и по-давно радъ бесѣдовать о немъ съ тобою — не потому только, что мнѣ, какъ «щирому Малороссіянину», драгоцѣнна память достославнаго гетмана, — не потому только, что историческая бесѣда съ тобою не одному мнѣ, но и читателямъ нашимъ, конечно, бываетъ въ назиданіе, небезплодное и для науки; но еще и потому, что теперь именно мнѣ хочется этою бесѣдою отвлечь лишній разъ твои мысли отъ современности — и не въ глубокую древность Руси, въ которую ты и самъ постоянно уединяешься, — а толь-

¹⁾ М. А. Максимовичъ написалъ о Богданѣ Хмельницкомѣ 18 писемъ и помѣстилъ ихъ разновременно въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ 1859 и 1860 гг. Пять первыхъ писемъ адресованы М. П. Погодину и были помѣщены: 1—4 въ изданномъ М. А. Максимовичемъ Украинцѣ. (Кіевъ, 1859 г., стр. 147—174), подъ общимъ заглавіемъ: «*Письма о Богданѣ Хмельницкомѣ къ М. П. Погодину*»; затѣмъ одно письмо, носившее заглавіе: «*О прїѣздѣ Богдана Хмельницкаго въ Кіевъ изъ Замостья, — пятое письмо къ М. П. Погодину*», помѣщено было въ Русской Бесѣдѣ (1859 г. кн. VI). Остальныя 13 писемъ адресованы Н. И. Костомарову; они были помѣщены: 6-ое, *Отвѣтъ на объясненіе г. Костомарова*, и 7-ое, «*Споръ о Малороссійскихъ именахъ*», въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ 1860 г. (№ 8 и 103); наконецъ послѣднія 11 писемъ къ Н. И. Костомарову (каждое съ отдѣльнымъ заглавіемъ) были помѣщены въ журналъ Основа (1860 г., кн. 2 и 5).

ко въ XVII-й вѣкъ, на берега моего родимаго Днѣпра Славутицы... Сладко окунуться въ волнахъ минувашаго бытія, когда бываешь утомленъ и запыленъ дѣйствительностью современною...

«Широко раздолье по всей земли;
Глубоки омуты Днѣпровскіе!»

Обо всемъ, что относится къ жизни Москвы и Великой Руси, ты говорилъ всегда съ такимъ живымъ разумніемъ и чувствомъ Русской души: говори же мнѣ о нашемъ Богданѣ, глядя на великій подвигъ его съ твоей *Московской* стороны; пусть увижу я: въ чемъ ты полагаешь различіе этой стороны отъ нашей *Кіевской*?

А мой взглядъ на Богдана тебѣ извѣстенъ, особенно изъ двухъ статей моихъ, помѣщенныхъ въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 года, т. е.: изъ «Воспоминанія о Богданѣ Хмельницкомѣ» (кн. I) и «Письма къ М. А. Грабовскому — о причинахъ взаимнаго ожесточенія Поляковъ и Малороссіяня въ XVII вѣкѣ» (кн. IV). При моемъ Кіевскомъ взглядѣ на славный подвигъ Богдана, я и здѣсь, въ Москвѣ, когда въ виду Кремля люблюсь великолѣпнымъ памятникомъ Минина и Пожарскаго, всегда говорю себѣ: зачѣмъ же и до сихъ поръ нѣтъ ни въ Кіевѣ, ни въ Переяславѣ, подобнаго памятника освободителю Малороссіи отъ того же самаго ига, тяготѣващаго надъ нею еще болѣе и долѣе, чѣмъ надъ Москвою!.... И если уже не попеклись объ томъ Разумовскіе, Завадовскіе, Безбородьки, Троцинскіе и другіе Малороссіяне, то — хоть бы вы Великороссіяне вздумали, наконецъ, выплатить этотъ долгъ своей благодарной памяти славному гетману, руками котораго вся Малороссія, Восточная и Западная, оторвалась отъ Рѣчи Посполитой Польской и примкнулась къ Москвѣ, въ общій составъ Русскаго міра....

Я думаю, что мой Кіевскій взглядъ на Богдана сойдется съ твоимъ Московскимъ — въ одно *Русское воззрѣніе*, также, какъ Московская и Кіевская Русь — двѣ стороны одного *Русскаго міра*, надолго разрозненныя и даже противостоявшія другъ другу, сошлись *воедино* — усиліями Богдана. Его постоянное устремленіе къ Московской Руси, во все продолженіе своей шестилѣтней, многотрудной борьбы съ Поляками — его усиліями совершенное отторженіе цѣлой Малороссіи отъ Польской короны и присоединеніе къ державѣ Русской, его крѣпкое настояніе и дѣятельное участіе козацкими силами въ отвоеваніи Смоленска и всей Бѣлороссіи Москвою отъ Польши; и то, что въ 1654 году царь *Великой Россіи* сталъ царемъ *Малой*, а вслѣдъ за тѣмъ и *Бѣлой* Руси, и положено было тогда счастливое начало великому историческому дѣлу —

возсоединенію всей Владиміровой Руси, и понынѣ еще не вполнѣ доконченному: все это даетъ Богдану полное право, чтобы память его была драгоцѣнною и для Великороссіянина, и для всей Руси.

19 февраля, 1859 г.

Р. S. Ты былъ ораторомъ при открытіи памятника Карамзину; не помнишь ли, во что обошлось сооруженіе памятника? А я припомню тебѣ вотъ что: когда цѣлая Малороссія поступила подъ Русскую державу, то Чигиринское староство осталось по-прежнему на булаву гетманскую; а городъ *Гадячъ* со всіми угодьями, составлявшій имѣніе королевское, пожалованъ былъ въ вѣчность гетману Хмельницкому и его потомкамъ, царскою грамотою 1654 года, марта 24 дня. Впослѣдствіи Гадячъ поступилъ въ число ранговыхъ гетманскихъ имѣній, которыя были пожалованы въ потомственное владѣніе графу К. Г. Разумовскому, при увольненіи его отъ гетманства, 1764 года. Но въ 1785 году Императрица выкупила въ казну городъ Гадячъ съ волостью, гдѣ считалось крестьянъ 9,948 душъ м. п., заплативъ 596,880 рублей, т. е. по 60 р. за душу.

Письмо второе

Любимецъ и представитель народа своего, краса и слава козачества Южнорусскаго, — Богданъ Хмельницкій былъ любимымъ героемъ и Малороссійскаго лѣтописанья, — и отъ первой лѣтописи Заднѣпровскаго козака, прозваннаго *Самовидцемъ*, и до послѣдней исторіи Малороссіи, сочиненной Прилуцкимъ помѣщикомъ *Н. А. Маркевичемъ*. Помянутая лѣтопись XVII вѣка ¹⁾ и двѣ старшія лѣтописи прошлаго столѣтія, т. е. *Грабянки* (1710) и *Величка* (1720), — какъ видно по ихъ заглавіямъ, и начались, собственно, какъ сказанія о войнахъ Хмельницкаго съ Поляками; а потомъ уже обратились въ сказанія о послѣдующихъ десятилѣтіяхъ. Исторія Малороссіи Маркевича, написанная въ 1840 году, представляетъ въ себѣ живой и увлекательный разсказъ о гетманствѣ Хмельницкаго, напоминающій иногда художественность первоначальника Малороссійской исторіи Конискаго; но, къ сожалѣнію, новый ис-

¹⁾ Она начинается съ заглавія: Лѣтописецъ о началѣ войны Хмельницкаго. Предостерегаю тебя, что вводное начало придѣлано къ ней позднѣе, не ранѣе, какъ во второй четверти прошлаго столѣтія, и взято сокращенно изъ лѣтописи Грабянки, съ малыми перемѣнами. Это я могу доказать тебѣ, какъ дважды два четыре. Потому, ссылаясь на лѣтопись Самовидца, не должно цитовать изъ этого введенія, дабы не приписывать писателю XVII вѣка того, что написано въ XVIII-мъ.

торикъ слишкомъ придержался стараго историка со стороны фактической, и напрасно старался поддерживать многія ошибки его, которыя были уже безвременны послѣ исторіи Бантыша-Каменскаго (1829 г.), — исторіи, конечно, мертво-холодной и не безошибочной, но много обогатившей исторію гетманства Богдана свѣдѣніями документальными, изъ Московскаго архива заимствованными.

Между тѣмъ именно съ сороковаго года, начался для насъ приливъ исторической, обнародованьемъ памятниковъ Русскихъ и Польскихъ, которые или совсѣмъ были неизвѣстны, или доступны, были для весьма немногихъ. Въ томъ числѣ издано много памятниковъ и объ эпохѣ Хмельницкаго, которые вызывали собою новаго дѣятеля на новое повѣствованіе о Богданѣ, удовлетворительнѣйшее всѣхъ прежнихъ. И кому-же было взятъ за это дѣло, какъ не тому молодому преподавателю Русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра, который съ такою любовью и трудолюбіемъ работалъ надъ изученіемъ исторіи и этнографіи Малороссійскаго народа! Съ удовольствіемъ вспоминаю тотъ вечеръ у г. Костомарова, въ началѣ 1846 года, на Старомъ Кіевѣ, когда онъ прочелъ мнѣ только-что написанное имъ введеніе къ исторіи Богдана Хмельницкаго..... (Тогда же я впервые увидалъ и твою драгоценную лѣтопись Величка, которая поручена была для изданія г. Костомарову отъ Временной Комиссіи). И вотъ, черезъ тринадцать лѣтъ, я съ наслажденіемъ прочелъ уже всю его исторію, уже во *второмъ* изданіи.

Русская публика достойно вознаградила своимъ вниманіемъ прекрасный трудъ г. Костомарова, который — какъ объясняетъ авторъ — и написанъ «не въ видѣ систематической исторіи, а разсказа; не для ученаго круга специалистовъ, а для публики». Такая форма сочиненія дала возможность автору придать исторіи всю занимательность романа, и черезъ то провести въ массу читателей богатство свѣдѣній о столь любопытной и важной эпохѣ въ Русской жизни, каково девятилѣтнее гетманство Богданово; а съ другой стороны, эта форма дала возможность автору принимать въ свое сказаніе множество такихъ подробностей, которыя ярко и живо обрисовываютъ характеръ и жизнь народа Малороссійскаго и Польскаго, во взаимной, роковой ихъ борьбѣ, но отъ которыхъ, вѣроятно, воздержалась бы всякая систематическая исторія, и самая художественная. Никто изъ писавшихъ о Богданѣ не захватывалъ еще подъ свою руку такого множества источниковъ, и особенно Польскихъ, какъ г. Костомаровъ; а потому въ нынѣшнемъ трудѣ его, исторія о Богданѣ Хмельницкомѣ получила новую прибыль и для ученаго круга специалистовъ. На твой вопросъ мнѣ о достоинствѣ труда

г. Костомарова я скажу: его «Богданѣ Хмельницкій» хорошъ, какъ широкій Днѣпровскій лугъ, въ ту пору, когда красуется онъ длинными рядами свѣжихъ травныхъ покосовъ, послѣ удачной *косовицы* и благовременной *гребовицы*. Но за привольною и веселою работою *косарей* и *гребцовъ*, настаеъ спѣшная и тяжелая работа *тягальниковъ* и *кидальниковъ*, чтобы уготованное, благоуханное сѣно сложилось плотно въ стройныхъ скирдахъ. Чего бы и хотѣтъ, если бы за эту окончательную уборку взялся самъ хозяинъ занятаго и уже скошеннаго имъ луга, на которомъ ему уже знакомы каждый бугоръ и каждая ложбина. Эпоха гетмана Хмельницкаго, да и самъ великій Богданъ, стоятъ того, чтобы трудолюбивый г. Костомаровъ поработалъ надъ ними съизнова, — чтобы, пересмотрѣвъ и перебравъ *критически* весь богатый запасъ, имъ собранный, сложилъ бы его въ новую *исторію Богдана Хмельницкаго*, равно удовлетворительную для публики и для ученаго круга специалистовъ. Ибо, въ какомъ бы видѣ ни была изложена исторія эпохи Богдановой, — въ видѣ романическаго разсказа, или систематической исторіи, для публики ли, для круга ли ученыхъ, или для круга учениковъ малыхъ и большихъ, — вездѣ равно требуется и предполагается *историческая живая истина*; а для ея достиженія необходимы *точность* и *вѣрность историческаго факта*, потому что это есть основаніе, безъ котораго не можетъ состояться прочно никакое дѣло историка. Мы хотимъ и требуемъ отъ исторіи, чтобы въ ней давноминувшая жизнь являлась *живьемъ* предъ очами нашими; а для этого необходимо, чтобы каждое историческое событіе и лицо было познано и представлено вѣрно, въ его подлинномъ видѣ и на своемъ мѣстѣ, какъ *было* оно на самомъ дѣлѣ.

«Сего есмы искали — а потягнемъ!»

21 февраля 1859 г.

Письмо третье

Пишу мои критическія замѣчанія собственно для тебя, какъ для историка, а потому и стану иногда входить въ такія подробности, которыя для большинства читателей могли бы показаться лишними и мелочными; но онѣ будутъ пригодны для всѣхъ, изучающихъ эпоху гетмана Хмельницкаго, слѣдовательно и для самаго г. Костомарова.

Приступая къ повѣствованію о Богданѣ, онъ говоритъ: «Двое козацкихъ старшинъ возвышались тогда передъ другими, какъ достойнѣйшіе первенства по службѣ и по уваженію въ козацкомъ сословіи, но различные, по замѣчанію современника, и по уму, и по нраву. Первый былъ *Иванъ*

или *Ильяшъ Барабашъ*, полковникъ Черкаскій и вмѣстѣ съ тѣмъ генеральный асаулъ. Родомъ онъ былъ *Армянинъ*, но воспитанъ въ Украинѣ.... Другой былъ Зиновій — Богданъ Хмельницкій, *войсковой писарь*, природный Русскій... (стр. 41, 42). Здѣсь у г. Костомарова сдѣлано одно лицо изъ двухъ такихъ лицъ, которыя никогда еще не смѣшались, но различались во всѣхъ исторіяхъ, даже до «очерка исторіи Малороссіи» г. Соловьева, въ шестой главѣ котораго сказано: «Наказнымъ гетманомъ былъ въ это время какой-то *Барабашъ*», и далѣе: «Хмельницкій, съ помощью какого-то *Ильяша Ормянчика*... Но въ «письмѣ пана синдика Львовскаго, отъ 4-го іюня 1648 года» сказано объ этихъ двухъ козацкихъ старшинахъ опредѣлительнѣе: «Реестровые козаки, которые отправились было водою противъ Хмельницкаго, пристали къ сему измѣннику, умертвивъ двухъ *извѣстныхъ* своею вѣрностью къ Республикѣ полковниковъ, *Ильяша и Барабаша*». (Памятн. Шев. Ком. Т. I, отд. III, № 10).

Предложу тебѣ нѣсколько біографическихъ подробностей объ этихъ двухъ лицахъ.

Ильяшъ Караимовичъ принадлежалъ къ товариству Переяславскаго полка, и въ концѣ 1637 года, — когда возсталъ Запорожскій гетманъ Павлюкъ и велѣлъ поймать и разстрѣлять Переяславскаго полковника *Савву Кононовича*, избраннаго реестровыми козаками въ гетманы, и завязалась жаркая война Кумейская, — въ тѣ поры *Ильяшъ* сталъ Переяславскимъ полковникомъ и получилъ отъ Потоцкаго старшинство надъ козацествомъ реестровымъ. Полковникомъ Переяславскимъ оставался онъ до конца слѣдующаго 1638 года, когда во всѣ шесть полковъ поставлены были полковники Польскіе *Ильяшъ* тогда получилъ званіе генеральнаго асаула, въ которомъ и оставался до смерти. Съ нимъ вмѣстѣ, другимъ генеральнымъ асауломъ былъ *Леонтій Бубновскій*, а потомъ — *Иванъ Барабашъ*. Фамилія *Ильяшева* — *Караимовичъ* показываетъ, что онъ былъ сынъ или внукъ Караима; но въ лѣтописи Самовидца сохранилось народное прозваніе ему *Ормянчикъ*, данное по близости двухъ племенъ.

Иванъ Барабашъ принадлежалъ къ товариству Черкаскаго полка, въ которомъ онъ былъ сперва сотникомъ, а въ сороковыхъ годахъ сталъ полковникомъ и вмѣстѣ генеральнымъ асауломъ. Этимъ чиномъ онъ подписался 1645 года на двухъ книгахъ, наданныхъ имъ въ Черкаскую церковь Рождества Богородицы. Изъ тѣхъ надписей я узналъ, что его звали *Иваномъ Дмитріевичемъ*, а знаменитую жену его, панью Барабашиху — *Софіей*, и что у нихъ были два сына — *Григорій* и *Степанъ*. (Очевидно, что Запорожскій полковникъ *Яковъ Барабашъ*, который въ

1658 г. подвизался, вмѣстѣ съ Мартыномъ Пушкаремъ, противъ Выговскаго, былъ сынъ не Черкаскаго полковника).

Фамильное имя *Барабашъ* (также, какъ и *Булюбашъ*, *Кочубей*) обличаетъ Татарское, а не Армянское происхожденіе. Впрочемъ, наши народные Малороссійскіе художники любили в старину сблизать непріятныя для нихъ народности. Такъ, на примѣръ, въ церкви *Гарбузинскаго* монастыря, на острову р. Роси, есть старая картина страшнаго суда, на которой между *табашниками*, *люлѣшниками* и другими грѣшниками представлена особая группа съ такимъ надписаніемъ:

«Жида, Турки и Вѣрмене
Пойдите въ огонь вси одъ Мене.

Но отъ чего же, спросишь ты, г. Костомаровъ смѣшалъ два историческихъ лица въ одно?

Я полагаю тому двѣ причины. Во-первыхъ: у Польскаго историка В. Коховскаго Барабашу дано имя *Ильяша*, т. е. Ильи, вмѣсто Ивана. (См. *Annal.* Т. I, стр. 22). Во-вторыхъ: извѣстная исторія о томъ, какъ Хмельницкій *штучнымъ способомъ* ¹⁾ досталъ королевскія грамоты у Барабаша Черкаскаго, въ лѣтописи Самовидца отнесена къ *Ильяшу Переяславскому!* Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, какъ ложно бываетъ иногда свидѣтельство современника, и притомъ добросовѣстнаго, каковъ Заднѣпровскій козакъ-лѣтописецъ. А такихъ случаевъ, изъ эпохи Хмельницкаго, можно привести немало, даже очень много. Вотъ, на примѣръ, Переяславскій полковникъ *Кречовскій* (у Коховскаго поставленный Чигиринскимъ), которому поручено было схватить Хмельницкаго, но который оказалъ ему столько пріязни и сталъ на его сторонѣ, и потомъ, тяжело раненный въ битвѣ съ Радзивиломъ, принесенъ былъ полумертвый въ его станъ, и тамъ скончался: все это въ современной лѣтописи Православно-Русскаго Кіевскаго дворянина Ерлича возведено на Чигиринскаго полковника *Закревскаго*, и онъ незаслуженно называется тамъ (т. I, стр. 100) *измѣнникомъ*, такъ же, какъ и канцлеръ Оссолинскій. Ерличъ держался антивладиславской аристократической партіи, ненавидѣлъ Хмельницкаго и все козачество.

Что касается до Коховскаго, лучшаго изъ историковъ Польскихъ, писавшихъ объ эпохѣ Хмельницкаго, то у него безпрестанно являются козацкіе рыцари — или не съ своими именами, или не съ своими фамиліями.

¹⁾ Такъ выразился самъ Хмельницкій въ своемъ достопамятномъ Бѣлоцерковскомъ универсалѣ 1648 года; а не лѣтописецъ (Грабянки).

Такъ знаменитый обозный войсковою, *Иванъ Чернота* или *Чорнята*, у него названъ *Еразмомъ*, почему и у насъ, начиная съ Грабянки, зовется онъ *Герасимомъ*. Извѣстный Миргородскій полковникъ *Матвій Гладкій* у Коховскаго, а за нимъ и у нашихъ историковъ, зовется *Максимомъ*. Каневскій полковникъ, *Семенъ Савичъ*, по-Латынѣ *Savicius*, у Коховскаго опечаткою названный *Pavicius*, у Грабянки преобразился въ *Павицаго*, а у г. Костомарова въ *Павича* (см. II, 32). Знаменитый *Антонъ Кіевскій*, вмѣсто настоящей фамиліи своей *Ждановичъ* (а по-Великорусски *Ждановъ*), подъ которою онъ встрѣчается въ памятникахъ современныхъ, у Коховскаго называется *Адамовичемъ*, и подъ этимъ не собственнымъ именемъ онъ, съ легкой руки Грабянкиной, является уже полтораэта лѣтъ у всѣхъ нашихъ историковъ, и въ книгѣ г. Костомарова.

Не велика важность, кажется, назвать историческое лицо не его именемъ, но отъ этого-то небреженія о точности и вѣрности историческаго факта и выходятъ такія ошибки, каковая случилась у г. Костомарова, что *Иванъ Барабашъ* явился у него двуличнымъ, какъ миѳическій *Янусъ*.

У него встрѣчаются: *Чигиринскій полковникъ Ѳедоръ Якубовичъ* (II, 33) и — *Вешнякъ полковникъ Черкасскій*; а вѣдь это одинъ и тотъ же полковникъ! Второе мѣсто у г. Костомарова взято изъ современнаго дневника Смяровскаго, гдѣ сказано опредѣлительнѣе: «одинъ изъ полковниковъ, *Ѳедоръ Веснякъ*, старшій полковникъ *Черкасскій*.» Тутъ ошибка только въ имени полка: надо было сказать *Чигиринскій*; а былъ *Вешнякъ старшимъ полковникомъ* потому, что *Чигиринскій полкъ* считался старшимъ, ибо при немъ числится и самъ гетманъ съ войсковою (генеральною) старшиною ¹⁾. Потому и въ книгѣ Реестровъ войска Запорожскаго, писанной въ исходѣ 1649 года; реестръ *Чигиринскаго полка* начинается такъ:

«Е. М. панъ гетманъ Богданъ Хмельницкій.
Тимошъ Хмельницкій.
Михайло Лучченко, асавуль войсковый.
Демко ²⁾, асавуль войсковый.
Иванъ Остафievичъ ³⁾, писарь войсковый.

- 1) При Богданѣ родимый его городъ *Чигирин* сталъ столицею или резиденціею гетманскою вмѣсто городовъ *Черкасъ* и *Корсуня*.
- 2) Этотъ *Демко* есть *Демьянъ Игнатовичъ Многогрѣшный*, который впоследствии былъ полковникомъ Черниговскимъ, а наконецъ и гетманомъ Малороссійскимъ.
- 3) Это *Иванъ Остафievичъ Выговскій*; бывшій тоже гетманомъ.

Федоръ Якубовичъ, полковникъ Чигиринскій.
 Андрей Пилиповичъ, асауль полковый.
 Васько Литвиненко, асауль полковый.
 Данко Костенко, хоружый полковый...» и т. д.

Полковникомъ Черкасскимъ въ тѣ поры былъ *Ясько Воронченко* (или *Воронко*), у г. Костомарова названный *Яковомъ Воронченкомъ*. Но *Ясько* значить *Иванъ* (какъ и названъ Воронченко у Конискаго;) уменьшительная форма имени Яковъ — *Яцько*.

Полковникъ Корсунскій *Лукьянъ Мозыра* у Коховскаго называется то *Мозырою*, то *Мрозовицимъ* (*Mrozowicius*), откуда и въ лѣтописи Грабянки вышло два лица: *Мозыра* и *Морозъ* (въ изданіи Туманскаго названный еще *Козарюю*.) Очевидно, что на Корсунскомъ полковничествѣ былъ не *Морозъ* и не *Мрозовицкій*, а *Мозыра*; потому не для чего и искать въ Корсунскомъ полковникѣ — *Морозенка*, пѣсеннаго героя козачины. Въ гетманство Богдана было нѣсколько *Морозенковъ*, въ разныхъ полкахъ; но изъ нихъ одинъ только подходитъ къ пѣсенному герою, а именно обозный Кропивянскаго полка *Нестеръ Морозенко*, предводившій нерѣдко этимъ полкомъ, при отлучкахъ полковника своего, *Филона Джеджелья* или *Джаджалыя*, который у г. Костомарова именуется *Джаджалыкомъ*, а въ современныхъ Польскихъ писаніяхъ — *Дзялякомъ*!

Въ моемъ «Извѣстіи о лѣтописи Грабянки» (см. въ Москвитянинѣ 1854 г.) и въ «обозрѣніи городскихъ полковъ и сотенъ, бывшихъ на Украинѣ» (см. въ Вѣстникѣ Географ. Общ.) я имѣлъ терпѣніе разобрать и поправить многія ошибки Коховскаго, перенесенныя въ лѣтописанье Малороссійское; но г. Костомаровъ моими поправками, какъ видно, не воспользовался. Доколѣ же намъ повторять ошибки писателей Польскихъ? Зачѣмъ и новѣйшимъ Польскимъ писателямъ вносить въ свои сочиненія ошибки нашихъ Русскихъ историковъ (какъ это сдѣлалъ г. *Чарновскій* въ книгѣ своей «Украина и Запорожье», 1854 г.)? Не вѣкъ же мѣнятся намъ неправдою! Пора приняться намъ соединенными силами за добытіе исторической истины во всей ея чистотѣ и ясности! Но обратимся къ Хмельницкому.

24 февраля, 1859 г.

Р. С. Тебѣ, книголюбцу, сообщу, библиографическое свѣдѣніе о книгѣ *Регестровъ войска Запорожскаго*, на которую иногда ссылаюсь. Эта книга, безъ сомнѣнія, есть первоначальный подлинникъ *Регестровъ*, составлен-

ный для войсковой канцеляріи, осенью 1649 года! въ разныхъ мѣстахъ ея встрѣчаются приписки и поправки руки Выговскаго. Въ моихъ рукахъ она была нѣсколько недѣль въ 1850 году, за что обязанъ я владѣльцу ея, Андрею Яковлевичу Стороженку (сконч. 1858).

Реестры всего войска Запорозкого писаны въ два столбца на 449 номерованныхъ листахъ. На оборотѣ послѣдняго листа печать войсковая и собственноручныя подписи гетмана *Богдана Хмельницкаго* (одна по Русски, другая по Польски), и войскового писаря *Ивана Выговскаго* (по Польски). Въ началѣ два заглавные листа: на оборотѣ перваго гербъ Хмельницкаго съ 8-стишною подписью:

+

W

Старожитность, то тилко якъ, бы обновила,
 Же вѣкопомность явѣно зновуся одкрила
 Клейноть, котрый Хмельницкихъ домъ приздобляєтъ
 Въ мужности, въ правдѣ, въ вѣрѣ мощно утверждаетъ,
 Не дивъ; бо Абданкъ знакъ есть щодрой поволности;
 Крестъ за фѣрѣмаментъ вѣры Хмельницкихъ, мужности.
 Незвитажный Кролю въ христіанскомъ панствѣ!
 Кгды поволность Хмельницкихъ маешъ у подданствѣ».

Второй листъ занятъ слѣдующимъ заглавіемъ:

«Подъ счастливымъ панованьемъ наяснѣйшого, а за помочю Божею незвычайного Іана Казимера, зъ Божое ласки короля Полскаго, великаго князя Литовскаго, Рускаго, Прускаго, Мазовецкаго, Жмудскаго, Инфлянскаго, а Шведскаго, Кюдскаго, Вандальскаго, дедичнаго короля — волности одъ е. к. м. и речи посполитое здавна наданые войску Запорозкому и теперъ апробованые, а за реименту гетманскаго презъ урожонаго пана Богдана Хмельницкаго, гетмана войска е. к. м. Запорозкаго Реестра всего войска перегляду споряженые року 1649, мѣсяца октоврія дня 15. Roku 1649».

По этой книгѣ я составилъ достовѣрный списокъ *16-ти полковъ* Малоросіи, установленныхъ Богданомъ Хмельницкимъ, послѣ Зборовскаго мира, — и этимъ спискомъ я предложилъ (1854 г.) замѣнить ошибочный *15-ти полковой списокъ* ¹⁾, столько разъ повторенный, въ продолженіи полутора ста лѣтъ, въ разныхъ сочиненіяхъ.

с

1) Главныя ошибки его: пропускъ *Бьлоцерковскаго* полка и названіе Прилуцкаго полка *Острянскимъ!*

Полки и ихъ полковники, къ 1650 году:

1. Чигиринскій — Ѳедоръ Якубовичъ (Веснякъ).
2. Черкасскій — Ясько Воронченко.
3. Каневскій — Семень Савичъ.
4. Корсунскій — Лукьянъ Мозыра.
5. Бѣлоцерковскій — Михайло Громыка.
6. Уманскій — Іосифъ Глухъ.
7. Браславскій — Данило Нечай.
8. Кальницкій — Иванъ Ѳедоренко.
9. Кіевскій — Антонъ Ждановичъ.
10. Переяславскій — Ѳедоръ Лобода.
11. Кропивянскій — Филонъ Джаджалый.
12. Миргородскій — Матвѣй Гладкій.
13. Полтавскій — Мартынъ Пушкаренко.
14. Прилуцкій — Тимофей Носачъ.
15. Нѣжинскій — Прокопъ Шумейко.
16. Черниговскій — Мартынъ Небаба.

Письмо четвертое

На цѣлый мѣсяць отбился я отъ моихъ писемъ къ тебѣ, да и теперь возвращаюсь лишь на одно письмо. Повѣваетъ уже весною..... И мнѣ пора уходить отъ васъ на Днѣпръ, чтобы тамъ застать еще хоть конецъ весны Украинской..... Взглянемъ же на Хмельницкаго, какимъ онъ выведенъ, въ разсказѣ г. Костомарова, на сцену 1646 года.

Изобразивъ одного изъ двухъ тогдашнихъ козацкихъ старшинъ (Ильяша — Барабаша), авторъ продолжаетъ: а другой былъ Зиновій-Богданъ Хмельницкій, *войсковой писарь*, природный Русскій» (с. 42). Зачѣмъ же тутъ — «войсковой писарь?» — Богданъ Хмельницкій былъ «*сотникъ* на тотъ часъ Чигиринскій» (см. *Величка*. Т. I, с. 37). Это подтверждается и лѣтописью Самовидца, гдѣ сказано: «въ Чигиринѣ мѣстѣ мешкалъ *сотникъ* Богданъ Хмельницкій» (с. 7). Да и въ *Реестрѣ* козацкихъ *обидъ* 1647 года сказано такъ: «въ прошедшемъ году, когда Хмельницкій ѣхалъ подлѣ *своего полковника* на встрѣчу Татарамъ, которые сдѣлали было набѣгъ на Чигиринъ... (Памятн. К. К. Т. I, отд. I, № 1).

Тутъ выраженіе: *съ своимъ полковникомъ* — обозначаетъ въ Богданѣ Чигиринскаго *сотника*, не болѣе.

Да и самъ г. Костомаровъ не увѣренъ, что Хмельницкій былъ когда-нибудь *войсковымъ писаремъ*; ибо на слѣдующей (43-й) страницѣ онъ говоритъ,

что Хмельницкій, воротясь изъ Запорожья на Украину, «сталъ служить въ службѣ городовыхъ козаковъ; онъ получилъ въ ней чинъ *сотника*, а *потомъ* занималъ мѣсто между войсковыми старшинами, *какъ говорятъ нѣкоторые*, генеральнаго писаря. Эти *нѣкоторые* (какъ видно по цитатѣ) были Миллеръ и Конискій.

Впрочемъ, Хмельницкій дѣйствительно былъ *войсковымъ писаремъ*; но гораздо прежде 1646 года, и то лишь на нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ сталъ войсковымъ писаремъ въ декабрѣ 1637 года, на мѣсто *Федора Онушевича* и *Степана Догоринскаго*, — когда взятъ былъ гетманъ Павлюкъ подъ Боровицею. Это видно изъ подписи *Богдана Хмельницкаго* на козацкой присягѣ, которая сохранилась въ тогдашнихъ гродскихъ книгахъ, а также и въ печатномъ Дневникѣ Окольскаго о войнѣ Кумейской. *Потомъ*, въ слѣдующемъ (1638 году), былъ уже другой войсковою писарь; а Богданъ остался въ скромномъ званіи *Чигиринскаго сотника*, въ которомъ и продолжалъ службу до 1648 года.

Но возвратимся къ началу его службы, по разсказу г. Костомарова.

«Отецъ Зиновія, Михайло Хмельницкій, служилъ въ козацкой службѣ *сотникомъ*» (с. 42) — и только. Но тутъ не мѣшало бы сказать опредѣлительнѣе: *сотникомъ Чигиринскимъ* (лѣт. Грабянки, с. 33); а къ этому слѣдовало бы прибавить и то, что Михайло Хмельницкій, будучи близкимъ человѣкомъ къ гетману Жолкевскому, былъ и *Чигиринскимъ подстаростою*, — въ той должности, которую, черезъ 20 лѣтъ послѣ него, занялъ негодяй *Чаплинскій*, обидчикъ и ворогъ заслуженнаго Богдана. Самъ Богданъ, въ своемъ письмѣ къ королю Яну Казимиру, писанномъ 1649 года въ лагерьъ подъ Зборовымъ, говоритъ: «всѣмъ извѣстна моя вѣрная служба, вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, блаженной памяти Михаиломъ Хмельницкимъ, *подстаростою Чигиринскимъ*, который, служа всей республикѣ и славной памяти родителю вашему, королю Сигизмунду, палъ въ битвѣхъ подъ Цецорою». (Памятн. К. К. Т. I, отд. 1, № 84). Г. Костомаровъ говоритъ далѣе: «окончивъ ученіе, онъ (Богданъ) служилъ конюшимъ у *какого-то* пана Потоцкаго, и за неосторожную выходку чуть было не погибъ. Панъ, напившись пьянъ за обѣдомъ, хотѣлъ на потѣху собесѣдникамъ отрубить голову Хмельницкому, противъ котораго былъ предупрежденъ; но Хмельницкій, предувѣдомленный заранѣе товарищами, убѣжалъ въ Сѣчь; гдѣ, по выраженію лѣтописи, не жалѣлъ своего лба ни на полѣ, ни на морѣ, и былъ въ большой чести у Запорожской братіи» (с. 43).

Этотъ разсказъ извлеченъ изъ сказанія, которымъ начинается лѣтопись Величка и которое тамъ взято «зъ повѣсти певной шляхты Польской».

Но эта повѣсть такъ баснословна, что ее совсѣмъ не слѣдовало принимать въ наше время (подобно тому какъ не слѣдовало г. Скальковскому довѣрять тому Польскому пану, который увѣрялъ, будто онъ самъ видѣлъ, какъ въ 1768 году посаженъ на колъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій, — Мельхиседекъ, благополучно жившій до 1809 года)!

Вельможный панъ Потоцкій у Величва названъ опредѣлительно — «фундаторомъ замку Бродскаго», и по этому признаку можно было опредѣлить, какой это Потоцкій. Но дѣло вотъ въ чемъ: г. Костомаровъ говоритъ: «за неосторожную выходку чуть было не погибъ». Эта выходка состояла въ слѣдующемъ отвѣтѣ Богдана на вопросъ вельможнаго пана о Бродскомъ замкѣ: «що рука людская сдѣлаеть, то таяжь и зопсовати можетъ»! Ясное дѣло, что здѣсь примѣненъ къ Потоцкому и къ Бродскому замку тотъ извѣстный отвѣтъ Богдана, который онъ сказалъ гораздо позднѣе гетману Конецпольскому на его вопросъ о крѣпости Кадацкой. См. объ этомъ у г. Костомарова на стр. 58-й, гдѣ сказано въ заключеніе: «вспоминая слова Хмельницкаго, *паны* *подозрѣвали* и его въ участіи (*сѣ Сулимою*). Подъ конецъ жизни Конецпольскій говорилъ: «жалко, что я оставилъ въ живыхъ такую безпокойную голову»! — При этомъ я не могу не напомнить, что Броды принадлежали тогда гетману Конецпольскому, который тамъ и окончилъ свою жизнь въ началѣ 1646 года.

Г. Костомаровъ продолжаетъ: «*черезъ нѣсколько времени* онъ воротился въ Украину, женился на Русской дѣвицѣ Аннѣ Сомковнѣ и сталъ служить въ службѣ городовыхъ козаковъ». (с. 43).

Тутъ необходимо было опредѣлить, хотя приблизительно, когда воротился Богданъ на Украину изъ Запорожской Сѣчи, дабы яснѣе себѣ представить двѣ половины до гетманской службы его — одну въ Низовомъ Запорожскомъ войскѣ, а другую въ городовомъ козачествѣ. Но г. Костомаровъ, сказавъ неопредѣлительно, что Богданъ воротился на Украину «*черезъ нѣсколько времени*», говоритъ далѣе: «въ сраженіи съ Турками подъ Цепорою, гдѣ былъ убитъ знаменитый Польскій военачальникъ Жолкевскій, Хмельницкій лишился стараго отца и былъ взятъ въ плѣнъ, гдѣ, однако, *былъ недолго* и выкупленъ за плѣнныхъ Турокъ». (с. 44).

Это Цепорское сраженіе происходило въ октябрѣ 1620 года. Такимъ образомъ выходитъ, будто Хмельницкій воротился изъ Запорожья на службу въ Украинскомъ городовомъ козачествѣ еще до 1620 года. При томъ же г. Костомаровъ, принявъ плѣненіе Богдана Хмельницкаго на Цепорскомъ сраженіи (какъ обыкновенно принимаютъ), своевольно сокра-

тилъ срокъ плѣна, который продолжался *два года*. Это *сокращеніе* плѣна сдѣлано для того, чтобы можно принять въ разсказъ знаменитое Черноморское дѣло Богданово *1621 года*. Прежніе историки, принимавшіе *двухлѣтній* плѣнъ Богдана на Цецорѣ (напримѣръ, Грабянка, Бантышъ-Каменскій), пропускали совсѣмъ Черноморскую побѣду 1621 года; другіе, принимая эту побѣду (напримѣръ, Величко), умалчивали о плѣненіи Богдана на Цецорѣ. Ригельманъ въ своемъ повѣствованіи уладилъ дѣло такъ: принявъ двухлѣтній плѣнъ съ 1620 года, Черноморскую побѣду переставилъ назадъ, на 1618 годъ! Но эта побѣда была *въ августѣ 1621 года*: это фактъ достовѣрный, и потому непремѣняемый, — равно какъ и то, что Богданъ пробылъ въ плѣну *два года*, ибо объ этомъ свидѣтельствуєтъ онъ самъ въ вышеупомянутомъ письмѣ къ королю 1649 года. Сказавъ о службѣ отца своего и смерти его на Цецорѣ, онъ потомъ говоритъ о себѣ: «а я, отведенный въ плѣнъ, *два года* содержался въ тюрьмѣ и, по милости Божіей, получивши свободу, навсегда остался въ рядахъ войскъ республики, служилъ вѣрно».

И такъ ошибка прежнихъ историковъ состояла въ томъ, что они отдали Богдана на двухлѣтній плѣнъ въ Октябрѣ 1620 года, на Цецорскомъ сраженіи; а Бантышъ-Каменскій прибавилъ къ этому, что тамъ на Цецорѣ Богданъ оказалъ *первыя опыты* своей храбрости!.... Въ какіе именно годъ былъ онъ въ плѣну, объ этомъ нѣтъ современнаго свидѣтельства (вѣроятно, это было еще до 1620 года;) но его военные подвиги начались, конечно, не съ октября этого года, если въ августѣ 1621 года онъ былъ уже побѣдоноснымъ вождемъ десятитысячнаго козацкаго отряда Запорожцевъ на Черномъ морѣ, — разбилъ и потопилъ 12 Турецкихъ гелеръ, а остальные преслѣдоваль до самаго Царьгорода (во время Хотинской войны, на которой прославился гетманъ Сагайдачный;) видно изъ этого, что Богданъ Хмельницкій въ 1621 году былъ уже опытный, падежный Сѣчевикъ.

Г. Костомаровъ продолжаетъ о Богданѣ: «послѣ того нѣсколько разъ онъ бился съ Татарами, а въ 1629 году привелъ королю двухъ плѣнныхъ Волосскихъ князей».

Это извѣстіе у насъ началось съ лѣтописи Грабянки, гдѣ сказано: «но и по выкупѣ, ходячи въ чамбулы, Орду биваль, и языковъ до кроля привождалъ, а въ року 1629 двохъ Кантѣмировъ живо до кроля привелъ» и т. д. (с. 23.) Это извѣстіе съ разными варіаціями повторялось у насъ полтора ста лѣтъ; но я крайне удивился, что оно нашло мѣсто и въ разсказѣ г. Костомарова. У него подъ рукою, въ числѣ источниковъ, были — и лѣтопись Ерлича, и Старожитности Амвросія Грабовскаго; а при

этихъ двухъ пособіяхъ легко было разобрать, что въ этой знаменитой поимкѣ двухъ Кантемиричей лѣтописатель обманулся созвучіемъ именъ: героемъ «той битвы, *въ сентябрь 1629 года*, былъ не *Богданъ Хмельницкій*, а *Степанъ Хмелецкій*, хорунжій Браславскій, съ которымъ вмѣстѣ подвизались тамъ и козаки, съ тогдашнимъ гетманомъ своимъ, *Григоріемъ Савичемъ Чорнымъ*. Хмелецкій былъ за то повышенъ въ воеводы Кіевскіе (на мѣсто князя Александра Заславскаго, умершаго въ томъ году 4 августа;) однако онъ не успѣлъ воспользоваться воеводствомъ, ибо 16 февраля 1630 года скончался въ Барѣ. — А что же дѣлалъ тогда Богданъ Хмельницкій?... Продолжая свою службу въ Запорожскомъ товариствѣ, онъ совершилъ въ 1629 году новый знаменитый походъ Черноморскій къ Царюгороду; но этотъ его походъ для всѣхъ историковъ нашихъ былъ заслоненъ вышеприведеннымъ подвигомъ *Хмелецкаго!*

О Богданѣ, какъ Запорожцѣ, всего важнѣе для меня свидѣтельство современнаго ему Запорожца, славнаго кошеваго атамана *Ивана Сьрка*. Вотъ что говоритъ онъ о Хмельницкомѣ, въ своемъ письмѣ къ Крымскому хану Селиму (отъ 23 сентября 1675 года), исчисляя Черноморскіе походы козацкихъ вождей:

«По немъ (т. е. по *Конашевичь-Сагайдачномъ*), року 1621, тожъ предъ гетманствомъ своимъ, *Богданъ Хмельницкій* на морю Черномъ воюючи, въ своихъ моносилахъ, многіе корабли Турецкіе опановаль, и благополучно до Сьчи повернувся; потомъ, року 1629, браття наши Запорожци, зъ *певнымъ вождомъ своимъ* воюючи въ чолнахъ по Эксинопонту, коснулись мужественно и самихъ стѣнъ Константинопольскихъ, и оныя довольно мушкетнымъ окуривши дымомъ, Превеликій Султанови и всѣмъ мешканцамъ Цариградскимъ сотворили страхъ и смятеніе, и нѣкоторыи одлеглѣйшіи селенія Константинопольскіи запаливши, тожъ щастливе и зъ многими здобычами до Коша своего повернули.»

Этимъ походомъ на Царьградъ, 1629 года, *певный вождь* Запорожскій, кажется, и покончилъ свою службу въ Низовомъ войскѣ; и, возвратясь въ свою родную Чигиринщину, женился на Переяславкѣ, Аннѣ Сомковнѣ, сталъ служить въ городовомъ козачествѣ; и въ этой службѣ прошло еще около 18-ти лѣтъ до гетманской его жизни.

Переходя къ подробному повѣствованію о ея послѣднихъ двухъ годахъ (т. е. съ половины 1646 года), г. Костомаровъ предпослалъ характеристику Богдана, написанную подъ наитіемъ Польскаго историка Коховскаго и завершенную такими его словами о нелюбомъ для него героѣ козаччины: Его лице, сіяющее и кроткое, скрывало духъ безпокойный,

склонный къ волненію, и было подобно свѣтлому льду, подернувшему гнилую болотную воду» (с. 46). Эту «гнилую болотную воду — я выведу тебѣ на свѣжую воду Днѣпровскую — въ слѣдующемъ письмѣ, которое напишу, тебѣ уже съ Михайловой Горы. Прощай!

4 апрѣля, 1859 г.

Москва.

Письмо пятое

(О приѣздѣ Богдана Хмельницкаго въ Кіевъ изъ Замостья)

Что же ты не отзываешься, любезный академикъ, на мои первыя письма къ тебѣ о Богданѣ Хмельницкомѣ, тобою же вызванныя? Безъ того — мои дальнѣйшія письма будутъ только критикою книги г. Костомарова. Читалъ ли ты, въ 122 номерѣ С.-Петербургскихъ вѣдомостей, его *объясненіе*? На дняхъ я послалъ въ тѣже вѣдомости отвѣтъ мой на первую половину объясненія, относящуюся къ сподвижникамъ Хмельницкаго; а о второй половинѣ, относящейся къ самому Богдану, мнѣ слѣдуетъ поговорить съ тобою. Но на этотъ разъ, чтобы не начинать съ того, о чемъ было уже говорено, я возьму подальше; мнѣ развернулась книга г. Костомарова на 289 страницъ, гдѣ зачинается рѣчь о прибытіи Хмельницкаго въ Кіевъ отъ Замостья. То былъ одинъ изъ достопамятнѣйшихъ дней въ жизни Богдана, и въ жизни поднятаго имъ народа, который торжественно встрѣчалъ въ Кіевѣ своего побѣдоноснаго гетмана, совершившаго въ продолженіи полугода цѣлый кругъ блистательныхъ побѣдъ своихъ надъ Ляхами. Какой богатый предметъ для историка художника! Но въ книгѣ Костомарова, какъ нарочно, картина этого прибытія Богдана въ Кіевъ блѣдна въ художественномъ отношеніи, невѣрна и неполна въ отношеніи историческомъ.

«Хмельницкій прибылъ, въ первыя числахъ января 1649 года, въ Кіевъ». Это невѣрно. Историкъ взялъ изъ дневника Мясковскаго эту ошибочную подробность его, не воспользовавшись другими подробностями, необходимыми для картины Украинскаго героя въ Кіевскомъ торжествѣ. Въ Дневникѣ сказано: «Черезъ Валахію, миновавъ Константинополь, онъ (патріархъ Іерусалимскій) прибѣжалъ сюда въ Кіевъ, гдѣ его засталъ Хмельницкій, только что возвращавшійся побѣдителемъ и триумфаторомъ отъ Замостья, *въ первыя числахъ января*». Г. Костомаровъ взялъ эти числа, не переложивъ ихъ на старый штиль, котораго онъ держался, на который у него переложены и числа того же дневника Польскихъ комиссаровъ. Но и по новому штилю Хмельницкій прибылъ въ Кіевъ — въ послѣднихъ числахъ декабря 1648 года, именно —

27 декабря въ Воскресенье послѣ вечерень: такъ отмѣчено въ лѣтописи Кіевскаго дворянина Ерлича (т. I, стр. 72), съ прибавленіемъ, что Кіевляне вдвое или и вдесятеро болѣе радовались и воздавали почестъ гетману Хмельницкому, чѣмъ когда-либо воеводамъ. Я уже говорилъ тебѣ, что Ерличъ ненавидѣлъ Хмѣльницкаго и все козачество; но его опредѣлительное показаніе о времени пріѣзда Богданова въ Кіевъ заслуживаетъ полнаго вѣроятія; ибо онъ (какъ самъ говоритъ на стр. 69-й), бѣжавъ отъ козаковъ *до лясу*, и пришедши въ Кіевъ пѣшкомъ, сидѣлъ въ Печерской лаврѣ съ самага августа, по пріязни къ нему тогдашняго архимандрита *Іосифа Тризны*. Въ дневникѣ Мясковскаго вышелъ ошибочный расчетъ дней отъ того, можетъ быть, что Хмельницкій въ Переяславѣ говорилъ комиссарамъ: «Було много часу трактовати зо мною... И на останокъ подѣ Замостемъ и якъ одѣ Замостя *шесть недѣль* ишовъ я до Кіева». Но Хмельницкій, въ разгоряченной рѣчи своей Польскимъ комиссарамъ, легко могъ и обмолвиться недѣлею, какъ это нерѣдко случается не только въ изустной рѣчи, но и въ письменномъ изложеніи. Вотъ, хоть бы и въ книгѣ г. Костомарова (на стр. 45) Хмельницкій показанъ при осадѣ Смоленска, *въ 1635 году*.

Есть и документальный слѣдъ тогдашняго пребыванія Богдана въ Кіевѣ — его универсаль Печерскому дѣвичьему монастырю, напечатанный въ 5 томѣ актовъ, относящихся къ Западной Россіи (стр. 85). Изъ него видно, что Хмельницкій тогда въ Кіевѣ занимался, между прочимъ, и вопросомъ крестьянскимъ (говоря по-нынѣшнему). Но къ нашему вопросу этотъ универсаль идетъ собственно тѣмъ, что онъ — «данъ *въ Кіевъ, дня 28 декабря року 1648*». И такъ, принимая опредѣлительное показаніе Ерлича и переводя его на старый штиль, я полагаю, что Хмельницкій прибылъ изъ Замостья въ Кіевъ *17 декабря, 1648 года*.

Г. Костомаровъ продолжаетъ: «При звонѣ колоколовъ, при громѣ пушекъ, при радостныхъ восклицаніяхъ многочисленнаго народа, предводитель со всѣми старшинами вѣхалъ торжественно въ полуразрушенныя Ярославовы золотыя ворота, и у стѣнъ святой Софіи былъ привѣтствуемъ митрополитомъ и духовенствомъ; бурсаки академіи и училищъ пѣли ему Латинскіе и Украинскіе стихи.

Дневникъ Мясковскаго даетъ намъ болѣе полную картину. «Самъ патріархъ съ тысячею всадниковъ вѣхалъ къ нему навстрѣчу изъ города; а здѣшній митрополитъ далъ ему подлѣ себя мѣсто въ саняхъ съ правой стороны. Весь народъ, вышедши изъ города, вся чернь, привѣтствовали его рѣчами и пѣснями, какъ Моисея, спасителя и избавителя народа отъ рабства Ляшкаго, находя въ имени *Богдана* доброе предзнаменованіе и на-

зывая его *Богоданнымъ*, Патріархъ далъ ему титулъ *Свѣтлѣйшаго князя*. Изо всѣхъ пушекъ и другихъ орудій, въ замкѣ и городѣ, раздавалась пальба». Выключить *патріарха* съ тысячею всадниковъ, встрѣчающаго за городомъ побѣдоноснаго гетмана, — значитъ отнять много торжественности у картины вѣзда его въ Кіевъ. «Бурсаки пѣли ему Латинскіе и Украинскіе стихи»: тутъ ничего нѣтъ особеннаго, — кому они не пѣли ихъ? У г. Костомарова не принято именно то, что въ рѣчахъ академическихъ вызвано было самимъ случаемъ, что составляло принадлежность и особенность этого торжества: оборотъ словъ объ имени *Богдана* ¹⁾ и сравненіе Украинскаго избавителя, которое не упущено и въ картинѣ Коховскаго — «*ut Roxolanae gentis Mosem*» — и которое долго отзывалось въ Малоросійскихъ писаніяхъ — названіемъ «Ляцкаго *Египетскаго* ига».

Въ замѣнъ того г. Костомаровъ дополнилъ свою картину козацкимъ плачемъ, взятымъ изъ Грабянки: «Козаки, говоритъ Русскій лѣтописецъ, заплакали, увидя красоту церквей Божіихъ столицы святаго Владимира на землю опроверженную».

Грабянка сочинилъ этотъ неумѣстный плачъ о Кіевскихъ храмахъ — въ подраженіе Коховскому, который, въ заключеніе своей нарядной картины Богдана, не упустилъ случая нарисовать Кіевъ. (Коховскій удивительный рисовальщикъ, какъ Московскій Зорянка въ портретахъ). Нечего было плакать, при торжественномъ вѣздѣ Богдана, тѣмъ козакамъ, которые часто бывали въ Кіевѣ и къ нему приглядѣлись. А тѣ козаки, которые не видали Кіева лѣтъ десять или двадцать, тѣ могли заплакать развѣ отъ умиленія, что древніе храмы Кіевскіе, лежавшіе въ вѣковыхъ развалинахъ или бывшіе въ рукахъ уніатскихъ, уже воздвиглись и обновились попеченіемъ пламеннаго Могилы и другихъ ревнителей святыни церковной. Заплакать съ печали могли тогда іезуиты, Доминикане да Бернардины о своихъ коллегіумахъ, конвентахъ и костѣлахъ, пострадавшихъ того года и въ Кіевѣ, отъ мести народной.

Далѣе говоритъ г. Костомаровъ: «самъ гетманъ очень былъ грустенъ; что-то странное явилось въ его характерѣ: онъ то постился и молился; по нѣскольку часовъ лежалъ ницъ передъ образами въ храмѣ; то совѣтовался съ колдуньями, которыхъ держалъ при себѣ три, и пьяный пѣлъ думы своего сочиненія; то былъ ласковъ и ровенъ въ обращеніи со всѣми, то суровъ и надмененъ; козачество все прощало ему».

¹⁾ У Вантыша-Каменскаго было мнѣніе, будто Зѣновій Хмельницкій съ этого времени и принялъ имя *Богдана*. Но онъ и на Боровицкой присягѣ козацкой 1638 года подписался: «Войсковый писарь Богданъ Хмельницкій».

И въ этихъ чертахъ — все пребываніе Богдана въ Кіевѣ! Историкъ Хмельницкаго продолжаетъ: «Изъ Кіева онъ уѣхалъ въ Переяславль ¹⁾. Тамъ ожидалъ его митрополитъ Корнєскій *Іоасафъ*, носившій имя патріарха въ Украинѣ. Отъ лица всего православнаго міра на востокъ онъ приносилъ ему поздравленіе и побуждалъ его на новую войну противъ ненавистнаго папизма. Онъ вовсе не былъ пастырь, какъ говорятъ о немъ современники — Поляки, а какой-то изгнанникъ ²⁾. Съ благословенія этого архіерея Хмельницкій вступилъ въ брачную связь съ прежнею своею женою, отнятою Чаплинскимъ...» и т. д.

Невѣроятно, чтобъ на Украинѣ называли тогда всѣ патріархомъ не патріарха — даже Хмельницкій, который черезъ четыре года отпустилъ съ своимъ письмомъ въ Москву другаго патріарха, того *Афанасія сидящаго*, которому на поклоненіе ходитъ Русскій народъ въ Мгарскій монастырь подъ Лубнами. На самомъ дѣлѣ тутъ ошибка самого г. Костомарова, не разобравшаго, кто былъ тотъ патріархъ Іерусалимскій: и то, что дѣялось въ Кіевѣ, онъ перенесъ на Переяславъ; а патріарха — лучше было назвать его хоть *Евдоксіемъ*, какъ онъ названъ у Коховскаго, чѣмъ ставить на его мѣсто другое лицо, Коринєскаго митрополита *Іоасафа!*

Вѣдь самъ же Хмельницкій говорилъ 13 февраля въ Переяславѣ комиссарамъ: «Мене патріарха *взъ Кіевъ* на ту войну благословилъ, давъ менѣ шлюбъ зъ моею жѣнкою, и розрѣшивъ мене одъ грѣховъ, хочъ я и не сповѣдався ³⁾, и велѣвъ кончати Ляхѣвъ: якъ же менѣ не слухати великого и святого владыки, головы нашего и гостя любого!» — Само собою разумѣется, что патріархъ, благословляющій козацкаго гетмана *кончатъ Ляховъ*, былъ для нихъ лицомъ ненавистнымъ; и не удивительно, что Мясковскій осыпаетъ его злословіемъ въ своемъ Дневникѣ. Еще съ дороги, въ своемъ письмѣ изъ Новосѣлокъ, говоря о перемѣнѣ, происшедшей съ Хмельницкимъ, онъ сказалъ: «причиною тому — *патріархъ Іерусалимскій*, который отъ него (Хмельницкаго) былъ принятъ съ честью и отпущенъ *взъ Москву*, за что онъ далъ Хмельницкому титулъ

1) Тутъ ссылка на лѣтопись Грабянки; но откуда взять митрополитъ Коринєскій — на это нѣтъ ссылки. У Грабянки показанъ въ Переяславѣ патріархъ Константинопольскій.

2) Тутъ ссылка на Дневникъ Мясковскаго; но тамъ это сказано о патріархѣ Іерусалимскомъ.

3) У Костомарова (Т. I. стр. 319) эти слова нѣправильно переведены: «хочъ я сѣго не сповѣдався»; тутъ рѣчь объ *исповѣди*.

Русскаго князя и сравнивалъ его съ Константиномъ Великимъ ¹⁾. Въ Дневникѣ онъ называетъ патріарха «изгнанникомъ изъ земли Іерусалимской, бѣглецомъ отлученнымъ церкви» и т. п. Желчными красками рисуешь онъ пребываніе Хмельницкаго въ Кіевѣ; однако же историку можно различить, что ложь и что истина, и выбрать подробности, подходящія къ дѣлу; на примѣръ: «въ продолженіе нѣсколькихъ дней патріархъ велъ съ Хмельницкимъ тайные переговоры и потомъ отправился въ Москву; напередъ однакожь уѣхалъ Хмельницкій: патріархъ провожалъ его за городъ». — Но когда онъ вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: «ходила молва въ Переяславѣ, что въ Москвѣ патріархъ былъ принять дурно; хитрая Москва узнала самозванца и обманщика» — то очень ясно, что эта вздорная молва распушена была Поляками. Историкъ Русской церкви и въ наши дни говоритъ такъ: «скоро послалъ Господь сильнаго учителя; въ 1649 году прибылъ въ Москву Іерусалимскій патріархъ *Паисій* (стр. 169). Со дня торжественнаго вѣзда своего въ Москву (который былъ *января 27-го*) патріархъ Паисій былъ принимаемъ съ должною почестью и оставилъ тамъ по себѣ добрую память своимъ участіемъ въ дѣлахъ просвѣщенія и церкви, — равно и въ Кіевѣ, во вторичное свое пребываніе на возвратномъ пути. Извѣстна его грамота Кіево-братской коллегіи, данная *23 мая 1649 г.*

Попросить-бы намъ князя М. А. Оболенскаго, чтобы онъ выбралъ изъ Греческихъ дѣлъ Московскаго архива и обнародовалъ все, что найдется тамъ о путешествіи Паисія въ Москву черезъ Кіевъ. Тогда, можетъ быть, открылось бы, въ чемъ именно состояли тѣ «тайные переговоры», которые велъ онъ въ Кіевѣ съ Богданомъ Хмельницкимъ.

Въ лѣтописи Григорія Грабянки (писанной около 1710 года) сказано, что Хмельницкій изъ Кіева отправился въ Переяславъ — «и оттуда посла въ Чигиринъ и поять себѣ — (за позволеніемъ *Цареградскаго патріарха*) въ жену куму свою старостину Чигиринскую Чаплинскую, еще мужу ей живу суцу; сія бо, подъ часъ гоненія на Хмельницкаго отъ Ляховъ, уприси мужа своего, да испустить Хмельницкаго изъ темницы». Здѣсь все-таки видно позволеніе *патріарха*, хотя онъ ошибочно названъ Цареградскимъ, вмѣсто Іерусалимскаго. Такъ въ книгѣ г. Костомарова (Т. I., стр. 29) сказано, что гетманъ Сагайдачный «убѣдилъ въ 1620 году *Константинопольскаго патріарха* посвятить въ Кіевскіе митрополиты Іова; а то былъ *Іерусалимскій* патріархъ Теофанъ, столь памятный для Кіева.

¹⁾ См. Памятники Кіев. Вр. Ком. Т. I. Отд. I. № 59.

Гетману Хмельницкому, въ его Кіевское пребываніе въ декабрѣ 1648 года, было еще одно торжество — его тезоименитство. Изъ Польскаго Дневника видно, что Богданъ, въ день своего ангела, стоялъ на первомъ мѣстѣ, и всѣ выражали къ нему благоговѣніе. Обѣдню служилъ патриархъ; и когда онъ причастилъ гетмана, объявивъ ему всенародно и безъ исповѣди отпущеніе грѣховъ, то вслѣдъ за тѣмъ стрѣляли изъ пушекъ. Тогда же патриархъ разрѣшилъ ему бракъ на Чаплинской (бывшей на ту пору въ Чигиринѣ) и далъ благословленіе на войну съ Поляками. Гетманъ подарилъ патриарху шестерню коней и тысячу червонцевъ.

Въ какой именно день были именины *Богдана* Хмельницкаго? Я полагаю, на третій день Рождественскихъ святокъ. У насъ на Украинѣ, когда родится мальчикъ, то поздравляютъ съ *Богданкомъ*, а когда дѣвочка, — то съ *Богданкою*, но личное имя *Богданъ* было замѣною Греческаго имени *Теодоръ* (Божій даръ). У Коховскаго рѣчь о Хмельницкомъ начинается въ такихъ словахъ: «*priraus impiae rebellionis autor motorque Theodorus vernacule Bohdanus Smelnicki*» (I., 19). Въ декабрѣ мѣсяцъ празднуется 27 числа память св. Первомученика Стефана и св. *Теодора Начертаннаго*. Вотъ именинный патронъ гетмана Хмельницкаго. — Всего вѣроятнѣе, что вышеозначенное торжество происходило въ Печерской лаврѣ, гдѣ въ тотъ день было храмовое служеніе; ибо при великой Печерской церкви и тогда была придѣльная церковь св. архиіакона Стефана, поставленная князьями Корецкими: такъ видно изъ Тратургимы.

9 ноября 1859 года.

Письмо шестое

(Отвѣтъ на «Объясненіе» г. Костомарова)

Въ 122 номерѣ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» напечатано «Объясненіе» г. Костомарова, вызванное моими «письмами» къ М. П. Погодину о *Богданѣ Хмельницкомѣ*, помѣщенными въ первой книгѣ моего «Украинца». Не хочу оставить безъ отвѣта это «Объясненіе», дабы молчаніе мое не было принято за знакъ моего согласія на тѣ промахи г. Костомарова, въ которыхъ онъ оправдывается. Я ограничусь первою половиною его объясненія, въ которой идетъ рѣчь о сподвижникахъ и сослуживцахъ *Богдана Хмельницкаго*.

1) Прежде всего, г. Костомаровъ увѣряетъ меня, что онъ и не думалъ смѣшивать двухъ козацкихъ старшинъ, Барабаша Черкаскаго и Ильяша Переясловскаго, и т. д. Я очень вѣрю ему; однако же, хотя и недуманно, а случилось это смѣшеніе въ его книгѣ, которое не прошло еще

и въ его «Объясненіи». Онъ говоритъ, что Барабаша назвалъ онъ *Армянномъ* слѣдую Самовидцу.

Но въ лѣтописи Самовидца названъ *Армянчикомъ* не Барабашъ; посмотрите разсказъ ея на стр. 7-й: «Подъ часъ бытности своей съ козакомъ значнымъ *Переясловскимъ*, съ Иваномъ Илляшемъ, а тотъ Илляшъ барзо зычливый королеви....»; далѣе, на стр. 8-й — «тое скрыто держали отъ полковниковъ *въ Переясловѣ*....»; наконецъ — «у гостяхъ *того Илляша Армянчика*». Ясное дѣло, что у Самовидца названъ *Армянчикомъ* — тотъ Илляшъ Переясловскій; а г. Костомаровъ понимаетъ, что здѣсь говорится о Барабашѣ!

У Коховскаго названъ Барабашъ *Ильею* вмѣсто *Ивана*: это, просто, ошибка, которой не слѣдовало г. Костомарову ни принимать въ своей книгѣ, ни защищать въ своемъ «Объясненіи». Изъ современной замѣтки въ Межигорскомъ Помянникѣ, а также изъ собственноручной записи Барабаша, я знаю навѣрно, что его звали *Иваномъ*, по отчеству *Дмитріевичемъ*. Достоверно знаю и то, что современники подъ именемъ *Илляша* разумѣли собственно Илляша Караимовича Переясловскаго. Для убѣжденія въ томъ достаточно приведеннаго мною письма синдика Львовскаго (1648 года), гдѣ сказано: «умертвили двухъ извѣстныхъ своею вѣрностью къ республикѣ полковниковъ, *Илляша* и *Барабаша*». Ясное дѣло, что имя *Илляшъ* есть отличительное для Переяславскаго старшины отъ старшины Черкаскаго. А имя Барабашъ обличаетъ не Армянское, а Татарское происхожденіе Черкаскаго старшины; впрочемъ, не съ него, а развѣ съ дѣда его, если не съ прадѣда, началась фамилія Барабашей на Украинѣ.

Изъ сказаннаго очевидно, мнѣ кажется, что въ книгѣ г. Костомарова, на стр. 41-й, надобно отнять отъ Ивана Барабаша имя «Илляшъ» и слѣдующія слова: «родомъ онъ былъ Армянинъ, но воспитанъ въ Украинѣ. Умѣнемъ, свойственнымъ своему племени»....

Г. Костомаровъ объясняетъ, что, назвавъ «Ивана или Илляша Барабаша», онъ оставилъ въ сторонѣ Илляша Караимовича Переясловскаго, до котораго ему не было дѣла. Конечно, онъ имѣлъ на то полную волю; но мнѣ кажется, что если историкъ заговорилъ о козацкихъ старшинахъ 1648 года и назвалъ намъ Барабаша Черкаскаго, то съ нимъ неразлучно представляется уже и Илляшъ Переяславскій — первый по старшинству генеральный эсаулъ того времени, бывшій *старшимъ* въ реестровомъ козачествѣ еще 1638 года. Притомъ же, по сказанію Самовидца, ему Илляшу дана была и у него въ Переяславѣ хранилась королевская грамота козакамъ на построеніе челновъ (что повторено и въ лѣтопи-

си Грабянкиной); а построение челновъ козаками въ ту пору было дѣломъ великой важности; потому и для историка — было дѣло до Ильяша Переясловскаго.

- 2) На мое замѣчаніе, что Черкасскій полковникъ *Ясько*, т. е. *Иванъ Воронченко*, неправильно названъ у г. Костомарова *Яковомъ*, въ «Объясненіи» онъ говоритъ: «Недавно въ одной современной рукописи, я прочиталъ явственно *Яцько*, а не *Ясько*, что согласно съ другими источниками». Напротивъ это *несогласно* съ другими источниками! Переберите все Малороссійское лѣтописанье, отъ Грабянки и Величка до Бантышъ-Каменскаго и Маркевича: вездѣ *Ясько* или *Иванъ*. Въ «книгѣ войска Запорожскаго, писанной въ октябрѣ 1649 года, да и въ другихъ актахъ XVII вѣка, мною видѣнныхъ, вездѣ писано *Ясько* или *Есько*. И такъ, попавшееся въ одной рукописи ошибочное написаніе *Яцько* не должно служить г. Костомарову предлогомъ къ неправильному именованію *Ивана* — *Яковомъ*.
- 3) Г. Костомаровъ говоритъ, будто я *укоряю* его за то, что онъ различаетъ два лица, *Мороза* или *Мрозовицкаго* и *Мозыру*, а самъ признаю ихъ за одно и тоже лицо. Въ опроверженіе онъ напоминаетъ о казни *Мозыры* въ 1652 году и указываетъ на *Мрозовицкаго*, бывшаго въ гадяцкомъ сеймѣ 1658 года.

Мое замѣчаніе о *Мозырѣ* и *Мрозовицкомъ* относится собственно къ *Коховскому*; а къ г. Костомарову относится вторая половина моего замѣчанія о *Морозенкѣ*, про которую въ «Объясненіи» не сказано ни слова. Объясню же сперва первую половину, опровергаемую г. Костомаровымъ; а потомъ и вторую, про которую онъ умалчиваетъ.

- У *Коховскаго*, при описаніи *Збаражской* войны, бывшей *лѣтомъ* 1649 года, два раза упомянутъ *Корсунскій* полковникъ *Мрозовицкій*. Зная положительно изъ книги «Реестровъ», что *осенью того* 1649 года *Корсунскимъ* полковникомъ былъ *Лукьянъ Мозыра* и что въ ту пору не было ни въ *Корсунскомъ*, ни въ другихъ полкахъ ни сотника, ни полковаго старшины *Мрозовицкаго*, и наглядѣвшись вдоволь на передѣлки собственныхъ именъ, я пришелъ къ такому мнѣнію, что во второй половинѣ 1649 года *Корсунскимъ* полковникомъ былъ *Мозыра*, котораго имя кто-то еще прежде *Коховскаго* передѣлалъ, на ладъ *Польскаго* имени — въ *Мрозовицкаго*, точно-такъ же, какъ *Украинскій* лѣтописецъ *Грабянка* изъ этого *Мрозовицкаго* произвелъ *Корсунскаго* полковника *Мороза* (а въ изданіи *Туманскаго*, *Мозыря* явился *Козарою*). Въ свою очередь, и г. Костомарову пришлось угадывать имя *Мозыры* въ *Мокерѣ* *Коховскаго* (см. т. II, стр. 195). Но изъ моего мнѣнія о тождествѣ того

Мрозовицкаго съ *Мозырою* никакъ не слѣдуетъ, чтобы я всякаго *Мрозовицкаго* принималъ за *Мозыру*. И тотъ панъ *Мрозовицкій*, который былъ на гадяцкомъ сеймѣ 1658 года (и которому г. Костомаровъ тоже придаетъ имя *Мороза*), — есть лицо новопришедшее въ козачинѣ Украинской, не принадлежащее къ первоначальнымъ сподвижникамъ Богдана. На мое мнѣніе — одно опроверженіе: показать изъ современныхъ актовъ, что лѣтомъ 1649 года былъ Корсунскимъ полковникомъ *Мрозовицкій* или иной, а не *Мозыра*.

Обращаюсь къ *Морозенку*, герою Украинскихъ народныхъ пѣсень, о которомъ до 1850 года я не зналъ, къ какому историческому лицу его приурочить. Жегота Паули, въ своемъ львовскомъ изданіи пѣсень 1839 года, удивлялся, что о *Морозенкѣ* нѣтъ и помину въ исторіи, и сказалъ: Кто знаетъ, не есть ли это Корсунскій полковникъ *Мрозовицкій*? Это предположеніе повторилъ и г. Костомаровъ въ 1843 году въ своемъ магистерскомъ разсужденіи о Русской народной поэзіи, гдѣ на стр. 138 сказано о *Морозенкѣ*: Можно думать — Корсунскій полковникъ *Морозъ*».

Въ 1850 году, перечитывая книгу «Реестровъ», я встрѣтилъ въ ней нѣсколькихъ козаковъ *Морозенковъ*¹⁾, въ томъ числѣ и *Нестора Морозенка*, бывшаго въ Кропивянскомъ полку первымъ старшиною послѣ своего полковника, Филона Джеджелѣя, какими тогда были *Степанъ Пободайло* въ Черниговскомъ полку, *Иванъ Искра* въ Полтавскомъ и т. д. Къ этому историческому, подлинному *Морозенку*, безъ сомнѣнія, уже можно было отнести то, что народная пѣсня воспѣваетъ о своемъ героѣ — и походъ подъ Пиляву 1648 года, и участіе въ Жванецкой битвѣ 1653 года, и его роковую встрѣчу съ Ордою подъ Керебердою. Съ открытіемъ историческаго *Морозенка* (о которомъ я извѣстилъ 1854 года, въ моемъ «Извѣстіи о лѣтописи Григорія Грабянки», напечатанномъ въ «Москвитянинѣ») прежнее предположеніе о тождествѣ пѣсеннаго *Морозенка* съ Корсунскимъ полковникомъ *Мрозовицкимъ* должно было, мнѣ кажется, остаться уже заштатнымъ. Но въ книгѣ г. Костомарова этому предположенію дана полная сила достовѣрности положительной, такъ что въ тѣхъ двухъ мѣстахъ, гдѣ у Коховскаго названъ *Мрозовицкій*, г. Костомаровъ замѣняетъ имя его именемъ *Морозенка*; на примѣръ, при описаніи Збаражской осады у него сказано: «Полковникъ *Морозенко* кинулся на помощь гадячанамъ. (Т. I, стр. 362).

¹⁾ Въ сотнѣ Лютенской — *Супрунъ* (т. е. Софроній) и *Трохимъ Морозенко*, въ сотнѣ Кропивенской — *Онушко Морозенко* и проч.

А при описаніи Жванецкой битвы 1653 года (гдѣ у Коховскаго нѣтъ уже Мрозовицкаго), г. Костомаровъ говоритъ: «Въ этой стычкѣ отличался *Морозенко* или *Морозовицкій*, бывшій полковникъ Корсунскій. Съ 1649 года имя его не упоминается. Гдѣ былъ онъ — неизвѣстно; но народная пѣсня, воспѣвая дѣло подъ Жванцемъ, прославляетъ его подвиги» (Т. II, стр. 386). Наконецъ, изъ «Объясненія» г. Костомарова оказывается, что онъ видитъ *славнаго козака Морозенка* и въ томъ *шляхтичѣ Мрозовицкомѣ*, который съ гетманомъ Выговскимъ и другими, участвовалъ въ Гадяцкомъ договорѣ 1658 года. На такое тождество я не могу согласиться.

- 4) Фамилія Кропивянскаго полковника Филона, въ извѣстныхъ мнѣ малороссійскихъ памятникахъ XVII вѣка, пишется обыкновенно *Джеджелъй*, изрѣдка встрѣчается *Джаджалый* и *Джаджелей*. Первая форма постоянно ведется и въ лѣтописаньи малороссійскомъ, и въ актахъ XVIII вѣка; она же употребительна и донинѣ между козаками этой фамиліи. Но въ книгѣ г. Костомарова Филонъ Джеджелъй постоянно зовется *Джеджалыкомъ*! Въ «Объясненіи» онъ говоритъ: «Люди, знающіе татарскій языкъ, убѣдили меня въ правильности формы *Джеджалыкъ*, вмѣсто другихъ формъ». Не вижу никакой надобности, ни справедливости передѣлывать на татарскій ладъ козацкую фамилію вопреки ея народному употребленію, бывшему и нынѣшнему.
- 5) По книгѣ «Реестровъ» я поправилъ фамилію Каневскаго полковника Семена, которая у г. Костомарова пишется *Навичъ* вмѣсто подлинной — *Савичъ*. Но онъ въ «Объясненіи» говоритъ, будто *вездѣ*, гдѣ ему случалось видѣть фамилію этого полковника, она пишется *Павичъ*, а не *Савичъ*. Это оправданіе несправедливо. Г. Костомарову частѣхонько случалось видѣть во всѣхъ малороссійскихъ исторіяхъ *Семена Павицкаго*, иногда съ перемѣною на *Павинскаго* и даже на *Новицкаго* (а началось это у насъ съ Грабянки, который взялъ имя *Павинскаго* изъ книги Коховскаго, гдѣ поставлено ошибочно Pawicius вмѣсто Sawicius). Но г. Костомарову, я полагаю, случалось видѣть и подлиннаго *Семена Савича*, когда онъ, въ самомъ началѣ 1651 года, былъ въ Москвѣ посланцемъ отъ гетмана Богдана. Онъ то и есть Каневскій полковникъ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, и который того же 1651 года убитъ въ битвѣ на р. Серетѣ, у Симоновскаго — подъ именемъ *Кононовича*, а у г. Костомарова — подъ именемъ *Павича*.
- 6) Наконецъ, только объ одномъ Кіевскомъ полковникѣ Антонѣ г. Костомаровъ свазалъ въ «Объясненіи»: «я почти склоняюсь къ мнѣнію г. Максимовича, что онъ *Ждановичъ*, а не *Адамовичъ*». Но отчего же

г. Костомаровъ и тутъ только «почти склоняется» къ моему мнѣнію, когда я подлинную фамилію Антона Кіевскаго *Ждановичъ* прочелъ въ подлинной книгѣ «Реестровъ», 1649 года? Чтобы совершенно преклонить г. Костомарова къ моему мнѣнію, мнѣ остается сказать: 1) что Антонова фамилія *Ждановичъ* извѣстна мнѣ не только изъ книги «Реестровъ», но и во всѣхъ современныхъ памятникахъ, мною видѣнныхъ, она пишется не иначе какъ *Ждановичъ* (по-Московски *Ждановъ*); для примѣра, укажу на два письма, Выговскаго и Юрѣя Хмельницкаго, которыя читалъ я въ *подлинникъ* и которыя напечатаны въ 3-мъ томѣ «Памятниковъ», изданныхъ Кіевскою Временною комиссіею (см. на стр. 387 и 470). — 2) Ни въ гетманство Богдана, ни послѣ его, до конца Кіевскаго полка, не было полковника *Адамовича*: эта фамилія есть ошибка Коховскаго, взятая изъ него Грабянкою и повторяемая у насъ полтора ста лѣтъ — до книги г. Костомарова включительно — пора же замѣнить ее подлинною фамиліею, которая принадлежала знаменитому сотруднику Богдана. 3) *Антонъ Никитичъ Ждановичъ* (подъ псевдонимомъ *Адамовича*) именуется Кіевскимъ полковникомъ и послѣ 1654 года; но съ этого года Кіевскимъ полковникомъ былъ уже *Павелъ Яненко* или *Павелъ Яновичъ Хмельницкій*, а его преемникомъ, съ 1659 года, былъ *Василій Ѳеодоровичъ Дворецкій*.

Повѣряя возраженіями г. Костомарова критическія замѣчанія моихъ писемъ о современникахъ Богдана, я вижу, что только одно изъ нихъ не вполне надежно, а именно мнѣніе, что Корсунскій полковникъ *Мрозовицкій* есть одно лицо съ *Лукьяномъ Мозырою*; это мнѣніе мое можетъ быть устранено, если въ современныхъ свидѣтельствахъ найдется, что предъ Мозырою *лѣтомъ 1649 года* дѣйствительно былъ другой полковникъ Корсунскій: и я съ удовольствіемъ тогда скажу: нашего полку прибыло!

Письмо седьмое

(Споръ о Малороссійскихъ именахъ)

«Да те все однако,
Що Якимъ, що Яковъ».

Изъ украинской думы

Изъ вашего «Отвѣта» мнѣ, помѣщеннаго въ 8-мъ номерѣ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», я увидѣлъ съ удовольствіемъ, что вы согласились, наконецъ, принять подлинную фамилію Кіевскаго полковника Антона — *Ждановичъ*, вмѣсто ошибочной *Адамовичъ*. Я увѣренъ, что вы, со временемъ, согласитесь и на другое мое объясненіе — что фамилія Каневскаго полковника Семена была *Савичъ*, а не *Павичъ*; ибо, какъ въ «Книгѣ

реестровъ», такъ и въ «Московской Запискѣ» 1751 года, написано явственно: *Семенъ Савичъ*. Малороссіяне встарину, вмѣсто прописнаго *С* писали нерѣдко Σ , но ни той, ни другой буквы нельзя принять за *П*; а латинскія прописныя буквы *S* и *P* такъ были писаны, что ихъ легко смѣшать, и потому вмѣсто *Sawicz*, у Коховскаго (I, 168) поставлено *Pawicz*, *Pawicius*, откуда явились у нашихъ историковъ *Павицкій* и *Павинскій*.

Гораздо труднѣе намъ рѣшить вопросъ о томъ, что значить личное имя Черкаскаго полковника Воронченка *Ясько* — *Иванъ* ли, какъ принимали Коховскій и наши Малороссійскіе историки, или *Яковъ*, какъ принялы вы? Чтобы отмѣнить прежній, общепринятый переводъ и замѣнить его вашимъ, новымъ, для того необходимо современное свидѣтельство, что имя Воронченка было не *Иванъ*, а *Яковъ*. Но такого свидѣтельства еще не нашлось; а потому старый переводъ я предпочелъ вашему новому, ничѣмъ еще неоправданному и для меня сомнительному. Въ «Отвѣтѣ» своемъ вы приводите, противъ меня, увѣреніе многихъ коренныхъ малороссіянъ, находящихся въ Петербургѣ, въ томъ числѣ гг. Шевченка и Кулиша, что они «не слыхали, чтобы народъ когда-нибудь называлъ *Яськомъ* *Ивана*, что скорѣе это *Яковъ* или *Осипъ*, а не *Иванъ*».

Я уважаю малороссійскую пословицу: «Громада великій человекъ»; но на ваше громадское рѣшеніе я не могу согласиться ни въ одномъ изъ трехъ его положеній. Мало ли чего мы не слышимъ нынѣ въ устахъ малороссійскаго народа и не видимъ въ его жизни, что слышалось и видѣлось въ прежнія времена! Слыхали ль вы, чтобы какой-нибудь украинецъ именовался *Трояномъ* или *Дунаемъ*? А по «Книгѣ реестровъ» 1649 года видны: Глинскій козакъ *Троянъ Ивахно* и Полтавскій козакъ *Дунай Гуриченко* — и я полагаю, что эти личныя имена были передѣланы на древнерусскій ладъ изъ церковныхъ именъ *Троадій* и *Донатъ*. Въ числѣ тогдашнихъ сотниковъ были: Березанскій — *Полуянъ Быченко* и Зѣнковскій — *Жаданъ Татарищенко*. Но теперь эти личныя имена уже вывелись и позабыты въ народѣ; уже за рѣдкость и такія имена, нѣкогда очень любимыя, какъ, напримѣръ, *Гапонъ* (Агаѳонъ), *Савранъ* (Саверій), *Супрунъ* (Софроній), *Прись* (Евфросинъ), *Хурсъ* (Θирсъ). Повивальныя бабки, принося новорожденное дитя на молитву къ священнику, отпрашиваются у него всѣхъ сколько-нибудь затруднительныхъ и необыкновенныхъ именъ, которыя называютъ онѣ *крутыми*.

Вы полагаете, что *Ясько* не *Иванъ*. Однакожъ *Ясько* Воронченко у Коховскаго переведенъ *Joannes Woronczenko* (I, 168). Весьма можетъ быть, что Польскій историкъ такъ перевелъ только по своенародному измѣненію имени *Иванъ* — *Янъ*, *Ясь*, *Ясько*; но если и *Конискій* и *Рубанъ* —

щире Малороссіяне прошлаго столѣтія, называли Яська Воронченка *Иваномъ*, (а за ними Бантышъ-Каменскій, Маркевичъ и другіе), то изъ этого видно, что Малороссіяне прошлаго столѣтія допускали Польское измѣненіе имени Иванъ, какъ и нѣкоторыя другія имена перемѣнялись у нихъ въ Польскія формы (Лука въ Лукашъ и проч.). Въ гетманство Богдана былъ Кіевскимъ полковникомъ софамилецъ его, Павелъ Яновичъ Хмельницкій, т. е. *Яновъ* сынъ или *Янѣнко* былъ и сотникъ Иченскій *Иванъ Яновичъ*. (При этомъ невольно вспоминаются и древній Кіевскій старецъ *Янъ*, прославленный Несторомъ, и знаменитая современница ихъ, Всеволодова дочь *Янка*, и ея Переяславское сельцо, *Янчино* или *Янцино*, что нынѣ *Янѣнки Малые*). Само собою разумѣется, что украинецъ, именовавшійся *Яномъ*, назывался и уменьшительными видами этого имени. У меня есть народныя пѣсни, свадебныя и купальныя, записанныя на Волыни, въ которыхъ любимое этими пѣснями имя *Ивась*, *Ивашко* замѣнено *Ясемъ*, *Ясенькомъ*, *Ясюнемъ*. И такъ переводъ Яська Иваномъ обличаетъ *полонизмъ*, принадлежавшій Малороссіанамъ прежняго времени. Если бы не было у насъ этого перевода, я также не назвалъ бы Яська Воронченка Иваномъ; но отмѣнить этотъ давно существующій и общепринятый переводъ нельзя — мнѣ кажется — до тѣхъ поръ, пока не найдется *современнаго* свидѣтельства о другомъ имени Воронченка (какихъ я вамъ представилъ два объ имени Ивана Дмитріевича Барабаша).

«Скорѣ это *Яковъ* или *Осипъ*», сказано въ вашемъ рѣшеніи. Что же изъ двухъ? по моему — ни то, ни другое! Я никогда не слыхалъ въ народѣ и не встрѣчалъ въ старыхъ писаніяхъ, чтобы Осипа называли *Яськомъ*, и полагаю, что это также несвойственно, какъ было бы названіе Осипа — *Ясипомъ*. По малороссійскому звукоизмѣненію, коренной звукъ *о*, съ удареніемъ, не переходитъ въ *а* и *я*. Имя Іосифъ у Малороссіянъ измѣнялось въ слѣдующія формы: 1) *Іосипъ* (Йосипъ) и отсюда *Іосько*, *Іося*, а по-украинскому измѣненію звука *о* въ острое *и* — *Исько*. Есть у насъ и фамилія *Ищенко*. 2) *Есифъ* и отсюда *Есько*. Такъ въ «Книгѣ реестровъ» написанъ *Есифъ Наталчичъ*, извѣстный Овруцкій сотникъ, неправильно называемый *Напалищемъ*, *Напаличемъ* (такъ и въ вашей книгѣ, I, 192, а въ «Старожитностяхъ» А. Грабовскаго (I, 314) Natulczyc, явная описка или опечатка, вмѣсто Natalczycz). 3) *Юсько* и даже *Юзько* — отъ Польской формы *Юзефъ*.

Что касается до имени *Яковъ*, то отъ него происходитъ настоящая малороссійская форма *Яцько* или *Яцко*, столь же извѣстная по памятникамъ XVI и XVII вѣка, какъ и наше спорное имя *Ясько*. Такъ, между сотни-

ками 1649 года были: Обуховскій — *Яцко Красовскій*, Лисянскій — *Яцко Губиненко*, Березовскій — *Ясько Хвилоненко*; а въ Переяславскомъ полку: с. Гелмязовскій — *Ясько Иляшовичъ*, с. Острианскій — *Ясько Кошинъ* и три сотника съ именемъ *Иванъ*. Тутъ уже становится примѣтно, что Ясько не Иванъ и не Яковъ. Казалось бы не великъ переходъ отъ Яцка до Яська; но — слыхали-ль вы, чтобы на Украинѣ, вмѣсто *Грицькò*, *Стецькò*, *Процькò* (Прокопъ), *Луцькò* (Лукъянъ) выговаривали: Грисько, Стесько, Просько, Лусько? Нѣтъ, такое обращеніе *ц* въ *с* несвойственно Украинскому нарѣчію; и потому вмѣсто *Яцькò* не можетъ быть *Яськò* — и потому я сомнѣваюсь, чтобы Ясько Воронченко былъ Яковъ.

Что же, наконецъ, значить *Ясько* не по-Польскому, а по-Малороссійскому словоизмѣненію? Ясное дѣло, что это не иное что, какъ *Яссонъ*. Это имя и теперь встрѣчается изрѣдка въ народѣ, и по здѣшнему приднѣпровскому говору оно произносится *Гасòнъ*, уменьшительно — *Гаськò*. У меня въ близкомъ сосѣдствѣ, только черезъ Днѣпръ, на краю Черкаскаго уѣзда, есть живой Гасòнъ или Гаськò. Вотъ также и давній Черкасскій полковникъ *Ясько*, по моему мнѣнію, всего скорѣе былъ *Яссонъ Воронченко*, и я надѣюсь, что въ какомъ-нибудь *современномъ* «помяникѣ» или иномъ памятникѣ онъ найдется съ этимъ именемъ, но предполагаю и такой случай, что переписчикъ XVIII вѣка, не разобравъ хорошо имени Яссонъ, прочтетъ и напишетъ: Яковъ Воронченко. Подобныя передѣлки именъ мнѣ попадались нерѣдко. Такъ Миргородскій полковникъ Гладкій — у Коховскаго, а за нимъ и у всѣхъ Малороссійскихъ историковъ — именовался *Максимомъ*; но изъ «Книги реестровъ» и изъ «Мгарскаго помянника» видно, что его звали *Матвѣемъ*. Его сынъ Григорій Матвѣевичъ Гладкій тоже былъ полковникомъ Миргородскимъ; но въ «Безбородьковскомъ спискѣ» (въ «Лѣтописцѣ» Рубана) значится *Евстафій Гладкій*: нѣтъ-ли и тутъ ошибки въ имени? — Прощайте!

12-го марта 1860 г.

Михайлова Гора.

Р. С. Въ моемъ «Украинцѣ» на стр. 159-й сказано, что знаменитую панью Барабашиху звали *Софіей* — это ошибка, которую прошу исправить; ея имя было: *Агафія*, какъ это ясно видно изъ «Межигорскаго помянника»; а въ собственноручной надписи Барабаша на церковной книгѣ имя его жены затерлось отъ давности, и потому прочтено было ошибочно. — Кстати объ именахъ женъ. У васъ, во 2-мъ томѣ, на стр. 207-й, о тре-

тѣй женѣ Хмельницкаго — Аннѣ Никифоровнѣ, урожденной Золотаренковой, сказано: «Поляки, неизвѣстно почему, называютъ ее козачкою *Филиппихой*». Безъ сомнѣнія потому, что она прежде была женою козака *Филиппа*. Изъ «Замѣтокъ» Миллера извѣстно, что ея сынъ, а Богдановъ пасынокъ, женатъ былъ на дочери Полтавскаго старшины, Ивана Искры. А изъ ближнепещернаго и другихъ Кіевскихъ помянниковъ извѣстно мнѣ, что Анна Никифоровна, оставшись вдовою и послѣ гетмана Хмельницкаго, постриглась, въ 1671 году, въ монахини Печерскаго дѣвичьяго монастыря, подъ именемъ *Анастасіи Хмельницкой*.

Письмо восьмое
(О событіи на Кодакѣ)

Мои письма къ М. П. Погодину о Богданѣ Хмельницкомѣ, напечатанныя въ *Украинцѣ* 1859 года, вызвали ваше «Объясненіе», напечатанное въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1859 г. № 122, и поставили насъ въ непосредственное сношеніе другъ съ другомъ. Я очень радъ этому возобновленію, хотя и на письмѣ, нашихъ ученыхъ бесѣдъ объ Украинѣ, и увѣренъ, что наша переписка или перекличка о ней во всеуслышаніе — будетъ не безъ пользы для *исторической истины*, изъ которой мы и бѣмся.

О разногласіи нашемъ относительно нѣкоторыхъ сподвижниковъ Богдана мы достаточно, кажется, объяснились уже въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. За мною теперь — обѣщанный разборъ характеристики Богдана и отвѣтная рѣчь на ваше объ немъ «Объясненіе», ибо я считаю себя обязаннымъ отвѣчать на каждое ваше мнѣ возраженіе. Начинаю мой разборъ характеристики Богдана — съ происшествія на Кодакѣ, въ которомъ его характеръ означился чертою рѣзкою и выразительною. Въ вашей книгѣ это происшествіе передано такъ:

«Въ самомъ дѣлѣ, покойный Конецпольскій имѣлъ случай замѣтить *свободомысліе* Хмельницкаго. Построивъ крѣпость Кодакъ близъ Днѣпровскихъ пороговъ для укрощенія козацкихъ походовъ на чайкахъ, онъ стоялъ разъ на валу только-что оконченнаго укрѣпленія и гордо спросилъ окружавшихъ козаковъ: «каковъ кажется вамъ Кодакъ»? Хмельницкій, поглядывая искоса, отвѣчалъ ему по-латыни: «что человѣческими руками строится, то человѣческими руками и разрушается». Черезъ нѣсколько времени новый козацкій гетманъ Сулима разорилъ Польскую крѣпость. Вспоминая слова Хмельницкаго, паны подозрѣвали и его въ участіи (I., 58)».

Смѣлая выходка Богдана не могла не заподозрить его сильно въ глазахъ Конецпольскаго; но это происшествіе случилось уже на четвертый годъ послѣ того, какъ гетманъ Сулима разорилъ Кодацкую крѣпость и за то четвертованъ въ Варшавѣ; а потому подозрѣніе пановъ о соучастіи Хмельницкаго съ Сулимою было неосновательное и напрасное.

Тутъ вы сами вдались въ ошибку, сказавши, что Сулима разорилъ Кодацкую крѣпость *черезъ нѣсколько времени* послѣ того, какъ Хмельницкій сказалъ свое смѣлое слово о ней грозному Конецпольскому. Нѣтъ, Сулима разорилъ первоначальную Кодацкую крѣпость тотчасъ по ея построеніи, при которомъ Конецпольскаго и не было. Ссылаюсь въ этомъ на самого строителя ея, Боплана, въ «Описаніи Украины» онъ говоритъ: «на Кодакъ, въ *іюль* 1635 года, былъ заложенъ мною замокъ, но послѣ моего отъѣзда, въ *августъ* мѣсяцъ, нѣкто *Солиманъ*, предводитель мятежныхъ козаковъ, возвращаясь съ моря и видя, что замокъ преграждалъ ему путь, напалъ на оный врасплохъ и изрубилъ двухсотный гарнизонъ, состоявшій подъ начальствомъ полковника Маріона, родомъ француза....» За тѣмъ Бопланъ рассказываетъ о послѣдующей войнѣ съ козаками, продолжавшейся до октября 1638 года, и возвращается къ Кодацкой крѣпости: «По заключеніи мира, великій и великодушный Конецпольскій съ 4,000 воиновъ, лично отправился на Кодакъ и оставался тамъ до того времени, пока крѣпость не была приведена въ оборонительное положеніе, т. е. около мѣсяца». Дѣло ясное, что это было въ 1639 году, что слова Хмельницкаго были сказаны о возобновленной крѣпости; а оправдались они уже въ 1648 году, когда Хмельницкій, ставши гетманомъ, послалъ Нѣжинскихъ козаковъ на взятіе той крѣпости. Такъ разумѣлъ и Коховскій, которому мы обязаны за сохраненіе этого замѣчательнаго анекдота о Хмельницкомѣ: «*Manu facta (inquit) manu destrui! Nec verbis defuit eventus, primum namque succrescentis Chmelnicii potentiae facinus incubuit Kodaco evertendo. (I, 21)*». Этимъ кончаетъ польскій историкъ свое мастерское изображеніе Хмельницкаго.

Я надѣюсь, что вы согласитесь со мною, какъ въ томъ, что слова Хмельницкаго о Кодацкой крѣпости сказаны были 1639 года, такъ и въ томъ, что возбужденное ими подозрѣніе пановъ о соучастіи съ Сулимою было неосновательно. Такъ и многое приписано Хмельницкому *заднимъ числомъ* — послѣ того уже, какъ онъ поднялъ Украину и Запорожье на Поляковъ.

Нашъ Украинскій лѣтописецъ Грабянка, сочиняя около 1710 года свою «исторію о дѣйствіяхъ презѣльной брани» и заимствуя въ нее многое изъ Коховскаго, событіе Кодацкое передалъ такъ: «Въ то время (въ ро-

ку 1639) прилучися гетману коронному Конецпольскому въ Кодаку самому быти, и козакомъ ему предстоящимъ (между ими же бѣ и Богданъ Хмельницкій), тѣмъ ругаяся вкупѣ и хваляся о крѣпости Кодака града, рече: угоденъ ли вамъ, козаки, Кодакъ? Отвѣща Хмельницкій языкомъ латинскимъ: что есть рукою сотворено, чтобы было не разоренно? Чего ради гетманъ удивися, вкупѣ зло мысляше о Хмельницкомъ, вспомянувъ убо, яко во всѣхъ бранехъ козацкихъ противъ Ляховъ и Хмельницкій бѣше, обаче многія умроша, а ошъ живъ оста (стр. 31).

Откуда взялось это воспоминаніе Конецпольскаго? Очевидно, изъ того же Коховскаго, который говоритъ отъ себя, что Хмельницкій былъ участникомъ въ козацкихъ возстаніяхъ Тараса и Острияницы съ Гунею, но избѣжалъ заслуженной кары. Нашъ лѣтописецъ заблагоразсудилъ это воспоминаніе польскаго историка переложить въ головѣ самого Конецпольскаго, и, вмѣсто участія Богдана въ двухъ козацкихъ возстаніяхъ, поставилъ его — (что называется: *за однимъ заходомъ*) — участникомъ во *всѣхъ* козацкихъ войнахъ противъ Поляковъ. Вотъ съ какимъ нарращеніемъ и представленіемъ о Хмельницкомъ явилось въ нашемъ лѣтописаньи сказаніе о событіи Кодацкомъ. Справедливо ли это представленіе нашего лѣтописца и можетъ ли оно быть принято за дѣйствительность историческую, о томъ рѣчь впереди; а здѣсь я хотѣлъ вывести только то: когда и какъ произошло у насъ историческое мнѣніе объ участіи Хмельницкаго во *всѣхъ* возстаніяхъ козацкихъ на Поляковъ. Это *Грабянка* передѣлалъ на свой ладъ сказаніе польскаго историка. А что у него тутъ передѣлка изъ Коховскаго, видно и на слѣдующей за тѣмъ краткой характеристикѣ Богдана: «бысть бо Хмельницкій мужъ хитръ въ воинствѣ и разумень зѣло, вѣдый мысли людскія на козаковъ и ихъ суетную клятву, разсмотрѣй ихъ военные ограды, и вся сія въ сердцѣ злѣ держаше, лице же свѣтлостію покрываше, аки бы онъ на Ляхи никоего зла не мѣслилъ, въ сердцу же его золь совѣтъ бѣше». — Тутъ живопись двухъ разнородныхъ стилей или пошибовъ: въ первой половинѣ — своя собственная, украинская; во второй — взятая изъ картины Коховскаго, отрывкомъ изъ которой и вы завершили свою характеристику Богдана. У васъ сказано: Лицо его сіяющее и кроткое (говоритъ польскій историкъ Коховскій) скрывало духъ безпокойный, склонный къ волненію, и было подобно свѣтлому льду, подернувшему гнилою, болотную воду». Не могу не замѣтить, что отъ малой перемѣны въ словахъ подлинника вышло не совсѣмъ вѣрное сравненіе *духа безпокойнаго, склоннаго къ волненію* — съ гнилою болотною водою, которая представляетъ собою покой и застой. Отчетливая живопись Ко-

ховскаго едва ли допустила бы эту несоответственность; у него сказано такъ: «Aderat huic militaris presso sermone facundia, animus obtegens sui, renidens vultus, quo praecipue, ut nitida glacie foetentes aquae, recessus pectoris teguntur». А для сравненія духа безпокойнаго, склоннаго къ волненію, въ козацкомъ вождѣ, всего скорѣе и ближе подошли бы склонныя къ волненію воды *своевольнаго* Днѣпра, какъ о немъ говорится въ народной пѣснѣ:

Жалкується Лиманъ морю,
Що Дніпръ робить свою волю:
Свої гирла прочищає,
Лиманови закидає.

Какъ бы хотѣлъ я въ эту минуту взглянуть на свѣтлое лицо Богдана, на томъ старинномъ портретѣ его, на который глядѣли, вѣроятно, и онъ самъ, и его изобразитель Коховскій! Я разумью портретъ, гравированный гданскимъ Нѣмчиномъ Вильгельмомъ... (фамиліи не припомню).... 1650 года, когда Хмельницкій былъ на верху своей славы.

Р. S. Въ моемъ извѣстїи о Грабянкиной лѣтописи, напечатанномъ въ Москвитянинѣ 1855 года, я различалъ двѣ ея редакціи: одну (славянскую), изданную въ Кіевѣ 1854 года, другую, напечатанную въ Россійскомъ Magazinѣ В. Туманскаго, 1793 года. Въ обзорѣни источниковъ вашей книги «Богданъ Хмельницкій» не упомянуты оба печатныя изданія, а показана (подъ № 17-мъ) *рукописная* «Исторія о дѣйствіяхъ презѣльной брани». Судя по этому заглавію и по многимъ свѣдѣніямъ, изъ нея приведеннымъ, это лѣтопись Грабянкина. Но у васъ иногда приводятся изъ нея очень любопытныя свѣдѣнія, какихъ нѣтъ ни въ двухъ печатныхъ изданіяхъ, ни въ другихъ извѣстныхъ мнѣ ея спискахъ. И такъ ваша рукопись составляетъ особую, третью редакцію этой лѣтописи, полнѣйшую и доселѣ неизвѣстную? Весьма любопытно было бы ваше подробное объ ней извѣстіе.

Въ вышеупомянутой статьѣ моей я высказалъ свое мнѣніе, что историческое *введеніе*, находящееся при «лѣтописи Самовидца», извлечено все изъ Грабянкиной лѣтописи, вѣроятно, тѣмъ же лицомъ, которымъ написано продолженіе лѣтописи Самовидца до 1734 года. Необходимымъ считаю объ этомъ сказать напередъ; ибо все, что говорится въ томъ введеніи, я не признаю за свидѣтельство заднѣпровскаго козака XVII-го вѣка, а отношу къ Гадяцкому полковнику старшинѣ Григорію Грабянкѣ и къ позднѣйшему сократителю его сказанія для лѣтописи Самовидца. Такимъ образомъ, извѣстіе о Кодацкомъ событіи я полагаю заимство-

ваннимъ изъ Коховскаго сперва Грабянкою, а изъ него уже взятымъ во введеніе къ лѣтописи Самовидца. Подробнѣе изложу мое мнѣніе при отвѣтѣ на ваше *объясненіе*.

30 ноября 1860.

Письмо девятое

(О воспитаніи Богдана Хмельницкаго)

Обращаюсь къ началу характеристики Богдана, составленной вами на 1646 годъ, къ пріѣзду на Украину канцлера Оссолинскаго. Вы говорите: «самъ коронный гетманъ Конецпольскій, врагъ козацкаго сословія, уважалъ его дарованія, хотя смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ. Ни милости короля, ни ласки пановъ, не передѣлали его въ Поляка, что случилось съ другими Южноруссами. Отъ іезуитовъ, воспитавшихъ его, получилъ онъ только ту скрытность, съ какою умѣлъ хранить до времени задуманное, наружно улыбаться и показывать видъ веселости и пріязни, когда въ душѣ кипѣла ненависть, — двоедушіе, съ какимъ слѣдовалъ по двумъ противнымъ направленіямъ, потакалъ двумъ партіямъ разомъ, дѣлалъ два дѣла въ одно и то же время, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ третье, ни для кого непроницаемое... (I, 46)».

Здѣсь Хмельницкій написанъ вами въ два свѣта, по двоякому о немъ представленію — своему собственному, и заемному. Въ первомъ свѣтѣ — онъ щирый украинецъ, самобытный и крѣпкій въ своенародности, не смотря ни на какіе соблазны и обаянія міра; въ другомъ свѣтѣ — онъ питомецъ іезуитовъ, преемникъ ихъ двоедушія и скрытности. Посмотримъ же на характеръ Хмельницкаго съ той и другой стороны.

Вѣками рождаются такіе люди, какъ былъ Богданъ у народа украинскаго, — представитель его въ исторіи; потому и природа южнорусскаго чело-вѣка должна была явиться въ немъ своеобразно и полносильно. Не такимъ щирымъ Украинцемъ и не на то родился онъ на свѣтъ, чтобы ему *ополячиться* отъ какихъ бы ни было милостей и ласокъ въ свѣтѣ, чтобы ему измѣниться въ коренныхъ свойствахъ души отъ вліянія хитроумныхъ іезуитовъ.

Многіе Южноруссы, изъ поколѣнія современнаго Хмельницкому, перерождались въ Поляковъ, вслѣдствіе религіозныхъ и политическихъ убѣжденій и увлеченій, происходившихъ отъ воспитанія ихъ польскими іезуитами, отъ брачныхъ связей съ поляками, и т. п. Но это случилось преимущественно съ людьми высшаго сословія, по большей части слабодушными, и — всего менѣе съ украинцами. Въ сословіи козац-

комѣ, и особенно въ печальное десятилѣтіе, бывшее передъ гетманствомъ Хмельницкаго, многіе изъ его украинскихъ сослуживцевъ совсѣмъ передавались на сторону польскихъ пановъ и становились ихъ угодниками и потаковниками — изъ своекорыстныхъ видовъ. Изъ числа такихъ, выше всѣхъ поднались тогда, въ генеральные асаулы — Иванъ Барабашъ Черкасскій, Украинець *Татарскаго* происхожденія, да Ильяшъ Караимовичъ Переяславскій, прозывавшійся у козаковъ *Армянчикомъ*. Богданъ Хмельницкій, щирый Украинець, оставался преданнымъ *своенародности*, за что не любили его польскіе паны и полковники и комиссаръ, поставленные на Украинѣ вмѣсто козацкихъ полковниковъ и гетмана послѣ войны Острианицынской (1638 г.).

Посмотримъ, однако же, — какія особенныя *милости* и *ласки* были заслуженному Чигиринскому сотнику, чтобы имъ давать такой большой вѣсъ въ его характеристикѣ? Изъ вашей книги видна только одна королевская милость Хмельницкому: сабля за храбрость, данная въ войну подъ Смоленскомъ (1634 г.). Правда, самъ Богданъ, въ письмахъ къ Потоцкому и Шембергу (писанныхъ въ декабрѣ 1647 года), говоритъ, что ему, за его службы Польской коронѣ и всей Речи Посполитой, король подарилъ участокъ земли въ Чигиринскомъ повѣтѣ и утвердилъ свою привилегію; объ этомъ говорится и у нѣкоторыхъ Поляковъ, напримѣръ, въ «Исторіи о бунтахъ Хмельницкаго»; но Коховскій смотрѣлъ на это глазами Чаплинскаго и его покровителей, и Богданово владѣніе тою землею признавалъ незаконнымъ. Что касается до панскихъ ласокъ Богдану, то прежде 1646 года не видно ихъ ни откуда, кромѣ той развѣ, что Конецпольскій, уважавшій его дарованія, не воспретилъ ему населять вольноприхожими людьми отцовскую слободу его Суботовъ, на что Богданъ имѣлъ, кажется, законное право, какъ сынъ подстаросты и сотника Чигиринскаго, и самъ сотникъ Чигиринскій, бывшій и войсковымъ или генеральнымъ писаренъ. А съ 1646 года, послѣ пріѣзда на Украину канцлера Оссолинскаго, полились на заслуженнаго Богдана такія панскія ласки, отъ какихъ и Поляки бѣгали на Запорожье и становились козаками.

Великою школою козацкой жизни была тогда Запорожская Сѣчь, изъ которой выходили и такіе крѣпкодушные, побѣдоносные мужи, какъ гетманъ Сагайдачный, и такіа бѣдовыя головы, какъ гетманъ Павлюкъ, что стоялъ уже разъ у Варшавской плахи вмѣстѣ съ Сулимою, но отпущенный тогда по просьбѣ Турецкаго посла, не унялся, опять пошелъ на огонь и погибъ въ мукахъ на той же площади Варшавской. Богданъ Хмельницкій долго былъ со славою въ той Запорожской школѣ, и, продолжая око-

до 18-ти лѣтъ военную и депутатскую службу въ реестровомъ козачествѣ, между Поляковъ и Украинцевъ, выработалъ изъ себя великаго дѣятеля и подвижника народнаго. Не Ярославскіе Patres Societatis Iesu, а суровый, долгій опытъ жизни между различныхъ огней научилъ нашего многодаровитаго Украинца тому искусству воина — политика, съ какимъ онъ, ставши гетманомъ, разыгралъ свою великую роль на театрѣ Польско-русскаго міра, — какъ онъ отчасти и самъ говорилъ, въ Бѣлоцерковскомъ универсалѣ, что примѣрами прежнихъ гетмановъ научился онъ «осторожности и лучшого воинского управленія».

Коховскій, какъ художникъ классическій, не могъ иногда не полюбоваться героемъ козачины, забывая въ себѣ на минуту *рыцаря Польскаго*. Когда Хмельницкій, послѣ двухъ первыхъ, блистательныхъ побѣдъ надъ Поляками, расположился таборомъ подъ Бѣлою Церковью и позвалъ къ себѣ Украинскій народъ своимъ универсаломъ, Коховскій говоритъ: «Chmelnicus tum, post Corsunenses Cannas — Annibal». Но то было торжественное явленіе исторической жизни; тамъ Хмельницкій во весь ростъ — и онъ ясенъ тогда для историка-художника польскаго; а козацкая душа Богдана была для него именно, какъ говоритъ русская пословица: чужая душа потѣмки. Коховскій, какъ *eques Polonus*, ненавидѣлъ Хмельницкаго, глядя на него, какъ на величайшаго мятежника Польской республики и называя его *жестокимъ матереубійцею*; и не мудрено, если *внутренний челоуѣкъ* Богдана представлялся ему темнымъ призракомъ іезуитскаго устройства; а навести протраву іезуитства на личность Богдана — значило напередъ уже помутить ея героическій блескъ и для своего собственнаго на нее взгляда.

Если не ошибаюсь, мы одному Коховскому обязаны за извѣстіе, что молодой Хмельницкій учился сперва въ *Кіевской школѣ*, а потомъ отданъ былъ въ *Ярославъ къ отцамъ іезуитамъ*. Это извѣстіе, повторенное у насъ Грабянкою и другими, для насъ очень важно, при совершенной бѣдности нашихъ свѣдѣній о молодости Богдана; мы даже не знаемъ его лѣтъ, чтобы опредѣлить себѣ, когда онъ учился въ Кіевѣ, когда отданъ въ Ярославъ и долго ли тамъ пробылъ. Но для меня весьма сомнительнымъ кажется, чтобы Михайло Хмельницкій отдалъ своего сына въ Ярославъ — отцамъ іезуитамъ, при тогдашней ненависти къ нимъ у всего народа южнорусскаго. Если и пришлось ему отдавать своего Богдана послѣ Кіева въ Ярославъ, то скорѣе отдать было въ ту Латино-Польскую школу, которая тогда процвѣтала тамъ, независимо отъ Коллегіума іезуитскаго; а Польскій историкъ, писавшій о Богданѣ Хмельницкомъ черезъ четверть вѣка послѣ его кончины, весьма могъ вмѣсто

одного Ярославскаго училища назвать другое, болѣе извѣстное въ его время ¹⁾. Если бы я зналъ, что молодой Богданъ отданъ былъ изъ Кіева въ Ярославъ около 1600 года, тогда бы я поставилъ на видъ еще одного *Ярославскаго просвѣтителя*, Православно-Русскаго: это Лаврентій Зизаній — Тустановскій, бывшій проповѣдникомъ при церкви Ярославской и учителемъ при сыновьяхъ князя Александра Константиновича Острожскаго, а по его смерти († 1603 г.), прогнанный оттуда по проискамъ іезуитовъ. Впрочемъ, и въ тѣ поры дѣти Русскихъ людей попадали въ іезуитскія школы; это могло случиться и съ Богданомъ Хмельницкимъ; а потому, хотя и подѣ сомнѣніемъ, я допускаю свидѣтельство Коховскаго, что Хмельницкій учился въ Ярославѣ — *у отцовъ іезуитовъ* (если бы даже онъ отданъ былъ туда изъ Кіева и не къ нимъ, а къ другимъ просвѣтителямъ). Но я не могу согласиться съ вами называть Ярославскихъ іезуитовъ — воспитателями Богдана; въ немъ не было того именно, чѣмъ отличались тогдашніе питомцы этихъ хитроумныхъ просвѣтителей. Они отбивали у Русскихъ юношей любовь къ своенародности и къ неразлучному съ нею православію, переводили ихъ на католичество; а Богданъ Хмельницкій былъ непреклоннымъ поборникомъ своенародности и православія. Питомцы іезуитовъ являлись приверженцами и почитателями своихъ учителей и ихъ коллегіумовъ; а Хмельницкій былъ страшнымъ гонителемъ и ненавистникомъ іезуитовъ и ихъ коллегіумовъ. Поэтому вліяніе коллегіума Ярославскаго на Богдана послѣ Кіевской школы (разумѣется, Братской) я ограничилъ бы только умственнымъ образованіемъ, дальнѣйшимъ усовершеніемъ его въ *наукахъ вызволѣнныхъ*, которыми Южная Русь такъ охотно въ томъ вѣкѣ заимствовала въ всѣхъ доступныхъ ей училищахъ латинозападныхъ.

Вы говорите, что Хмельницкій получилъ отъ іезуитовъ *скрытность* и *дводушіе*. Это не мало, когда эти два свойства полагаются въ основу его характера и даются ему, какъ отличительныя черты его общественной дѣятельности, до 1647 года. Но я не могу признать такого воспріятія отъ іезуитовъ крѣпкою и самобытною душею Украинца — Богдана. Если бы въ немъ и была, на примѣръ, скрытность и въ большой степени, я призналъ бы ее за природное и доморощенное свойство его, и не отнесъ бы ее къ іезуитамъ, потому что и безъ ихъ вліянія — скрытность

1) Подобныхъ замѣнъ одного мѣста, года, лица другими можно привести множество изъ разныхъ писателей. У Коховскаго, на примѣръ, кончина Богдана положена въ *іюнь* вмѣсто августа, ставится небывалый полкъ Остерскій вмѣсто Прилуцкаго и прочая.

была присущею большинству Украинскаго народа, происходящею въ немъ изъ той *сосредоточенности* въ себѣ, которая принадлежала къ кореннымъ свойствамъ Украинскаго духа и характера. Впрочемъ, Богданъ Хмельницкій не скрылъ своего *свободомыслія* передъ Конецпольскимъ на Кодакъ — и въ какую минуту? Когда грозный коронный гетманъ воображалъ, что успѣлъ уже *зануздать* тою крѣпостью своевольное козачество, *остѣдланное* на Масловомъ ставу, послѣ войны Острияницынской ¹⁾. Хмельницкій не скрывалъ своей преданности и любви къ *своенародности* передъ польскими властями, поставленными тогда надъ козачествомъ. Да и прежде того, отъ самой коронаціи Владислава, онъ былъ открытымъ, извѣстнымъ для всѣхъ народнымъ предстателемъ и ходатаемъ о правахъ и вольностяхъ Малороссіи, погранныхъ водворившимися и возобладавшими въ ней Поляками. Знали хорошо его съ этой стороны и король, и канцлеръ, если на него преимущественно возлагали въ 1646 году свое предпріятіе; если, въ слѣдующемъ году, король говорилъ ему: «извѣстно мнѣ твое *чистое сердце* (I, 66)». Во всемъ этомъ не видно еще особенной *скрытности* въ Богданѣ.

Но посмотримъ, какъ основанный на іезуитскомъ двоедушіи и скрытности психическій образъ Богдана отражается и оправдывается въ его исторической дѣятельности.

2 декабря 1860.

Письмо десятое

(Объ участіи Хмельницкаго въ козацкихъ возстаніяхъ на Поляковъ)

У васъ, въ характеристикѣ, сказано: «Не проходило мятежа, чтобъ Хмельницкій въ немъ не участвовалъ: былъ онъ сподвижникомъ Тараса Павлюка, Острияницы, возбуждалъ совѣтомъ и одобрительною рѣчью собратій противъ Поляковъ, но не стоялъ на челѣ возстанія, другимъ уступалъ первенство, и когда зачинщики расплачивались за смѣлость на плахѣ или колесѣ, на Хмельницкаго никто не могъ доказать. Услуги, оказанныя королю, и видимая преданность Речи Посполитой отклоняли отъ него всякое подозрѣніе».

1) У Коховскаго, при анекдотѣ о Кодакъ, сказано: «ratus Dux, quod res erat, eum licentiosorum obicem ac fraenum, obliquo Cosacos intueri oculo»....

Современникъ Хмельницкаго Ерличъ такъ выражался въ своей лѣтописи: «Na któirą to wojnę pohamowanych już osiedlonych dobrze chłopów, ze swywoli zartzymanych dobrym munsztukiem Hetmanów koronnych (I, 52)».

Какъ же отклоняли всякое подозрѣніе, когда самъ Конецпольскій «смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ?» Вотъ это и составляетъ для меня фактъ первостепенной важности, что Хмельницкій, въ подозрительныхъ глазахъ такихъ немилостивыхъ *современниковъ*, какъ Конецпольскій и его товарищъ Потоцкій, не былъ признанъ участникомъ въ козацкихъ возстаніяхъ, бывшихъ въ *тридцатые* годы того времени. Ни подѣ видимою преданностью Речи Посполитой, ни подѣ услугами королю, не укрывъ бы онъ своего постоянного участія во всѣхъ козацкихъ мятежахъ, если бы оно было. Впрочемъ, особенныхъ услугъ самому королю Хмельницкій, кажется, не оказалъ никакихъ; но онъ искренно былъ *преданъ* Владиславу и много надѣялся на него для Украины, какъ и вообще козаки любили этого короля и на него всегда полагались. Поляковъ не любилъ Хмельницкій; но какъ *рыцарь* «Войска его королевской милости Запорожскаго» и какъ гражданинъ Речи Посполитой, онъ оказывалъ ей *заслуги* очевидныя и несомнѣнныя и могъ съ полнымъ правомъ говорить Потоцкому (въ вышеупомянутомъ письмѣ отъ 29 декабря 1647 года): «не выписую тутъ праць и трудовъ моихъ для общаго добра Короны Польской и цѣлой Речи Посполитой... самъ о ихъ вѣдаешь, возможность ваша».

Я представилъ вамъ, въ первомъ письмѣ, мой выводъ о томъ, какъ у насъ — однимъ почеркомъ пера лѣтописца Грабянки — Хмельницкій сталъ участникомъ «во *всѣхъ* бранехъ козацкихъ противъ Ляховъ». Почему же бы и не стать?... Но Хмельницкому тогда не дожить бы до своей *презльной брани* съ Ляхами. Онъ не принадлежалъ къ такъ называвшейся *войсковою черни*, къ толпѣ козацкой, послѣ всякаго возстанія приводимой къ присягѣ и прощаемой. Онъ былъ такимъ виднымъ лицомъ въ козачествѣ, что его примѣтили бы — не то на чолѣ или на крылѣ, но и въ хвостѣ всякаго возстанія. Онъ былъ сотникомъ и обывателемъ Чигиринскимъ, слѣдовательно былъ на глазахъ у старостовъ и дозорцевъ Чигиринскаго старосты Конецпольскаго. И не могло же дѣло кончатся всякій разъ только тѣмъ, что на «Хмельницкаго никто не могъ доказать». Нашлись бы на доказательство и между козаками такіе людцы, какъ Чигиринскій товарищъ Богдана, полковой асаулъ Романъ Пешта, который тотчасъ донесъ на него молодому Конецпольскому въ 1647 году, какъ только онъ замыслилъ о возстаніи. Вѣдь были же, въ угоду старому Конецпольскому, реестровые козаки для обманнаго взятія гетмана Сулимы изъ самой Сѣчи Запорожской. Вѣдь сами же Чигиринцы, по взятіи Павлюка подѣ Боровицею, явились туда съ своимъ полковникомъ Дорошемъ, и выдали Потоцкому Павлюкова полковника Сачка; сами же Ирклѣвцы выдали

тогда Кіевскаго сотника Кизима, который потомъ, рядомъ съ своимъ сыномъ, торчалъ на колѣ передъ Кіевскимъ замкомъ (на горѣ Киселѣвкѣ). А сколько буйныхъ головъ тогда въ Переяславѣ и Нѣжинѣ переказали Потоцкій.... И ужъ вѣрно онъ не допустилъ бы Богдана подъ Боровицею къ званію *войсковаго писаря*, если бъ былъ онъ сподвижникомъ Павлюка, какъ не допустилъ тогда Каирскаго, выбраннаго козаками въ гетманы, а назначилъ имъ въ старшіе Ильяша Переяславскаго. Гдѣ вы нашли современное указаніе, или хотя сказаніе XVII-го вѣка, что Богданъ былъ *сподвижникомъ* Павлюка?

У Коховскаго сказано, что Хмельницкій участвовалъ въ возстаніяхъ Тараса и Острияницы съ Гунею, но избѣжалъ *заслуженной кары*. Трудно повѣрить, чтобы Хмельницкій въ ту пору избѣжалъ кары за два возстанія. Допустимъ, что онъ, на прощанье съ Запорожскимъ товариществомъ, могъ поучаствовать въ знаменитой *суботѣ*, заданной Конецпольскому гетманомъ Тарасомъ подъ Переяславомъ, весной 1630 года ¹⁾ и что это прошло ему безнаказанно. Но если бы потомъ, будучи уже въ Реестровомъ козачествѣ, Хмельницкій замѣшался въ возстаніе Павлюка ли, Острияницы ли, ему бы не укрыться отъ очей Конецпольскаго и не избѣжать бы заслуженной кары. Его смѣлое слово Конецпольскому на Кодакѣ врядъ ли могло пройти безнаказанно, если бъ онъ былъ участникомъ и въ одной суботѣ Тарасовой. Вѣроятноже, что участіе въ возстаніяхъ Тараса и Острияницы приписано Хмельницкому уже впоследствии, заднимъ числомъ, также какъ и подозрѣніе пановъ объ участіи его съ Сулимою. Тутъ нельзя еще положиться на одно слово Коховскаго, конечно, не имъ выдуманное, но пристрастно имъ повторенное. Иное дѣло, когда онъ говоритъ, что *нашелъ* онъ въ *коментаріяхъ* Кумейской войны, что послѣ нея Хмельницкій былъ однимъ изъ семи депутатовъ козацкихъ къ королю. Къ этому прибавляетъ онъ, что Хмельницкій, при томъ случаѣ, высмотрѣлъ внутреннее состояніе Польской республики «*ac velut viscera inspexisse, in quae post, atrox Matricida, saeviret*». Польскому историку, какъ видно, неизвѣстно было, что Хмельницкому уже прежде былъ гораздо удобнѣйшій случай высмотрѣть внутренность Республики, когда онъ былъ однимъ изъ козацкихъ депутатовъ при избраніи въ короли и при коронаціи Владислава, да и послѣ, въ 1647 году, когда онъ былъ въ Варшавѣ во время Майскаго сейма, на которомъ

¹⁾ Въ вашей книгѣ возстаніе гетмана Тараса положено въ 1628 году (I, 29); но я нахожу, что зтотъ годъ у Грабянки поставленъ ошибочно, и признаю вѣрнымъ 1630 годъ, какъ въ лѣтописи Львовской.

довершилось неистовое возстаніе пановъ противъ короля и канцлера, происшедшее на сеймѣ прошлогоднемъ.

У васъ какъ-будто ограничено участіе Богдана во всѣхъ козацкихъ мятежахъ тѣмъ, что онъ «возбуждалъ совѣтомъ и одобрительнымъ словомъ собратій противъ Поляковъ». Но Поляки и сами тогда достаточно возбуждали противъ себя Украинцевъ своими непрестанно-возраставшими обидами, насиліями и неправдами, съ чѣмъ вмѣстѣ разгоралась все болѣе неугасимая ненависть къ нимъ и месть въ сердцахъ козацкихъ, особенно на Запорожьи. Раздувать пылающій костѣрь — дѣло напрасное, но толкать своихъ собратій въ огонь, самому отъ нихъ отбѣгая, но укрываться во мракѣ, когда передовые смѣльчаки гибли на плахѣ, на колесѣ, на кольяхъ, — это дѣло безчестное, несовмѣстное съ славною памятью Богдана. Когда повезли въ Варшаву Павлюка и Томиленка, сподвижникъ ихъ Сахно самъ поѣхалъ за ними добровольно, чтобы раздѣлить тамъ одну съ ними участь. Если Хмельницкій (какъ говоритъ Величко), ходячи съ козаками Запорожскими полемъ и моремъ, не закрывалъ своего предъ непріателемъ ока, за что у Войска Запорожскаго въ особливой былъ чести и повагѣ, — то ужъ, конечно, не отсталъ бы онъ отъ нихъ и теперь, если бѣ былъ товарищемъ и совѣтникомъ ихъ возстаній, не хотѣлъ бы терять своей чести и славы козацкой, своего добраго имени въ отчизнѣ.

«За жизнь, за бѣдный даръ — не измѣнюсь душой!»

Послѣ того у васъ сказано: «Онъ при случаѣ дѣйствовалъ даже противъ своихъ соотечественниковъ». При какомъ же это случаѣ? Можетъ быть, у васъ есть въ виду какіе-нибудь особенные случаи изъ жизни Богдана до 1646 года; но они мнѣ неизвѣстны. Я полагаю только, что нельзя придавать ему, какъ темную черту его характера, того, что для него и для другихъ могло быть только лихою долею козацкою, только печальною необходимостью тогдашняго положенія, устроеннаго Конецпольскимъ, который, забравъ въ свои руки реестровое козачество, раздружилъ его съ Товариствомъ Запорожскимъ и противопоставилъ ихъ другъ другу. Само собою разумѣется, что если бы Хмельницкій былъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Остряницы и Гуни, тогда онъ дѣйствовалъ бы противъ тѣхъ соотечественниковъ своихъ, реестровыхъ козаковъ, которые находились въ битвахъ подъ командою Конецпольскаго и Потоцкаго; а если бы онъ находился въ этихъ рядахъ, тогда бы онъ дѣйствовалъ противъ соотечественниковъ, находившихся подъ знаменами гетмановъ козацкихъ. Избѣжать этой Сциллы — Харибды онъ могъ только *неучастіемъ* въ

тѣхъ междоусобныхъ польско-козацкихъ битвахъ, которыя на ту пору, при тогдашнемъ раздѣленіи козачества, безуспѣшно истощали украинскую силу и только поощряли одолювающихся Поляковъ къ еще большему уничтоженію Малороссійскаго народа. Возможность къ неучастію въ тѣхъ битвахъ была для Хмельницкаго по многимъ другимъ его службамъ — походной сторожевой, депутатской; но какъ было на самомъ дѣлѣ, о томъ ничего нельзя сказать утвердительно, по недостатку *современныхъ* указаній на боевое участіе Хмельницкаго въ тѣхъ войнахъ польско-козацкихъ. Безъ современныхъ, опредѣлительныхъ свидѣтельствъ объ участіи Хмельницкаго во всѣхъ козацкихъ возстаніяхъ — Тараса, Павлюка, Острияницы и Гуни — я смотрю на сказаніе объ этомъ только какъ на *мнѣніе* историковъ, и, по всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, не могу признать его справедливымъ. Если въ глазахъ такихъ современниковъ, какъ Конецпольскій и Потоцкій, не признанъ былъ Хмельницкій сподвижникомъ козацкихъ гетмановъ, поднимавшихъ оружіе на Поляковъ, то не намъ, потомкамъ взводить на него эту преждевременную вину противъ республики Польской.

У васъ на слѣдующей (47-й) страницѣ сказано, что когда Оссолинскій, въ 1646 году, привезъ козакамъ, вмѣстѣ съ королевскою грамотою, ихъ знамя и гетманскую булаву, и преимущественно на Хмельницкаго возлагалъ королевское предпріятіе, тогда онъ «самъ отказался, до времени, отъ начальства и предоставилъ его Барабашу: онъ не хотѣлъ волновать умы слишкомъ рано!» Какой же мудрѣный выходитъ Богданъ: не рано ему было волновать умы тихимъ омутомъ, лѣтъ за десять, за пятнадцать, подъ тяжелою булавою Конецпольскаго, рискуя потерять и свою голову на плахѣ и свое доброе имя въ козачествѣ; а *слишкомъ рано* показалось ему волновать умы теперь, когда давались ему въ руки и гетманская булава и козацкое знамя отъ самого короля, когда, какъ нарочно, не стало на свѣтѣ и могучаго томителя козачины, стараго Конецпольскаго, вскорѣ послѣ женитьбы его на молодой женѣ (1646 г. 26 апрѣля). Будь у Хмельницкаго «духъ бурный, склонный къ волненію» — не упустилъ бы онъ такого благопріятнаго къ тому случая. Прежде онъ *уступалъ первенство* смѣлымъ Запорожскимъ вождямъ, выходившимъ на Поляковъ, какъ на вѣрную смерть, для спасенія Украины и православной вѣры; теперь — онъ *предоставляетъ начальство* Барабашу, своекорыстному угоднику польскихъ пановъ и *недругу отчизны Малороссійской*.... Полно, такъ ли было на самомъ дѣлѣ! Читаю ваши послѣднія слова въ характеристикѣ: «и бурную юношескую пылкость, и хладнокровную поступь разсудительнаго старца, и суровость и мягкосердіе онъ умѣлъ употреблять,

когда нужно было, и, изъ всѣхъ его движеній, никто бы не узналъ, что на душѣ у него».

Можетъ быть онъ и былъ таковъ, еще до гетманства своего, искушенный опытомъ многотрудной жизни среди стихій разнонародныхъ, и его козацкая душа осталась задачею неразгаданною. Къ сожалѣнію, нѣтъ у насъ въ виду ни его писемъ до 1646 года, ни его прежнихъ бесѣдъ съ козаками, записанныхъ современными Украинцами, чтобы можно было по нимъ сколько-нибудь дознаться: что было на душѣ у него, когда собирались козацкія ополченія на Поляковъ подъ знаменами Тараса, Павлюка, Острияницы? Объ этомъ можно сказать развѣ словами народно-украинской думы:

Тільки Богъ святий знає,
Що Хмельницькій думає-гадає!

4 декабря 1860 г.

Письмо одиннадцатое

(Въ конецъ характеристики Богдана)

При нынѣшней разработкѣ архивныхъ рудниковъ и историческихъ рѣзсылей Южнорусской земли, могутъ еще найтись неизвѣстныя доселѣ современныя извѣстія о Богданѣ Хмельницкомѣ, озарить неожиданнымъ свѣтомъ всю его догетманскую жизнь, и измѣнить во многомъ наши о немъ представленія и соображенія. Но изъ того, что *положительно* извѣстно о ней теперь, для меня кажется вотъ что: служба около 18-ти лѣтъ въ Реестровомъ козачествѣ, Хмельницкій былъ у него въ постоянномъ довѣрїи и почитался разумнымъ совѣтникомъ народнымъ; — въ продолженіе этого времени онъ не утратилъ и въ Запорожскомъ Товариствѣ своей чести и славы козацкой, заслуженной въ прежніе годы; обѣ раздруженныя половины козачества соединились въ прежнее согласіе — однимъ Богданомъ, и стали подъ его знамя единодушно, за цѣлость своей отчизны Малороссійской; всего этого достигнуть онъ могъ только прямою доблестью и жизнію честною, а не лукавымъ двудушїемъ.

Звѣзда Хмельницкаго возшла на Черномъ морѣ, въ то время, какъ на Холтинскомъ полѣ западала звѣзда стараго Сагайдачнаго. Жизнь этого достопамятнаго гетмана, который, служа со славою Польской коронѣ и всей Речи Посполитой, сдѣлалъ для блага Украины все, что только могъ онъ сдѣлать тогда, не поднимая оружія на Поляковъ, — она служила примѣромъ для Богдана Хмельницкаго; его путемъ проходилъ онъ по-

прище своей *догетманской* жизни, мужественно и долготерпѣливо, какъ храбрый воинъ и честный гражданинъ республики Польской, какъ добрый и надежный сынъ своей *козацкой матери*, Украины. Но ему суждено было пройти еще своимъ путемъ — поприще *гетманской* жизни, и безпримѣрно совершить то дѣло, на которое безуспѣшно порывались другіе Украинцы в продолженіе полувѣка. «*Встала обида въ силахъ Дажбожа внука*». И когда нашъ заслуженный Чигиринскій сотникъ, смертельно оскорбленный и поруганный отъ польскихъ пановъ, потерявшій все свое долготерпѣніе, и поощренный самимъ польскимъ королемъ, на «защиту Украины отъ Поляковъ мушкетомъ и саблею» — бѣжалъ на Запорожье и, укрѣпляясь на Днѣпровскомъ островѣ, велъ переговоры съ Потоцкимъ, — тогда современники — Поляки заговорили такъ: «вотъ что надѣлала жадность полковниковъ и тиранское съ козаками обхожденіе!» — или: «комиссія должна судить полковниковъ и самого комиссара, которые наварили этого пива!» А они еще и не предвидѣли, какъ это пиво выпьется. А Потоцкій — *розумъ жиноцькій*, ускользнувшему отъ его рукъ Хмельницкому, предлагалъ выйти мирно изъ Запорожья, *увѣряя его своимъ словомъ*, что не спадетъ и волосъ съ головы его.... Повѣрилъ бы его слову Богданъ послѣ того, какъ и Тарасъ и Павлюкъ попали на Варшавскую плаху, положась на такое же увѣрительное слово, и съ козаками продолжалось то же, что въ 1252 году случилось съ княземъ Даниломъ Романовичемъ, по выраженію древней лѣтописи Волынской: «Ляхове же общались, но не исполниша».

Мой разборъ характеристики Богдана конченъ; смотрите и рѣшайте: что въ немъ есть справедливаго и что ошибочнаго; отъ послѣдняго — я отступлюсь охотно.... А между тѣмъ перехожу къ вашему «Объясненію», чтобы сказать на него мое отвѣтное слово о догетманской жизни Богдана.

5 декабря 1860.

Письмо двѣнадцатое

(О Никольскомъ пирѣ Хмельницкаго)

Думалось повести рѣчь о той шляхетской повѣсти, какъ молодой Богданъ бѣжалъ на Запорожье изъ Бродъ, отъ меча *какого-то пана Потоцкаго*; а пришлось остановиться еще на той исторической были, какъ бѣжалъ на Запорожье изъ Чигирина старый Хмельницкій, когда надъ его голо-

вою повисъ мечъ короннаго гетмана *Николая Потоцкаго*. Въ нынѣшній день мнѣ вспоминался знаменитый *Никольскій пиръ*, заданный Богданомъ на утѣху козацкой Украины, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ несчастливой битвы Кумейской. (Памятенъ былъ нынѣшній день и для Украины княжеской взятіемъ нашего первопрестольнаго Кіева Батыемъ). Хочу побесѣдовать съ вами сегодня о Никольскомъ пирѣ Богдана — и вотъ по какому поводу: въ вашей книгѣ онъ положенъ годомъ ранѣе, т. е. не 1647-го, а 1646-го, и не въ Чигиринѣ, а въ Суботовѣ; а я на такое назначеніе времени и мѣста не могу съ вами согласиться. Тамъ достопамятный пиръ устроенъ былъ для отобранія *штучнымъ способомъ* у Барабаша затаенныхъ имъ королевскихъ грамотъ; и какъ только онъ очутился въ рукахъ Хмельницкаго, ему нельзя было уже ни одного дня оставаться на Украинѣ, и онъ поскакалъ съ ними на Запорожье на разсвѣтъ 7 декабря, а прибылъ туда 11-го. И такъ между днемъ Никольскаго пира и днемъ прибытія Богдана на Запорожье прошло только четыре дня; а въ вашемъ повѣствованіи тѣ роковые два дня раздвинуты на цѣлый годъ. Противъ этого я представляю вамъ слѣдующія соображенія и доводы.

- 1) Барабашъ, одураченный на весь свѣтъ Хмельницкимъ, не пустилъ бы ему оставаться цѣлый годъ на Украинѣ — съ такимъ опаснымъ орудіемъ, какимъ въ рукахъ его были тѣ королевскія грамоты. При содѣйствіи всѣхъ польскихъ властей, да и самъ не безвластный тогда надъ козаками, Барабашъ немедленно отобралъ бы тѣ грамоты у Хмельницкаго, не *штучнымъ способомъ*, а просто насиліемъ, съ какимъ Чаплинскій отнялъ у Богдана отцовское его наслѣдіе Суботовъ, и самого его обезчестилъ тюремнымъ заключеніемъ.
- 2) Самъ Хмельницкій, имѣя уже въ своихъ рукахъ вождедѣльную для него движущую силу на поднятіе Запорожья и Украины на Поляковъ, не могъ не поспѣшати къ достиженію своей цѣли; и не сталъ бы онъ бесполезно маятись цѣлый годъ на Украинѣ, отдаваясь на тѣ невыносимыя обиды и различныя приключенія, какія претерпѣлъ онъ — въ тотъ бѣдственный, *переломный* годъ своей жизни, рискуя столько разъ потерять ее ни за что, а черезъ то лишити и Украину спасительной помощи, какая была у него и въ немъ.
- 3) Вы говорите, что Хмельницкій приступилъ къ похищенію грамотъ у Барабаша тогда, «когда узналъ о неудачномъ концѣ королевскаго предпріятія на сеймѣ, когда нахлынули на Украину жолнѣры, а Барабашъ, потакая панамъ, казнилъ казаковъ смертью за малѣйшій ропотъ, для предупрежденія бѣльшихъ преступленій и заговоровъ, — тогда Хмель-

ницкій понялъ, что изъ этого всего выйдетъ окончательная гибель Русскаго народа» (I, 52).

Хорошо; но вы на все это даете только *десять* дней сроку, назначая Никольскій пиръ на 6-е декабря 1646-го г.: вѣдь тотъ Варшавскій сеймъ, на которомъ королевское предпріятіе рѣшилось такимъ неудачнымъ концомъ, только *начался 25-го ноября* того года (I, 48).

4) Относя Никольскій пиръ къ 1646 году, вы полагаете, что онъ данъ былъ въ *Суботовѣ*; а послѣ, когда этотъ хуторъ отнять былъ Чаплинскимъ, Хмельницкій, «потерявъ пріютъ, жилъ гдѣ попало, и собирався на Запорожье. (I, 77). По этому представленію, вы говорите, что Хмельницкій, въ письмѣ изъ Запорожья къ комиссару Шембергу, просилъ его «взять подъ свое покровительство домашнихъ слугъ и *какой-то домикъ его въ Украинѣ*». (I, 83).

Но въ письмѣ Хмельницкаго къ Барабашу, того же числа (*27 декабря*) писанномъ, ясно сказано, что тотъ домикъ былъ въ *Чигиринѣ*; тамъ и жилъ нашъ Чигиринскій сотникъ по отнятій у него Суботова; въ томъ дому Барабашъ, упившійся крѣпко на козацкомъ пирѣ, проснулся на другой день, когда хозяинъ скакалъ уже на Запорожье. Вотъ что писалъ онъ къ Барабашу: «тѣшуся прето, же Господь Богъ, вѣдый тайная сердцець людскихъ и всенародное Украинское стенаніе, удостоилъ мя по желанію моему слухнымъ способомъ зъ недишкретной неволи вашей вызволити и на вождельну до войска Запорожскаго свободу привезти оныя привилеи королевскіе.... А я при семъ прошу вашей милости выбаченя, въ чомъ не выгодилемъ ему въ убогомъ дому моемъ, въ Чигиринѣ, на праздникъ святителя Христова Николая, и жемъ отѣхалъ сюда на Запорожье безъ вѣдома и позволеня вашего». (Величко. I, 33). Изъ этого насмѣшливаго извиненія ясно, мнѣ кажется, что Хмельницкій — и объ освобожденіи грамотъ, и объ угощеніи Барабаша въ своемъ Чигиринскомъ дому въ Николинъ день, и о своемъ отѣздѣ на Запорожье — говоритъ какъ о происшествіяхъ *недавнихъ*, т. е. случившихся въ декабрѣ того же 1647 года.

6 декабря 1860.

Письмо тринадцатое

(Повѣсть о побѣгѣ Хмельницкаго изъ Бродь)

Обращаюсь къ происшествію, которымъ начинается лѣтопись Величка и которое онъ заимствовалъ «зъ повѣсти певной шляхты Польской». Я сказалъ въ письмѣ къ Погодину, что этой повѣсти совсѣмъ не слѣдовало бы

принимать въ историческое повѣствованіе о Хмельницкомѣ. Вы въ своемъ объясненіи не соглашаетесь со мною и полагаете, что если бѣ къ той повѣсти не былъ примѣшанъ разсказъ о Кодацкомѣ событіи, то мнѣ «не пришло-бы въ голову сомнѣваться въ ея достовѣрности».

Много значить, изъ какого источника выходитъ извѣстіе. Разсказъ о Кодацкомѣ событіи, составляющій главную завязку той повѣсти, переданъ въ ней съ такимъ лганьемъ, что и остальная половина ея становится отъ того весьма подозрительною. Легко сказать: знаменитый отвѣтъ Богдана Конецпольскому на Кодакъ 1639 года перенесенъ въ повѣсти на молодость Хмельницкаго; вмѣсто Кодацкой крѣпости на Днѣпрѣ поставленъ замокъ Бродскій; вмѣсто Конецпольскаго Хмельницкій отвѣчаетъ Потоцкому: «ясневельможный мосце добродѣю! що рука людская сдѣлаеть, то тая жъ и зопсовати можетъ!» Должно быть потому явились и Броды съ своимъ крѣпкимъ замкомъ, что они принадлежали коронному гетману Конецпольскому, который тамъ и скончался весною 1646 года.

Защищая остальную половину повѣсти, вы говорите: «правила исторической критики не требуютъ на томъ основаніи, что событіе представлено съ невѣрностями, отвергать его сущность, какъ скоро нѣтъ на это положительныхъ доказательствъ».

Но я отвергаю остальную половину повѣсти не по одному только подозрѣнію, падающему на нее отъ первой половины; я отвергаю ее потому, что и въ той *сущности*, которую вы извлекли для своего повѣствованія, вижу такую же передѣлку событія дѣйствительнаго. Молодой Хмельницкій, предостереженный товарищами, бѣжитъ на Запорожье отъ *какого-то пана Потоцкаго*, который, напившись пьянъ за обѣдомъ, хотѣлъ отрубить ему голову, на потѣху своимъ собесѣдникамъ (143). Я вижу ясно, что это не иной кто, какъ Николай Потоцкій, извѣстный своимъ пьянствомъ и распутствомъ, и своею охотою казнить украинцевъ, показанною имъ послѣ войны Кумейской. Этотъ коронный гетманъ и хотѣлъ казнить Хмельницкаго въ исходѣ 1647 года, и уже далъ переясловскому полковнику Кречовскому приказъ взять его подъ крѣпкій арестъ и держать до дальнѣйшей резолюціи; но Кречовскій, по пріязни къ Хмельницкому, предостерегъ его, и тотъ бѣжалъ изъ Чигирина на Запорожье. Вотъ это происшествіе и перенесено на молодость Хмельницкаго — такъ же точно, какъ событіе Кодацкое, сплетенное съ нимъ въ одну повѣсть. Если бы и не было въ ней Кодацкаго событія, я и тогда усомнился бы въ ея достовѣрности — потому именно, что въ ней представленъ побѣгъ Хмельницкаго на Запорожье отъ меча Потоцкаго: —

происшествіе столь же извѣстное, какъ первое. Съ тѣмъ и другимъ историческая критика должна допустить одинаково, и я не отступилъ, кажется, отъ ея правилъ, признавая эту повѣсть баснословною въ обѣихъ ея половинахъ, отвергая равно и завязку. Какую же сущность можно извлечь изъ нея для біографіи Хмельницкаго, столь скудной извѣстіями о его молодости? Развѣ ту, что онъ служилъ конюшимъ у какого-то пана, если не у Потоцкаго, то хоть у Конецпольскаго. Но изъ такого мутнаго источника, какъ эта повѣсть, едва ли надежно взять и эту подробность для исторіи Богдана.

Въ сказаніяхъ, относящихся къ Хмельниччинѣ, современныхъ и позднѣйшихъ, Польскихъ и Украинскихъ, есть немало такого, съ чего нечего взять для повѣствованія историческаго. Вотъ, напримѣръ, хоть у того же Величка: какой живой рассказъ о томъ, какъ Чаплинскій взять былъ козаками изъ Чигирина, привезенъ къ Хмельницкому на Жолтую Воду, и тамъ обезглавленъ — въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ обозу Польскаго, «дабы врагъ мира и покою не лежалъ съ тѣми шляхетскими трупами, которыя съ его причины тамъ на Жолтой Водѣ свои отъ оружія козацкаго всебѣдственно положили головы (I, 64). И все это выдумка!

7 декабря 1860.

Письмо четырнадцатое

(О Цецорскомъ плѣнѣ и Черноморскихъ походахъ Богдана Хмельницкаго)

Приступаю къ главному мѣсту вашего объясненія. Вы говорите: «Максимовичъ укоряетъ меня еще и за то, что говоря о плѣнѣ Хмельницкаго подъ Цецорою, я сказалъ, что онъ былъ въ плѣну *недолго*, вмѣсто того; чтобъ сказать опредѣлительно: *два года*. Вѣря положительно Сѣрку, что Хмельницкій именно въ 1621-мъ году одержалъ надъ Турками побѣду на морѣ, Максимовичъ увидѣлъ, что по этому расчету нельзя пробыть Хмельницкому два года въ неволѣ, а самъ Хмельницкій говорить о своемъ двухлѣтнемъ плѣнѣ; Максимовичъ смѣло прибѣгаетъ въ догадкѣ, что Хмельницкій взять былъ въ плѣнъ прежде Цецорскаго дѣла, и, какъ слѣдуетъ, свою догадку выставляетъ фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію. Но Хмельницкій въ своемъ письмѣ изображаетъ свой плѣнъ, какъ слѣдствіе Цецорскаго сраженія, тотчасъ помянувши о смерти своего отца на этой битвѣ. Что дѣлать съ такимъ разнорѣчіемъ? Не допуская произвольныхъ догадокъ, я счелъ за нужное ограничиться общимъ выраженіемъ *недолго*, и теперь доволенъ тѣмъ, что такъ по-

ступиль: въ приведенной выше рукописи ¹⁾, подѣ 1624 годомъ, я нашель извѣстіе, что козаки возвращались изъ морскаго похода, гдѣ на-несли Туркамъ ужасный вредъ около самого Константинополя. Полагаю, что морской походъ Хмельницкаго именно относится къ этому времени или ранѣе нѣсколько (въ 1624 г. козаки воротились, а воевать могли въ 1623), но не въ 1621 г., а въ письмѣ Сѣрка просто ошибка, происшедшая, можетъ быть, отъ переписчика копіи этого письма. Но предположеніе, какую бы степень вѣроятности оно ни имѣло, еще не есть несомнѣнная истина; во всякомъ случаѣ, думаю, что есть больше основанія допустить послѣднее, чѣмъ то, которое предлагаетъ Максимовичъ». Вы имѣли полную власть отдать своему предположенію преимущество передъ моимъ и назвать его болѣе основательнымъ; но зачѣмъ вамъ было обо мнѣ говорить, будто я свою *догадку*, что Хмельницкій взятъ былъ въ плѣнъ *прежде Цецорскаго дѣла*, выставляю *фактомъ*, не подлежащимъ сомнѣнію. Въ моемъ письмѣ къ Погодину, на 172 страницѣ Украинца, сказано такъ: «въ какіе именно годы онъ былъ въ плѣну, объ этомъ нѣтъ современнаго свидѣтельства (*вѣроятно*, это было еще до 1620 года)». — Видите, *вѣроятно* — и только! Моя догадка предложена на утверженіе или на отверженіе будущимъ историческимъ открытіямъ. Чего добраго: можетъ быть откроется, что Хмельницкій пробылъ два года въ неволѣ — спустя нѣсколько лѣтъ послѣ битвы Цецорской! А пока откроется что-либо новаго и опредѣленнаго объ этомъ предметѣ, я признаю *достовернымъ* и *положительнымъ* только то, что Хмельницкій самъ написалъ о себѣ — въ письмѣ къ королю, побѣжденному подѣ Зборовомъ: что онъ пробылъ въ плѣну *два года*; а *вѣроятнымъ* я нахожу, что это было еще до Цецорской битвы 1620 года, даже прежде, чѣмъ поступилъ Богданъ на службу въ Низовое Запорожское войско. Но этой *смѣлой догадки* моей никакъ не выдаю за *фактъ*, неподлежащій сомнѣнію.

Я вполне согласенъ съ вами, что «*предположеніе*, какую бы степень вѣроятности оно ни имѣло, еще не есть несомнѣнная истина»; но не могу согласиться съ вами въ томъ, чтобы Черноморская побѣда Хмельницкаго, означенная въ письмѣ Сѣрка 1621-мъ годомъ, означена была *ошибочно*. Я вполне вѣрю ему, что та побѣда была *именно 1621 г.* Да вы и сами вѣрили Сѣрку, когда въ своей книгѣ о Хмельницкомъ принима-

¹⁾ Compendium rerum in Polonia gestarum a die Mart 1618 ad diem 18 Julii 1632. (Имп. Публ. Библ. кат. Польск. рукоп., отд. IV № 138).

ли эту побѣду и называли ее блистательною (I, 44): это ясно видно по вашимъ ссылкамъ на тѣ страницы Величка (II, 381) и Симоновскаго (7), на которыхъ находится письмо Сѣрково. Что же васъ разувѣрило, заставило отрицать 1621-й годъ и называть его въ письмѣ Сѣрка — *просто ошибкою*? Неужели то, что вы въ помянутомъ рукописномъ Компендіумѣ нашли подъ 1624-мъ годомъ «извѣстіе, что козаки возвращались изъ морскаго похода, гдѣ нанесли Туркамъ ужасный вредъ около самого Константинополя»? Неужели только эта находка дала вамъ увѣренность, съ какою вы говорите: «Полагаю, что морской походъ Хмельницкаго *именно* относится къ этому времени, или нѣсколько ранѣе (въ 1624 году козаки воротились, а воевать могли въ 1623-мъ), но не въ 1621-мъ»? Другихъ оснований въ объясненіи не представлено. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ основательно ваше новое предположеніе.

- 1) Начать съ того, что вы нашли извѣстіе о такомъ морскомъ походѣ козаковъ, о которомъ давно извѣстно *положительно*, что онъ былъ именно 1624 года. Я сошлюсь въ этомъ хоть на примѣчанія Устрялова, приложенныя къ его переводу Бопланова описанія Украины; тамъ на 138 страницѣ сказано: «въ 1624 году, пользуясь отплытіемъ Турецкаго флота къ Крыму, козаки пристали въ милѣ отъ Константинополя, опустошили загородные дома, мызы»... и т. д. И такъ ваше предположеніе о возможности этого похода въ 1623-мъ году оказывается лишнимъ и неоправданнымъ. Напрасное оно и въ томъ отношеніи, что заставляетъ Запорожцевъ зимовать въ морскомъ походѣ, тогда какъ они свои Черноморскіе походы совершали обыкновенно въ одно лѣто и къ зимѣ возвращались въ Запорожье.
- 2) Вы полагаете, что морской походъ Хмельницкаго *именно* относится къ этому времени, но не къ 1621 году. Но развѣ нашли вы въ Компендіумѣ, что Хмельницкій былъ въ походѣ 1624 года? Кажется, ни откуда еще не видно, чтобы онъ въ немъ участвовалъ. И такъ ваше утверженіе не имѣетъ достаточнаго основанія.
- 3) Но если бы и нашлось современное извѣстіе, что Хмельницкій дѣйствительно былъ въ морскомъ походѣ 1624 года, — это была бы новая прибавка къ его Запорожскимъ подвигамъ; а первая побѣда его надъ Турками 1621 года остается все въ той же ненарушимой силѣ, какъ она поставлена въ письмѣ кошеваго атамана Сѣрка, передъ морскимъ походомъ 1629 года.
- 4) Вы отрицаете теперь побѣду 1621 года, называя ее въ письмѣ Сѣрка *ошибкою*... Ошибки въ годахъ встрѣчаются безпрестанно въ старомъ и

новомъ лѣтописаніи Малороссійскомъ. Но развѣ ошибся и Самуиль Зорка въ своей надгробной рѣчи Богдану, когда, вспоминая о его военныхъ громахъ, отъ которыхъ потрясались ясноцвѣтная Сармація, и берега бурнаго Эвксинопонта, самыя стѣны Цареградскія, сказалъ: «особливе року 1621 (Вел. I, 291)?» Развѣ ошиблись и гетманъ Сагайдачный и король Жигимонтъ III-й, когда въ королевской грамотѣ, данной гетману послѣ Хотинской войны, отъ 12 января 1622 года, сказано такъ: «По-сылаемъ изъ нашей казны королевской чрезъ придворнаго подскарбія 400,000 битыхъ талеровъ, которые должны быть раздѣлены поровну и розданы 50-ти тысячамъ всей войскової черни, какъ тѣмъ, которые были подъ Хотиномъ, такъ и находившимся ва военномъ промыслѣ съ Хмельницкимъ на понтѣ Эвксинскомъ» (Вел. I, приб. 41). А вотъ и самая первая вѣсть о той козацкой побѣдѣ на Черномъ морѣ, записанная въ Дневникѣ Хотинской войны такъ называемаго Матеія Титловскаго. «6 сентября. Избѣжа отъ обозовъ Турецкихъ козакъ нѣкій, который седмъ лѣтъ въ Сарацинской пребывалъ неволь... Онъ же козакъ и возвѣщае, что во обозѣ своемъ Турки проговоруютъ: дванадесять судень, узброенныхъ арматою на морѣ Евксинскомъ, козаки емши потопиша, избывшіи же въ Константинополь убѣжаша, ихъ даже до самыхъ стѣнъ града козаки гоняще, всѣхъ Цареградцовъ устраиша; сея новины перваго провозвѣстителя гнѣвомъ неистовящійся Отоманинъ повелѣлъ удавити; въ день же грядущій заповѣда ко обозу Поляковъ сильное готовить приступленіе. Тое жъ самое и Турки многіи, на страже ятии, единодушнымъ согласіемъ глаголюще, утверждаху». (Вел. I, приб. 11).

Приведенныя три свидѣтельства (за которыя съ благодарностью вспоминаемъ Величка)! подтверждаютъ показанія Сѣрка о 1621 годѣ. Вамъ надо опровергнуть всѣхъ ихъ четырехъ свидѣтелей и пятаго Твардовскаго; а безъ того ваше отрицаніе не будетъ имѣть достаточнаго основанія. Изъ всего сказаннаго видно, почему эту Черноморскую побѣду Хмельницкаго я признаю такимъ же *достовернымъ* фактомъ, какъ и *двухлѣтній* срокъ его плѣна. А какъ только я призналъ эти два историческіе факта, для меня стало яснымъ, что начало Богданова плѣна напрасно полагается въ битвѣ Цецорской: она была въ октябрѣ 1620 года, слѣдовательно, только *за девять мѣсяцевъ* до побѣды Черноморской, этой *блистательной* спутницы войны Хотинской.

Вы говорите о себѣ: «Не допуская произвольныхъ догадокъ, я счелъ за нужное ограничиться общимъ выраженіемъ *недолго* и теперь доволенъ тѣмъ, что такъ поступилъ». Не вижу, чѣмъ же тутъ быть довольнымъ

и на что вамъ нужно теперь это неопредѣленное *недолго* вмѣсто опредѣленнаго самимъ Богданомъ: *два года!* Иное дѣло въ вашей книгѣ, гдѣ вы принимали и Цецорскій плѣнъ, и Черноморскую побѣду 1621 года: тогда вамъ необходимо было прибѣгнуть къ сокращенію двухлѣтняго плѣна, ибо другаго выхода вамъ не было. А теперь, когда вы переставили Черноморскую побѣду на три года впередъ (какъ нѣкогда Ригельманъ переставлялъ ее за три года назадъ, на 1618-й) — ничто не мѣшаетъ Хмельницкому выдержать *двухлѣтній* срокъ своего плѣна. Избѣгая произвольныхъ догадокъ, вы вдались въ произвольное измѣненіе двухъ историческихъ фактовъ, которые должны оставаться нерушимыми.

Въ *Украинцѣ* я обратилъ вниманіе на письмо Хмельницкаго къ королю, 1649 года, — и пояснилъ, какимъ образомъ изъ этого письма произошло мнѣніе о Цецорскомъ плѣнѣ. Вы говорите въ возраженіе мнѣ: «Но Хмельницкій въ своемъ письмѣ изображаетъ свой плѣнъ, какъ *слѣдствіе* Цецорскаго сраженія, тотчасъ упомянувши о смерти своего отца на этой битвѣ»... Нѣтъ, это слѣдствіе выведено уже польскимъ историкомъ, не знавшимъ или не признававшимъ за Богданомъ Черноморской побѣды 1621 года. Въ письмѣ своемъ Богданъ говоритъ сперва о службѣ своего отца и о его смерти подъ Цецорою; а вслѣдъ за тѣмъ говоритъ о себѣ, начавъ съ своего плѣна, по освобожденіи изъ котораго поступилъ онъ въ войсковую службу; его рѣчь о своемъ плѣнѣ пришлась къ упоминанію о Цецорѣ, относящейся къ отцу: оттого и кажется, что плѣнъ происходилъ подъ Цецорою; но когда признаешь Черноморскую побѣду, тогда видишь, что здѣсь Цецорскій плѣнъ только кажущійся. Во всякомъ случаѣ, это такое мѣсто въ письмѣ Хмельницкаго, которое допускаетъ различное толкованіе. Но тѣ слова его письма, что онъ, «уведенный въ плѣнъ, содержался въ тюрьмѣ *два года*» — не подлежатъ никакому толкованію и разногласію: это чистый и ясный фактъ, который и слѣдуетъ принять изъ его письма прежде всего и оставить нерушимымъ. Мнѣніе о Цецорскомъ плѣнѣ есть ошибочное заключеніе изъ Богданова письма, сдѣланное Коховскимъ. По крайней мѣрѣ для нашего лѣтописанья онъ есть первый источникъ Цецорскаго плѣна, которымъ у него позаимствовался Грабянка для своей исторіи; а изъ нея это свѣдѣніе перешло и во введеніе, придѣланное неизвѣстнымъ компиляторомъ къ лѣтописи Самовидца. Зато же у нихъ нѣтъ и помину о Черноморскихъ походахъ Хмельницкаго (то же у Бантыша Каменскаго и у того, кто написалъ *старыми словесы* повѣсть «О томъ, что случилось на Украинѣ», которые прибавили еще и подробности, какъ молодой Бог-

данъ въ Цецорской битвѣ показалъ первые опыты своей храбрости, ворвался далеко въ непріятельскій станъ, и прочая). Такъ смотрю я на происхожденіе и распространеніе мнѣнія о Цецорскомъ плѣнѣ; я отвергаю его, какъ историческій призракъ, подобный разнымъ другимъ призракамъ, которыми достаточно населена исторія козацкой Украины и представителя ея Богдана Хмельницкаго. Когда идетъ розыскъ о его жизни, для насъ важны свидѣтельства современныя, осмотрѣнныя и оправданныя критикою. Къ числу ихъ принадлежитъ отрывокъ изъ письма запорожца Сѣрка. Прочтемъ же слова этого «витязя сильного» — о двухъ Черноморскихъ походахъ Хмельницкаго.

«По немъ, року 1621, тожъ предъ гетманствомъ своимъ, Богданъ Хмельницкій, на морю Чорномъ воюючи въ своихъ моносилахъ, многіе корабли и каторги Турецкіе опановаль и благополучно до Сѣчи повернувся; потомъ року 1629 братья наши Запорожцы съ певнымъ вождемъ своимъ, воюючи въ волнахъ по Евксинопонту, коснулися мужественно и самыхъ стѣнъ Константинопольскихъ, и оныя доволно мушкетнымъ окуривши дымомъ, превеликій султанови и всѣмъ мешканцемъ Цариградскимъ сотворили страхъ и смятеніе, и нѣкоторые одлегльїшіе селенія Константинопольскіе запаливши, тожъ щасливе изъ многими здыбчями до Коша своего повернули».

Нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя подробности и самыя выраженія Сѣрки — *превеликій страхъ и смятеніе*, относящіяся ко второму походу Хмельницкаго, были отнесены у Величка къ первому походу; а самый походъ 1629 года ни у Величка, ни у послѣдующихъ историковъ не былъ отнесенъ къ подвигамъ Хмельницкаго. Не знаю, согласны ли вы съ моимъ мнѣніемъ, что у Сѣрка подъ именемъ *певнаго вождя* разумѣется Богданъ Хмельницкій, названный при первомъ походѣ. А если онъ былъ побѣдоноснымъ вождемъ Запорожцевъ уже въ 1621 году, то нельзя не предположить, что въ Запорожское товариство онъ поступилъ за нѣсколько лѣтъ до битвы Цецорской.

12 декабря 1860.

Письмо пятнадцатое

(О плѣненіи двухъ Кантемиричей, 1629 года)

Къ историческимъ призракамъ я отношу и плѣненіе двухъ Кантемировыхъ сыновъ 1629 года, будто-бы Богданомъ Хмельницкимъ. Хотя этотъ подвигъ и утверждень за нимъ большинствомъ Малороссійскихъ бытописателей, но въ Украинѣ моемъ я передалъ этотъ подвигъ по

принадлежности *Стефану Хмелецкому*, ссылаясь на два современных о томъ свидѣтельства и объясняя ошибку нашего историка Грабянки созвучіемъ двухъ именъ. Вы въ своемъ объясненіи не соглашаетесь со мною и защищаете принятое вами мнѣніе, какъ сказаніе козака Самовидца «близкаго къ этому времени и, вѣроятно, видѣвшаго самого Хмельницкаго: едва ли бы этотъ лѣтописецъ могъ обмануться созвучіемъ именъ».

Козакъ-Самовидецъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ Хмельницкаго, напримѣръ, на похоронахъ Золоторенка въ Корсунской Рождественской церкви. Но сказаніе о поимкѣ Кантемиричей находится не въ самой лѣтописи Самовидца, а во введеніи къ ней, котораго я не признаю уважительнымъ, ибо нахожу, что оно есть позднѣйшая выборка изъ исторіи Грабянкиной, написанной спустя полвѣка по смерти Богдана. Во введеніи сказано: «Року 1629, Зѣновій Михайловъ сынъ Хмѣльницкій, при другихъ вѣрныхъ службахъ своихъ въ королевствѣ Польскомъ, двоухъ Кантемировъ живо до короля привелъ, за что имѣлъ у короля особливую милость, ибо изъ природы былъ разуменъ и полатынѣ изученъ» (стр. 4). Это отголосокъ Грабянкина сказанія: «ходячи въ чамбулы, орду бивалъ и языковъ до кроля привождалъ, а въ року 1699 двоухъ Кантемировъ живо до кроля привелъ (отъ которыхъ король много о тайныхъ замыслахъ Турецкихъ на ляховъ извѣстился), чрезъ что мѣвалъ у кроля милость великую, бо былъ с природы разуменъ и въ наукѣ языка латинскаго бѣглый» (стр. 33).

Посмотримъ теперь, какъ это происшествіе передано въ лѣтописцѣ Ерлича, современнаго Богдану Хмельницкому. Тамъ сказано, что Стефанъ Хмелецкій, разбившій орду одинъ разъ подъ Тарнополомъ, въ другой разъ (въ 1626 году) подъ Бѣлоу Церковью, въ 1629 году онъ, вмѣстѣ съ козацкимъ гетманомъ Гришкомъ Чернымъ, разбилъ 8,000 татаръ подъ Бурштиномъ, и Кантемировыхъ сыновъ одного убито, а другаго, живымъ взятаго, королю отдала (1,36). Тутъ дѣйствуетъ *Хмелецкій* (какъ и по другому свидѣтельству участника въ томъ походѣ, которое напечатано въ Старожитностяхъ А. Грабовскаго); а у Грабянки тутъ дѣйствуетъ *Хмельницкій*... Какъ же не признать, что это не иное что, какъ ошибочная замѣна перваго имени вторымъ? А какъ легко было случиться этой замѣнѣ, можно видѣть на той же 36-й страницѣ Ерлича, гдѣ поставлено одинъ разъ *Chmielecki*, а потомъ *Chmielnicki*! Такая описка и могла ввести въ заблужденіе нашего не слишкомъ осмотрительнаго историка Грабянку, и онъ принялъ подвиги *Хмелецкаго* за подвиги Хмельницкаго, измѣнивъ по своему и подробности, т. е. вмѣсто на-

званныхъ опредѣлительно двухъ предыдущихъ побѣдъ надъ Татарами, Тарнопольской и Бѣлоцерковской, сказаль общимъ выраженіемъ: орду биваль... вмѣсто одного живаго, а другаго убитаго Кантемирича, привелъ къ королю обоихъ живыхъ... Въ моемъ первомъ письмѣ къ вамъ я представилъ, какъ историкъ нашъ Грабянка передѣлалъ по своему сказанію о Кодацкомъ событіи, взятое имъ, очевидно, у Коховскаго; а составитель введенія къ лѣтописи Самовидца взялъ изъ Грабянки голую сущность этаго сказанія, отбросивъ всю художественную обстановку.

Вы говорите: «если въ лѣтописи Ерлича говорится объ участіи въ этой битвѣ Гришки Чернаго, то это развѣ исключаетъ Хмельницкаго»? Непремѣнно исключаетъ, когда мы видимъ ясно, что имя *Хмельницкаго* поставлено здѣсь только по ошибкѣ, вмѣсто имени *Хмелецкаго*, героя той битвы. Вы спрашиваете: «почему же съ этими козаками не могъ быть именно Хмельницкій?» Отвѣчаю: когда мы видимъ ясно, что имя Хмельницкаго замѣшалось сюда только случайною ошибкою нашего историка, когда есть уже передъ нами *дѣйствительность* о Хмелецкомъ, то не слѣдуетъ предполагать здѣсь *возможности* о Хмельницкомъ. Вѣдь это то же, что походить, бывшій 1624 года, могъ быть 1623-го. Кромѣ того, Хмельницкій весьма могъ не участвовать въ походѣ Хмелецкаго, потому что онъ ходилъ тогда съ Запорожцами на море подъ Константинополь и задалъ тамъ *превеликій страхъ и смятеніе* — слова Сѣрка, которыя въ вашей книгѣ отнесены къ Хмельницкому (I, 44), но съ перемѣщеніемъ ихъ отъ похода 1629 года на походъ 1621 г.

Вы отыскали въ Компендіумѣ, что «въ 1629 году 6 ноября козаки Запорожскіе отправляли предъ королемъ посольство и привели множество плѣнныхъ Татаръ; а 11 ноября являлся къ королю Хмелецкій». Что же? Эта отысканная вами подробность служитъ только дополненіемъ къ сказанію двухъ современниковъ о побѣдѣ Хмелецкаго и нисколько не относится къ Хмельницкому.

Изо всего вмѣстѣ для васъ — «кажется *достовернымъ*, что съ козаками, бывшими у короля 6 ноября 1629 года и представлявшими ему плѣнныхъ, находился Хмельницкій». Но я и въ этомъ не вижу *достоверности*: она была бы тогда, когда бы въ Компендіумѣ поименованъ былъ *Богданъ Хмельницкій*. (Было нѣсколько *Хмельницкихъ* и въ гетманство Богдана).

Изъ всего сказаннаго для меня остается *достовернымъ*, что побѣда надъ Татарами и *Кантемиричами* 1629 года вовсе не относится къ Хмель-

ницкому; она принадлежит Хмелецкому и тогдашнему его сподвижнику гетману Черному; а вмѣсто поимки Кантемиричей и представленія ихъ обоихъ живыми королю будто бы Хмельницкимъ справедливѣе вспомнать тотъ случай, что въ 1646 году онъ отвезъ двухъ плѣнныхъ Татаръ кастеляну Краковскому (какъ это извѣстно изъ Памятниковъ, изданныхъ Кіевскою Комиссією).

Въ исторіи Грабянкиной, послѣ разсмотрѣнныхъ нами словъ о Кантемиричахъ, слѣдуетъ еще такое свѣдѣніе о Хмельницкомѣ: «Изваживши король его разумъ, допустилъ себѣ за совѣтника, ибо когда умыслилъ мстити на Турчину за перешкожанную войну Московскую, будущую въ року 1635 (т. е. въ 1634) подъ Смоленскомъ, то мимо своихъ сенаторовъ зъ нимъ радился, и великій regimentъ морской всей арматы ему врочаль». Вотъ новая задача; но рѣшить ее не умѣю.

15 декабря 1860.

Письмо шестнадцатое

(О введеніи къ лѣтописи Самовидца)

Вы ссылаетесь на это въ введеніе, какъ на свидѣтельство *самого Самовидца*, современнаго Хмельницкому; а по моему мнѣнію, оно составлено *къмъ-то другимъ*, должно быть, тѣмъ же, кто написалъ продолженіе лѣтописи Самовидца до 1734 года. По этому разногласію, я считаю необходимымъ дѣломъ объяснить: на чемъ основано мое мнѣніе. Оно основано преимущественно на очевидномъ сходствѣ введенія, отъ начала и до конца, съ исторіей Грабянкиной, такъ что это введеніе представляется мнѣ выборкою изъ Грабянкиной исторіи, сочиненной около 1710 года. Предположить бы наоборотъ, т. е., что козакъ-Самовидецъ прибавилъ впослѣдствіи къ своему *лѣтописцу* краткое историческое *введеніе*, а Грабянка распространилъ и пополнилъ его для своей книги. Но этого я не могу признать и допустить, находя въ введеніи и у Грабянки такія подробности, какихъ не могу предположить въ писаніи заднѣпровскаго козака, современнаго Хмельницкому. Тотъ *«Лѣтописецъ о началѣ войны Хмельницкаго»* обличаетъ въ своемъ сочинителѣ козака грамотнаго, бывалаго и розумнаго, но не книжнаго, писавшаго по живому устному преданію, какое ходило въ козачествѣ о событіяхъ того времени. Ему ли было на старости даваться въ составленіе историческаго введенія — отъ стараго Владиміра до современнаго Богдана. А. Гадяцкій полковой старшина, *Григорій Ивановичъ Грабянка*, былъ челоуѣкъ ученый и книжный, знакомый съ Малороссійскимъ и

Польскимъ лѣтописаньемъ. Сочиняя въ молодые свои года «Исторію о дѣйствіяхъ презѣльной брани», онъ не только поработалъ надъ исторіей козацкаго гетманства, но предпослалъ еще главу «о началѣ проименованія козаковъ, отъ коего рода и племени купно же и дрѣвнѣйшихъ ихъ дѣйствіяхъ сокращенъ». За тѣмъ слѣдуетъ у него сказаніе: «како Малая Россія подпаде Лядскому игу», начинающееся одушевленнымъ вопросомъ: Откуда раздѣленіе царствъ и домовъ паденіе?».

- 1) Съ этого сказанія позднѣйшій составитель введенія и началъ свою выборку — отъ завладѣнія Кіевской земли *Гедимомъ*, т. е. Гедиминомъ и до Желтоводской битвы, о которой у Грабянки сказано: «что ся стало въ року 1648 мая 2»: а въ введеніи: «что стало ся въ року 1648 мая 2 дня». Могъ ли это написать козакъ-Самовидецъ? Нѣтъ, у современныхъ людей, пишущихъ по живой памяти, нерѣдко случаются ошибки въ годахъ, но числа мѣсяцевъ и дни происшествій замѣчательныхъ по большей части сохраняются вѣрно. Возможно ли, чтобы козакъ лѣтописецъ, современный Хмельницкому, не зналъ, что Желтоводская побѣда была во вторникъ 8 мая, а Корсунская въ среду 16 мая? Онъ могъ со всѣмъ не означать дней и чиселъ этихъ двухъ блистательныхъ побѣдъ, какъ они и дѣйствительно не означены въ его лѣтописцѣ; но ужъ никакъ онъ не могъ здѣсь поставить 2 мая вмѣсто 8-го. Эта ошибка или описка Грабянкина, которую скопировалъ позднѣйшій составитель введенія, повторявшій и другія ошибки своего подлинника.
- 2) Такъ въ самомъ началѣ введенія сказано, что со времени Гедимина, поставившаго въ Кіевскомъ княжествѣ намѣстника Миндовга, князя Олшанскаго, — «Литва обладала Кіевомъ ажъ до смерти князя Симеона Олелковича, который церковь Печерскую, чрезъ 230 лѣтъ по Батыи пустовавшую, обновилъ. Въ 1340 году, по смерти князя Олелковича, король Польскій Казиміръ 1 княженіе Кіевское на воеводство перемѣнилъ и всю Малую Россію на повѣты роздѣлил». Это взято почти слово въ слово изъ Грабянки, который написалъ эту путаницу, не давши себѣ труда повѣрить и того, что чрезъ 260 лѣтъ по раззореніи Кіева Батыемъ въ 1240 году выйдетъ 1471-й годъ, въ которомъ дѣйствительно скончался обновитель Печерской церкви, Кіевскій князь Симеонъ Олельковичъ; а по смерти его, въ слѣдующемъ году, Казиміръ Ягелловичъ обратилъ Кіевское княжество въ воеводство. Нашъ историкъ торопливо приставилъ сюда Казиміра Владиславича съ 1340 годомъ, въ которомъ этотъ король завладѣлъ Галицкимъ княжествомъ и обратилъ его, какъ полагають, въ воеводство, называвшееся до послѣднихъ вре-

мень воеводствомъ *Русскимъ*. Такимъ смѣшеніемъ двухъ разновременныхъ Казиміровъ, и двухъ воеводствъ *Русскаго* и *Кіевскаго*, несмотря на приведенныя 230 лѣтъ послѣ Батыя, Кіевское княжество — у Грабянки, а за нимъ и во введеніи, и еще въ нѣкоторыхъ писаніяхъ прошлаго столѣтія — обращается въ воеводство 1340 года, т. е. 130-ю годами ранѣе, чѣмъ было. Но у Малороссійскихъ писателей XVII вѣка оно полагалось вѣрно, 1471 года. Не знаю, почему въ вашей книгѣ оно положено 2476-го (I, 4). Не опечатка ли это?

- 3) Грабянка въ своей исторіи, помѣщая любопытную «*Супльку* до всей Рѣчи Посполитой Польской отъ утѣсненнаго Ляхами народа Русскаго, поданную въ року 1632» — вспоминаетъ при этомъ, что «и *прежде* отъ всей Руси много челобитныхъ подавалось до королей Полскихъ, и князь Острожскій Константинъ Ивановичъ (нынѣ въ Печерскомъ зъ каменя выбитый лежащій), будучи самъ Греческаго закона, до всего сенату за творимыя Руси обиды супльковаль» (ст. 34). Здѣсь ошибка Грабянкина состояла въ томъ, что онъ имѣлъ въ виду заступничество за Русь князя Константина Константиновича Острожскаго, скончавшагося 1608 года и положеннаго въ соборной церкви Острожской; а назвалъ отца его князя Константина Ивановича, погребеннаго въ церкви Печерской, 1533 года. Составитель введенія взялъ этотъ отрывокъ изъ Грабянки и помѣстилъ его вслѣдъ за извѣстіемъ о кончинѣ гетмана Сагайдачнаго въ 1622 году, въ такихъ словахъ: *Около сихъ годовъ (!)* князь Острожскій Константинъ Ивановичъ, котораго статую въ Печерскомъ монастырѣ имѣется мраморная, за общенародныя обиды Русскія супликоваль до всего Сенату» (стр. 4). Тутъ въ составитель введенія обличается компиляторъ, совсѣмъ отличный и отъ козака-Самовидца, и отъ Грабянки.
- 4) Къ ошибкамъ Грабянкиной исторіи, перешедшимъ во введеніе, я отнесъ уже и Цепорскій плѣнъ Богдана, и поимку двухъ живыхъ Кантемиричей. Назову еще одну: это постановка въ гетманы Тараса и его Переясловщины — подъ *1628-й годъ*. Ошибка эта тоже повторялась не одинъ разъ въ послѣдующемъ малороссійскомъ бытописаніи, до вашей книги включительно (I, 29). Тарасъ былъ гетманомъ послѣ Гришки Чернаго, слѣдовательно, послѣ 1629 г. Современный Львовскій лѣтописецъ описалъ Тарасову войну подъ *1630-мъ* годомъ, который подтверждается и другими современными свидѣтельствами, напримѣръ, Тератургимою Аѳ. Кальнофойскаго, гдѣ описано чудесное событіе той войны, при осадѣ Печерской лавры Поляками и Нѣмцами (Объ этомъ записано въ лѣтописи Львовской). Гетманство Тараса означено 1630 го-

домъ и въ томъ скудномъ списочкѣ гетмановъ, который составленъ Величкомъ (I, 24).

5) Этотъ списочекъ можетъ служить свидѣтельствомъ, какъ бѣдно было у насъ въ Малороссіи, въ началѣ прошлаго столѣтія, познаніе о козацкихъ гетманахъ, бывшихъ до Хмельницкаго. Но какая разница между Величковымъ списочкомъ и тѣмъ, что за десять лѣтъ до него собралъ и написалъ Грабянка! А во введеніи прибавлено еще два гетмана: *Семень Перевязка 1632 г.* и *Булюкъ, 1640 г.* Предположить-ли, что они поставлены были во введеніи козакомъ-Самовидцемъ, да Грабянка не захотѣлъ принять ихъ въ свою исторію? Но развѣ могъ козакъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, написать слѣдующее:

«1640 року былъ еще гетманъ козацкій *Булюкъ*, на которомъ Ляхи гетманство Запорожское окончивши, наслали козакамъ вмѣсто гетмана комисаровъ и вождовъ своея Лядскія державы, породы и вѣры»... и прочая (стр. 5)?

Нѣтъ, современникъ Хмельницкаго не могъ не знать, что козацкое гетманство было прекращено послѣ войны Острианицынской, что въ концѣ того 1638 года поставлены были надъ козачествомъ — комиссары и полковники польскіе. Это хорошо знали и Грабянка, и Величко. У Грабянки сказано, что послѣ Острианицынской войны — «поставыша надъ козаками реестровыми полковниковъ, сотниковъ и всю старшину Лядскія вѣры» (стр. 30). Тутъ нашъ историкъ перехватилъ немного, добавкою «сотниковъ и всей старшины»; но сущность дѣла въ томъ, что составитель введенія выключилъ это мѣсто изъ сказанія Грабянки о жестокихъ послѣдствіяхъ Острианицынской войны, и отнесъ къ превращенію гетманства на Булювъ, 1640 года.

Кстати: въ лѣтописцѣ Ерлича подъ 1630 годомъ поставлено: ««W tymże roku znowu kozacy wojnę podnieśli, którzy pociechi nie otrzymali, którym dano szlachetę za pułkownicy, a za hetmana kommisarza. Postanowiono aby 6,000 na usługę Rzeczy-Pospolitéj było» (I. 38). Ясное дѣло, что здѣсь идетъ рѣчь о войнѣ Острианицынской, и что этотъ отрывокъ попалъ не на свое мѣсто; ему слѣдуетъ быть въ концѣ 1638 года (I. 43), передъ которымъ говорится о войнѣ Павлюковой; но годъ этой войны тамъ ошибочно означенъ 1636 вмѣсто 1637-го.

Что за гетманъ *Булюкъ*? По моему мнѣнію это нашъ завзятый *Павлюкъ* (или Павелъ Михновичъ Буть,) въ смутномъ представленіи Пуфендорфа явившійся гетманомъ *Балукомъ*. Величко первый у насъ воспользовался этимъ *Балукомъ* изъ Пуфендорфовой исторіи, напечатанной въ русскомъ переводѣ 1718 года, и включилъ его въ свой списочекъ гет-

мановъ въ замѣнъ недостающаго тамъ *Павлюка*, но поставилъ ошибочно между *Тарасомъ* и *Сулимою*, означивъ годъ его гетманства: *1631* или *1637*. Вскорѣ послѣ *Величковой* лѣтописи, напримѣръ, въ томъ, «Собраніи гетмановъ», которое прилагается въ исторіи *Грабянкиной*, является *Булюкъ* подъ 1640 годомъ, но съ удержаніемъ и *Павлюка* подъ 1637-мъ, а *Семена Перевязки* еще нѣтъ; во введеніи являються уже и *Перевязка* 1632 года, и *Павлюкъ* 1637 г. и *Булюкъ* 1640 г., что повторяется и во многихъ послѣдующихъ писаніяхъ малороссійскихъ. Кажется мнѣ, что эта прибавка можетъ служить примѣтою о составленіи введенія — не ранѣе, какъ въ *тридцатыхъ* годахъ прошлаго столѣтія.

- 6) Первые козацкіе гетманы у *Грабянки* означены въ такомъ порядкѣ: 1) *Предславъ Ланцкоронскій* съ 1506 г. 2) *Венжикъ Хмельницкій* — 1534 г. 3) князь *Дмитрій Вишневецкій* 4) князь *Евстафій Ружинскій*. 5) *Свѣрговскій* 1574 г. 6) *Богданко* 1575 г.

Этотъ порядокъ вѣренъ, и за него мы съ благодарностью вспомняемъ о *Грабянкѣ*. Но во второй четверти прошлаго столѣтія кто-то измѣнилъ этотъ порядокъ — напрасною перестановкою *Вишневецкаго* и *Ружинскаго* передъ *Венжика Хмельницкаго*, т. е. изъ второй половины XVI столѣтія въ первую ²⁾. Въ такомъ безпорядкѣ первые козацкіе гетманы находятся въ помянутомъ «Собраніи гетмановъ» и остаются почти во всемъ дальнѣйшемъ малороссійскомъ бытописаніи прошлаго столѣтія — въ лѣтописцѣ *Рубановомъ*, у *Конискаго*, *Шафонскаго*, *Ригельмана* и во всѣхъ спискахъ гетмановъ, какіе составлялись въ Малороссіи въ довольномъ числѣ, на послѣдяхъ и на концѣ гетманства, Вотъ эта постановка князей *Дмитрія Вишневецкаго* и *Евстафія Ружинскаго* передъ *Венжика Хмельницкаго*, т. е. до 1534 года, находимая и во введеніи къ лѣтописи *Самовидца*, служитъ мнѣ новымъ показателемъ, что оно составлено въ *тридцатыхъ* годахъ прошлаго столѣтія, когда прибавлено къ этой лѣтописи и продолженіе до 1734 года.

Приведенныхъ мною доказательствъ, кажется, достаточно для поясненія и оправданія моего мнѣнія.

17 декабря 1860.

1) Въ *Кіевскомъ* изданіи ошибочно напечатано 1514 вм. 1534.

2) Подобныя перестановки гетмановъ дѣлались у насъ и во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Такъ *Иванъ Петрижицкій*, бывшій гетманомъ въ 1632 году (какъ извѣстно по его универсаламъ), у *Ригельмана* и въ хронологіи гетмановъ переставленъ за полвѣка назадъ, передъ гетмана *Шаха*!

Письмо семнадцатое

(О похищеніи королевской грамоты у Барабаша)

Въ дополненіе къ предыдущему письму, надо мнѣ разобрать еще особенный случай, который представляетъ рѣзкое различіе между введеніемъ и самою лѣтописью Самовидца, по которому было разногласіе и у меня съ вами: это — похищеніе Хмельницкимъ королевскихъ грамотъ у Барабаша. Во введеніи сказано: ... «какій королевскій листъ Зѣновій, да онъ же и Богданъ, Хмельницкій досталь фортелно, у Барабаша, во время (крестинъ) дитины его воспріемникомъ бывшаго, вычиталь предъ возаками, и усовѣтоваль ступать на Запороже, и рушилъ декабра 7 дня 1647 года» (стр. 6). Это очевидное извлеченіе изъ сказанія Грабянки. Но въ лѣтописи Самовидца, отмѣнно отъ всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ и позднѣйшихъ сказаній, вмѣсто Барабаша поставлень Ільяшъ Переясловскій, и Хмельницкій у него похищаетъ королевскую грамоту, хранившуюся въ Переяславѣ. Ригельманъ такъ уладилъ дѣло, что заставилъ Хмельницкаго звать къ себѣ въ гости и Барабаша и Ільяша, и посылать гонцовъ за грамотами и въ Черкасы и въ Переясловъ. Но такая гоньба за двумя генеральными асаулами не рѣшаетъ намъ спорнаго дѣла. Предположить бы такъ, что Самовидецъ, написавши сперва сказку объ Ільяшѣ, во введеніи поставилъ настоящую быль о Барабашѣ; но тогда-бы онъ выбросилъ изъ своей лѣтописи сказку объ Ільяшѣ или же какъ нибудь оговорился, какъ, напримѣръ, Величко въ своей лѣтописи, приводя сказку о Тимошѣ Хмельницкомѣ: «же по смерти отческой (если то есть правда) Чаплинскую, мачеху свою, на воротахъ обвѣсилъ» (I, 14).

Вы, въ своемъ объясненіи, желая согласить сказаніе введенія о Барабашѣ и сказаніе самой лѣтописи Самовидца объ Ільяшѣ, говорите: «Я понимаю дѣло такъ, что здѣсь говорится объ одномъ лицѣ, именно о Барабашѣ». Съ этимъ заключеніемъ вашимъ нѣтъ возможности согласиться; ибо слишкомъ ясно и опредѣлительно сказано въ лѣтописи объ *Ільяшѣ*, значномъ козакѣ *Переясловскомъ*, хранившемъ грамоту въ *Переясловѣ*; и нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы козакъ-лѣтописецъ, современный Хмельницкому, могъ объ этомъ старшинѣ и о Барабашѣ Черкасскомъ говорить какъ *объ одномъ лицѣ*: то были два старшія лица въ тогдешнемъ козачествѣ! Но ваши слова, что здѣсь говорится, — «именно о Барабашѣ» — заставили меня передумать это дѣло и рѣшить его заново.

Невозможно, чтобы современный Хмельницкому козакъ-лѣтописецъ не зналъ, что королевская грамота похищена Хмельницкимъ — *именно* у

Барабаша, въ Черкасахъ. О томъ самъ Богданъ, спустя полгода, объявилъ Малороссійскому народу, въ Бѣлоцерковскомъ универсалѣ, говоря такъ: «Теды я Хмелницкій, взявши Господа Бога на помощь, и отобравши штучнымъ способомъ у Барабаша привиліе королевскіе, му-силемъ сіе военное зъ Поляками зачати дѣло». Какъ же можно было козаку-Самовидцу написать въ своей лѣтописи такую небылицу, будто Хмельницкій отобралъ грамоты — у Ильяша Переясловскаго? Нѣтъ, онъ въ своей лѣтописи не могъ написать такой чепухи о дѣлѣ обще-извѣстномъ; у него, конечно, было написано имя *Барабаша*, — а какой-нибудь проказникъ переправилъ *Черкасы* на *Переясловъ*, а имя Ивана *Барабаша* на *Ильяша*, отчего и стало: *зъ Иваномъ Илляшемъ*...

Подобную штуку я замѣтилъ уже прежде на извѣстномъ спискѣ 15-ти полковъ (вмѣсто 16-ти), на которые раздѣлилъ Малороссію Хмельницкій 1650 года. Тогдашнія числа реестровыхъ козаковъ каждаго полка сохранились у Коховскаго. Какой-то проказникъ въ прошломъ столѣтіи переправилъ числа въ трехъ полкахъ.

Въ Черниговскомъ — вмѣсто 996—9,096!

Въ Нѣжинскомъ — вмѣсто 983—9,083!

Въ Кальницкомъ — вмѣсто 2,046—6,046!

И съ этими вздорными числами 15-полковой списокъ, напечатанный въ лѣтописцѣ Рубановомъ, повторялся потомъ въ историческихъ сочиненіяхъ о Малороссіи — Симоновскаго, Ригельмана, Бантыша-Каменскаго, Срезневскаго, Маркевича!

Такъ-то вышло и съ похищеніемъ грамоты — у *Ильяша*, изъ *Переяслова*: съ этими именами разошлась лѣтопись Самовидца во многихъ спискахъ по Малороссіи. Такой же списокъ ея былъ и въ рукахъ Грабянки, ибо онъ въ свое сказаніе о похищеніи грамоты у Барабаша прибавилъ еще грамоту — «на робленіе суденъ водныхъ, данную королевскому зычливцу Илляшу Переясловскому!» Но извѣстно положительно, какъ и въ вашей книгѣ означено, что грамота королевская, въ которой дозволялось козакамъ и строеніе челновъ, дана была Барабашу; а на долю Ильяша досталось совсѣмъ другое: полученіе и исполненіе приказанія сжечь козацкіе челны, 1638 года. И такъ теперь приспѣло намъ дѣло до Ильяша Караимовича Переясловскаго, состоящее въ томъ, чтобы вычеркнуть его имя изъ лѣтописи Самовидца, отнять у него королевскія грамоты и передать ихъ по принадлежности — *Ивану Дмитріевичу Барабашу* и женѣ его *Агафії*. Черкасскому старшинѣ не посчастливилось и въ лѣтописи Ерлича, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ спискахъ ея, къ которымъ принадлежитъ напечатанный Войцицкимъ 1853 г. Тамъ, при

сказаніи о королевскомъ позволеніи и денежномъ вспоможеніи на построение челновъ и морскіе походы, данныхъ козакамъ 1641 года, сказано: «давши имъ и ихъ старшему, по имени *Дорошенкови*» (I, 52). Это явная ошибка: Дорошенко — вмѣсто *Барабашенка*.

По изложенному мною соображенію, я предлагаю возстановить подлинное чтеніе лѣтописи Самовидца такимъ образомъ:

«Въ Чигиринѣ мѣстѣ мешкалъ сотникъ Богданъ Хмельницкій, козакъ ростропный въ дѣлахъ козацкихъ военныхъ, и у писмѣ вѣжливый, и часто у двора кролевского въ поселствѣ будущій; и подѣ часъ бытности своей съ козакомъ значнымъ *Черкаскимъ* зъ *Иваномъ Барабашемъ* (а той *Барабашъ* барзо зычливый королеви его милости), и упросили письмо албо привилей на робленіе челновъ на море мимо вѣдомости гетмановъ коронныхъ, що и одержавши, тое скрыто держали отъ полковниковъ въ *Черкасахъ*. «И далѣе: «... бо маючи въ дому своемъ у гостяхъ того *Барабаша*....

Согласны ли вы признать такое чтеніе и тѣмъ порѣшить этотъ затруднительный случай въ Малороссійскомъ лѣтописаньи? А что въ драгоценной лѣтописи Самовидца не все находится въ исправности, я приведу еще два случая.

Подѣ конецъ 1656 года поставлено: «тылко тое войско застающее къ Богу и ко Днѣпру ходило зъ сыномъ Хмельницкого Тимошемъ на помощь господареву Волоскому, тестеву Василеву Липулу...» и т. д. (стр. 26). Ясное дѣло, что этотъ отрывокъ попалъ не на свое мѣсто, конечно, при позднѣйшей перепискѣ лѣтописи; ему слѣдуетъ быть подѣ 1653 годомъ.

Подѣ 1657 годомъ сказано: «але Выговскій... высылаетъ полкъ Нѣжинскій и *Стародубовскій* у повѣтъ Полтавскій на залогу» (стр. 28). Здѣсь, по моему примѣчанію, Стародубовскій полкъ поставлень обмолвкою; ибо этого полка не было еще въ 1656 году; онъ установленъ уже въ 1663-мъ году, когда сталъ гетманомъ Брюховецкій. Въ лѣтописи надо поправить такъ: «... высылаетъ полкъ Нѣжинскій и *Черниговскій*».

20 декабря 1860.

Письмо восемнадцатое
(О сотничествѣ Хмельницкаго)

Мнѣ остается отвѣчать еще на одно мѣсто вашего объясненія — о *сотничествѣ* Хмельницкаго и его генеральномъ и войсковомъ *писарствѣ*. Тутъ вы позабавились надѣ тѣмъ, что Богданово сотничество я на-

звалъ *скромнымъ званіемъ*. Вы говорите: «Что Хмельницкій прежде былъ писаремъ, Максимовичъ не отрицаетъ этого, но думаетъ, что Хмельницкій, по взятіи Павлюка, оставался въ скромномъ званіи сотника до 1648 года. Почему же знаетъ это Максимовичъ? Если Хмельницкій послѣ своего писарства въ 1637 году могъ находиться въ скромномъ званіи сотника, то въ промежутокъ отъ 1637-го до 1648 года онъ могъ изъ скромнаго званія сотника еще разъ сдѣлаться писаремъ, и снова перейти въ скромное званіе сотника. Не только Миллеръ и Конискій, какъ говоритъ Максимовичъ, но и Коховскій называетъ его писаремъ».

Шутки въ сторону, а дѣло вотъ въ чемъ. Меня остановило въ вашей книгѣ о Хмельницкомѣ слѣдующее мѣсто: «Онъ получилъ въ ней (т. е. въ службѣ реестровыхъ козаковъ) чинъ *сотника*, а потомъ занималъ мѣсто между войсковыми старшинами, какъ говорятъ нѣкоторые, *генеральнаго писаря*». (I. 44). *Какъ говорятъ нѣкоторые* — и при этой оговоркѣ — ссылка только на двухъ позднѣйшихъ писателей, *Миллера и Конискаго*: это показалось мнѣ требующимъ подтвержденія, что Хмельницкій дѣйствительно былъ войсковымъ писаремъ, и опредѣленія, когда именно былъ онъ въ этомъ званіи, что и сдѣлано мною въ Украинцѣ: я назвалъ Миллера и Конискаго только потому, что вы на нихъ двухъ сослались; будь у васъ еще и *Коховскій*, у меня сказано было бы, что вы ссылаетесь на трехъ свидѣтелей; но ваши оговорки («какъ говорятъ нѣкоторые») все-таки заставили бы меня опредѣлять: когда же именно Хмельницкій былъ писаремъ? Оказалось, что не было той постепенности, какую и вы дали, что былъ онъ сотникомъ сперва, а *потомъ* занималъ мѣсто въ войсковой старшинѣ, въ званіи писаря. Такъ представлять могъ Миллеръ, оставлявшій его писаремъ до самаго гетманства; но въ старой козачинѣ не разъ случалось, что полковникъ становился сотникомъ и просто — *товаришемъ*. По моему примѣчанію, Хмельницкій сталъ войсковымъ писаремъ *по взятіи Павлюка* подъ Боровицею, т. е. въ половинѣ декабря 1637 года; это видно мнѣ изъ того, что Боровицкую присягу 15 декабря подписалъ «писарь Богданъ Хмельницкій; а до той поры, въ продолженіе Павлюковой войны, были войсковыми писарями прежній *Федоръ Онушкевичъ*, а потомъ *Иванъ Догоринскій*. Опредѣливъ такимъ образомъ, когда началось писарство Хмельницкаго, я замѣтилъ и то, что оно продолжалось весьма не долго, ибо подъ конецъ Острианицынской войны, т. е. въ половинѣ слѣдующаго 1638 года, былъ уже другой войсковой писарь, а Богданъ Хмельницкій остался по-прежнему *Чигиринскимъ сотникомъ*. Былъ ли онъ въ другой разъ войсковымъ писаремъ, на это нѣтъ у меня въ виду современныхъ, опредѣли-

тельныхъ извѣстій. Возможности къ тому — я не отрицаю, но дѣйствительности — не вижу, потому и не признаю. А между тѣмъ вижу, что Хмельницкій и подъ конецъ своей догетманской жизни былъ въ званіи *сотника*, напримѣръ, въ 1647 году, когда онъ съ своимъ полковникомъ ходилъ изъ Чигирина противъ Татаръ. Величко, писавшій подъ вліяніемъ Дневника Зорки, говоритъ, что Хмельницкій былъ *на тотъ часъ сотникъ Чигиринскій*. А всего важнѣе для меня, что козакъ-Самовидецъ знаетъ его и называетъ *Чигиринскимъ сотникомъ*. Вотъ почему я и оставляю его въ этомъ званіи, съ половины 1638-го и до конца 1647-го, не имѣя еще *положительнаго* извѣстія, чтобы онъ въ промежуткѣ этихъ лѣтъ былъ войсковымъ писаремъ.

Вамъ непремѣнно хочется, чтобы на 1646-й годъ, къ пріѣзду канцлера Оссолинскаго, Хмельницкій не былъ сотникомъ, а войсковымъ писаремъ. Вы говорите: «И кажется очень правдоподобно, что Хмельницкій занималъ чинъ войсковаго писаря въ то время, какъ Оссолинскій велъ съ нимъ и съ Барабашемъ переговоры; иначе странно было бы предположить, что канцлеръ съ такимъ важнымъ государственнымъ дѣломъ, для котораго нужны были люди съ вѣсомъ и вліяніемъ на козачество, обратился къ сотнику одного изъ Украинскихъ полковъ. Очень могло быть, что Хмельницкій, послѣ неудачной развязки Владиславава предпріятія, возвратился въ свою сотню.

Ничего *страннаго* не вижу я въ предположеніи, что Оссолинскій, когда ему нужны были люди съ вѣсомъ и вліяніемъ на козачество, обратился къ Чигиринскому сотнику Хмельницкому. Такихъ *сотниковъ* не было ни прежде, ни послѣ въ Украинѣ козацкой... Что могла прибавить къ именитости заслуженнаго Богдана въ козачествѣ лишняя чиновная ступенька? Если бы въ 1646 году онъ оставался даже не сотникомъ, а просто *товаришемъ* Чигиринскаго полка, и тогда бы Оссолинскій къ нему первому обратился съ порученіемъ отъ короля, который давно зналъ его и у котораго, безъ сомнѣнія, онъ первый въ козачествѣ былъ на примѣтѣ. Оссолинскій, какъ сказано было въ вашей книгѣ, довѣрилъ тайну двора не только Барабашу и Хмельницкому, но и еще нѣкоторымъ козакамъ. Въ какомъ же чинѣ предстали тѣ козаки на совѣтѣ канцлера? Ужъ вѣрно, не старше сотникаго! Богданъ Хмельницкій, будучи Чигиринскимъ сотникомъ подъ конецъ Острияницынской войны, наряженъ былъ тогда въ депутаты къ самому королю отъ всего Запорожскаго войска; а тутъ, въ пріѣздѣ канцлера къ козакамъ, съ тайнымъ порученіемъ отъ короля, мало Хмельницкому быть сотникомъ, надо быть ему войсковымъ писаремъ, какъ будто прибавка этого чина много

значила въ глазахъ канцлера! Личность Богдана и его заслуга козацкая значили все — для Владислава и Оссолинскаго, и для козачества — добавлю вашими словами: «самъ Конецпольскій, врагъ козацкаго сословія, уважалъ его дарованія».... И такъ — пока не откроется современнаго свидѣтельства, что Хмельницкій въ сороковыхъ годахъ былъ войсковымъ писаремъ, оставимъ его въ скромномъ званіи — Чигиринскаго сотника, въ какомъ знаетъ его современное козачество подъ конецъ его дегетманской жизни.

21 декабря 1860 года.

Михайлова-Гора.

Воспоминаніє о Богданѣ Хмельницкомъ ¹⁾

Въ нынѣшнемъ 1857 году, 15 августа, будетъ уже *двѣсти* лѣтъ, какъ скончался славный Малороссійскій гетманъ, Богданъ Хмельницкій.

Въ царствованіе Александра Благословеннаго, когда достопамятный 1812 годъ живо напомнилъ собою 1612-й, «благодарная Россія» воздвигла, на Красной площади Московской, памятникъ «гражданину Минину и князю Пожарскому», и народъ Великороссійскій, любуясь дивнымъ памятникомъ, повседневно поминаетъ славныхъ освободителей Москвы отъ Поляковъ. Но въ Малороссіи нѣтъ еще памятника ея славному подвижнику и освободителю отъ Поляковъ, гетману Хмельницкому.

Не разъ обходилъ я весь городъ Переяславъ и его окрестности, припоминая разныя здѣшнія событія, отъ того древняго времени, когда Переяславскій богатырь-Швецъ потѣшилъ тутъ князя Владиміра единоборствомъ съ Печенѣжиномъ, до позднѣйшаго времени, когда «защитникъ Петрова Града» (Витгенштейнъ) со слезами обнялъ здѣсь Переяславскую старушку, бывшую его нянею. Много исторической десятилѣтковой жизни улеглось въ этой землѣ «славнаго города Переяслава», нѣкогда бывшаго *третьимъ* городомъ русскимъ, въ которомъ была и первоначальная митрополія Руси, святымъ Владиміромъ учрежденная!... Вотъ деревянная Успенская соборная церковь, при вѣздѣ въ Верхній городъ, называемый, по старой памяти, «Замкомъ». Съ одной

1) Русская бѣсѣда 1857 г., кн. I.

стороны, къ ней подошли разрытые остатки крѣпостнаго вала, да жи-довскія лачуги; съ другой стороны — пустырь, которымъ смотритъ и весь этотъ «Замокъ»; да и на самомъ зданіи церкви уже нестройно поднимается средній верхъ, оставшійся безъ четырехъ окружныхъ, давно скинутыхъ за ветхостью. А нѣкогда на этомъ мѣстѣ былъ «Князь дворъ», и красовалась на немъ каменная церковь «Святой Богородицы», заложенная 1098 года Владиміромъ Мономахомъ, «добрымъ страдальцемъ за Русскую землю», который и выросалъ здѣсь, въ Переяславѣ, и здѣсь же окончилъ славную жизнь свою, на завѣтномъ берегу Ильтицы, освященномъ кровью святаго князя Бориса. Мономахову Успенскую церковь возобновилъ потомокъ его, святопамятный князь, Константинъ Константиновичъ Острожскій, воевода Кіевскій, около 1585 года. И въ той соборной церкви, 8 января 1654 года, совершилось достопамятное присоединеніе всей Малороссіи къ Русской державѣ, присягою гетмана Хмельницкаго и войсковою старшины. И когда я останавливался возлѣ Успенской церкви, мнѣ всегда приходило на мысль, какъ хорошо было бы воздвигнуть въ Переяславѣ памятникъ Богдану Хмельницкому, тамъ, на городской площади, противъ Вознесенскаго храма, гдѣ почиваютъ мощи святаго современника его, архимандрита Макарія, замученнаго Татарами въ Каневѣ, 1678 года. Тамъ каждое лѣто, изъ близкихъ, изъ далекихъ странъ Русскаго царства переходятъ тысячи народа на богомолье въ Кіевъ; и глядя на памятникъ, онѣ поминали бы славнаго освободителя Кіева и всей Малороссіи отъ Поляковъ. Тамъ былъ и его гетманскій дворець, въ которомъ проживалъ онъ, въ началѣ 1649 года, увѣнчанный въ Кіевѣ благословеніями народа своего, и обвѣнчанный здѣсь съ бывшею женою главнаго врага своего, съ Чаплинскою, которую называлъ Богданъ «благоразумною и дарма погибающихъ людей жалѣющею Эсэирью». Тогда у него въ Переяславѣ были посланники Московскій и Венгерскій, а 9 февраля, въ сильный морозъ, прибыли комиссары Польскіе отъ новаго короля, во главѣ которыхъ былъ старый воевода Браславскій, Адамъ Кисель. На другой день комиссары шли широкою улицею ко дворцу Хмельницкаго, передъ ними ловчій (Крентковскій) несъ булаву, а Кіевскій скарбникъ (Кельтинскій) знамя; навстрѣчу имъ звучали трубы и литавры гетманскія; а Хмельницкій ждалъ ихъ, стоя подъ бунчукомъ, въ кругу своихъ полковниковъ и другихъ старшинъ, одѣтый въ краснопарчевую соболью шубу. Воевода вручитъ ему королевскіе листы и кредитивную комиссарскую грамоту, а потомъ булаву, осыпанную бирюзкою, а воеводскій братъ, хорунжій Новоградскій, поднесъ красное знамя съ

бѣлымъ орломъ и надписью: «*Joannes Casimirus Rex*». Велико было торжество для побѣдителя Поляковъ; но полновластному любимцу Малороссійскаго народа были не по мысли ни та булава, осыпанная бирюзою, ни королевское красное знамя съ бѣлымъ орломъ. У него на мысли тогда было другое, начатое имъ, дѣло: освободить Малороссійскій народъ изъ Польской неволи и привести его подъ державу Русскую. Но для исполненія сего двойственнаго дѣла, Хмельницкому предлежало еще пять лѣтъ бороться съ Польшею, напрягавшею всѣ силы и всяческіе способы, чтобъ удержать въ своихъ рукахъ отрывавшуюся отъ нея козацкую Украину, бороться то въ торжествѣ побѣды Зборовской, то въ тяготѣ пораженія Берестецкаго, и во все время той многотрудной борьбы томиться ожиданіемъ, пока, на его многократныя обращенія къ Москвѣ, состоится, наконецъ, въ Грановитой палатѣ, 1 октября, 1653 года, соборный приговоръ: «гетмана Богдана Хмельницкаго, со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, съ городами и землями принять въ Россійское подданство». Тогда отправленъ былъ въ Малороссію изъ Москвы, 9-го ноября, ближній бояринъ, Бутурлинъ, со многочисленною свитою, при которой находился и стрѣлецкій голова, Артемонъ Матвѣевъ, съ двумястами стрѣльцевъ. Хмельницкій между тѣмъ подвизался надъ Днѣстромъ, подъ Жванцемъ, гдѣ онъ уже въ третій разъ сошелся на бой съ Яномъ-Казиміромъ; а оттуда воротился въ свой Чигиринъ, чтобы оплакать гробъ любимаго сына своего, Тимошѣ, привезенный изъ Сочавы и похороненный въ Суботовѣ, 27 декабря. Наканунѣ новаго, 1654 года, въ Переяславѣ, встрѣчали торжественно Московское посольство; къ вечеру, на Крещеніе, прибылъ туда и гетманъ Хмельницкій; на другой день онъ видѣлся съ бояриномъ, и собиралъ народную Раду, для окончанія дѣла; а на третій день совершилось достопамятное дѣло. Въ «Статейномъ спискѣ» московскихъ пословъ сохранились историческія подробности тѣхъ знаменитыхъ дней въ Переяславѣ. Вотъ описаніе Переяславской Рады: «и по тайной радѣ, которую гетманъ имѣлъ съ полковники своими съ утра того жъ дни, во вторій часъ дни бито въ барабанъ съ часъ времени, на собраніе всего народа, слышать совѣтъ о дѣлѣ, хотящемъ совершиться. И какъ собралось великое множество всякихъ чиновъ людей, учинили кругъ пространнѣйшій про гетмана и про полковниковъ, а потомъ и самъ гетманъ вышелъ подъ бунчукомъ, а съ нимъ судьи и ясаулы, писарь и всѣ полковники, и сталъ гетманъ посреди круга, а ясауль войсковою велѣлъ всѣмъ молчать; потомъ, какъ всѣ умоулки, началъ рѣчь гетманъ ко всему народу говорить:

— «Панове полковники, ясаулы, сотники и все войско Запорожское, и вси православніи Христіяне! Вѣдомо то вамъ всѣмъ, какъ насъ Богъ свободилъ изъ рукъ враговъ, гонящихъ церковь Божию и озлобляющихъ все Христіянство нашего православія восточнаго, что уже шесть лѣтъ живемъ безъ государя въ нашей землѣ, въ безпрестанныхъ бранѣхъ и кровопролитіяхъ съ гонители и враги нашими, хотящими искоренити церковь Божию, дабы имя Русское не помянулось въ земли нашей, что уже велми намъ всѣмъ докучило; и видимъ, что нельзя намъ жити болѣ безъ царя. Для того нынѣ собрали есми раду явную всему народу, чтобъ есте себѣ съ нами обрали государя, изъ четырехъ, котораго вы хотите. Первый царь есть Турскій, который многожды чрезъ пословъ своихъ призывалъ насъ подъ свою область; второй — Ханъ Крымскій; третій — король Польскій, который, будетъ сами похочемъ, и теперь насъ еще въ прежнюю ласку принять можетъ; четвертый есть православный Великія Россіи государь, царь и великій князь, Алексій Михайловичъ, всея Русіи самодержецъ восточный, котораго мы уже шесть лѣтъ безпрестанными моленіи нашими себѣ просимъ. Тутъ, котораго хотите, избирайте! Царь Турскій есть бусурманъ; всѣмъ вамъ вѣдомо, какъ братіи наши, православніи Христіяне, Греки, бѣду терпятъ, и въ какомъ суть отъ безбожныхъ утѣсненіи. Крымскій Ханъ тоже бусурманъ, котораго мы по нужди и въ дружбу принявши, каковыя нестерпимыя бѣды приняли есми! Какое плѣненіе, какое нещадное пролитіе крови христіянскія, отъ Польскихъ отъ пановъ утѣсненія, никому вамъ сказывать не надобеть; сами вы всѣ вѣдаете, что лучше Жида и пса, нежели Христіянина брата нашего почитали! А православный Христіянскій великій государь, царь восточный, есть съ нами единаго благочестія Греческаго закона, единаго исповѣданія, едино есми тѣло церкви православіемъ великія Россіи главу имуще Иисуса Христа; той великій государь царь Христіянскій, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православныя церкви въ нашей Малой Россіи, шестьлѣтнихъ нашихъ моленій не презривши, теперь милостивое свое царское сердце къ намъ склонивши, своихъ великихъ ближнихъ людей къ намъ съ царскою милостью своею прислати изволилъ; котораго, если со усердіемъ возлюбимъ, кромѣ его царскія высокія руки благодѣшнѣйшаго пристанища, не обрящемъ. А будетъ кто съ нами не согласуетъ теперь, куды хочеть, — вольная дорога!»

Къ симъ словамъ весь народъ возопилъ: «Волимъ подъ царя восточнаго православнаго, крѣпкою рукою въ нашей благочестивой вѣрѣ умирати, нежели нанавистнику Христову, поганину, достати!» Потомъ полковникъ Переяславскій, Тетеря, ходячи въ кругу, на всѣ стороны спраши-

валь: «Все-ли тако соизволяете»? Рекли весь народъ: «Все единодушно!» Потомъ гетманъ молилъ (молвилъ): «Буди тако! Да Господь Богъ нашъ сукрѣпитъ подъ его царскою крѣпкою рукою!» А народъ по немъ все единогласно возопили: «Боже, утверди! Боже, укрѣпи, чтобъ еси во вѣки все едино были!»

Генваря 8-го, передъ присягою, когда гетманъ и вся старшина были на посольскомъ дворѣ, и прочтена была во всеуслышаніе царская грамота, бояринъ Бутурлинъ, послѣ обряднаго спроса «о здоровѣ», произнесъ привѣтственную историческую рѣчь объ отношеніи Малой и Великой Россіи къ Польшѣ. А когда послѣ присяги прибыли все опять на посольскій дворъ, бояринъ вручилъ гетману присланныя отъ царя: знамя, булаву, фезезею, шапку и соболи, говоря при каждомъ дарѣ красовитыя рѣчи; и гетманъ Хмельницкій возвратился въ свой дворъ, держа царскую булаву; а передъ нимъ несено было распущенное царское знамя, съ изображеніями Спаса Всемилоствиваго, Богоматери, Антонія и Θεодосія Печерскихъ и Великомученицы Варвары. Изъ помянутыхъ рѣчей боярина, сказанныхъ по повелѣнію царскому, прочтемъ двѣ кратчайшія. Отдавая булаву, онъ говорилъ: «Иное паки державы своя царскія знаменіе, булаву сію, благовѣрный и христіолюбивый государь нашъ, царь и великій князь, Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ, тебя жалуя, тебѣ посылаетъ, да тою благополучно благочестивому воинству и всемъ людямъ начальствуеши, гордящихся на православіе и непокоривыхъ да тою тебѣ смириши; воинство же твое благочестивое, яко же донынѣ устроивалъ еси, сице да и прочее время симъ пресвѣтлыя его царскія державы знаменіемъ, булавою, тако смотрѣливнѣ управляти возможеши, яко да самое виднѣе стройнѣ управляемаго отъ тебе воинства, вся враги, на вы возстающія и на благочестіе, устрашаетъ и отъ васъ прогоняетъ». А отдавая шапку, онъ говорилъ: «Главѣ твоей, отъ Бога высокимъ умомъ вразумленной, и промыслъ благородный о православіи защищеніи смышляющей, сію шапку пресвѣтлое царское величество въ покрытіе даруетъ, да Богъ, здраву главу твою соблюдая, всяцѣмъ разумомъ ко благому воинства преславнаго строенію вразумляетъ, яко да ты, гетмана, имуще вѣрнѣи и тобою смысленно управляеми, враговъ ногами попирати и безуміе гордыхъ умной главѣ твоей покоряти возмогутъ. Сіе убо своего царскаго величества жалованье благовѣрный государь нашъ, царь и великій князь, Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ, тебѣ даруя нами, и всякаго благопоспѣшія и на враги одолѣнія благопривѣтствуя, хочетъ, да, въ своемъ обѣщаніи къ царской его державѣ и вѣрѣ непремѣннѣй пребывающе, ту умную свою главу къ его царской милости подкланяя, твердую и неруши-

мую вѣрность свою со всѣмъ воинствомъ своимъ и всѣми Христіяны соблюдеши, яко да и царское его величество, вашимъ раченъемъ возбуждаемъ, большую къ тебѣ и всѣмъ твоимъ милость свою царскую простирати возможетъ».

Два года подвизался еще Хмельницкій противъ Поляковъ, въ *царской* войнѣ съ Польшею, того же года начатой и усиленной полками козацко-украинскими, но на третій годъ уже изнемогъ побѣдоносный гетманъ, и скончался въ Чигиринѣ, 15 августа. Вотъ народная дума украинскихъ слѣщовъ-бандуристовъ на смерть Богдана:

«Зажурилася Хмельницького сѣдая голова,
Що при ёму ни сотникòвъ, ни полковникòвъ нема;
Чась приходить умирати,
Нѣкому порады ¹⁾ дати.

Покликне вòнъ на Ивана Выговського,
Писаря вòйськового:
«Иване Выговській,
Писарю вòйськовый!
Скорѣйше бѣжи,
Да листы ²⁾ пиши,
Щобъ сотники, полковники до мене прибували,
Хоть мало пораду давали!»
То Иванъ Выговській,
Писарь вòйськовый,
Листы писавъ,
До всѣхъ розсылавъ.

То сотники, полковники, якъ ихъ прочитали,
Усе покидали,
До гетьмана Хмельницкого скорѣйшъ прибували.
То гетьманъ добре ихъ пріймае,
Словами промовляє:
«Панове молодци! добре вы дбайте,
Собѣ гетьмана наставляйте;
Бо я старъ, болѣю,
Більше гетьманомъ не здолѣю!
Коли хочете, панове, Антона Волочая Кіевського,
Або Грицька Костыря Миргородського,

1) Совѣта.

2) Письма, грамоты.

Або Хвилона Джеджеля Кропивянського,
Або Мартына Пушкаря Полтавського».

То козаки тее зачували,

Смутно себе мали,

Тяжко вздыхали,

Словами промовляли:

«Не треба намъ Антона Волочая Кіевського,

Ни Грицька Костыря Миргородского,

Ни Хвилона Джеджеля Кропивянського,

Ни Мартына Пушкаря Полтавського;

А хочемъ мы сына твоего Юруся, молодого,

Козака лейстрового!» —

«— Винъ, панове молодци, молодой розум мае,

Звычаевъ козацкихъ не знае!» —

«— Будемъ мы старыхъ людей бия 1) его держати,

Будуть вони его научати,

Будемъ его добре поважати,

Тебе, батька нашего, гетьмана, споминати!»...

То Хмельницькій тее зачувавъ,

Великую радость мавъ,

Слезы проливавъ,

Съдою головою поклон отдававъ.

Скоро після того ще й гірше Хмельницькій знемогавъ,

Опрощенье зо всіми пріймавъ,

Милосердному Богу душу отдавъ. —

То не чорны хмары 2) ясне сонце заступали,

Не буйны вѣтры въ темномъ лузѣ бушували —

Козаки Хмельницького ховали,

Батька свого оплакали...»

Онъ погребенъ 30 августа, въ знаменитом селѣ своемъ, Суботовѣ, въ поставленной имъ каменной церкви, и донинѣ уцѣлѣвшей. Обрядъ погребенія совершалъ Лазарь Барановичъ, «великій столпъ церковный». Старый секретарь Хмельницкаго, Самойло Зорка, въ надгробномъ словѣ ему, на Польскомъ языкѣ, говорилъ: «къ тебѣ обращаюсь съ молящимъ словомъ моимъ, о вождь нашъ возлюбленный, древній Русскій

1) Возлѣ, подлѣ.

2) Облака.

Однацерь, славный Скандербекъ, гетманъ всего славнаго войска Запорожскаго и всей козацко-Русской Украины, Хмельницкій Богдане! Взываю къ тебѣ, нынѣ въ четырехъ доскахъ лежащему и безмолвному, котораго слову и повелѣнію такъ недавно еще внимало насъ сто тысячъ, и было готово на каждое твое мановеніе... Проговори къ намъ, братьи своей, и научи насъ, какъ жить намъ безъ тебя и обращаться съ друзьями и недругами, насъ окружающими!..»

Много постонала вся Украина послѣ своего Богдана, когда настали въ ней междоусобицы козацкія, и стала она распадаться надвое, между Россією и Польшею.... На седмомъ году послѣ Богдана, когда Янъ Казиміръ, обманувшій царя Алексѣя договоромъ Виленскимъ, проходилъ войною отъ Днѣпра вверхъ по Деснѣ, воевода его, Чарнецкій, опустошая Чигиринское староство, не пощадилъ и костей Богдановыхъ въ гробницѣ церковной.... «А Чарнецкій, (говоритъ Черниговская лѣтопись), Бужинъ и Суботовъ спалилъ, и тамъ, въ Суботовѣ, тѣло стараго Хмельницкаго, и Тимоша, сына его, забитого подъ Сочавою, казалъ зъ гробовъ (зъ церкви, що въ рынку) выкинути на попелище. Суботовъ тогда былъ пустъ. А совъ зъ Чигирина, зъ Суботова и отъ иншихъ пустыхъ мѣстъ Украинскихъ, великое множество было, которые, чередами ходячи, не толко мертвыхъ трупы ѣли, але и живымъ людямъ шкодили. А Чарнецкій, набравши скарбу и гармать, вышолъ зъ Чигирина, для того, же и самъ Тетеря гетманъ до Польши выряжался; тилко Хлопицкій зъ Ляхами въ Чигиринѣ зостался».

Вотъ какую «колонизацію» зачали тогда Поляки въ тяготѣвшей къ нимъ заднѣпровской Украинѣ! Чарнецкій предварялъ Турецкое нашествіе на Чигиринъ, 1678 года, когда уже въ конецъ погибла цвѣтущая столица Богданова, и отъ ея развалинъ несчастный Хмельниченко прошелъ съ Татарами, какъ черная смерть, по Заднѣпровью.... А черезъ тридцать лѣтъ, и на восточную Украину настигло нашествіе Шведское, такое же тяжкое и переломное для всей козацкой Украины, какимъ было нашествіе Батыево для Украины княжеской.

Въ царствованіе юнаго Петра Втораго повеселѣла восточная Украина гетманствомъ заслуженнаго старца своего, Даніила Апостола. Тогда, въ 1728 году, доканчивалось обновленіе великой Печерской церкви (послѣ лаврскаго пожара 1718 года), и въ ней, на сѣверной стѣнѣ, былъ написанъ тогда портретъ Богдана Хмельницкаго во весь ростъ; и болѣе ста лѣтъ глядѣлъ на него народъ, притекающій въ Печерскую лавру со всѣхъ концевъ Русскаго царства. Тамъ и я видѣлъ его въ 1834 году и поскорбѣлъ, когда того же года онъ покрашенъ былъ дикою краскою.

Благолѣпный лаврскій портретъ Хмельницкаго для многихъ былъ живымъ напоминателемъ, какъ нѣкогда побѣдоносный *Богданъ*, шедшій въ Кіевъ отъ Замостья, встрѣченъ былъ на Кіевскомъ полѣ многочисленнымъ народомъ, и митрополитомъ Кіевскимъ, и патріархомъ Іерусалимскимъ, и величаемъ былъ, въ привѣтственныхъ рѣчахъ Академіи, *Богоданнымъ* избавителемъ народа своего отъ Лядскаго-Египетскаго ига, подобно древнему Моисею; и какъ тогда на него, молившагося въ Печерской церкви, «всѣ глядѣли съ благоговѣніемъ». Черезъ восемьдесятъ лѣтъ послѣ того, когда и Кіевъ, и вся восточная Украина повесѣли вновь гетманствомъ Даниїла Апостола и было окончено обновленіе великой Печерской церкви, православный народъ Заднѣпровской Украины, снова доставшейся Польшѣ, застоналъ опять въ прежнихъ бѣдахъ вѣрогоненія, подъ гнетомъ возобновившейся Уніи; и терпѣлъ онъ еще сорокъ лѣтъ, до 1768 года, когда его долготерпѣніе лопнуло наконецъ грознымъ взрывомъ, «Коліивщиною».

Между тѣмъ въ Кіевѣ, того 1728 года, и Академія Кіево-Могилянская помянула своего питомца и благотворителя Богдана, стихотворною драмою: «Милость Божая». Кіевъ любилъ драматическія представленія, которыя, со времени Петра Могилы, почти ежегодно были даваемы питомцами Кіевской Академіи. Одно изъ нихъ, по желанію князя Юрія Петровича Трубецкаго, воеводы Кіевского, было и напечатано въ лаврской типографіи, 1674 года (въ 4-ку, на 6 лист.): «*Алексій Человѣкъ Божій*», на честь царю Алексѣю Михайловичу, чрезъ шляхетну молодѣ, на публичномъ діалогѣ *явленный*. Но славнѣ всѣхъ была Теофанова *трагедокомедія* въ пяти дѣйствіяхъ: «*Владимеръ*, всѣхъ Славенороссійскихъ странъ князь и повелитель... въ православной академіи Могилянскои Кіевскои, на позоръ Россійскому роду, отъ благородныхъ Россійскихъ сыновъ, добрѣ здѣ воспитуемыхъ... лѣта Господня 1705, іюля 3 дня, *показанный*». Въ томъ же родѣ, и тоже въ 5 дѣйствіяхъ, но вдвое меньшихъ, была вышепомянутая драма, «*Милость Божая*».

Вотъ эта драма, кажется, еще неизвѣстная въ исторіи Южнорусской Словесности ¹⁾.

8 генваря 1857 г.
Михайлова-Гора.

¹⁾ Первоначально М. А. Максимовичъ приложилъ къ статѣ отрывки только изъ драмы. Онъ ее напечаталъ вполне въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и древн. 1858 г. (кн. I, смѣсь, стр. 75—100).

Извѣстія о Гайдамакахъ ¹⁾

(Замѣчанія на книгу Г. Скальковскаго: «*Наѣзды Гайдамакъ на Западную Украину въ XVIII столѣтіи,*» изданную въ Одессѣ. 1845 г. въ 8 д. 230 стр.)

Съ той поры, какъ покойный землякъ и пріятель мой *Порфирій Байскій* пустилъ въ литературный ходъ похождения послѣдняго гайдамацкаго атамана и *характерника Гаркуши*, гайдамаки часто являться стали на поприщѣ литературы, особенно Польской. Въ послѣдніе годы, на Польскомъ языкѣ, издано немало Современныхъ Записокъ о Гайдамаччинѣ прошлаго столѣтія, особенно о ея грозномъ явленіи, извѣстномъ подъ именемъ *Колівищины*, 1768 года. Много разнорѣчія представляютъ записки о гайдамакахъ; но есть *чувство истины*, которое подсказываетъ историку, и руководить его въ выборѣ извѣстій; есть *соображеніе*, посредствомъ котораго отдѣляется истина отъ вымысла.

Г. Скальковскій, въ своей любопытной «Исторіи Новой Сѣчи» передалъ намъ Запорожскія извѣстія о томъ, что Запорожскіе *Съромахи* «драли Ляховъ и Жидовъ въ Польшѣ такъ сильно, что Ляхи отъ страха кидали дома и жилища свои, и уходили *до лясу*, во внутреннюю Польшу за Варшаву; а Жиды безъ вѣсти пропадали, и духу боялись Запорожскаго» (с. 222). Онъ говорилъ намъ, что Запорожцы гайдамачествомъ своимъ даже хвастались, какъ молодечествомъ, какъ подвигами достойными хвалы и знаменитыхъ именъ: Палѣя, Наливайка, Подковы или Сѣрка» (с. 220). Но когда рѣчь зашла объ 1768 годѣ, въ которомъ многіе Запорожцы уже не «на малую руку» *драли* Поляковъ и Жидовъ въ Западной или Польской Украинѣ, а, соединясь съ Западно-Украинскимъ православнымъ народомъ, трянули стариною Богдановскою, историку Новой Сѣчи показалось *пятно* на Запорожьѣ, и онъ обѣщаль «очистить память славнаго Низоваго войска отъ *пятна*, накинутаго на него нѣсколькими преступными его чинами» (с. 281).

И вотъ явились «Наѣзды Гайдамаковъ», какъ очищеніе славнаго Низоваго войска.... Г. Скальковскій объявилъ еще въ Исторіи, что онъ нашель «въ дѣлахъ Запорожскаго *Коша* обильные и занимательные документы, относящіеся къ Гайдамаччинѣ;» а потому съ особеннымъ любопыт-

¹⁾ Москвитянинъ 1845 г., ч. III, № 5, стр. 44—68.

ствомъ прочелъ я новое его сочиненіе; по внимательномъ прочтеніи предлагаю нѣсколько замѣчаній объ этой «правдивой повѣсти», какъ называетъ самъ авторъ свое повѣствованіе.

Такъ какъ *очищеніе пятна* составляетъ главную задачу въ «Наѣздахъ» г. Скальковскаго: то и первый вопросъ: какіе преступные чины Запорожскіе накінули это пятно на Запорожье, и кто главный, первый виновникъ?.. Въ отвѣтъ на это Наѣзды г. Скальковскаго указываютъ на — жестокаго игумена Лебединскаго: подъ его вліяніемъ пало столько невинныхъ жертвъ, и на Запорожье, которому онъ желалъ мстить (?), легло *вѣчное пятно* безславія...» (с. 125).

И такъ г. Скальковскій предпринялъ *очистить* Запорожье отъ *вѣчнаго пятна!*.. Немудрено же, если, задавъ себѣ такую мудрёную задачу, онъ впадаетъ въ непрестанное противорѣчіе; если его мнѣнія и выводы не согласны съ его же повѣствованіемъ и доводами. Осуждаетъ ли онъ, превозноситъ ли, всё равно; ибо всё, какъ не на мѣстѣ и не въ мѣру, безъ убѣжденія и отчета; объ одномъ и томъ же какъ будто говорятъ два разные голоса, иногда сливающіеся въ обоюдный отзывъ... Хотъ и говорить авторъ, что представилъ «вѣрную, живую картину; но эту картину можно уподобить часамъ, въ которыхъ минутная рознитъ съ часовою, а репетиція звонитъ совсѣмъ не то, что показываютъ стрѣлки.

1. О Гайдамаччинѣ 1768 года.

Вотъ мнѣніе г. Скальковскаго о Коливищинѣ 1768 года, какъ о главномъ предметѣ его повѣствованія. На стр. 143. «Славное Низовое товарищество не могло рѣшиться на столь пагубное и богопротивное дѣло, какъ истребленіе цѣлыхъ тысячъ невиннаго и безоружнаго народа, изъ видовъ *корысти и мщенія, не побуждаемое* ни національнымъ, ни религіознымъ *фанатизмомъ*, который уже не существовалъ (№ 3).»

На стр. 15. «Въ XVIII столѣтіи, когда Россія приняла навсегда Запорожье подъ свою державу, когда, слѣдственно, Польское правительство ни само, ни чрезъ свое дворянство не могло дѣлать угнетеній козачеству (№ 13)... они (предводители Гайдамаковъ) вооружились просто для разбоя и грабежа изъ видовъ *одной корысти* (№ 13)... Такого роду было происшествіе, извѣстное подъ названіемъ *Коливищины* и *Уманской рѣзни*, бывшей 1768 года».

На стр. 65. «Этимъ-то расположеніемъ духа Украинской Руси (т. е. опасеніемъ за свою будущность и ненавистью къ Латинцамъ въ 1768 г.) воспользовались нѣсколько честолюбцевъ и злодѣевъ, которые изъ соб-

ственныхъ видовъ *корысти или властолюбія*, приобрѣли этой богатой и прекрасной странѣ *самую печальную* извѣстность (?).

На стр. 110. «Жельзнякъ не терялъ ни духа, ни своей дерзости и постоянно выдавалъ себя за полковника и поборника Православія... Грубая чернь прославляла его подвиги, считая этого ватажка какимъ то *геро-емъ Украины*».

На стр. 71. Имя его приобрѣло столь *горькую* извѣстность.

На стр. 135. «Такимъ образомъ доброе имя и слава войска Запорожскаго были поруганы *горстью злодѣевъ*; тысяча убійствъ сдѣланы ими во имя козачества и даже православія» (Эта *горсть* состояла подъ Уманемъ «изъ 2,000 отчаянныхъ негодяевъ», по выраженію г. Скальковскаго)!

Но послушаемъ повѣствованіе г. Скальковскаго; и оно представитъ совершенное опроверженіе его-же мнѣнія.

На стр. 31 говоритъ онъ, что «непріязненныя сношенія козаковъ съ Поляками столь же древни, какъ и существованіе Запорожской общины. Со времени гоненій *за вѣру и неслыханныхъ казней* героевъ козачества, мучениковъ православія, уже никогда не думалъ козакъ о сближеніи съ Ляхомъ.... Вотъ начало *вѣчной неумолимой борьбы* между ними; вотъ причина *наѣздовъ* со стороны Поляковъ; вотъ наконецъ *источникъ Гайдамацтва* со стороны Русскихъ (т. е. Малорусскихъ) поселянъ и самихъ Запорожцевъ» (№ 13).

На стр. 45 «Поляки, не боясь вовсе своего безсильнаго правительства, не обуздываемые ни гетманами, ни пограничными старостами, считали позволненнымъ *дѣломъ хватать и вѣшать* и козаковъ, и поселянъ, и даже Сербовъ, подъ общимъ предлогомъ Гайдамацтва» (см. объ этомъ въ «Наѣздахъ» стр. 32 и 33).

На стр. 51. «Въ долговременное царствованіе короля Августа III-го войны въ Польшѣ не было, отъ того дворянство, все почти номинально къ арміи приписанное, желая отличиться передъ своими соотечественниками, не имѣло на то другого поприща, какъ преслѣдованіе *Гайдамакъ*. Такимъ образомъ всякое появленіе грабителей или воровъ, пропажа у поселянъ лошадей или скота, *слагались на Запорожцевъ* и немедленно были причиною отправленія *подъѣздовъ* въ Запорожскія земли».

На стр. 55. «*Кошъ Запорожскій*, хотя въ Сѣчи и по паланкамъ дѣлалъ благоразумныя распоряженія противу Гайдамакъ, и пойманныхъ воровъ и разбойниковъ казнилъ смертию, или щедро награждалъ кіями; но къ суду, особенно Польскому, виновныхъ отсылать не хотѣлъ; ибо *въ души похвалялъ ихъ молодечество и ненависть къ Ляхамъ*. «Что за бѣда, говорили Кошевому батьки-атаманы куренные, что Ляхамъ и Жидамъ

достається отъ нашихъ гультаевъ: досталось колись и намъ отъ этой нехристи!»

На стр. 60. «Такъ приблизился знаменитый въ лѣтописяхъ Гайдамацтва 1768 годъ, и тогда разыграна была имъ *послѣдняя изъ тѣхъ печальныхъ и кровавыхъ трагедій*, которая намъ представляетъ исторія XVII столѣтія въ первые годы возстанія Козачества противу Польши».

На стр. 61. «Всѣмъ извѣстно, сколь много бѣдствій для Польши и всей Юго-западной Россіи принесла *нетерпимость Католическаго Польскаго дворянства*, и, слѣдственно, *Сеймовыхъ его постановленій*, всего того, что было не Католическо-Римское. Иезуиты — болѣе и болѣе возбуждали умы Поляковъ противу Русскихъ и Протестантовъ... Жалкій примѣръ столь не политическаго образа мыслей далъ Сеймъ 1767 года, который *лишилъ диссидентовъ всѣхъ гражданскихъ правъ и свободы богослуженія*; забытыя съ XVII-го столѣтія (?) *гоненія за вѣру* возобновились опять...»

На стр. 62. Возникаетъ «знаменитая и пагубная Конфедерація Барская, провозглашенная 29 февраля 1768 года (NB) Іосифомъ Пулавскимъ... Ея лозунгомъ были: свобода и вѣра (*wolność i wiara*), а въ самомъ дѣлѣ неограниченное честолюбіе вельможей, своеволие шляхты, *нетерпимость всего*, что не было Римско-апостолическо-католическое».

На стр. 65. «Извѣстіе о столь *фанатическомъ* союзѣ, какова была Барская Конфедерація, наполнило сердца диссидентовъ ужасомъ, удвоило ихъ опасенія о будущемъ, и усилило ихъ *ненависть къ Латинцамъ*».

На стр. 68. «Преданія живыя доселѣ говорятъ: что игумень Лебединскаго (или по сказанію Запорожцевъ Мотронинскаго) монастыря Мельхиседекъ, изъ дворянскаго рода Значко-Яворскихъ, искренно преданный православію (NB), несмотря на силу въ этомъ краѣ Католическаго и Уніатскаго духовенства, началъ проповѣдывать явно святую вѣру по обрядамъ Восточной Церкви, и обращать къ ней Уніатовъ. Дѣйствія его вѣроятно не сопровождались благоразумною осторожностью, и онъ подвергся гоненіямъ мѣстнаго Уніатскаго Епископа Гервасія Линовскаго (?), отъ котораго онъ претерпѣлъ тяжкое заключеніе.

Ушедъ изъ тюрьмы, онъ воспламенился уже не рвеніемъ, а *истиннымъ фанатизмомъ* и поклялся отмстить (?) гонителямъ своимъ и православія. Мельхиседекъ, узнавъ о Барской Конфедераціи, видя всеобщее смущеніе нѣсколькихъ честолюбивыхъ магнатовъ, — предвидѣлъ *готовящіеся отъ того неминуемыя бѣдствія для Православной Церкви*. Одушевленный энтузіазмомъ...»

Тутъ рассказываетъ Г. Скальковскій: какъ одушевленный энтузіазмомъ Мельхиседекъ ѣдетъ въ Петербургъ (?), а оттуда въ Запорожье (?) съ вы-

мышленною грамотою Екатерины II; какъ, разгнѣвавшись на Кошевого за отказъ, пробирается изъ Съчи (?) въ зимовники на р. Громоклѣѣ, и тамъ уговариваетъ стараго Запорожца Григорія Желѣзняка отпустить съ нимъ своего меньшаго сына Максима Желѣзняка; какъ онъ воспламенилъ честолюбіе этого храбраго, грамотнаго козака, который, собравъ шайку изъ 50 Запорожцевъ, конныхъ и хорошо вооруженныхъ, доставъ перначи и знамена, прибылъ въ Лебединскій монастырь (?); какъ между тѣмъ игумень къ храмовому празднику (Юрьеву дню 23 Апрѣля) созвалъ сосѣднихъ помѣщиковъ и поселянъ православнаго исповѣданія, послѣ пира уговорилъ многихъ вступить въ *Гайдамацкое братство* подъ начальствомъ Желѣзняка, на истребленіе заклятыхъ враговъ козачества, Ляховъ и Жидовъ; и какъ наконецъ Желѣзнякъ съ своею ватагою черезъ три дня (т. е. 28 Апрѣля!) выступилъ изъ монастыря.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается! Я говорю *сказка*, потому что весь этотъ эпизодъ въ Наѣздахъ Г. Скальковскаго не иначе можетъ быть названъ: такъ въ немъ измѣнена дѣйствительность и перемѣшана съ вымысломъ относительно времени, мѣста и всего происшествія ¹⁾. Все однако же, изъ приведенныхъ отрывковъ каждый читатель увидитъ, что Коліивщина была не простой гайдамацкій набѣгъ, но произошла какъ противодѣйствіе новымъ насиліямъ Православію; а главнымъ исполнителемъ — козакъ Запорожскій Максимъ Желѣзнякъ; зерномъ предводимаго имъ полчища, — козаки, выведенные имъ изъ Запорожья. — И самъ Г. Скальковскій говоритъ:

На стр. 80. «Умань былъ ненавистенъ Гайдамакамъ... влекла ихъ туда — однихъ жажда корысти, другихъ *религіозный фанатизмъ* (№ 13), котораго исчадіе Желѣзнякъ былъ главнымъ орудіемъ».

На стр. 93 читаемъ, что въ Умани, во время рѣзни — «когда уже набралось тамъ довольно дворянскихъ дѣтей и еврейскихъ, повели ихъ въ церковь св. Николая, чтобы обращать въ православіе»... И такъ, несмотря на неистовство и кровопролитія, произведенныя Гайдамаччиною 1768 г., видно, что они произведены изъ видовъ не одной корысти; что побужденіемъ къ тому былъ и національный и религіозный фанатизмъ, или лучше противодѣйствіе фанатическимъ угнетеніямъ, какія православный народъ въ Западной Украинѣ не переставалъ терпѣть отъ Польши и тогда, какъ Восточная Украина съ Запорожьемъ были уже подъ державою Русскою.

¹⁾ Я полагаю, что Г. Скальковскій, какъ «поклонникъ Исторіи», при новомъ изданіи передѣлаетъ снова весь этотъ эпизодъ.

2. О Гайдамаччинѣ 17-го вѣка

Г. Скальковскій не одинъ разъ отзывался съ похвалою о прежнихъ «вотязяхъ козачества», въ отличіе отъ гайдамаковъ 18-го столѣтія...

Напримѣръ, на стр. 15. «Такіе Гайдамаки 18 столѣтія мало чѣмъ рознились отъ обыкновенныхъ грабителей 17-го вѣка, и ихъ подвиги *покрыли срамомъ*¹⁾ храброе, хотя и полуобразованное Низовое войско, оказавшее столько услугъ Русскому міру. Предводители такихъ *шаекъ* сперва, *нѣтъ сомнѣнія*, подымали оружіе на Поляковъ, какъ на враговъ своей вѣры и родины: ихъ славные подвиги, хотя и сопровождаемые жестокостію, но облагороженные святою цѣлію защиты церкви православной, воспѣла народная поэзія Украины». (Харька, Желѣзняка, Гонту, Швачку также воспѣваетъ народная поэзія Украины!)

На стр. 33. «Въ началѣ быта Запорожскаго, *нѣтъ сомнѣнія*, эти степные герои были истинные поборники православія, и они дѣлали Полякамъ зло изъ одной національной (?) и религіозной мести. Таковы были подвиги во время войнъ Хмельницкаго, Павлюка, Морозенка, Лободы, Полторакожуха, Нечая, Кривоноса и многихъ другихъ, которыхъ *гайдамацтво* было освящено высокою цѣлію — освободиться изъ подъ ига Лядскаго Египетскаго». (Это выраженіе Украинскихъ лѣтописей)...

Но авторъ «Наѣздовъ» не выдержалъ такого тона въ концѣ книги, когда пришлось говорить объ истребленіи однихъ *Евреевъ* во время Хмельницкаго. «Всѣмъ извѣстны тиранства и мученія, которымъ предавали ихъ козаки въ 17 столѣтіи», говоритъ г. Скальковскій на стр. 134; и Запорожскихъ рыцарей — Нечая, Морозенка, Павлюка, Кривоноса — называетъ уже *Гайдамаками*: «молитва Евреевъ, въ память убиенныхъ *Гайдамаками* въ Немировѣ и Барѣ ихъ братій, 1649 г.».

Вотъ такъ бы прямо и во всей книгѣ говорить, не утверждая, что ни Запорожцы себя, ни Поляки ихъ не называли Гайдамаками; не отдѣляя (по-видимому такъ рѣзко, а на самомъ дѣлѣ только по-видимому) возстаній Наливайка, Лободы, Павлюка, Хмельницкаго, отъ подвиговъ Желѣзняка и его предшественника Харька. Всѣ эти Украинцы и козаки безъ сомнѣнія принадлежать къ одной категоріи²⁾: Харько и Желѣзнякъ до-

1) «Мертвіи бо срама не имуть!» говорилъ дружинѣ своей воинственный Святославъ, сложившій за Днѣпровскими порогами свою голову, какъ бы въ основаніе Запорожья, *въ первообразъ головъ козацкихъ* (Укр. Нар. пѣсни стр. 67).

2) Изъ этой категоріи я исключилъ гетмана Конашевича-Сагайдачнаго: онъ одинъ умѣлъ быть хранительнымъ *щитомъ* Украины отъ Поляковъ, не подымая вооруженной руки

канчивали въ Западной Украйнѣ то, что началъ Переясловскій полковникъ Лобода съ своимъ другомъ и родичемъ Наливайкомъ. На всѣхъ ихъ можно смотрѣть съ двухъ разныхъ сторонъ; но непременно должно смотреть одинаково.

При началѣ возстаній каждаго изъ этихъ козацкихъ и Украинскихъ предводителей противу Поляковъ, современники ихъ, особенно Поляки, разумѣли ихъ и казнили ихъ, какъ бунтовщиковъ и разбойниковъ; въ послѣдствіи, въ потомствѣ и особенно у насъ, Украинцев, они поминаются, какъ подвижники Украинской Руси и защитники православія. Богдану Хмельницкому Богъ далъ то, чего онъ, по собственному признанію, и не ждалъ въ началѣ своего возстанія: то былъ истинный мечъ на защиту Украины православной. А между тѣмъ судьба его, можно сказать, висѣла на волоскѣ... и я не знаю, какая была бы избрѣтена казнь, если бы этотъ бессмертный вождь Украины, этотъ самый грозный Гайдамакъ — попался живой въ руки своимъ сопротивникамъ; но Чарнецкому достались на поруганіе только гробовыя кости Богдановы.

И подвигъ Желѣзняка могъ-бы кончиться иначе, если-бы случился не тогда, когда русская Царица подала уже государственную помощь Польшѣ противу ея внутреннихъ, предсмертныхъ возмущеній. На ту пору возстаніе Западной Украины, произведенное Желѣзнякомъ, конечно было уже безвременнымъ и неумѣстнымъ дѣломъ; почему русское войско и преслѣдовало Гайдамаковъ так же, какъ и конфедератовъ Барскихъ. — Безъ этой вспомогательной, посредствующей силы, Западная Украина близко уже была къ тому, чтобъ быть, подъ рукою Желѣзняка, очищеною отъ всего не православнаго. И тогда Желѣзнякъ конечно поступилъ бы съ нею также, какъ со всею Україною и Запорожьемъ поступилъ счастливый Богданъ, и не будучи поданнымъ Россіи. Запорожець Желѣзнякъ, достигши своей цѣли, конечно поклонился бы царицѣ своей Западною Україною, какъ нѣкогда Ермакъ повинился Сибирью предъ царемъ Московскимъ; и новый предводитель Гайдамацкой шайки имѣлъ бы право на прославленіе не въ однѣхъ народныхъ пѣсняхъ и сочиненіяхъ Украинцевъ. Запорожцы, какъ ни отрывали ихъ судьбы отъ Русскаго міра, всегда влеклись къ нему, какъ и всѣ Русскіе влекутся въ общую цѣлость и жизнь православной Руси. — Г. Скальковскій такъ немилостивъ къ Желѣзняку, что даже и пострадавшей отъ Гайдамаковъ Кребсовой *не позволилъ* сказать объ немъ, что: «онъ былъ не простой Гайда-

---

на Польшу. — Припоминаю это въ отвѣте Погодину на его примѣчаніе въ статьѣ моей о *гетманѣ Сагайдачномъ*, напечатанной въ Москвитянинѣ 1843 № 10-й.

макъ» и выключилъ это выраженіе изъ ея разсказа. Между тѣмъ онъ самъ ненамѣренно сказалъ истинную похвалу Желѣзняку, назвавъ его «героємъ Украинской черни (с. 121)». Уже и славный Хмельницкій съ своимъ козачествомъ не былъ героємъ Южнорусской аристократіи: тѣмъ менѣ подвижникъ Православной Украины могъ быть героємъ высшаго сословія въ исходѣ прошлаго столѣтія, когда все почти Западно-Украинское и Волынское дворянство было уже не православное.

Г. Скальковскій, такъ услужливо очищая Запорожье отъ мнимаго пятна, говоритъ, что «Желѣзнякъ, какъ истинный сынъ славнаго Запорожья, умѣлъ хитрить и лгать при удобномъ случаѣ (с. 82).» Напрасно: народа не обманешь!

Мазепа ли не воздвигалъ церквей, не благотворилъ школамъ и духовенству Малороссійскому! И кого изъ вождей Украины больше его превозносили современники пышными панегириками?.. А между тѣмъ народныя пѣсни донинѣ поминаютъ лихомъ коварнаго Гетмана. Правду сказалъ пѣвецъ Екатеринана вѣка:

«Какихъ не вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться;
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться.»

3. О Гайдамаччинѣ вообще и ея началѣ

Чтобы устранить, сколько можно, отъ Запорожцевъ участіе ихъ въ Гайдамаччинѣ 1768 года, г. Скальковскій почель нужнымъ въ самомъ началѣ своихъ *Навздовъ* попротиворѣчить моему давнему замѣчанію, что «Гайдамаками сначала называли сами себя Запорожцы 1).»

Не принявъ этого замѣчанія, Г. Скальковскій сознаётся, что онъ *не знаетъ*, гдѣ нашель я свѣдѣніе объ этомъ (с. 9); а также *не знаетъ* и того, что значитъ этимологически и археологически слово Гайдамакъ (с. 13). Это бы и не бѣда; мало ль о чемъ случается не знать, особливо, если, напри- мѣръ, — собираясь писать о Запорожцахъ и Гайдамакахъ, станемъ собирать матеріалы изъ Польскихъ и Еврейскихъ источниковъ, и не прочтемъ Исторіи Малороссіи Маркевича 2). Но сознавшись въ своемъ незна-

1) См. Украинскія Народныя Пѣсни. — М. 1834. Замѣтки на стр. 66 и 136.

2) Въ послѣдней (55) главѣ (Т. II.) *Исторіи Малороссіи* описано происшествіе 1768 года хоть коротко, но во многомъ вѣрнѣ. Изъ 5 тома (стр. 84 и 93) Г. Скальковскій можетъ удостовѣриться, что я пишу свои замѣчанія на его *Навзды*, давно зная въ подлинникѣ его источники Польскіе.

ніи, Г. Скальковскій потомъ рѣшительно утверждаетъ, — что «никогда Запорожцы не считали и не называли себя Гайдамаками (с. 143).» Вотъ это ужъ напрасно! Наименованіе Запорожцевъ Гайдамаками конечно было не офіціальное; потому и напрасный трудъ искать его въ дѣловыхъ бумагахъ *Новой Стѣчи*, когда имя Гайдамаки принадлежало уже только тѣмъ Запорожскимъ гультаямъ и ихъ послѣдователямъ, которые охотились разбоемъ; когда Запорожская старшина была уже въ отвѣтственности передъ правительствомъ за удалъ своихъ *низовыхъ молодцовъ*. Но въ прежнее время, по крайней мѣрѣ съ той поры, когда козачество ополчилось на Польшу за утѣсненіе православной вѣры и Украины, имя Гайдамака является отличительнымъ эпитетомъ Запорожца въ войскѣ козацкомъ. Конечно, и въ тогдашнемъ смыслѣ, для Поляковъ и Евреевъ, Гайдамаки были «люди преступные и жестокіе» (с. 14): тѣмъ не менѣе *Гайдамаками* тогда называли себя Запорожцы, такъ же, какъ войско свое величали они *Кравчиною* (въ честь Кравца Наливайка, — по моему же давнему изъясненію). Это названіе *Кравчиною*, равно какъ и народное прозваніе гетмана Подковы — *Серпягою*, (а полковниковъ Лѣсницкаго и Ждановича — *Костыремъ* и *Волочаемъ*), извѣстны стали изъ народныхъ пѣсень, и приняты г. Скальковскимъ даже въ текстъ его исторіи. Названіе Запорожцевъ *Гайдамаками* находимъ и въ пѣсняхъ, и въ историческихъ письменныхъ сказаніяхъ. Напримѣръ: «на Тясминѣ рѣкѣ козаки станомъ стояли: рвомъ и валомъ окопались; всего 20,000. Первымъ отрядомъ тремя полками командоваль гетманъ (Наливайко); на переду стояль. А ниже направо полковникъ Лобода и обозный. А ниже налѣво полковникъ Опара и асауль; и по ниже въ гаю *Гайдамаки* въ таборѣ». Или: «и егда подоспѣли до Хмельницкаго Вовгуревскіе ратники съ атаманомъ Лисенкомъ и *Гайдамаками*».... Кто же были эти *Гайдамаки* 16 и 17 вѣка, въ войскѣ и таборѣ козацкомъ? Это поясняютъ козацкія пѣсни: о Наливайкѣ (1597), о Сулимѣ (1633). — Вотъ слова изъ послѣдней:

«Ой въ гóродѣ въ Батуринѣ дзвоны задзвонили,
То козаки *Гайдамаки* у радѣ рядили,
Пань Сулима, пань Сулима козакóвъ збирае,
Да й усѣмъ тимъ *Гайдамакамъ* вóнъ такъ промовляє;
Товариши Гайдамаки, чинѣть мою волю!
Счо намъ треба одплатити Вкраїнську недолю».

Кошевой называетъ товарищами своими Гайдамаковъ: кажется ясно, что Гайдамаками называлось *товариство Запорожское*. Надѣюсь, что г. Скальковскій согласится на мое давнее замѣчаніе; по крайней мѣрѣ

вѣрѣдъ не станеть повторять, будто «Запорожцы не называли себя Гайдамаками». При этомъ ему слѣдовало бы отказать и отъ того мнѣнія, будто виновниками Гайдамаччины были не Запорожцы, а — «бѣглецы изъ разныхъ *Славянскихъ земель*, скрывшіеся въ Запорожь отъ преслѣдованія законовъ (с. 14).» Зачѣмъ слагать на нашу западную братію то, чего виновниками были сами восточные рыцари наши, сами *братчики* Запорожскіе! Конечно, между ними бывали выходцы изъ разныхъ Славянскихъ земель, бывали ускоки Задунайскіе и *самозбройцы* Польскіе. Въ «Наѣздахъ» г. Скальковскаго встрѣчаемъ, напримѣръ, Запорожца *Ивана Ляха* (изъ Новогрудскихъ дворянъ, фамиліи Суллистровичей), который занимался разбоемъ, и въ 1748 году перегналъ въ Запорожье 100 лошадей изъ Уманской губерніи (с. 53). Встрѣчались мнѣ, въ старыхъ бумагахъ, и другіе Запорожцы, прозывавшіеся *Ляшками*, тоже съ пушкомъ на рыльцѣ.... Но это капли въ степномъ морѣ Запорожскомъ! Изъ множества дѣлъ о Гайдамакахъ, бушевавшихъ въ разные годы прошлаго столѣтія, видно, что почти всѣ они были или Сѣчевики, или же у нихъ учились гайдамачеству. Самъ г. Скальковскій такъ ясно и опредѣлительно показалъ намъ, (въ Исторіи Новой Сѣчи гл. II и IV), что Запорожцы, любившіе «погулять въ степи», пускались на гайдамачество «большею частію за вѣдома куреня (с. 222)», и, что «Запорожская старшина, особенно Кошевые, отмолодечившись въ свое время.... въ глубинѣ души оправдывали ихъ, и если могли, давали средства къ побѣгу». Зачѣмъ же теперь кивать на Петра, потакая Климычу? Иное дѣло Запорожская старшина: тутъ имѣли выгоду и необходимость, для своего оправданія, покрывать иногда проказы своихъ гультаевъ. И въ «Наѣздахъ» г. Скальковскаго, по поводу вышеупомянутыхъ 100 лошадей, уведенныхъ Запорожцемъ Каневскаго куреня Иваномъ Ляхомъ и отогнанныхъ Сѣчевымъ объѣздомъ въ войсковой табунъ, вотъ что сказано (с. 53): «получивъ объ этомъ официальную ноту, Леонтьевъ требовалъ отъ Коша выдачи лошадей Полякамъ, а виновнымъ наказанія; но напрасно. Кошъ «нижайше» донёсъ: «что виновныхъ нигдѣ не оказалось; лошадей въ табунѣ никогда не было; Иванъ Ляхъ въ куренѣ Каневскомъ никогда не считался»...

Удивительно, какъ послѣ такихъ официальныхъ показаній Г. Скальковскій все свое утвержденіе о значеніи и происхожденіи Гайдамаковъ основываетъ именно на тѣхъ официальныхъ отвѣтахъ, которыми Запорожская старшина оправдывала себя въ глазахъ Правительства, по случаю строгихъ запросовъ о Гайдамакахъ 1768 года! Самъ же онъ въ Исторіи Новой Сѣчи, открывая намъ «секреты Коша Запорожскаго»,

говориль (с. 36), что Запорожцы «хранили строгую тайну о состояніи Войска и не хотѣли отвѣчать ни на какіе вопросы о томъ Русскаго правительства.» Такимъ образомъ, онъ самъ отнялъ вѣру въ искренность *официальныхъ оправданій и показаній* Запорожской старшины, а между тѣмъ на нихъ то и основывается, ими преимущественно и очищаетъ память славнаго Низоваго войска!..

Но Г. Скальковскій въ сѣчевомъ архивѣ открылъ еще «лучшее доказательство непричастности Запорожья въ Гайдамацкихъ неистовствахъ» (с. 138). Это — отвѣтъ Кошеваго на ясновельможное *падамъ до ногъ* Князя Яблоновскаго. Вскорѣ послѣ Уманской рѣзни, воевода Познанскій Князь Яблоновскій, какъ помѣщикъ Украинскій, пишетъ къ Кошевому: «не упускаю къ тому случая предаться еще и вашей вельможности съ войсковою старшиною въ особеннѣйшую, дружескую, содѣдственную милость, защищеніе и покровительство, прося притомъ дружелюбно, не оставить отеческою своею милостью находящагося области нашей въ Украинѣ надъ нѣчистыми моими добрами Космовскаго, подчашаго Новогрудскаго, отъ происходящихъ междоусобныхъ мятежей, нарушающихъ почти государственную цѣлость, всевозможнымъ образомъ по своимъ силамъ, отъ стороны своей защищать и въ милости своей онаго Г. подчашаго, для моей подносимой предъ вельможностью вашей глубокой просьбы, содержать...» и проч. — Кошевой отвѣчаетъ: «хотя я всѣмъ усердіемъ отъ сихъ мятежей онаго Г. Космовскаго готовѣйшій бы защищать; но яко онъ находится въ тамошнихъ В. С. принадлежащихъ мѣстахъ, куда намъ вѣзду имѣть съ командами безъ позволенія Высочайшаго невозможно... и проч. И этотъ отвѣтъ въ «Наѣздахъ» Г. Скальковскаго предлагается, какъ «лучшее доказательство!» Что жъ послѣ этого будутъ худшія?..

Худшими средствами ко очищенію «вѣчнаго пятна» можно назвать: 1) Уменьшительное показаніе числа Запорожцевъ, участвовавшихъ въ *Трагедіи* 1768 года; 2) усиленное наказаніе всѣхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ этой трагедіи, и особенно того, подъ чѣмъ вліяніемъ легломнимое *вѣчное пятно* на Запорожьѣ!

4. О числѣ Запорожцѣвъ, участвовавшихъ въ Коліивщинѣ 1768 г.

Г. Скальковскій говоритъ, что «въ этой несчастной и кровавой трагедіи участвовало до 300 Запорожцевъ» (с. 127).

Но въ этой трагедіи дѣйствовало не 300, а конечно болѣе тысячи Запорожцевъ! Возмѣмъ первую половину этой трагедіи, до разоренія Умани

включительно, и послушаемъ Историка Новой Сѣчи. «Сколько можемъ доискаться — говоритъ онъ (стр. 281), въ современныхъ бумагахъ, находимъ, что вначалѣ 1767 года внезапно цѣлыя толпы бездомнаго буйнаго *Запорожскаго товариства*... пустились по направленію Буга. Бугогардовскій полковникъ Мойсей Головка... убѣдился въ томъ, что всѣ толпы идутъ на Польшу съ кровавыми замыслами. Полковники Тарасъ Чорный и Оедоръ Великій донесли въ тоже время (Кошу), что всѣ почти рыболовныя хижины по Днѣпровскому и Бугскому лиманамъ опустѣли, ибо все бѣжитъ въ Польшу на грабительство; что шайка Гайдамацкая имѣла уже до 600 *человѣкъ Запорожскихъ козаковъ* и до 1.000 взбунтованныхъ въ Польшѣ Украинскихъ поселянъ, которые дѣлають грабежи и убійства неимовѣрныя».

И такъ, по показанію трѣхъ Запорожскихъ полковниковъ и самаго историка Новой Сѣчи, въ Гайдамацкой шайкѣ (подъ рукою Желѣзняка) было до 600 Запорожскихъ козаковъ.

Зачѣмъ же Г. Скальковскій умолчалъ объ нихъ въ своихъ Наѣздахъ и не включилъ ихъ въ общій *итогъ*?

Взглянемъ теперь на вторую половину этой трагедіи, когда, послѣ Уманской рѣзни, работали уже «на малую руку». У Г. Скальковскаго говорится о ватажкахъ *Саражинъ, Губль, Дейнекъ* и другихъ; но не показано, много ли Запорожцевъ было въ ихъ *чатахъ* (шайкахъ). Правду сказать, ихъ и сосчитать нельзя; ибо, кромѣ значительныхъ ватагъ, множество Запорожцевъ переходили за границу по 10 по 5 *человѣкъ*, и даже въ одиночку.

Поименуемъ однако же нѣкоторыя ватаги, вышедшія изъ Запорожья послѣ Петрова дня (извѣстныя намъ изъ подлинныхъ, несомнѣнныхъ актовъ 1768 года).

- 1) Въ пасѣкѣ *Семена Саражина*, близъ Петровскаго хутора, въ продолженіе недѣли собрались 134 Запорожца (съ атаманомъ И. Бандуркою пришло 21; съ атаманомъ Скориною 17; съ Петромъ Вѣтромъ 20). Гусарская команда, напавъ на эту чату при селѣ Нерубанкѣ, захватили изъ нея 60 *человѣкъ*, въ томъ числѣ Вѣтра, Бандурку и главнаго атамана ихъ Саражина, бывшаго ротнымъ квартирмейстромъ *Чернаго* (прежняго *Хорватова*) Гусарскаго полка.
- 2) *Василь Щербина* и *Климъ Круть* вывели черезъ урочище Гардъ 60 Запорожцевъ: эта ватага поймана карабинерами и донцами въ селѣ Низгурцахъ.
- 3) Атаманъ *Гайдай* вывелъ ватагу, состоявшую изъ 64 Запорожцевъ, пойманныхъ подъ Бердичевомъ.

4) *Миронъ Губа* провель черезъ лѣсъ Чуту 82 Запорожца, перешедшихъ границу подъ Петровскимъ и захваченныхъ карабинерами подъ Сквиною.

Къ этимъ ватажкамъ можно еще прибавить: *Якова Мамая*, перешедшаго черезъ Гардъ съ 9 другими Запорожцами и пойманнаго въ Саврани Польскою командою; или *Федора Вариводу*, который въ числѣ 70-ти Запорожцевъ прошелъ близъ Орловскаго форпоста; или *Игната Чуба*. Но довольно; и то уже вышло *болше* 400 Запорожцевъ, не посѣвшихъ на Уманскую рѣзню и шедшихъ «противу Конфедератовъ, на защиту людей Греческаго исповѣданія.» Всѣ они пошли изъ Запорожья, какъ и прежніе 600, разумѣется самовольно, безъ вѣдома сѣчевой Старшины, и конечно «не были отрядомъ Низоваго войска, отправленнымъ отъ Коша...» (с. 127)... Правду сказать, новому Кошу и старшинѣ Запорожской въ то время было не до того, чтобы заниматься Западно-Украинскими дѣлами. Ихъ занимала тогда юриспруденція и заботила собственная тяжба, въ которой хотѣлось было выиграть «прежни степы съ темными лугами», а пришлось скоро утратить и самую «Сѣчь-мати».

При этомъ же, Кошъ и Старшина не составляли всего Низоваго войска: самъ историкъ Новой Сѣчи говорилъ намъ, какую важность въ Запорожьѣ имѣло *товариство*; и самъ же онъ повѣствовалъ, что въ 1768 году «цѣлыя толпы Запорожскаго *товариства* шли въ Польшу.» Изъ его же Исторіи видимъ, что въ этомъ именно году товариство не ладило съ своею Старшиною: на общей войсковой радѣ, созванной кошевымъ 26 декабря, толпа вооруженнаго товариства, разогнавъ раду, разорила дома старшинъ, выпустила изъ тюрьмы своихъ Гайдамаковъ; а Кошевой съ старшиною принуждены были бѣжать изъ Сѣчи; и только строгій, умный приказъ Румянцова (котораго особенно уважали Запорожцы, какъ славнаго воителя) заставилъ ихъ утихомириться такъ скоро, и принять съ покорностью прежнюю старшину. Притомъ же это было передъ самою войною Турецкою, въ которую Запорожское товариство само, своею кровью, омыло тотъ грѣхъ, что ихъ *братчики* самовольно и безпашпортно отлучась за границу «для защиты Украинцевъ и Православныхъ монастырей», — поучаствовали тамъ въ Уманской рѣзнѣ; а участвовавшіе въ томъ Запорожцы одни положили свои головы на мѣстѣ; другіе послужили во внутреннихъ гарнизонахъ (NB); нѣкоторые кончили свой вѣкъ въ странѣ, завоеванной Ермакомъ Тимофѣвичемъ. Кривое пятно Коліивщины тогда же слилось съ свѣтлымъ пятномъ славы Запорожской, — и память Запорожья нуждается въ историкѣ, а не въ адвокатѣ; въ проясненіи, а не въ очищеніи.

5. Судъ и наказаніе участвовавшихъ въ Колившинѣ

Числовыя показанія въ «Наѣздахъ» Г. Скальковскаго часто невѣрны. Такъ, на стр. 109 онъ говоритъ, что изъ схваченныхъ подъ Уманемъ Гайдамаковъ «150 человекъ, признанныхъ Запорожцами т. е. русскоподданными, отослалъ (Кречетниковъ) для суда въ Кіевъ». Это число увеличено вдвое; ибо въ Кіевъ доставлено всего 73 *Запорожца, захваченныхъ подъ Уманемъ*; а именно: 48 Запорожцевъ, пойманныхъ карабинернаго Каргопольскаго полка полковникомъ Гурьевымъ, и 25 пойманныхъ карабинернаго Тверскаго полка поручикомъ Кологривовымъ. Въ числѣ этихъ 73 Запорожцевъ были: Ѳ. Воложинъ, Ѳ. Губа, И. Шрамъ, Т. Чуприна, Я. Безродный... и два начальника ихъ: «атаманъ Павло Таранъ» и — «полковникъ Максимъ Желѣзнякъ». Привожу это изъ подлинныхъ, несомнѣнныхъ актовъ 1768 года. Изъ нихъ видно, что рассказы Г. Скальковскаго о послѣднихъ похищеніяхъ Желѣзняка въ разныхъ мѣстахъ, особливо о поимкѣ его гусарскимъ полковникомъ Чорбою, требуютъ переслѣдованія. Можетъ быть, то былъ уже самозванецъ — Желѣзнякъ, бушевавшій подъ именемъ настоящаго, въ противоположность тому, какъ было съ Запорожцемъ Савкою Чалымъ, когда ловилъ его Потоцкій: «всякій пойманный Гайдамакъ называлъ себя Савкою Чалымъ, а истинный подвизался по-прежнему» (с. 47).

На стр. 127. Г. Скальковскій говоритъ, что изъ 300 Запорожцевъ (вмѣсто тысячи), участвовавшихъ въ Колившинѣ, — «большая часть была убита гусарами и карабинерами; другіе схвачены и наказаны *кнутомъ въ Кіевъ*; остальные бѣжали въ свои степи»... Коротко и ясно! Но если большая часть ихъ убита, то убито болѣе 150 человекъ, схвачено менѣе 150; а въ Кіевъ представлено и того менѣе. На самомъ же дѣлѣ было такъ: въ Кіевъ, кромѣ помянутыхъ 73 Запорожцевъ, пойманныхъ подъ Уманемъ, и еще нѣсколькихъ, въ небольшомъ числѣ доставленныхъ послѣ изъ разныхъ мѣстъ, — представлено полковникомъ Нижегородскаго карабинернаго полка Панинымъ 162, да капитаномъ Тюнинымъ 17; и того (179, а за смертію двухъ) 177, изъ коихъ дѣйствительно Запорожцами оказались 166 человекъ, вышедшихъ частію изъ Сѣчи, частію изъ рыболовныхъ дачъ Запорожскихъ. Въ «Наѣздахъ» г. Скальковскаго всѣ схваченные Запорожцы равно *наказаны кнутомъ*; на самомъ же дѣлѣ, изъ помянутыхъ 166 человекъ, 2 умерли сами; 154 разосланы во внутренніе гарнизоны, 6 человекъ посланы въ Сибирь на поселеніе; а 3-мъ, вмѣсто *кнута*, назначены *оковы и ссылка въ Нерчинскъ*, именно: *Колотнечь*, *Чупринъ* и тому *Саражину*, который, по выраженію Скальков-

скаго (с. 122), «знаменитѣ другихъ своею дерзостью и жестокостью». Такова была Всемилостивѣйшая воля, изъясненная въ высочайшихъ рескриптахъ Воейкову и Румянцову, которому ввѣрена была судьба Гайдамаковъ въ полное его распоряженіе и благоусмотрѣніе... А Желѣзнякъ? ... Историкъ Малороссіи Маркевичъ былъ искреннѣе, сказавъ, что «смерть Желѣзняка неизвѣстна (т. II. стр. 67)». Но г. Скальковскій думаетъ и не придумаетъ, что бы съ нимъ сдѣлалось... Въ исторіи Новой Сѣчи (стр. 291) ему казалось, что въ изданной мною народной пѣснѣ о Желѣзнякѣ онъ представленъ «готовящимся на казнь». Въ «Наѣздахъ» (с. 121) говоритъ уже, будто изъ этой пѣсни видно, что Желѣзнякъ «казненъ въ Кіевѣ». Въ самомъ же дѣлѣ изъ этой пѣсни не видно ни того ни другаго: Максимъ Желѣзнякъ представленъ въ ней сидящимъ въ Кіево-Печерской тюрьмѣ и думающимъ думу не о казни своей, а о томъ, изъ чего онъ бился, и чего хотѣлъ:

«И говоритъ Максимъ козакъ, сидючи въ неволѣ:
Не будутъ мать вражи Лахи на Украинѣ воли!
Тѣчуть рѣчки зъ всего свѣта до Чорного моря,
Минулася на Украинѣ Жидѣвская воля!»

Но хотите ли знать, какая участь избрана отцу Мельхиседеку въ «Наѣздахъ» г. Скальковскаго? Автору не показалось то преданіе, что игумень «ушелъ въ Малороссію, оправдался тамъ и получилъ въ управленіе какой-то монастырь». Ему болѣе понравилось сказаніе Кребсовой, что Мельхиседекъ оставался въ монастырѣ Лебединскомъ, пока «Стемпковскій, съ 8 пушками и отрядомъ кавалеріи, составленной изъ одного дворянства, т. е. католиковъ, окружилъ Лебединскій монастырь во время заутрени... По приказанію Стемпковскаго, солдаты его вкопали острый колъ въ землю близъ самыхъ воротъ монастырскихъ, и палачи схватили игумена... Игумень былъ замученъ на колѣ, а двумъ монахамъ отрубили головы». Личнымъ свидѣтелемъ этого происшествія былъ Польскій бригадиръ Голѣвскій, присутствовавшій и при казни Гонты въ селѣ Сербяхъ... Чего бы кажется вѣрнѣе?... Но вотъ чудеса: Мельхиседекъ Значко-Яворскій, замученный на колѣ, по свидѣтельству очевидца бригадира Голѣвскаго, дѣйствительно является въ Малороссіи и живетъ еще лѣтъ 30, сначала въ Кіево-Софійскомъ, потомъ въ Глуховскомъ монастырѣ; занимаясь по-прежнему, кромѣ церковнаго дѣла, медициною, физикою и механикою. Не даромъ на Украинѣ объ Мельхиседекѣ шла такая же молва, какъ въ Московской Руси о фельдмаршалѣ Брюсѣ! Престарѣлый топографъ Кіева, Максимъ Федоровичъ Берлинскій и те-

перь еще живо помнить, какъ въ юности своей, вмѣстѣ съ другими академистами, ходилъ онъ въ Софійскій монастырь къ Мельхиседеку, и какъ этотъ осанистый, рѣчистый инокъ показывалъ имъ электрическіе опыты, и мѣднымъ тазомъ (т. е. вогнутымъ зеркаломъ) зажигалъ сѣрники. Вѣрте послѣ этого *личнымъ свидѣтельствомъ и современнымъ запискамъ*, на коихъ основалъ г. Скальковскій свою, какъ говоритъ онъ, «правдивую повѣсть». Съ епископомъ Гервасіемъ онъ обошелся иначе. Извѣстно всѣмъ, что Мельхиседекъ за открытое распространеніе православія въ Западной Украинѣ былъ, по приказанію Уніятскаго митрополита Фелиціана Володкевича, схваченъ въ Радомыслѣ и содержался въ тюрьмѣ въ монастырѣ Дерманскомъ. Несомнѣнная истина и то, что въ то время епископомъ Переясловскимъ и Бориспольскимъ былъ Гервасій, бывшій прежде архимандритомъ Пекинскаго монастыря. Онъ скончался 1769 года 22 декабря въ Кіевѣ, откуда тѣло его перевезено въ Переясловъ ¹⁾ и погребено въ каедральномъ Соборѣ (тогдашнемъ монастырѣ), въ томъ склепу, гдѣ погребены и другіе епископы. Уніать Туганскій, повѣствуя о ревности Мельхиседековой къ православію, говоритъ: «кажется даже, что съ особаго дозволенія православнаго епископа Переясловскаго Линцевскаго ²⁾, онъ (Мельхиседекъ) рѣшился давать благословеніе на постройку новыхъ русскихъ церквей, посвящать оныя, и народъ, всегда Уніи сопротивлявшійся, къ себѣ привлекать». Г. Скальковскій православнаго епископа Гервасія Линцевскаго, подъ именемъ *Гервасія Линовскаго*, обратилъ въ «мѣстнаго уніятскаго епископа» и заставилъ его (вмѣсто Володкевича) подвергнуть *тяжкому* заключенію Мельхиседека!

Такъ-то г. Скальковскій *очистилъ* память славнаго Запорожья отъ *вѣчнаго пятна!*.. Весьма похвальна услужливость историка; но онъ самъ, изъ предложенныхъ мною замѣчаній, конечно увидитъ ошибки, въ которыя вовлекла его эта услужливость. Я увѣренъ въ этомъ, потому именно, что г. Скальковскій называетъ себя «поклонникомъ исторіи». А при его трудолюбіи и любви къ Запорожью, онъ можетъ оказать истинную услугу исторіи козачества, если найдетъ средства скорѣе издать въ подлинникъ какъ можно больше актовъ изъ находящагося у него

1) Въ 1840 г. въ Переясловѣ находились еще въ живыхъ вдова священника Базилевича (роднаго брата Преосвященнаго Іова Базилевича, преемника Гервасіева), помнившая, какъ жители Переяслова за городомъ встрѣчали гробъ Гервасіева.

2) Издатели сей записки на польскомъ языкѣ (въ русскомъ переводѣ напечатанной въ «Наѣздахъ» г. Скальковскаго) по ошибкѣ, вмѣсто *Lincewsky*, напечатали *Linowski*.

Съчеваго архива, изъ котораго уже извлекъ онъ столько новаго и любопытнаго для исторіи Запорожья и Гайдамаччины. Поспѣшность въ этомъ случаѣ была бы лучше той, съ какою онъ судить и рядить о предметахъ, съ которыми не довольно еще освоилась мысль его. Имѣть «передъ глазами своими тысячи Запорожскихъ бумахъ» — не значитъ еще видѣть ясно характеръ и судьбу Запорожья; прослушать или прочесть сотню или двѣ козацкихъ пѣсень и новыхъ стихотвореній, писанныхъ въ подражаніе имъ, — не значитъ еще постигнуть характеръ Запорожскихъ пѣсень. — А чтобы показать, какъ поспѣшны и ошибочны его рѣшительныя сужденія, я представляю еще слѣдующее замѣчаніе на *мнѣніе г. Скальковскаго о пѣсняхъ Запорожскихъ*.

Въ исторіи Новой Съчи, с. 143, авторъ говоритъ: «Да позволено будетъ намъ, *очень близко* знающимъ и *Низовую*, и *Городовую* Украину, представить здѣсь нѣсколько *практическихъ* замѣчаній. Мы не мало удивлялись и удивляемся, что до сихъ поръ всѣ собиратели и объяснители плодовъ Украинской Народной Поэзіи смѣшиваютъ Запорожскія пѣсни съ Малороссійскими до такой степени, что даже ученый Максимовичъ, въ своемъ драгоценномъ собраніи пѣсень, только малую часть отдѣляетъ въ статью *Запорожскихъ*, и то о паденіи Коша; нѣкоторыхъ же происхожденіе даже ему неизвѣстно, какъ наприм. пѣснь о взятіи Варны. Это весьма важная ошибка для поэзіи, а еще болѣе для исторіи». Смѣемъ увѣрить всѣхъ вообще и въ особенности Г. Скальковскаго, что въ этомъ смѣшеніи нѣтъ ни малѣйшей ошибки ни для поэзіи, ни для исторіи; и что его замѣчанія нисколько не *практическія*. Когда Украина была Гетманщиной, и Запорожье состояло съ нею подъ одною булавою, дѣйствовало за одно съ козацествомъ Украинскимъ, у нихъ была одна общая народная поэзія. Пѣсни и думы, слагавшіяся въ Запорожьи, расходились по всей Украинѣ; а слагавшіяся въ Украинѣ переходили въ Запорожье, вмѣстѣ съ Украинцами, изъ коихъ составлялось Запорожское населеніе. Въ Украинѣ и Запорожьи былъ одинъ народъ, одинъ языкъ, несмотря на мѣстную и бытовую особенность Запорожья. Украина оплакивала смерть Запорожскаго вождя; Запорожскій кошевой съ товариществомъ вступался за Украинскую недолу: такъ говорятъ и поэзія, и исторія. Такимъ образомъ, не было и нѣтъ никакой надобности въ общемъ собраніи пѣсень, отдѣлять Запорожскія отъ прочихъ козацкихъ; и только *Запорожскія* пѣсни послѣднихъ временъ можно было означить особо отъ современныхъ имъ Западно-Украинскихъ и Малороссійскихъ, когда въ Малороссіи не было уже Гетманщины: когда Западная Украина доживала послѣдній срокъ бытія своего подъ Короною Польскою; а Запорожье,

будучи уже безвременнымъ явленіемъ въ русскомъ мірѣ, доканчивало свой вѣкъ... Отдѣленіе всѣхъ *Запорожскихъ* пѣсень можетъ прійти на мысль не издателямъ или объяснителямъ Украинской поэзіи, а развѣ историку Запорожья, который такъ рѣзко станетъ отдѣлять его отъ прочаго козачества, какъ отдѣляетъ Г. Скальковскій, наряжающій наше *Восточное Народное рыцарство* ¹⁾ въ не свойственныя ему формы Западно-рыцарскихъ орденовъ. Для такой частной односторонней исторической цѣли можно, только для примѣра, привести нѣсколько собственно Запорожскихъ пѣсень разныхъ времёнъ. Но отдѣленіе всѣхъ Запорожскихъ пѣсень отъ не Запорожскихъ есть чисто теоретическая мысль, неудобоисполнимая и для тѣхъ, которые болѣе г. Скальковскаго имѣютъ сочувствія къ народно-Украинской поэзіи, и болѣе его сжились съ нею. Для примѣра, вспомню здѣсь, какъ г. Срезневскій въ Запорожской старинѣ *пѣсню о Гордіенкѣ* не захотѣлъ признать Запорожскою. Такъ г. Грабовскій въ прекрасномъ разборѣ изданныхъ мною Украинскихъ пѣсень ²⁾, думу *походъ на Поляковъ* не призналъ было древнею народною думою; между тѣмъ, какъ эта *превосходная* дума преимущественно передъ другими можетъ считаться *Запорожскою*, и сложена, конечно, вскорѣ послѣ 1637 года.

У г. Скальковскаго совсѣмъ наоборотъ: онъ предлагаетъ какъ древнія Запорожскія пѣсни — (и сказать не хочется) — новыя, современные намъ стихотворенія о козачествѣ!.. Такъ подъ стихами, написанными вмѣсто эпиграфа на заглавномъ листѣ, поставлено: «Запорожская пѣсня». Повторяя тѣ же стихи на стр. 148 и 166, историкъ не шутя замѣчаетъ, что это «говорилъ Запорожець» и что «эта пѣсня сочинена вѣроятно въ 1630 годахъ». Положимъ, что эти и другіе стихи того же пера весьма хороши; но они столько же походятъ на древнія Запорожскія пѣсни, сколько новыя *Юнаки* Волинскаго Полѣсья (такъ живо представленные въ *воспоминаніяхъ* Крашевскаго) походятъ на *бывалыхъ молодцевъ* Запорожскихъ, (такъ неясно представляемыхъ въ сочиненіяхъ г. Скальковскаго). На стр. 59-й исторіи Новой Сѣчи помѣщена цѣлая «пѣсня Бандуриста»:

«Гей козаче, въ имя Бога...»

Такъ и видно, что историкъ не украинець и не близко знаетъ Городовую и Низовую Украину, — если эту пѣсню относитъ къ XVII вѣку; если даже слово *списъ* принимаетъ въ женскомъ родѣ: «*списа* — пика!»... Эта пѣсня

1) Укр. нар. пѣсни, стр. 70.

2) Litteratura, Krytyka. Wilno 1837.

Бандуриста «*доходящая до начала XVII вѣка*»... принадлежитъ къ числу стихотвореній современника нашего *Т. Падурь*, изданныхъ во Львовѣ, подъ названіемъ «*Pienia*» 1842 ¹⁾, и въ Варшавѣ подъ титуломъ «*Ukrainky*» 1844. — На такомъ основаніи, пожалуй, и Лермонтовскую пѣснь о *Калачниковѣ* можно отнести къ 16-му вѣку; а о балладѣ Пушкина *Въщій Олегъ* можно сказать, что она доходитъ до 10-го вѣка!.. Историкъ Новой Сѣчи не можетъ различить того, что само бросается въ глаза: новое стихотвореніе принимаетъ за древнюю Запорожскую пѣсню; а между тѣмъ удивляется, что всѣ издатели Украинскихъ народныхъ пѣсень смѣшиваютъ Запорожскія пѣсни съ прочими Малороссійскими!.. Видно издатели лучше разумѣютъ это дѣло, которое, кромѣ *сочувствія* къ народно-поэтической красотѣ, предполагаетъ еще и *опытность* въ обращеніи съ нею, подобную той, съ какою нумизматъ такъ легко отличаетъ подлинную древнюю монету отъ новой поддѣлки. Таковы ли «*практическія замѣчанія*» г. Скальковского — видно изъ вышесказаннаго.

Кіевъ,
1845 г. апрѣля 2-го дня.

Сказаніє о Коливіщинѣ ²⁾

Кто читалъ *Историческое извѣстіе объ Уніи, изданное Бантышъ-Каменскимъ въ 1805 году*, и сочиненную его сыномъ *Исторію Малой Россіи* (Москва 1830 г.), тому довольно извѣстны происшествія, которыми еще и въ прошломъ вѣкѣ была обуреваема Западная Русь отъ распространенія въ ней Уніи и притѣсненія православной вѣры.

- ¹⁾ Въ числѣ ихъ помѣщена баллада «*Pani Twardowska*»; но она написана не Падурою, а Гулакомъ-Артемовскимъ, и была напечатана при моемъ первомъ изданіи *Малороссійскихъ пѣсень*. М. 1827.
- ²⁾ Статя эта, написанная М. А. Максимовичемъ еще въ 1839 году, хранилась до его смерти въ рукописи и, по его собственному отзыву, не была имъ напечатана потому, что нуждалась въ пересмотрѣ и добавленіяхъ, согласно съ новыми источниками, открытыми авторомъ въ послѣдствіи. Михаилъ Александровичъ сообщилъ въ рукописи эту статью Н. Маркевичу, которому она послужила главнымъ источникомъ при составленіи послѣдней главы (56-ой) его «*Исторіи Малороссіи*». Напечатана была статья о Коливіщинѣ уже послѣ смерти автора г. Бартевымъ въ Русскомъ Архивѣ (1875 года № 5, стр. 5—27). Ред.

Въ историческомъ ряду сихъ происшествій значительное мѣсто занимаетъ *Коливищина*, происходившая 1768 года въ западной Украинѣ, называвшейся тогда Польскою или козацкою Украиной, въ отличіе отъ восточной или собственно Малороссійской. На Русскомъ языкѣ ничего почти не писано объ этомъ событіи ¹⁾. Въ здѣшнемъ краѣ хотя и знаютъ объ немъ по слухамъ и по нѣсколькимъ рукописнымъ извѣстіямъ на Польскомъ языкѣ, однако знаютъ его или очень мало и отрывочно, или же въ ненадлежащемъ, болѣе или менѣе одностороннемъ видѣ, и нѣкоторымъ подробностямъ, особливо первоначальнымъ, даютъ несправедливый толкъ. Изслѣдовавъ подробно о семъ событіи, я написалъ предлагаемое сказаніе *о Коливищинѣ*. Полагаю, что оно будетъ не лишнимъ и для нашихъ историковъ: для нихъ я замѣчу, что всѣ обстоятельства описаннаго происшествія, всѣ дѣйствующія въ немъ лица и самые разговоры ихъ отмѣченные вносными знаками, не мною придуманы, а взяты изъ тѣхъ источниковъ, какіе я имѣлъ у себя подъ рукою. Источниками моими были: 1) *Народныя пѣсни* о Желѣзнякѣ и Гонтѣ, напечатанныя въ моемъ собраніи Украинскихъ народныхъ пѣсенъ, ч. 1. М., 1834 г.; 2) мѣстныя преданія и рассказы старыхъ людей, рукописныя сочиненія на Польскомъ языкѣ; 3) болѣе другихъ интересная записка Вероники Кребсовой, урожденной Младановичевой; 4) записка Уніата Тучанскаго, хранившаяся въ Базиліанской Уманской бібліотекѣ, во многомъ несходная съ первою ²⁾; 5) содержаніе сей записки, переложенное въ Польскіе стихи (числомъ 794) студентами школъ Уманскихъ; 6) составленное на основаніи сихъ двухъ записокъ и дополненное другими извѣстіями описаніе Липпомана, имѣющееся у меня въ подлинникѣ; 7) записка Піара Павла Младановича; 8) подлинное письмо къ графу Потоцкому отъ Якова Квитневича, писанное изъ Арханграда 28 іюня 1768; 9) выписки изъ подлинной книги генеральной визитаціи Кодненскаго костела въ 1768 году; 10) повѣсть на Польскомъ

-
- 1) Въ VI томѣ Библіотеки для Читенія помѣщена статья «прежня Новосербія», гдѣ очень живописно изображены походы буйныхъ гайдамаковъ, но о Коливищинѣ 1768 года не дано никакого понятія; о Желѣзнякѣ и Гонтѣ упомянуто по темнымъ и невѣрнымъ слухамъ. Любопытно тамъ извѣстіе объ Иванѣ Усачѣ, но объ немъ по другимъ источникамъ мнѣ неизвѣстно.
- 2) Теперь объ эти записки уже напечатаны въ Познанскихъ журналахъ; первая въ...; а вторая въ *Tygodnik literacki* 1838, № 37—39, по списку, выданному 1787 изъ Уманскаго Базиліанскаго монастыря за подписями и печатами ректора Иосафата Миргулевича и вице-ректора Мацевича.

языкъ, написанная Грабовскимъ, изданная въ Вильнѣ 1836, подъ именемъ Koliwczynna i stepy.

Считаю долгомъ благодарить тѣхъ особъ, которымъ я обязанъ за сіи источники. Если у кого найдутся новые матеріалы относительно сего предмета, особливо документальныя, то я покорнѣйше прошу сообщить оныя мнѣ, для пополненія и поправленія моего сказанія.

Глава первая

Вступленіе

Збунтовалась Украина, и попы и дяки,
Погинули на Украинѣ Жида и Поляки.
О Боже мій несконченный! Дивитися горе,
Що тепера на сѣмъ свѣтѣ віра віру боре!

(Украинская пѣсня на смерть Ивана Гонты)

Въ 1768 году, въ западной Украинѣ, бывшей тогда подъ властью польской, совершилось ужасное кровопролитіе. Козаки и крестьяне украинскіе рѣзали поляковъ и жидовъ цѣлыми сотнями и тысячами; поляки отмщали козакамъ и украинскимъ крестьянамъ немилосердными казнями. Сіе событіе извѣстно на Украинѣ подъ именемъ Колѣвщины или Колівщины.

Объ немъ сохранились въ народѣ многія преданія и рассказы. Украинскія пѣсни — эти вѣрные отголоски народной жизни — по сю пору вспоминаютъ о запорожцѣ Желѣзнякѣ, главномъ зачинщикѣ возстанія, объ Уманскомъ сотникѣ Гонтѣ и другихъ сподвижникахъ Желѣзняка. Есть еще на Украинѣ и старыя люди, которые знавали Желѣзняка и рассказываютъ про Колівщину, какъ близкіе самовидцы. Послушайте ихъ рассказовъ и пѣсень украинскихъ, сообразите положеніе Украины и Польши съ событіями прежними, и вы увидите, что кровавый подвигъ Желѣзняка былъ не простой гайдамацкій разбой и не случайное нападеніе Запорожцевъ на польскія владѣнія для грабежа и добычи. Нѣтъ, то было огнедышащее изверженіе народной мести и вражды, цѣлый вѣкъ копившейся подъ гнетомъ Уніи; то была предсмертная, судорожная схватка двухъ враждебныхъ стихій въ государственномъ тѣлѣ, которое уже близилось къ своему концу.

Колівщина была послѣднимъ отзвонкомъ тѣхъ возстаній, которыми нѣкогда цѣлая Украина ополчалась на Польшу для спасенія своей вѣры и

своего народа, обреченныхъ тогда на гоненіе; послѣднимъ отзывомъ и тѣхъ мучительныхъ казней, которыми судилище варшавское думало обуздать козаковъ и задушать ихъ непреклонную широкую волю.

А было время, когда народъ Литвы и Украины, соединенный съ народомъ польскимъ «какъ ровный съ равными, свободный съ свободными», исповѣдывалъ безпрепятственно вѣру своихъ отцевъ, и Восточная церковь, отъ которой и Польша заняла свой первый свѣтъ христіанства, процвѣтала по всей западной Руси. Было время, когда козаки днѣпровскіе, гремя грозою на Татаръ и Турковъ, дружно стояли за Польшу; и Польша, зная всю цѣну заслуги козацкой, отличала храбрую дружину днѣпровскихъ рыцарей богатыми дарами, и знаками чести, и многими правами на Украинѣ. То былъ вѣкъ цвѣтущаго состоянія Польши, вѣкъ воинской славы козацкой... Но со смертію Баторія кончился и славный вѣкъ его; Польша перестала красоваться своимъ бытіемъ и склонилась къ упадку; прежнее дружество ея съ козаками обратилось въ взаимную вражду и нелюбіе, и не милымъ стало для Украины ея союзническое подданство Польшѣ.

Какой же враждебный духъ произвелъ сіи роковыя перемены?.. Главною виною тому было гоненіе вѣры, открытое Жигимонтомъ III-мъ, которая на несчастіе себѣ избрала Польша въ короли изъ королевичей шведскихъ. Это гоненіе возбудили Іезуиты, опутавъ новаго короля, а съ нимъ и все Польское правительство, своею сѣтью, которая была тонка какъ паутина, но крѣпка и тяжела какъ желѣзо. Работая не для вѣры Христовой, а только для власти папской, помышляя только о Римской тиарѣ и не думая о коронѣ Польской, Іезуиты возстановили въ Польшѣ католичество, приведенное въ упадокъ реформаціей, и подорвали государственное бытіе и народность Польши.

Чтобы западную Русь отторгнуть отъ Восточной церкви и привлечь къ подножію римскаго престола, Іезуиты предначертали распространеніе Уніи — и Унія простерлась бѣдою по Литвѣ и Украинѣ. Увлеченная западнымъ вліяніемъ, Польша посягла на православіе Русской земли и за то лишилась навсегда своей самобытности.

Козаки, для которыхъ и въ Запорожскомъ братствѣ первымъ условіемъ была православная вѣра, вступились за нее оружіемъ, и завязалась у нихъ кровавая борьба съ Польшею.

Защита вѣры обратилась въ защиту Украины, и черезъ полвѣка жестокой борьбы, полная козацкой силы Украина отбилась отъ Польши, и украинскій народъ торжествовалъ свою свободу побѣдною пѣснею:

«Да не буде лучше, да не буде крашче, якъ у насъ на Украинѣ:
Да не мае Жида, да не мае Лаха, не мае Уніи!»

Рѣшитель сего дѣла, славный Богданъ, со своею Украиной, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра лежащею, поддался Москвѣ, къ которой давно уже влеклись козаки единствомъ вѣры и своего русскаго рода, и древнимъ единствомъ государственнымъ.

Но Украинѣ суждено было еще испытать новое разновластіе: ее раздѣлили пополамъ между Москвою и Польшею, и только вольное Запорожье оставалось обоюднымъ, какъ бы въ знаменіе того, что днѣпровскія волны соединять вновь свои разрозненные берега. Въ то время, подъ державою возраставшей Москвы, началось уже восоединеніе древней Владиміровой Руси, а надъ Польшею изречено было уже королемъ ея Іоанномъ-Казиміромъ роковое предвѣщаніе объ ея раздѣлѣ. Восточная Украина, оставшаяся за Россією, постепенно сливалась въ общую жизнь ея свое отдѣльное бытіе и, переставъ быть Гетманщиною въ началѣ царствованія Екатерины Великой, почилла отъ вѣковыхъ бурь. Что же случилось въ это время съ западною Украиной, отлученной отъ родной половины? Съ новымъ подданствомъ Польской коронѣ опять въ ней начала свирѣпѣть Унія; опять Жида, какъ алчная саранча, налетѣли на благодатныя нивы Русскаго землевладѣльца, и какъ ѣдка моль стали точить богатство украинскіхъ пановъ.

Но Унія не могла соединить прежнимъ союзомъ Украину съ Польшею: она готовила только новый разрывъ между ними, производя печальный раздѣлъ между сынами западной Руси. Отторгнутые отъ Восточной церкви уніаты, руководясь іезуитами и заимствуя отъ нихъ духъ нетерпимости и весь духъ западной пропаганды, несли хулу на свое прежнее православіе, насильственно обращали украинскій народъ въ свое новое исповѣданіе и самопроизвольно вводили въ него Католичество, вопреки положеніямъ соборнымъ и утвержденіямъ папскимъ; чрезъ что они производили отступничество не только отъ православія, но и отъ самой Уніи, обратившейся въ переходный мостъ къ католичеству.

Вельможи и дворяне западной Украины, будучи гражданами Польши и находя, что всѣ гражданскія выгоды предоставлены были въ ней только папскимъ приверженцамъ, вовлеклись въ Унію и католичество, чрезъ нѣсколько поколѣній забывали свой русскій родъ, усвоили себѣ нетерпимость къ вѣрѣ своихъ предковъ и теряли любовь къ коренному народу своей отчизны.

Великій отъ того былъ ущербъ для Украины, но не въ прокъ онъ пошелъ и для Польши! Горевала Украина, что и въ ней, какъ въ Литвѣ, русскіе паны обращались въ Поляковъ, и католичество становилось панскою вѣрою; но еще горше было ей терпѣть оскорбленіе своей вѣры, особливо когда православныя церкви отдавались въ аренду жидамъ, и племя, на которомъ возлегла кровь распятаго имъ Господа, сквернило своимъ торгомъ христіанскія требы и службы, заводило шинки въ домахъ Божіихъ. Отъ этого больше всего мугилась козацкая кровь и накупала на сердцѣ ненавистью къ жидамъ и полякамъ.

Неравнодушно смотрѣла и восточная Русь на утѣсненіе своей вѣры въ западной Руси, и не разъ она относилась къ Польшѣ съ мольбою о защитѣ своихъ родныхъ единовѣрцевъ. Но что могла сдѣлать Польша для десидентовъ своихъ, когда она, обуреваемая непрестанными между царствіями, многочисленными партіями и конфедераціями, не въ силахъ уже была сладить и сама съ собою?

Уже на западной Украинѣ прогремѣло грозою давно копившееся негодованіе козаковъ: въ 1764 году сотникъ Харько, съ семьюстами козаковъ, произвелъ сильное кровопролитіе за новое утѣсненіе православной вѣры: Уже и Россія требовала отъ Польши, чтобы она своимъ десидентамъ возвратила отнятыя у нихъ права и свободу вѣроисповѣданія. Но вѣротерпимость такъ уже была чужда Полякамъ, что когда й сеймовымъ опредѣленіемъ (1768 года 1-го марта) объявлена была наконецъ свобода вѣроисповѣданій, то за сіе вступилась конфедерація Барская, образовавшаяся (въ томъ же году) на Подоліи противу короля Станислава-Августа. Эта конфедерація подала поводъ и къ тому возстанію Украины на Польшу, которое названо Коліивщиною. И вотъ какъ это было.

Глава вторая

Начало Коліивщины

«Товарици гайдамаки, чинить мою волю!
Що намъ треба виплатити Украиньску недолю....»

(Украинская пѣсня о полковникѣ Иванѣ Лободѣ)

Между тѣмъ какъ Барскіе конфедераты собирались двинуться въ Польшу и захватить въ свои руки короля, небольшой отрядъ ихъ, въ первыхъ числахъ апрѣля, проникъ въ глубь Украины. Предводившій отрядомъ маршалокъ Пулавскій, въ мѣстечкѣ Лисьянкѣ, взялъ насильно полкъ кавалеріи у рейментаря Воронича, наwerbоваль множество шляхты и про-

извель сильное возмущеніе. Уніатскіе священники не замедлили воспользоваться симъ случаемъ и явились въ староство Чигиринское. Сопровождаемые толпами своихъ приверженцевъ, они начали склонять народъ къ принятію Уніи; но какъ проповѣдь ихъ была неубѣдительна, то они принялись опять за насилія, стали забирать подъ стражу служителей православной церкви и отбирать у нихъ имущество. Несмотря и на то, уніатскіе миссіонеры на сей разъ обогатились только стадами рогатаго скота и лошадей, отнятыми у священниковъ православныхъ.

Полковникъ Чигиринскихъ козаковъ Квасневскій, имѣвшій на ту пору смотрѣніе за староствомъ, предвидѣлъ бѣду, какая могла быть отъ этого смятенія: свѣжа еще была память о возстаніи сотника Харька, и трогательная пѣсня объ немъ и его молодой вдовѣ была любимую пѣсней въ народѣ. И потому Квасневскій съ своими козаками спѣшилъ унять уніатовъ, и они скоро оставили староство Чигиринское.

Но молва объ ихъ новомъ насиліи разошлась уже по Украинѣ и отозвалась ропотомъ негодованія. Духовенство, взволнованное новыми обидами, уже спѣшило въ чигиринскій Мотренинскій монастырь, къ настоятелю онаго архимандриту Мельхиседеку Значко-Яворскому. Это былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ тогда приверженцевъ православія и поборникъ Украины, а съ тѣмъ вмѣстѣ и жарчайшій противникъ Уніи. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, Мельхиседекъ, съ разрѣшенія своего епархіальнаго начальства, разѣзжалъ по западной Украинѣ, утверждалъ народъ ея въ православіи и отклонялъ отъ Уніи. За сіи подвиги Мельхиседекъ, по приказанію тогдашняго уніатскаго митрополита Фелиціана Володковича, былъ схваченъ въ Радомыслѣ и заключенъ въ тюрьму въ Дерманѣ, откуда могъ освободиться только бѣгствомъ. Объ этомъ знали на всей западной Украинѣ; беззащитное православное духовенство ея видѣло въ Мельхиседекѣ свою единственную опору, и потому-то прямо къ нему оно устремилось и держало съ нимъ совѣтъ, какъ оградить себя отъ дальнѣйшихъ бѣдствій и охранить свою церковь, непрестанно грозимую новыми притѣсненіями. Послѣ того они обратились къ своему епархіальному начальнику, епископу Переяславскому. Но преосвященный Гервасій только сказалъ имъ, что онъ съ своей стороны помочь имъ ничѣмъ не можетъ, что они должны себя укрѣплять терпѣніемъ и по возможности придумывать средства къ облегченію своей судьбы.

Тогда на монастырскомъ совѣтѣ стали говорить, что больше терпѣть уже нельзя, что какъ бы ни было, а пора положить конецъ бѣдамъ, что не-

чего добраго имъ ждаты, когда ни воля короля, ни опредѣленіе сейма, ни заступленіе русской царицы не унимають уніатовъ и не избавляють украинскій народъ отъ самоволія Католиковъ. И положено было нарядить духовное посольство къ запорожскому Кошевому и просить у него защиты козацкой. Но козацкая защита была гораздо ближе и отозвалась сама собою въ сердцѣ монастырскаго послушника.

Сей замѣчательный послушникъ былъ Максимъ Желѣзнякъ. Въ душѣ его скрывалась та могучая, несокрушимая воля и безстрашное суровое мужество, какія въ дѣтяхъ Украины выкармливала только Запорожская Сѣчь. Ея питомецъ былъ и Желѣзнякъ, который нѣкогда считался однимъ изъ самыхъ храбрыхъ козаковъ Запорожья и служилъ въ званіи сотника. Но ему прискучило, наконецъ, буйное приволье запорожской жизни; душа его пожелала смирить свою волю и поработать Богу постомъ и молитвою. И онъ простился со славнымъ днѣпровскимъ островомъ и удалился на свою родину — въ староство чигиринское, на островокъ рѣки Тясмина, гдѣ уединенно стоялъ небольшой Медвѣдовскій монастырь, во имя святаго Николая. Въ этомъ монастырѣ набожный Желѣзнякъ съ нѣсколькими изъ прежнихъ своихъ товарищей думалъ мирно окончить дни свои, былъ уже на послушаніи и готовился принять чинъ монашескій. Такъ доживали свой вѣкъ многіе Запорожцы. Но человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Когда вѣсть объ новомъ насиліи православныхъ встревожила мирную обитель Желѣзняка, сильно забилося въ немъ сердце, и крѣпкая дума овладѣла его умомъ. Онъ подумалъ и положилъ себѣ — постоять за православную церковь и поработать еще разъ своею козацкою саблею. Рѣшимость его была тверда какъ камень; онъ передалъ ее своимъ неразлучнымъ товарищамъ, и они, съ наступленіемъ Свѣтлой недѣли, помолвившись Богу, оставили свой монастырскій островъ и пошли въ Мотренинскій лѣсъ къ монастырю, тамъ находящемуся.

На дорогѣ пристали къ нимъ нѣсколько знакомыхъ Запорожцевъ, гулявшихъ тогда по Мотренинскому лѣсу. Такимъ образомъ составила первая ватага Желѣзняка изъ восемнадцати человекъ.

Верстахъ въ двухъ отъ Мотренинскаго монастыря есть оврагъ, называемый Холоднымъ. Надъ нимъ лежитъ небольшая поляна, возлѣ которой шла дорога отъ монастырскихъ мельницъ къ монастырю, черезъ чащу густаго лѣса. На этой полянѣ и расположился Желѣзнякъ таборомъ у студенаго ключа, который вытекалъ надъ самымъ оврагомъ.

Послѣ короткаго отдыха Запорожцы принялись рубить дубовыя рогатки и дѣлать другія приготовленія. Желѣзнякъ на слѣдующее утро отправилъ

ся въ монастырь, явился къ отцу Мельхиседеку. Онъ открылъ ему свое намѣреніе и сказалъ, что пришелъ просить у него добраго совѣта и благословенія пастырскаго. Такъ сошлись два человѣка, которые пылали однимъ чувствомъ и задумали одно дѣло, не сговариваясь между собою. Они сразу поняли другъ друга, съ полнымъ откровеніемъ вели долгую рѣчь о своемъ дѣлѣ и наконецъ рѣшили: насиліе отразить силою, поднять Украину на ея утѣснителей и во что бы то ни стало отстоять православную церковь. Мельхиседекъ благословилъ Желѣзняка на сей подвигъ и обѣщаль изготовить универсалъ для воззванія къ народу.

Полонъ новыхъ думъ и надеждъ, воротился Желѣзнякъ въ свой таборъ, гдѣ нашель нѣсколько новыхъ сообщниковъ и гдѣ удалцы его успѣли споровить себѣ коней и разнаго запасы.

И сталъ Желѣзнякъ радить съ товарищами, какъ повести свое дѣло. Всего прежде имъ надо было дать о себѣ вѣсть козацкимъ старшинамъ окрестныхъ волостей; надо было имъ поладить и съ тѣми козаками, которые составляли надворное войско Чигиринскаго старосты князя Яблоновскаго. Помощь, какую полковникъ ихъ Квасневскій оказалъ недавно русскимъ священникамъ, давала надежду Желѣзняку, что, можетъ быть, и теперь этотъ полковникъ приметъ его сторону; на другихъ же козацкихъ старшинъ онъ надѣялся, какъ на каменную гору.

Съ наступленіемъ ночи разосланы были гонцы въ окрестныя волости къ сотникамъ и другимъ старшинамъ; самъ Желѣзнякъ съ нѣсколькими Запорожцами поѣхаль въ мѣстечко Медвѣдовку, гдѣ жилъ Квасневскій. На ту пору дома была только полковница. Пріѣздъ Желѣзняка чрезвычайно испугаль ее, ибо только что передъ тѣмъ дошелъ до нея слухъ о новомъ появленіи гайдамаковъ въ Мотренинскомъ лѣсу; но Желѣзнякъ успокоилъ полковницу учтивымъ обращеніемъ съ нею и увѣреніемъ, что пріѣхаль въ ихъ домъ не съ дурнымъ намѣреніемъ, а съ тѣмъ чтобы видѣть полковника и просить его неотступно принять надъ ними начальство. Послѣ того онъ спросилъ водки и тотчасъ же уѣхаль, сказавъ, что въ Холодномъ оврагѣ онъ будетъ ждать скорого отвѣта и доброй ласки отъ пана полковника.

Не порадовался Квасневскій такому предложенію, воротившись домой на слѣдующее утро. Онъ очень зналъ, что ему плохо будетъ отъ Желѣзняка, если откажется, что не лучше будетъ и отъ своего правительства, если согласится; а потому онъ за лучшее призналъ вовсе убраться изъ староства и поспѣшилъ переѣхать въ ту половину мѣстечка Крылова, которая лежала на Русской сторонѣ рѣки Тясмина. Такимъ образомъ предостав-

лено было Желѣзняку не только быть самому начальникомъ своей ватаги и занять мѣсто полковника Чигиринскихъ козаковъ, но открылся благоприятный случай распорядиться свободно и въ цѣломъ староствѣ, гдѣ съ отъѣздомъ Квасневскаго не стало никакого старшаго.

Уже по первому зову Желѣзняка къ козацкимъ старшинамъ начали въ таборъ къ нему сходиться козаки изъ окружныхъ волостей, принося ему поклонъ, оружіе и всякіе припасы. Много набралось къ нему и незваныхъ гайдамаковъ, которые давно уже роились буйными ватагами по темнымъ лѣсамъ наддніпровскимъ, сходились вмѣстѣ обыкновенно у Холоднаго оврага и оттуда союзною ордою нападали иногда даже на города Польской Украины. Таборъ Желѣзняка съ каждымъ днемъ становился шумнѣе и многочисленнѣе. Между тѣмъ самъ Желѣзнякъ не разъ еще былъ у Мельхиседека и получилъ отъ него обѣщанный универсалъ. Архіерейскій писарь Молдаванъ, случившійся на ту пору въ Мотренинскомъ монастырѣ, написалъ ту грамоту на пергаменѣ золотыми буквами, почему она и прозвана была Золотою грамотою. Въ ней было возваніе къ козакамъ и народу Украинскому, чтобы они старались прекратить власть Уніатовъ и истреблять Уніатовъ, Католиковъ и Жидовъ на Украинѣ, и что тогда Украина опять станетъ вольною гетманщиною, какъ была за Хмельницкимъ. Для большаго успѣха сей грамоты былъ распущенъ слухъ, будто она прислана къ Запорожцамъ отъ Русской Царицы.

Такимъ образомъ, все было готово къ начатію дѣла. Шумная, пестрая громада козаковъ поклонилась Желѣзняку, провозгласила его своимъ полковникомъ и вслѣдъ за нимъ двинулась къ монастырю. Тамъ отслужили молебень. Мельхиседекъ благословилъ Желѣзняка, его дружину и оружіе. Желѣзнякъ поклонился Мельхиседеку и монастырю. «Благослови же Господи!», — сказалъ онъ крестясь, и молча повелъ свое войско по Жаботинской дорогѣ. Это было 18-го мая, въ Троицынъ день, въ храмовой праздникъ Мотренинскаго монастыря.

Глава третья

Первые успѣхи Коливицины

«Максимъ козакъ Желѣзнякъ изъ славнаго Запорожья
Процвѣтае на Украинѣ якъ у городи рожа.
Роспустивъ військо козацьке у славному мисти Жаботинѣ,
Гей розлилась козацька слава по всей Украинѣ!»

(Украинская пѣсня о Максимѣ Желѣзнякѣ)

Молва о выступленіи Желѣзняка разлеталась быстро и далеко по Украинѣ.

Ободрились Украинцы, смутились Жиды и Поляки.

Первымъ мѣстомъ, гдѣ началось кровавое дѣйствіе Желѣзняка, было мѣстечко Жаботинѣ. Прибывъ туда, онъ велѣлъ согнать на площадь всѣхъ Поляковъ и Жидовъ; а тамошняго управителя отдалъ въ руки Жаботинскому сотнику Мартыну Бѣлугѣ.

«А що, пане губернаторе! — говорилъ Мартынъ, вода за собою управителя, — не одного теперъ Ляха голова заляже». И въ самомъ дѣлѣ, вся несчастная толпа была вырѣзана. Такова была поминка Желѣзняка по сотнику Харьку, которому въ Жаботинѣ, въ конюшнѣ, отрублена голова. Такая же участь постигала Поляковъ и Жидовъ вездѣ, куда являлся Желѣзнякъ; а народъ Украинскій вездѣ ждалъ его нетерпѣливо, встрѣчалъ радостно: каждому хотѣлось посмотрѣть на Желѣзняка и его войско, послушать Золотой Грамоты, которую читалъ онъ въ каждомъ селѣ и городѣ, объявляя, что подданство Украины Польшѣ уже кончилось.

Послѣ того козакамъ и крестьянамъ припадала смертная охота мстить ненавистнымъ Жидамъ и кичливой шляхтѣ, и кто былъ удалѣе, спѣшилъ пристать къ войску Желѣзняка, которое росло съ каждымъ его шагомъ и тѣмъ болѣе, что къ нему присоединилось множество выходцевъ и съ лѣвой стороны Днѣпра.

Первою подмогою Желѣзняку былъ Смѣлянскій сотникъ Шило съ своими козаками. Разграбивъ Смѣлянскій замокъ, они вмѣстѣ ходили на Богуславъ, гдѣ завалили Жидами полные шанцы, и оттуда направили свой путь на Звенигородку.

Но гибель Жидовъ и Поляковъ не кончилась еще ихъ истребленіемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходилъ Желѣзнякъ; на его кровавые слѣды, какъ хищныя птицы, собирались цѣлыя ватаги разсвирѣпѣвшаго народа, ходили по окрестнымъ хуторамъ и селамъ и производили въ нихъ опустошенія. Особенно отличился на этомъ поприщѣ Неживый, бывшій горшечникомъ въ селѣ Мельникахъ, подъ Мотренинскимъ лѣсомъ, гдѣ родился Желѣзнякъ. Соревнуя ему, Неживый собралъ огромную ватагу и долгое время опустошалъ Чигиринское и Черкасское староства, объявляя себя ихъ начальникомъ.

Такъ сильно было пламя бунта, навѣянное Желѣзнякомъ. Отъ этого пламени готова была загорѣться вся Западная Украина, а тушить было некому: Польша была тогда бѣдна своимъ войскомъ; да и того половина пристала къ Барской Конфедераціи; а остальная же половина находилась около Варшавы и нужна была королю для отраженія конфедера-

товъ, усмиреніємъ коихъ заняты были и Русскіе полки, посланные отъ Екатерины Великой. При этомъ внутреннемъ мятежѣ Польши, Украинскіе Поляки и Жидаы оставались безъ всякой защиты отъ грознаго Желѣзняка, и вся ихъ надежда на спасеніе заключалась въ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ городахъ, гдѣ они и прежде находили убѣжище отъ нападеній гайдамаковъ. Таковыми считались на Украинѣ: Бѣлая Церковь, Лисянка и особенно Умань. Въ двухъ первыхъ немного могло помѣститься народу, а потому наиболѣе въ Умань устремилось множество Жидовъ и Поляковъ со всей Украины. Но чѣмъ больше накоплялось тамъ Жидовъ и Поляковъ, тѣмъ больше предстояло тамъ поживы Желѣзняку, тѣмъ больше порывался онъ идти на Умань. На этотъ городъ особенно острили зубы козаки и потому, что тамъ былъ притонъ Уни, и что Уманскіе владѣльцы болѣе всѣхъ принуждали Украинцевъ къ отступленію отъ Православія. Желѣзнякъ зналъ, что на всей Украинѣ только Умань могъ дать ему отпоръ, и даже на него самага наступить своимъ войскомъ. Но онъ не терялъ надежды, что орудіе, которымъ собирались поразить его Уманскіе паны, можно обратить на ихъ же голову.

Войсковую силу Уманя составляли Козаки, и Желѣзнякъ предпринялъ склонить ихъ на свою сторону. Добрымъ ему предвѣстіемъ въ этомъ замыслѣ былъ Уманскій козакъ Дзюба, который, прискакавъ изъ Уманя, пересказалъ все, что тамъ дѣлается, и убѣждалъ его спѣшить туда, увѣряя, что «изъ Уманя не втече нѣвѣтъ и духъ Ляцкій». Желѣзнякъ сталъ готовиться идти на Умань, а между тѣмъ отправилъ два отряда на Лисянку и Бѣлую Церковь, наказавъ имъ, чтобы они рѣзали Жидовъ и Поляковъ и какъ можно шановали и берегли своего народу.

Мѣстечко Лисянка принадлежало къ помѣстьямъ князя Яблоновскаго. Въ немъ былъ большой каменный замокъ, построенный въ видѣ четвероугольника, на каждомъ углѣ съ башнею, вооруженною гаковницами или висячими пушками. Кромѣ того, замокъ былъ обведенъ высокимъ дубовымъ палисадомъ и для защиты имѣлъ въ себѣ значительный гарнизонъ изъ козаковъ и много военного припасу. Въ ту пору находился въ Лисянкѣ главноуправляющій князя Кучевскій, пріѣхавшій изъ Волынскихъ помѣстій Яблоновскаго для осмотра Лисянской волости, въ которой было тогда до тридцати тысячъ душъ крестьянъ. Кучевскій подъ защиту замка принялъ нѣсколько сотъ шляхты и Жидовъ, избѣгавшихъ Желѣзняка; но они и здѣсь отъ него не укрылись. Посланный имъ отрядъ, съ помощію Золотой Грамоты, пробрался въ замокъ; Запорожцы съ неистовствомъ рѣзали и кололи Жидовъ и Поляковъ, гдѣ

только могли отыскать ихъ въ замкѣ; на Кучевскомъ ѣздили верхомъ и потомъ подняли его на копыя. Заграбивъ княжескую казну и добравшись до глубокихъ подваловъ, Запорожцы цѣлую ночь упивались дорогими винами и медами, и въ заключеніе своего кроваваго пира повѣсили на костелѣ ксендза, Жида и собаку, съ надписью: «Ляхъ, Жидъ и собака — все віра однака». Наруганіе жестокое... какъ-будто Украинцы вспомнили, что Лисянка была родиною Хмельницькихъ, и захотѣли въ ней отомстить поруганіе, нанесенное Чарнецкимъ костямъ великаго Богдана. Недаромъ онъ на Переяславской радѣ говорилъ козакамъ: «сами вы вѣдаете, что Польскіе паны лучше Жида и пса, нежели Христіанина нашего брата почитали!»

Бѣлая Церковь отдѣлалась счастливо. Каменный замокъ ея, возвышаясь на крутомъ берегу Руси, стоялъ надъ городомъ, вооруженный пушками. Сильною пальбою встрѣтилъ онъ приближавшійся отрядъ, и когда ядра, перелетавшія черезъ городъ, стали валить козаковъ, то они поворотили назадъ, сберегая себя для Уманя и надѣясь тамъ вознаградить свою неудачу. Посмотримъ же теперъ, что происходило въ Уманѣ.

Глава четвертая

Новая опора Колиивцины

«Подъ Уманемъ, славнымъ мистомъ, великіи кручи;
Гей помлили Уманьчики, Запорожцевъ ждучи,
Гонта сотникъ Уманьскій помежъ війскомъ ходить,
Изъ Максимомъ Желѣзнякомъ черезъ листы говорить».

(Украинская пѣсня о Максимѣ Желѣзнякѣ)

Городъ Умань, одинъ изъ лучшихъ тогда городовъ на Западной Украинѣ, былъ средоточіемъ огромныхъ Украинскихъ владѣній Кіевского воеводы графа Потоцкаго. Уманская волость его простиралась болѣе чѣмъ на сто пятьдесятъ верстъ и отдавалась на откупъ шестидесяти посесорамамъ, которые обыкновенно жили въ городѣ и доставляли довольно поживы торговавшимъ тамъ Грекамъ, Армянамъ и особливо Жидамъ. На иждивеніи графскомъ Базиліане основали въ Уманѣ училище, въ которомъ было до четырехъ сотъ учениковъ. Экономическій домъ графа, гдѣ жилъ его комисаръ или начальникъ города и волости, былъ главнымъ мѣстомъ въ Уманѣ, и, окруженный высокимъ частоколомъ, съ башнями и четырьмя бастионами, служилъ ему цитаделью.

Вокругъ города также былъ высокій дубовый палисадъ и двѣ башни съ пушками, между которыми находились городскія ворота, охраняемые

гарнизономъ изъ графской пѣхоты. Но главную защиту и войсковую силу Уманя составлялъ полкъ Уманскихъ козаковъ, которые жили особю слободою подъ самымъ городомъ, уволены были отъ всякихъ податей своему владѣльцу, имѣли у себя значительныя угоды и, сверхъ того, получили отъ графа все вооруженіе и войсковое убранство. Въ Уманскомъ полку считалось двѣ тысячи шестьсотъ козаковъ, изъ коихъ триста были очередно наряжаемы въ Кристинополь, гдѣ имѣлъ свое пребываніе графъ. Цѣлый полкъ собирался рѣдко, только въ случаѣ военнаго дѣла, и, кромѣ того, постоянно одинъ разъ въ годъ на Зеленой недѣлѣ для параднаго смотра.

Тогда каждый козакъ убирался въ желтый жупанъ, голубые шаравары и кунтушъ, и желтую, съ чернымъ смушковымъ околышемъ, шапку; надѣвалъ на себя свое козацкое вооруженіе и садился на коня. Снарядившись такимъ образомъ, козаки выѣзжали къ Грекову лѣсу въ обозъ и становились сотнями подъ начальство полковника, трехъ сотниковъ и прочей старшины. Между тѣмъ, при церковномъ молебствіи и звонѣ колоколовъ, при звукѣ трубъ и литавръ, несли изъ города въ обозъ знамена съ княжескими гербами, бунчуки и прапоры. Послѣ торжественнаго смотра и удалыхъ маневровъ, графскій комисаръ задавалъ богатый пиръ Уманскому полку: козаки садились сотнями за приготовленные для нихъ столы, и скоро ихъ пиршество оглашалось пѣніемъ Украинскихъ думъ и звуками бандуръ; между тѣмъ знамена, бунчуки и прапоры были относимы опять въ городъ. Такъ содержалъ вельможный Потоцкій свое войско и славился имъ на всей Украинѣ. Потому-то со всей Украины потянулись въ Умань Поляки и Жиды, всполошенные возстаніемъ Желѣзняка. Въ три дня набралось ихъ такъ много, что не могли уже помѣщаться въ самомъ городѣ; а потому прибывавшіе вновь становились уже таборомъ за городомъ возлѣ Грекова лѣса, отдавая свои пожитки подъ сохраненіе комисару Младановичу и главному уніатскому священнику Ираклію Костецкому, основателю и ректору Базиліанской школы.

Желѣзнякъ былъ далеко еще отъ Уманя; но страхъ, имъ наведенный, торопилъ къ скорымъ и дѣятельнымъ противъ него мѣрамъ. Младановичу присовѣтовали упредить его нашествіе и послать на него Уманскихъ козаковъ. Немедленно былъ собранъ весь Уманскій полкъ, и Младановичъ объявилъ торжественно козацкимъ старшинамъ, что для безопасности города Уманя и всей Уманщины они должны тотчасъ же идти съ своимъ полкомъ на Желѣзняка и отстоять отъ него графскія владѣнія. «Мы всѣ увѣрены, говорилъ онъ, обращаясь особенно къ сотнику Гонтѣ, что храбрые Уманскіе козаки уничтожатъ толпу гайдамаковъ, заслу-

жать себѣ новую славу и новую благодарность отъ графа.» Старшины козацкіє увѣряли съ своей стороны въ преданности графу и ручались за успѣхъ предстоящаго дѣла. Затѣмъ они были приведены къ присягѣ въ церкви святаго Николая и того же дня выступили въ походъ къ Звенигородкѣ, откуда ждали Желѣзняка. Полковникомъ Уманскихъ козаковъ былъ шляхтичъ Обухъ, человекъ незначущій. Главною надеждою Уманскаго войска былъ сотникъ Иванъ Гонта. Въ сотники онъ вышелъ изъ крестьянскихъ дѣтей, будучи отменно храбръ, весьма уменъ, краснорѣчивъ и благовиденъ, умѣя притомъ хорошо говорить и писать по-польски. Съ этими достоинствами Гонта скоро сталъ душею своихъ козаковъ, приобрѣлъ себѣ общее уваженіе и славу въ цѣлой Уманщинѣ; самъ графъ очень любилъ его и отличалъ особенными милостями: онъ назначилъ ему во владѣніе деревню Россушки, гдѣ родился Гонта, а потомъ еще деревню Орадовку. Все это привязывало Гонту къ графу и къ Уманщинѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ породило въ немъ и сильное честолюбіе.

Уманскіє козаки, выступивъ противъ Желѣзняка и перейдя за предѣлы Уманщины, остановились таборомъ выжидать своего противника, хотя имъ и неохотно было драться съ своимъ братомъ-козакомъ. Но Желѣзнякъ не двигался съ мѣста; онъ умножалъ свою силу и выжидалъ случая прилучить къ себѣ Гонту; онъ былъ увѣренъ, что послѣ того будутъ на его сторонѣ и всѣ уманскіє козаки, между которыми, какъ мы видѣли, былъ уже давно зародышъ къ возстанію.

Проходила уже третья недѣля, какъ Уманскій полкъ стоялъ таборомъ въ степи, а Желѣзняка все не было; отъ него пріѣзжали только Смѣлянцы подговаривать Уманскихъ козаковъ идти съ ними вмѣстѣ грабовать Умань; черезъ нихъ онъ звалъ Гонту стать съ нимъ одностайне, за вѣру и Украину, и открывалъ его честолюбію обширныя виды, на основаніи Золотой Грамоты. Но Гонта остался непреклоннымъ и отписалъ Желѣзняку, что не можетъ поднимать рукъ на своего папа-батька и не пойдеть на разграбленіе Уманя.

Таборъ подъ Уманемъ между тѣмъ все умножался. Вдругъ заговорили тамъ, что Гонта соединяется съ Желѣзнякомъ; вѣроятно Жиды провѣдали объ ихъ сношеніяхъ. Въ страшномъ испугѣ нѣсколько помѣщиковъ пришли въ городъ съ этою вѣстію и неотступно убѣждали комиссара вызвать подъ какимъ-нибудь предлогомъ Гонту въ Умань и отрубить ему голову съ помощію Магдебургіи. Встревоженный Младановичъ нерѣшался на послѣднюю мѣру; однако тотчасъ же послалъ гонца въ Уманскій полкъ съ приказаніемъ, чтобы всѣ сотники поспѣшили въ го-

родъ для важныхъ совѣщаній. Всѣ три сотника и нѣсколько атамановъ прискакали въ Умань. Младановичъ вышелъ къ нимъ на площадь, сопровождаемый ксендзами и многими панами, и обратился къ Гонтѣ съ такою рѣчью: «Пане Гонта! Доносятъ мнѣ, что ты ведешь переговоры съ Желѣзнякомъ и хочешь съ нимъ соединиться. Я не хочу тому вѣрить. Ты получилъ такъ много милостей отъ графа: сколько же новыхъ наградъ можешь надѣяться за охраненіе графскихъ владѣній отъ Желѣзняка!». До слезъ огорченъ былъ Гонта такими словами, имѣвъ полное право ждать себѣ другаго привѣтствія; краснорѣчиво опровергалъ онъ напрасное и для него обидное подозрѣніе, клялся въ своей вѣрности графу и свою клятву принужденъ былъ подтвердить новою присягою: въ предстояніи трехъ ксендзовъ, онъ цѣловалъ крестъ, евангеліе и руку уніата Костецкаго. Послѣ такого удостовѣренія всѣ сотники опять были отправлены въ свой полкъ. Но Гонта уже не съ прежнимъ чувствомъ выѣхалъ изъ Уманя, гдѣ неосторожный Младановичъ такъ публично заподозрилъ его вѣрность и гдѣ такъ сильно была оскорблена козацкая честь перваго сотника. Гонта узналъ еще, что къ нему пришло письмо отъ графа, а Младановичъ утаилъ его у себя. Ему извѣстно было и то, что Уманскіе паны умышляли на его жизнь. Все это Гонта считалъ для себя невыносимою обидою; душа его возмущена была негодованіемъ противъ Уманя; честолюбіе его страдало и просило мщенія. Между тѣмъ и въ Уманскомъ полку, въ отсутствіе сотниковъ, развернулася охота грабовать Умань.

Гонту ожидало тамъ новое письмо отъ Желѣзняка. Запорожскій сотникъ, на котораго онъ шелъ, какъ на своего врага, не переставалъ дружески звать его быть съ нимъ заодно и сулилъ ему Уманское княжество въ будущей гетманщинѣ; а Уманскіе паны, за которыхъ онъ готовъ былъ рѣзаться съ Желѣзнякомъ, домогались его головы и готовили ему позорную смерть преступника! Когда объ этомъ узнали Уманскіе козаки, то закипѣли желаніемъ отмстить обиду своего перваго сотника и стали просить его, чтобы онъ велъ ихъ на Умань. Тогда не въ силахъ уже былъ Гонта устоять въ прежней преданности графу, и борьба души рѣшилась въ пользу Желѣзняка; только съ нимъ онъ могъ утолить досыта свое раздраженное и оскорбленное честолюбіе. Принявъ начальство надъ Уманскимъ полкомъ, Гонта далъ свободу полковнику Обуху бѣжать за границу; а къ Желѣзняку отправилъ свое козацкое слово быть съ нимъ заодно и ждать его подъ Уманемъ.

Пускай же не даромъ говорятъ Уманскіе паны, что Гонта еднается съ Желѣзнякомъ!

Глава пята

Уманская рѣзня

«А у недилю рано стали да у дзвоны быты;
Гей ставъ Гонта зъ козаками пѣдъ Умань пѣдходиты.
Въ понедилокъ передъ обидомъ изъ гарматъ загули,
А въ вивторокъ ище раньше Уманя добули»...

(Украинская пѣсня о Максимѣ Желѣзнякѣ)

Спихватились Уманскіе паны, что выпустили сокола изъ своихъ рукъ, да ужъ поздно.

На другой же день по отѣздѣ Гонты, они убѣждали Младановича, на всякій случай, отправить женъ и дѣтей въ городъ Тарговицу, прилежащій къ Русской границѣ. Но Уманскіе гражданае, уповаю твердо на своихъ козаковъ, отговорили комиссара дѣлать такую тревогу. Однако изъ полка долгое время не приходило никакихъ извѣстій, и страхъ началъ овладѣвать цѣлымъ Уманемъ. Тогда рѣшились, на случай опасности, привести городъ въ оборонительное положеніе. За это взялся землемѣръ Шафранскій, служившій нѣкогда въ арміи Фридриха Великаго. Съ самага начала осмотрѣлъ онъ таборъ пріѣзжихъ и нашель, что тамъ было уже до шести тысячъ человекъ и все еще прибывало. Гарнизону въ городѣ оказалось только шестьдесятъ человекъ. При такомъ недостаткѣ военной силы для защиты городской стѣны наряжены были Жиды. Приготовивъ все, что только могъ къ защитѣ, Шафранскій избралъ себѣ самую высокую башню возлѣ экономическаго дома и засѣлъ въ ней наблюдать окрестности города. Черезъ три дня онъ усмотрѣлъ, что Уманскіе козаки идутъ по Звенигородской дорогѣ. Радостна была эта вѣсть для Уманцевъ: думали, что Желѣзнякъ уже разбитъ, и готовились встрѣчать побѣдителей. Но Уманскій полкъ остановился возлѣ Грекова лѣса и какъ будто готовился къ битвѣ. «Вѣрно съ Желѣзнякомъ», — думали Уманцы. Въ самомъ дѣлѣ, скоро показалась на Звенигородской дорогѣ страшная громада народа, которая двигалась къ Уманю, какъ темная туча; скоро можно было различить пестроту народа ея, коннаго и пѣшаго: ясно было, что то полчище Желѣзняка. Передовой конецъ его, поровнявшись съ Грековымъ лѣсомъ, остановился. Шафранскій ясно разсмотрѣлъ, какъ ѣхавшій передъ громадою всадникъ отдѣлился отъ нея, какъ выѣзжалъ къ нему навстрѣчу Уманскій сотникъ и какъ они, съѣхавшись вмѣстѣ, другъ другу подали руку. Тогда не стало сомнѣнія, что то были Желѣзнякъ и Гонта, и что они стали заодно.

Громовымъ ударомъ раздалась эта вѣсть по всѣмъ концамъ Уманя и привела его въ трепеть. Тогда Костецкій велѣлъ бить въ колокола, начать моленіе во всѣхъ церквахъ и нарядилъ крестный ходъ по городу. Шафранскій приготовилъ гарнизонъ къ оборонѣ воротъ; къ однимъ воротамъ приставилъ поручика Ленарда, защиту другихъ взялъ на себя и уставилъ городскую стѣну вооруженными Жидами. Остальные Жида заключились въ синагогѣ и начали свое моленіе. Младановичъ съ своей стороны ободрялъ общее уныніе. Въ этой сумятицѣ 50 арестантовъ вырвались изъ заключенія и вмѣстѣ съ козаками, служившими при экономіи, перескакали черезъ палисады и ушли къ Гонтѣ.

Уманскій полкъ и громада Желѣзнякова двинулись наконецъ отъ Грекова лѣса. Сперва устремились они на таборъ и положили его на мѣстѣ. Вслѣдъ за тѣмъ они облегли весь городъ. Козаки приступили къ воротамъ, толпы гайдамаковъ и крестьянъ бросились рубить и подкапывать палисадъ. Сильно отражали ихъ картечью; Жида, съ опаленными бородами и пейсами, стрѣляли безпрестанно; козацкія пули градомъ летѣли на городъ. Тамъ, между тѣмъ, при общемъ смятеніи и непрерывномъ звонѣ колоколовъ, Костецкій не разъ уже обошелъ весь городъ съ торжественною процессією. Козацкія пули падали на процессію, но никому не вредили. Это считали въ городѣ добрымъ предзнаменованіемъ, и лучъ надежды мелькалъ еще среди отчаянія. Однако осада длилась. Въ цѣломъ в Уманѣ не было воды. Осаждаемые утоляли жажду винами, наливками и медами. Наконецъ, чрезъ тридцать часовъ непрестанной пальбы, Шафранскій объявилъ, что всѣ пороховые запасы истощились. «Теперь нѣтъ надежды», — сказалъ Младановичъ, — «намъ остается предаться волѣ Божіей и гибнуть». И настала печальная година отчаянія и вопля; всѣ ожидали смерти. И она была не за горами. Гонта и Желѣзнякъ овладѣли Уманемъ и ввели въ него свое войско. Оно немедленно окружило собою базилянскій соборъ, католическій костель, жидовскую школу, экономическій дворъ и другія важнѣйшія мѣста въ городѣ. Вслѣдъ за козаками нахлынули въ городъ толпы крестьянъ, и скоро началось страшное кровопролитіе, памятное подъ грознымъ именемъ Уманской рѣзни (*rzeź Humańska*), въ которой Коливищина разразилась со всею силою.

Между тѣмъ, какъ совершались первыя смертоубійства и грабежи по городу, Гонтѣ представлено было письмо къ нему графа Потоцкаго, отысканное между бумагами комиссара. Прочитавъ его, Гонта съ сотниками подѣхалъ къ костелу, гдѣ находился Младановичъ со своею роднею

и множествомъ знатнѣйшихъ Польскихъ помѣщиковъ. «Берите комиссара и всю его родню!» — сказалъ онъ. Мучительна была разлука отца съ семействомъ: «Ратуй насъ, пане Яремо!» — сказалъ одному сотнику Младановичъ. — «Нехай васъ Богъ ратуе, а я васъ теперь не обороню!» — отвѣчалъ жалостно сотникъ Ярема.

«Измѣнникъ! Предатель! Ты виною этой крови!» — вскричалъ Гонта къ Младановичу, показывая на трупы. «Зачѣмъ ты, имѣя въ своихъ рукахъ это письмо, не отдалъ его мнѣ, а утаилъ у себя? Что же тебѣ отъ этого прибыло?..». Послѣ этихъ словъ Гонта ударилъ саблею Младановича по открытой головѣ, и тотъ упалъ въ крови къ его ногамъ.

Почти въ тоже время и главный защитникъ города, Шафранскій, былъ убитъ козаками въ башнѣ, защищаясь храбро, какъ воинъ, служившій нѣкогда въ арміи Фридриха Великаго. Ираклія Костецкаго козаки вытащили изъ Базиліанской церкви и подняли на копья. Учениками Базиліанской школы заваленъ былъ глубокой безводный колодезь, надъ которымъ впослѣдствіи поставлена ратуша. Въ жидовской школѣ вырѣзано было до трехъ тысячъ Жидовъ. Цѣлый Умань былъ поприщемъ разъяренной козацкой мести, которая упиалась тогда досыта кровію Жидовъ и Поляковъ и натѣшилась вдоволь ихъ смертью: въ одинъ день было истреблено ихъ до восемнадцати тысячъ.

Не однимъ однако же смертоубійствомъ и грабежемъ былъ ознаменованъ этотъ ужасный день. Еще передъ начатіемъ Уманской рѣзни, козакамъ дозволено было выбирать, кого кто хочетъ, для крещенія въ православную вѣру, о которомъ особенно заботился Желѣзнякъ. Пользуясь этимъ случаемъ, Уманскіе козаки спасали своихъ знакомыхъ; другіе молодцы выбирали себѣ въ жены красивыхъ Полячекъ и Жидовокъ; нѣкоторые избирали себѣ крестниковъ, руководясь только челоуѣколюбіемъ. Для крещенія велѣно было сберечь семейство Младановича и другихъ Польскихъ помѣщиковъ.

Всѣ избираемые для крещенія были отводимы на экономическій дворъ, назначенный сверхъ того для складки добычи и для пребыванія двухъ новыхъ градоначальниковъ. Оттуда всѣхъ ихъ повели къ церкви св. Михаила. Престарѣлый священникъ той церкви крестилъ ихъ, кропя святою водою. Желѣзнякъ и Гонта воспринимали дѣтей Младановича и другихъ помѣщиковъ; восприемниками прочихъ были козаки, старавшіеся другъ передъ другомъ. По совершеніи обряда всѣхъ перекрещенцовъ отправляли подъ сохраненіе на гарнизонный дворъ. Такимъ образомъ спасено было много народа отъ гибели. Кромѣ того, Уманскіе жители сберегли многихъ дѣтей изъ пріязни къ ихъ родителямъ,

прятая ихъ подѣ кровли или же объявляя за своихъ дѣтей. Нѣсколько шляхтичей и учениковъ Базилянскои школы, знавшихъ Русскія молитвы и набожныя стихи, нарядясь нищими, пѣли про св. Николая, Почаевскую Божию Матерь и тѣмъ себя избавили отъ смерти. Другіе Поляки, для сбереженія своей жизни, переодѣвались въ крестьянское платье, вмѣшивались въ бунтующія толпы Украинцевъ и грабили вмѣстѣ съ ними.

Все это происходило въ Уманѣ того же 1768 г. 19 іюня.

Глава шестая

Послѣдній разливъ Колиивщины

«Гей тамъ поле, а на поли квиты;
Нѣ по однѣмъ Ляху заплакали диты!»

(Украинская пѣсня о Богданѣ Хмельницкомъ)

Буйно праздновали Украинцы свою побѣду надѣ Уманемъ, расположась возлѣ него укрѣпленнымъ обозомъ. Тамъ, съ утра до ночи, при громѣ пушекъ и ружейной пальбѣ, раздавались козацкія пѣсни и заздравныя клики въ честь Желѣзняка и Гонты: Желѣзняка величали Украинскимъ гетманомъ, Смѣлянскимъ княземъ и батькомъ козацкимъ; Гонту провозглашали полковникомъ и княземъ Уманскимъ; Уманскій сотникъ Пантелеймонъ Власенко избранъ былъ въ правителя и казначея всей Уманщины; другимъ козакамъ назначаемы были иныя званія и должности, смотря по ихъ заслугамъ. Всѣ они были веселы и довольны; одинъ Гонта не могъ разгуляться на козацкихъ пирахъ, не могъ позабыться возлѣ молодой жены, въ кругу своихъ малютокъ. Тоска-печаль, какъ змѣя, вилась у него около сердца, и онъ говорилъ своимъ гулявшимъ товарищамъ: «Наварылы мы доброй вареной, паны-братя, да якъ то вона выпеться!»...

Между тѣмъ бунтъ и смерть распространялись въ остальную часть Западной Украины отъ Уманя, содѣлавшагося средоточіемъ Колиивщины. Отряды, рассылаемые Желѣзнякомъ, на каждомъ шагу становились сильнѣе отъ пристававшаго къ нимъ народа. Ими разграблены были: Грановъ, Тепликъ, Дашевъ, Тульчинъ, Монастырище, Гайсынъ, Басовка, Жидячинъ, Ладыжинъ и еще многія мѣстечка и села. Увлекаемые ихъ примѣромъ, крестьяне и здѣсь собирались сами собою въ большія ватаги и довершали разливъ Колиивщины. Безъ милосердія жгли они жидовскія корчмы, панскіе хоромы и цѣлыя фольварки; не давали по-

щадя ни шляхтѣ, ни даже тѣмъ Украинцамъ, у которыхъ — по ихъ мнѣнію — была Ляцкая душа. Но особливо доставалось тогда бѣднымъ Жидамъ, которые не могли ни себя спасти, ни укрыть своихъ денегъ отъ поисковъ гайдамацкихъ. Много осталось рассказовъ про то, на какія хитрости поднимались Жида для своего спасенія и какъ искусно гайдамаки ловили ихъ вездѣ и, доискавшись червонцевъ, распускали на вѣтеръ Жидовскія перины. Однажды гайдамацкій отрядъ, идучи черезъ лѣсъ, увидаль нѣсколько монаховъ, сидящихъ въ сторонѣ подъ деревомъ. Подойдя къ нимъ, гайдамаки поклонились имъ, отдали на «добрый день» и спросили, откуда и куда несеть ихъ Богъ? «Изъ Поцаева до Кіева», отвѣчали Жида, переодѣтые въ монаховъ. «Что же это вы дѣлаете тутъ?» — спросили опять гайдамаки, притворяясь, будто не узнають ихъ. «Сідаемъ да за Хмельницкого Бога прохаемъ»... «Охъ якіе жъ вы добрые ченци, — сказали гайдамаки, — идить же прохать Бога за пана Желѣзняка, а мы вамъ и дорогу покажемо на той свить», и всѣхъ ихъ повѣшали на одномъ деревѣ.

При такой тревогѣ на Украинѣ, состоятельнѣйшіе Поляки и Жида выѣзжали за границу; но и тамъ они не всегда находили себѣ спасеніе. Смѣлянскій сотникъ Шило, прійдя въ Балту, увидѣль, что на Турецкой половинѣ сего города собралось множество Жидовъ и Поляковъ. Шило потребоваль у Турецкаго начальства, чтобы они ему были выданы. Ему отказали. Тогда онъ перешель силою на Турецкую сторону, вырѣзаль тамъ Жидовъ, Поляковъ и многихъ Турковъ и воротился въ Умань съ добычею и славою.

Жестоко было разъяреніе возмущеннаго и возставшаго народа Украинскаго; но въ этомъ же самомъ народѣ многіе Поляки, особенно малолѣтніе, находили свое спасеніе во время Коливищины; и среди самыхъ кровавыхъ и смертельныхъ зрѣлищъ блистали яркіе лучи челоуѣколюбія и добродушія Украинскаго.

Такъ, во время раззоренія Смѣлянскаго замка, гдѣ управителемъ тогда былъ Вильнеръ, малолѣтняя дочь его спасена была Куреннымъ, который прежде служилъ у Вильнера, потомъ очутился въ ватагѣ Желѣзняка и за спасеніе дитяти едва было не лишился головы отъ козаковъ.

Среди самой Уманской рѣзни множество Польскихъ дѣтей спасено было добродушіемъ Украинцевъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ спасеніе дѣтей Младановича. Въ тотъ самый день, когда и онъ, и жена его погибли, крестьянка, кормившая шестимѣсячнаго ихъ сына, убѣжала съ нимъ изъ Уманя въ одну изъ сосѣднихъ деревень и тамъ сберегла

его, какъ свое собственное дитя. Двое старшихъ дѣтей Младановича: Вероника и Павелъ, какъ мы уже сказали, были окрещены Желѣзнякомъ и Гонтою и отправлены вмѣстѣ съ прочими перекрещенцами въ гарнизонный дворъ. На другой день около полудня вошли къ нимъ нѣсколько козаковъ и сказали: «Казавъ панъ Гонта вывести комиссарски діты». Дѣти перепугались, и всѣ думали, что ихъ зовуть уже къ смерти. Тогда же на гарнизонный дворъ въѣхалъ на конѣ Желѣзнякъ. За нимъ шли, кланяючись, престарѣлый крестьянинъ и двое парубковъ. Этотъ старикъ былъ осадчій или атаманъ изъ села Оситной, которая была въ посессіи у Младановича. Желѣзнякъ, увидавъ Гонту возлѣ гаупвахты, подѣхалъ къ нему и сталъ говорить съ нимъ. Старикъ осадчій подбѣгалъ то къ тому, то къ другому и умолялъ ихъ отдать ему дѣтей комиссарскихъ. Черезъ нѣсколько времени Гонта громко сказалъ крестьянамъ: «Беріть собѣ ихъ къ чорту»!.. Тогда старикъ и парубки радостно поцѣловали ноги у Желѣзняка и Гонты, взяли къ своему возу подаренныхъ имъ сиротъ, усадили ихъ и погнали тройку коней во весь духъ изъ Уманя. Миновавши Грековъ лѣсъ, стали ѣхать тише, и старикъ сказалъ Вероникѣ: «Не лякайтесь, Богъ зъ вами! Я осадчій зъ Оситной. Мы васъ выпросили, щобъ хоть васъ двоихъ отъ смерти сховаты».

Между тѣмъ въ отсутствіе осадчаго, толпа гайдамаковъ грабила и разорила экономическій дворъ въ Оситной. Увидавъ это, осадчій, для безопасности Младановичей, переодѣлъ ихъ въ крестьянское платьє и на ночь спряталъ ихъ въ очеретѣ. На другое утро онъ рано пришелъ къ нимъ съ пищею и двумя граблями и отвелъ ихъ на свой сѣнокосъ какъ гребцовъ, а ночью скрывалъ въ тростникѣ и такимъ образомъ сберегалъ ихъ въ продолженіи двухъ недѣль, выжидая благоприятнаго случая. Черезъ нѣсколько времени пришелъ изъ Уманя въ Оситную бывшій Младановичевъ писарь, Хмѣлевичъ, одѣтый по-козацки. Хмѣлевичъ рассказывалъ, что во время разграбленія экономическаго дома онъ нарядился въ платьє сторожа, вмѣшался въ толпу гайдамаковъ, грабилъ вмѣстѣ съ ними и этимъ избавился отъ смерти; онъ объявилъ также, что опасность миновалась, что гайдамаки уже побѣждены и что онъ самъ видѣлъ Гонту, закованнаго въ кандалы. Тогда старикъ осадчій перевезъ скрываемыхъ имъ Младановичей въ домъ свой и перезвалъ кормилицу съ ихъ маленькимъ братомъ въ Оситную. Узнавъ потомъ, что на Подольи живетъ дядя Младановичей, онъ повезъ ихъ туда и благополучно доставилъ ему сиротъ, которыхъ сберегалъ онъ такъ заботливо.

Старшая дочь Младановича, восемнадцатилѣтняя дѣвица Вероника, въ концѣ того же 1768 года взята была въ Кристинополь графинею Потоцкою; потомъ вышла замужъ за Кребса, пережила своего мужа и достигла до глубокой старости. За годъ до своей смерти, въ 1827 году она написала любопытный разсказъ о своей жизни и объ Уманской рѣзнѣ. Братъ, ея Павелъ, былъ отданъ на воспитаніе піарамъ, сдѣлался самъ ксендзомъ піаромъ и скончался недавно въ Межиричѣ Корецкомъ. Онъ также писалъ извѣстіе объ Уманской рѣзнѣ. Кребсова, описывая минуты своего освобожденія изъ гарнизоннаго двора, когда старикъ осадчій вималивалъ ихъ у Желѣзняка и Гонты, говорить: «Я помню еще лице Желѣзняка; по сей наружности его было видно, что онъ былъ не старостой гайдамакъ».

Глава седьмая

Конецъ Коливицины

«Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля кувала;
Що вона кувала, промежъ святихъ чувала».

(Украинская пѣсня о Павлѣ Наливайкѣ)

Въ то самое время, какъ въ Уманѣ шелъ пиръ горой и разливался кровью по Западной Украинѣ, коронныя Польскія и вспомогательныя Русскія войска осаждали большой отрядъ Барскихъ конфедератовъ, укрьпившійся въ Бердичевскомъ Кармелитанскомъ монастырѣ. Возмущеніе, произведенное Барскими конфедератами, и широкій разливъ Коливицины, грозили двойною бѣдою бытію Польши, и она спѣшила нарядить военно-судную комиссію на Украину, назначивъ рейментаремъ Іосифа Стемпковскаго и субалтерномъ его Якова Комаровскаго. Но этой комиссіи такъ мало было дано Польскаго войска, что, можетъ быть, и не пришлось бы ей открыть своихъ дѣйствій, если бы Россія, помогавшая Польшѣ усмирять Барскихъ мятежниковъ, не подала ей помощи и противъ бунтовавшихъ Украинцевъ. Для содѣйствія Стемпковскому былъ отряженъ полковникъ Кречетниковъ съ большимъ полкомъ конницы и съ назначеніемъ подъ его команду тысячи Донскихъ козаковъ, изъ подъ Кіева. Кречетниковъ съ своимъ полкомъ немедленно отправился къ Уманю, возлѣ котораго находился многочисленный таборъ Желѣзняка, преданный своему разгульному безпечью. Огромными кучами были навалены тамъ деньги и всякое добро, на-

грабленное Уманскими воителями. Многие козаки разбирали серебряную и медную монету по сортам и ссыпали в опустошенные ими горюлочные бочки.

Кречетниковъ увидѣлъ ясно, что здѣсь ничего нельзя было сдѣлать силою, съ однимъ его полкомъ. Потому онъ остановился лагеремъ ожидать Донцевъ, а объ себѣ объявилъ, что идетъ къ Бердичеву противъ конфедератовъ...

Черезъ 12 дней, 6 іюля, дѣло было сдѣлано: съ наступленіемъ темной ночи Гонта и до двухъ тысячъ его товарищей были схвачены и перевязаны; остальная половина табора разбѣжалась во всѣ стороны.

По прибытіи Стемпковскаго въ Умань Кречетниковъ поспѣшилъ съ своимъ отрядомъ къ Бердичеву. Стемпковскій хотѣлъ было тотчасъ же казнить Гонту и его товарищей на мѣстѣ ихъ преступленія; однако имѣвши тогда только 400 человекъ кавалеріи, побоялся гайдамаковъ, которые бушевали еще по окрестностямъ. Потому онъ заблагоразсудилъ отправиться къ Могилеву на Днѣстрѣ, гдѣ находился тогда съ своимъ отрядомъ Русскій полковникъ Чирковъ. Стемпковскій остановился неподалеку отъ Могилева, въ селѣ Сербахъ, куда вслѣдъ за нимъ привезли и Гонту со многими его товарищами и, тамъ по войсковому декрету, казнили его перваго. Катъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней сдиралъ съ него живаго кожу до пояса, потомъ отрубывалъ руки и ноги, облупилъ голову, насылилъ ее солью и опять натянулъ кожу на черепъ. При началіи этой казни Гонта въ страшной мукѣ кричалъ: «Чому тутъ нема Желѣзняка и того указу»... Но два солдата запихали ему ротъ землею.

А рейментаръ между тѣмъ говорилъ къ народу: «Смотрите, кто только бунтовалъ, всѣмъ будетъ тоже!»

Вмѣстѣ съ Гонтою были казнены и всѣ другіе участники Колівищины, привезенные въ Сербы. Остальныхъ развозили по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ до самаго Львова и совершали надъ ними разныя казни: однихъ вѣшали, другимъ рубили головы, инымъ отрубывали на крестъ руку и ногу и потомъ, залѣчивъ, распускали ихъ на страхъ народу; нѣкоторыхъ изъ нихъ, увязавъ руки вверхъ, обвязывали соломой въ смоль, зажигали ее и такъ водили несчастныхъ по улицамъ. Въ Лисянкѣ, гдѣ крестьяне неумышленно способствовали овладѣнію замкомъ, Стемпковскій, безъ дальнѣйшаго розыска и суда, повѣсилъ шестьдесятъ человекъ. На память сего печальнаго случая у Лисянскихъ дѣвицъ вошло въ обычай вплетать въ косы черную ленту между разноцвѣтными.

Съ упрямымъ равнодушіемъ переносили Украинцы всѣ эти казни, которыя послѣ смерти Наливайка были для нихъ уже не въ диво. Рассказываютъ, что когда въ Луцкѣ начали вѣшать одного изъ козаковъ, онъ сказалъ: «Постойте! Передъ смертію я уже открою вамъ важное дѣло». Палачу велѣно снять съ него веревку. «Ну, что же ты скажешь?» — спросили его предстоящіе. «А вотъ что: не велите меня очень высоко поднимать, такъ какъ вамъ же легче будетъ цѣловать меня...»

Между тѣмъ какъ совершались такія казни надъ пойманными возлѣ Уманя, отдѣльные отряды Русскаго и Польскаго войска, также надворныя команды разныхъ старостъ, ловили и разгоняли остальныя ватаги буншевавшихъ Украинцевъ. Неживой съ своею ватагою былъ пойманъ полковникомъ Чорбою возлѣ селенія Галагановки близъ Чигирина. Ватага Бондаренкова была захвачена въ Макаровѣ сотникомъ Проскуринскимъ, который за то получилъ званіе шляхтича.

Мотренинская обитель, подъ стѣнами которой свилось первое гнѣздо Коліивщины, была опустошена и разграблена, въ присутствіи самаго Стемпковскаго. Нѣсколько монаховъ было убито; другіе разбѣжались. Деревянные шкафы, наполненные склянками съ золотыми надписями, въ которыхъ Мельхиседекъ держалъ цѣлебныя вещества для врачеванія недужныхъ, были забраны и отвезены въ Смѣлянскую экономію для канцеляріи Любомірскаго.

Долго еще во всей Западной Украинѣ развѣзжали военные отряды и розыскивали между крестьянами и козаками участниковъ Коліивщины; они забирали виноватаго и подозрѣваемаго, съ иныхъ деревень брали десятаго, — и всѣхъ ихъ везли къ суду, особливо въ Житомиръ, гдѣ находилась главная судная комиссія. Судьями въ оной были: Лабеккій, Вивѣрскій, Почентовскій и другіе; особенно грозенъ былъ для гайдамаковъ судья Дубровскій. Инстигаторомъ во все время былъ Дзивнопольскій. Привозимыхъ къ суду судьи разсылали сначала по разнымъ мѣстамъ для насыпки валовъ, рытвѣя рововъ и колодцевъ и для другихъ работъ; потомъ ихъ судили, осуждали и отправляли въ мѣстечко Кодню, находящееся въ двадцати одной верстѣ отъ Житомира. Тамъ надъ глубокою ямою клали ихъ на колоду, рубили имъ головы и бросали въ яму, и когда яма наполнялась отрубленными головами и обезглавленными трупами, тогда заставляли осужденныхъ засыпать ее и копать новую. И такихъ могилъ много тогда насыпано въ Коднѣ.

Въ книгѣ генеральной визитаціи Коденскаго костела, учиненной 1786 года тогдашнимъ духовнымъ начальствомъ, записано, что на западномъ углѣ Кодни, въ 50 шагахъ отъ крѣпостнаго стариннаго вала, есть моги-

ла, насыпанная въ 1769 году надъ ста четырнадцатью казенными гайдамаками или рѣзунами, которымъ по войсковому декрету 11 и 12 сентября отрублены головы.

Въ той же книгѣ записано, что на трехъ висѣлицахъ, особливо на той, которая стояла за мостомъ, повѣшано болѣе двухъ сотъ такихъ же гайдамаковъ или рѣзуновъ.

Таковъ былъ конецъ Колиивщины, которая стремилась избавить Украину отъ Жидовства, Католичества и Уніи и почти достигла было своей цѣли. Конфедераты Барскіе сильно къ тому ей способствовали: поддерживая гоненіе вѣры и возбудивъ Колиивщину, они пошли противъ своего короля и сейма, а своихъ Украинскихъ земляковъ покинули безъ всякой защиты отъ возмущеннаго ими народа. Если вѣрить извѣстіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ того времени, то Польша отъ Колиивщины и Барской Конфедераціи потеряла болѣе двухъ сотъ тысячъ челоувѣкъ.

Стемпковскій за усмиреніе Украинцевъ награжденъ былъ отъ своего правительства титуломъ Кіевскаго воеводы и правомъ меча.

Но этотъ мечъ не избавилъ Польши отъ ея жребія. Едва усмирила она возстаніе Украинцевъ, какъ въ слѣдующемъ же 1770 году распространилась въ ней сильная моровая язва, отъ которой погибло народа не менѣе, какъ и отъ Колиивщины; а черезъ четверть вѣка сбылось предреченіе, ровно за сто лѣтъ до Колиивщины произнесенное Іоанномъ Казиміромъ на сеймѣ Варшавскомъ: пришелъ конецъ Польши, и Западная Украина соединилась вновь съ своею родною половиною подъ державою Россіи.

Воспомявая бывшее время козацкихъ возстаній за православную вѣру, невольно останавливаешься мыслію надъ рѣкою Тясминомъ, которая, соединясь съ изсякшимъ Днѣпровскимъ рукавомъ, Ирдынемъ, подъ Смѣлою, картинно извивается оттуда къ Чигирину и, пройдя черезъ Крыловъ, вливается въ Днѣпръ. На правомъ берегу этой рѣки храбрый Наливайко, начиная крестовый походъ за Восточную церковь, поставилъ въ первый разъ противъ Поляковъ три хоругви съ надписью: міръ христіянству, а на зачинщика Богъ! На монастырскомъ островѣ Тясмина задумано было и послѣднее возстаніе Украинцевъ противъ Поляковъ, зародилось зерно Колиивщины.

Но гдѣ и чѣмъ кончилась судьба Желѣзняка, который былъ первымъ зачинщикомъ и главнымъ свершителемъ сего возстанія? Объ этомъ говорятъ разное, и я не дознался еще навѣрно. Изъ Украинской пѣсни о

Максимъ Желѣзнякъ видно только, что хотя онъ безстрашно поскакалъ на конѣ изъ лагеря передъ Донскими козаками, но тоже былъ пойманъ.

— «Ступай, ступай Желѣзняку, годи вже гуляты!
Пойдемъ въ Кієвъ въ Печерскій Богу роботаты.
И говорыть Максимъ козакъ, сыдючи въ неволі:
«Не будуть маты вражи Ляхи на Украині воли!
Течуть рички зъ всего світу до Чорного моря.
Минулася на Украинѣ Жидѣвская воля!»

Что касается до отца Мельхиседека, то онъ, сколько мнѣ извѣстно, во время Коліивщины вытребованъ былъ изъ Польской Украины въ Переяславль, а потомъ былъ архимандритомъ въ Глуховскомъ монастырѣ, гдѣ и скончался въ глубокой старости.

Кієвъ. — 1839 г.

Неуважение к предкам есть первый
признак дикости и безнравственности.

А. С. Пушкин

Частина IV **Твори**

З НАРОДНОЇ
ТВОРЧОСТІ
ТА ЕТНОГРАФІЇ

Дни и мѣсяцы украинскаго селянина ¹⁾

I. Мартъ.

Въ древнее время на Украинѣ, какъ и вездѣ на Руси, годы начинались мартомъ мѣсяцемъ. Съ 16-го вѣка ввелся на Украинѣ январскій годъ, и съ нимъ лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова, вмѣсто прежняго отъ Сотворенія міра. Но мѣсяць мартъ не пересталъ быть началомъ пасхальнаго года, и года естественнаго, такъ какъ съ него начинается *весна*.

Въ нашихъ мѣсяцесловахъ мартъ зовется еще *Березóзомъ*, а по народному *Бéрезнемъ* (какъ и у Чеховъ, Сербовъ — *Брезенъ*); у Червоной Руси это имя присвоилось апрѣлю. При такой разности надобно знать, что *Бéрезнемъ* называется въ народѣ собственно тотъ небесный мѣсяць, который нарождается въ великій постъ, и котораго исходъ бываетъ обыкновенно въ апрѣлѣ. Объ этомъ постовомъ мѣсяцѣ говорится на Украинѣ, что онъ разговляется *паскою*; а *масничний* (т. е. масляничный) мѣсяць заговляется *варѣниками*; называется же постовой мѣсяць *Бéрезнемъ* отъ бѣлой березы, которая въ это время уже течетъ своимъ сладкимъ сокомъ. На Украинѣ извѣстенъ еще *мѣсяць-Чернецъ*, который народился бы и изошелъ бы въ великій постъ; объ немъ говорится: «Якъ буде мѣсяць-Чернецъ, то буде й свѣту конецъ». И мнѣ рассказывали старые люди въ Кіевѣ, какой страхъ былъ въ народѣ въ началѣ 1769 года (послѣ Колѣвщины, передъ чумою), когда прошла молва, что въ томъ году будетъ уже мѣсяць-Чернецъ, и особенно какъ уже начинался моръ въ людяхъ.

Марта 1-го, на *Евдоки*, первымъ вѣстникомъ весны почитается зимоспящій степной звѣрѣкъ *Бабакъ*: еще до восхода солнца, на Евдоки, онъ оживетъ и *свистнетъ*. За нимъ другой вѣстникъ весны и важный показатель будущаго лѣта — *вѣтеръ*. Весьма примѣчаетъ селянинъ, какой вѣтеръ бываетъ на Евдоки: если теплый, то и лѣто будетъ теплое; если вороча-

¹⁾ Русская бесѣда 1856 г. № 1, смѣсь, стр. 61—83 и № 3, стр. 73—108.

еть млины (т. е. мельницы), то будетъ и снопы въ полѣ ворочать; если вѣть отъ Днѣпра (съ запада), то будетъ рыба ловиться; если изъ степи (съ востока), то будетъ хорошо на пчелы; а если съ низу Днѣпра (съ полудня), то будетъ урожай на хлѣбъ. Замѣчаютъ, въ какую сторону вѣть вѣтеръ на Евдокіи и для того еще, чтобы въ ту сторону и пшеницу сѣять. Около этого дня птичка *Овсянка* начинаетъ лѣтъ Украинцу: «покинь сани, возьми возъ!»! А когда увидятъ первую *ластовку*, то бросаютъ на нее горсть земли, говоря: «На тобѣ, ластовко, на гнѣздо!»! Объ ласточкахъ думаютъ, что онѣ не улетаютъ на зиму въ теплый вѣрай¹⁾, (гдѣ за моремъ зимуютъ всѣ отлетныя птицы), но, сдѣлывая ножками одна съ другою, зимуютъ на днѣ рѣкъ, озеръ, криниць, и даже на днѣ моря.

Щебетали ластовочки,
Зо дна моря вылѣтаючи;
Говорили козаченьки,
Да по селу похожаючи...

Такъ запѣваетъ старинная пѣсня о молодыхъ козакахъ, уходившихъ весною изъ Украйны на Запорожье. О томъ же поютъ и въ *веснянкахъ*.

А вже весна, а вже красна,
Изъ стрѣхъ вода капле;
Молодому козаченьку
Мандрѣвочка пахне.
Помандровавъ козаченько
У чистее поле;
За нимъ, за нимъ дѣвчинонька:
«Вернися, соколе!»!..

Ведется повѣрье, что если при видѣ первой ласточки бросить горсть земли на грядку, говоря: «кропъ сѣю!»! такъ и вырастетъ укропъ (который впрочемъ и безъ того растетъ по огородамъ самосѣйкою).

Изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ на Украйнѣ радуются особенно появленію голубаго *ряста* (*scilla bifolia*). Увидавъ въ первый разъ этотъ первоцвѣтъ, спѣшно срывають его и топчуть, приговаривая: «топчу, топчу рясть..., дай, Боже, потоптати и того року дождати!»! а топчуть рясть для того, чтобы долго жить; и по этой макробиотикѣ, если выздо-

¹⁾ Въ поученіи Владиміра Мономаха сказано: «птицы небесныя изъ *црѣя* идуць..., да наполнятся лѣси и поля; все же то далъ богъ на угодьє челоувѣкомъ, на снѣдь, на весеље».

равливаєть трудный больно́й, то говорятъ: «уже выльзъ на рясть»; а кто умретъ, говорятъ: «дуба давъ».

Украинскій селянинъ полагаєть, что до *перваго грома* земля не размрзаетъ вполнѣ, и примѣчаетъ: если первый громъ загремитъ на голое дерево, то надо ждать неурожая; если же загремитъ отъ запада, то будетъ урожайное лѣто. При первомъ громѣ, дѣвчата бѣгутъ умыться изъ криницы или рѣки и утереться своимъ краснымъ поясомъ — для красы; парубки хватаются за уголь хаты и силятся приподнять ее, чтобы силы прибыло; у кого болитъ спина или *поперекъ* (поясница), тотъ поспѣшаетъ приподнять возъ, или прислониться спиною къ столпу, полагая, что отъ того становится легче; а знающія бабы набирають изъ криницы воды, при первомъ громѣ, и мажутъ ею дѣтей отъ *пристрѣту* (который по книжному зовется «призоромъ очесъ»). До перваго грома Украинцы не садятся вечерять на дворѣ.

Марта 9-го, въ день весенняго равнодѣнствія, говорятъ: «съ *Сорока Святыхъ* — сорокъ морозовъ буде»; и если не всѣ сорокъ бываютъ въ продолженіе весны, то остальныхъ ждуть на лѣто. Говорится также, что «на Сорокъ Святыхъ соро́ка сорокъ паличокъ въ гнѣздо положить». Въ школахъ ученики приносятъ на поклонъ учителю по сороку бубликовъ. А для дѣтей въ этотъ день пекуть и раздають пшеничные *жайворонки*, во имя пернатаго пѣвца, который прежде всѣхъ, еще на *прóвеснѣ*, прилетаетъ изъ *вырая* радовать степи своимъ пѣніемъ.

Марта 17-го, на *теплаго Олексы* — «щука-рыба хвостомъ ледъ розбиває». Пасѣчники выставляютъ пчель изъ погребовъ; а если еще холодно, то выносятъ хоть два улья погрѣться на весняномъ солнцѣ.

Марта 25-го, на *Благовѣщенье*, такой святой день, что и птица гнѣзда не вьетъ. Встарину говорили, что въ этотъ день Господь благовѣститъ землю и открываетъ ее на сѣянье; а потому до Благовѣщенья не начинали сѣвбы на нивахъ, а поспѣшали кончать о́ранку на ярину; а «на Благовѣщенскомъ тыжднѣ — вдовинъ плугъ». Особенно благопріятнымъ день Благовѣщенья почитается у огородницъ для *капусты*, составляющей главный предметъ ихъ заботы и первую красу огорода; и онѣ стараются, чтобы во время заутрени посѣять хоть немного *розсады* (сѣменъ капустныхъ), гдѣ-нибудь въ затишномъ кутку огорода, или въ круглыхъ, плетеныхъ изъ лозы ясляхъ. Онѣ вѣрятъ, что въ ту пору можно находить розсаду подъ вишневымъ листомъ; да и вообще подъ деревомъ на землѣ, если повести рукою, то можно захватить розсаду и что ее можно натрусить на рядно, въ погребу, изъ капустяныхъ головокъ. (Должно быть тѣ маленькіе и похожіе на зерна грибки, что заво-

дятся въ погребу на капустѣ, подали поводъ къ послѣднему повѣрью). Но зато неблагопріятенъ этотъ день рожденію животныхъ. Полагають, навѣрное, что изъ *благовѣстнаго теляти* или *ягняти добра не ждати*, и поспѣшаютъ зарѣзать; что *благовѣстне яйце* будетъ болтунъ, или же изъ него вылупится калѣчное цыплѣ; а потому и не подсыпають подъ насѣдку яицъ, снесенныхъ въ этотъ день. О погодѣ говорятъ, что такая будетъ и на Великдень, какая на Благовѣщенье. Впрочемъ отъ старыхъ людей услышите преданье, что въ старые годы время шло правильнѣе, чѣмъ теперь, и что уже на ихъ памяти время стало такъ переменчиво на землѣ, какъ оно теперь. Памятенъ еще обычай, что на Благовѣщенье дѣти вывозятъ бывало на лубку 80-лѣтнихъ дѣдовъ своихъ на улицу просить милостыни. Марта 26-е, на *Благовѣстника*, и теперь на Украинѣ почитается за великій праздникъ.

Мѣсяць мартъ начинается обыкновенно на одной изъ трехъ первыхъ недѣль поста; рѣже приходится онъ на масляной, или же на четвертой недѣлѣ, которая называется *Средокрестною*. На этой недѣлѣ особенно примѣтный день среда, называемый *хрестцями*: тогда ломается пополамъ постъ, и даже, говорятъ, слышенъ бываетъ трескъ. На хрестці пекутъ пшеничные *хресты*, чтобы лучше родилась пшеница; половину ихъ сѣдають въ тотъ же день, а другую уже на полѣ, когда выѣдутъ сѣять пшеницу, и до того дня берегутъ въ погребѣ. А на хрестци сѣютъ *макъ*, хоть бы то по снѣгу, лишь бы можно было вскопать какъ-нибудь землю. Макъ сѣютъ только дѣвчата да молодыя молодицы, причемъ онѣ приговаривають или же поють слѣдующую *приспѣвку*:

Краї долины макъ, макъ;
Краї широкій макъ, макъ —
Макъ чистый, головистый:
Головочки, якъ рѣпочки;
Молоды молодочки
Завивали головочки.
Буде макъ тутъ,
Буде макъ тутъ!

Макъ и зерномъ, и цвѣтомъ своимъ составляетъ роскошь Украинскаго селянина. Зерномъ своимъ, столь лакомымъ для Украинца (особенно въ медовыхъ *маковникахъ*), макъ вошелъ въ пословицу: «Ѣжъ, дурню, бо то зъ макомъ!» И еще другая пословица идетъ: «Сѣмъ лѣтъ Богъ маку не родивъ, да и голоду не було!» А *маковъ цвѣтъ* — роскошь красоты, особенно когда зацвѣтетъ имъ цѣлое *плѣсо* въ степи...

Ой, изъ могилы видно всѣ долины —
Сизокрылый орелъ пролетаетъ:
Стоить вѣйско славне Запорозьке —
А якъ макъ процвѣтае.

Такъ и о славномъ современникѣ Богдана, *Морозѣнкѣ*, объ этомъ цвѣтѣ козаччины, поють въ пѣсняхъ:

Морозенко козаченько
Якъ макъ ропускався;
Морозенко козаченько
Въ неволю попався.

Знаюція бабы, вставъ до свѣта на хрестці, и въ потьмахъ, безъ запаски, сѣвъ у порога, прядуть по два *починка*, крутя веретено *навпаки*, т. е. отъ себя (а не къ себѣ, какъ прядуть обыкновенно), и кладуть ихъ *навхрестъ*; этою пряжею онѣ перевязываютъ руки или ноги отъ *грыжи* (ломоты).

На *похвальномѣ*, т. е. на пятомъ тыжнѣ поста, примѣтный день суббота, которую зовутъ *похвалою*, и говорятъ, что «на похвалу сорока яйцемъ похвалятся». Въ этотъ день сѣется капустная *розсада*.

Вербный тыждень зовется и *вербичемъ*. О случающихся въ это время холодахъ есть пословица: «Прійшовъ вербичъ, два кожуха терличъ». Не должно на этомъ тыжнѣ сѣять *буряковъ* (свеклы), а то будутъ горькіе. Въ вербную недѣлю приходящіе отъ заутрени со *святою вербою* бьютъ ею спящихъ, приговаривая:

Верба хлѣсь, бій до слѣзъ!
Не я бью, верба бье.
За тыждень великдень:
Будь великій, якъ верба,
А здоровый, якъ вода,
А богатый, якъ земля!

Пасѣчники поспѣшаютъ воротиться домой прежде всѣхъ, со святою вербою. Святую вербу берегаютъ, какъ цѣлебное средство отъ разныхъ недуговъ, людскихъ и скотскихъ, — между прочимъ, отъ дѣтскихъ *сухотъ*; знаюція бабы въ отварѣ изъ нея купаютъ больное дитя, при свѣтѣ *полнаго* мѣсяца, приговаривая къ нему: «*мѣсяцю-Адаме*, имя тобѣ Авраме! дай тѣла на си кости; а якъ не дасі, то прійми мощи!»

Страстная недѣля называется на Украинѣ *бѣлою*, потому что тогда бѣлятъ хаты и убираютъ все, приготавливаясь къ Великодню. Въ *чистый четвергъ* моются и выливаютъ всякую нечисть за дворъ, на распутѣе.

Въ *страстную* субботу сѣють *буряки*; и это дѣло поручается мужчинамъ. Чтобы не были они горькіе, надобно сѣять ихъ *на що серце* (натошакъ), и когда не видно дыму изъ хатъ. Вообще огородину сѣють, какъ только повытапливаются хаты, чтобы и грядки въ огородѣ были такъ полны, какъ полны горшки въ печи. Въ продолженіе поста не гонятъ еще ни овецъ въ одну общую *ватагу*, ни *товару* (рогатаго) въ одну *чѣреду*; хлопцы и парубки пасутъ скотъ свой порознь, принимая подъ свое смотрѣніе и у сосѣдей, за что получаютъ отъ нихъ *зѣйминку* — паляницы и прочее, и тѣмъ пробавляются. Молодой овчарь къ заходу солнца поспѣшаетъ въ село повеселить однообразный день свой, и гоня ватагу съ поля, припѣваетъ:

Терешъ, терешъ, овечечкы!
Терешъ, баранчата!
А я поѣду погуляю,
Де гарни дѣвчата.
Терешъ, терешъ, овечечкы!
Терешъ, терешъ, биркы!
А я пойду погуляю,
А де чорнобривкы.

Чернобровыя дѣвчата, поспѣшивъ отговѣться еще на второй недѣлѣ поста, выходятъ по вечерамъ на улицу, или иное просторное мѣсто при-
вѣтствовать весну своими звонкими *веснянками*.

Благослови, Боже,
Весну закликати,
Зиму провозжати;
Ой, весна въ човночку,
Лѣтечко въ возочку.

Послѣ такого или иного общаго на всю весну запѣва, — дѣвчата, усѣвшись обыкновенно *черенемъ* (купою) или же *лавою* (рядомъ), поютъ повседневныя свои веснянки. Здѣсь, на побережьѣ Днѣпровскомъ, (гдѣ живу я) начинаютъ вечера обыкновенно слѣдующею пѣснею:

Орель поле изъоравъ, изъоравъ,
И ячменю насѣявъ, насѣявъ;
Роди, Боже, той ячмѣнь, той ячмѣнь,
Тожъ парубкамъ на коровай, на коровай,
Старымъ людямъ на пиво, на пиво,
А молодымъ на диво, на диво!

Орелъ поле изъоравъ, изъоравъ,
И пшеници насѣявъ, насѣявъ:
Роди, Боже, пшеницю, пшеницю,
Тождь дѣвочкамъ на коровай, на коровай,
Старымъ людямъ на пиво, на пиво,
А молодымъ на диво, на диво!

Веснянки поются до Троицы; это пѣсни исключительно *дѣвическія*; парубки только слушатели, и вмѣшиваются въ нихъ только своими *жартами* (шутками), на которыя дѣвчата отпѣвають имъ веснянками. Напримѣръ:

Торóхъ, торохъ... сѣю горохъ,
А врóдиться брыця:
Не пришлеться що добрее,
Да все ледащиця.
Торóхъ, торохъ... сѣю горохъ,
А врóдиться брыця:
Взяли Туркы два парубкы,
И мого чорнобривця!

Кончая вечеръ, дѣвчата поють, расходясь по домамъ:

Спѣвали дѣвочки, спѣвали;
У решето пѣсни складали;
Да й поставили на вербѣ:
Де взялися горобци,
Звалили решето до долу —
Часъ вамъ, дѣвочки, до дому!

Молоденькія дѣвочки не принимаютъ къ пѣнію веснянокъ; но у дѣтей обоего пола есть свои веснянки, цѣлое лѣто продолжающіяся. Когда идетъ дождь, дѣти бѣгаютъ подъ нимъ и припѣвають:

Дóщику, дощику!
Зварю тобѣ борщику,
Въ новѣнькому горщику,
Поставлю на дубочку:
Дубочокъ схитнувся,
А дощикъ линувся —
Цебромъ, ведромъ, дойничкою,
Надъ нашу пашничкою.

Когда находить туча, дѣти нагромоздятъ изъ песку или земли *дзвоницю* (колокольню) и, бьючи по ней палочками, припѣвають:

Бій, дзвоне, бій!
Хмару розбій!
Нехай хмара на Татаре,
А сонечко на хрестяне!
Бій, дзвоне, бій!
Хмару розбій!

II. Апрѣль.

Второй мѣсяць весны зовется по-Украински *Квѣтнемъ* или *Цвѣтнемъ*, ибо природа на Украинѣ является тогда въ первомъ цвѣту: бѣлая берега, убранная въ золотистыхъ серьгахъ, распускаетъ свои зеленыя косы; зазеленѣвшая степь красуется золотымъ горицвѣтомъ (*adonis vernalis*) и серебро-пушистымъ сономъ (*anemone*); вишневые сады стоятъ, какъ молокомъ облитые, и въ нихъ уже раздается щебетъ соловья. Въ этомъ же мѣсяцѣ обыкновенно и Украинскій людъ, какъ и весь православный мѣръ, обрадованъ бываетъ *Великоднемъ* и христосається во имя воскресшаго Искупителя мѣра.

Въ Свѣтлый день сей, послѣ обѣдни, когда разговѣется уже каждый въ своей семьѣ — паскою и прочимъ *свяченымъ*, хлопцы ходятъ по дворамъ привѣтствовать всѣхъ троекратнымъ *Христосъ воскресъ!* и хозяева за то, давъ первому *хрестовальнику* пару крашанокъ, всѣмъ прочимъ даютъ по одной, а говорящимъ *вириши* (т. е. стихи) даютъ и деньги. Въ старые годы *хрестовали* и взрослые. Извѣстна большая великодная вирша, которую нѣкогда говорили Запорожцы *товаришу* и *батьку* своему *Грицьку*, великолѣпному Потемкину:

«Христосъ воскресъ, радъ мѣръ увесь,
Дождалися ласкы;
Теперь усякъ наѣстся въ смакъ
Свяченой паскы.
Всѣ гуляють, выхваляють
Воскресшого Бога;
А вже тая, що до рая,
Протерта дорога»... и т. д.

А въ Печерской лаврѣ, когда тамъ *великимъ Архимандритомъ* былъ воеводичъ Молдавскихъ земель Петръ Могила, его привѣтствовали на Ве-

ликдень печатными виршами — и знаменитые типографы лаврскіе Памва Берында и Тарасій Земка (книжкою «Умнологія си есть Пѣсно-словіе» 1630 г.), и профессоръ риторики, Софроній Почаскій, съ учениками лаврскаго Могилинскаго Гимназіума (книжкою «Евхаристиріонъ albo Вдячність» 1632 г.).

Между тѣмъ какъ малые хлопцы идутъ *хрестоватъ* на село, пасѣчникъ идетъ въ пасѣку похристосаться съ своими ярими пчѣлками и несетъ имъ *безконечникъ* — писанку, испещренную вокругъ одною непрерывною чертою; онъ кладетъ ее подъ первый или *покутній* улей, называемый у Заднѣпровцевъ *хозяиномъ*, на которомъ всегда лежитъ ладанъ; а главный улей, *Здсимъ*, стоитъ всегда середь пасѣки.

На другой день, еще на разсвѣтѣ, ходятъ парубки *обливальники* по тѣмъ хатамъ, гдѣ есть взрослые дѣвчата, и за каждую получаютъ по парѣ крашанокъ въ свои ведра. Дѣвчата уже заблаговременно ждутъ ихъ; а которая заспалась бы или не успѣла бы прибраться до ихъ прихода, ту обливаютъ водою. Такъ ведется у насъ на степи при Супоѣ; и это есть остатокъ давняго Украинскаго обычая, описаннаго Бопланомъ ¹⁾ во второй половинѣ 17-го вѣка, когда парубки обливали дѣвчатъ въ великодный *понедѣльникъ*, а дѣвчата парубковъ во *вторникъ*, какъ это понынѣ ведется у Словаковъ, у которыхъ есть пѣсенка объ этомъ ²⁾:

«Облѣвай, облѣвай власы ай главичку,
Але ми зашануй ту нову сукничку».

Въ 31 главѣ *Кіевскаго Синописа*, а также и въ *Кройникъ* или лѣтописи Густынской (подъ 988 годомъ), говорится «о обліяніи водою на *Великъ-день*»; но то, очевидно, взято изъ лѣтописцевъ Польши и относится къ ея обычаю. Наши степные обливальники-парубки, а также и дѣвчата, подъ вечеръ въ *понедѣльникъ* сходятся въ одну хату, и тамъ на общую *складку* пируютъ и веселятся съ пѣснями и музыкою, и иногда до свѣта. Съ великоднаго *понедѣльника* возобновляются и дѣвическія пѣсни-веснянки, примолкшія съ вербной субботы. Вотъ одна веснянка, вдохновленная мѣсяцемъ квѣтнемъ въ сѣверной сторонѣ (она записана мною 1827 года, на берегахъ Шостки, впадающей въ Десну) ³⁾:

¹⁾ См. его *описаніе Украины*, переведенное Устряловымъ, 1832 года, стр. 79.

²⁾ См. Коларовы «*Narodniè Zpiewanky*». 1834. Т. I. стр. 24 и 431.

³⁾ См. моего изданія Малороссійскія пѣсни, 1827 года, стр. 159.

Розлилися воды
На чотыри броды.
У першому бродѣ
Соловейко щебетавъ,
«Зелены сады розвивавъ.
У другому бродѣ
Зозулька кovala,
Лѣтечко казала.
У третѣму бродѣ
Коничокъ заржавъ,
Вѣнъ дорѣженьку почавъ.
А въ четвѣртѣмъ бродѣ
Да дѣвчина плаче,
За нелюбого идучи,
Свое лихо чуючи.

Съ Великодня къ обыкновеннымъ пѣснямъ-веснянкамъ присоединяются еще дѣвическія игры, сопровождаемыя особыми пѣснями и называемыя вообще *танкѣми*. Эти игорныя веснянки на Украинѣ тоже, что въ великой Руси *хороводы*, объ которыхъ и тамъ говорится въ народѣ: *танки водить*; и нѣкоторые изъ нихъ тѣ самыя, что и на Украинѣ, какъ-то: *просо-сѣять*, *макѣ-сѣять*, *Заюшка*, *Ящурѣ*. А разница между ними та, что въ Великорусскихъ танкахъ или хороводахъ участвуютъ старъ и младъ обоого пола, и водятъ ихъ съ весны до зимы, повершая ими нѣрѣдко и другіе праздники народныя; но танки Южнорусскіе остаются исключительною собственностью дѣвчатъ и весны, ибо водятъ ихъ только съ Великодней до Зеленой недѣли. Великорусскими танками заправляетъ особая *хороводница*, женщина обыкновенно пожилая и нѣрѣдко вдова; а Украинскіе танки водятъ сами дѣвчата, изъ которыхъ передовою становится болѣе замѣтная или болѣе удалая въ играхъ. Одна изъ нихъ въ прошломъ столѣтіи воспѣта въ особой пѣснѣ, понынѣ любимой на обѣихъ сторонахъ Днѣпра: это прекрасная *Бондарѣвна*, злополучная жертва знаменитаго повѣсы пана-Канѣвскаго (Потоцкаго).

Въ славнѣмъ мѣстѣ у Канѣвѣ
Дѣвокъ танѣкъ ходить;
Молодая Бондарѣвна,
Усѣмъ передѣ водить... и т. д.

На Украйнѣ, гдѣ нынѣ въ большой модѣ у дѣвчатъ пѣсни Московскія, и особенно солдатскія, давно извѣстна пѣсня.

«Какъ у нашихъ у воротъ
Стояль дѣвокъ хороводъ».

Однако названье *хоровода* не пристаесть къ *танкамъ* дѣвическимъ; и это потому, что на Украйнѣ *корогодъ* имѣеть совсѣмъ другое значеніе. *Корогодъ*, такъ же какъ и *коровай*, является только на *весѣльяхъ*, т. е. на свадьбахъ. Въ брачную ночь, когда благополучная чета оставляется уже въ покоѣ, дружкѣ съ хмѣльнымъ причетомъ своимъ и музыкою шумно провожаетъ по селу *корогода*, съ особенной о немъ пѣснею; причемъ приданки и свашки поютъ и о корогодовой женѣ-воеводѣ.

Дѣвическіе танки, по внѣшнему виду, бываютъ: 1) *Круговые*, которые водятъ, сомкнувшись въ кружокъ, таковы: *макъ-сѣять*, *кропъ*, *перепелка*, *заюшка*, *ящуръ*, *король*, *нѣлюбъ*, *переборѣць* и другіе; 2) *Ключевые*, которыя водятъ, сомкнувшись въ *одинъ ключъ*; таковы: *галка*, *чечѣтка*, *горобей*, *лѣсаниця*, *кривый-танѣць* и другіе; или же, сомкнувшись въ *два ключа*, какъ въ танкѣ *просо-сѣятъ* и въ *шумъ*.

Перепелкою становится въ средину круга одна изъ красивѣйшихъ дѣвчатъ и представляетъ тѣлодвиженіями то, о чемъ поютъ ходящія вокругъ. При «старѣмъ мужичкѣ» она падаетъ на земь съ печальнымъ видомъ; при «молодомъ козачкѣ» вскакиваетъ весело, подпрыгивая и трепля въ ладоши; а при послѣднемъ стихѣ она старается выскочить изъ круга, но ее ловятъ и *туркаютъ* въ голову.

А въ перепелки да головка болятъ.

Тутъ була тутъ перепелочка;

Тутъ була тутъ бѣлозѣрочка ¹⁾).

А въ перепелки да плечици болятъ.

А въ перепелки да реберця болятъ.

А въ перепелки да стегеньця болятъ.

А въ перепелки да колѣнця болятъ.

А въ перепелки по́дошовки болятъ.

А въ перепелки да старый мужичокъ.

А въ перепелки молодой козачокъ.

Перепелка йде и гостиньця несе.

1) Этотъ припѣвъ повторяется за каждымъ стихомъ, какъ повторяются припѣвы и въ другихъ пѣсняхъ.

Великолѣпный Великорусскій танокъ «Заплетися, плетень заплетися» неизвѣстенъ на Украинѣ; а въ замѣнъ его есть свой шуточный танокъ, «Плету, плету лѣсь, лѣсь», — въ насмѣшку надъ парубками, которые весною плетутъ *лѣсы* около дворовъ и огородовъ. Игра *макъ-сѣять*, на Украинѣ выходитъ красивѣе, чѣмъ въ великой Руси; ибо здѣсь *маковкою* садится въ срединѣ круга красивая дѣвочка, которую подъ конецъ подкидываютъ вверхъ, представляя тѣмъ отряхиванье мака; а тамъ — *макомъ* бываетъ большею частью простачокъ-дѣтина, которому подъ конецъ, когда стануть отряхивать макъ, достается до слѣзъ ¹⁾.

Заюшка у насъ на побережьи разыгрывается въ такомъ видѣ. Ставшая въ кругу прыгаетъ, стараясь выскочить подъ руками окружныхъ, но ее не выпускають; подъ конецъ пѣсни она кланяется одной, и та становится на ея мѣсто, и такъ далѣе.

Заюшка сѣресенькій,
Заюшка бѣлесенькій!
Заюшка скокомъ бокомъ
Передъ моимъ карымъ окомъ!

Да нѣкуды зающѣ а не выскочити,
Да нѣкуды зающѣ а не выплыгнути;
Що въ насъ города все Турецькіи,
Що въ насъ замки все Нѣмецькіи,
Позащѣпованы, позамыкованы,
Жовтымъ пѣскомъ позасыпованы,

Заюшка не гордися,
Котрѣй паннѣ поклонися,
Хочь старѣй хочь малѣй,
Хочь менѣ молодѣй.

А вотъ круговой танокъ историческаго происхожденія. Послѣ князя Михайла Михайловича Вишневецкаго и благочестивой княгини его Раисы, урожденной Могилянки, объ которыхъ добрая память осталась на Украинѣ въ трехъ монастыряхъ: Лубенскомъ, Густьнскомъ и Ладинскомъ, наслѣдникомъ огромной ихъ Украинской вотчины, (простиравшейся отъ Полтавы до Прилукъ въ одну сторону, и до Домонтова, на

¹⁾ См. у Сахарова «пѣсни Русскаго народа» 1838. Ч. II, стр. 296. («Часто случается, что хороводникъ, лишенный отъ трясенія волосъ, начинаетъ драку»).

устѣ Супоя, въ другую) остался храбрый княжичь *Іеремія*. Онъ былъ «пожаданною утѣхою» для народа Украинскаго; но, женись на Гризельдѣ Замойской, онъ отступилъ отъ православія (около 1631 года) и сталъ тогда во взаимное нелюбіе съ Україною. Въ 1648 году, когда воздвигшійся Богданъ Хмельницкій началъ полякамъ *веремья крутити* ¹⁾, князь Іеремія, имѣвшій званіе *Русскаго воеводы*, принужденъ былъ разстаться навсегда со своею Украинскою Вишневецкиною, бѣжалъ изъ Лубенъ на Волынь и за то въ борьбѣ съ казачествомъ былъ онъ какъ лютый звѣрь. Въ слѣдующее лѣто выдержалъ онъ Тернопильскую осаду въ *Збаражѣ*, причемъ былъ раненъ въ ногу. По этому случаю сложена была козаками насмѣшливая пѣсня, приглашающая славнаго Русскаго воеводу вывести танецъ по-Нѣмецки. Припѣвъ ея съ разными пѣснями понынѣ повторяется въ веселомъ дѣвическомъ танкѣ *выступць*. Дѣвчата, при пѣніи каждаго двустушія, идутъ широкимъ кругомъ; но за припѣвомъ онѣ устремляются въприпрыжку, то въ середку круга, направивъ кулаки впередъ, чтобы столкнуться, то подаются назадъ.

Ой на ставку, на ставку,
Пѣймавъ соколъ ластовку.
Выступцемъ,
Выдрѣбцемъ:
Пане Вишневецкій,
Воеводо Кгрецкій,
Да выводъ танчѣкъ по Нѣмецкій!
Просилася Настуся
Въ молодого Петруся:
Пусти мене въ таночѣкъ
Погуляти до дѣвочѣкъ.
Тодѣ тебе я пуцу,
Якъ косоньку роспуцу.

Изъ танковъ, выводимыхъ однимъ ключемъ, самый летучій — *галка*.
Ставшая на одномъ концѣ проводитъ за собою весь ключъ подъ ру-

¹⁾ Величко въ своей лѣтописи (см. Т. I, стр. 68), описывая знаменитую Корсунскую побѣду 16-го мая 1648 года, говоритъ: «скоро теди поляки зъ своихъ висунулися окоповъ, заразъ Хмельницкій зъ Ордою началъ около нихъ (акъ приказуютъ) *веремья крутити*»...

ками послѣдней пары, а тамъ также проводить стоявшая на другомъ концѣ; и такимъ порядкомъ весь ключъ уходитъ иногда за версту, передвигаясь впередъ то прямо, то излучисто. За каждымъ разомъ поютъ:

Ой галь-галь, чорна галочко!
Ой галь-галь, красная панночко!
Стань же намъ да до помочи,
Зъ хорошими, зъ хорошими дѣвочками,
Зъ красными, зъ красными панночками!
Ой ты, Марусю, скожь на конецъ;
А ты, Олесю, веди конецъ!

Танокъ *просо-стятъ*, любимый всею Русю, отъ Карпатъ и до Урала, здѣсь, на Днѣпровскомъ побережьи, разыгрывается въ слѣдующемъ видѣ. Ставши въ два ключа, лицомъ одинъ къ другому, дѣвчата поочередно поютъ, кланяючись:

- 1-й ключъ: Ой мы въ поле выѣдемъ, выѣдемъ —
Ой мы зъ Ладомъ выѣдемъ, выѣдемъ.
2-й » А мы нивку выоремъ, выоремъ —
Ой мы зъ Ладомъ выоремъ, выоремъ.
1-й » А мы проса насѣмъ, насѣмъ.
2-й » А мы кони пустимо, пустимо.
1-й » А мы кони займемо, займемо.
2-й » А мы кони выкупимъ, выкупимъ.
1-й » Мы на купчу не глянемъ, не глянемъ.
2-й » Мы сто рублѣвъ кладемо, кладемо.
1-й » На сто рублѣвъ не глянемъ, не глянемъ.
2-й » Мы бабусю додамо, додамо.
1-й » Мы бабуси не хочемъ, не хочемъ.
2-й » Мы дѣвочку додамо, додамо.
1-й » За дѣвочку ни слова, ни слова.
2-й » Бувай, дѣвка, здорова, здорова!

При этомъ одна дѣвка переходитъ въ первый ключъ, которому говорятъ:

Бѣдьте, поѣдьте до насъ!

А тѣ отвѣчаютъ, тоже говоромъ:

Нема короля дома,
Поѣхавъ по дрова,

Пиво варити,
Сына женити,
Дочку давати,
Насъ на весѣлье звати!

Танокъ *Шумъ* играется на Днѣпровскомъ побережьѣ. Дѣвчата становятся въ два ключа, одинъ за другимъ параллельно, и при этомъ поютъ:

Ой нумо жъ мы нумо,
Въ зеленого Шума.
А въ нашего Шума
Зеленая шуба.

За тѣмъ оба ключа бѣгутъ разомъ впередъ, а потомъ назадъ, распѣвая самымъ сильнымъ голосомъ, сколько мѣга:

Ой Шумъ хѳдитъ, по водѣ бродить;
А Шумиха рыбу ловить,
Що вловила, то й пропила,
Своѣй дочцѣ не вгодила.
Пожди, доню, до суботы,
Куплю сукню, ще й чоботы!
— Або жъ менѣ сукню крайте,
Або менѣ жениха дайте!
Або жъ менѣ кулешу наварить,
Або менѣ жениха приведить!

Такъ въ этомъ *зеленомъ шумѣ* дѣвчаты отозвался Днѣпръ, убирающійся въ зелень своихъ луговъ и острововъ, шумящій въ весеннемъ разливѣ своемъ и дающій тогда полное приволье рыболовству. Въ одно весеннее утро я видѣлъ здѣсь, что и воды Днѣпра, и его песчаная *Бѣлая-коса* за *Шумиловкою*, и самый воздухъ надъ нимъ — всё было зелено... Въ то утро дулъ порывистый *горишній*, т. е. верховой вѣтеръ; набѣгая на прибрежные *ольховыя кусты*, бывшіе тогда въ цвѣту, онъ поднималъ съ нихъ цѣлыя облака зеленоватой цвѣточной пыли, и развѣвалъ ее по всему полуденному небосклону.

Всеобщая гульба и веселье свѣтлопраздничное повершается въ началѣ слѣдующей недѣли, называемой *проводною*; оно повершается поминаніемъ родичей на ихъ *могилкахъ* или *гробкахъ*. Обыкновенно въ *понедѣльникъ* собирается народъ на кладбище, неся туда крашанки, книші, пироги, рѣжанку и всякую другую страву, кромѣ вареной; а къ тому и *пляшку горьлки*, составляющую непремѣнную обрядную принадлеж-

ность всѣхъ важныхъ случаевъ и праздниковъ Украинской жизни отъ колыбели до могилы. По приходѣ на могилки родителей и родичей, говорятъ имъ: Христосъ воскресъ! Между тѣмъ служится общая панихида въ церкви, а по хуторамъ и деревнямъ — подѣ открытымъ небомъ на кладбищѣ; и послѣ того священникъ съ кадиломъ обходитъ порознь всѣ тѣ могилки, гдѣ есть поминальщики. Тогда обѣдаютъ вокругъ могилки родичи и сосѣди (за исключеніемъ взрослыхъ дѣвчатъ), а также и *старци*, т. е. нищіе, которымъ подають милостыню особенно въ эти недѣли, по той вѣрѣ, что самъ Господь ходитъ по землѣ въ видѣ нищаго, съ *Великодня* и до *Вишестя* (Вознесенія). Украинцы вѣрятъ также, что во всю свѣтлую седмицу открытъ рай, и что всѣ умершіе въ эти дни будутъ въ раю; да и въ каждый воскресный день случающаяся смерть человѣка почитается счастливою. Когда усядутся вокругъ могилки, тогда начинается круговая заупокойная чарка, вызывающая умиленные рѣчи и слезы о покойникахъ: чтобъ имъ «лѣгко лежать и землю держать, а на томъ свѣтѣ царство небесное!» — «нехай со святыми спочивають, да й насъ дожидають!» и т. п.

Начатыя на могилахъ поминки расходятся по хатамъ и тамъ доканчиваются; и тогда уже *на подпитку* распѣваются разные поучительные стихи, особенно о *смерти* —

«Якъ положить грѣшне тѣло
На дубову лаву»...

Покойника на Украинѣ кладутъ и отпѣвають не на столѣ, а на лавѣ. Къ тому-то и въ пѣснѣ жена, въ сердцахъ на мужа своего поетъ ему:

«Хибá тодѣ затужу,
Якъ на лавѣ положу;
Хиба тодѣ заплачу,
Якъ на лавѣ побачу!»

Не довольствуясь поминальными *проводами* всѣхъ родичей въ понедѣльникъ, женки собираются по хатамъ еще и во *вторникъ* — поминать *дядинкѣ*, т. е. дядьковскихъ женъ, по которымъ и этотъ дополнительный *жоночій* или *бабскій* праздникъ называется *дядинками*, а въ Переяславскомъ уѣздѣ *громницами*. Но обыкновенно на Украинѣ *громници да блискавици* полагаются въ первый вторникъ Петровки, послѣ понедѣльника, называемаго *Розыграми*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ празднованіе *могилки* перенесено съ понедѣльника на *вторникъ проводной*; а въ городѣ Золотоношѣ вмѣсто того на *могилки* собираются въ *Миро-*

носный понедѣльникъ: тамъ на кладбищѣ находится и небольшая церковь во имя *женъ Мироносицъ* ¹⁾. Съ проводнымъ вторникомъ кончаются уже для обоого пола Великодныя праздники, и жизнь Украинскаго селянина входитъ съ новою силою въ свою работную, буднишнюю колею. Куски и крошки паски, скорлупы крашанокъ и всѣ прочіе останки *свяченаго*, сбереженные тщательно, пускаютъ на воду; а часто ихъ сберегаютъ вмѣстѣ съ дробками соли свяченой и артосомъ или *Дарникомъ*, какъ цѣлебное средство, особенно для отелившихся коровъ. Свяченое сало почитается лучшею мазью для воловъ, когда у нихъ отъ ярма натрутся шеи. Остатки всего *свяченаго* сберегаются, и какъ охранительное средство будущимъ хлѣбнымъ скирдамъ отъ мышѣду. Ведется по всей Украинѣ повѣрье, что если мышь съѣстъ хоть крошку святой паски, то обращается въ *кажанá* (летучую мышь).

Изъ постоянныхъ дней апрѣля главный 23-й *Юрьевъ день*, почитаемый за великій праздникъ, по особенному уваженію всего христіанскаго міра къ *побѣдоносцу Георгію*. Сей святой витязь на бѣломъ конѣ — «лицемъ бѣше красенъ, и храбръ вельми» и прославленъ, какъ низложитель Ливійскаго змія; а по-своему имени св. *Георгій* — *земледѣлецъ*, и почитается издревле покровителемъ земледѣлія и скотоводства. Такъ и на Украинѣ, на *Егорія* — каждое село выходитъ въ поле, для молебствія и освященія посѣвовъ озимыхъ и яровыхъ, причемъ бываетъ освященіе криницъ и колодезей; и съ этого дня уже не пускаютъ скота ходить по полямъ *бѣзбашъ*, т. е. безъ пастуха; до Юрьева дня даже нарочно *сбиваютъ* житá скотомъ, чтобы онѣ лучше росли въ новыя стрѣлки. Съ этого же дня запрещается пускать скотъ и на тѣ *луки* и *степы*, которые назначаются подъ сѣнокосъ. А объ запасномъ кормѣ ведется пословица, что — «и въ дурня стане сѣна до Юрья, а у розумнаго до Николы».

Украинскій селянинъ примѣчаетъ на Юрья вышину своей озими: «коли сховается въ житѣ ворона, то буде урожайне лѣто; а якъ горобцю по колѣна, то буде лихе лѣто». Предвѣстницею урожая служитъ и *зозуля* (кукушка): «коли закуе до Юрья на голе дерево, то буде голодне лѣто; а якъ на листь, то буде полѣтье». Зозулю представляютъ кующею на дерево; потому и про тѣ кольца, что складываются изъ мотыльковыхъ яичекъ на вишневыхъ и другихъ вѣткахъ, говорятъ, что то «зозуля наковала». Не одинъ Украинецъ съ началомъ весны носитъ при себѣ копейку *про зозулю*, чтобъ показать ей, послышавъ ее въ первый разъ, и

¹⁾ Во многихъ мѣстахъ Украинны, кромѣ проводныхъ мѣгилокъ, прицерковныя *сестрички* устрояютъ панихиду и поминальный обѣдъ еще въ понедѣльникъ Мироносный.

чтобъ она наковала ему копейку на весь годъ. Но не объ одномъ только наступающемъ лѣтѣ куеть вѣщая зозуля Украинцамъ; у нея часто запытаваютъ дѣвчата, черезъ сколько лѣтъ онѣ выйдутъ замужъ? Порою и старикъ спросить у нея: сколько лѣтъ ему жить еще на этомъ свѣтѣ? А объ соловѣѣ, прилетающемъ изъ *вырая* почти въ одну пору съ кукушкою, говорятъ, что онѣ только съ Юрьева дня начнетъ пѣть свою настоящую пѣсню *тѣхъ-торорохъ*; а до Юрья онѣ только *цвѣринькаеть*, заурядъ съ прочими пташками.

Юрова роса почитается на Украинѣ цѣлбною для очей; для того и собираютъ ее обыкновенно цѣдилкою, которую оставляютъ на травѣ на ночь подъ Юрьевъ день. А во время обѣдни каждая Украинская хозяйка ставитъ свѣчу передъ образомъ св. Георгія, прося его, чтобъ онѣ доглядѣлъ ея овечку или телицу; а содержатели скота, особенно *чередники* и *ватажники*, на Юрья постятся до захода солнца, а иные даже не гонятъ и скота на пашу, а кормятъ на дому. Такой обычай соблюдается *про звѣря*, т. е. про волка (которому собственно и принадлежало въ древнее время имя *лютаго-звѣря*); ибо на Украинѣ говорятъ, что «святой Юрь звѣра пасе», — и волкъ считается *Юровою собакою*, которая безъ его дозволенія не займетъ ни скотины, ни людны. Такъ и у Великорусскаго народа говоритъ пословица: «у волка въ зубахъ, что Егорій далъ».

Чередники, ватажники и табунщики къ Юрьеву дню отпускаютъ себѣ бороды; ибо Украинцы вообще *голятъ* бороды съ давняго времени, хотя и неизвѣстно, съ какого именно. Впрочемъ на Украинѣ въ старину борода считалась украшеніемъ стараго человѣка. Такъ достославный гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, скончавшійся въ Кіевѣ 1622 года, 10-го апрѣля, на проводной недѣль, носилъ бороду ¹⁾. Храбрый Лубенскій полковникъ *Леонтій Леонтьевичъ Свѣчка*, въ концѣ 17-го вѣка, тоже ходилъ съ бородою. Да и въ старинныхъ пѣсняхъ Украинскихъ говорится, напримѣръ:

«Дѣду мѡй, свѣте мѡй,
Шовковая борода!»

Что касается до подбриванія головы, то старобытныя козаки, особенно Запорожскіе, оставляли и лелѣяли на головѣ *чубъ*, по образу *Святослава*

¹⁾ См. портретъ его въ 3 книгѣ *Кіевлянина*, 1850, на стр. 151, взятый изъ современной книги: «Вѣрштѣ на жалосный погребѣ зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачнаго» 1622.

Хоробраго ¹⁾, легко ходившаго въ войнахъ, — *аки Пардусъ*, и сложившаго свою чубатую голову у Днѣпровскихъ пороговъ, съ наступленіемъ весны 972 года. Въ нѣкоторыхъ приднѣпровскихъ мѣстахъ еще и теперь козаки, особенно молодые, ходятъ въ *чубахъ* или *оселедцяхъ*. Но господствующее нынѣ въ Украинскомъ народѣ подбриваніе головы въ *чуприну* распространилось, кажется, въ 17-мъ вѣкѣ, въ подражаніе обычая польскому: Заднѣпровскій козакъ, написавшій въ томъ вѣкѣ лѣтопись, названную *лѣтописью Самовидца* (1846, см. стр. 12), говоритъ, что въ 1648 году на Украинѣ «ремесники молодые головы собѣ голили *по польску*, чуприну пускаючи на верхъ головы».

У Святослава внука, Ярослава Владиміровича, христіанское имя было *Георгій*, и онъ, съ 1032 года, строя города по рѣкѣ Роси, поставилъ тамъ городъ *Юрьевъ*, при которомъ была и особая *Юрьевская* епархія (извѣстная съ 1072 года и до нашествія Батыева). А въ послѣдніе годы своего княженія, Ярославъ поставилъ въ Кіевѣ церковь съ монастыремъ, во имя *св. Георгія*, предъ воротами Софійскаго храма. По ея освященіи митрополитомъ Иларіономъ 26-го ноября, Ярославъ «заповѣда по всей Руси творити праздникъ св. Георгія мѣсяца ноября 26-й день» ²⁾. И такимъ образомъ учрежденъ тогда на Руси праздникъ св. Георгія *осенняго*.

Въ позднѣйшіе вѣка тоже воздвигались церкви и обители во имя св. побѣдоносца — въ разныхъ мѣстахъ Украины. Такъ, въ 17-мъ вѣкѣ подъ Золотоношею, на островку, похожемъ на скирду сѣна и называемомъ *Красною Горкою*, возникъ небольшой скитокъ, съ маленькою плетневою церковью во имя *св. Георгія*. Стараніемъ Золотоношскаго сотника *Войцы Сербина* и земляка его, Переяславскаго полковника, *Дмитрія Григорьевича Раича* (или *Думитрашка Райче*), тотъ скитокъ былъ обращенъ (около 1687 г.) въ монастырь *Красногорскій*. Въ Кіевскомъ Выдубицкомъ монастырѣ Стародубовскій полковникъ *Михайло Миклашевскій* 1696 года построилъ своимъ иждивеніемъ каменную церковь *св. Георгія*; и съ той поры тамъ собирается въ Юрьевъ день народное гулянье. А здѣсь, на Днѣпровскомъ побережьи, верстахъ въ

1) Такъ названъ воинственный князь Святославъ Игоревичъ въ Волынской лѣтописи, подъ 1254 годомъ: «не бѣ бо въ землѣ Русцѣй первѣе, иже бѣ воевалъ землю Чешскую — ни Святославъ *хоробрый*, ни Володимеръ *святый*».

2) Такъ въ древнемъ Прологѣ 16-го вѣка (см. *Кіевлянинъ* кн. III стр. 67), гдѣ именно сказано, что Георгіевскую церковь святить митрополитъ *Иларіонъ*, какъ показано было и въ Патерикѣ С. Коссова. И такъ это было между 1151—54 годами, а не 1045 года, какъ значится въ позднѣйшихъ каталогахъ Кіевскихъ.

12 выше Супоя, надъ селомъ Бубновскою слободкою, есть древнее *Городище*, весьма искусно устроенное на углу крутаго и глубокаго яра. На это замѣчательное мѣсто, съ котораго открывается такой живописный просторъ и въ степь, и на Днѣпръ, и на гористое Заднѣпровье, въ *Юрьевъ день* издавна поселяне окрестныхъ селъ сходятся на гулянье; а по какому случаю повелось оно, неизвѣстно. Въ разсказахъ объ этомъ городищѣ нѣтъ ничего особеннаго, ему исключительно принадлежащаго, а только общая обо всѣхъ подобныхъ мѣстахъ молва, что тутъ была нѣкогда церковь, ушедшая въ землю.... Въ этой повсемѣстной молвѣ, переходящей изъ рода въ родъ, не отзывается ли та предковѣчная быль, что всѣ эти *рѣбленыя могилы* и *городища*, такъ знаменательно выдающіяся по Украинскимъ степямъ, возникли первоначально какъ молитвенные храмы того народа, который впослѣдствіи перешелъ въ баснословные разсказы Украинцевъ о *Вѣлетняхъ* и другихъ первожителейъ земли Южнорусской, и отъ котораго прочія степныя могилы, *круглыя* и *острыя*, остались, какъ памятники надгробны? Такъ, на лѣвой сторонѣ Трубежа, подъ Переяславомъ, есть круглая могила *Свидова*, о которой говорятъ въ народѣ, что она насыпана надъ Вѣлетнемъ *Свидомъ*.

Къ числу забавъ Юрьевскаго гулянья на Бубновскомъ городищѣ принадлежитъ катанье красныхъ яицъ, столь любимое по всей Руси. Во многихъ мѣстахъ Украйны дѣвчата, послѣ обѣда въ Юрьевъ день, выходятъ катать крашанки въ полѣ на житахъ, и тамъ закапываютъ ихъ въ землю до начатія жатвы.

III. Май.

Третій мѣсяць весны май, встарину назывался травнемъ, ибо въ этотъ мѣсяць нарастаетъ трава по степямъ, лугамъ и лѣсамъ на сѣно и на лѣкарства.

Мая 1-го, въ день святаго пророка Іереміи, жители Кіева собираются послѣ обѣда на гулянье, которое отъ начала прошлаго столѣтія и до послѣднихъ годовъ дѣялось за Лыбедью, въ роцѣ Шулявчинѣ, называвшейся въ древности Шелковымъ боркомъ. Это гулянье повелось у Кіевлянъ по примѣру занятыхъ у западныхъ *школъ маевокъ* или *майскихъ рекреаций*, для которыхъ Кіевскіе ученики съ учителями выходили изъ своихъ «Аполлоновыхъ житницъ» ¹⁾ на гору Скавику (по древнему Щековицу),

1) *Horrea Apollinea*: такъ называлъ Кіевобратскія школы Сильвестръ Коссовъ въ книжкѣ своей *Exegesis*, 1635.

и тамъ потѣшали себя и древнюю матеръ Русскихъ городовъ разными играми и представленіями. Но селянинъ Украинскій не знаетъ гулянья въ день *святаго Яремы*, возлагавшаго на себя ярмо во дни своихъ пророчествъ. «Прійде май, то всякъ собѣ дбай», говоритъ Украинецъ, и неусыпно продолжаетъ свою оранку и сѣвбу на полѣ. Тогда не время и для свадебъ въ хозяйскомъ быту; «хто въ Маѣ звѣнчается, буде вѣкъ маяться». Такъ и у Великорусскаго селянина: «святой Еремѣй Запрагальникъ», а первомайское гулянье Москвы въ Сокольникахъ зовется «Нѣмецкими станами».

Люблю посмотрѣть на Украинскую оранку весной, когда, въ виду зеленѣющихъ житами нивъ, тяжелые плуги, влекомые восьмериками круторогихъ воловъ, ходятъ по широкой степи, бороздя *въ складъ* тугую землю, и, подъ сіяніемъ благодатнаго солнца, среди немолчнаго пѣнія веселыхъ жаворонковъ, раздаются протяжные клики погоничей: «гей!» т. е., впередъ!... Много жизни въ этой потовой работѣ пахаря; въ ней совершается первоначальный трудъ, назначенный человѣку отъ Бога: *дѣлати землю!* И земледѣліе для Украинскаго народа, потомка и наслѣдника древнихъ *Полянъ* — выше всякаго ремесла и промысла, любимое дѣло его жизни.

Какъ ни легка сѣверная *соха*, и особенно безколесная соха *одноконка*, но Украинскій селянинъ не покидаетъ своего праотческаго *плуга*, который и не кажется ему тяжелымъ, такъ же какъ не кажутся ему тяжелыми ни волы и возы его, ни его степная *земля-мати*, ни самъ онъ, въ своемъ многотрудномъ хозяйскомъ быту, гдѣ все у него сладилось вѣками одно къ одному... «Якъ плугомъ одѣоравъ», говоритъ онъ о томъ, кто облегчитъ ему душу, выручивъ изъ какой-либо трудности. Онъ увѣренъ, что *соха*, столь удобная на своихъ мѣстахъ, для степной земли не годится, что къ надлежащему поднятію Украинской земли на хлѣбъ — способенъ только *плугъ*, которому и придаетъ онъ высокое происхождение. Ибо онъ говоритъ, что самъ Богъ далъ Адаму *плугъ*, а Евѣ *кужѣлку*, когда высылалъ ихъ изъ рая; что и «Кузьма-Демьянъ, Божій—коваль», коваль плугъ, когда великій змѣй, истреблявшій родъ людской, хотѣлъ уже напасть на него... И уже языкомъ своимъ пролизалъ змѣй желѣзную дверь въ его кузницу. Тогда Божій—коваль ухватилъ змѣя клещами за языкъ, запрегъ въ плугъ и, прооралъ землю отъ моря до моря; и тѣ борозды лежатъ по обѣ стороны Днѣпра *змѣевыми валами*. Великій змѣй въ плугъ все просился напиться воды изъ Днѣпра; а Божій — коваль все погонялъ змѣя, паки доорался до Чернаго моря, тогда уже пустилъ змѣя пить доволи; и какъ выпилъ полмо-

ря, то и разсѣлся; и поползли изъ него по всей землѣ малыя змѣи. По народному сказанью и князь Борисъ все плуги коваль да людямъ давалъ! За то и великое почтеніе къ святому князю у земледѣльческаго народа Украины.

Мая 2-го, на *веснянаго Бориса*, здѣсь, въ Переяславской Украинѣ, отмѣняется полевая работа, по пословицѣ старыхъ людей: «на Глѣба и Бориса за хлѣбъ не берися». Въ другихъ мѣстахъ Украины это относятъ къ *лѣтнему Борису* (24-го іюля).

Ко дню веснянаго Бориса, называемому у Великороссіянъ «соловьинымъ днемъ», народъ изъ хуторовъ и селъ Переяславской Украины идетъ, какъ *дымъ*, на берегъ *Ильтицы* (т. е. Альты), освященный кровью св. князя Бориса (24-го іюля, 1019 года). Тутъ и въ древнее время стояла часовня, поминаемая въ лѣтописаньи подъ именемъ «божницы Летской» (т. е. Альтской), и къ ней ходили тогда изъ Переяслава праздновать 2-го мая, какъ день перенесенія мощей Бориса и Глѣба. Оно совершено было въ Вышгородѣ, въ первый разъ 1072, а въ другой разъ 1115 года при великомъ князѣ Владимірѣ Всеволодовичѣ Мономахѣ. Сей «добрый страдалецъ за Русскую землю», (какъ онъ названъ въ Кіевской лѣтописи) по *великой* любви своей къ святымъ мученикамъ — князьямъ, поставилъ во имя ихъ *прекрасную* церковь на славномъ берегу Ильтицы, и у той *милой* ему церкви окончилъ онъ свою жизнь 19-го мая, 1125 года, а отсюда перевезенъ дѣтьми своими въ Кіевъ, ко святой Софїи, и тамъ положенъ возлѣ отца своего, и возлѣ меньшаго брата своего, Ростислава, князя Переяславскаго, утонувшаго въ рѣкѣ Стугнѣ, 26-го мая, 1093 года.

Вышеупомянутая божница въ позднѣйшіе вѣки возобновлялась постоянно (подъ именемъ *каплички*) надъ *каменнымъ крестомъ*, поставленнымъ на *крови св. Бориса*, 1664 года, 2-го мая. Въ недавнее время, попеченіемъ Переяславскаго архіепископа Гедеона, сооружена на мѣстѣ часовни каменная церковь. Сюда въ Борисовъ день, послѣ литургіи, идетъ большой крестный ходъ изъ Переяславскаго Вознесенскаго собора; и когда совершится водоосвященіе на завѣтномъ берегу Ильтицы, народъ цѣлыми сотнями устремляется въ освященную рѣку, чтобы окупаться въ ней и, вмѣстѣ съ сброшенною съ себя одеждою, потопить въ ней свои недуги и печали, а множество народа и весь молебень слушаетъ, стоя въ рѣкѣ.

Между тѣмъ, какъ на поляхъ Украины производится весенняя ѣранка, съ нею продолжается и сѣвба. *Ярина*, собственно такъ называемая, сѣется въ началѣ весны на *рольѣ*, поднятой плугомъ съ осени на *зябь*, и потомъ

проходимой раломъ уже передъ самимъ посѣвомъ. *Усатый ячмень* говоритъ своему хозяину: «Кидай мене въ грязь, то будешь ты князь»; и за Днѣпромъ говоритъ онъ: «топчи мене въ болото, то буду якъ золото»! За ячменемъ идетъ въ ролю *ярая пшеница*, а за нею *ясный овесъ*.

Чтобы пшеница родилась чистая «якъ золото», многіе хозяева сѣютъ и въ чистый (великій) четвергъ; а чтобы въ ея колосья не вкидалась травная болѣзнь, *сажка*, сѣютъ ее въ ту пору дня, какъ уже не видно дыму изъ хать, и бросая зерна ея въ ту сторону, куда вѣтеръ вѣялъ на Евдокіи. Если же сѣется пшеница и не въ чистый четвергъ, то примѣтливый *сѣвакъ* надѣваетъ на себя ту сорочку, въ которой онъ причащался, и которую для того скидаетъ онъ съ себя тотчасъ, какъ прійдетъ изъ церкви послѣ причастія. Разсѣявъ пшеницу, разумѣется, нащесерце (т. е. натошакъ), садятся и ѣдятъ сперва тѣ кресты, что спечены были въ сѣреду на *хрѣстци*, изъ своей, непокупной пшеницы, и притомъ съ макомъ, въ ту сѣреду сѣмымъ. Такъ ярая пшеница — эта княгиня между хлѣбами — предохраняется отъ докучнаго, хотя и красиваго, зелья, *куколю*, сѣянье котораго въ яринѣ, по Украинскому повѣрью, вмѣняется *полевому дѣдъку*, его же (какъ и *водянаго* или *болотянаго*, и *льсоваго*, и *вѣтрянаго* и всякаго дѣдка) зовутъ безъ различія *сатаню*, *бьсомъ*, *чортмъ*, *лукавымъ*, *дѣволомъ*. Полевому сатанѣ или дѣдъку вмѣняется сѣянье еще двухъ зельевъ: *осоту* по полямъ, и *вѣху* по болотамъ. О ядовитомъ *венль* (*cicuta virosa*) ведется Украинское повѣрье, что онъ стонетъ какъ человѣкъ. О *куколъ* (*agrostemma githago*) идетъ сказка, что изъ него сатана выкурилъ первую *горьлку* на свѣтѣ, и подпоивъ нашу праматерь, Еву, далъ закусить ей яблочкомъ. А объ томъ, какъ сатана разсѣялъ по нивамъ *осотъ* (*cirsium arvense*), ведется на Украинѣ такая сказочка. Когда уже была сотворена земля, и пошло на ней все своимъ порядкомъ, увидалъ сатана, что мужикъ сѣетъ на нивѣ, и спрашиваетъ: «А что ты сѣешь?» «Овесъ». «А гдѣ ты взялъ?» «Богъ далъ». Вотъ тогда сатана предсталъ передъ Бога, и выпросилъ себѣ овса, и побѣжалъ съ нимъ на землю, твердя, чтобъ не забыть: «овесъ, овесъ»... А святой Петро говоритъ: «Господи! Понесъ сатана на землю овесъ; а то зелье доброе, пригодное человѣку и для коней, и для него самага; дать бы сатанѣ какое, непотребное зелье»! И сказалъ Богъ: «Добре»! Тогда святой Петро, догнавъ сатану, спросилъ у него вдругъ: «Что ты несешь»? Оторопѣвъ, сатана проговорилъ: «Тьбру! Вотъ же уже и забылъ». «Не кропиву ли»? «Нѣтъ, нѣтъ, то такое, что какъ говорить, то сычить»! «Можетъ, *осотъ*?» «Такъ, такъ!» — сказалъ сатана и побѣжалъ на землю, твердя, чтобъ не забыть: «Осотъ, осотъ»...

Изъ всѣхъ хлѣбовъ на полѣ, говорятъ, сатана старается вредить особенно пшеницѣ, какъ самому бѣлому и самому святому хлѣбу; и онъ вредитъ ему куколемъ и всячески. Въ одной пѣснѣ говоритъ козакъ:

«Дѣвчинонько, принѣсь тебе *дѣдько*,—
Росѣявъ я пшениченьку рѣдко».

Недобрый нахлѣбникъ земледѣльца извѣстенъ и у нашей западнославянской братіи. Такъ, у Словаковъ, когда весною (на *Квѣтной* или *Смертной* недѣлѣ) дѣвчата торжественно несутъ изъ села соломянную куклу *морены* (какая и на Украинѣ кое-гдѣ наряжается, подъ именемъ *Маринки*, въ купальную ночь); — хлопцы за ними несутъ соломяннаго *дѣдька*, припѣваючи:

«Дѣдко нашъ, дѣдко!
Пожравъ си намъ вшѣтко» 1).

Мы уже видѣли, какъ дѣвчата на Украинѣ, въ своихъ веснянкахъ воспѣвають и разыгрываютъ сѣянье маку, ячменю, пшеницы и проса. Что касается до сѣвбы *проса* на самомъ дѣлѣ, то она начинается съ конца проводной (Юминой) недѣли, и повторяется нѣсколько разъ, смотря по погодѣ и досугу: «Коли до Ивана просо зъ ложку, то буде и въ ложку!»! Землю на просо поднимають плугомъ обыкновенно весною, и не ралють раломъ, а *скородятъ* бороною; а потомъ, разсѣявъ просо, *волочатъ* бороною съ *напоромъ*, т. е. съ привязанными къ ней полѣньями, чтобы разбивать землю и затирать въ нее зерно. Гдѣ можно, тамъ на просо, какъ и на лёнъ, поднимается *новъ*. Въ просо, какъ и въ пшеницу, нерѣдко вкидается травная болѣзнь, *сажка*, отъ которой у него, вмѣсто многозернистыхъ *волотьевъ* вырастаетъ *кѣчка*, — травяной мѣшокъ, наполненный дрянью. Въ предохраненіе отъ этого все назначаемое къ посѣву просо перепускается черезъ поломя или дымъ зажженной соломы; а иные полагають, что достаточно для того кинуть въ огонь жменю (горсть) проса, передъ самымъ посѣвомъ. Въ обоихъ случаяхъ ожидаютъ, что отъ такого очищенія проса *огнемъ* оно уродится чистое, *якъ вода*. Въ просѣ растеть обыкновенно сродный съ нимъ злакъ, *брыця* (*setaria viridis et glauca*, по Линею *panicum*); но какъ зерно этой, впрочемъ, сорной травы, любитъ *дробина* (домашняя птица), то объ ней говорятъ: «Брыця въ пашнѣ помошниця». Когда весною появляются во множествѣ жуки, называемые *хрущами* (отъ которыхъ за-

1) См. Колара.

зеленѣвшія дубравы становятся тогда опять безлиственными), то это примѣта богатаго урожая проса. А у женокъ Украинскихъ есть другая примѣта: когда цыплята заводятъ пѣніе еще подъ квочкою (насъдкою), то это — на просо.

Вмѣстѣ съ просомъ, на проводной недѣлѣ, начинаютъ сѣять *конопли*. Эти раннія проводныя конопли сѣются собственно на тонкую пряжу, которая тянется изъ плоскони (т. е. мужеской конопли), а ранняя *матерка* (т. е. женская конопля), если и бываетъ годна на прядиво, то на *сѣмя* хороша не бываетъ.

Изъ всего, что сѣется въ полѣ, только на конопля (да еще на *тютюнь*, табакъ) готовится *пѣдметъ*, т. е. унавоженная нива, избираемая обыкновенно въ долинковатомъ мѣстѣ, и поднимаемая глубоко плугомъ въ осени, а потомъ еще въ другой разъ весною. Что же касается до хлѣбныхъ злаковъ, то ни одинъ изъ нихъ, на богатыхъ степяхъ Украйны, не нуждается еще въ навозной пищѣ; земля-мати питаетъ ихъ еще сама, безъ трудовой возни человѣческой; и отъ напраснаго унавоженья степной земли хлѣбъ вылегаютъ на ней, какъ отъ проливныхъ дождей, и растутъ болѣе въ солому, чѣмъ въ зерно.

Украинскій селянинъ, при своей черноземной почвѣ, остается безпечнѣе земледѣльца сѣвернорусскаго. Посѣявъ *ярину*, онъ ждетъ на нее и на весь свой хлѣбъ майскаго дождя, какъ благодати Божіей; ибо говоритъ онъ: «Якъ выпадуть въ маѣ три дощи добрыхъ, то дадутъ хлѣба на три годы!», а жонки, какъ только соберутся въ свои веселыя бесѣды, всегда поють и пьютъ за урожай пашни:

«Ой выпыймо, родино,
Щобъ намъ жито родило;
И житечко, и овесъ,
Щобъ зобрався родъ увесъ;
И пшениця, и ячмѣнь,
Щобъ намъ жити смачнѣй!»

Къ этому иная припѣваетъ еще:

«А гречечка на крупы
Якъ не стане, той купи!»

Гречка, называемая у западной братіи нашей и *татаркою*, и *поганкою*, а по сказкѣ Великорусской и происшедшая изъ прекрасной княжны Крупенички, — сѣется на зерно уже въ іюнѣ мѣсяцѣ; а гречка *макѣка* сѣется собственно на цвѣтъ для пчелы, которая говоритъ хозяину: «Го-

дуй мене до Ивана, то наряжу тебе, якъ пана!» Но я позабылъ было сказать о *горохъ*, который съется на полѣ рано, вмѣстѣ съ яриною, такъ какъ онъ не боится весеннихъ морозовъ. Самымъ благопріятнымъ днемъ для его посѣва почитается Лазарева суббота... Горохъ въ полѣ при другихъ хлѣбахъ тоже, что убогій *подсусьдокъ* при *хозяинь-богатырь*. На Украинѣ бѣднякъ-селянинъ говоритъ о себѣ: «Живу, якъ горохъ при дорѣзѣ: хто йде, не мине, за стручечокъ скубнѣ!» Полагають, что отъ сосѣдства съ твердо зернистымъ ячменемъ и горохъ родится съ зерномъ твердымъ и некипящимъ; а чтобы зерно его было мягкое и раскипчастое, сѣютъ его возлѣ гречки, а и того лучше на мягкой гречковкѣ.

Какъ жемчугъ во снѣ, такъ горохъ на яву есть примѣта и подобіе слезъ. Потому утромъ на Василья, когда по хатамъ насыпають разнымъ зерномъ, въ привѣтъ съ новымъ годомъ, не позволяется посыпать горохомъ. Поэтому молодицы не ѣдятъ гороху нащесерце (натошакъ), чтобы не катились у нихъ слезы изъ очей, отъ ихъ замужняго житья. А между тѣмъ:

«Соловейко у садочку тѣхъ—торрохъ;
Покотились дрѣбны слѣзы, якъ горохъ»...

Но оставимъ на время поля, и обратимся къ водамъ, къ ихъ представителю *Днѣпру—Словутъ*, который въ козацкихъ пѣсняхъ величается *батькомъ*.

«Ой ты, Днѣпре, ой ты батьку мѣй,
Скажи правду да Самарськую!»

Рѣка Самара называлась у козаковъ *святою*, и тамъ на острову, при впадѣніи Самарчика, былъ Запорожскій *Пустынно-Никольскій* монастырь.

Разливъ Днѣпра, которымъ такъ роскошно означаетъ себя весна на Украинѣ, останавливается обыкновенно около Юрьева дня, — тогда, говорятъ, какъ зацвѣтетъ *густый тѣренъ* (тернъ). Въ ту пору кончается выходъ живой рыбы изъ Днѣпровской глубины на луговое мѣлководье для весенняго *тѣрла*.

Прежде всѣхъ рыбъ выходитъ *щука*, зачинщица весны въ Днѣпрѣ, самая знаменательная рыба у народа Украинскаго:

«Щука рыба въ морѣ
Гуляе доволи;
А я козакъ на чужинѣ,
Да не маю доли!»

Молодая козачка, въ тоскѣ по своемъ мужѣ, находящемся въ походѣ, поетъ себѣ:

«Ой зыйду я, зыйду
На крутую гору,
Ой стану я, ой гляну я
На быстреньку воду:
Щука рыба грае,
Доволи гуляе,
А я стою, да думаю,
Що пары не маю!»

«Щука хвостомъ ледь розбивае». А кончаеть весну въ Днѣпрѣ толстый *корѣпъ*, такой же прыгущій, какъ щука, и так же, какъ она, бывающій иногда въ пудъ вѣсомъ. Позднѣ всѣхъ рыбъ выходитъ онъ на мелководье изъ глубины Днѣпровской, уже подъ конецъ разлива ¹⁾. Но самымъ вѣрнымъ показателемъ, что разливъ Днѣпра кончается, служитъ птица *крячокъ*, и особенно *черный крячокъ* (*sterna nigra*), съ которымъ въ пѣсняхъ сравнивается бездомный козакъ-сиромаха. Прилетая на Украину, эти крячки пристають сперва на Сулѣ, Супоѣ и другихъ меньшихъ рѣкахъ; но какъ только остановиться разливу Днѣпра, они во множествѣ налетаютъ на его берега. Это замѣчается и въ обыкновенный, ранній разливъ, и въ поздній, доходящій иногда до Николина дня, но не далѣе.

Мая 9-го, *на весняного Николы* — великій праздникъ, въ память перенесенія мощей сего святителя и чудотворца въ городъ Бари, 1087 года. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи дѣлають въ этотъ день заздравные обѣды, называемые «*Никольщиною*».

Тогда-то особенно хорошо поются два псалма Святителю, слышимые, впрочемъ, всегда и вездѣ, гдѣ только поють *старці* (нищіе) и *лірники*:

«Ой хто, хто Николая любить,
Ой хто, хто Николаю служить,
Тому святой Николае,
На всякій часъ помогае,—
Николае!» и т. д.

¹⁾ *Коропова луска* составляетъ на Украинѣ любимый узоръ для тканья скатертей, а также и для густыхъ поясовъ, такихъ красныхъ, «якъ жаръ потухае»... А для женскихъ *плахтъ* самый лучший узоръ встарину былъ — *воловы очи*. Волowymi очами здѣсь, на Супоѣ, зовется и дикорастущая порода астры (*aster amellus*).

Къ нему, *Скорому Помощнику*, обращается съ молитвою народъ во всѣхъ внезапныхъ бѣдахъ и напастяхъ, особенно же почитается онъ властвующимъ *на водахъ*, и въ Киевскомъ Софійскомъ соборѣ кто изъ Украинцевъ не знаетъ придѣла во имя *Николая Мокраго*, съ чудотворнымъ его образомъ? Въ одной изъ Украинскихъ колядокъ поютъ:

«Сидить Николай
Въ концѣ престола,
Головку зхиливъ,
Слѣзеньку вронивъ;
А зъ тои слѣзы
Дунай разлився»...

Днемъ *веснянаго Никола*, по Староукраинскому народному понятію, освящается вода на купанье; а прежде сего дня не должно вбродить въ воду на купанье — «бо зъ чоловіка верба виросте», т. е. виростеть надъ его прибережной могилою, изъ поставленнаго на ней вербоваго креста (какъ это нерѣдко бываетъ на кладбищахъ, что могильные кресты разрастаются въ большія плакуція вербы). До *веснянаго Никола* не должно и конопель мочить въ водѣ; а если намочены, то къ этому дню надо вытянуть ихъ изъ воды, чтобъ не пришлось вытягивать утопленника.

Къ скорому помощнику обращаются съ молитвою Украинцы отъ всякой *мары* (привидѣнья), особенно же отъ «болотянаго дѣдка», въ бытіи котораго народъ не сомнѣвается.

Множество разсказовъ на Украинѣ о томъ, какъ *болотяникъ*, подмѣтивъ запоздалаго въ шинку гуляку, сторожить его, обернувшись въ веселаго чоловіка, и вызываетъ проводить его до дому, и въ темную ночь присвѣчиваетъ ему своимъ болотянымъ огонькомъ; когда гуляка проснется утромъ, то видитъ себя на водяной мельницѣ, или на иной надводной кручѣ, на которую самому и не взлѣзть бы. Иной разъ дѣвчатамъ, когда пойдутъ онѣ на болото по лакомый для нихъ *розôзъ*, вдругъ покажется черный волъ въ купьяхъ, или жидь въ ольхахъ... и когда онѣ станутъ креститься, не станетъ вдругъ ни чернаго вола, ни жида въ красномъ поясѣ, а только прошумитъ тамъ, какъ бурею. Иногда болотяникъ, подъ видомъ вьюна, заползаетъ въ рыболовную вершу, которую онъ очень любитъ, особливо ту, что называется *скрипкою* (что на верху съ колпакомъ). Потому-то въ *веснянкахъ* поютъ дѣвчата:

«Ой, нá тобѣ, сатанò, вершу —
Верни мою женишину першу!
Ой, нá тобѣ; сатанò и другу—
Верни мою женишину люблю!»

Но самая любимая потѣха болотяника — разорять по ночамъ плотины и гребли, съ такимъ трудомъ насыпаемая и поправляемая Украинскими козаками. Къ тому-то въ веснянкахъ поють дѣвчата про невѣрнаго жениха:

Нехай ёго ти просять,
Що гребли розносять;
Нехай ёго тѣ благають,
Що гребли ламають!»!

Когда же болотяникъ вздумаетъ настойчиво разорять въ греблѣ каждую ночь то, что сработано людьми въ продолженіе дня, тогда противъ этого есть особенное знахарское средство: закопать въ греблѣ *кобылью голову*, которой болотяный дѣдько и не любить, и боится (знахарки собираютъ и ту траву, что прорастаетъ сквозь очныя ямки конской головы). Здѣсь, на Супойскихъ степяхъ, малыя дѣти, когда входятъ въ воду на купанье, то проговариваютъ на распѣвъ:

«Чортòкъ, чортòкъ,
Не ламай кòстòкъ;
Ты зъ воды, а я въ воду»!...

Вотъ, кстати, еще купальная пѣсенка, которую проговариваютъ обыкновенно по выходѣ изъ рѣки, когда вода заходитъ въ уши. Тогда, приложивъ руки къ ушамъ, качаютъ головою вправо и влѣво, проговаривая на распѣвъ:

«Коте, коте! Вылій воду на колоду:
Чи на грòмъ, чи на дощъ, чи на блискавку»?..

А дѣвчата къ этому прибавляютъ:

«Чи на мене молодую, якъ на листовку» (?).

Потомъ смотрятъ на ладони: если сухо, то это на молнію и зарницу; а если блеститъ вода, то это на дождь и грозу.

Мая 10-го, на *Симона Золота* (т. е. Зилота) — замѣчательный день относительно травознанія — бабы и молодицы Украинскія рвутъ и копаютъ всякія цѣлебныя зелья, полагая, что это именно тотъ весенній день, когда всякая трава бываетъ въ своей силѣ. *Украинскій Зѣльникъ* такъ обширенъ, что я не стану и называть того, что собирается въ этотъ день, и для чего именно собирается. По народному понятію, каждая трава на землѣ имѣетъ свою цѣлящую силу и для чего-нибудь полезна, да только не всякому дается травознаніе. Есть объ этомъ и приказка.

Бхалъ чумаць съ своимъ наймитомъ изъ Запорожья на Украину; остановилъ ся на попасъ; и когда развели огонь, онъ отошелъ въ сторону, свистнулъ на гадъ, и сползлась его цѣлая куча. Чумаць взялъ изъ нея, что ему было надобно, вкинулъ въ котелокъ; и когда закипѣла вода, онъ слилъ ее наземъ; слилъ и другую воду; и уже въ третью воду съ *гадюками* (змѣями) всыпалъ пшена. И когда наѣлся чумаць той каши, велѣлъ наймиту пойти на рѣчку вымыть котелокъ и ложку. «Да гляди жъ ты, — говоритъ, — не коштуй (не отвѣдывай) моей каши!» А наймитъ не утерпѣлъ, наскрѣбъ себѣ полную ложку гадючей каши, да и съѣлъ. И вдругъ стало ему чудно: видитъ и слышитъ онъ, что всякая трава на степи колышется и наклоняется одна къ одной, и шепчетъ: «Я отъ того-то! У меня такая-то сила!» А какъ сталъ онъ подходить къ возу, то слышитъ, что волю говорятъ между собою: «Вотъ уже идетъ, опять будетъ закидать насъ въ ярмо!» А какъ поѣхали степью мимо толоки, которая вся была покрыта *бодякомъ*, какъ червонымъ сукномъ, то услышалъ наймитъ, что бодякъ, качаючись, все говоритъ себѣ: «а я отъ»...., и съ того онъ засмѣялся; а чумаць примѣтилъ, да не сказалъ ничего. Вотъ пришлось ѣхать черезъ бродокъ; жеребенокъ, бѣжавшій за возомъ, остановился, а кобыла, привязанная за возомъ, проговорила ему: «Гмъ, гмъ! Бреди, бреди, не глыбоко!» Наймитъ опять засмѣялся; а чумаць говоритъ: «Чого ты, хлопче, смѣнешся?» — Да то я съ кобылы!.. — «Э, суцїй сынъ, я жъ не велѣлъ тебѣ коштовать моей каши!».. И, вставъ съ воза, чумаць отошелъ въ сторону, вырвалъ стебло *чернобыли*, облупилъ его и говоритъ: «На, съѣжъ!» И когда съѣлъ наймитъ стебло чернобыли, пересталъ слышать, какъ шепчутся на степи травы, и позабылъ все, что онъ говорили. Отъ того-то чернобыль и зовется на Украинѣ *забудьками*, Украинскія хозяйки въ день *Симона Зилота* закармливаютъ своихъ коровъ разными желтыми травами, чтобы масло было желтѣе; чтобы молоко лучше сѣдалось въ сметану и сыръ, обмываютъ коровамъ вымье отваромъ изъ травы *сѣдача* (*eupatorium cannabinum*), въ этотъ день собранной. Майское масло уважается не только по виду своему, но и какъ цѣлебное средство: въ несоленомъ видѣ оно сберегается бабами, какъ лучшая мазь для дѣтей. Въ этотъ же день производится на Украинѣ первый посѣвъ льну.

Мая 11-го, на *обновленіе Царягорода*, у примѣтливыхъ хозяекъ идетъ спѣшная полотьба и оправка грядокъ на огородахъ. Тогда же садится и сѣется поздній горохъ.

Извѣстное дѣло, что для огородовъ, равно и для нивъ, находящихся возлѣ степныхъ садовъ, воробьи тоже, что нѣкогда для всей Украины были

жиды, съ которыми и сближаетъ воробьевъ народное повѣрье въ разныхъ случаяхъ... Чтобы охранить отъ нихъ большія гряды съ *соячниками* (т. е. подсолнечниками) и другимъ лакомымъ добромъ, оно садится и сѣтся обыкновенно до восхода солнца, или же еще лучше по заходѣ солнечномъ. Кромѣ того, нѣкоторыя хозяйки прибѣгаютъ къ слѣдующему способу: послѣ посѣва, когда станетъ уже совсѣмъ темно, скинувъ съ себя сорочку, обѣгаютъ онѣ вокругъ своихъ грядъ три раза, съ такою приговоркою: «Якъ не може по свѣту голе ходити, щобъ такъ не могли горобци моихъ сояшникѣвъ пити!» При этомъ надобно еще держать въ рукахъ *паляницю-забудьку*, т. е. такую, которая иногда забудется въ печи, когда выбирается изъ нея пѣчево паляницъ. Это обѣганье вокругъ грядокъ огородныхъ и даже полевыхъ, ночью и нагишемъ, напоминаетъ собою то *опахиванье*, которое великороссійскія поселанки совершаютъ цѣлою громадою вокругъ своихъ сель, въ охраненіе ихъ отъ мору и падежа.

Мая 13-го, на *Лукерги гречкосѣйки*, производится первая сѣвка *гречки*, такъ называемой *маевки*, которая рѣдко бываетъ урожайною на зерно, развѣ въ седьмой годъ; а сѣтся она собственно для цвѣту, на поживу пчеламъ.

Мая 21-го, на *царя Константина и царицы Олены*, производится главная сѣвка льну. Такъ и у великороссіянъ: «Алена Долгіе-льны». Тамъ, въ мѣшокъ со льномъ, отправляемый въ поле на посѣвъ, бабы кладутъ тайкомъ отъ хозяина пару печеныхъ яицъ. Здѣсь, при посѣвѣ льну, для будущей бѣлизны волокна его, варятъ и ѣдятъ яйца на полѣ, а чтобы ленъ росъ повыше, сѣянье его поручалось встарину самому рослому челоуѣку.

Но оранка, въ этотъ день мая, почитается дѣломъ опаснымъ; ибо, говорятъ, царь Константинъ выбиваетъ градомъ то поле на столько, на сколько можно слышать крикъ погонича. На Украинѣ, когда наступаетъ градовая туча (а узнають ее по бѣлымъ въ ней сверху внизъ полосамъ), выкидаютъ изъ хаты на дворъ кочергу, лопату и помелѣ.

На огородахъ въ этотъ день пересаживаютъ огурцы. Увидавъ первый цвѣтъ на огурцахъ (равно и на гарбузахъ, т. е. тыквахъ), хозяйка перевязываетъ его красною ниткою, поспѣшно вырванною на себѣ изъ пояса, и приговариваетъ: «Якъ густо сей поясъ вязався, щобъ такъ и мои огурки густо вязались у пупянки въ огудинѣ!» Когда же, несмотря и на эту перевязку, много бываетъ пустоцвѣту, тогда заботливая огородница старается гдѣ-нибудь найти затерянный Литвинами (т. е. Бѣлорусцами) *лычакъ*, т. е. лапотъ, волочетъ его ногою на свой огородъ, и кидаетъ на огуречную грядку, приговаривая: «Якъ густо сей лычакъ плѣвся, щобъ такъ и мои огурки густо вязались въ огудинѣ!» А чтобы

молодую огуречную огудину, да и всякую вообще зелень, не подѣдала огородная гусень, для того садятъ огородину на-що-сердце (на-тощакъ). Мая 25-го, на *головатаго Ивана* (т. е. на третіе обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи), производится главная посадка капусты, о которой всего болѣе печалуется огородница. Принимаясь за первое стебло или розсадину, она прежде всего перекрестится, говоря: «дай же, Боже, часъ добрый! щобъ моя капусточка пріймалась и въ головки складалась!» Потомъ она ухватитъ себя за голову, ударитъ себя по стегнамъ, говоря: «щобъ моя капусточка була изъ кореня коренистая, а изъ листу головистая!», а присѣдаючи къ землѣ, она продолжаетъ: «щобъ не росла вѣсоко, а росла широкю!» А посадивъ стебло въ землю, придавитъ грядку колѣномъ, «щобъ була (капуста) туга, якъ полно!», когда же докончитъ посадку, тогда въ начальномъ концѣ грядки, она ставитъ большой горшокъ вверхъ дномъ, накладываетъ на него камѣнецъ, а сверху бѣлую хустку (полотняный платокъ), для того, чтобы капуста была «туга якъ камѣнецъ, головата якъ горшокъ, а бѣла якъ платокъ!» Остальная розсада капусты садится въ клечальную субботу (наканунѣ Духова дня), если та суббота приходится послѣ 25-го мая.

Пряхи «на головатаго Ивана» не принимаютъ за веретено, такъ же, какъ и на первое *обрѣтеніе* (24 февраля).

Означивъ постоянные дни мая мѣсяца, замѣтные у селянина Украинскаго, обратимся къ переходнымъ днямъ и недѣлямъ.

Тутъ прежде всего замѣчательна, на *четвертой* недѣлѣ по Пасхѣ, *правая середя*: такъ зовется въ Малороссіи день Преполовенія. На Волыни и Подольи, и въ Червоной Руси, правая середя зовется еще *Рахманскимъ Великоднемъ*. Это имя, неизвѣстное на Украинѣ, указываетъ на какое-то особенное значеніе правой середи, уже позабытое въ народѣ; ибо и тамъ, за Днѣпромъ, народъ не знаетъ, въ чемъ состоитъ «Рахманскій Великдень», а говорить только, что онъ остался отъ *Рахмановъ*, когда-то жившихъ въ той сторонѣ! Здѣсь, на Украинѣ, извѣстна веснянка:

«Ой на праву середу
Пасла дѣвка череду»...

Но въ ней воспѣто случайное происшествіе дня, не объясняющее намъ его прежняго значенія. Намекомъ на него остается только тотъ обычай Украинскій, что въ этотъ день, до восхода солнца, ломаютъ и рѣжутъ *березовыя вѣтви*, и берегутъ ихъ на весь годъ, какъ цѣлебное средство отъ всякихъ поврежденій и болей въ кости, говоря, что береза на правую середу становится въ полной силѣ своей и — *правитъ кость*. А какъ бе-

реза, по народно-Украинской символикѣ, есть представительница весны, то правая середка не была ли нѣкогда праздникомъ полного развитія весны, и не приходилась ли она въ травный день Симона Зилота, прежде, чѣмъ пріурочена стала ко дню Преполовенія?..

Хотя по Пасхалии она приходится уже въ разное время (между 15-мъ апрѣля и 18-мъ мая), однако на Украинѣ она почитается самымъ благопріятнымъ днемъ для засѣва *баштановъ* (бакчей) дынями, каунами (арбузами), огурцами. Сродство этихъ растений, составляющихъ особое семейство (*гарбузовыхъ* или *тыквенныхъ*, *cucurbitaceae*), давно означено въ Украинской пѣснѣ:

Ходить гарбузь по горѣду,
Пытається свого роду:
Ой, чи живы, чи здоровы
Всѣ родичи гарбузовы?
Обѣзветься жовта дыня:
Ось, я, твоя господиня!
Обѣзвуться огурѣчки:
Ось, мы, твои сыны, дочки»!

Въ *середину на шестой* недѣлѣ по Пасхѣ наша церковь кончаетъ Свѣтлый праздникъ, а въ четверкъ празднуется уже святое *Вознесеніе*, называемое по западнославянски *Вшестьемъ*. Во многихъ мѣстахъ Украины, по недоразумѣнію, простолюдые различаетъ эти слова, и *Вшестьемъ* называетъ середину передъ *Вознесеньемъ*; но въ опроверженіе этого есть Украинская же пословица: «Не прійдеться въ середину *Вшестье*»!

Въ Сѣверской сторонѣ, надъ Десною, въ день Вознесенія пекутъ *млинцы*, т. е. блины, тамъ называемые на этотъ день «божими онучами». Тамъ же и въ середину на *пятой* недѣлѣ (на отданіе праздника Преполовенія) пекутся блины: и это называется тамъ въ простолюды: «подсаживать бога на небо»!

Вознесенскіе блины Сѣверянъ припоминаютъ намъ, какъ нѣкогда царь Давидъ, совершивъ радостное перенесеніе Кивота Господня въ Иерусалимъ и, «вознеся всеожженія и мирная, раздѣли всѣмъ людемъ коемуждо по укруху хлѣба, и по части печенаго мяса, и по *сковрадному млину*» (2 царствъ VI. 19).

На Украинѣ *млинцы* не составляютъ собою никакой обрядной яствы, ни поминальной, ни масленичной. Въ поминовеніе усопшихъ на Украинѣ пекутся обыкновенно *книши*, а масленая отбывается собственно *варениками*, почему о первомъ великопостномъ понедѣльникѣ говорится: «Ва-

реники доведуть, що и хлѣба не дадуть!»! Во многихъ мѣстахъ по степямъ, въ поминальнѣя субботы приносять на панихиду книши, пироги и опеченую курицу, съ пляткою медовой сыты. Но блины составляютъ на Украинѣ одно изъ обыкновенныхъ печеньевъ, заурядъ съ прочими; и только въ одинъ день они должны быть непременно вмѣстѣ со всѣми прочими: это на *Меланки*, когда бываетъ *щедрый вечеръ*, и когда, какъ говоритъ пословица: «Живый живе гадае».

Всѣ *четверки*, отъ Чистаго (Великаго) и до Вознесенскаго, на Украинѣ почитаются неблагопріятными днями какъ для выѣзда въ великую дорогу, такъ и для начатія какого-нибудь значительнаго дѣла, а также въ эти четверки считается непозволительнымъ дѣломъ *золитъ* бѣлье. Но и въ каждый *четверкъ* въ году не должно, говорятъ, во-первыхъ, трусить *сажи* въ печахъ, чтобы она не загоралась; во-вторыхъ, ни сновать пряжи на сновницахъ, ни накидать новой основы на ткацкій станъ, чтобы не *сновала* черезъ дворъ тотъ *скажѣная* (бѣшенная собака, о которой ведется повѣрье, что она *сновидяетъ* (слоняется) по селу только до *девяти* дворовъ такихъ, гдѣ по четверкамъ спуютъ, либо накидаютъ на станъ основу). Еще замѣтны *четверки* на исходѣ каждаго мѣсяца. Знахарки почитаютъ ихъ самыми благопріятными днями для выливанія *переполоху*, т. е. такой болѣзни, которая, по ихъ понятію, происходитъ отъ *лукаваго*, когда онъ, при какомъ-нибудь испугѣ, входитъ въ челоуѣка подъ самое сердце, и пускаетъ по его жиламъ свои парусы.... (Родимецъ у дѣтей и *супротивникъ* у взрослыхъ, говорятъ, тоже происходитъ отъ *лукаваго* ¹⁾), который хоть разъ въ жизни каждаго челоуѣка нападаетъ на него, если не на *рѣдивъ*, то на *смертї*). А выливается переполохъ, какъ извѣстно, надъ головою больнаго, на растопленное олово, смолу, воскъ, съ разными притомъ заговорами. Кромѣ того, у больнаго, въ исходный четверкъ, срѣзываютъ немного ногтей и волосъ и заколачиваютъ ихъ колочкомъ изъ *клѣчантя* — въ одвѣрокъ (дверной косякъ), если больной уже не молодъ; или въ сырой дубъ, если больной еще растетъ. Не лишнимъ считаю здѣсь припомнить, что *четверкъ* въ языческой Славянщинѣ считался и даже назывался *Перуновымъ днемъ*, какъ у Римлянъ днемъ Юпитера (*dies Jovis*), по ближайшему сродству нашего Громовержца съ Греко-Римскимъ.

На *седьмой* недѣлѣ по Пасхѣ, называемой «недѣлею святыхъ отецъ», въ сѣверной Руси празднуется *четверкъ*, называемый *Семикомъ*. Тамъ этимъ днемъ начинаются Зеленые святки; но здѣсь, на Украинѣ, Се-

¹⁾ Не будетъ ли это мифическій *родъ*, поминаемый вмѣстѣ съ *Роженцами*.

микъ неизвѣстенъ, и Семицкій четверкъ проходитъ какъ буднишній день, ничѣмъ особеннымъ не замѣтный. Изъ всѣхъ дней седьмой недѣли на Украинѣ замѣчательна только *суббота*, называемая *Клечальною*. Она замѣчательна, во-первыхъ, по вселенской панихидѣ, отправляемой за всѣхъ, постигнутыхъ *напрасною смертію*; во-вторыхъ, замѣчательна она тѣмъ, почему и зовется *Клечальною субботою*: постановкою *клѣчанья*, т. е. небольшихъ *березовыхъ* деревъ и вѣтвей, которыми селяне и горожане, подъ конецъ этого дня, украшаютъ церкви и колокольни, дома и дворы. вмѣстѣ съ *клѣчаньемъ* (которое по-сѣверски зовется еще *маемъ*) помосты церквей и домовъ усыпаются изобильно *травою*, а разá, столы, окна, сволока и все, что только удобно, убирается *цвѣтами*. Такъ, въ заключеніе *весны*, главныя произведенія трехъ мѣсяцевъ ея, *Бѣрезня*, *Квѣтня* и *Травня*, соединяются въ одно праздничное приношеніе — къ святому *пятидесятому* дню, который называется *Духовымъ днемъ*, въ память сошествія Святаго Духа на апостоловъ, въ видѣ *огненныхъ языковъ*, и который ознаменованъ въ церкви нашей необычайнымъ служеніемъ вечерни вслѣдъ за литургіей.

На *восьмой* недѣлѣ по Пасхѣ, называемой «недѣлею пятидесятницы», а также *Троицкою* и *Зеленою*, — хотя она по Пасхали приходится розно, — (и въ послѣднюю треть мая, и въ первую треть іюня), по народному понятію сходится конецъ весны съ началомъ лѣта; лѣто встрѣчается, весна провожается. Съ этой точки зрѣнія мы будемъ смотрѣть и на разные народные обычаи, которыми сопровождаются Зеленые святки. Что весна, по народно-Украинскому понятію, продолжается собственно до *Святого Духа* ¹⁾, то видно изъ того уже, что дѣвическія *Веснянки* (игорныя и пѣсенныя) прекращаются почти вездѣ на *седьмой* недѣлѣ. Въ послѣдній день ея (т. е. въ клечальную субботу), представительница *весны*, — *бѣлая береза*, — рубится и ставится въ привѣтъ наступающему лѣту. А что обрядное дерево на Зеленыхъ святкахъ есть именно *береза*, это видно и по Великороссійскимъ народнымъ обычаямъ въ Семицкѣ и на Троицу; если жъ идетъ на клѣчанье и другое дерево, особливо клень и липа, то это дѣлается или для большей роскоши, особенно при украшеніи церквей, или по недостатку въ березѣ.

¹⁾ Украинская пословица «До Святого Духа не кидай кожуха» согласуется съ тѣмъ же понятіемъ, что до этого дня продолжается еще *весна*, и поводомъ къ пословицѣ могъ быть безвременный морозъ, какой замѣченъ и въ такъ названной «Черниговской лѣтописи». Въ ней записано, что 1619 года «снѣгъ на Вознесеніе Господне выпалъ съ морозомъ, же въ полю, отъ великости снѣгу и зимна, овечки померзли».

Но тутъ надо особо замѣтить о клѣчаньѣ изъ *осины*, называемой по Украински *осыкою*: оно ставится на воротахъ и на всѣхъ углахъ *загороды* (т. е. скотнаго двора), въ охраненіе коровъ и телятъ отъ вѣдьмы; ибо это дерево, по народному повѣрью, имѣетъ особенную силу противодѣйствовать всякой нечистой силѣ. Потому и знахарское употребленіе осины разнообразно, особливо той, которая стояла въ клѣчаньи. Такъ и между пахучими травами и цвѣтами, которыми дома убираются наканунѣ Духова дня, является на окнахъ и порогахъ *полынъ* — отъ Русалокъ, выходящихъ въ эту ночь изъ своихъ водъ на сушу, и *кролива* — отъ вѣдемъ, которыя въ эту ночь особенно промыслительны, и рыскаютъ по дворамъ. Предусмотрительныя хозяйки въ клѣчальную субботу вынимаютъ изъ тѣрницъ деревянные *мѣчики*, которыми трутъ конопли; ибо вѣдьмы любятъ красть ихъ въ эту ночь, чтобы послѣ рубиться ими, когда, слетаясь на Лысую-гору, онѣ начнутъ тамъ свои потѣхи. Улетая туда, онѣ затыкаютъ себѣ за поясъ, вмѣсто сабель, украденные мечики; а тамъ, когда, между прочимъ, начнутъ и свою междоусобную баталію, тогда, бьючись въ ладъ тѣми мечиками, онѣ все приговариваютъ: «Що втну, не перетну!» и отъ того онѣ остаются поранеными! Хозяева украинскіе въ клѣчальную субботу выѣзжаютъ въ поле, чтобы дѣлать послѣдній сѣвъ конопли, и уже собственно на сѣмя, не на пряжу; а кто не успѣетъ въ этотъ день, тотъ досѣваетъ въ два послѣдніе дня Зеленой недѣли, хотя впрочемъ всѣ полевыя работы у старыхъ Украинцевъ отмѣнялись на всю эту недѣлю. Равно и женки въ дворахъ не ткуть и не прядутъ во всѣ дни *Зеленыхъ святокъ*, называемыхъ на Украинѣ и *Святою недѣлею*, въ отличіе отъ *Свѣтлой, Великодной*. Во всей Малороссіи *Троицею* называется второй день Зеленой недѣли, т. е. *понедѣльникъ*, съ котораго собственно и начинаются народныя забавы, послѣ церковныхъ молитвъ на *Святаго Духа*, (т. е. въ воскресенье).

Въ Сѣверской сторонѣ ведется почти позабытое на Украинѣ завиванье Троицкихъ *вѣнковъ* на берегахъ, или же плетенье вѣнковъ на головы изъ березовыхъ вѣтокъ, перевитыхъ цвѣтами. Тамъ, надъ Десною, эта Троицкая забава называется *кумовѣнемъ*, и сопровождается разными пѣснями и закусками, въ числѣ которыхъ *яичница* составляетъ, можно сказать, обрядную яству. На берегахъ Десны записана Троицкая пѣсня, напечатанная въ моемъ изданіи Малороссійскихъ пѣсень 1827 года:

«Ой завью вѣнкы да на всѣ святкы,
Ой на всѣ святкы, на всѣ прѣздничкы!» и т. п.

Помню и другую Троицкую пѣсенку:

«Передъ нашими воротами
Вились, завивались,
Два голубчики, два сизѣнькіи;
А я въ лугъ по́йду, я вѣнокъ завью!»

За кажды́мъ стихомъ припѣвается: «*Ой Лели Лодо!*»

Будучи ученикомъ Новгородсѣверской гимназіи съ 1812 года, я не разъ видѣлъ, какъ тамъ *кумились* въ знаменитомъ Троицкомъ саду и въ Полковницкомъ гаю; но не припомню, было ли тамъ цѣлованье сквозь березовые вѣнки, и такъ называемое «крещеніе кукушки» (подъ видомъ травы «кукушкины слезы»), какія ведутся въ Среднерусской сторонѣ, гдѣ и Троицкая березка зовется *кумою*. Въ Сѣверской сторонѣ завивались вѣнки и дѣвчатами, преимущественно въ Троицкій понедѣльникъ, и молодежи — во вторникъ; а въ иныхъ селахъ, вмѣсто того, только носили по улицамъ срубленную березу съ разными пѣснями. «Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай», — говоритъ Русская пословица. Такъ и здѣсь, на Украинѣ, наприкладъ у насъ, на *Побережьи*, въ Прохоровкѣ и другихъ селахъ, уже вывелись почти всѣ Троицкіе обычаи; въ нѣкоторыхъ селахъ на Супоѣ, независимо отъ игорнаго *дуба* (о которомъ сказано будетъ ниже), дѣвчата послѣ обѣда наряжаютъ какъ-нибудь особенно двухъ красивѣйшихъ подружекъ своихъ, и вслѣдъ за ними идутъ по селу и на степь съ пѣснями. Въ другихъ мѣстахъ Украины, по свидѣтельству Костомарова (см. его книгу: «Объ историческомъ значеніи Русской народной поэзіи». Харьковъ. 1842 года, стр. 53), дѣвчата, выбравъ одну изъ подругъ, подвязываютъ ей руки вверхъ къ палкѣ, и подъ именемъ *тополи* ведутъ ее черезъ слободу и поле, припѣваючи:

«Стояла тополя, край чистого поля:
Стѣй, топóленько, не розвивайсь,
Буйному вѣтроньку не по́ддавайсь!»

Троицкіе вѣнки, въ которые завивается береза, знаменуютъ собою обращеніе или переходъ весны въ лѣто. *Вѣнокъ* есть принадлежность *лѣта*: сперва этотъ Троицкій вѣнокъ изъ березы, потомъ купальскій вѣнокъ изъ цвѣтовъ, наконецъ жатвенный вѣнокъ изъ жита или изъ озимой пшеницы. (Подобно тому и *барвінковый*, либо *рутяный* вѣнокъ, который плетется для невѣсты передъ брачнымъ вѣнцемъ церковнымъ, завершаетъ собою дѣвичество ея, весну ея жизни.) На Украинѣ, какъ я

сказаль, почти позабыты Троицкіе вѣнки изъ березы, завиваемые дѣвчатами и молодицами въ Сѣверской сторонѣ Малороссіи и на Руси Сѣверной. Въ замѣнъ того Украинскіе парубки заботятся объ устроєніи игорнаго дуба: такъ называется длинная жердь, съ прикрѣпленнымъ на верху колесомъ, которая вся убирается въ траву и въ цвѣты. Хозяйки, зная предстоящее опустошеніе огородовъ своихъ, стерегутъ ихъ во всю седьмую недѣлю; но въ томъ и молодечество, чтобы накрасть цвѣтовъ тамъ, гдѣ стерегутъ ихъ; къ тому же сами дѣвчата помогаютъ парубкамъ украшать *квѣтками* и *стрѣчками* (лентами) приманчивое колесо, подъ которымъ въ первые дни (а кое-гдѣ и во всѣ дни) Зеленой недѣли будетъ ихъ общее вечернее гульбище. Игорный дубъ ставится въ клѣчальную субботу, (а кое-гдѣ вечеромъ на Троицу) обыкновенно на выгонѣ, либо на уличной площади; вокругъ него обкапывается небольшою ровчикъ; а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ставится вокругъ и березовое клѣчанье. Въ иныхъ мѣстахъ, на примѣръ, въ селѣ Rogozovъ (между Кіевомъ и Переяславомъ), эта жердь съ колесомъ называется *сухимъ дубомъ*; и къ нему, убираемому въ зелень и цвѣты, припѣваютъ:

«Розвивайся, сухій дубе,
Бо на тебе морозъ буде!
— Я морозу не боюся,
Прійде весна — розѳвьюся!»

Этотъ сухой дубъ, наряженный въ зелень и цвѣты, среди березоваго клѣчанья, — (иногда вѣющій цѣлымъ кругомъ разноцвѣтныхъ лентъ вмѣсто колеса), — не означаетъ ли собою лѣта, возродившагося на послѣдяхъ весны?

По народнопоэтической символикѣ, дубъ относительно березы, что сынъ относительно матери:

«Ой, дубъ до березы
Гѳльемъ похилився;
Козакъ своѣй матусеньцѣ
До нѳгъ уклонився».

А самъ по себѣ дубъ — символъ мужества и крѣпости, любимое подобіе неженатаго козака:

«Чомъ дубъ не зеленый?
— Бо туча прибила;
Козакъ не веселый?
— Бо лихѣ година».

Или въ другой пѣснѣ:

«Да зеленый дубъ, да зеленый дубъ,
Да безъ сонця завьявъ;
Да молодѣнькому да козаченьку
Да Богъ доли не давъ»...

А дѣвица-невѣста въ Украинскихъ пѣсняхъ нерѣдко уподобляется *дубровъ*:

Зеленая дубрѳонько,
Чомъ не говоришь, да все куришься?
Молодая дѣвчинонько,
Чого плачешъ, да все журишься?

Такъ и на Дѣвичь-вечерѣ дружки поють невѣстѣ—сиротѣ:

«Зеленая да дубрѳонько,
Да чого въ тебе да пенькѳвъ много,
А парѳсточка да ни ѳдного?
Що нѣкому зашумѣти,
Дубрѳонькы звеселити?
Молодая да Марѳсенько,
Чого въ тебе да батькѳвъ много,
А рѳдного да ни ѳдного,
И порѳдонькы ни одъ ѳдного?»

Дубъ въ языческой Славянщинѣ, какъ извѣстно, былъ деревомъ, у котораго совершались жертвоприношенія богамъ; особенно же посвящался онъ верховному богу, Перуну, какъ и у Римлянъ Юпитеру. Прямимъ указаніемъ на это, кромѣ свидѣтельствъ о Славянщинѣ Западной, можетъ служить урочище *Перуновъ дубъ* въ Червоной Руси, упоминаемое въ грамотѣ 1302 года («И отъ Перунова дуба до бѣлыхъ береговъ, а отъ бѣлыхъ береговъ до Кольменскихъ потоковъ»). Подъ самымъ Кіевомъ былъ *добрый дубъ*, имя котораго оставалось на урочищѣ, помянутомъ въ Кіевской лѣтописи подъ 1169 годомъ. Моленье у дуба продолжалось кое-гдѣ на Руси и въ христіанскія времена, можетъ быть, уже съ мыслию о дубѣ Мамврійскомъ. Оно было даже въ прошломъ столѣтїи, какъ видно изъ первой части Духовнаго Регламента, гдѣ сказано: «Тако жъ на иномъ мѣстѣ попы съ народомъ молебствуютъ предъ дубомъ, и вѣтви онаго дуба попъ народу раздаеть на благословеніе».

Но здѣсь намъ ближе къ дѣлу припомнить древнее сказанье Константина Багрянороднаго о томъ *великомъ дубѣ* на Днѣпровскомъ (Георгіевскомъ) острову, у котораго нѣкогда наша Кіевская Русь, переправясь черезъ

Днѣпровскіе пороги, приносила въ жертву богамъ живыхъ птицъ, хлѣбы, мясо и прочее, сдѣлавъ *кругъ* стрѣлами; а потомъ метала жеребьи и гадала — рѣзать ли тѣхъ птицъ, или выпускать на волю? Напоминаніемъ этого Днѣпровскаго дуба остался на Украинѣ игорный дубъ, на зеленыхъ святкахъ, и гульбицы въ устроенномъ около него *кругу*. Такъ всѣ первоначальные обряды и обычаи, теряя свой прежній смыслъ, обращались въ простую игру жизни, не имѣющую теперь въ народѣ никакого уже смысла, кромѣ увеселительнаго, и то нерѣдко запретнаго.

Игорный *сухий дубъ* не относился ли прежде собственно къ Троицкому *четверку*, который на Украинѣ зовется *Сухимъ четверкомъ*, и въ который полагается *Русальчин Великдень*? Говорятъ въ народѣ, что этотъ четверкъ такой день, въ который не должно ни дерева рубить, ни травы косить, ни зелья рвать, ни даже грядокъ полоть, дабы не поворошить и корня огородной зелени; ибо каждая трава и дерево, тронутыя въ этотъ день, *усыхаютъ*. Говорятъ также, что и Русалки, въ этотъ свой Великдень, *просушиваются*. Вслѣдствіе такого стародавняго понятія о Сухомъ четверкѣ, ведется на Украинѣ обычай этого дня — выкидать изъ коморъ и скрынъ все платье и бѣлье на воздухъ для просухи.

Приурочивая игорный *Сухий дубъ* къ *Сухому четверку*, и вспоминая объ *огнѣ*, горѣвшемъ нѣкогда передъ Перуномъ, и объ томъ Западнославянскомъ обрядѣ, понынѣ оставшемся у Хорутанскихъ дѣвчатъ, что онѣ въ Троицкѣй четверкѣ, равно какъ и въ чистый, разводять на полѣ или въ дубровѣ огонь, величаемый въ ихъ припѣвахъ *святимъ огнемъ*, я полагаю, что отъ обрядныхъ игръ Сухаго четверка осталась на Украинѣ дѣвическая игра, называемая *Горю-дубомъ* или *Горю-пнемъ*, — въ родѣ Великороссійскихъ *горьлокъ*.

Дѣвушка, ставшая *горьтъ*, говоритъ: «Горю, горю-дубъ!» (или: «Горю, горю-пень!»). Одна изъ двухъ, противъ нея ставшихъ, спрашиваетъ: «Чого жъ ты горишь?» — «Красной панны!» — «Якои?» — «Тебе молодои!» — Тогда говоритъ красная панна: «Печу, печу ластѣвку!» — А горячая спрашиваетъ: «Чи спечешъ?» — «Спечу!» — «Втечешъ?» — «Втечу!» — и тѣ двѣ бѣгутъ, а горѣвшая ловить.

Въ этой игрѣ горѣніе дуба могло быть обряднымъ огнемъ въ честь наступающаго *лѣта*, а печеніе ласточки, этой доброй вѣстницы весны, потопляемой народнымъ повѣрьемъ въ глубинахъ водныхъ на цѣлые полгода, могло быть обряднымъ знакомъ прощанья съ *весною*. Принадлежность ласточки къ *веснѣ* выражается многими относящимися къ ней подробностями, даже тою, что кто выдираетъ ласточки гнѣзда и яйцы, на лице тому нападутъ *веснушки*.

Между тѣмъ въ украинскихъ Веснянкахъ встрѣчаемъ совсѣмъ другое гашеніе дубравнаго огня—водою:

«Горѣла дуброва, горѣла,
Я жъ молода гасила,
Кубочкомъ воду носила:
Скѣлько въ кубочку водицы,
Стѣлько въ дѣвочкахъ правдицы» и т. д.

Это гашеніе дубравнаго огня водою не было ли обряднымъ знакомъ наступленія весны, знаменующей себя раствореніемъ и потомъ разливомъ воднымъ?.. Тутъ мнѣ припоминается народная сказка, еще въ юности слышанная мною въ Сѣверской сторонѣ, какъ вода, въ спорѣ съ огнемъ, заливала его собою, и какъ огонь укрылся отъ воды въ *кремль*, изъ котораго потомъ и стали его *кресать* люди.

Изъ Московскаго Стоглава видно, что и на Руси еще въ 16-мъ вѣкѣ было паленіе огня въ Чистый Четверкъ («а въ Великій четвертокъ порану солону палятъ и кличють мертвыхъ»). Вѣроятно, оно было и на Украинѣ, но уже давно превратилось и замѣнилось священнымъ огнемъ страстныхъ свѣчей, который Украинцы такъ бережно несутъ въ ночи изъ церкви до своей *госпѣды* (дома), чтобы напалить имъ крестъ на свѣлокъ. Есть Веснянка, начинающаяся такъ:

«На бѣлой недѣлѣ
Пожари горѣли;
Погорѣли шири боры
Зъ вишенькѣми».

На *Бѣлой* недѣлѣ, т. е. на Страстной; тутъ есть намекъ. Впрочемъ, я не скажу, чтобы это относилось именно къ обрядному дубравному огню Четверковому, которымъ и на Украинѣ, конечно, завѣдывали нѣкогда дѣвчата. Весьма можетъ быть, что въ Веснянкѣ рѣчь о тѣхъ пожарахъ, какіе иногда бываютъ весною отъ нарочнаго выжиганія въ лѣсахъ стараго листу и сушняку, иногда же отъ покидаемыхъ пастухами и профѣзжимъ людомъ огнищъ, на которыхъ потомъ растутъ очень вкусные грибы, называемые *пожарками*. Съ такимъ пожаромъ сравнивается въ Веснянкахъ невѣрный парубокъ.

«Ты не пожаръ, ты не пожаръ,
А я не былина —
Не зводь мене изъ рѣзума,
Бо я сиротина».

Зеленая недѣля на Украинѣ зовется еще *Русальною*, по народному повѣрью, что въ ночь противъ Духова дня *Русалки* выходятъ на сушу изъ своихъ рѣкъ, озеръ и криниць, и въ продолженіе всей этой недѣли гуляютъ по лѣсамъ и полямъ. Названіе *Русальной недѣли* въ нашей Кіевской Руси ведется издревле, и въ 17-мъ вѣкѣ оно было здѣсь общепотребительнымъ, какъ это можно видѣть изъ трехъ мѣствъ Кіевской лѣтописи (подъ 1174, 1177, 1195 годами).

Сообразно съ понятіемъ Украинскаго народа о Русалкахъ, которое старался я узнать изъ многоразличныхъ разсказовъ, надобно различать *три* вида и поколѣнья Русалокъ.

Во-первыхъ — первобытныя, коренныя, Русалки, представляемыя въ видѣ взрослыхъ блѣднлицыхъ дѣвчатъ, съ *русыми* длинными, распущенными волосами. Родина ихъ — главное мѣстопребываніе — *Днѣпръ*; отсюда онѣ расходятся по другимъ рѣкамъ, озерамъ и самороднымъ криницамъ, и тамъ приумножаютъ свой родъ изъ рода людскаго — умершими безъ крещенья дѣтьми и утопленницами. Дѣвчата, кинувшіяся въ воду съ какого-либо горя, подхватывались Русалками и обращались въ нихъ, и только тѣмъ отличаются, что у нихъ *зеленые* волосы. Что касается до умершихъ безъ крещенья дѣтей, то русалки любятъ красть ихъ изъ земли и уносить ихъ въ свои воды; онѣ крадутъ ихъ даже изъ-подъ порога, гдѣ полагается самое надежное имъ убѣжище отъ всякой нечеловѣческой силы, какъ по собственному свойству порога, такъ и по дѣйствию *переступанія*, которое и новорожденныхъ животныхъ предохраняетъ отъ нечистой силы. До семи лѣтъ, говорятъ, есть надежда спасти душу дѣтей, украденныхъ Русалками, — особливо ежегодными панихидами въ первый понедѣльникъ Петровки. Но если въ семь лѣтъ они не будутъ искуплены молитвами, тогда уже навсегда остаются въ Русалкахъ. Эта порода Русалокъ представляется въ видѣ дѣвочекъ *семилѣтокъ*, съ русыми кудрявыми волосами, въ бѣлой сорочкѣ, безъ пояса. Въ разныхъ мѣстахъ южной Руси онѣ зовутся *Мавками* (т. е. *навками*, мертвушками); но здѣсь, на Украинѣ, это названіе неизвѣстно. Рожденныя на землѣ Русалочки, выходя изъ воды на всю Зеленую недѣлю, радостно бѣгаютъ по полямъ, особенно по житамя, трепля въ ладони и приговаривая:

«Ухъ ухъ, соломяный духъ!
Мене мати породила,
Нехрещену положила!»

А тѣ изъ нихъ, которыя своими невѣнчанными матерями были потоплены въ водѣ, тѣ любятъ болѣе сидѣть и колыхаться на берегахъ, приговаривая:

«Новыи бильця,
Нове барыльце:
Мене мати не колыхала,
Да въ воду пускала!»

Тѣже приговорки у Русалочекъ, когда онѣ купаются, или когда онѣ щекочуть до смерти попавшихся имъ дѣвчатъ и молодежи, которыхъ онѣ вообще не любятъ, несмотря, что тѣ для нихъ такъ усердно ломаютъ и кладутъ на окнахъ горячій хлѣбъ, дабы онѣ попитались его паромъ; что тѣ для нихъ (въ Сѣверской сторонѣ) вѣшаютъ на деревьяхъ и намѣтки, и полотенца на сорочки, и пряжу; дѣвчата вѣшаютъ имъ на берегахъ еще и вѣнки. *Лоскотъ* (т. е. щекотка) есть единственный способъ, которымъ всѣ Русалки, большія и малыя, наносятъ смерть человѣку; и для того онѣ пристають къ людямъ подъ разными предлогами:

«Ой бѣжить, бѣжить мила дѣвчинка,
А за нею да Русалочка.
Ты послухай мене, красна панночко!
Загадаю тебѣ три загадочки;
Якъ угадаешъ, до батька пушу;
Коли-жъ не вгадаешъ, до себе вѣзьму».
«Ой, що росте безъ кореня,
А що бѣжить безъ повода,
А що цвѣте да безъ цвѣту?
Камѣнь росте безъ кореня,
Вода бѣжить безъ повода,
Папороть цвѣте безъ цвѣту!
Дѣвчинка загадочки не вгадала,
Русалочка дѣвчинку залоскотала».

Въ моемъ изданіи «Малороссійскихъ пѣсенъ» 1827 г. (стр. 219) замѣчено, что эта Русалкина загадка о *камень* напоминаетъ Линнеевскій признакъ минераловъ «*lapides crescunt*», а цвѣтеніе *папорти безъ цвѣту* напоминаетъ принадлежность папоротниковъ къ растеніямъ *Тайноцвѣтнымъ* (или Тайнобрачнымъ, *cryptogamae*). Маркевичъ въ своихъ «Украинскихъ Мелодіяхъ» 1831 г. (стр. 246) говоритъ, что эту пѣсню «поютъ хоромъ; одна дѣвушка играетъ роль панночки, другія роль Русалокъ».

На Украинскихъ степяхъ дѣвчата уже съ перваго дня Зеленой недѣли выходятъ изъ своего села или хутора не иначе, какъ имѣя при себѣ траву *полынь*, на тотъ случай, что можетъ выбѣжать Русалка изъ-за степной могилы, или изъ озерной долины, и станетъ спрашивать: «а що мати варила?» и тогда надо отвѣчать: «борщъ да полынь!» и надо при этомъ показать ей полынь. Подобно тому, если итти купаться на Зеленыхъ святкахъ (разумѣется, только не въ Сухій четверкъ), то надо сперва бросить въ воду нелюбимую Русалками траву, говоря: «отъ вамъ полынь!» и будетъ изъ воды сказано: «сама ты изгынь!» и можно тогда купаться безбоязненно. А если кинуть мяту, говоря: «отъ вамъ мята!» тогда будетъ въ отвѣтъ: «ты жъ наша мати!» или: «тутъ тобѣ и хата!» а если сказать: «отъ вамъ петрушка!» и бросить ее въ воду, тогда Русалки вскрикнутъ: «ты жъ наша душка!» и начнутъ щекотать. Русалки болѣе всякаго зелья любятъ *петрушку*; и по этой примѣтѣ, я полагаю, что извѣстная игра въ *дрѣбушки* есть представленіе Русалокъ, которыя вообще очень любятъ плясать и кружиться; и для того, въ продолженіе всей Петровки, выходятъ онѣ изъ воды на берегъ по ночамъ, и особенно при свѣтѣ мѣсяца. Игра въ *дрѣбушки* или въ *дрѣба* состоитъ въ томъ, что двѣ дѣвушки, ставъ другъ къ другу лицомъ, схватываются протянутыми впередъ руками, и, сосупаясь ногами близко, вертятся скоро, приговаривая нараспѣвъ:

«Дрѣбъ, дрѣбъ, соли дрѣбъ;
На камени бочка.
Петрова дочка
Не рабѣтничка.
Выгнала бычка
За ворѣтчка.
Пасись, пасись, бычку,
Поки спряду мычку!
Бычокъ не пасеться,
Мычка не прядеться.
Ставъ бычокъ пастись,
Стала мычка прядисть».

Потомъ онѣ вертятся скоро въ другую сторону, чтобы *развертѣться*, приговаривая:

«Дробу, дробу, дробушечкы;
Наѣвшися петрушечкы;
Гиля, гиля до воды,
Наѣвшися лободы!»

Говорять, что Русалки иногда успѣвають заманить къ себѣ на берегъ овчаря съ сопѣлкою и заставляютъ его играть себѣ всю ночь; и тамъ, гдѣ онъ притоптывалъ имъ ногою въ ладъ, остается ямка въ землѣ и даже на камнѣ, если онъ сидитъ на немъ, играючи на сопѣлкѣ; а тамъ на землѣ, гдѣ плясали и кружились Русалки, еще лучше трава зеленѣеть. За Десною извѣстна Троицкая пѣсенка, сложенія Украинскаго (какъ это очевидно по выговору глагола *лѣзли*, рѣмованнаго съ глаголомъ *грызли*):

«Русалочки, земляночки,
На дубъ лѣзли, коры грызли,
Звалилися, забилися».

Ясно, что здѣсь идетъ рѣчь о Русалочкахъ *мавкахъ*, рожденныхъ на землѣ на сухомъ дубѣ, который весьма могъ и къ нимъ относиться.

Въ Украинскихъ сказкахъ ¹⁾ не рѣдко бываютъ дѣйствующими лицами наши Нимфы, какъ называли *Русалокъ* многіе наши писатели, справедливо примѣняя къ нимъ древнее сказаніе Прокопія о почитаніи Славянами *Нимфъ*. Между сказанными Русалками являются и крылатыя дѣвы, большія и крохотныя; но объ этихъ и о другихъ мифическихъ дѣвахъ — рѣчь впереди.

А здѣсь я приведу нѣкоторыя подробности изъ Украинской сказки о *Котигорошкѣ*. Бездѣтная жонка шла по воду; увидѣла, что по дорогѣ катится *горошина*, поймала ее и съѣла; отъ горошины родился у нея сынъ, прозванный *Котигорошкомъ*. При помощи своего вѣщаго вороного коня этотъ герой совершилъ разныя чудныя походы, изъ которыхъ особенно замѣчательно то, что онъ, поставивъ на морскомъ берегу всякаго *кράму* (мелкаго товару), въ томъ числѣ и *зеленыя черевички*, выманилъ ими изъ моря *Морскую Пани* несказанной красоты; а при посредствѣ *зеленаго ви-*

1) Напримѣръ, въ сказкѣ про старика *Лукомира*; и въ сказкѣ о трехъ побратимахъ, *Вырвидубъ*, *Вернигоръ* и *Пашкѣ Медвежомъ Ушкѣ*, зачатомъ отъ медвѣдя. Въ той второй сказкѣ говорится объ одной изъ пѣрвобытныхъ коренныхъ *Русалокъ*, находящейся на томъ особенномъ свѣтѣ, на которомъ тоже, какъ и у насъ, и солнце свѣтитъ, и дождь идетъ, и трава зеленѣеть, и растетъ верба густыми тернами, но съ котораго только птица *грипъ* перелетаетъ къ намъ черезъ широкое море; дѣдокъ *Корха* лазилъ оттуда кратчайшимъ путемъ, черезъ нору сквозъ землю! А этотъ дѣдъ «самъ зъ *кѣрха*, семи сажень борода, съ семи козъ калита, костуромъ подпирается, чмелѣвымъ перомъ подкидается». На томъ-то свѣтѣ Русалка стерегла свой заповѣдныи *степокъ*; и за то, что дѣдъ съ бабою, на томъ свѣтѣ жившіе, попасли на томъ степку своихъ овецъ, Русалка вынула ихъ очи и носила ихъ у себя въ платочку за поясомъ!

на, тамъ же поставленнаго, которымъ упилась Морская Пани, Котигорошко успѣлъ поймать ее, и привезъ къ себѣ въ домъ. Въ угоду ей, онъ долженъ былъ сперва достать со дна моря стоявшую тамъ на камени *скрыню* ея, полную жемчуговъ и кораловъ (а помогаль ему въ этомъ морской ракъ, но не тотъ, что великъ, какъ хата, а «раченя, такѣ малѣ, якъ стоноженя»); потомъ онъ долженъ былъ пригнать изъ-за моря двѣнадцать кобылицъ и жеребца, принадлежавшихъ Морской Пани. Наконецъ онъ долженъ былъ итти за три-девять земель, туда, гдѣ солнце ночуетъ, и узнать: отъ чего оно прежде всходило *червоно*, а теперь стало всходить *бѣло*? И когда Котигорошко пришелъ до *господы* (дома), гдѣ солнце ночуетъ, и гдѣ все было изъ чистаго золота, то засталъ тамъ одну *Солнцеву-мати*; и когда пересказаль онъ ей, зачѣмъ пришелъ и что видѣлъ въ дорогѣ, тогда Солнцева-мати ему сказала: «Подлѣзь же ты подъ *Золотое корыто*, и слушай!» И когда *Солнце-Царь*, обойдя все небо, вернулся на ночь до своей господы, тогда Солнцева-мати, говоря съ нимъ обо всемъ, спросила наконецъ: «Отъ чего ты, сыне мой, всходилъ прежде *червоно*, а теперь сталъ всходить *бѣло*?» — «Отъ того, мати моя, что прежде, при восходѣ моемъ, встрѣчалъ я въ морѣ прекрасную Морскую Пани; и увидавъ ее — *почервонью*; а теперь уже не вижу ее въ морѣ, и отъ того я всхожу теперь *бѣло*».

Все содержаніе этой сказки пересказано и передѣлано въ нѣсколькихъ другихъ, напримѣръ въ сказкѣ о *Трѣмсынѣ*, рожденномъ отъ щучьяго пера, какъ онъ при помощи своего коня, рожденнаго отъ луски той же щуки, съѣденной царскою кобылицею, досталь, въ угоду своему Бѣлозерскому царю, *прекрасную Настасію*, которая, плавая на лодѣ по морю, плескала водою на влюбленное въ нее *Солнце*, и прочая. Но въ помянутой сказкѣ о Котигорошкѣ все ея содержаніе уцѣлѣло гораздо ближе къ первоначальной своей чистотѣ.

Въ этой сказкѣ сохранилась изъ Южнорусской мифологіи *Солнцева-мати*, въ полномъ смыслѣ «Золотая Пани»: это наша Латона, которая у Чеха Вацерада, современнаго Нестору, переводится именемъ Славянской богини *Лѣтницы*. Сохранился и *Солнце-Царь* (такъ именно онъ названъ въ сказкѣ), который у Кіевской Руси былъ обожаемъ подъ именемъ *Дажьбога*, какъ это съ 1843 года стало извѣстно всѣмъ изъ печатнаго изданія Кіевской лѣтописи. По сказкѣ, Солнце-Царь былъ влюбленъ въ Морскую Пани, и краснѣлъ при встрѣчѣ съ нею. Эта *Морская Пани* была несказанной красоты, и вышла на землю изъ моря, подобно вышедшей изъ океана Индійской богинѣ красоты и любви, *Лакшми*, супругѣ бога Вишну, подобно Греческой Афродитѣ, или супругѣ бога Ифеста (соответственнаго Египетскому Фтасу), имя котораго Кіевскій лѣтописецъ

пояснилъ Русскимъ именемъ *бога Сварога* ¹⁾, и слѣдственно, *Сварогъ* былъ нашъ Ифестъ или Вулканъ, богъ огня. У Вацерада (въ *Mater verborum*) Афродита переводится именемъ Славянской богини *Пріи*; Цитера или Венера, — именемъ Славянской богини *Лады*, которой имя знакомо было и на Руси. Да и понынѣ звучитъ въ народныхъ припѣвахъ. И мнѣ кажется несомнѣнно, что *Лада* и *Морская Пани* одно лицо; что праздникъ Лады, начинавшійся въ исходѣ мая, нѣкогда и на Украинѣ приходился на Русальную недѣль, когда и наши Нимфы-Русалки выходятъ изъ своихъ водъ на сушу. По сказкѣ, Морская Пани вышла изъ моря на землю, соблазнясь *зелеными черевичками* (башмачками): эта обувь можетъ значить вообще травную майскую зелень: но еще ближе къ сказкѣ можно признать здѣсь именно ту красивую траву, изъ семейства *Любковыхъ* (*orchideae*), которая по-Украински зовется *Черевичками*, да и по-Латински у ботаниковъ издавна зовется *Calceolus*, а Линней придалъ ей родовое имя по имени Киприды — *Cypripedium* ²⁾. Эта трава растетъ по низменнымъ луговымъ мѣстамъ, и цвѣтетъ въ маѣ. Что касается до самого героя сказки, *Котигорошка*, то онъ, конечно, принадлежить также къ числу лицъ Южнорусской мифологіи.

Войдя въ кругъ народныхъ Русскихъ пѣсенъ, обычаевъ, повѣрьевъ, сказокъ, мы съ тѣмъ вмѣстѣ уже вошли неизбежно въ кругъ мифологіи; ибо во всемъ томъ еще пестрѣетъ ярко и отзывается звонко предковская, языческая старина Русской земли, понынѣ неразгаданная, но изучаемая и наблюдаемая уже съ должнымъ вниманіемъ и соображеніемъ.

Г. Сахаровъ, начавъ свои многополезныя «сказанія Русскаго народа» *Славянорусской Мифологіей*, увѣряетъ потомъ, что «никогда не бывало божества *Лады* у язычниковъ Славяно-русскихъ»; — «подивился, — го-

1) Хотя въ Кіевской лѣтописи *Дажьбогъ* названъ сыномъ *Свароговымъ*, но это потому собственно, что нашъ лѣтописецъ именами Южнорусскихъ боговъ перевелъ съ Греческаго языка Египетское сказаніе объ *Озирисѣ* и *Фтасѣ*; у Русскихъ язычниковъ могло и не быть этого родственнаго отношенія между богомъ-солнцемъ и богомъ огня; могло быть отношеніе другое, какъ напримѣръ въ мифологіи Грековъ и Римлянъ. По той же причинѣ и все сказанное въ лѣтописи о двухъ богахъ Египетскихъ нѣ слѣдуетъ присвоить непременно и нашимъ Дажьбогу и Сварогу. Мифологія Грековъ во многомъ ближе къ намъ, чѣмъ Египетская. Греки, собиравшіе у всѣхъ, доступныхъ имъ народовъ, мифы въ свою богатую мифологію, конечно, заимствовали нѣкоторые изъ нихъ и у племени Славянскаго; и мы, прибѣгая къ Греческой мифологіи для поясненія обломковъ нашей Мифологіи, беремъ оттуда иногда, можетъ быть, наши же мифы, но уже какъ Греческіе.

2) «*Cypripedium*, quasi calceum Veneris, diximus a fleoris figura et viribus». См. *Linnaei flora Lapponica*, 1737., p. 248.

ворить, — странности нашихъ мѣографовъ, умѣвшихъ *Ярила* причислить къ Славянорусскимъ божествамъ», — и наконецъ онъ упрекаетъ нашихъ мѣографовъ и археографовъ въ томъ, что они, «подъ видомъ ученыхъ изслѣдованій, прибѣгаютъ къ небывалымъ открытіямъ и наводятъ на нашихъ предковъ *позорную тѣнь многобожія!*» (См. сказ. Р. Н. кн. VII).

Но эта тѣнь лежитъ на всѣхъ племенахъ *Индоевропейскаго* колѣна, въ томъ числѣ и на нашемъ *Славянскомъ*. А что у нашихъ Славянорусскихъ предковъ было *многобожіе*, въ томъ, казалось бы, и самому сомнительному археографу нельзя усомниться, когда и нашъ первоначальникъ въ сказаньяхъ о Русскомъ народѣ, преподобный Несторъ, повѣствуетъ о Кіевскихъ кумирахъ: *Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Сима-Рыгла, Мокоша*; когда и другой нашъ древній *Христолюбецъ* говоритъ о нашихъ предкахъ: «иже суть крестіане вѣрующе въ *Перуна, и Хорса, и въ Сима, и въ Рыгла, и въ Вилы*, ихъ же числомъ *тридцать* сестрениць, глаголють окаянніи невѣгласы; то все мнятъ *богы и богынями*; и тако покладаютъ имъ требы, и короваи имъ ломаютъ, и куры имъ рѣжутъ; и *огневи* молятся, зовутъ его *Сварожищемъ*». Дѣломъ *Христолюбцевъ* было разгонять эту «тѣнь многобожія», а что она такъ долго лежала на нашихъ предкахъ, какъ и на прочихъ, родственныхъ имъ племенахъ, въ томъ нѣчего винить мѣографовъ и археографовъ: ихъ дѣло собирать отовсюду слѣды и останки прежняго языческаго многобожія нашихъ предковъ въ одну *Славянорусскую мѣологию*, какъ *Геология*, собирая разсѣянные по всей землѣ останки допотопныхъ животныхъ и растеній, возсоздаетъ по нимъ, для своего знанія, два органическаго царства, нѣкогда жившія на землѣ. У всѣхъ племенъ *Индоевропейскаго* колѣна лежитъ въ основѣ одинъ *общій запасъ* вѣрованій и словъ, который потомъ, у cadaго племени развившись по-своему, и устроился *особенно* у cadaго. Нашей *Русской Мѣологии* и *Русской филологіи* всего ближе обращаться къ нашей родной *Славянцинѣ, Южной* и *Западной*, какъ *тамъ* вѣровали и говорили; да безъ этого *сравнительнаго* изученія не могутъ онѣ и состояться основательными науками; а для бѣльшей полноты и твердости своей, нельзя же имъ не справляться съ вѣрованіями и рѣчами другихъ *Индоевропейскихъ* племенъ, и не повѣрять себя ими.

Вотъ, на примѣръ, хотъ бы и о Великороссійскомъ *Ярилѣ*, по поводу котораго г. Сахаровъ хотѣлъ удивить Европу *странностью* нашихъ мѣографовъ, что они *умѣли* причислить *Ярила* къ Славянорусскимъ божествамъ!.. Въ Воронежѣ, гдѣ празднество *Ярила* принимало въ про-

шломъ столѣтїи найбільшій размѣръ, пресвященный *Тихонъ*, прекра- тившій тамъ это празднество, говорилъ объ немъ: «изъ обстоятельствъ онаго видно, что древній нѣкій былъ идолъ, прозываемый именемъ *Ярило*, который въ сихъ сторонахъ за бога почитаемъ былъ, пока еще не было христіанскаго благочестія». Согласно съ этимъ мнѣніемъ Во- ронежскаго іерарха, послѣдующіе мифографы зачислили *Ярило* въ чис- ло языческихъ Русскихъ божествъ, и поступили совершенно справед- ливо. *Ярило*, въ собственномъ и первоначальномъ его значеніи, есть богъ весны, Веснякъ, какъ это видно уже по имени его, происшедше- му отъ Славянскаго слова *яро* или *яръ* — весна (и по Гречески *зар*), отъ котораго и названіе хлѣба весною сѣмага *яриною* или *ярюю*. *Ярило* то- же, что въ Западной Славянщинѣ *Яръ*, *Яробудъ*, *Яровитъ* въ ихъ пер- воначальномъ значеніи; то же, что Индійскій *Гарисъ* — одно изъ именъ бога Вишну, означающее, между прочимъ, *зеленаго*. Жрецъ Полабска- го Яровита говоритъ отъ его имени: «я покрываю травю поля и лис- тьями лѣса». Но если онъ былъ тамъ же и Марсомъ, и данъ былъ его кумиру *золотой щитъ* при ударѣ въ который жрецомъ попадали на земь новокрещенные поклонники зтого бога, то это надо отнести уже къ его позднѣйшей исторіи въ Славянщинѣ Полабской. Тамъ зна- ченіе Марса придавали многимъ богамъ — и *Святовиту*, и *Сварожи- цу*, и даже *Радигосту* (который у Вацерада сравненъ съ Меркуріемъ и названъ *внукомъ Кирта*). На Руси зтого не было съ *Яриломъ*; а пото- му напрасно и сравнивать его съ Аресомъ¹⁾, тѣмъ болѣе, что Гречес- кій Аресъ то же что Египетскій *Горосъ*, *старшій* (усыновленный Озири- су), что Индійскій *гарасъ* или *гара* — имя Сивы въ значеніи бога вой- ны; а съ ними однозначителенъ, какъ мнѣ кажется, нашъ Кіевскій *Хорсъ*, названный въ Игоревой пѣсни *великимъ Хорсомъ*, Праздникъ *Ярило* въ Воронежѣ кончался въ первый понедѣльникъ Петровки (послѣ всесвятскаго заговѣнья), въ которомъ, въ то же время, хоронять соломеннуго куклу *Ярило*, за которою жонки голосятъ съ разными причитаньями. Но въ Муромѣ въ первый понедѣльникъ Петровки, дѣвицы и парни топятъ соломенную куклу, называемую *Костромою*. А въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ эта игра разыгрывается однѣми дѣвицами: *Кострому* представляетъ дѣвушка; прочія подруж- ки кланяются ей, потомъ кладутъ ее, какъ бы неживую, на доску, не- суть къ рѣкѣ или пруду, и опускаютъ на воду, и всѣ вмѣстѣ съ нею ку-

1) «*Cyripedium, quasi calceum Veneris, diximus a fleoris figura et viribus*». См. *Linnaei flora Lapponica, 1737.*, p. 248.

паются. Несмотря на разность обрядовъ и именъ, ясно видно, что *Кострома* долженъ быть тоже, что и *Ярило*. А что празднество Всесвятскаго понедѣльника у Московской Руси велось издревле, о томъ замѣтка сохранилась въ Стоглавѣ, гдѣ сказано: «Въ первый понедѣльникъ Петрова поста въ роци ходять и въ Наливки, *бѣсовскія потѣхи дѣяти*».

На Украинѣ первый понедѣльникъ Петровки называется *розыграми*, и празднуется преимущественно жонками. Встарину онѣ въ этотъ день хоронили соломянную куклу мужскаго пола, называемую *Кострубонькомъ*, голосили надъ нею разныя причитанія ¹⁾, и пѣли слѣдующую пѣсню, перемежая заунывный напѣвъ съ веселымъ:

«Помѣръ, померъ Кострубонько,
Сивый, милый голубонько:
Зосталася хатка,
Ищѣ й сѣножатка,
И ставокъ и млинокъ,
И вишнѣвенькій садокъ.
Що у ставокъ купатися,
А у млинокъ проспатися,
А у садокъ погуляти,
Кострубонька поминати!»

Въ нынѣшнее время, покинувъ и позабывъ этотъ третій обычай свой, Украинскія жонки на *розыгры* собираются въ веселыя бесѣды — *замачивать дойницы* къ предстоящему сбору молока въ продолженіе Петровки. *Замачиванье* производится такимъ порядкомъ, что, поставивъ на землѣ новую дойницу, жонки усаживаются вокругъ нея, и потомъ начинается круговая чарка, за которою высказываются и выпѣваются разныя хозяйственныя благожеланія:

«Щобъ дойница не текла,
А хозяйка весела була!
Щобъ хозяйка не засыпала,
Да до коровы рано вставала!
Щобъ корова стояла,
Да по багату молока давала!» и т. п.

¹⁾ Г. Терещенко, въ своемъ «Бытѣ Русскаго народа», 1848. Т. V, стр. 101, описалъ подобный обрядъ, видѣнный имъ въ Малороссіи, во время его юности; но онъ не упоминаетъ ни о пѣснѣ, ни о названьи куклы *Кострубонькомъ*.

Между тѣмъ *Кострубонько*, котораго жонки провожали нѣкогда съ жалостью въ заключеніе весны, былъ въ ходу и у дѣвчатъ Южнорусскихъ въ началѣ весны. На Украинѣ дѣвчата водили особенный танокъ, въ которомъ одна, въ срединѣ круга, представляла умершаго *Кострубонька*, причеиъ ея подружки пѣли нѣсколько разъ, ходя вокругъ нея:

«Померъ, померъ нашъ *Кострубонько*;
Померъ, померъ нашъ *голубонько*!
Кобыло жъ наша бѣлобокая,
Не впади зъ моста,
Не вмочи хвоста!»

Наконецъ, дѣвушка, представляющая *Кострубонька*, вскакиваетъ, а подружки ея поютъ весело и громко:

«Оживъ, оживъ нашъ *Кострубонько*,
Оживъ, оживъ нашъ *голубонько*!» и т. п.

Такъ разыгрывался этотъ весенній танокъ лѣтъ за двадцать подъ Переяславомъ, надъ рѣчкою Каранью (на которой, въ Старосельѣ, проходило мое первоначальное дѣтство). Но въ Червонной Руси *Кострубонько* играется иначе: дѣвушка въ срединѣ круга тужить по немъ, какъ бы въ ожиданіи его, и спрашиваетъ о немъ у подружекъ, которыя всѣ отвѣчаютъ ей, что *Кострубонько* лежитъ въ недугѣ, — и она при этомъ, беручись за голову, поетъ плачевно:

«Що жъ я бѣдна учинила,
Кострубонька не любила!»..

Наконецъ ей говорятъ, что *Кострубонько* уже померъ. (См. Жеготы Паули *Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi*. 1839, т. II. 22).

Очевидно, что Южнорусскій *Кострубонько*, оживающій въ началѣ весны и погребаемый въ заключеніе ея, есть сама *весна*, олицетворенная въ мужескомъ видѣ. Это одно лице съ Великороссійскимъ *Костромю* и съ *Яриломъ*, въ которомъ мы уже признали языческаго бога *весны*.

Въ Украинскомъ просторѣчїи бранчивое слово *кострубъ* означаетъ нечесу, кудлая; это даетъ намъ мысль, что Украинскій мѣстическій *Веснякъ* былъ представляемъ съ головою всклокоченною. Такъ имена языческихъ божествъ, переходя въ нарицательныя имена, удерживали нѣчто отъ ихъ свойствъ или принадлежностей. Имя громовержца *Перуна* стало значить

молнію или громовую стрѣлу; имя богини любви *Лады* у Словаковъ обратилось въ названіе распутной женщины; имя Западнославянской *Дюнди*, которое такъ торжественно звучитъ въ хоровой пѣснѣ Словацкихъ дѣвчатъ:

«Гойя, Дюндя, гойя»!

на Украинѣ обратилось въ нарицательное имя, которое безъ сорама возглашается только въ свадебной пѣснѣ жонками, когда онѣ, подобно Вакханкамъ, скачутъ и рукоплещутъ у дверей брачной коморы.

Наконецъ упомяну о слѣдующемъ обрядѣ, который на *розыгры* ведется въ Новгородъ-сѣверской сторонѣ, надъ Десною. Молодежь собирается въ этотъ день гурьбою въ лѣсъ. Срубивъ нѣсколько *березовыхъ* вѣтвей, увиаетъ ихъ цвѣтами, потомъ несетъ съ пѣснями по селу и вокругъ села, и «наконецъ бросаетъ ихъ въ рѣку. Эти проводы весны, въ видѣ потопленной *березы*, называются тамъ *проводами Дремы*. Въ этомъ названіи тотъ смыслъ, что съ слѣдующимъ днемъ начинаются уже рабочіе дни Петровки, въ которые надо быть неусыпными, и о которыхъ поютъ на Украинѣ:

«Мала нѣчка-Петрѣвочка,
Не выпалась ваша дѣвочка».

Изо всего, что сказано о *Русальной* или *Зеленой* недѣлѣ, можно видѣть, что она во времена языческія была у насъ однимъ изъ самыхъ главныхъ праздниковъ въ году, праздникомъ *перехода весны въ лѣто*, который сопровождался обрядными играми въ честь многихъ божествъ. Потому-то *Русальныя игры* или *Русальи* у христіанскихъ писателей нашихъ обратились въ нарицательное имя всѣхъ вообще народныхъ шумныхъ игрищъ. Такъ и въ Московскомъ Стоглавѣ называются заодно и *Русальями*, и *Еллинскими бѣсованіями* народныя игрища Купальскія, Рождественскія и Крещенскія. Русальныя игры Зеленой недѣли оканчиваются первымъ понедѣльникомъ Петровки. Тогда, въ такъ называемыя *розыгры*, совершались послѣдніе *проводы весны*, погребеніемъ либо потопленіемъ ея, въ видѣ *Кострубонька*, или подъ видомъ ея представительницы, *березы*. *Розыгры* — конецъ весны. На этомъ днѣ окончимъ и мы *Весну* нашихъ «Дней и Мѣсяцевъ».

1856 г. 7 августа.
Михайлова-Гора.

О малороссійскихъ народныхъ пѣсняхъ ¹⁾

Н

аступило, кажется, то время, когда познають истинную цѣну народности; начинается уже сбываться желаніе — да создастся поэзія истинно русская! Лучшие наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменные, но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась-бы народность: это суть пѣсни — гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки — гдѣ отсвѣчивается фантазія народная. Въ нихъ часто видимъ баснословія, повѣрья, обычаи, нравы и нерѣдко событія дѣйствительныя, кои въ другихъ памятникахъ не сохранились: *сказка — складка, и пѣсня — быль*, говоритъ пословица. Въ семъ смыслѣ весьма значительны, а потому достойны вниманія и уваженія были-бы разысканія слѣдовъ народной мифологіи, обрядовъ, собраніе пѣсенъ, пословиць и т. д. Особенно языкъ совершенствуется изслѣдованіями остатковъ отъ прошедшаго, въ коихъ онъ ближе къ своему корню, слѣдовательно чище въ составѣ и крѣпче въ силѣ. Это можно отнести въ особенности къ пѣснямъ славянскимъ, кои, видимо, отличаются своимъ *изяществомъ*. Сіе изящество ихъ можетъ послужить яснымъ доказательствомъ, что поэзія есть врожденное качество духа человѣческаго, что истинная поэзія можетъ быть *его собственнымъ* произведеніемъ ²⁾.

1) Предисловіе къ книгѣ: «Малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ. Москва. 1827, стр. I—XXXVI.

2) Въ статьѣ г. Бродзинскаго о народныхъ пѣсняхъ славянъ (переведенной въ Вѣстникѣ Европы 1826 года № 13) — много сказано весьма хорошаго о семъ предметѣ; онъ говоритъ: славяне остаются нынѣ народомъ единственнымъ, котораго вкусъ, обычаи и пѣсни — напоминаютъ намъ картину Греціи древней, стр. 47.

Съ такимъ образомъ мыслей я обратилъ вниманіе на сіи предметы въ Малороссіи и на первый разъ издаю выборъ пѣсенъ сей страны, полагая, что онѣ будутъ любопытны и даже во многихъ отношеніяхъ полезны для нашей словесности — будучи совершенно увѣренъ, что онѣ имѣють несомнѣнное достоинство, и между пѣснями племень славянскихъ занимають одно изъ первыхъ мѣстъ. Предоставляю другимъ приводить оныя въ систему и выводить дальнѣйшія послѣдствія: изложу вкратцѣ ихъ содержаніе и характеръ.

Возникшая подобно кометѣ Малороссія долго тревожила своихъ сосѣдей, долго перепадала съ одной стороны на другую и была только обуреваема бѣдствіями и безпокойствами, которыя не дали развиться духу народному и произвели только внутреннее волненіе. Массу ея составили не одни племена славянскія, но и другіе европейцы, а еще болѣе кажется азіатцы. Недовольство и отчасти угнетеніе свели ихъ въ одно мѣсто; а желаніе хотя скудной независимости, мстительная жажда набѣговъ и какое-то рыцарство сдружили ихъ. Отвага въ набѣгахъ, буйная забывчивость въ весельѣ и безпечная лѣнь въ мирѣ: зто черты дикихъ азіатовъ — жителей Кавказа, которыхъ невольно вспомните и теперь, глядя на Малороссіянина въ его костюмѣ съ его привычками. Такимъ образомъ, коренное племя получило совсѣмъ отличный характеръ, облагороженный и возвышенный Богданомъ Хмельницкимъ. Свойства кореннаго племени, кажется, наиболѣе сохранились между дѣвами и женами, кои, будучи отлучены отъ удалыхъ козаковъ своихъ, въ отношеніи къ нимъ весьма грубыхъ, чуждыхъ всякой домовитости и не имѣя никакого участія въ общественномъ быту ихъ, находили все въ мирныхъ занятіяхъ домашней, сельской жизни.

Скоропостижное соединеніе трехъ первоначальныхъ образовъ жизни — нѣкогда *напѣзднической*, буйной, беззаботной, съ лѣнливимъ однообразіемъ и скудностію жизни *пастушеской* и осѣдлостію *земледѣльческой* — вотъ что составило потомъ особенность Малороссіянянъ, замѣтную еще и донинѣ, по причинѣ малолюдности. Изъ сего очерка можетъ сдѣлаться нѣсколько понятнымъ и содержаніе, и характеръ ихъ пѣсенъ.

Во-первыхъ, представляются пѣсни, содержаніемъ своимъ имѣющія смерть козаковъ, отъѣздъ ихъ на чужбину, тоску по родинѣ иль *схватки боевыя*; а потомъ воспоминаніе объ нихъ. Здѣсь всегда почти находите тоску матери о сынѣ, или сестры о братѣ; любовь отцовскую едва-ли гдѣ встрѣтите. Находите также пѣсни о гайдамакахъ, столь же удалыя, какъ и самый предметъ. Особенно замѣчательны

думы 1) — героическія пѣснопѣнія о *былинахъ*, относящихся преимущественно ко временамъ гетманства — Скоропадскаго. Ихъ и нынѣ еще поютъ слѣпцы-бандуристы, коихъ можно назвать Малоросійскими рапсодами.

Восемь таковыхъ думъ издалъ князь Цертелевъ подъ названіемъ: *Опытъ собранія старинныхъ Малоросійскихъ пѣсней*.

Каждая дума посвящалась какому-нибудь историческому случаю, либо лицу — въ особенности Хмельницкому, Палѣю, Мазепѣ и другимъ.

Сказаніе о частныхъ домашнихъ событіяхъ у козаковъ составляютъ переходъ отъ думъ къ повѣствованіямъ вымышленнымъ или балладамъ, каковы напр.: пѣсня о Твардовскомъ, пѣснь о построеніи Кіева, кои поютъ также старики-бандуристы. Желательно, чтобы кто-нибудь изъ земляковъ моихъ, въ Полтавской губерніи или близъ Кіева живущихъ, успѣшилъ сохранить для словесности сіи памятники.

Пѣсни женскія, во-первыхъ, суть выраженіе тоски по родинѣ, отъ которой были отлучаемы дѣвы обманами козаковъ; нѣкоторыя, какъ бы повѣствовательныя (каковы: о *Лемеровнѣ* о *Бондаровнѣ*), показываютъ притѣсненія и неистовства, какія терпѣла дѣйствительно Малороссія отъ Канѣвскихъ и другихъ пановъ. Пѣсни любовныя принадлежали, кажется, сперва собственно женскому полу, вмѣстѣ съ самымъ чувствомъ. Онѣ исполнены пылкой страсти. Измѣны часты: онѣ либо были сносимы съ безнадежнымъ отчаяніемъ, либо отмщаемы были чарами, что слѣдовательно встрѣчается не рѣдко; вѣра въ чарованья осталась и понынѣ у женщинъ. Пѣсни мужчинъ, гдѣ видна нѣжность чувства любви, принадлежать, кажется, къ послѣдующему времени.

Къ пѣснямъ женскимъ можно отнести пѣсни *праздничныя* и *обрядныя*, кои носятъ на себѣ иногда печать древней славянской мифологіи; но вообще, показывая приверженность къ удовольствіямъ земледѣльческой и семейственной жизни, представляютъ собою образцы весьма изящной, естественной идилліи (таковы *веснянки*, *троицкія*, *свадебныя*, на *обжинки* и другія пѣсни — смотр. книга четвертая). Въ семъ отношеніи едва-ли какая страна можетъ назваться столь *пѣсенною*, какъ Малороссія: тамъ каждое время года, каждое занятіе, къ сельскому быту и жизни семейственной относящееся, сопровождаются особенными пѣснями.

1) Малоросійскія думы извѣстѣе Сербскихъ пѣсней. Въ нихъ гораздо болѣе сладкой меланхоліи; въ пѣсняхъ же военныхъ болѣе силы и картинъ пѣитическихъ. *Бродзинскій* смотри Вѣстникъ Европы, 1826, № 13, стр. 52.

Сюда же можно причислить и пѣсни *заклинательныя* ¹⁾, подобныя скандинавскимъ.

Наконецъ, должно сказать, что у нихъ находится очень много пѣсенъ веселыхъ и каррикатурныхъ, иногда весьма забавныхъ, но наиболѣе такихъ, при концѣ коихъ всегда покраснѣетъ стыдливость, и которыя большею частію составляютъ изустную собственность народа, а не принадлежность поэзіи. Веселость у нихъ не такова, какъ въ пѣсняхъ *Краковяковъ*, — она превращается либо въ грубое, либо въ непристойное. Ихъ воображеніе, отъ досуга или съ горя разгулявшееся, не знаетъ себѣ мѣры. Сіи пѣсни, по веселому, рѣзвому напѣву и мѣрному складу, наиболѣе суть плясовыя, и употребляются не столько по словамъ своимъ, сколько по музыкѣ, часто весьма хорошей, каковы напр. извѣстныя: *Метелиця, горлиця, и шумить, и гудѣ*. Есть русская пословица: *слова изъ пѣсни не выкидать*; посему и я не помѣщаль ихъ, и для образца предложилъ нѣсколько: *Била жѣнка мужика; чи я вѣ мужа не жена*. Должно сказать однако жъ правду, что многія изъ нихъ весьма остроумны и забавны, таковы напр. *мужикъ каже ячмѣнь, жѣнка каже гречка*; или

«Танцѣвала рыба зъ ракомъ,
А петрушка съ пустернакомъ,
А цибуля съ часнокѣмъ,
А дѣвчина зъ козакомъ.
Цибулиця дивуѣця,
Якъ хоршѣ танцюется!» и проч.

Что касается до характера пѣсенъ Малоросійскихъ, то сей вопросъ отношу только къ тѣмъ, въ коихъ видно главное стремленіе поэзіи народной. Я ихъ сравнивать могу въ особенности только съ русскими, ибо пѣсни прочихъ племенъ славянскихъ мнѣ не столько извѣстны.

Форма Малоросійскихъ пѣсенъ, равно какъ и самый языкъ, занимаютъ средину между русскими и польскими. Съ первыми онѣ сходны *тоническимъ* размѣромъ ²⁾, и слѣдовательно тѣмъ движеніемъ, какого не имѣютъ польскія. Съ польскими пѣснями онѣ (а особливо пѣжныя) имѣютъ необходимую частую риѣму или по крайней мѣрѣ созвучіе, звонкія и частыя уменьшительныя слова, отчего зависятъ нѣжность и гармонія, которыми онѣ превосходятъ русскія пѣсни.

1) Образцы таковыхъ мнѣ показывалъ покойный *Зоріанъ Ходаковскій*, послѣ коего остался знатный запасъ для изданія Малоросійскихъ пѣсенъ.

2) Пѣсни силлабическаго размѣра сложены болѣе для пѣнія бандуристовъ.

Существенное ихъ различіе, по моему мнѣнію, состоитъ въ слѣдующемъ. Въ русскихъ пѣсняхъ выражается духъ, покорный своей судьбѣ и готово повинующійся вельніямъ. Русскій не привыкъ брать дѣятельнаго участія въ переворотахъ жизни, потому онъ содружился съ природою и любитъ живописать ее, часто прикрашивая: ибо здѣсь только можетъ свободно излиться его душа. Онъ не ищетъ выразить въ пѣснѣ обстоятельства жизни дѣйствительной; но напротивъ желаетъ какъ бы отдѣлиться отъ всего существующаго и, закрывъ ухо рукою, хочетъ, кажется, потеряться въ звукѣ. По сему русскія пѣсни отличаются глубокою уныlostію, отчаяннымъ забвеніемъ, какимъ-то раздольемъ и плавною протяженностію ¹⁾. Въ Малороссійскихъ меньше такой роскоши ²⁾ и протяженности; онѣ, будучи выраженіемъ борьбы духа съ судьбою, отличаются *порывами* страсти, сжатою твердостію и силою чувства, а равно и естественностію выраженія. Въ нихъ видимъ не забывчивость и не унылость, но болѣе досаду и тоску; въ нихъ больше дѣйствія. Сіе-то дѣйствіе отпечталось и въ послѣдующихъ пѣсняхъ драматической формою, и князь Цертелевъ справедливо замѣчаетъ ³⁾, что въ русскихъ превосходиѣ описательная поэзія, что въ нихъ встрѣчаемъ рассказъ сочинителя, между тѣмъ какъ въ пѣсняхъ Малороссійскихъ находимъ драматическое изложеніе предмета. Сила ихъ много зависитъ отъ *лаконизма* самага ихъ языка.

Тоска, которая составляетъ важнѣйшее *свойство* Малороссійскихъ пѣсней, не прикрываетъ ихъ, но проникаетъ. Она отзывается во всѣхъ пѣсняхъ; даже иронія, къ коей весьма склонны Малороссіяне, часто смѣшивается съ оною, изъ чего происходитъ совсѣмъ особенный, отлично хорошій родъ пѣсенъ.

Образцы таковыхъ элегико-ироническихъ пѣсенъ помѣщены въ 3 книгѣ моего собранія, напр. *Летитъ орелъ по надъ моремъ; Ой козаче, козаче! молодой бурлаче, Да оре Семень, оре* и проч.

Пѣсни нѣжныя отличаются неподражаемымъ простодушіемъ и естественностію, которой ни мало не противорѣчатъ непрерывныя сравненія. Духъ, не находя еще въ себѣ самомъ особенныхъ формъ для полнаго выраженія въ его глубинѣ зарождающихся чувствъ, невольно обраца-

1) Есть сибирская поговорка: *въ русской пѣснѣ парень да дѣвка; а у насъ, по которой улицъ идетъ, про ту и пѣсеньку поетъ.*

2) Исключая пѣсни обрядныя, гдѣ часто онѣ сходятся съ русскими и другими: почему такъ — видно изъ предыдущаго.

3) Вѣстн. Евр. 1827, № 12, стр. 276.

ется къ природѣ, съ которою онъ, по своему младенчеству, еще друженъ, и въ ея предметахъ видитъ, чувствуетъ подобіе свое гораздо явственнѣе и вѣрнѣе. По сему-то находите столь частыя сравненія съ окружающею безукрашеною природою, — столь частыя бесѣды съ буйнымъ вѣтромъ, *дрѣбнымъ* дождемъ, черными тучами. Унылая, вѣщая *зозуля*, одинокій яворъ, плакучія ивы и гибкія лозы, печальная калина, крещатый барвинокъ ¹⁾ — сія эмблемы отдѣльныхъ состояній духа, невольно ему напеминають его самого, и онъ выражается ими какъ бы потому, что не можетъ иначе ²⁾; когда напротивъ въ метафорахъ русскихъ пѣсенъ замѣчаемъ больше искусственности, нѣкотораго рода произволь и желаніе прикрасъ. Если *сравненія отрицательныя* составляютъ, по мнѣнію гг. *Глаголева* ³⁾ и *Гнѣдича* ⁴⁾, отличительное свойство народной поэзіи русской, то малороссійскія будутъ отличатся положительностію своихъ сравненій.

Что касается до пѣнія, то у Русскихъ гораздо лучше поють мужчины — это какъ бы ихъ принадлежность; въ Малороссіи сею способностію, и часто въ высокой степени, обладаетъ полъ женскій.

Самый напѣвъ или музыка, если онъ равно хорошъ и въ русскихъ, и въ малороссійскихъ пѣсняхъ, то должно признаться, что въ послѣднихъ онъ несравненно разнообразнѣе; различіе тоже: въ малороссійскихъ нѣтъ такого раздолья, но сильнѣе страсть.

Изъ великаго множества въ народѣ обращающихся пѣсенъ, нѣкоторыя были помѣщаемы болѣе или менѣе исправно въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ; въ пѣсенникахъ весьма нерѣдко искаженныя, наиболѣе же противъ языка. Особаго собранія собственно малороссійскихъ пѣсенъ

1) Любопытно бы знать, какъ перешло къ Малороссіянамъ уваженіе къ *рутѣ* и *шалфею*, кои всегда вмѣстѣ такъ часто встрѣчаются въ ихъ пѣсняхъ. Сіи двѣ травы имѣли большую значительность въ среднія времена, такъ что про нихъ, по тогдашнему обыкновению, были слагаемы латинскіе стихи, напримѣръ:

Non est metus mortis,
Cui est Salvia in hortis.
Или: Salvia cum Ruta
Faciunt tibi pocula tuta.

2) Въ примѣръ малороссійскаго изреченія, сильнаго своимъ безсиліемъ выразиться, можно привести слѣдующее увѣреніе или божбу: *коли я thee або оттеe: такъ нехай минь абы-що, Богъ зна що, отцо, а не толькo що!*

3) *О русскихъ народныхъ пѣсняхъ*. Труды общества любителей російской словесности, ч. XI, 1818, стр. 38.

4) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ Н. *Гнѣдича* спб. 1825, стр. XXXIII.

еще не было. Переходя изъ устъ въ уста, онѣ часто лишаются многихъ стиховъ, либо оныя измѣняются; часто пѣсни не допѣваются, или даже перемѣшиваются; такимъ образомъ постепенно отходятъ отъ первобытнаго вида. Нельзя и думать, чтобы можно было возстановить оный; но я старался сличать и соглашать разногласія, случалось сводить иногда двѣ въ одну, либо одну раздѣлять на двѣ; я избиралъ какъ находилъ сходственѣе съ правильнымъ смысломъ и — сколько понималъ — съ духомъ и языкомъ народнымъ¹⁾. На первый разъ я не могъ болѣе: кто будетъ имѣть случай — соберетъ больше, искуснѣйшіе — сдѣлаютъ лучше. Я желалъ показать доселѣ еще не совсѣмъ извѣстныя сокровища народной поэзіи въ настоящемъ видѣ; посему соблюдалъ строгій выборъ и помѣщаль пѣсни либо замѣчательныя по красотамъ пѣитическимъ, либо представляющія образъ мысли, быть домашній и пр.

Не вездѣ ставилъ я знаки ударенія, ибо въ стихахъ будутъ ударенія отличаться отъ обыкновеннаго выговора. Сія гибкость и свобода словъ малоросійскихъ, въ отличіе отъ польскаго языка, составляетъ не малое достоинство относительно стихосложенія. Русскій языкъ сію гибкость имѣетъ еще въ бѣльшей степени; одно слово принимаетъ удареніе часто на всѣхъ слогахъ: зелѣный, зелѣная; зеленѣй, зеленѣя, зѣлены и пр. или:

*Полети мой соколѣ
Далекѣ, высокѣ
И далекѣ и высокѣ...*

Такимъ выгоднымъ свойствомъ языка могли бы воспользоваться наши поэты, нимало не погрѣшая противъ духа языка. Впрочемъ при пѣніи, для котораго вѣроятно складывались слова, одинокимъ протяженіемъ гѣлоса уравниваются слоги различныхъ удареній; между тѣмъ какъ смѣранныя слоги нашихъ стиховъ разнятся. Такая гибкость словъ и тоническая мѣра подобно какъ въ русскомъ языку; а рифма, частыя (рифмующіяся или по крайней мѣрѣ созвучныя) уменшительныя слова и самое даже произношеніе на распѣвъ въ простомъ разговорѣ, коими малоросійскій языкъ сходенъ съ польскимъ — показываютъ, до какой степени простирается его музыкальность. При всемъ томъ онѣ способенъ принимать опредѣленный размѣръ и не въ однѣхъ пѣсняхъ плясывыхъ, что также и въ русскомъ, а еще чаще въ польскомъ встрѣчается; но въ большихъ даже піесахъ, какъ показали г. *Котляревскій* въ сво-

¹⁾ Посему-то пѣсни V и VII суть только отрывки, кои помѣстилъ я, опасаясь, чтобы они совсѣмъ не потерялись въ народѣ.

ей *Енеидь*; и сочинитель *Твардовскаго*, столь удачно отъ начала до конца выдержаннаго. Пѣсня за *Немень иду* показываетъ способность малоросійскаго языка къ размѣрамъ разнообразнымъ ¹⁾.

Наконецъ скажу нѣсколько словъ о правописаніи, мною избобрѣтенномъ сообразно свойствамъ сего языка. Въ каждомъ языкѣ есть какъ бы любимѣйшіе звуки; такъ въ малоросійскомъ звукъ *И*, — и сколько оному приписываютъ обыкновенно грубость языка, столько въ самой вещи онъ составляетъ его благозвучіе. Сей звукъ имѣетъ только два измѣненія: *острое* и *мягкое*.

Объ, остромъ И. Буквою *Ѣ* мы изображаемъ двойной звукъ *ІЕ*. Въ русскомъ языкѣ, который (по свойству сѣверныхъ языковъ) любитъ болѣе губные, нежели гортанные звуки, въ буквѣ *Ѣ* совсѣмъ не слышенъ звукъ *І*: онъ слился въ *Е* и черезъ то содѣлалъ его острымъ. По сему буква *Ѣ* замѣнилась бы или просто буквою *Е*, или, какъ, въ польскомъ и сербскомъ, буквами *ІЯ*.

Въ малоросійскомъ наоборотъ: перевѣсъ остается на сторонѣ *І*: звукъ *Е* слился въ *І* и чрезъ то содѣлалъ его острымъ. Посему слова, гдѣ въ русскомъ пишутъ *Ѣ*, по всѣмъ малоросійскимъ нарѣчіямъ постоянно произносятся какъ острое *И*. Такимъ же образомъ произносится она большею частію и у Болгаръ.

Нѣкоторые исключаютъ букву *Ѣ* изъ Малоросійскаго правописанія; но я увѣренъ въ противномъ.

Въ острое *И*, часто измѣняются и прочія гласныя буквы, а особливо въ словахъ односложныхъ. Писавшіе донинѣ у насъ на малоросійскомъ языкѣ, обыкновенно писали такъ, какъ выговаривается, напр. край мене — писали крѣй мене; ячмень — ячминь; конь — кинь, вѣкъ — викъ... *Г. Павловскій* выдумалъ такой способъ, чтобы звукъ *И*, произносимый остро, писать *І*, а подтверже выговариваемый, писать *Ы*; твердое *Е* писать черезъ *Е*, а мягкое чрезъ *Ѣ*.

Ожидаю, что будутъ многіе осуждать меня за отступленіе; но я совершенно убѣжденъ, что не должно такъ писать, какъ обыкновенно пишутъ, но какъ-нибудь иначе, если не такъ, какъ я пишу: предлагаю мой способъ и основанія онаго.

Я хочу удерживать коренныя буквы; а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ выговариваются иначе, отмѣчать только ихъ особеннымъ знакомъ; по типографской необходимости, я избралъ знакъ *Λ*. Сіе дѣлаю, во-первыхъ,

¹⁾ Изслѣдованіе о размѣрѣ и рифмахъ, какія именно, когда и отъ чего были вводимы — предоставляю другимъ.

потому, что пишу не для однихъ Малороссіянъ, но и для Русскихъ, коимъ не понятно будетъ многое, если писать по произношенію и не сблизить хотя нѣсколько правописанія малоросійскаго съ русскимъ. При томъ, нѣтъ ни одного языка, гдѣ бы произношеніе буквъ не имѣло особенныхъ измѣненій и особенныхъ примѣчаній; а я вожу очень немного. Нельзя читать совершенно такъ, какъ по-русски; но неправильно бы было и писать такъ, какъ говоримъ.

Можно бы согласиться было писать по-малоросійски какъ говорится, если бы во всѣхъ измѣненіяхъ слова постоянно удерживался одинъ и тотъ же звукъ; но сего не бываетъ: именит. *моѣ конѣ* (пишутъ *ми конѣ*), родитель. *мого коня*, дательн. *моему коню*; именительн. *слѣзы*, родитель. *слѣзѣ* (пишутъ *слизѣ*); *нога* уменьшит. *ножка* (пишутъ *нижка*) — какимъ же образомъ составить лексиконъ? Пишутъ одинаково *нижѣ* — ножъ, и *нижѣ* — нежели; но если, удерживая коренную гласную, напишу: *ножѣ*, *нежѣ* — будетъ понятнѣе. Сверхъ сего гласныя буквы не вездѣ въ острое *ѣ* измѣняются: *такимъ* образомъ, собственно, примѣняются онѣ по произношенію *Переяславскому* или *Кіевскому* (между Днѣпромъ и Сеймомъ), которое можетъ почестъя *центральнымъ* ¹⁾, чистѣйшимъ и нѣжнѣйшимъ. Отъ Сейма вверхъ по Деснѣ буквы сіи измѣняются какъ бы въ звукъ УИ или ЮИ; *конь*, *соль* — не произносятся какъ въ Переяславѣ чисто *кѣнь*, *сѣль*; но *кунь*, *сюль*; далѣе въ Литвѣ — *кунь*, *сулѣ*; а по ту сторону Днѣпра, у Русняковъ: *кѣунѣ*, *конѣ*, *кѣунѣ* (какъ французское *u*) и чисто *кинѣ*. Буква И послѣ гласныхъ, и Ъ постоянно выговариваются какъ острое И. Здѣсь становится виднѣе удобность моего правописанія: пишу *кѣнь*, *сѣль*, *моѣ*; Малороссіянинъ пусть произнесетъ каждый по-своему; а Русскихъ прошу выговаривать по чистому нарѣчію буквы: *ѣ* и послѣ гласной, *а*, *е*, *о*, *ѣ* — какъ острое *и*.
О *мягкомъ* или *глухомъ* И. Внимательно прислушиваясь къ лучшему произношенію Малороссіянъ, я замѣтилъ, что у нихъ нѣтъ столь твердаго звука, какъ въ Русскомъ Ъ. Второе измѣненіе звука И у нихъ бываетъ мягче и глуше Русскаго Ъ, больше гортанью (по свойству языковъ южныхъ или восточныхъ); слѣдов. Русское Ъ у нихъ всегда мягче; а Русское И часто дѣлается тверже, но не какъ Ъ, а звукомъ среднимъ между Русскими И острымъ и Ъ. *Мы*, *мильнй*, *быстрнй*, *долина*, *Литва*, *листѣ*: здѣсь И, Ъ вездѣ произносятся одинаково, глухо. Посему И *безъ* значка и Ъ *должно* произносить *одинаково!*

¹⁾ Такъ и въ Русскомъ или правильнѣе сказать Великоросійскомъ языкѣ Московское — *столичное* произношеніе.

Сдѣлаю еще нѣсколько грамматическихъ замѣчаній, и, во-первыхъ, о глаголахъ.

- 1) Неопредѣленное наклоненіе, какъ и въ Церковномъ, Сербскомъ и Богемскомъ языкахъ, кончается собственно на *ти*: *спѣвати, гуляти*. Въ страдательномъ залогѣ также окончаніе либо *тися*, либо *тѣся*; но въ семъ послѣднемъ случаѣ выговаривается твердо, какъ *цяя*: *сподѣватися* и *сподѣваться* (произносится *сподѣватцяя*) такъ и въ третьемъ лицѣ настоящего времени *тѣся*, выговаривается какъ *цяя*: *гнецця* вмѣсто *гнется*, *льющця* вм. *люются*.
- 2) Русское окончаніе *илъ* въ третьемъ лицѣ мужескаго рода всегда замѣняется окончаніемъ *ивъ*: *ходивъ, сидивъ, стоявъ, взявъ*, вмѣсто *ходилъ, сидѣлъ, стоялъ, взялъ*.
- 3) О третьемъ лицѣ настоящего времени единственнаго числа замѣтить должно, что тамъ, гдѣ въ Русскомъ окончаніе *итъ*, въ Малоросійскомъ всегда Ъ измѣняется на Ь, *хѣдитъ стоить, шумить*, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ Русскомъ глаголѣ предъ ТЪ находится Е (напр. *кличеть, идетъ, свищеть, наступаетъ*), въ Малоросійскомъ удерживается всегда только Е, а ТЪ опускается; слѣдов. говорится: *кличе, ведѣ, свище, наступае*; а гдѣ предъ Е стоитъ А, тамъ часто выпускается Е: *наступае* и *наступá*, *спѣвае* и *спѣва!*
- 4) Будущее время имѣетъ иногда такіе глаголы, кои въ Русскомъ не употребляются въ семъ времени, напр. *могу*, въ будущемъ: *могѣмѣ, могтимѣ*. Также въ повелительномъ, *лягаймо* (ляжемъ), *ходѣмо* или *ходѣмъ* (пойдѣмъ). Замѣтимъ, что въ двухъ послѣднихъ словахъ удареніе надъ буквою И, и она выговаривается остро, почему и поставилъ я значокъ. Такъ всегда во второмъ лицѣ повелительнаго наклоненія: *косѣтъ, пасѣтъ, берѣтъ, носѣтъ, бѣжѣтъ*. Тѣже остаются буквы въ третьемъ лицѣ настоящего времени изъявительнаго наклоненія, но удареніе уже большею частію надъ буквою предыдущею, а не надъ И, которое произносится уже не остро, но глухо; почему и ставлю оную просто безъ значка: *хѣдитъ, косѣтъ*. (Въ словѣ, напр., *бѣжѣтъ* удареніе остается надъ глухимъ И).
- 5) Умалются не однѣ имена, но также глаголы и междометія: *прѣчь* (прочь) — *прѣчки*; *спáти* — *спáтки*; *пѣсти* — *пѣтки, пѣточки*; *гуляти* — *гулятки*.

Въ разныхъ частяхъ рѣчи буквы *у* и *в* употребляются одна вмѣсто другой: *взявъ* и *узавъ, встанъ* и *устанъ, вслѣдъ* и *услѣдъ, впавъ* и *упавъ, ужѣ* и *вже, у льсѣ* и *въ льсѣ*.

Часто *в* прибавляется къ словамъ: *вѣвця, вѣвци* — овца, овцы; *вѣнъ, вѣни, вѣно* — онъ, она, оно; *ѳоко, очѣ* — *ѳоко, ѳочѣ*.

Окончаніе *ца* въ Малоросійскомъ языкѣ всегда бываетъ *ця*; слѣдов. и въ женскомъ родѣ множественнаго числа не на *цы*, но на *цй*: отца — *отця*, молодица — *молодйця*, молодицы — *молодйцй*. Иногда буква *в* употребляется вмѣсто *л*: *вовкѣ* — волкъ, *вѣвна* — волна (шерсть).

Часто Русскія слова отъ Малоросійскихъ отличаются перестановкою буквъ: *вѣдьмедь* — *медвѣдь*, *Комлыкѣ* — Калмыкъ, *намисто* — монасты, *намастырь* (какъ въ Сербскомъ) — монастырь.

Буква *з* и слогъ *из*, а равно и буква *с*, въ началѣ словъ употребляются безъ разбора, одна вмѣсто другой: *страшила*, *зтрашила*; *знявъ* (снялъ), *изнявъ*; *зъвъвъ*, *изъвъвъ* (сълъ). Такъ и предлоги *изъ* и *съ* поставляются безъ разбора одинъ вмѣсто другаго.

Въ дательномъ и предложномъ падежахъ единственнаго числа измѣняются окончанія именъ женскаго рода: *га* на *зь*, *ка* на *ць*, *ха* на *сь*

Имен.	<i>нога́</i>	дат.	<i>нозь</i>
»	<i>небога</i>	»	<i>небозь</i>
»	<i>чайка</i>	»	<i>чайць</i>
»	<i>дѣвка</i>	»	<i>дѣвць</i>
»	<i>сваха</i>	»	<i>свась</i>

Но въ словахъ мужскаго рода такія измѣненія принимаетъ предложный падежъ:

Имен.	<i>порѣгъ</i>	предлож.	<i>на порѣзь</i>
»	<i>лугъ</i>	»	<i>у лузъ</i>
»	<i>байракъ</i>	»	<i>въ байраць</i>
»	<i>горохъ</i>	»	<i>у горось</i>

Вотъ нѣкоторыя измѣненія мѣстоименій:

Им. *я*, *ты*, *вѣнъ*, *вѣна́ мой*, *моя*.

Род. *мене*, *тебе*, *ѣго*, *ей*, *мою*, *мою*.

Дат. *минъ*, *тобъ*, *ему*, *ей*, *мому*, *моей*.

Вин. *мене*, *тебе*, *ѣго*, *ей*, *мого*, *мою*.

Въ грамматикѣ г. *Павловскаго* изложены нѣкоторыя свойства языка Малоросійскаго, подслушанныя довольно чутко; но полной грамматики донинѣ еще не находится, хотя можно бы открыть постоянные законы, употребленіемъ и мѣстностями затемненныя. Во многихъ свойствахъ Малоросійскій языкъ ближе Великоросійскаго и Польскаго къ прочимъ языкамъ славянскаго корня, такъ что его можно почитать дѣйствительно среднимъ въ системѣ сихъ нарѣчій, какъ и самое положеніе страны, гдѣ говорятъ симъ языкомъ.

При концѣ книги я приложилъ словарь ¹⁾, и нѣкоторыя особенныя примѣчанія къ пѣснямъ, стараясь тѣмъ облегчить уразумѣніе оныхъ, сколько мнѣ позволило время. Варіанты, коихъ у меня собрано довольно большое количество, могутъ быть изданы послѣ.

Въ заключеніе долгомъ почитаю изъяснить мою благодарность Елисаветѣ Михайловнѣ *Богаевской*, князю Н. А. *Цертелеву* и другимъ особамъ, кои оказали мнѣ пособіе доставленіемъ пѣсенъ и своими совѣтами.

1827. Апрѣля 20.

Москва.

2 2)

«Наступило, кажется, то время, когда познають истинную цѣну *народности*; начинаетъ уже сбываться желаніе да создастся поэзія истинно Русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменные, но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

Въ семь отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная».

Этими словами и начинается мое предисловіе къ сборнику *Малороссійскихъ пѣсенъ*, изданному мною въ 1827 году. Въ немъ помѣщено только 130 пѣсенъ; но я имѣлъ удовольствіе видѣть полный успѣхъ онаго, оправданіе нѣкоторыхъ, тамъ высказанныхъ мыслей и замѣчаній моихъ о языкѣ и пѣсняхъ Малороссійскихъ.

Въ теченіе семи лѣтъ я продолжалъ начатое собраніе: и оно теперь простирается уже до 2 ¹/₂ тысячъ пѣсенъ и отрывковъ, и со временемъ, безъ сомнѣнія, можетъ быть удвоено, ибо это предметъ неистощимый. Настоящимъ богатствомъ мое собраніе обязано участію въ трудѣ моемъ князя Н. А. *Цертелева* — перваго издателя Украинскихъ думъ, Н. В. Го-

1) Приводя слова другихъ славянскихъ языковъ, я имѣлъ въ виду показаніе, въ какихъ еще языкахъ повторялись слова Малороссійскія, а не съ какого языка перешли они въ Малороссійскій: сіе требуетъ занятія людей болѣе опытныхъ.

2) Предисловіе къ книгѣ: «Украинскія народныя пѣсни, изданныя Михайломъ Максимовичемъ. Москва, 1834», стр. I—VII.

голя — новаго историка Малороссіи и автора «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», И. И. Срезневскаго — издателя Запорожской Старины, А. Г. Шпигоцкаго — переводчика Валленрода, почтеннаго И. В. Крамаренка, О. М. Бодянскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, коимъ всѣмъ приношу мою благодарность. Кромѣ того, я приобрѣлъ извѣстное собраніе народныхъ пѣсень покойнаго З. Я. Ходаковскаго, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными.

При такомъ множествѣ пѣсень, находящихся иногда у меня въ пяти и болѣе спискахъ, я имѣлъ возможность часто усматривать ясно тѣ измѣненія, какія происходили съ ними частію отъ долговременнаго и неправильнаго пѣнья оныхъ, частію и отъ изобрѣтательности самихъ пѣвцовъ и пѣвицъ: такимъ образомъ я могъ представить очень многія пѣсни въ исправнѣйшемъ видѣ.

Предлагаю просвѣщенному вниманію читателей первую часть моего новаго собранія, менѣе другихъ полную, но для многихъ, можетъ быть, самую занимательную: ибо въ ней помѣщены *думы* Украинскихъ бандуристовъ и *пѣсни собственно козацкія*, выражающія козацкую жизнь, въ ея отношеніи къ общественному, историческому быту, и отчужденіи отъ быта семейнаго, домовитаго; первыя изъ нихъ я называю *былевыми*, вторыя *бытовыми*.

Это надгробные памятники и вмѣстѣ живые свидѣтели отжитой старины. Другіе народы въ память важныхъ происшествій своихъ, чеканятъ медали, по которымъ исторія часто разгадываетъ минувшее: событія козацкой жизни отливались въ звонкія пѣсни, и потому онѣ должны составить самую вѣрную и вразумительную лѣтопись для новаго бытописателя Малороссіи.

Во II части будутъ помѣщены *пѣсни женскія* — отголоски души страстной, — выраженія жизни, исполненной любви пламенной, нѣжной, но обреченной на тоску, и только изрѣдка разцвѣтающей счастьемъ. Сюда же отношу и тѣ пѣсни, гдѣ козакъ является подъ господствомъ женскаго чувства, въ быту домашнемъ.

Въ III части собраны *пѣсни гулливыя*, въ коихъ господствуетъ болѣе прихотливое и затѣйливое расположеніе души, разгуль, карикатура и т. п.

Въ IV части помѣщаются всѣ *обрядныя пѣсни*, относящіяся къ празднествамъ и общественнымъ занятіямъ домовитой жизни, и отличающіяся отъ другихъ большею придуманностью, то восходящею до символической восторженности, то облекающеюся въ прелесть идиллическаго просодушія.

Дѣленіе это довольно соотвѣтственно съ своимъ предметомъ; впрочемъ оно только приблизительное, и я вовсе не думалъ вводить строгой и подробной классификаціи въ этотъ гармоническій міръ живой поэзіи народа. Благоуханные вѣчно-свѣжіе цвѣты ея проростають сквозь цементъ систематическихъ сводовъ и дружно переплетаются между собою.

Сколько могъ теперь, я дѣлалъ пояснительныя замѣчанія къ думамъ и пѣснямъ; къ нѣкоторымъ приложилъ переводъ; на всѣхъ словахъ ставилъ удареніе и ко многимъ изъ нихъ прибавлялъ объясненіе ихъ; впрочемъ общій *словарь* и *грамматика* Малороссійскаго языка будутъ изданы мною въ особомъ прибавленіи къ сему собранію ¹⁾. Я хотѣлъ было въ сей части изложить подробно свои мысли о характерѣ, складѣ пѣсень, о языкѣ и правописаніи онаго, но долженъ отложить это впредь, поспѣшая перемѣщеніемъ моимъ въ Кіевъ, гдѣ мои занятія будутъ посвящены преимущественно отечественной словесности. Такимъ образомъ, я буду имѣть возможность продолженіе моего труда исполнить съ бѣльшимъ успѣхомъ.

Чувствуя живо красоту нашихъ народныхъ пѣсень и ихъ важность въ настоящее время *народности*, находя, что ни у кого не была такъ богато развита *поэзія народная*, какъ у сѣверныхъ ²⁾ и южныхъ Руссовъ, и желая моимъ собраніемъ сколько можно полнѣе и совершеннѣе открыть богатства *поэзіи Украинской*, прошу всѣхъ Малороссіянъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ: ибо оно можетъ свершиться только общимъ содѣйствіемъ; прошу всѣхъ, кто имѣетъ случай, доставлять мнѣ *списки Украинскихъ пѣсень* въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ поются въ народѣ, безъ перемѣнъ, пропусковъ и добавленій, съ пояснительными примѣчаніями о мѣстахъ и лицахъ и о мало извѣстныхъ словахъ, какія могутъ иногда случаться въ пѣсняхъ, а кто можетъ — то и съ напѣвомъ. Списывать пѣсни лучше во время пѣнья, ибо пѣвцы и пѣви-

1) Начатки *Малороссійскаго словаря* (сравнительно съ другими славянскими языками) находятся въ моемъ сборникѣ, 1827. Краткая грамматика Малороссійскаго языка у насъ издана Г. Павловскимъ, 1818. Въ № 3 журнала министерства народнаго просвѣщенія (1814) извѣщено объ изданіи двухъ Малороссійскихъ грамматикъ гг. *Левицкимъ* и *Лозинскимъ*, 1833. Въ Лембергѣ издано *Вацлавомъ* зъ Олеска собраніе Галицкихъ пѣсень, коего однако жъ, къ сожалѣнію, я не получилъ еще; большая часть Галицкихъ пѣсень не только сходны съ пѣснями Украинскими, но многія пѣсни даже однѣ и тѣ же — въ слѣдствіе однородства.

2) П. В. Кирьевскій собралъ уже Русскихъ народныхъ пѣсень и стиховъ болѣе 1500. Ему обязанъ я многими замѣчаніями о семь предметѣ.

цы наши часто не умѣють хорошо пересказывать того, что умѣють вполне пропѣть. Всякая пѣсня, какого бы она ни была содержания, для меня любопытна и пригодна, и будетъ принята съ благодарностью; но особенное вниманіе я желалъ бы обратить на пополненіе сей первой части.

Голоса Украинскихъ пѣсенъ составляютъ у меня особое изданіе. Первая тетрадь онаго, содержащая 25 пѣсенъ ¹⁾, положенныхъ на ноты для пѣнья и фортепяно А. А. Алябевымъ, уже вышла въ свѣтъ.

21 мая. 1834.

Москва.

3 ²⁾

Впродолженіе двадцати лѣтъ я собиралъ Украинскія народныя пѣсни; и теперь приступаю къ новому, полнѣйшему ихъ изданію. Это изданіе, для отличія отъ двухъ прежнихъ ³⁾, я называю сборникомъ Украинскихъ пѣсенъ. Не могу иначе выдать его, какъ по частямъ. Каждая часть будетъ содержать въ себѣ одинъ отдѣлъ пѣсенъ мужскихъ, и одинъ или два женскихъ. Въ шести частяхъ будетъ помѣщено около двухъ тысячъ пѣсенъ. Половина ихъ собрана мною самимъ, преимущественно въ Полтавской губерніи. Другая половина ихъ и множество вариантовъ получены мною отъ разныхъ лицъ, со всѣхъ концовъ южной Руси ⁴⁾. Приношу мою благодарность всѣмъ, кто оказалъ мнѣ свое участіе въ этомъ сборникѣ.

- 1) Въ подтвержденіе сказаннаго мною прежде о нѣкоторыхъ чертахъ Кавказскихъ, встрѣчающихся въ Украинѣ, кстати замѣчу: 1) что напѣвъ *веснянки* (№ 8) имѣетъ удивительное сходство съ напѣвомъ одной Черкесской пѣсни; 2) напѣвъ известной пѣсни *Антонъ козу веде*, существуетъ у Нагайскихъ татаръ, которые подъ него пляшутъ или, лучше сказать, толкутся на одномъ мѣстѣ, сѣвшившись въ длинную вереницу.
- 2) Введеніе къ книгѣ: «Сборникъ Украинскихъ пѣсенъ, изданный Михайломъ Максимовичемъ. Кіевъ, 1849», стр. I—II.
- 3) *Первое изданіе я напечаталъ въ Москвѣ, 1827 года, подъ названьемъ Малороссійскія пѣсни, а второе напечатано тамъ же, 1834 года, подъ названьемъ Украинскія народныя пѣсни. Въ первомъ было помѣщено 130 пѣсенъ мужскихъ и женскихъ; во второмъ 113 пѣсенъ мужскихъ. Кромѣ того, въ 1834 году я издалъ въ Москвѣ голоса Украинскихъ пѣсенъ (25 пѣсенъ съ музыкою А. А. Алябева).*
- 4) *Сюда принадлежитъ и собраніе Русскихъ пѣсенъ, преимущественно Волинскихъ, оставшееся послѣ покойнаго З. Я. Ходаковского. Оно куплено мною у его вдовы, и нынѣ находится у меня, какъ въ собственноручномъ подлинникѣ, такъ и въ копіи, переписанной въ Москвѣ, вскорѣ по смерти собирателя.*

Къ каждому отдѣлу его я прилагаю нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній. При шестой части я изложу особо мои наблюденія и замѣчанія о народномъ пѣснопѣннѣ русскомъ вообще, и въ особенности о пѣснопѣннѣ Украинскомъ.

Но въ дѣлѣ искусства важень судъ художника; и потому я припомню здѣсь моимъ читателямъ мнѣніе Гоголя ¹⁾, котораго поэтическое дарованіе взлелѣяно звуками Украинскихъ пѣсень.

«Камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью — ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи — все: поэзія и исторія и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи».

---

¹⁾ См. статью Гоголя о Малоросійскихъ пѣсняхъ, въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1834 г., кн. 4.

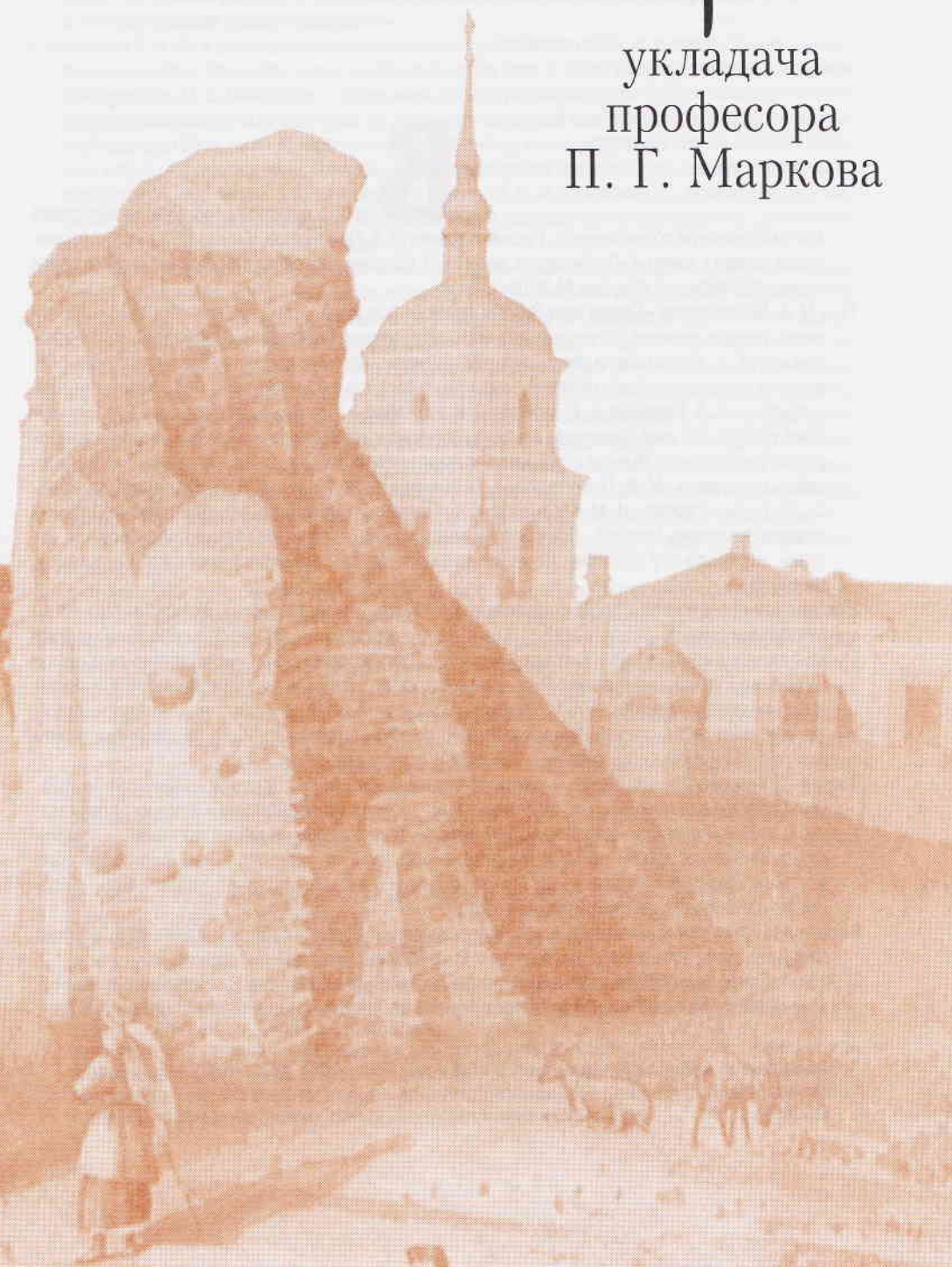
М. А. Максимович как ученый-энциклопедист настолько велик, что в равной мере принадлежит к русской, украинской и мировой культуре.

П. Г. Марков

Коментарі

укладача
професора
П. Г. Маркова

Часть I

Труды по истории Киевской Руси

В

опрос о происхождении Руси не переставал волновать научную общественность России со времен М. В. Ломоносова. В начале XIX в. волна норманизма (сперва в трудах А. Л. Шлецера, а затем М. П. Погодина) породила ответную волну антинорманизма, отстаивавшего традиции М. В. Ломоносова.

Труд М. А. Максимовича «Откуда идет Русская земля...» был издан отдельной книгой в 1837 г. Работа имела тройное значение. Во-первых, она стала теоретической платформой антинорманистов, признавших М. А. Максимовича своим лидером. Сначала в круг его единомышленников входили немногие ученые, но это были молодые и энергичные соратники: Ю. И. Венелин, Ф. Л. Морошкин, чуть позднее — С. А. Геденов, И. Е. Забелин, Д. И. Иловайский и др. Во-вторых, наряду с другими трудами ученого эта книга положила начало критическому направлению в источниковедении и историографии Украины. Именно в ней автор подверг критическому анализу труды ряда видных российских историков: М. В. Ломоносова, А. Л. Шлецера, Г. Ф. Миллера, И. Н. Балтина, И. Ф. Эверса, М. Т. Каченовского, Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого и многих других. обстоятельно проанализировав летопись Нестора «Повесть временных лет», он использовал также труды более ста авторов, изучавших эту проблему. Фундаментальность труда и эрудиция ученого поразили современников.

В послесловии обнаружилось новое отношение историка к народным преданиям, народному творчеству, летописным сводам. «Иногда в предании народном, — писал он, — затаено больше истины, чем раскрыто оно в иной догадке и в розыске ученого»¹. Здесь и оценка различных выделенных им школ и направлений по истории Киевской Руси, и защита достоверности и истинности летописей. Как первозащитник летописи Нестора М. А. Максимович писал: «... Его «Повесть временных лет» целые столетия разливала свет о древней Руси и навсегда останется многоцельным, несокрушимым памятником нашего бытописания и словесности...»². Поистине пророческие слова.

В книге «Откуда идет Русская земля...» ученый представил целый ряд рассуждений по философии, истории и взаимосвязи этих наук, что стало небывалым толчком к самопознанию в историографии страны. Если Н. А. Полевой в «Истории русского народа» только сформулировал требование к «истории, создаваемой философией», то М. А. Максимович обосновал это единство. «Сама философия стала искать самопознание в истории — как в опыте прошедшего, в вековой памяти человечества»³. Позднее это положение будет раскрыто более обстоятельно.

В-третьих, книга ознаменовала начало нового этапа напряженной борьбы с лагерем норманистов, возглавляемых бывшим университетским товарищем М. А. Максимовича М. П. Погодиным.

М. А. Максимович своеобразно ведет дискуссию о Киевской Руси в первоначальные времена. Взяв за основу «Повесть временных лет», он рассматривает на ее фоне многие аспекты проблемы. Первое, с

¹ Максимович М. А. Откуда идет Русская земля... // Собр. соч.: В 3 т. — СПб., 1876—1880. — Т. 1. — С. 64.

² Там же. — С. 63.

³ Там же. — С. 89.

чем сталкивается читатель, — это предложенная ученым периодизация истории, которая в его трактовке должна быть общей для Украины и России. Представляют научный интерес теоретические положения и аргументы по поводу этнической истории, исторической общности славян, развития культуры и т. д. Большую часть материала он включил в примечания, как бы сделав заявку на «теоретический почин», который он раскроет в последующих работах, прежде всего в «Начатках русской филологии» и «Истории древней русской словесности».

В свое время В. Н. Татищев выдвинул произвольную этнографическую схему, по которой славяне, явившиеся с юго-запада, завоевали землю русов, приняли их имя, а затем распространили его в Южном Приднепровье. М. В. Ломоносов в «Замечаниях на диссертацию Миллера» («Происхождение имени и народа российского») выдвинул идею об исконности поселений славян в Восточной Европе, этнической общности Руси, но из-за недостатка этнографических и лингвистических знаний не смог разрешить вопроса об их этногенезе. В истории и филологии тех лет были известны несколько сходных по содержанию концепций (А. Х. Востокова¹, Ф. Палацкого², Н. И. Надеждина³, В. Копитара⁴ и др.), среди которых особо выделялась дуалистическая система Й. Добровского⁵ (в ней, например, русский язык включался в разряд «языков задунайских»).

Оценивая наследие М. А. Максимовича по истории Киевской Руси, следует выделить следующие теоретические положения, которые значительно расширили рамки научных представлений и принесли ему авторитет одного из виднейших славистов XIX в. Основываясь на тщательном сопоставлении известных свидетельств, М. А. Максимович разработал новую систему и теоретические положения о генезисе славянских народов и их территориальности. Он ввел в науку деление славян на две половины (восточную и западную) и четыре разряда, или группы: юго-восточную, северо-восточную, юго-западную и северо-западную. Эта схема, хотя и несколько ограниченная (ученый рассматривал проблему этногенеза главным образом на основе анализа языков и лингвистики), выгодно отличалась от системы Й. Добровского и Е. Новикова и была признана наиболее приемлемой. На самом деле искусственность известных в то время схем проявлялась хотя бы в том, что в первый разряд были совокупно включены: русский (первый отдел), болгарский (второй отдел) и иллирийский языки; во второй — лашский, или польский (первый отдел), чехословенский (второй отдел) и полабский (третий отдел)⁶.

Заслуживают внимания также попытки М. А. Максимовича объяснить исторические особенности этногенеза и указать на главные этнические центры языковой консолидации украинцев, русских и белорусов. Он, в частности, отмечал, что в связи с усилившейся внутренней общностью («соединением восточных славян» по отдельным регионам — областям) и развитием городов происходит процесс объединения, при котором язык той или иной местности становится главным («образцовым для целой области») — областным наречием и т. д.⁷ Одна часть славян северо-восточной отрасли «образовалась вместе с новгородцами и прочими среднерусскими славянами — вятичами, курянами — в народ великорусский, собственно русским у нас теперь называемый». Вторая их часть (дреговичи, туровцы, радимичи и прочие) составила белорусскую народность. «Образование южнорусского языка, — писал М. Максимович, — сперва в Украине, потом в Червонной Руси, происходило, без сомнения, под влиянием киевской или полянорусской речи. Потому и доньше Киево-Переяславская речь... есть главная и образцовая разность

¹ Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке // Тр. 0-ва любителей рос. словесности. — 1820. — Ч. 18.

² Палацкий Ф. История Богемии. — М., 1836.

³ Надеждин Н. И. Европейизм и народность // Телескоп. — 1833. — № 1.

⁴ Копитар В. Глаголита. — М., 1836.

⁵ Добровский Й. Грамматика языка славянского по древнему наречию. — СПб., 1833. — Ч. 1.

⁶ Современная наука подразделяет славян на 6 групп (см.: Якубинский Л. П. История древнерусского языка. — М., 1953. — С. 47; Головин Н. Введение в языковедение. — М., 1973).

⁷ Максимович М. А. История древней русской словесности. — К., 1939. — Кн. 1. — С. 37—38. Здесь, как видим, прослеживается попытка указать на некоторые объективные факторы этногенеза, в частности, на такой важный аспект, как рост городов со всеми вытекающими отсюда последствиями их экономического и культурного развития. Однако это понятие только упоминалось и не получило достаточного обоснования.

южнорусского языка...»¹. Этническим ядром нынешнего русского языка было «наречие московское, которое потом распространилось по целой России...»², ядром белорусского следует считать полоцкое наречие. Указав на сходство и различия славянских народов и их языков, М. А. Максимович одним из первых отметил полногласие восточных славян («протяженность») и «сокращенность» звуков языков западных. Между славянскими народами, писал ученый, обнаруживается сходство (родство) по многим направлениям, традициям, этнографическим признакам, языкам, в которых много общих слов и т. д. «... Эти слова, — писал он, — принадлежат им как родовое, наследственное имущество; и каждое из двух наречий может считать их у себя своею, неотъемлемою, неприкосновенною собственностью»³.

Позднее теоретические выводы М. А. Максимовича по этому вопросу получили всеобщее признание. Наиболее принципиальным в анализируемой работе ученого был вопрос о славянстве Руси. Детально рассмотрев различные концепции и трактовки, он делает вывод: все теории и догадки относительно норманских корней славян являются «научной ересью» и «глазным обманом». «... Варяги были иноязычниками, иноплеменниками славянам: варяги только жили и работали у них... С именем варяга у руссов умножалось понятие о чужом, нерусском; и в половине XI века словом *варяжский* означали у нас уже противоположное греко-восточному и славяно-русскому — *западное*»⁴.

Идеи М. А. Максимовича о славянстве Руси были решительно поддержаны прогрессивной частью русской интеллигенции. Положительно отозвался об ученом Н. А. Добролюбов в рецензии на труд М. П. Погодина «Каменный период русской истории», или, точнее, «Норманский период русской истории». Эта книга, по мнению Н. А. Добролюбова, отражает тенденции низкопоклонства перед Западом, антинародность и, следовательно, реакционность⁵. Н. Г. Чернышевский в статье «Замечание на «Последнее слово г. Погодину — г. Костомарова» писал: «Кто имеет хотя бы малейшее понятие о сравнительной филологии и о законах исторической критики, видит совершенную нелепость доказательств, которыми старые учения подтверждали норманство Руси»⁶.

Однако аргументы М. А. Максимовича о локализации имени «Русь» не были равнозначными. Пытаясь в большинстве своих начальных работ обосновать непризнанную современной наукой гипотезу (о том, что имя «Русь», «руссы» произошло от прибалтийских славян), позднее он пришел к убеждению, что так называлось местное население Поднепровской Руси.

В этом же произведении ученый решительно заявлял и аргументировал вывод: «... я принимаю несомненно руссов за особый народ, принадлежавший к северо-западной отрасли славян»⁷.

Следует особо отметить, что и это мнение не отвергнуто напрочь современной наукой.

Серьезной критике подверг М. А. Максимович ложный аргумент норманистов о племенной (семантической) взаимосвязи руссов и варягов и, наоборот, об отсутствии каких-либо связей с норманнами. И здесь мы снова видим, как тесно переплетаются его труды по истории с трудами филологическими. Книга «Откуда идет Русская земля...» дополнена рядом других работ, в частности такими, как «Начатки русской филологии» и «История древней русской словесности». «От разных народов, — писал ученый, — наслушалась песен древняя Русь, и может быть, что многие звуки из тех песен отзывались в пении русском. Однако источником народной поэзии было собственное живое чувство: ее «зарождает души глубина». Это относится не только к русской исторической поэзии; «все, что есть у нас древнейшего, веет

1 Максимович М. А. История древней русской словесности // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 3. — С. 401.

2 См.: Там же. — С. 403. Эти теоретические положения в общей основе совпадают с современными. Так, И. Я. Черных отмечает: «Именно на почве объединения славян, кривичей, вятичей, северян и других племен... возникло новое этническое образование — русская народность. Поляне, древляне, вольняне, уличи и тиверцы и, возможно, часть северян — вот состав этой этнической группы, на основе которой с течением времени сложилась украинская народность... В центральной части современной Белоруссии в древние времена... «сидели дреговичи и радимичи» (Историческая грамматика русского языка. — М., 1952. — С. 42).

3 Максимович М. А. Филологические письма к М. П. Погодину // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 3. — С. 210.

4 Максимович М. А. Откуда идет Русская земля... // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 52.

5 Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. — М., 1963. — Т. 6. — С. 39.

6 Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 3, д. 4525, л. 2.

7 Максимович М. А. Откуда идет Русская земля... // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 72.

духом славенщины»¹. М. А. Максимович вводил в оборот ранее не известные сведения из топонимии, филологии, этнографии, сопровождая их выводами по лингвистике, семасиологии, фольклору и т. д. Славянство, заключал он, проявлялось во всем бытии Древней Руси — в языке, образах, поэзии, религии, в священных книгах, культуре, фамилиях, именах, названиях местечек и многочисленных рек (речки Рось на Киевщине около Канева, Рушинова Белка в Екатеринославской губернии, Руся недалеко от Рылска, село Русаново около Борисполя и др.)². Норманны вообще не передавали никогда языка своего, но сами принимали язык народов, у коих поселялись»³. В славянстве отразилась вся история Киевской Руси.

Книга «Откуда идет Русская земля...» содержит немало интереснейших, новаторских на то время интерпретаций многих вопросов отечественной истории, которые ученый разовьет и усилит в своих позднейших трудах. Интерес читателя, несомненно, вызовут фрагментарные, но представленные в историографии впервые, сведения о времени возникновения названий Украина (1187 г.), Малая Русь (с 1335 г.), Великая Русь (с 1340 г.), Белая Русь (XIV в.).

Завершив этот труд, М. А. Максимович обещал дополнить свои исторические исследования новыми изысканиями по древней русской словесности. Ученый сдержал свое слово: сформировался уникальный симбиоз, в котором исторические труды неотделимы от филологических. Книга и сегодня остается поистине энциклопедическим словарем по истории Киевской Руси.

Ряд работ М. А. Максимович посвятил Волини. Это статьи «Волинь до XI века» (1841), «Земля Волинская» (1850—1860), «Заметка о земле Волинской» (1864). В наше издание мы включили статью **«Волинь до XI века»**. К этой же теме он возвращался в статьях «Родословная заметка киевлянина», «О мнимом запустении Украины в нашествие Батьево и населении ее новопришлым народом», «Об употреблении названий Россия и Малороссия в Западной Руси», «Книжная старина Южно-Русская», «О надгробиях в Печерском монастыре» и др. Значителен также объем рукописных заметок ученого по истории Волини.

И это не случайно. Волинь — одна из многострадальных, богатых памятниками и событиями областей, составная часть Киевской Руси в годы монголо-татарского ига — с 1240 г. до освобождения Киева великим князем литовским Гедимином в 1320 г. С тех пор эта благословенная земля, находясь то в составе Великого княжества Литовского, то Польши (до 1793 г.), была отторгнута от Украины. В освещении истории этого края было немало фальсификаций.

М. А. Максимович — первый историк, который, начиная с 40-х годов XIX в., решительно отверг антинаучные националистические претензии польских историков и просчеты отечественных ученых, утверждавших, что местные жители — не коренные, а перекочевавшие с Волги; что польский король Болеслав Храбрый с согласия владимирского князя подчинил эту землю, ставшую исконно польской. В трактовке М. А. Максимовича все это — исторический призрак польской шляхты. По его мнению, земля Волинь, подобно земле Киевской, с древнейших времен была заселена славянами.

Читатель также придет к убеждению, что М. А. Максимович справедливо исправил ошибку В. Б. Антоновича: Волинь была присоединена к Литве в 1402, а не в 1454 г.

Необходимо отметить еще одно достоинство работ М. А. Максимовича о Волини. Именно его изысканиям наука обязана открытием и весьма детальным историко-топографическим описанием древнейших волинских городов — Степана, Пересопницы, Дубровицы.

Эти и другие статьи отразили также сущность эпохального спора вокруг истории украинского народа, его языка и первых именных определений — Малая Русь, Малороссия, Украина. Речь идет, мы бы сказали, о споре вокруг вопроса о понимании и зарождении суверенитета Украины. Кстати, в этом споре принимали участие многие историки и филологи того времени, в том числе сам М. А. Максимович, М. П. Погодин, И. И. Срезневский, И. В. Лавровский, Н. И. Греч и др. По этому вопросу М. А. Максимович написал М. П. Погодину 18 писем-статей и отдельную статью **«О мнимом запустении Украины в нашествие Батьево и населении ее новопришлым народом»** (также представленной в данном издании).

¹ Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 1, д. 550, л. 24.

² См.: Максимович М. А. Откуда идет Русская земля... // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 40—46.

³ Там же. — С. 14.

В статье «Волынь до XI века» мы находим любопытное утверждение: «Само название Малороссии или Малой Руси — *Russia minor* — первоначально принадлежало Волынской и Галицкой земле, и уже впоследствии распространилось на левую сторону Днепра, и даже преимущественно ею усвоилось»¹. По нашему мнению, оно справедливо.

Славяне (русские, украинцы, белорусы) — аборигены Киевской земли. «... Мы остались на корню, с которого не сильны были сорвать нас никакие вихри и бури, ниже гроза Батыевская»². И в то же время: «Первоначальный славянский язык уже давно не существует особно; но он продолжает бытие свое в нынешних языках, от него произошедших»³.

Часть II Труды по истории Киева

М. А. Максимович — один из первых исследователей истории городов, сел и памятников материальной культуры Киевской Руси — по праву является одним из основоположников истории Киева. Наследие ученого по этой тематике представляет значительный интерес. В данное издание вошли работы «Об участии и значении Киева в общей жизни России», «Очерк Киева» и «Обозрение старого Киева».

Но прежде всего следует познакомить читателя с его методологией исследования истории городов и сел. Шагом вперед было суждение М. А. Максимовича о научном и общественном значении знаний по истории городов и памятников старины. Они, в его толковании, будучи творением народа, отображают его судьбу и подъем национального самосознания. Они — немые свидетели «давно минувших времен», участники грозных исторических событий, которых завоеватели подчас безжалостно сметали с лица земли, превращая в прах. Оставались лишь скудные упоминания о них в летописях. Но нередко и камни родной стороны, писал ученый, говорят громче современников. Памятники материальной и духовной культуры являются общечеловеческим достоянием; «ими поясняется вся древняя жизнь нашего Отечества, а через то и целая жизнь его»⁴. Исследователь призывал всесторонне изучать это национальное богатство и защищать от глумления космополитов.

Методология исследований М. А. Максимовича сводилась к следующему. Ученый стремился описывать города и села, во-первых, в хронологической последовательности и в историко-топографическом плане; во-вторых, в связи с историческими событиями и ростом духовной культуры; в-третьих, в плане районирования по зонам. И действительно, в некоторых его записках города подразделяются на восточно-украинские и западноукраинские, в том числе «полковные, поветовые и уездные»⁵, малоизвестные (древние), о которых есть лишь отрывочные летописные сведения и народные предания, и возникшие в более позднее время — более-менее описанные и чаще упоминаемые в различных источниках. «Одни из них существуют и ныне городами разного состояния, на месте других стали запустелые урочища; а на долю некоторых досталось среднее звание местечек и простое бытие сельское»⁶.

М. А. Максимович положил начало критическому освоению исторических известий, представив науке тех лет ряд новых выводов о древнем Киеве⁷. Вместе с Н. В. Закревским, М. Ф. Берлинским и другими

1 Максимович М. А. Волынь до XI века // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 106.

2 Максимович М. А. Собр. соч.: В 3 т. — Т. 3. — С. 29.

3 Максимович М. А. Начатки русской филологии // Там же. — С. 58.

4 Максимович М. А. История древней русской словесности // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 3. — С. 387.

5 Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 2, д. 2427, л. 3—37.

6 Максимович М. А. Воспоминание о городах Пересопнице и Дубровицах // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 391.

7 Многие ученые того времени считали М. А. Максимовича одним из наиболее видных знатоков истории Киева. Так, М. В. Юзефович писал, что «нет человека, который лучше Максимовича мог бы составить описание Киева» (Киев. старина — 1904. — Т. 35. — С. 111). Круг ученых, изучавших историю города, был в то время весьма ограничен. До приезда М. А. Максимовича в Киев были изданы альбомы рисунков К. Н. Бороздина, опубликованы работы М. Ф. Берлинского, Е. А. Болховитинова, Л. Е. Остромыслинского, А. А. Писарева, Н. Самойлова. Некоторые сведения о Киеве содержат труды В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, М. П. Погодина и др.

учеными он перешел к систематическому изучению и обобщению имеющихся на то время сведений. Позднее их выводы и положения стали основой для дальнейших исследований.

М. А. Максимович предпринял попытку периодизации истории Киева, определения его границ и развития в разные периоды, представил историко-географическую панораму города, в том числе очертание главных отделений, оборонную систему, районы первоначального заселения, описал и дал оценку памятникам материальной и духовной культуры, исторической роли Киева и т. д.

Отказавшись от традиционного пересказывания сюжетов и фактов из истории Киева, ученый поставил своей целью отобразить некоторые характерные особенности эволюции города в соответствии с предложенной им периодизацией, основанной на передовых взглядах просветителей на прогресс культуры как источник развития общества. Так, в трактовке ученого первый период (до крещения Руси) характеризуется усилением могущества, расширением сферы влияния Киева как политического, культурного и экономического центра Киевской Руси. Второй период («до восстановления в нем митрополии») назван временем наибольшего политического могущества, когда возникло внутреннее единство Руси, «первое начало ее грядущего величия»¹. Третий период, по мнению М. А. Максимовича, связан с присоединением Киева к Великому княжеству Литовскому, засылем польской шляхты, борьбой за освобождение Украины и присоединение ее к России. В это время Киев — город, в котором «сосредоточивается народная деятельность Украины», центр просвещения всей России.

Ученый не указывал точного времени основания древнего города. По его мнению, Киев возник до VIII в., когда «основаны были три города или замка один от другого в близком расстоянии». Со временем они объединились, получив название Кий². В статье «Очерк Киева» (1847) М. А. Максимович писал: «в каком веке он начался, об этом нет исторического свидетельства». И добавлял, что уже в IX в. он значится как «небольшой городок», плативший дань хозарам, «которых имя здесь оставалось долго в названии предместья на склоне Старокиевской горы к Днепру»³. Это мнение согласуется со свидетельством летописца и подтверждается исследованиями историков советского периода Д. А. Авдосина, М. К. Каргера, В. П. Петрова, Б. А. Рыбакова, П. П. Толочко и др.

М. А. Максимович правильно сориентировал ученых в описании географической панорамы древнего Киева. Там, писал он, где располагался Киев с окрестностями, тянулась гряда гор (над Подолом и Днепром), на одном конце возвышалась Старокиевская гора со своим главным городом («городом Владимира»), на другом — гора Хоревца, недалеко от Старокиевской — Шекавица⁴. Некоторые ученые полагали, что до 1715 г. Вздыхальница (Андреевская гора) и Киселевка были единой горой, на которой стоял замок. М. А. Максимович опроверг это мнение. «Из старинной ревизии Киевского замка, — писал он, — видно ясно, что и в XVI в. гора Вздыхальница и Киселевка стояли также двумя особыми, отдельными горами»⁵. Оврагом отделялись Андреевское и Михайловское возвышения. Первоначальный Киев начинался от этого оврага и простирался вдоль Старокиевской горы до северо-западного ее предела — взвоза на Подол, позднее названного Андреевским. С юго-западной стороны оврагом отделялась от Софийского собора Десятинная церковь.

Справедливо опровергнув мнение о локализации Копырева конца на Подоле, М. А. Максимович пробудил интерес исследователей к поиску новых аргументов для доказательства. Однако его утверждение о расположении Копырева конца (в районе Вздыхальницы), подтвержденное П. Г. Лебединцевым и С. Т. Голубевым, было неубедительным, хотя позднее он неоднократно пытался доказать свой вывод

¹ Максимович М. А. Об участии и значении Киева в общей жизни России // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 9.

² Максимович М. А. (Киянин Дмитрий). Выводы о том, что в древней России поросско-украинские и дунайские трояновы валы достроены были не римским, а русским Трояном. — К., 1845. — С. 30.

³ Максимович М. А. Очерк Киева // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 24.

⁴ См.: Максимович М. А. Обзорение старого Киева // Там же. — С. 95. После М. Ф. Берлинского («Краткое описание Киева, содержащее исторический перечень города». — К., 1920) это описание было наиболее полным. Позднее оно было дополнено Е. Болховитиновым, Н. Ф. Закревским, В. Б. Антоновичем, П. Г. Лебединцевым, П. А. Лощкаревым, Н. И. Петровым и др.

⁵ Максимович М. А. Объяснительные параграфы о Киеве // Там же. — Т. 2. — С. 78.

ссылками на ряд источников, в том числе на «Тератургимы» Афанасия Кальнофойского. Аргументированно обосновал местонахождение Копырева конца в северо-западной части Киева, в районе Кудрявских склонов, Глубочицы, Вознесенского спуска лишь современный историк П. П. Толочко. Историки подтвердили мнение М. А. Максимовича о географии Наводницкого холма. М. Ф. Берлинский считал, что он находится на левой стороне Днепра (около Наводницкого потока) и назвал его Вятичевым¹. Это Наводницкий холм, писал М. А. Максимович, Вятичев же холм (в X в. на нем был город Вятичев, в конце XI в. — Святополч) находился на правом берегу Днепра, «но гораздо ниже Киева, за Трипольем».

Вызывают интерес исследования ученого о киевском Китае, киевском Белгороде на месте села Белогородка под Ирпенем (ныне село Белогородка Киево-Святошинского района). Однако относительно местоположения Лысой горы ученый допустил неточность, указав, что она находится на левой стороне Днепра (в действительности она расположена на север от Щекавицы, южная ее часть называлась Юрковской горой).

Наряду с М. Ф. Берлинским и Н. В. Закревским М. А. Максимович внес значительный вклад в определение главных отделений Киева. Однако, в отличие от М. Ф. Берлинского, он не ограничился делением Киева на три района (Печерск, Подол и Гору); он ввел в научный оборот более удачную и ныне признанную систему разбивки Киева на отделения: Андреевское («город Владимира»), Михайловское («город Изяслава»), Подол, Печерск и окраины (Дорогожичи — Кирилловский район, Угорское урочище — Аскольдова могила, Берестово, Выдубичи, Предславино и др.). М. А. Максимовичу по праву принадлежит первая попытка составления плана-реконструкции Старокиевской горы, который долгие годы считался основополагающим. И действительно, если сравнить планы-реконструкции и высказывания ученых последующих лет — Н. В. Закревского, Ф. Н. Молчановского, М. Н. Тихомирова, М. Ткаченко и, наконец, П. П. Толочко, то можно заметить их общее топографическое сходство с планом М. А. Максимовича. П. П. Толочко в своем последнем варианте синтезировал детали планов своих предшественников, взяв за основу планы-реконструкции М. Н. Тихомирова, М. Ткаченко и др.². М. А. Максимович сделал достаточно аргументированный вывод о том, что местом первоначального заселения и центральным местом древнего Киева была Старокиевская гора. Это утверждение было подтверждено более поздними исследователями.

Анализируя эволюцию города, ученый сделал правильный и достаточно обоснованный вывод о границах его расширения: в разные периоды истории одни его отделения становились главенствующими в политическом, хозяйственном и административном отношениях, другие утрачивали эту роль. Уже в IX в., писал он, с ростом населения город «перешагнул» свои границы, жильем занимались «те границы и удоля, которые от Старокиевской горы идут вверх по Днепру, к Вышгороду»³.

В первой половине XI в. стали застраивать верхнюю часть Киева. При Ярославе Мудром здесь возник «новый великий город с Золотыми воротами», Софийский собор, Георгиевский и Ирининский монастыри, Ярославов дворец и митрополия при Софийском храме⁴. Затем возникло Михайловское отделение с Михайловским собором («город Мстислава»).

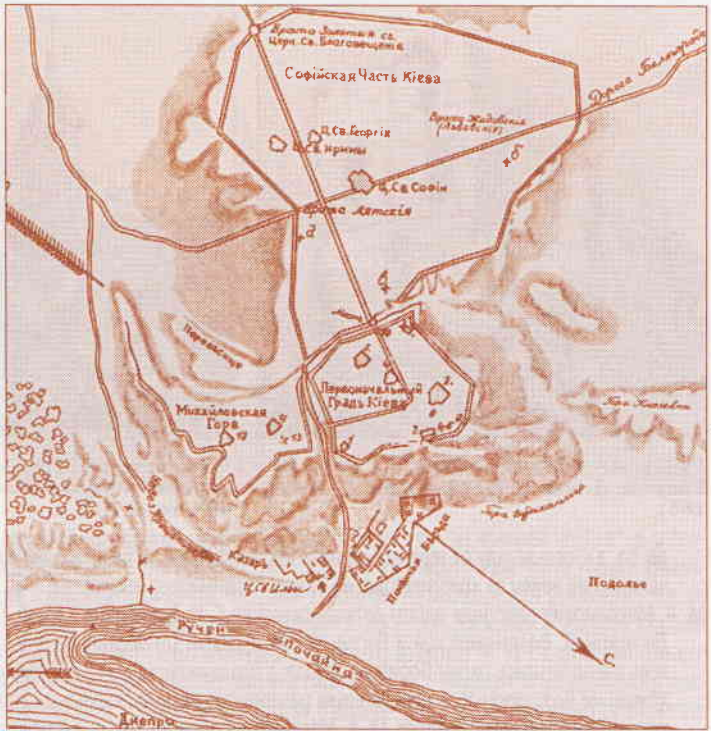
И хотя в объяснении причин эволюции Киева М. А. Максимович проявил некоторую методологическую ограниченность, ряд его положений следует признать рациональными. В частности, расширение территории древнего Киева он объяснил, во-первых, ростом торговли и ремесла, а во-вторых, тем, что Киев был столицей, важнейшим политическим центром Руси. Ученый писал: «Богатству и населен-

¹ Берлинский М. Ф. Краткое описание Киева. — СПб., 1820. — С. 183.

² Нельзя не согласиться с замечанием П. П. Толочко: «Не имея в своем распоряжении археологических материалов, Максимович правильно указал на основную территорию, которая постепенно втягивалась до границ Киева» (*Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва*. — К., 1972. — С. 12).

³ Максимович М. А. Очерк Киева // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 25.

⁴ Там же. — С. 25—26. После М. А. Максимовича наиболее полными исследованиями по этому вопросу были труды Н. И. Петрова «Историко-топографические очерки древнего Киева» (К., 1897) и С. Т. Голубева «Спорные вопросы о древней топографии Киева» (К., 1910).

План
Верхнього Києва
X—XIII в.
(по М. А. Максимовичу)

ности Киева способствовало не одно то, что он был средоточием и столицей Руси, но и его торговля, весьма цветущая в древнее время, по которой имя его было известно на Западе и на отдаленном Востоке»¹. К сожалению, эти положения не были достаточно развиты и обоснованы его последователями.

География отделений Киева во многом зависела от правильности локализации всего ансамбля древних сооружений. И, несомненно, определенная заслуга в этом также принадлежит М. А. Максимовичу. Ныне его выводы и представленные сведения во многом носят справочный характер или отвергнуты современной наукой, но в свое время они были необходимыми вехами в развитии знаний об истории города. Например, нет единого мнения о местоположении княжеских дворов, и в одной из черновых записей ученого мы обнаруживаем сведения о существовании двух княжеских дворов в древнем «первоначальном Киеве». По его предположению, один из них находился в самом городе, другой — вне его (назывался Теремным, потому что «был при тереме каменном», стоявшем на восток от Десятинной церкви, над горой, между Андреевской и Трехсвятительской церквями»². В «Обозрении Старого Киева» (1840) М. А. Максимович писал, что каменный терем с большим теремным двором был сооружен еще при первых русских князьях³. В его работах мы можем найти интересные сведения о дворе Ярослава, «Красном дворе» Всеволода, о дворе Варяга Федора, о котором позднее писал С. Т. Голубев⁴, митрополичьем замке на Кудрявце и т. п.⁵ По его мнению, Перунов холм находился вне теремного

¹ Максимович М. А. Очерк Киева // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 27.

² Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 2, ед. хр. 2417, л. 6.

³ Максимович М. А. Обзорение старого Киева // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 97.

⁴ Голубев С. П. Спорные вопросы о древней топографии Киева. — К., 1910.

⁵ См.: Максимович М. А. Обзорение старого Киева // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 117.

Руины Десятинной церкви.
Рисунок А. ван Вестерфельда.
1651

Васильевская (Трехсвятительская)
церковь. Рисунок Ф. Г. Солнцева.
40-е годы XIX в.

двора, а к юго-западу от терема был двор Варяга Федора, «где он с сыном своим Иоанном принял мученический венец за христианство, во время Владимирова язычества...»¹.

М. А. Максимович дополнил рядом деталей сведения К. Н. Бороздина и М. Ф. Берлинского о локализации Десятинной, Воздвиженской и Васильевской церквей. Он правильно определил, что Десятинная церковь располагалась около Боричева взвоза, а Воздвиженская — к востоку от Десятинной². О местонахождении Воздвиженской церкви наука располагает весьма скудными сведениями, более того, до сих пор не обнаружены ее остатки. М. А. Максимович полагал, что она (сначала деревянная, а позднее каменная) была построена на юго-востоке от нынешней Андреевской церкви не Мстиславом Романовичем в 1212 г., как утверждали Е. А. Болховитинов и Н. В. Закревский, а Мстиславом Мстиславовичем в 1215 г. Сооружение Васильевской церкви им отнесено ко времени княжения Владимира после низвержения языческих кумиров в 988 г. на том месте, где позднее стояла Трехсвятительская (около нынешней станции фуникулера), что подтверждается достоверными источниками. Однако в описании истории этого древнейшего храма ученый, к сожалению, допустил неточности. Также ошибочно указав локализацию Копырева конца, он необоснованно определял местоположение Семеновского монастыря и Иоанновой церкви на горе Вздыхальнице. Очевидно, по этой же причине он считал, что развалины Семеновской церкви существовали еще в начале XIX в. На эту ошибку правильно указал Н. В. Закревский: развалины Семеновской церкви были известны не в XIX, а в XVIII в.³

В пределах города Владимира, по мнению М. А. Максимовича, были также расположены монастыри Федора, Андреевский и Янчин, топография которых до сих пор должным образом не установлена. На-

¹ Максимович М. А. Обзорение старого Киева // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 99.

² Там же. — С. 73—74, 121. Ученый справедливо считал Десятинную церковь главным сооружением конца X в., но, в отличие от данных летописей, указывал, что она заложена не в 991, а в 988 г. Однако по этому вопросу до сих пор существуют противоречивые мнения (у М. К. Каргера и Д. А. Андрусина — заложена в 989 г., а закончена в 996 г., у П. П. Толочко — в 991—996 гг.);

³ Закревский Н. В. Описание Киева. Т. 2. — М., 1868. — С. 402. Высказав предположение, что Копырев конец находился на склонах Андреевской горы, М. А. Максимович вынужден был поставить в своем плане рядом шесть церквей, в том числе Воздвиженскую, Иоанновскую, Десятинную и Семеновскую (Собр. соч. — Т. 2. — С. 71—73, 80—81, 126 и др.). Однако в 1865 г. он, очевидно, отказавшись от прежнего утверждения («Киевлянин», 1840), писал П. Г. Лебединцеву: «Однако... польская «Бджола» заставила меня переместить ее (Семеновскую церковь — П. М.) до места Андреевской церкви, а на том конце можно поместить церковь Св. Иоанна, заложенную в 1121 г. у Копырева конца» (Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 3, ед. хр. 14766, л. 29).

**Георгиевская
церковь
(не сохранилась)
и колокольня
Софийского
собора.**

пример, ученый полагал, что Андреевский монастырь был недалеко от Десятинной церкви¹, а современные археологи, в том числе В. А. Богусевич², относят его к юго-восточной части города Владимира. В статье «О месте Киевской церкви Св. Андрея» (1866) М. А. Максимович указывает, что он находился на месте нынешней Андреевской церкви. В 1838 г. во время раскопок в усадьбе Королева (на перекрестке улиц Владимирской и Большой Житомирской) археолог А. И. Старовский обнаружил остатки церкви. М. А. Максимович подтвердил его гипотезу (см. «Журнал М-ва народного просвещения», 1839, кн. 3) о том, что здесь стояла церковь Федора³. Это предположение признано современной наукой. Однако год сооружения церкви ученым указан ошибочно (1128 вместо 1129). Привлекает внимание представленное М. А. Максимовичем описание Софийского отделения, которое он считал вторым значительным этапом в развитии древнего города, Михайловской горы и расположенных там архитектурных памятников. Он обобщил известные сведения об истории и особенностях Софийского собора как одного из выдающихся архитектурных сооружений Киевской Руси и аргументировал 1037 г. как год заложения. В 1017 г., по его мнению, сгорела построенная ранее деревянная Софийская церковь, восстановленная в том же году Ярославом. Эти выводы свидетельствовали об аналитическом подходе ученого к летописным повествованиям и утверждениям П. Г. Лебединцева и Е. А. Болховитинова⁴. М. А. Максимович дополнил также ранее известные сведения о Георгиевском монастыре, заложенном Ярославом «на запад от Софийской церкви, по направлению к Золотым воротам», Ирининском женском монастыре (заложенном «на юг от Софийского храма... в честь своей княгини Ингигерды»⁵) и церкви Благовещения над Золотыми воротами. Вслед за М. Ф. Берлинским он представил наиболее полный для того времени исторический очерк Михайловской горы. По его мнению, Михайловский монастырь был расположен напротив холма Перуна, а Дмитриевская церковь — к юго-востоку от него⁶. Позднее (в 1879 г.) П. Г. Лебединцев обосновал эти выводы дополнительными аргументами.

1 Максимович М. А. Обзорение старого Киева // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 120.

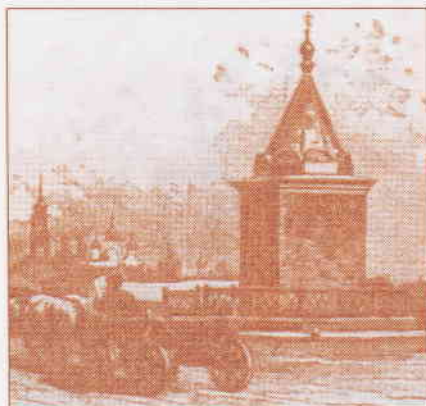
2 Богусевич В. А. Про феодальні двори Києва XI—XIII ст. // Археологія. — Т. 11. — К., 1957. — С. 18.

3 Максимович М. А. Обзорение старого Киева // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 121.

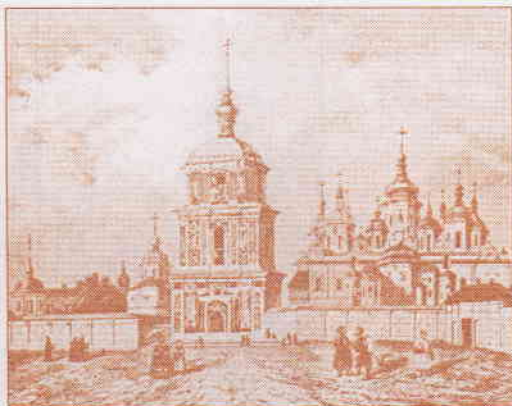
4 Болховитинов Е. А. Описание Киево-Софийского собора. — К., 1825. — С. 13—15.

5 Максимович М. А. Обзорение старого Киева // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 111—112. Развалины юго-восточной половины Ирининской церкви были вскрыты в 1833 г. Вперые более-менее подробно описана К. Каневским (см.: Журн. М-ва народного просвещения. — 1836. — Кн. 12).

6 Максимович М. А. Обзорение старого Киева // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 106—107.

Остатки церкви Св. Ирины.
Французский художник Ф. Аанен

Михайловский Златоверхий собор.
Гравюра с рисунка Р. Космахова. 1846

Особое место в истории и археологии занимал вопрос об изучении оборонительной системы и узлов укрепления древнего Киева. М. А. Максимович предпринял первую попытку составления их плана-реконструкции (чертеж Старого Киева). В соответствии с этим планом трасса вала на Старокиевском участке простиралась по склону, а на Софийском — от Золотых ворот до Михайловского Златоверхого монастыря по верхним склонам горы, спускавшейся в сторону Крещатика. Учитывая последние данные науки, эта схема устарела: согласно ей, «Ярославов город располагался лишь на плато Киевского нагорья, не спускаясь по склону Крещатицкой долины»¹. М. А. Максимович описал Золотые, Софийские, Жидовские (в районе нынешней Львовской площади) и Лядские ворота (к юго-востоку от Золотых). Софийские ворота открывали вход к Софийскому собору и располагались на земляном валу, опоясывавшем весь город. М. А. Максимович полагал, что они, подобно Золотым воротам, были сложены из кирпича и камня (разобраны при коменданте Массе в 1799 г.)².

Большое значение имели выводы М. А. Максимовича о Подоле времен древнего Киева. Среди историков XIX в. бытовало мнение о его необитаемости. Ученый опровергал это суждение, полагая, что поселение в этом районе было еще во времена Аскольда и Дира (и даже до княжения их в Киеве). «Со времени Олегова, — писал он, — предполагаю подворение гостей или купцов новгородских в самой середине Подола, на Торговице»³. Правда, в некоторых печатных работах он высказывал сомнения относительно обитаемости Подола в указанные времена. Но первый его вывод был основополагающим. Раскопки в Киеве в 1971—1972 гг. и выводы М. Н. Тихомирова подтверждают гипотезу о появлении первых поселений на Подоле и близлежащих нагорьях (в сторону Кирилловской церкви). М. А. Максимович собрал и проанализировал довольно обширные сведения об Оболонье⁴, Киселевке, Шекавице, Хоревике⁵, Кирилловском районе и сосредоточенных там архитектурных памятниках, составил список монастырских и церковных сооружений, сопроводив его краткими комментариями.

Некоторые историки полагали, что Киевский замок и старый город — одно и то же. По предположению Н. В. Закревского и М. Ф. Берлинского, замок находился на Вздыхальнице и был построен поляками. В науке закрепилось мнение М. А. Максимовича, обоснованное им в 1840 г. в «Киевлянина», а имен-

¹ Каргер М. К. Древний Киев. — М; Л., 1958. — Т. 1. — С. 250.

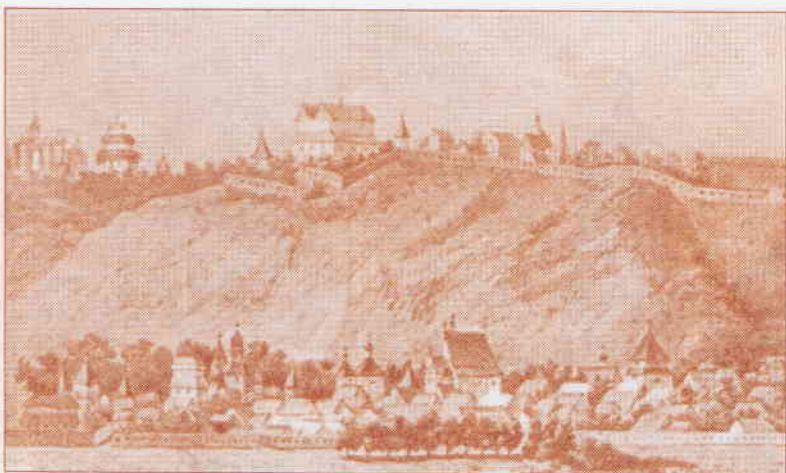
² Максимович М. А. Обзорение старого Киева // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 101.

³ Там же. — С. 94.

⁴ Оболонье, по его мнению, было заливным и значительным по площади, «на нем киевляне пасли свои стада и совершали поклонения скотью богу Волосу» (Там же. — С. 95).

⁵ Хоревичу историк ошибочно отождествлял с Вышгородом («на другом конце гора Хоревца с некогда процветающим на ней Вышгородом и укрывающимся за нею Межигорьем» // Там же).

Вид
Київського
замка
на Замкової
горі.
Копія
с рисунка
А. ван
Вестерфельда.
1651

но: что замок был расположен на горе Киселевке; кроме этого, он привел интересные сведения об истории его сооружения, первых воеводах города, пожарах и т. п. В 1841 г. были обнаружены важные сведения, подтверждающие вывод М. А. Максимовича, — древняя «ревизия» и описание замка, присланное ученому бароном Шодуаром. Позднее Н. В. Закревский вынужден был признать: «Впрочем, после приведенных выше свидетельств я почитаю мнение Максимовича, что Киевский замок находился на горе Киселевке, вероятнейшим пред другими»¹.

Как известно, под административно-хозяйственным влиянием древнего Киева находилась значительная территория: Печерский монастырь, Дорогожичи, Клов, Урочище Угорское (Аскольдова могила), Берестово, Выдубичи, Долобск (Киевское левобережье). Большинство названных околиц также упоминается в произведениях М. А. Максимовича.

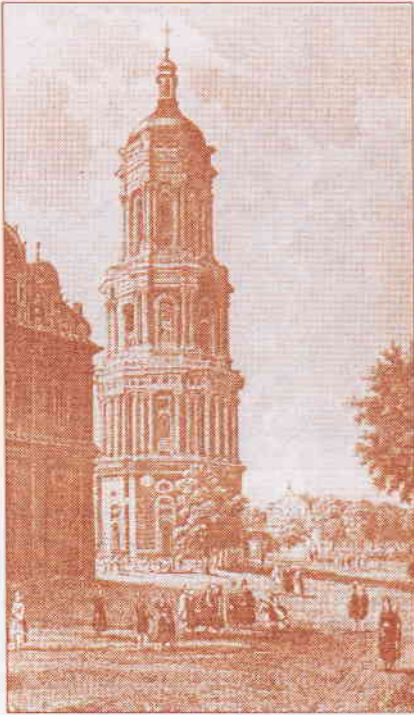
Нельзя утверждать, что о Киево-Печерской лавре до М. А. Максимовича никто не писал. Сведения о ней мы находим у итальянца А. Гваньини, в дневнике Э. Лясоты, у Г. де Боплана (40-е годы XVIII в.), в произведениях церковных деятелей — Феофана (Шиянова), Макария (Булгакова), Евгения (Болховитинова), ректора духовной академии Иннокентия (Борисова) и многих других. Однако, поскольку М. А. Максимович был профессиональным историком, его историческая палитра была ярче, исследования — систематичнее и фундаментальнее. «Печерское отшельничество в Киеве», по его мнению, началось «за селом Берестечком» (Берестовом) во второй половине XI в. по инициативе Антония и Феодосия. О правдоподобности этого вывода свидетельствует целый ряд источников, в том числе Печерский патерик и находки археологов. В 1073 г. Святослав Ярославич, писал М. А. Максимович, начал здесь строительство Успенской церкви («Пресвятой Богородицы»)², а в 1159 г. «Печерский монастырь возведен в степень лавры Андреем Боголюбским по завещанию отца его Юрия Долгорукого»³. М. А. Максимович, пожалуй, одним из первых рассказал об истории строительства Лаврских ворот (сооружены Святославом — правнуком Ярослава).

В большинстве работ ученого о Киеве всесторонне рассматривается вопрос: какое значение имели памятники материальной культуры в прошлом и какую роль они играют теперь. Убеденно, с глубоким чувством патриотизма историк рассказывал об эстетической ценности архитектурных памятников, часто прибегая к аналогии — сравнивая киевскую старину с западноевропейской. Он восхищался мастерством древнерусских архитекторов. В статьях и заметках об Урочище Угорском (Аскольдовой могиле),

¹ См.: Максимович М. А. Письма о Киеве. — СПб., 1876. — С. 21.

² Этот замечательный храм, напоминающий Софийский собор, был разрушен в период фашистской оккупации Киева и восстановлен в 2000 г.

³ Максимович М. А. Обзорение старого Киева // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 92.

Аскольдова могила.
Акварель
Т. Г. Шевченко.
1846

**Главная колокольня
Киево-Печерской лавры.**
Литография с рисунка
М. Бударина.
1860

истории церкви Николая, сооруженной там Ольгой¹, Выдубичах и Межигорье он высказал предположение о раннем заселении урочища, что было подтверждено археологическими раскопками 1851 г., во время которых здесь был обнаружен клад арабских монет, и палеографическим анализом И. И. Срезневского надписей на стенах Угорской пещеры. Здесь было также кладбище, на котором в 1809 г. воронежский купец С. М. Мещеряков на месте старой деревянной церкви поставил небольшую каменную (Николаевскую).

Оценивая роль Киева в отечественной истории, М. А. Максимович указывал на его широкие связи с другими городами Руси, Запада и Востока. Он был одним из первых украинских ученых, который ввел в научный оборот обнаруженные в разных источниках примеры роста торговли. В 1018 г., указывал он, в Киеве было 8 торговых площадей; Древний Киев считался «сборным местом всех торговых судов, которые из целой Руси отправлялись в Черное море к болгарам, корсунцам, грекам и сириянам ...», здесь был склад skóry или пушных мехов, составлявших тогда главный товар русский»². Киев изобилует греческими (золотом, винами), венгерскими, чешскими и галицкими товарами. Исследователь отмечал, что еще до соединения с Московией Киев доставлял ей средства к просвещению.

Киев играл немаловажную роль в общей жизни России и в последующие периоды. Например, в первой половине XIX в. Киевская академия, в которой в свое время учился М. В. Ломоносов, была для нее главным центром просвещения.

1 В позднейших списках русской летописи построение этой церкви было приписано Ольге. Ученый полагал, что это имя придумано летописцами и произошло от слов «Ольмин двор», который находился здесь же и в первоначальных списках Несторовой летописи, между прочим, был назван «Ольжиным двором»: «подобно тому, как Вышгород, принадлежавший Ольге, называется в летописях град Ольжин» (Максимович М. А. Обзорение старого Киева // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 92).

2 Максимович М. А. Очерк Киева // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 27.

**Братский
монастырь —
центр
образования
XVII—XVIII в.
Гравюра
неизвестного
художника.
Середина XIX в.**

Ученый не только исследовал роль Киева в отдельные периоды развития государства, но и глубоко обосновал огромное гражданское и воспитательное значение его многовековой истории. И хотя после возвышения Москвы, писал исследователь, этот древний город заметно утратил свою славу, он не потерял значения и по-прежнему хранит величие старины, его имя всегда будет святым залогом древней красоты...

Часть III Труды по истории Украины

Историю Украины М. А. Максимович изучал в течение всей своей жизни: и в Новгород-Северской гимназии, и штудирюя естественные науки и народное творчество в Московском университете, и создавая фундаментальные труды по филологии. Но преобладающей эта проблема стала после его переезда в 1834 г. в Киев и особенно в годы «михайлогорского изгнания». Здесь, в Прохоровке (чуть ниже по Днепру от Канева) ученому легче думалось, но не всегда легко работалось...

В эту часть сборника включены работы по трем основным направлениям: а) истории казачества и крестьянско-казацких восстаний; б) Освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг.; в) движению гайдамаков и Коливищине. Почему именно по этим направлениям? Во-первых, и прежде, и теперь имеют место печальные факты фальсификации, тиражируемые в большинстве так называемых научных трудов, учебников и СМИ. Во-вторых, в дореволюционный период указанные события были наиболее судьбоносными для украинского народа. И, в-третьих, ныне, в атмосфере повышенного внимания к прошлому своего народа, знание этих исторических пластов, представленных в трудах выдающегося ученого XIX в., обретает характер мощного инструмента формирования политической культуры современного общества.

Труды М. А. Максимовича по истории Украины — образец блестящей научной публицистики. Ни один исследователь ни до ни после него не сравнится с ним по широте охвата материала, силе и яркости аргументации. Его труды — публицистический гимн казачеству и его предводителям — героическим защитникам украинского народа. Из работ непосредственно по истории казачества в сборник вошли три: «О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшего в XVII веке», «Исторические письма о казаках приднепровских», «Сказание о гетмане Петре Сагайдачном». Сразу же отметим, что эта тема присутствует в большинстве печатных работ ученого, во множестве архивных материалов.

Статья «Исторические письма о казаках приднепровских» (1865), с которой следует начать анализ произведений по данному вопросу, содержит пять писем к М. В. Юзефовичу — помощнику попечителя Киевского учебного округа — в связи с выходом в свет третьей части «Архива Юго-Западной России» с предисловием известного украинского историка В. Б. Антоновича.

**Дмитрий
Вишневецкий.
Работа
неизвестного
художника.
Масло.
XVIII в.**

- В чем значение этой работы для развития исторической мысли? М. А. Максимович сделал успешную попытку систематизировать знания по большинству спорных проблем истории возникновения казачества, в том числе о времени и причинах его зарождения; формировании структуры управления; генеалогии гетманов. Велика заслуга ученого в исправлении многих просчетов современных ему историков, как польских (М. Бельского, В. Кановского и др.), так и отечественных (Д. Н. Бантыш-Каменского, Н. А. Маркевича, П. А. Кулиша, Н. А. Костомарова, М. О. Кояловича, С. М. Соловьева, и др.).
- В. Б. Антонович, с которым по ряду вопросов был согласен Н. И. Костомаров, называл три условия возникновения казачества: наличие княжеского элемента (основополагающий фактор), общинное устройство и татарские набеги. Выдвигая теорию аристократического происхождения казачества, он отмечал, что оно было создано князьями Гедиминового рода с целью колонизации и защиты края; польские короли совершали «благородную миссию» — даровали новые права и расселяли казаков по всей Украине.
- Отмечая просчеты В. Б. Антоновича, М. А. Максимович писал: «...Почти все тогдашние лица и события являются тут или не в своем виде, несвоевременно, или неуместно»¹. Более сокрушительного обвинения этот видный историк не слышал ни ранее, ни после смерти М. А. Максимовича.
- Но обратимся к статье и отметим основополагающие принципы ученого. «Казачество возникло самостоятельно, не под непосредственным воздействием князей Гедиминова дома»; возникновение его было обусловлено тремя упомянутыми ранее причинами (см. биографию. — П. М.); «Исторически известными становятся казаки на Украине после 1471 г., когда Киевское княжество обращено было в воеводство»², а как организованное движение — в начале XVI в. Современная наука признает это утверждение.

¹ Максимович М. А. Исторические письма о казаках приднепровских // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 278.

² Там же. — С. 310.

**Евстафий
Дашкевич.
Гравюра
Я. Мажейко.
80-е годы
XIX в.**

В 1859 г. М. А. Максимович написал обстоятельное письмо С. М. Соловьеву («Заметка о казацких гетманах»). В определенном смысле согласившись с утверждением российского историка («казак или беглый холоп, или крестьянин были синонимы»), он утверждал, что этого недостаточно. «Нет, с именем малороссийского казачества соединялось у нас понятие воинства; казак и рыцарь — вот синонимы! Взгляд на казачество как на хлопство есть взгляд польско-аристократический, явившийся уже в то время, когда казачество стало во вражде и борьбе с панством королевства Польского»¹.

На этапе возникновения и развития казачества «не было казацких гетманов из князей», первый из рода князей Гедиминовичей — Дмитрий Вишневецкий появился только в 1556 г. Казаки не были ратными общинными людьми, как полагали некоторые историки, это беглые крестьяне. Историки, справедливо отмечал далее М. А. Максимович, совместили во времени или спутали одних деятелей с другими (речь идет о Д. Вишневецком, Е. Ружинском, П. Лянцкоронском, Е. Дашкевиче). Более того, последний не был ни первым гетманом, ни первым атаманом запорожским, а лишь старостой черкасским и каневским. Однако ему «тогдашнее казачество обязано своим усилением и распространением на Украине Приднепровской»².

В исторической науке того времени традиционно (вслед за автором «Истории руссов») Е. Ружинскому приписывали реформу казачества, в том числе и введение реестра. Д. Вишневецкий представлен в «Истории руссов» как видный деятель, этаким благодетель, восстанавливавший разоренные города, а Е. Ружинский, подобно Б. Хмельницкому, — преобразователь казачества и Украины. Назвав Е. Ружинского героем, В. Б. Антонович писал: «Евстафий объединил собою и увлек под свою власть южнорусское казачество, разрозненное по уделам»³. Ссылаясь на множество архивных документов («Описание волынских замков», «Гербы рыцарства Польского», «Книгу Львовского братства», церковные памятники Киево-Печерской лавры, завещание П. Сагайдачного, письмо К. Острожского Е. Ружинскому и др.), М. А. Максимович убедительно раскрыл ошибочность утверждений В. Б. Антоновича и польских историков, назвав их «историческим призраком», грубой ошибкой. Историк не отрицал, что некоторые князья пытались руководить казачеством, однако не сыграли сколько-нибудь значительной роли, а, наоборот, нередко препятствовали его развитию. В 1514 г. не было и быть не

¹ Максимович М. А. Заметка о казацких гетманах // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 317.

² Максимович М. А. Исторические письма о казаках приднепровских // Там же. — С. 293.

³ Архив Юго-Западной России. — К., 1863. — С. 29.

- могло Черниговского, Северского и Нежинского полков, в первой половине XVI в. — Острянского, а в Восточной Украине — Полтавского, Гадячского и Миргородского. Тогда возникали только роты или сотни, у казаков были атаманы, а главным их начальником был гетман. Приписываемое Е. Ружинскому сорокатысячное реестровое казачество и двадцать полков относятся к эпохе Зборовского договора (1649).
- За подобные неточности М. А. Максимович критиковал также Н. А. Маркевича, считавшего, что Прилуцкий полк был организован «около 1516 года князем Е. Ружинским» (в то время, иронизировал ученый, этот князь «гулял еще отроком»). «Пора, пора бы, — писал историк, — этому призрачному герою с его небывальными полками исчезнуть из истории первого сорокалетия XVI века»¹. По мнению М. А. Максимовича, «товарищество запорожское» со своим атаманом существовало еще до того, как вернулся из Москвы и пришел к казакам Е. Дашкевич.
- Признавая заслуги Д. Вишневецкого, М. А. Максимович категорически отвергал его идеализацию и, таким образом, был одним из первых историков, правильно оценивших деятельность этого князя. И вот какое заключение делает ученый: «На самом деле ничего этого не было, да и самого князя Евстафия Ружинского не было в Приднепровской Руси во всю половину XVI века, так же точно, как и Дмитрия Вишневецкого не было на Приднпровье до пятидесятих годов того века»². Это утверждение неоспоримо. Однако здесь мы должны выйти за рамки анализируемой статьи. К оценке Д. Вишневецкого М. А. Максимович обращается еще в 1834 г. в книге «Украинские народные песни». По мнению ученого, Д. Вишневецкий не был основателем Запорожской Сечи, а герой народных песен и рассказов Байда никак не отождествляется с образом этого магната.
- Правда, в статье «О сотнике Харьке и запорожце Чуприне» ученый повторил заблуждение других историков о Байде, но тут же сам усомнился в его достоверности³. Действительно, знатная шляхта вынуждена была вместе с казаками принимать участие в походах: татаро-турецкая агрессия угрожала не только украинскому народу, но и Польше и Великому княжеству Литовскому, а следовательно, феодальной собственности магнатов. Поэтому совершенно справедлива критика М. А. Максимовичем идей В. Б. Антоновича и М. О. Кояловича о сближении дворянских родов с народом, о безграничной демократии в казачестве и т. п.⁴. В этой же работе он впервые в исторической науке ввел в оборот новые, неизвестные ранее факты и сведения. Например, он поведал о том, что триста казаков во главе с атаманами Млинским и Еськовичем присоединились на Днепре к Ржевскому и вместе с великорусскими казаками под Очаковом сражались в 1556 г. с татарами. В том же году М. Еськович как посланец Дмитрия Вишневецкого приехал к Ивану III и просил его принять украинских казаков на службу. М. А. Максимович описал также факт участия украинских казаков в походе русских войск против Астраханского ханства, обнаружил сведения о переходе «украинского казачества и простонародья» на земли Московского государства, начиная с 1582 г. Например, в 1611 г. на Донец перешло 10 000 казаков.
- В статье «О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшего в XVII веке» (1857) М. А. Максимович ведет напряженный спор в защиту правды об истории казачества. Но сколь долгим и трудным оказался этот спор, доподлинно знал только сам ученый.
- В этой работе были подвергнуты резкой критике «Записки о Южной Руси» (1857) П. А. Кулиша и помещенная в них статья М. А. Грабовского. Читателя может удивить поступок М. А. Максимовича по отношению к П. А. Кулишу, который был обязан ему началом своей литературной деятельности: его первый рассказ ученый опубликовал в своем альманахе «Денница». Более того, П. А. Кулиш хорошо знал научную позицию М. А. Максимовича, блестяще изложенную еще в предисловии и комментариях к сборнику украинских песен (1834). Позднее, когда ученый окончательно прекратил с ним всякие отношения, П. А. Кулиш жаловался на неодолимость авторитета и критики М. А. Максимовича.

1 *Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 2, ед. хр. 2475, л. 14.*

2 *Максимович М. А. Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 598.*

3 *Там же.*

4 *См.: Максимович М. А. Исторические письма о казаках приднепровских // Там же. — С. 311—316.*

М. А. Максимович опроверг целый ряд других фальсификаций истории казачества. Анализируя труды историков последующих десятилетий, можно убедительно утверждать, что одни из них с благодарностью признавали, другие тенденциозно отвергали идеи и интерпретации ученого. Об этом будут писать М. П. Погодин, Н. И. Костомаров, а позднее А. Я. Ефименко, В. К. Иконников и многие другие. Значимость этой труднейшей «очистительной работы» особенно явственно видится с позиций современного понимания.

Еще больше возмущали ученого домыслы П. А. Кулиша о том, что причиной восстаний была внутренняя ссора украинского и польского народов. М. А. Максимович высмеял этот тезис П. А. Кулиша, отметив, что противоположность «ляха с русином ... не совсем совпадает с ... противоположностью шляхтича с простолудином»¹.

Гнет польских феодалов привел к тому, что тысячи украинцев были вынуждены покинуть родные места и, вливаясь в повстанческие отряды, вести решительную борьбу против колонизаторов. Гнев народных масс отражен на страницах летописей, в песнях и думах. «Разве это благотворное господство, когда в ближайшие к гетманству Хмельницкого десять лет (1638—1648) украинское народонаселение бежит тысячами из своей родины; а в предыдущие десять лет — оно погибает тысячами в битвах... при непрестанных ополчениях гетманов: Тараса, Сулимы, Павлюка, Острияницы, Гуни, — ополчениях, неудержимых никакими казнями?»². В статье «О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшего в XVII веке» М. А. Максимович отмечал, что крестьянско-казацкие восстания возникали вследствие гнета польской шляхты, крупных и мелких землевладельцев. Он писал М. А. Грабовскому: «Вы говорите: смею сказать утвердительно, что ни административного гнета, ни гнета, проистекающего из права владельческого, при тогдашнем положении дел быть не могло»³. Напротив, все это было, и забывая об этом нельзя. Гнет польской шляхты, писал далее ученый, усиливался «душевладельцами-иезуитами» и бесчинством жолнеров.

Статья интересна еще и тем, что в ней ученый представил аналитический разбор иезуитской политики, указал на экспансионистский характер Люблинской унии (1569). Ведь и сегодня встречаются любители истолковывать этот акт как добровольное присоединение Украины к Польше «в одну Речь Посполитую, на праве людей равных с равными, вольных с вольными...». Люблинская уния была оскорбительной и ненавистной для всех сословий южнорусского народа «потому что она и подготовлена, и объявлена была без участия и согласия народа; что она вводимая была мерами насильственными, незаконными и притеснительными для всех православных»⁴.

Для почитателей истории будет откровением вывод М. А. Максимовича о роли в освободительных войнах эпохи средневековья религиозного фактора. Да, ученый поднялся до понимания того, что религия стала объединяющей силой и даже запалом в борьбе за независимость. Более того, он указал даже на взаимосвязь религиозного и экономического факторов, что отличалось в то время беспорной новизной.

Несомненно, смелыми были высказывания, носящие характер протеста против оценки восстаний как «мятежей черни». Ученый проявил мужество, приняв сторону восставшего народа. «При таком представлении, пожалуй, можно подумать, что украинское казачество и престонородье с жиру бесились, и были уж чересчур обидчивы и самолюбивы!»⁵ — иронизирует он.

Говоря о социально-политической ориентации казацко-крестьянских восстаний, М. А. Максимович утверждал, что они были проникнуты стремлением народных масс воссоединиться с народом русским. «Народ малороссийский больше, чем правительство», мечтал о воссоединении с Россией и отвергал притязания Польши⁶. Немало страниц ученый посвятил мужеству, отваге, героизму казачества. Он привел малоизвестные факты из боевых будней, в том числе о сражениях совместно со своими русскими братьями.

1 Максимович М. А. О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшего в XVII веке // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 274.

2 Там же. — С. 257.

3 Там же. — С. 249.

4 Там же. — С. 266.

5 Там же. — С. 261.

6 ГБР ОР, ф. 2, д. 244.

**П. Конашевич
Сагайдачний.
Портрет
С. И. Васильковского**

Не менее решительной была отповедь некоторым историкам по поводу того, что якобы вожди (предводители) восстаний, в том числе Богдан Хмельницкий, поднимались на борьбу из-за личных обид. Отвергая этот тезис, ученый в то же время признает его определенную роль: «... Если такие обиды продолжают сплошь и рядом несколько десятилетий, тогда они составляют сумму, вполне достаточную для народного протеста...»¹.

М. А. Максимович приводит интересную оценку социального состава восставших против польского гнета: в них «принимали живое участие все сословия южнорусского народа: и дворянство, и духовенство, и казачество, и мещанство, и простонародье или посольство»².

Но не только это составляло научную новизну. В данной статье М. А. Максимович, критикуя историка В. Б. Антоновича, указывает на то, что тогдашнее гетманство (при Богдане Хмельницком) не было и не могло быть «единомышленным гражданским обществом», что народ тогда не мог оторваться от своих господ — от «собственного дворянства», т. е. стать совершенно свободным.

Безусловно, при всем демократизме своих взглядов М. А. Максимович в силу современного ему состояния социально-политической и исторической мысли не смог избежать ошибок и неточностей. Например, одной из главных причин, поднявших народ на восстание, он в некоторых своих работах считал религиозный гнет и унию. Он также уверовал в позицию польского короля, якобы поощрявшего казаков к вооруженной защите своих прав от поляков.

Освещая историю освободительной войны в Украине, М. А. Максимович уделил большое внимание деятельности гетмана П. Конашевича Сагайдачного, которому посвятил целый ряд статей.

¹ Максимович М. А. О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшего в XVII веке // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 261.

² Там же. — С. 272.

**Взятие Кафы
запорожцами.
Гравюра
неизвестного
художника
к «Віршу на
жалостний
погреб гетьмана
Петра
Конашевича
Сагайдачного ...»
К. Саковича.
1622**

Личность Петра Конашевича Сагайдачного была в поле зрения многих историков первой половины XIX в., но обстоятельнее других его оценку дали Н. А. Маркевич и М. А. Максимович. В «Истории Малороссии» (М., 1842) Н. А. Маркевич посвятил ему отдельную главу, написанную на основе огромного фактического материала. Это была одна из первых заметных публикаций на упомянутую тему в историографии Украины¹. М. А. Максимович начал исследовать эту тему еще в 20-е годы, готовя к изданию сборник украинских песен. В 1843 г. после долгих мытарств в журнале «Москвитянин» была опубликована статья «Исследование о гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном», а в 1850 г. в альманахе «Киевлянин» — статья «Сказание о гетмане Петре Сагайдачном».

Что же отличает научную позицию М. А. Максимовича? До него оценки этого видного казацкого деятеля были весьма противоречивыми. Одни историки чрезмерно восхваляли его, другие — делали упор на факты прислужничества гетмана Сигизмунду III. М. А. Максимович попытался проследить деятельность Петра Сагайдачного исторически, во взаимосвязи с обстановкой того времени, когда фронт борьбы с иноземными захватчиками настолько расширился, что вопрос о воссоединении с Россией был отложен на неопределенное время. Ученый справедливо отмечал, что после Б. Хмельницкого Петр Сагайдачный стал наиболее выдающейся личностью в истории Украины XV—XVIII вв. («отважный воин и защитник интересов Украины, государственный деятель ...»). «Если победоносная сила Богданова была мечом, освободившим Украину от польского ига, то могучее, непобедимое мужество Сагайдачного служило хранительным щитом... Он был неизбежно, неотразимою грозой для татар и турков, которых громил непрестанно на море и на суше. Его победы над ними столь важны были Польше, что она невольно смирилась в своем разъярении на казаков и Украину, невольно уважала сего запорожского гетмана, который с могучим, суровым мужеством героя соединял и доблести отличного гражданина»². Тогда, писал М. А. Максимович, перед лицом турецко-татарской агрессии, Польша вынуждена была уважать отвагу и заслуги казакии, идти на уступки и даже задривать их руководителей подарками.

Такая оценка Петра Сагайдачного как крупного политика и деятеля во многих аспектах совпадает с современной. Действительно, он сыграл значительную роль в истории борьбы с султанской Турцией и Крымским ханством, причинявшими украинскому народу неисчислимые бедствия. Среди его заслуг — уничтожение гарнизона Синопа в 1614 г., разгром казаками турок под Очаковом в 1615 г., 14-тысячного турецко-татарского войска под Кафой (нынешняя Феодосия) в 1616 г. и освобождение нескольких тысяч невольников,

¹ См.: Косачевская Е. М. Н. А. Маркевич. — Л., 1987. — С. 126—133.

² Максимович М. А. Исторические письма о казаках приднепровских // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 336—337.

**Хотинская
крепость.
Современ-
ный вид**

поход в Крым и разгром многочисленного татарского войска под Перекопом в 1619 г., сражение под Хотином в 1621 г. Еще одна заслуга Петра Сагайдачного, по мнению ученого, состоит в том, что он боролся против засилья католической религии и с целью наращивания сил оппозиции восстановил деятельность митрополии, епархии, оказывал действенную помощь Львовскому и Киевскому братствам¹. Необходимо отметить, что борьба украинских церковных сановников того времени за присоединение к Московской церкви означала идеологическое обоснование воссоединения Украины с Россией. Потому-то факт поездки в 1622 г. посольства епископа Луцкого от Иова Борецкого (митрополита Киевского) в Москву и деятельность Петра Сагайдачного в этом отношении имели немаловажное значение. М. А. Максимович одним из первых историков середины XIX в. приблизился к наиболее полному освящению этого вопроса.

В статьях «Исследования о гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном» и «Сказание о гетмане Петре Сагайдачном» ученый сделал вывод, что, усиливая «казацкую заслугу польской короне» путем борьбы с ее внешними противниками — татарскими и турецкими агрессорами, П. Сагайдачный был вынужден вырывать уступки у шляхетской Польши мирными средствами. Понимая, однако, что средства эти были малоэффективными, а положение народных масс все ухудшалось, историк писал, что когда «пропала уже вся надежда и все терпение долготерпеливого народа», поднялся славный Богдан Хмельницкий. Справедливо опровергая мнение Д. Н. Бантыш-Каменского, М. А. Максимович стремился обосновать участие Петра Сагайдачного в войне Польши с Россией (1618 г.) соответствующими историческими условиями²: в то время Украина была захвачена польскими феодалами, запорожское казачество — подвластно Польше, Московское государство не было готово к воссоединению (не «настала пора воссоединения») и не созрели условия для открытого выступления против польских агрессоров. Поддержка короля Владислава IV была формальной. В такой ситуации, по мнению ученого, гетман не мог действовать иначе. Уже во время похода он замыслил «о ... соединении Украины с единоверною Москвою»³. Если, писал М. А. Максимович, вы осыпаете бранью за этот поступок Петра Сагайдачного, то почему же не критикуете Курбского и других князей, воевавших друг с другом? В новых исторических условиях, когда «настала пора», Сагайдачный «не преминул в начале 1620 г. обратиться к московско-

¹ Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 2, д. 2397, л. 1. и др. П. Сагайдачный вел борьбу с католиками и униатами умно, упорно и последовательно. Киевскому братству он дал несколько тысяч золотых, завещал полторы тысячи золотых на школу братства Львовского и т. д.

² Д. Н. Бантыш-Каменский утверждал, что П. Сагайдачный участвовал в походе на Москву в 1618 г. ради «личной выгоды, желая удержать гетманство» (см.: *История Малой России*. — Т. 1. — С. 184).

³ *Максимович М. А. Исследование о гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном // Собр. соч.*: В 3 т. — Т. 1. — С. 345—346.

му царю со своим посольством и грамотою, предлагая свои услуги»¹. Дело Петра Сагайдачного завершил Богдан Хмельницкий.

Оценивая заслуги гетмана, М. А. Максимович упомянул о его карательных мерах против Запорожской Сечи, восставших крестьян, об уступках шляхте в ущерб основной массе крестьянства и т. д.

М. А. Максимович первым из ученых исправил в повествованиях о гетмане (в частности, в трудах польских историков, в «Истории Руссов», приписываемой архиепископу Г. Конисскому, «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского (1822), в Червонорусской летописи, сборнике «Запорожская старина» И. И. Срезневского) многие неточности и несоответствия исторической правде. Перечислим лишь некоторые из них. Ранее отрицались или замалчивались походы 1618 г. под Москву, в 1621 г. — под Хотин; П. Сагайдачный возобновил Богоявленское братство без всякой помощи Петра Могилы; он не был убит в битве под Хотинем в 1620 г., а умер от ран в 1621, через полгода после нее (по современным сведениям — в 1622 г.); гетман не постригся в монахи; песня о Сагайдачном посвящена кошевому атаману Запорожской Сечи Григорию Сагайдачному и др. Исправляя неточности и приписки, М. А. Максимович дополнил историческое полотно новыми яркими фрагментами и размышлениями, многие из которых не утратили своего значения и сегодня.

Весьма значительную роль в освещении истории Украины, несомненно, сыграли статьи «Письма о Богдане Хмельницком» (1860), «Воспоминание о Богдане Хмельницком» (1857) и ряд других произведений о гетмане², Освободительной войне 1648—1654 гг., Переяславской раде. Поводом к их написанию послужила необходимость борьбы против фальсификаций, ошибок и неточностей, допущенных в трудах многих историков (например, Д. Н. Бантыш-Каменского, Н. А. Маркевича, П. А. Кулиша, Н. И. Костомарова и др.). В связи с этим М. А. Максимович отмечал, что история Украины так засорена ошибками позднейших исследователей, что почти на каждом шагу требуются исправления³. Совершенно очевидно, что публиковать и читать труды этих ученых без соответствующих комментариев и, в частности, интерпретаций М. А. Максимовича, нельзя. «Письма о Богдане Хмельницком» представляют собой замечательные по научной ценности главы исторического повествования, посвященные оценке отдельных событий и фактов из жизни и деятельности великого гетмана (в частности, его приезд в Киев из Замостья; участие в казацких восстаниях против польской шляхты; Цецорский плен и Черноморские походы; некоторые имена казацких старшин и гетманов и т. д.).

Оценивать деятельность Б. Хмельницкого пытались многие предшественники и современники М. А. Максимовича, однако, по нашему мнению, сделать это наиболее конструктивно, правильно и ярко, с учетом исторической ситуации, удалось только ему. Б. Хмельницкий в его оценке — и великий государственный деятель, и подвижник народный, и выдающийся полководец, и крепкодушный, надежный сын Украины, «один из разумнейших воинов казацких», «человек весьма просвещенный и весьма знакомый с администрацией и политикой»⁴. Отвергая фальсификации относительно тактических и стратегических маневров гетмана, М. А. Максимович отмечал такие черты его полководческого дарования, как мастерство маневров во время боевых действий и реорганизации войск после тяжелых сражений, мудрую тактику компромиссов с временными союзниками, углубления и обострения противоречий в лагере врагов.

Некоторые историки высказывали предположение о якобы имевших место колебаниях Б. Хмельницкого накануне подписания акта о воссоединении. М. С. Грушевский характеризовал его как авантюриста, которого разбуживавшая народная стихия «как щепку», бросала по волнам. П. А. Кулиш писал, что Б. Хмельницкий — «свирепый разбойник», «кровожадный зверь», «украинский хамелеон» и т. п. М. А. Максимович решительно отвергает это: «У него, — писал он, — на мысли тогда было другое,

¹ Максимович М. А. Исследование о гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном // Собр. соч.: В 3 т., — Т. 1, — С. 344.

² См. также: «Известия о летописи Грабянки», «Обозрение передовых полков и сотен, бывших на Украине», 18 писем (статей) М. П. Погодину и Н. И. Костомарову, «Орфографическая заметка о том, как писать фамилию Богдана Хмельницкого, обозрения передовых полков и сотен».

³ См.: Максимович М. А. Заметка о казацких гетманах // Собр. соч.: В 3 т., — Т. 1, — с. 317.

⁴ См.: ГБЛ, Ф. 231, пог. 3, картон № 9, д. 5, л. 2.

**Богдан Хмельницький.
Портрет неизвестного
художника. XVIII в.**

**Богдан Хмельницький в Переяславі 1654 г.
Літографія В. Сизова.
80-е роки XIX в.**

начатое им, дело: освободить малороссийский народ из польской неволи и привести его под державу Русскую»¹.

Как следует из статьи «Воспоминание о Богдане Хмельницком», М. А. Максимович был первым ходатаем сооружения памятника гетману (правда, первоначально замысел относился к Переяславу, в котором был подписан договор о воссоединении Украины с Россией). В названных статьях о Богдане Хмельницком и многих других произведениях М. А. Максимович, анализируя историю Переяславской рады, особо выделял такие важнейшие особенности: она была «великим историческим актом», исторически неизбежным событием, положившим «счастлиное начало», отразившим давнишние чаяния многострадального украинского народа — восстановить «целостность надолго разделенных частей Руси»; это был не «единовременный военный договор», а добровольный акт воссоединения на века. Во времена гетманства Богдана казачество освободило «многострадальную мать-Украину от польского ига и добровольно примкнула к нему в общий состав русского мира»².

В статьях о Б. Хмельницком наиболее полно проявилось дарование М. А. Максимовича-историографа. Он не просто первый критик Н. И. Костомарова, Н. А. Маркевича и других своих современников³, но и мудрый теоретик, основоположник этой науки. Он блестяще владел методикой и мастерством анализа исторических трудов. Многие его постулаты в этой области и сегодня незыблемы. «Мы хотим и требуем от истории, чтобы в ней давно минувшая жизнь являлась живьем пред очами нашими; а для этого необходимо, чтобы каждое историческое событие и лицо было познано и представлено верно, в его подлинном виде и на своем месте»⁴.

Величие М. А. Максимовича как историка Украины состоит еще и в том, что он, преодолевая тяжелые жизненные невзгоды и нередко в одиночку ведя борьбу за прогрессивные идеи, не переставал раскрывать тайны исторических событий. Это, в частности, проявилось в исследовании истории гайдамаков и Коливищины.

Анализ архивных материалов свидетельствует, что основательное изучение и оценка движения гайдамаков начинается именно с исследований М. А. Максимовича. Обобщать сведения об этом движении ученый

1 Максимович М. А. Воспоминание о Богдане Хмельницком // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 477.

2 Там же. — С. 508.

3 М. А. Максимович критиковал и первое издание «Богдан Хмельницький» 1846 г., и второе, переработанное, вышедшее в 1859 г. Н. И. Костомаров благодарил ученого за критику.

4 Максимович М. А. Письма о Богдане Хмельницком // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 400.

**Уманський сотник
Іван Гонта.
Робота
неизвестного
художника.
1822**

стал ще во время сбора и подготовки к изданию украинских песен, т. е. в начале 30-х годов XIX в. У него собралась целая «связка бумаг» о гайдамачине, в том числе «Кодексная книга», сборник допросов, справки, протоколы, решения суда с 1769 по 1772 г. и т. д. Однако публикации на эту тему появились позднее. Статья **«Известия о гайдамаках»** была напечатана в 1845 г. в журнале «Москвитянин»; «Украинские письма к П. А. Кулишу» — в «Русской беседе» (1857. — Кн. 5. — № 1). Многие из собранных материалов были использованы В. Б. Антоновичем в лекциях «История малорусского казачества» (К., 1882). Более обширный объем материалов был обнаружен значительно позднее и опубликован Киевской археографической комиссией только в 70-х годах XIX в.

Несомненно, обстоятельной консультацией М. А. Максимовича и его рукописной статьей «Сказание о Колиивщине» воспользовался при написании поэмы «Гайдамаки» Т. Г. Шевченко.

Ученый был хорошо знаком с трудами польского историка А. А. Скальковского, в том числе с «Историей Новой Сечи» и работой «Наезды гайдамаков на Западную Украину в XVIII столетии». А. А. Скальковский владел огромным сечевым архивом, включавшим якобы несколько тысяч документов, но использовал их весьма тенденциозно. С позиций шляхетского идеолога, гайдамаки — шайка злодеев и убийц. М. А. Максимович, первым выступив с критикой сочинений этого историка, блестяще сыграл весьма рискованную роль — защитника движения гайдамаков.

Статья «Известия о гайдамаках» написана весьма своеобразно: сначала ученый дает работе общую оценку, далее цитирует А. А. Скальковского, показывая его тенденциозность, а затем подвергает польского историка резкой критике. М. А. Максимович называет некоторые причины движения гайдамаков и обосновывает его связь с Запорожской Сечью: во-первых, это грубое преследование православия и, во-вторых, — фанатичное угнетение украинского народа¹. По мнению ученого, гайдамаки продолжили дело Богданово. И обратим внимание на два последних момента: М. А. Максимович доказал, что в этом движении принимало участие большое количество людей и что польская шляхта проявила при подавлении восстания невиданную жестокость.

Статья **«Сказание о Колиивщине»** (1875) имеет драматическую историю. Она была написана в 1839 г. на основе большого количества материалов, полученных из архива военно-походной канцелярии П. А. Румянцева, для журнала «Киевлянин» в связи с полемикой о гайдамаках. Статья открыла новую страницу в изучении истории Украины и потрясла всю систему российской цензуры, Киевский цензор

¹ См.: Максимович М. А. Известия о гайдамаках // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 577—578.

**Максим Зализняк —
послушник
Мотронинского
монастыря.
Работа неизвестного
художника.
Конец XVIII в.**

доложил о ней губернатору, тот — министру просвещения, который, в свою очередь, переправил ее в Синод. С тревогой ожидая решения судьбы статьи, М. А. Максимович послал ее А. И. Подолинскому, который, узнав о случившемся, писал: «Как жаль, что она не напечатана была, по содержанию своему весьма интересна»¹. М. А. Максимович решил, по существу, подарить ее Н. А. Маркевичу с правом извлечь из нее все, «что было ему угодно»². С добавлениями Н. А. Маркевича эта статья и составила последнюю главу «Истории Малороссии».

В дальнейшем за эту тему брались многие историки, среди которых следует особо выделить А. Я. Ефименко, которая в статьях «Турбаевская катастрофа» и «К турбаевской катастрофе», написанных на основе использования вновь обнаруженных архивных материалов, во многом повторила и усилила интерпретацию М. А. Максимовича, так же, как и он, назвав это восстание «яростной вспышкой народного гнева», а его предводителей — народными героями³.

Статья «Сказание о Колиивщине» написана с большим публицистическим мастерством; она напоминает скорее живой рассказ. В ней ученый вновь отмечает важнейшие причины восстания. Позднее он будет неоднократно повторять одну и ту же фразу, ставшую, по существу, крылатой: «Нет, то было огнедышащее извержение народной мести и вражды, целый век копившейся под гнетом унии, то была предсмертная, судорожная схватка двух враждебных стихий...»⁴. Потому-то она и была столь жестокой.

Есть, конечно, в статье и просчеты, обусловленные своеобразием мировоззрения автора и недостатком архивных материалов, однако они нисколько не умаляют ее достоинств. Главный акцент снова сделан на религиозный гнет как первопричину восстания. Переход Гонты на сторону Зализняка ученый объясняет оскорбленным чувством собственного достоинства («честолюбие его страдало и просило мщения»). В то же время, оценивая поведение Б. Хмельницкого, ученый категорически опровергал подобные суждения. В статье дана поистине блестящая оценка вождей восстания — Зализняка и Гонты, а также показаны милосердие и человеколюбие украинского народа.

¹ *Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. III, д. 5247, л. 1.*

² *Украинские письма к П. А. Кулишу от М. А. Максимовича // Рус. беседа. — 1857. — Кн. 6, № 1. — С. 39.*

³ *Ефименко А. Я. Южная Русь. Очерки, исследования, заметки. — СПб., 1905. — Т. 2. — С. 102.*

⁴ *Максимович М. А. Сказание о Колиивщине // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 625.*

Часть IV

Труды по народному творчеству и этнографии

Огромный вклад внес М. А. Максимович в развитие исторической географии, хронологии, археологии, этнографии, фольклористики. Наиболее значительным следует считать его наследие по украинской фольклористике и этнографии, которое еще недостаточно научно осмыслено и обобщено. М. А. Максимович был основоположником этих наук в Украине, о чем свидетельствуют не только его работы, но и выводы ученых более позднего времени, многие из которых сделаны на основе его научных трудов.

В первой трети XIX в. этнографии как науки в Украине еще не существовало. Ранее происходил лишь процесс накопления знаний, в частности в произведениях писателей XVI—XVIII в. С. Величко, Самовидца, Г. Грабянки, Ф. Сафоновича, В. Рубана, Г. Калиновского и др. В то время этнография была тесно связана с фольклористикой. Заметным импульсом в развитии этой науки стало создание в 1845 г. Русского географического общества с отделением этнографии. Бурный подъем в этнографических исследованиях начался лишь в 50—60-е годы XIX в.

В марте 1884 г. в «Киевской старине» была опубликована статья неизвестного автора «Сто лет южнорусской этнографии», в которой отмечалось, что начало этой науки в Украине было положено сочинением Григория Калиновского «Описание свадебных украинских простонародных обрядов в Малой России, а также и в российских слободах, населенных малороссиянами». Это сочинение (объемом 25 страниц), действительно, привлекло определенное внимание ученых, однако оно было сугубо описательным, без научных дефиниций и поэтому не могло быть основополагающим началом в развитии украинской этнографии как науки.

Первыми шагами этой науки в Украине¹ стали труды М. А. Максимовича «О малороссийских народных песнях», «Малороссийские песни, изданные М. А. Максимовичем» (1827), «Что такое дума», «О Запорожской старине» И. И. Срезневского», «Заметка о бытовых песнях» (1834), «Дни и месяцы украинского селянина» (1856), «Объяснение некоторых украинских песен» (1857) и др. Вызывают интерес и его рукописные материалы. Однако заслуга ученого не только в этом. М. А. Максимович возгласил им же сформированное направление, противостоявшее направлению, возглавляемому П. А. Кулишом. На основе этого направления возникло революционно-демократическое течение, во главе с Т. Г. Шевченко, который впервые вскрыл противоречия украинской деревни и диалектически обосновал истоки крестьянского быта.

М. А. Максимович рассматривал этнографию и народное творчество как важные науки, позволяющие глубже осмыслить историю народа, «его дух, традиции, обычаи, обряды и предания»². Эти идеи, имевшие глубокую социальную направленность, органически вытекали из патристического убеждения ученого: служить Отечеству — значит служить интересам народа. Чтобы по достоинству оценить социальную и общественную значимость этого утверждения, следует напомнить, что оно прозвучало в условиях суровой реакции после восстания декабристов 1825 г. М. А. Максимович призывал современников повернуться лицом к простому народу, изучать в целях просвещения его многовековую мудрость, его потребности, ведь знания в области этнографии позволяют пополнить научный арсенал ученого; не может без них обойтись и современный литератор. М. А. Максимович писал: «...Вообще в моих исследованиях я обращаюсь к поверьям, преданиям и понятиям народным так же со вниманием, как и к поверьям, мнениям и сомнениям ученых!»³ В творениях народных звучит «душа народа, движимая чувством»³. Поло-

¹ Сам М. А. Максимович признавался, что он был «один из старейших между собирателями народных песен в малороссийской этнографии» (Максимович М. А. О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшее в XVII веке // Собр. соч. — Т. 1. — С. 257).

² Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 2, д. 2467, л. 3—5.

³ Максимович М. А. Откуда идет Русская земля... // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 64; *Его же*. О малороссийских народных песнях // Там же. — Т. 2. — С. 452.

жения М. А. Максимовича о синтезе истории и этнографии, как и другие его новации, были созвучны идеям других ученых. Так, Н. И. Костомаров писал, что «на основе этнографического материала историк должен определить главные черты психологии и быта народа в настоящем, а затем проследить раскрытие их в ходе истории»¹.

В письме Русскому географическому обществу М. А. Максимович представил своеобразную программу деятельности в области этнографии для историков того времени. По его мнению, этнография как наука должна располагать новейшими сведениями о жизни и быте трудового народа. Ее задачи следует решать с качеством новых позиций, а именно: подготовить исходные данные по всем губерниям России, а затем составить подробные этнографические карты. М. А. Максимович предлагал организовать под своим началом научные экспедиции в различные районы страны. Необходимо, писал он, изучать деревенскую глушь, «где краски областных особенностей остаются долее», осмотреть местности, богатые народными преданиями, города, монастыри, отыскать письменные памятники старины, сведения об одежде, жилище, обрядах, обычаях, познакомиться с наречиями, диалектными особенностями и выяснить внутренние и внешние условия, влияющие на развитие и формирование народностей².

Некоторые дореволюционные исследователи пытались не только умолчать об этих важных особенностях мировоззрения ученого, но и трактовать их по-своему, ведь идеи М. А. Максимовича были направлены против историков-консерваторов, которые, как он писал, видели в мужике только «лодыря или горького пьяницу»³. Выражая протест против крепостничества в России, они во многих аспектах совпадали с литературно-этнографической программой А. С. Пушкина, В. К. Кюхельбекера, О. М. Сомова и др. В. К. Кюхельбекер, в частности, писал, что «создается для славы России поэзия истинно народная; да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первой державой во вселенной! Вера праотцов, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные — лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности»⁴. М. А. Максимович повторил и дополнил смысл этого высказывания («наступило, кажется, то время, когда познают истинную цену народности»⁵). Идеальный соратник декабристов О. М. Сомов, выделяя в народном творчестве и литературе героические мотивы, утверждал, что в песнях воплотился дух народа⁶.

Не следует проводить параллель между этнографическими взглядами М. А. Максимовича и славянофилов, также писавших о необходимости изучения украинского фольклора, этнографии и истории, однако считавших все прошлое отжившим и консервативным. Выступая против верхоглядства в изучении народного быта, преклонения перед Западом, против заимствования, М. А. Максимович отмечал, что именно трудовой народ является творцом тех эстетических ценностей, из которых черпают силы писатели и ученые. Чтобы повысить уровень культуры и просвещения народа, нужно всесторонне изучать его быт.

Взор ученого охватывал широкие горизонты народной жизни. Его заметки по самым различным вопросам истории, этнографии, народного творчества представляют несомненный интерес и для современных исследователей. М. А. Максимович собирал народные поверья, песни, пословицы, поговорки, рисунки, из которых пытался составить специальную коллекцию («портфель картин»). В декабре 1848 г. он писал О. М. Бодянскому: «Пришлю тогда же деньги и за недосланную мне книжку, ту, что с изображением малороссиян. Вы пришлите мне хорошенький экземпляр и, если можно, рисунков одних особо — один экземпляр для начатой мною портфели картин о Малороссии»⁷. Письма ученого всегда были наполнены теплым чувством, когда он рассказывал о быте народа, народном творчестве, собирании украинских народных песен.

1 *Очерки истории исторической науки в СССР.* — М., 1960. — Т. 2. — С. 132.

2 *Институт рукописей НБУ им. В. И. Вернадского*, ф. 2, д. 2407, л. 6—7.

3 *Науменко В. П.* М. А. Максимович как этнограф // *Чтения в историческом обществе Нестора-летописца.* — К., 1905. — Кн. 18, вып. 3, 4. — С. 109.

4 *Кюхельбекер В. К.* О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последние десятилетия // *Мнемозина.* — М., 1824. — Ч. 2.

5 *Максимович М. А.* О малороссийских народных песнях // *Собр. соч.:* В 3 т. — Т. 2. — С. 439.

6 *Сомов О. М.* О романтической поэзии. — СПб., 1823.

7 *Письма М. А. Максимовича к О. М. Бодянскому.* — С. 137.

В его многочисленных обращениях к современникам звучал призыв отыскивать по крупицам сведения о жизни народа¹.

Анализируя хозяйственно-бытовые особенности по историческим пластам (временной глубине) и по горизонту (топографии и географии их распространения, этническому составу отдельных территорий и т. п.), ученый признавал роль миграции в противовес уничтожению или вытеснению аборигенного населения. В ряде трудов, и прежде всего в известной книге «Дни и месяцы украинского селянина», он представил панораму жизни и быта обездоленного крестьянства, начиная с весенних дней («Весна»), впоследствии дополнив ее новыми разделами («Лето», «Осень» и «Зима»), которые, к сожалению, были опубликованы не в полном объеме, многие материалы хранятся в рукописном виде в архиве². В этом этнографическом труде следует выделить три главных социальных аспекта, незамеченных исследователями: во-первых, исторический подход к анализу обрядов, традиций, одежды и стремление увязать эти этнографические экспоненты с особенностями национального характера украинского народа. Во-вторых, самобытность, оригинальность эстетических, этических и этнических особенностей, что в условиях крепостнической России имело особое значение. М. А. Максимович решительно выступал против ученых, считавших украинскую обрядность во многом заимствованной у других народов, в частности у немцев. Народное богатство он сравнивал с плодоносным цветком, а «заморское» — с пустоцветом. В-третьих, он с достаточной полнотой обосновал неразрывную, исторически сложившуюся этническую взаимосвязь украинского, русского и белорусского народов.

Этнографическое полотно, представленное ученым, восхищало многих его современников своей образностью, широтой и глубиной теоретического обоснования. Читатель, с одной стороны, понимал, насколько духовно богат простой народ, с другой — насколько он материально беден и угнетен. Описание М. А. Максимовича звучало как антитеза воззрениям крепостников, презрительно смотревших на многовековую культуру простого труженика, и славянофилов, идеализировавших патриархальный быт деревни.

М. А. Максимович описал многочисленные обычаи и обряды (во время охоты, посева и уборки урожая), поверья, отражающие богатство мифологии украинского народа, позднее широко использованное многими писателями. И хотя подавляющее большинство из этих обычаев и обрядов давно стали архаизмами, они не утратили познавательного значения.

«Дни и месяцы украинского селянина» — плод многолетних наблюдений ученого за жизнью простого народа. Будучи стихийным материалистом и детерминистом, М. А. Максимович пытался обосновать свои исследования определенным философским смыслом, показать обрядность, обычаи, традиции и т. д. как явления, постоянно развивающиеся, предполагающие преемственность и борьбу старых элементов с новыми. С этих позиций он объясняет взаимосвязь народных обычаев и преданий с языческой мифологией: одни ее элементы были дополнены, другие сохранились лишь частично, третьи приобрели противоположный смысл (так, по мнению М. А. Максимовича, имена некоторых языческих божеств стали нарицательными). Конечно, можно соглашаться с некоторыми выводами ученого или отрицать их, однако сама постановка вопроса и попытки его разрешения имели немаловажное значение³. М. А. Максимович писал: «Войдя в круг народных... песен, обычаев, поверий, сказок, мы с тем вместе уже вошли неизбежно в круг мифологии, ибо во всем том... пестреет ярко и отзывается звонко предковская, языческая старина Русской земли, поныне не разгаданная, но изучаемая и наблюдаемая уже с должным вниманием и соображением...»⁴.

Как стихийный материалист М. А. Максимович сделал ряд важных для своего времени выводов по теории этнографии, особенностям развития народного быта. Однако вполне очевидна и некоторая его ограниченность. Из его заметок и высказываний нельзя было получить правильные ответы на вопросы об исторической спе-

¹ ИРЛИ, ф. 132. 1485 / VII, с. 3, л. 7—8.

² См.: Максимович М. А. Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. Дни и месяцы украинского селянина // Русская беседа. — 1856. — № 1, 3; Наук. зап. Ін-ту мистецтвознавства, фольклору та етнографії. — 1947. — Т. 1/2. — С. 206—264; Этнографические заметки / Ин-т рукописей НБУ им. В. И. Вернадского, ф. 1, ед. хр. 1410, 1413, 1416, 1418, л. 1—154; ф. 2, ед. хр. 2467, 2477, 2485.

³ См.: Максимович М. А. Дни и месяцы украинского селянина // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 516—517, 518, 523 и др.

⁴ Там же. — С. 518.

цифике и эволюции крестьянского быта. В частности, прогресс быта он всецело увязывал с просвещением, нравственным совершенствованием личности, а не с радикальными преобразованиями общественных отношений. В то же время беспорядки и демократические элементы воззрений М. А. Максимовича, проявившиеся в изображении материальной и духовной культуры простого народа, отказе от вульгарной его идеализации.

Прогрессивные этнографические взгляды М. А. Максимовича-историка отчетливо прослеживаются в исследованиях, посвященных устному народному творчеству. Он стал одним из первых исследователей народной поэзии не только в России, но и в Европе¹, собрав две с половиной тысячи песен и отрывков. Ученый издал три сборника украинских народных песен («Малороссийские песни» — в 1827 г., «Украинские народные песни» — в 1834 г., «Сборник украинских народных песен» — в 1849 г.), появление которых восторженно приветствовали А. С. Пушкин², Н. В. Гоголь, А. А. Дельвиг, Н. И. Гнедич, П. П. Гулак-Артемовский, О. М. Бодянский, Д. А. Краевский и многие другие.

Известно, что О. М. Бодянский, будучи семинаристом Переяславской семинарии и прочитав в 1827 г. сборник песен М. А. Максимовича, глубоко заинтересовался народным творчеством и этнографией. Один из участников «Русской троицы» — Я. Ф. Головацкий — переписал его от руки. Под влиянием «Малороссийских песен» «троица» организовала выпуск «Русалки Днестровой», которую соратники Я. Ф. Головацкого считали «духовной наследницей» сборника М. А. Максимовича. Н. И. Костомаров в своей биографии писал: «Меня поразила и увлекла неподдельная прелесть малорусской народной песни»³.

Ознакомившись со сборником, чешский филолог-славист П. Й. Шафарик в письме к М. А. Максимовичу просил у него совета и помощи в изучении украинского языка; польский поэт Александр Гроза, будучи еще студентом Виленского университета, переписал весь сборник и многие песни перевел на польский язык; поляк П. Жегота включил ряд его песен в свой сборник. Под влиянием сборников М. А. Максимовича в 1845 г. Боденштент в Штутгарте издал перевод «Патетическая Украина», француз Альфред Райбо в работе «La Russie epique» посвятил характеристике украинских песен пятьдесят страниц. Позднее в России были изданы сборники И. И. Срезневского («Залужская старина»), П. А. Лукашевича («Малорусские и червонорусские народные думы и песни»), А. Л. Метлинского («Народные южноукраинские песни»). В 1874—1875 гг. В. Б. Антонович и М. П. Драгоманов издали в Киеве двухтомный сборник дум и песен «Исторические песни малорусского народа».

Что же интересовало в народных песнях историка и этнографа М. А. Максимовича? Прежде всего он усматривал в песенной старине отражение «души народа». Исследователь доказал, что фольклор — не абстракция, а одна из форм проявления таланта, жизни, духовного богатства и деятельности народа. В статье «О малороссийских народных песнях» он писал, что истоки мудрости надо искать в простом народе — творце песен, сказок, мифологии, от которых зависит изящество, крепость и сила языка и литературы⁴. Научные выводы М. А. Максимовича проникнуты глубоким уважением к народной мудрости, искренней любовью к простому народу, в них отражены актуальные социальные идеи. Кстати, это прекрасно понимали многие прогрессивные деятели того времени. Например, В. К. Кюхельбекер, находясь в 1832 г. в ссылке в Сибири, прочитал «Малороссийские песни» и отметил в своем дневнике, что они превосходны⁵.

Как известно, во времена М. А. Максимовича с украинским народным творчеством был знаком весьма ограниченный круг украинской и русской интеллигенции. Народное творчество или отрицалось совсем, или

¹ Как уже отмечалось в краткой биографии ученого, именно в это время первые подобные сборники появились и в Европе.

² А. С. Пушкин живо заинтересовался сборниками песен М. А. Максимовича. Во время одного из визитов к поэту М. А. Максимович увидел у него на столе свой сборник песен. «А я собираю Ваши песни», — заметил поэт, который в то время работал над «Полтавой». Исследователи творчества А. С. Пушкина полагают, что образ Марии Кочубей создан именно по мотивам этих песен. Н. В. Гоголь, оказывавший непосредственную помощь ученому в сборе и оценке песен, после выхода первого сборника сделал выписки в свою «Книгу всякой всячины» (1826—1827) и торопил ученого с изданием следующего.

³ Автобиография Н. И. Костомарова // Киев, старина. — 1904. — Т. 36. — С. 317.

⁴ Максимович М. А. О малороссийских народных песнях // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 439.

⁵ Базанов В. Очерки декабристской литературы. Поэзия. — М.; Л., 1961. — С. 307.

- принижалось его значение. По мнению российских шовинистов, в языке и фольклоре украинского народа не было и не могло быть ничего оригинального и полезного для науки. В такой ситуации знакомство широких кругов интеллигенции с неисчерпаемым богатством фольклора и этнографии, научный анализ истории народной поэзии, связи творчества народа с его историей способствовали уяснению понятия «народность» в его прогрессивном значении. Таким образом, в своих трудах М. А. Максимович вольно или невольно выразил протест прогрессивной интеллигенции против великодержавной политики царизма, стремившегося использовать этнографию и фольклор в целях религиозной пропаганды¹.
- Высоко оценил эту сторону идейного наследия М. А. Максимовича И. Я. Франко. Он, в частности, отмечал, что работы, посвященные изучению народного творчества, сборники песен выражали протест против разделения украинского народа и отражали солидарность ученого с освободительным движением, способствовали развитию украинского языка и культуры и утверждению мысли о его величии². После смерти ученого великий поэт часто обращался к его наследию, беспокоился о публикации его писем, собирал биографические сведения о нем³.
- М. А. Максимович ввел в фольклористику соответствующие дефиниции, разделив песни по содержанию и тематической направленности на думы (он впервые ввел этот термин, отметив, что они (думы) — исключительная принадлежность украинских бандуристов)⁴, песни собственно казацкие, женские, обрядные, бытовые (войсковые, бурлацкие, гайдамацкие), плясовые, праздничные и т. д. Сравнивая характерные особенности украинских песен с песенным творчеством других славянских народов, ученый отмечал, что они проникнуты «выражением борьбы духа с судьбою, отличаются порывами страсти, сжатой твердостью и силою чувства»⁵. Он справедливо опровергал выводы ряда буржуазных исследователей, которые, стремясь принизить неслышимый дух украинского народа, показать его вечно страждущим, задавленным, писали, что в большинстве украинских песен звучат унылые мотивы. По мнению М. А. Максимовича, в украинских песнях нет очевидной унылости, она в них только проникает, но не перекрывает их тональности.
- М. А. Максимович выдвинул и обосновал идею об органичной взаимосвязи истории, этнографии и фольклористики. Он первым из историков первой половины XIX в. признал песенное творчество народа достоверным источником при анализе исторических событий. Ученый считал, что украинские песни подчас сильнее, чем песни других народов, отражают действительные исторические события, дают конкретную характеристику историческим деятелям, а также бытовым, нравственно-этическим нормам и традициям, обычаям, обрядам, в которых с большой силой отражаются душевные силы и судьбы народа. «В них (песнях — П. М.) часто видим, — писал М. А. Максимович в работе «О малороссийских народных песнях», — баснословия, поверья, обычаи, нравы и нередкие события действительные, кои в других памятниках не сохранились: сказка — складка, а песня — быль, говорит пословица»⁶. По мнению ученого, песни — «живые свидетели отжившей старины», неисчерпаемый арсенал мудрости для историка, этнографа, писателя. «Другие народы, — отмечал он далее, — в память важных происшествий своих чеканят медали, по которым историк часто разгадывает минувшее; события казацкой жизни отливались в звонкие песни, и потому они должны составить самую верную и вразумительную летопись для нового бытописателя Малороссии»⁷.
- Эту мысль позднее поддержал Н. В. Гоголь, о чем ученый с признательностью вспоминал, цитируя одно из высказываний писателя: «В этом отношении песни для Малороссии — все: поэзия и история, и отцовская могила. Кто не проникнул в них глубоко, тот ничего не узнает о прошедшем бытие этой цветущей части России»⁸.
- Думы и песни органически вплетены в композиционную и логическую ткань подавляющего большинства исторических трудов М. А. Максимовича и являются неотъемлемой частью его аргументации, выводов и обоб-

1 См.: Азадовский М. К. История русской фольклористики. — М., 1958. — С. 261—262.

2 Франко І. Я. В. Давидову // Твори: В 20 т. — К., 1956. — Т. 16. — С. 115.

3 Там же. — С. 8, 43, 126, 439 и др.

4 Максимович М. А. О малороссийских народных песнях // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 2. — С. 441; Его же. Что такое думы? // Там же. — С. 452—461.

5 Максимович М. А. О малороссийских народных песнях // Там же. — С. 444.

6 Там же. — С. 439.

7 Там же. — С. 453—454.

8 Там же. — С. 457.

- щений. Только в работах, посвященных истории казачества, Освободительной войне 1648—1654 годов, движению гайдамаков, оценке Коливищины и восстания в Турбаях, мы встречаем около 700 песенных строк. Методика использования песенного народного творчества в исторических трудах ученого весьма разнообразна: это эпиграфы к отдельным главам, дву- и четверостишия, отдельные строки, соединенные с текстом автора, пересказ содержания своими словами, цитирование в сносках, упоминание и т. п.
- Широкое цитирование песен в научных работах подчас придает высказанным или сознательно закамуфлированным мыслям ученого новый социальный оттенок. Этот прием он успешно использовал при оценке движения гайдамаков, Коливищины и восстания в Турбаях. Например, цитируя песенные строки о Максиме Зализняке и его сподвижниках¹, М. А. Максимович недвусмысленно выразил свое согласие с мнением народа о них. Симпатизируя им, оправдывая их действия и восхищаясь их мужеством и героизмом («находите... песни о гайдамаках столь же удалые, как и сам предмет»), свои высказывания он часто дополнял песенными строками (например: «товариші гайдамаки, чиніть мою волю! Ще нам треба виплатити українську недолю...»²).
- «Украинские песни, — писал М. А. Максимович, — эти верные отголоски народной жизни — по сю пору вспоминают о запорожце Зализняке, главном зачинщике восстания, об уманском сотнике Гонте и других сподвижниках Зализняка. Есть еще в Украине и старые люди, которые знали Зализняка и рассказывают про Коливищину как близкие самовидцы. Послушайте их рассказов и песен украинских, сообразите положение Украинны и Польши с событиями прежними, и вы увидите, что кровавый подвиг Зализняка был не простой гайдамацкий разбой и не случайное нападение запорожцев на польские владения для грабежа и добычи»³.
- С другой стороны, нельзя не заметить, что в ссылках М. А. Максимовича проявляется определенная ограниченность его взглядов на некоторые исторические события. Иногда ученый вырывает из песен строки, которые в сочетании с авторским текстом приобретают явно иной смысл. Например, строки «Ой Боже мій нескінченний! Дивитися горі, що тепера на сім світі віра віру борі!»⁴, поставленные эпиграфом к первой главе статьи «Сказание о Коливищине», свидетельствуют о том, что М. А. Максимович нередко преувеличивал роль религиозного гнета, считая его одной из главных причин выступлений народных масс против польской шляхты.
- Говоря о целевой социальной направленности воззрений М. А. Максимовича как этнографа и исследователя народной поэзии (просвещать, научно обосновывать, пропагандировать передовые идеи), следует отметить еще одну заслугу ученого перед отечественной наукой. В статье «О народной исторической поэзии в Древней Руси» (1845) он подверг критике воззрения норманистов, выдвинувших идею о скандинавском происхождении русской обрядности и народной поэзии. «Исландская сага, — писал ученый, — никогда не была исходным родником нашей исторической поэзии, до нее и без нее бывшей: она только впадала в нее и утонула в ней, как Рось и другие реки от востока и запада, протекая к Славутичу Днепру...»⁵. Народное творчество, утверждал он, с его удивительным изяществом «есть врожденное качество духа человеческого» и поэтому может быть только «его собственным произведением»⁶.
- Как видный представитель начального периода развития украинской исторической науки М. А. Максимович не шел по пути создания объемных работ и академического описания событий. Свою задачу он усматривал в более значительном — в ориентации украинской исторической науки на новые выводы и обобщения, радикальное переосмысление традиционных взглядов, постановку актуальных проблем, выдвигание гипотез, научную проверку важнейших событий и фактов. Как показал сравнительный анализ, большинство его положений в той или иной степени повторяется в трудах последующих поколений ученых. Наследие М. А. Максимовича огромно как по объему, так и по содержанию и потому бессмертно!

1 Максимович М. А. Сказание о Коливищине // Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — С. 625, 634, 637, 641, 645 и др.

2 Там же. — С. 629; См. также: Сказание о гетмане Петре Сагайдачном // Там же. — С. 441; Письма о Богдане Хмельницком. — С. 446, 481—482, 486—509, 629 и др.

3 Максимович М. А. Сказание о Коливищине // Там же. — Т. 1. — С. 625.

4 Там же.

5 Максимович М. А. О народной исторической поэзии в Древней Руси // Там же. — Т. 3. — С. 488.

6 Максимович М. А. О малороссийских народных песнях // Там же. — Т. 2. — С. 439—440.

Зміст

Величність подвигу	6	Коротка біографія <i>М. О. Максимовича</i> (Історичний нарис)
--------------------	---	--

Частина I

Твори з історії Київської Русі	46	Откуда идет Русская земля, по сказанію Несторовой повѣсти и по другимъ стариннымъ писаніямъ русскимъ
	116	О происхожденіи варяго-русовъ (Письмо М. П. Погодину)
	125	Волынь до XI вѣка
	130	О мнимомъ запустѣніи Украины въ нашествіе Батыево и населеніи ея новопришлымъ народомъ

Частина II

Твори з історії Києва	144	Объ участіи и значеніи Києва въ общей жизни Россіи
	159	Очеркъ Києва
	171	Обозрѣніе старого Києва

Частина III

Твори з історії України	200	О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ, бывшаго въ XVII вѣкѣ (Письмо къ М. А. Грабовскому)
	224	Историческіе письма о казакахъ приднѣпровскихъ (Къ М. В. Юзефовичу)
	255	Сказаніе о гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ
	281	Письма о Богданѣ Хмельницкомъ
	346	Воспоминаніе о Богданѣ Хмельницкомъ
	355	Известія о Гайдамакахъ
	373	Сказаніе о Коліивщинѣ

Частина IV

Твори з народної творчості та етнографії	402	Дни и мѣсяцы украинскаго селянина
	454	О малороссійскихъ народныхъ пѣсняхъ
Коментарі укладача професора П. Г. Маркова	472	Часть I. Труды по истории Киевской Руси
	476	Часть II. Труды по истории Киева
	485	Часть III. Труды по истории Украины
	497	Часть IV. Труды по народному творчеству и этнографии

Наукове видання

Максимович Михайло Олександрович

**ВИБРАНІ
ТВОРИ
з історії
Київської
Русі,
Києва
і України**

Укладання, коротка біографія та коментарі
професора *Маркова Полікарпа Глібовича*
(російською мовою)

Художнє оформлення та редагування *І. Г. Хорошого*
Технічний редактор *А. І. Омоховська*
Коректори: *Н. М. Мельник, Н. Г. Потаніна*
Комп'ютерна верстка *Н. П. Довлетукаєвої*

Піди. до друку 21.06.2004. Формат 70 × 100/16. Папір офс. № 1.
Гарнітура SchoolBook. Офс. друк. Ум. друк. арк. 40,95. Обл.-вид. арк. 35,82.
Тираж 1000 пр. Вид. № 10392. Зам. № 5-40

Видавництво «Вища школа», вул. Гоголівська, 7г, м. Київ, 01054

Свідоцтво про внесення до Держ. реєстру від 04.12.2000
серія ДК № 268

Надруковано з плівок, виготовлених у видавництві «Вища школа»,
у ВАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»,
вул. Л. Курбаса, 4, м. Біла Церква, 09117

О
СИСТЕМАХЪ
РАСТИТЕЛЬНОГО ЦАРСТВА.

РАЗСУЖДЕНІЕ

для полученія степени Магистра
Физико-Математическихъ Наукъ

СОЧИНЕННОЕ

Михаиломъ Максимовичемъ.

СПИСОКЪ
РАСТЕНІЙ
МОСКОВСКОЙ ФЛОРЫ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Михаиломъ Максимовичемъ.

МОСКВА.

Университетской Типографіи.

1826.

ГЛАВНЫЯ ОСНОВАНІЯ
ЗООЛОГІИ

ИЛИ

НАУКИ О ЖИВОТНЫХЪ,

---

*Opinionum commenta delecti dicit, Naturam
judicia confirmat.*
CICERO DE NAT. DEORUM.

ИЗДАНЫЯ

Михаиломъ Максимовичемъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.
1824.

КІЕВЛЯНИНЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

*Да впадаютъ потомки Православныхъ
Земли родной милушую судьбу!*

Пушкинъ.

ИЗДАТЕЛЬ

МИХАИЛЪ МАКСИМОВИЧЪ.

КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи

1861.

КІЕВЛЯНИНЪ.

КНИГА ВТОРАЯ

*Да впадаютъ потомки
Земли родной милой!*

ИЗДАТЕЛЬ

МИХАИЛЪ МАКСИМОВИЧЪ.

КІЕВЪ.

УКРАИНЕЦЪ

1864 ГОДА,

ИЗДАВШИЙ

МИХАИЛЪ МАКСИМОВИЧЪ.

КРАТКІЙ БУКВАРЬ

Михаила Максимовича.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1865.

КІЕВЪ.

Въ типографіи М. и А. Давиденко.

1864.

ВИБРАНІ ТВОРИ
З ІСТОРІЇ КИЇВСЬКОЇ РУСІ,
КИЄВА І УКРАЇНИ

«ВИЩА ШКОЛА»

